

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

2014

БАЧИЛО • БЕЛАШ • ВОЛКОВ • ГОЛОВАЧЕВ • ЗАРУБИНА
ЗОЛОТЬКО • КАЗАКОВ • КАЛИНИЧЕНКО • КНЯЗЕВ •
МИНАКОВ • ПЕРВУШИН • ФРОЛОВ • ХОРСУН

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

2014 БАЧИЛО • БЕЛАШ • ВОЛКОВ • ГОЛОВАЧЕВ • ЗАРУБИНА
ЗОЛОТЬКО • КАЗАКОВ • КАЛИНИЧЕНКО • КНЯЗЕВ •
МИНАКОВ • ПЕРВУШИН • ФРОЛОВ • ХОРСУН

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА 2014

ВАСИЛИЙ ГОЛОВACHEВ
ЮРИЙ ИВАНОВИЧ
МИЛОСЛАВ КНЯЗЕВ
АНДРЕЙ ФРОЛОВ
ДМИТРИЙ КАЗАКОВ
АНТОН ПЕРВУШИН
ИГОРЬ МИНАКОВ
МАКСИМ ХОРСУН
АЛЕКСАНДР ЗОЛОТЬКО
НИКОЛАЙ КАЛИНИЧЕНКО
СЕРГЕЙ ВОЛКОВ
МАЙК ГЕЛПРИН
ДАРЬЯ ЗАРУБИНА
ЛЮДМИЛА И АЛЕКСАНДР БЕЛАШ
И ДРУГИЕ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

2014

ЭКСМО
МОСКВА
2014

Серийное оформление художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Составитель сборника *И. Минаков*

Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

Р 89 **Русская фантастика — 2014 : фантастические повести и рассказы.** — М. : Эксмо, 2014. — 832 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-69279-8

В пределы Солнечной системы вторгаются артефакты инопланетной системы происхождения. Самым мощным и загадочным стали Рога — гигантское сооружение, дрейфующее внутри орбиты Меркурия, исследовать которое до конца так и не удалось. Полковник Российских Войск Космического Назначения Денис Молодцов должен сделать все, чтобы предотвратить гибель Земли...

На опытной биостанции «Заря-Рокша» российским ученым впервые удалось воссоздать живого мамонтенка. Но успех праздновать пока рано. Отечественные чиновники и западные бизнесмены не останавливаются ни перед чем, чтобы погубить уникальный проект...

Аборигены далекого мира воздвигают огромную башню, перед загадкой которой пасуют представители земной цивилизации... Вернее, сразу нескольких земных цивилизаций...

Василий Головачев, Антон Первушин, Александр и Людмила Белаш и многие другие в традиционном ежегоднике «Русская фантастика»!

УДК 82-312.9

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Авильченко И., Алиев Т., Арнев В., Байков Э., Бачило А., Белаш А., Белаш Л., Бондарев О., Вереснев И., Волков С., Гаркушев Е., Гелприн М., Головачев В., Дашков А., Зарубина Д., Золотко А., Зонис Ю., Иванович Ю., Казаков Д., Калининченко Н., Каримова К., Князев М., Корепанов А., Лебединская Ю., Локхард Д., Марышев В., Минаков И., Окулов В., Первушин А., Первушина Е., Соколов Г., Терина К.А., Тищенко Г., Трубчанинова Н., Фарб А., Фролов А., Хорсун М., Цюрупа Н., 2014

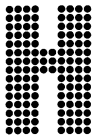
© Состав и оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

СОЛНЦЕ МЁРТВЫХ

(из цикла «Приключения Дениса Молодцова»)

1

есмотря на то что вызов к министру обороны ничего хорошего не сулил, настроение у Зайцева было хорошее.

Во-первых, впереди его ожидали приятные хлопоты — свадьба с первой красавицей ЦЭОК¹ Викторией Васильевой, долго взвешивающей разницу в возрасте — двадцать лет, но согласившейся наконец выйти замуж за генерала.

Во-вторых, полковник Молодцов не подвёл, его «Амур» добрался до Рогов и даже смог выяснить, что за объект вторгся в просторы Солнечной системы.

И в-третьих, год начался просто великолепно, не был сорван ни один старт, не потерян ни один космический аппарат, и Центр обошёлся без каких-либо серьёзных происшествий и финансовых потерь.

Поэтому Андрей Петрович ехал в министерство, перебравшееся в только что сданное здание в Новой Москве, с лёгкой душой.

Невысокое по современным меркам, всего в шесть этажей, здание Министерства обороны России располагалось в Щербинке, недалеко от военного аэродрома. Зайцев бывал здесь не раз и, подъезжая к нему, с каким-то внутренним злорадством, направленным против врагов государства, подумал, что, несмотря на внешнюю невзрачность, здание российского военного

---

¹ Центр экспериментального оперирования в космосе.

ведомства ни в чём не уступает американскому Пентагону.

Машину проверили трижды — автоматически, дистанционно, с помощью телеметрии и спецаппаратуры, никто из служивого люда шлагбаумы не поднимал и ворота не открывал, — прежде чем она въехала на территорию подземного паркинга. Выходя из своего служебного «Руссобалта», генерал отметил, что машины Степчука и Матвейкина уже стоят здесь, и, не глядя на заместителя, торопившегося следом, прибавил шагу.

Лифт вынес начальника ЦЭОК и его спутника на второй этаж здания.

Коридор второго этажа был светел, тих и пустынен, и Зайцев снова подумал о нарочитой скромности интерьеров министерства, имевшего целых пять подземных уровней, оберегаемых всеми мыслимыми техническими наворотами.

В приёмной стояли, сидели, приглушённо разговаривали приглашённые к министру: генерал-полковник Степчук, командующий РВКН — российскими войсками космического назначения, генерал Матвейкин, начальник службы безопасности РВКН, могучий бородатый Ферсман, советник президента по науке, два молодых полковника из службы информационного обеспечения и профессор Черников, главный технический специалист ЦЭОК.

— Знакомые всё лица, — пробормотал худой и лысый Плагин, заместитель Зайцева. — За наградами явились?

— Мы встречаемся только по экстремальным причинам, — пробормотал Зайцев, здороваясь со всеми за руку, кивнул на дверь в кабинет министра. — Чего ждём?

— У Павла Леонтьевича зам, — пояснил осанистый, подтянутый секретарь-адъютант министра.

Словно в ответ на его слова дверь открылась, выглянул краснолицый Рагозин, сделал приглашающий жест:

— Заходите.

Кто не знал Рагозина, мог бы цвет его лица списать на результат общения с министром, но это был естественный цвет, Рагозин никогда не выказывал своих чувств и был неизменно вежлив. Хотя и крут.

Генералы и полковники по одному втянулись в кабинет, расселись вокруг стола совещаний, образованного двумя сходящимися к столу министра дугами.

Павел Леонтьевич Гуцин работал в ранге министра всего полгода. Коренной сибиряк, он командовал Дальневосточным военным округом, затем стал начальником космодрома «Восточный» и только после этого получил назначение в столицу. Кряжистый, медлительный с виду, основательный, как постамент для памятника, он, тем не менее, обладал хватким умом и проявил себя классным организатором, что уже начало положительно сказываться на оборонке.

Когда приглашённые расселись, Павел Леонтьевич пригладил ладонью седоватый ёжик волос, оторвался от созерцания экрана компьютера и оглядел сидящих.

— Товарищи офицеры, все вы знаете о ситуации с Рогами, поэтому вводить вас в курс дела не буду. Виктор Валерьевич, прошу.

Рагозин кивнул.

— И я не буду повторяться, товарищи офицеры. Рога вышли на орбиту вокруг Солнца внутри орбиты Меркурия, поэтому добраться до объекта будет непросто. Не вижу смысла держать у Меркурия наш экспериментальный «Амур». Корабль отозван и скоро вернётся на базу, так, Андрей Петрович?

— Так точно, — подтвердил Зайцев. — Молодцов получил приказ и возвращается. Мы готовим посыл к Рогам автоматической станции.

— Прекрасно. Однако опасность, угрожающая нам, всему человечеству в целом, признана экспертами научных институтов, с которыми мы сотрудничаем, абсолютно реальной. Заявление полковника Молодцова, командира «Амура», оценено как архисерьёзное. Солнечная система действительно вторглась в технологическую зону погибшей цивилизации и то и дело натывается на уцелевшие артефакты, оставленные ею, причём артефакты опасные и непредсказуемые.

— Да уж, — проворчал вечно угрюмый Матвейкин. Рагозин посмотрел на него, но не сбился.

Речь шла о космических объектах, вторгающихся в Солнечную систему и нередко угрожающих земным сооружениям на других планетах.

Первым был Ирод — объект, принятый сначала за астероид и едва не столкнувшийся с Землёй, впоследствии упавший на Венеру.

Затем прилетел Окурок, вслед за ним — Великая Космическая Китайская Стена, Плутон начали заселять инопланетные организмы, и наконец появились Рога.

— Ничего удивительного не случится, если нас с вами и в самом деле ждёт впереди чёрная дыра.

Ферсман заёрзал на стуле.

— Прошу прощения...

— Слушаем вас, Борис Львович.

— Вывод экспертов был сделан без учёта мнения многих учёных.

— Это имеет значение?

— Я не верю в подобные прогнозы. Сколько раз за последние двадцать лет мы переживали предсказан-

ные «концы света»? На мой взгляд, речь идёт ещё об одном.

— Это не предсказание индейцев майя и не предупреждение Нострадамуса, — веско сказал Черников. — Полковник Молодцов вместе с членами экипажа «Амура» наблюдал некую футурологическую модель грядущих событий, которые ожидают Солнечную систему, и даже записал показанный им фильм.

— Во-первых, ещё неизвестно, существует ли чёрная дыра...

— А вам надо убедиться в этом, падая в неё? — иронически заметил Рагозин.

— По наблюдениям астрономов, в квадранте созвездия Ориона, куда направляется Солнце с планетами, не наблюдается ничего, похожего на чёрную дыру. Если бы она была, она линзировала бы свет звёзд Ориона, и этот эффект был бы давно обнаружен.

— Это правда, — согласился Черников.

— И всё-таки мы не имеем права отбросить такой вариант развития событий, — проворчал Матвейкин. — Все встреченные в Системе артефакты говорят о наличии высокоразвитой цивилизации, сотворившей их. Она вполне могла создать и чёрную дыру.

— И погибнуть, свалившись в неё, — добавил Плугин, взглядом испросив у Зайцева разрешения высказаться.

— Хорошо, допустим, феномен существует, — не сдавался Ферсман. — Что вы собираетесь делать? Вы хоть понимаете, что такое black hole, чёрная дыра?

— Просветите, — хмыкнул Степчук.

— Мы знаем, что такое чёрная дыра, — сказал Рагозин. — Сингулярность, невидимый сверхмалый объект колоссальной массы, захватывающий любые материальные поля и частицы, из него даже свет не может вырваться, так он массивен. Я правильно выражаюсь?

— Правильно, но мы бессильны что-либо изменить! Если дыра где-то и есть, и Солнце с планетами к нему приблизится, оно упадёт в дыру, и планеты тоже!

— Мне нравится это ваше «если», — сказал министр. — Однако положение таково, что мы должны выработать стратегию поведения на этот случай. У кого есть светлые мысли?

— Чтобы узнать, что нас ждёт, и выработать стратегию, сначала нужно выяснить, существует ли дыра, — сказал Матвейкин.

— Андрей Петрович, — сказал Гуцин, — у нас есть такая возможность?

Все посмотрели на Зайцева.

Начальник ЦЭОК взглядом пресёк попытку заместителя заговорить, откашлялся.

— Мы имеем «Амур»... с новым леоновским згранием он может вылететь за пределы Системы... но мы этого никогда не делали и не планировали.

— Так запланируйте, — резко сказал Рагозин. — Речь идёт о спасении человечества, ни больше ни меньше! Экипаж готов?

— Им надо отдохнуть... всё-таки два месяца в космосе...

— Отдыхать будут потом.

— Но мне никто не доказал, что дыра есть, — упрямо заявил Ферсман. — Как никто не объяснил и что мы будем делать, коли её обнаружим. А мне докладывать президенту.

— Обнаружим, тогда и будем решать, — сказал Рагозин, посмотрел на министра. — Павел Леонтьевич, ваше мнение?

— Разведка необходима, — веско сказал генерал. — Я сам доложу президенту о наших предложениях. Но я плохо знаю капитана «Амура», он справится?

— Молодец... э-э, полковник Молодцов работал со всеми артефактами, — сказал Зайцев с некоторой обидой, — вторгшимися в Систему. Я летал с ним и могу утверждать: он единственный специалист в своём роде, способный долететь куда угодно и вернуться.

На этот раз даже Черников не решился возразить начальнику ЦЭОК.

— Надо предложить американцам совместную разведку, — сказал Матвейкин. — Двумя кораблями.

— Соблюсти политес? — скривил губы Степчук.

— Увеличить степень безопасности. Мало ли что встретится на пути «Амура», ещё до чёрной дыры... будь она неладна!

— Тогда и китайцев надо подтянуть.

— Ради бога, только не китайцев, уж очень ненадёжные товарищи. Вспомните поговорку: «Хотите проблем? Познакомьтесь с китайцем». Да и нет у них сейчас корабля, сто шестой «Шэнь Чжоу» так и не нашёлся.

— Соображение правильное, — сказал Гущин, — вдвоём идти в разведку проще. Я свяжусь с американцами. Чёрная дыра действительно угрожает не только нам.

— Если она существует, — проворчал Ферсман.

По объекту, названному российскими официальными лицами Рогамы, или Головой Оленя, как его называли американцы, удалось прогуляться раз двадцать, хотя ничего особо интересного эти прогулки не дали.

После того как Денис проник в недра Рогов и увидел фильм, который ему показала автоматика гигантского инопланетного сооружения, российские кос-

монавты и американские астронавты попытались пробиться и в другие отсеки Головы Оленя, однако им удалось лишь изучить петлистые коридоры объекта, да и то не полностью.

Коридоры перед ними нередко сужались, лифты переставали работать, космонавты то и дело попадали в тупики, а то и в ловушки, и в конце концов Денис решил не испытывать судьбу и прекратил посылать членов экипажа в исследовательские рейды. То же самое, даже ещё раньше, сделали и американцы.

Поэтому миссия Рогов так и осталась непонятной. Чудовищный пришелец из глубин Вселенной был слишком сложен и полифункционален, чтобы одним словом можно было определить его назначение.

Лишь одна функция Рогов — прогноз будущих событий — не вызвала сомнений. Куда бы ни посмотрел зрачок «третьего глаза» «во лбу» Головы Оленя, компьютер объекта тут же выдавал картинку будущего. Правда, смотрел он в основном на Солнце, раз за разом показывая гибель земного светила в невидимой пасти чёрной дыры, но и в те редкие моменты, когда Рога поворачивались к планетам Солнечной системы, космонавты могли наблюдать, что с ними станет в скором будущем.

Впрочем, картинки гибели планет в горниле чёрной дыры не сильно отличались от сценария гибели самого Солнца, просто процесс падения последнего был намного красочней, благодаря его размерам и гигантским внутренним температурам.

В середине апреля, когда Рога вышли на орбиту вокруг Солнца внутри орбиты Меркурия, сопровождать их, пытаясь изучать артефакт, стало невозможно. Находиться долго под боком у светила ни «Амур», ни «Орион» не могли.

Двадцатого апреля Денис получил приказ из ЦЭОК возвращаться домой.

Двадцать шестого апреля «Амур» приземлился на космодроме Плесецка, где для него был построен отдельный стартовый комплекс.

Сели прямо в центр ремонтно-испытательного ангара, так как новый генератор хода, названный эграном, позволял кораблю маневрировать в неограниченных режимах и в любых направлениях.

Ракетная техника с появлением эгранов уходила в прошлое, становились ненужными ионные и ядерные двигатели. Земляне получили исключительную возможность космической экспансии, и в планах частных компаний, наподобие американских «SpaceX» и «Golden Spike», и нидерландской «Mars One», уже появились полёты к большим планетам Солнечной системы и к их спутникам. Государственные космические институты нередко проигрывали им в скорости осуществления задуманного.

Карантин, обязательный для всех ракет и кораблей, возвращавшихся из космоса на Землю, ждал и «Амур», но длился недолго. Спустя четыре часа после приземления Денис, отпустив экипаж, предстал пред ясными очами начальника Центра экспериментального оперирования.

— Товарищ генерал, полковник Молодцов выполнил задание и вернулся для дальнейшего прохождения службы.

— Садись, полковник, — сказал Зайцев, листая планшетник на столе. Обычно он жал Денису руку, похлопывал по плечу и усаживал за стол, но в этот раз генерал был необычайно задумчив и даже расстроен, что было видно и по некоторой его суетливости.

Денис сел, бросив взгляд на модели ракет и кораблей, усеявшие столы, специальные подставки и пол-

ки в стеклянных шкафах: Зайцеву кабинет достался в наследство от первого хозяина, ушедшего на пенсию, а тот собрал великолепную коллекцию моделей российской космической техники.

За время экспедиции к Рогам коллекция пополнилась моделями лунной и венерианской станций и перспективным многоместным кораблём «Русь», который по планам должен был укрепить флотилию спасательных модулей, представленную пока двумя «Амурами».

— Денис Андреевич, — вдруг вкрадчиво проговорил начальник Центра, как говорил не раз, — не подскажешь, где в данный момент находится твоя жена?

Денис внутренне напрягся. Когда Зайцев спрашивал его про жену, всегда оказывалось, что она находится в космосе, выполняя задание руководства НАСА. Но он разговаривал с Кэтрин сутки назад, а она в тот момент находилась с детьми в родной Калифорнии, у своих родителей. Неужели вопрос генерал задал неспроста?

— Вчера она была с детьми...

— А сегодня второй американский «Орион» стартовал с мыса Канаверал в неизвестном направлении.

Сердце ухнуло в пятки.

— Этого не может быть... — Денис выпрямился под взглядом начальника Центра. — Я имею в виду — она не могла улететь... не сообщив мне об этом.

— Звони.

В душу закралось нехорошее предчувствие.

— Что-то случилось?

— Звони, потом поговорим. — Зайцев освободил кресло. — Садись, можешь запросить Калифорнию отсюда.

Денис, пряча волнение, сел в «тронное» кожаное кресло генерала, набрал на клавиатуре компьютера код США и номер мобильного телефона Кэтрин.

— Прошу связь.

Компьютер высветил в объёме экрана звезду ожидания, заговорил пискami и звоночками с аппаратами связи на всём протяжении линии от Плесецка до Америки, но потерпел неудачу.

— Абонент не отвечает, — сказал он сухим, казённым голосом.

Денис растерянно посмотрел на хозяина кабинета.

— Звони её родителям, — подсказал Зайцев. — Номер помнишь?

Денис кивнул, набрал номер телефона Артура Бьюти-Джонса, отца Кэтрин.

На этот раз дозвониться удалось.

Звезда в глубине экрана мигнула и превратилась в морщинистое загорелое лицо фермера в неизменной ковбойской шляпе.

— Дэн? — удивился он. — Хорошо, что вы меня застали. Я собирался уезжать, у нас вечер. Как поживаете? Вы дома?

— Только что вернулся из командировки, — сказал Денис. — Не подскажите, где Кэт? Её телефон не отвечает.

— Так она улетела, — хмыкнул Артур Бьюти-Джонс. — Ещё утром. За ней прислали вертолёт.

— Куда улетела? — тупо спросил Денис, уже понимая, куда могла улететь жена.

— Она не сказала, но поскольку за ней прислали военных, наверно, это связано с её работой.

— Не звонила?

— Нет ещё.

— Как дети? — спохватился Денис.

— Отлично, бабушка от них в полном восторге. Мы едем на ранчо, и они действительно готовятся. Хотите поговорить с ними?

— Да. — Денис посмотрел на Зайцева. — Н-нет... позвоню завтра, будьте здоровы.

Компьютер отключил линию.

— Всё понял? — поинтересовался Зайцев.

— Не очень... мне она ничего... да и куда мог отправиться «Орион»?

— Это второй их корабль, первый сел на Луне, с которым ты сопровождал Рога. — Зайцев занял своё кресло. — Ну что ж, полковник, отсутствие твоей жены проясняет ситуацию. Вот почему американцы не дали согласие на совместный полёт. Они уже сорвались в космос. А твоя Кэт возглавила команду шаттла.

— Куда они сорвались?!

— По вектору Ориона. — Генерал прислушался к себе, хмыкнул. — Какой пассаж: «Орион» полетел к Ориону... М-да. К делу, полковник. Отдых отменяется. На самом верхнем вершуре решено послать тебя в разведку, проверить, ждёт ли Солнечную систему та самая чёрная дыра, которую показали вам Рога. Точно мы не знаем, куда полетел «Орион», но вероятность того, что он направился в разведку, велика. Хотя риск, конечно, огромный, спору нет. Может, откажешься? Я пойму.

— Нет! Я полечу! — вскинул подбородок Денис, перед мысленным взором которого прорисовалось нежное лицо Кэтрин, способное становиться по-мужски решительным и твёрдым.

— Я не сомневался, — пробурчал Зайцев, расслабляясь; не то чтобы он боялся отказа, но всё же любовью на месте Молодцова потребовал бы отдых после долгих скитаний в космосе. — На борт корабля будет доставлен комплекс ЗС — «Зоркий сокол» для дальнего обнаружения тяготеющих масс и гравитационных полей. У тебя есть часов семь на релаксацию.

Денис встрепенулся, и Зайцев добавил сухо:

— Ни к детям, ни к своим родным слетать не успеешь. Дорога каждая минута.

Денис сжал зубы, встал.

— Разрешите поговорить с экипажем?

— Да, конечно, — встал Зайцев, обошёл стол, протянул руку. — Если кто откажется — заменим. Всех, кроме Глинича, он незаменим, сам понимаешь.

— Понимаю.

— Вопросы, просьбы?

— Нет. — Денис пожал протянутую руку. — Разрешите идти?

— Материалы по заданию получишь через час.

Денис повернулся через левое плечо и вышел.

— Лети, Молодец, — проворчал генерал потечески, хотя сам был старше полковника не настолько, чтобы годиться ему в отцы. — И возвращайся живым...

3

Позвонить мужу Кэтрин не разрешили, и это обстоятельство занозой царапало душу, не давая чувствовать себя комфортно в родной стихии, в рубке корабля, на протяжении всего полёта.

«Орион-3» стартовал с мыса Канаверал двадцать пятого апреля.

Двадцать шестого корабль добрался до орбиты Марса, тестируя новый генератор хода — эгран.

Через двое суток он пересёк орбиту Нептуна и вылетел за условную границу Солнечной системы, преодолев гигантское расстояние в четыре с половиной миллиарда километров.

Конечно, скорости света он не достиг, но эгран позволял современным кораблям то, о чём пока мечтали только писатели-фантасты: предельно быстро достигать планет Солнечной системы, не отвлекаясь на манёвры, помогающие реактивным аппаратам, скорость которых

не превышала тридцати километров в секунду, добраться до интересующих людей объектов в космосе.

— КФС, — скомандовала Кэтрин, занимавшая центральный ложемент пилотской кабины.

— Эгран, вспомогательные генераторы, компьютеры, системы жизнеобеспечения в норме, — доложили ей бортинженеры и пилоты «Ориона».

То же самое командиру сообщил и основной компьютер корабля по имени Фаулз, но отвечали за работу всех систем люди, и традиционные доклады членов экипажа оставались неотъемлемой частью процедуры контроля.

Из пяти членов экипажа лишь трое были знакомы Кэтрин, она с ними не летала, но встречалась в НАСА: пилот Джон Бойнтон, бортинженер Фил Кларенс и астронавт-исследователь Реми Макнаут. Остальные двое вошли в состав экспедиции по настоянию руководителя службы безопасности НАСА генерала Монтгомери: второй пилот Эрик Браун и специалист-медик Лиза Чижевски.

Против женщин в экипаже Кэтрин ничего не имела, но директор по устранению кризисов в полётах Карл Шнеерман тихонько шепнул Кэтрин перед посадкой, что Лиза Чижевски имеет особые полномочия, и она поняла, что полёт будет контролироваться не только специалистами Национального управления по воздухоплаванию и исследованию космического пространства, но и департаментом безопасности военного министерства.

— «Осьминог»? — спросила Кэтрин, опять-таки получив от Фаулза отчёт о работе исследовательского комплекса.

— В рабочем состоянии, — доложил Фил Кларенс, флегматичный блондин с длинными волосами, которые он заплетал в косичку на время полёта. — Почти все показатели по нулям. Гравитационный градиент

убывает в соответствии с теорией, гелиопауза ещё не пройдена, всплесков излучения не отмечено.

— Фаулз, доклад в Центр, — бросила Кэтрин в микрофон костюма; все члены экипажа сидели в скафандрах, но с откинутыми шлемами. — Пересекли УГС, выходим в пустоту. Скорость ноль девяносто две.¹ Все показатели в пределах допустимых норм.

— Дешеша отправлена.

— Обзор.

Передняя полусфера кабины, представляющая собой экран видеосистемы, созрела.

«Орион» окружала сияющая звёздами бездна. При скорости в двести семьдесят шесть тысяч километров в час уже начинал сказываться эффект Доплера, и звёзды впереди «Ориона» поголубели, собираясь в более яркое облако, а за кормой корабля они должны были покраснеть.

— Режим, командир? — спросил Эрик Браун.

— Красный, — объявила Кэтрин, что означало соблюдение всех правил кодекса космоплавания, укладываемых в формулу «сведение риска к абсолютно-му минимуму». Астронавты в этом режиме не имели права покидать свои рабочие места, кроме разве что процедур ухода за телом.

Никто из них возражать не стал. Все понимали, зачем их послали так глубоко в космос. Опасность врезаться в какую-нибудь ледяную глыбу в поясе Койпера², а тем более — в артефакт, летящий навстречу, либо свалиться в чёрную дыру, была очень велика. И даже новый «Орион» не давал экипажу гарантий

---

¹ Имеется в виду скорость, равная 0,92 скорости света.

² Пояс Койпера — область Солнечной системы за орбитой Плутона (Нептуна), заполненная ледяными астероидами и малыми планетами.

остаться в живых, случись что непредвиденное его конструкторами.

Неизвестность — вот что мучило астронавтов, и потому в кабине управления редко звучали весёлые голоса.

Кэтрин закрыла глаза, расслабляясь. В памяти сооткались из света лица детей, потом к ним присоединился Денис, всматривающийся в неё с неммым укором.

«Прости, милый! — мысленно позвала она. — Я не могла тебе позвонить. Но ты ведь поймёшь и простишь?»

Денис улыбнулся, он всё понимал...

* * *

Шестнадцать дней «Орион» продолжал мчаться к звёздам созвездия Ориона, удаляясь от Солнца почти со скоростью света.

Ничего не происходило.

«Осьминог» фиксировал только обычные пространственные «шумы» — ливни частиц, пронзающие космос во всех направлениях, порождённые взрывами сверхновых, потоки излучений и «негромкие» колебания электромагнитных полей.

Аппаратура корабля не видела препятствий и не отмечала нарастание полей тяготения.

В который раз Кэтрин подумала о том, что если чёрная дыра и существует, то очень далеко от Солнца, возможно, в десятках световых лет, и они просто не долетят до неё. Но вслух свои сомнения она не высказывала, чтобы не сбивать экипаж с концентрации и серьёзного настроения. Задание было сформулировано предельно чётко: идти вперёд, пока не

отыщется чёрная дыра! Либо ещё какой-нибудь таинственный артефакт.

На семнадцатые сутки она вскрыла ЧС-сейф, где должен был храниться отпечатанный на машинке кондуит специальных предписаний и инструкций на случай чрезвычайной ситуации, а при отсутствии таковой — план дальнейших действий.

Компьютер проглотил программу, выдал текст: «Командору 1-го ранга Кэтрин Бьюти-Джонс, распоряжение президента НАСА Роджера Коуэлла. Заверено в канцелярии Президента Соединённых Штатов Америки. Пункт 1. При обнаружении объекта с условным названием «чёрная дыра» немедленно сообщить в Центр управления. Пункт 2. Если в течение трёх месяцев с момента старта объект не будет обнаружен, оставить бакен в месте разворота и вернуться на Землю. Подписи... печати».

— Наши действия, командир? — послышался голос Лизы Чижевски.

Кэтрин очнулась.

— Продолжаем полёт. Режим тот же. Не расслабляться!

* * *

«Осьминог» «заворчал» спустя двадцать суток с момента пересечения «Орионом» границы Солнечной системы. По его оценке корабль воткнулся в гравитационный солитон с резким усилением плотности поля.

Кэтрин отреагировала мгновенно, скомандовав Фаулзу снизить скорость корабля на порядок.

Астронавты, слегка расслабившиеся после долгого ничегонеделанья, подстёгнутые известием, зарастили скафандры.

«Орион» упёрся в пространство полем эграна, по-прежнему ничего не наблюдая впереди себя.

Скорость упала до ста сорока тысяч километров в секунду, до ста тысяч, до пятидесяти, стала почти «черепашьей»... и внезапно начала расти, хотя корабль продолжал тормозить.

— Нас захватила гравитация блэк хоул! — не сдержал эмоций Джон Бойнтон. — Мы в фокусе линзы!

— Спокойно, Джонни, — отрезала Кэтрин. — Переходим на полный реверс. Фаулз, что видишь?

— В световом диапазоне ничего, мэм.

— Синтезирую картинку в остальных диапазонах.

Компьютер высветил схематическое изображение «пустого» участка пространства впереди, синтезированное по показаниям датчиков полей и излучений.

Стала видна сетчатая горловина гиперболоида, образованного гравитационным полем. Центр гиперболоида напоминал одновременно и зрачок жуткого глаза и дыру бездонного колодца.

— Блэк хоул! — пробормотал кто-то.

— Командир, депешу! — возбудилась Лиза Чижевски. — Депешу в Центр, немедленно!

— Джон? — не обратила внимание Кэтрин на её крик.

— Эгран на реверсе, но мы падаем!

— Реми?!

— Прекратите тормозить, надо идти направо, по перпендикуляру, может, сможем выйти на доприливную орбиту вокруг дыры!

— А потом?

— Потом будет потом, командир, главное — успеть не сорваться в пике.

— Фаулз, поворот направо, эгран на полную тягу!

— Я требую отправить депешу в Центр! — повторила Лиза Чижевски. — Сбросьте бакен!

— Повернём — сбросим.

— Я требую...

Кэтрин перешла на личную волну связи, дала команду компьютеру отключить линию Лизы Чижевски.

Голос специалиста-медика пропал.

«Орион» начал поворот.

Охнул Кларенс: на тела астронавтов упала тяжёлая плита перегрузки.

В глазах потемнело...

4

Корабль неудержимо потянуло в глубь чёрного зрачка.

С глазами что-то случилось: они стали видеть не только перед собой, но и с боков, и даже сзади! При этом перспектива исказилась, рубка управления вытянулась эллипсоидом и стала скручиваться, превращаясь в щупальце осьминога.

Кресла и фигура космонавтов тоже поплыли, искажаясь, деформируясь, превращаясь в растянутые и скрученные «шланги».

— Командир, нас сейчас разорвут приливные силы! — послышался тонкий голосок бортинженера.

— Эгран на реверсе! — таким же писклявым голоском пробулькал пилот. — Но его не хватает...

— Это вращающаяся дыра! — пропыхтел Феликс Глинич. — У неё две границы — горизонт событий и предел статичности.

— Ну и что? — пропищал Миша Жуков.

— Предел статичности — это граница области, внутри которой «Амур» не может находиться в состоянии покоя.

— Мы и так не находимся в состоянии покоя, мы падаем!

— Правильно, мы пересекли горизонт событий, но ещё не добрались до горизонта статичности. По сути, мы находимся во «времяподобном» пространстве.

— Короче, Склифосовский!

— У нас два варианта. Первый — выйти на орбиту вокруг сингулярного кольца...

— Чего?!

— У вращающейся чёрной дыры центр сингулярности не точка, а кольцо.

— Быстрее говори, нас сейчас окончательно расплющит! Я уже не чувствую ни рук, ни ног!

— Если выйдём на орбиту — выживем.

— А дальше?

— Будем вращаться, пока не кончится энергия.

— Второй вариант хуже или лучше?

— Второй — нырнуть в кольцо сингулярности.

— И что будет?

— Есть шанс выплыть из чёрной дыры.

— Куда?

— Этого никто не знает. Скорее всего мы пересечём оба горизонта и выпадём в нормальное пространство за пределами дыры. Но это может быть и пространство другой Вселенной.

— Чёрт! Командир, нет сил терпеть, меня сдавило в сосиску!

— Ум, ныряем в кольцо! — принял решение Денис, сознание которого начало пульсировать, то гаснуть, то разгораться.

«Амур» нацелился на зрачок тьмы впереди.

Стало трудно дышать.

— А-а-а! — закричал кто-то плачущим голосом.

Денис напрягся изо всех сил, пытаясь остановить процесс сплющивания... и проснулся.

Вокруг царила привычная рабочая тишина, нарушаемая едва слышимыми скрипами и звоночками каби-

ны управления. Космонавты сидели в своих креслах, не снимая скафандров, только откинув пузыри шлемов. Носовой экран впереди показывал звёздные россыпи, из которых выделялись три самые яркие звезды — Альнилам, Минтака и Альнитак, образующие так называемый пояс Ориона. Корабль мчался чуть в сторону от него с почти световой скоростью, но его целью пояс не был. Да и достичь звёзд пояса он не смог бы, потому что лететь к ним надо было больше тысячи лет¹.

— Выспался, Андреевич? — спросил Слава Абдулов, заметив как пошевелился командир.

— Выспался, — буркнул Денис, глянув на хронометр; поспать удалось всего три с половиной часа; несмотря на наличие кают, спали в кабине управления согласно инструкции. Выходили из кабины только по надобности, хотя скафандры имели устройства для утилизации физиологических отходов; «берегли» удобства.

Корабль находился в пути уже почти три недели.

Испытав новую программу и защитную систему, позволяющую ему набирать скорость невиданными темпами — шпугом, как обозвали эту программу создатели, «Амур» пересёк Солнечную систему за два дня и вышел в открытый космос, за пределы родной планетной семьи.

Настроение у экипажа было будничное. Все понимали особенности разведрейда и на пустопорожные разговоры не отвлекались. Важно было вовремя заметить нарастание гравитационного поля, оценить его градиент и остановиться до того, как корабль затянет в чёрную дыру.

---

¹ Расстояние до Альнилама — эпсилон Ориона, голубого гиганта, составляет 1300 св. лет.

Редко шутил даже неунывающий ни при каких обстоятельствах Слава Абдулов, прозванный за свою находчивость Артистом. Лишь один раз он затеял с бортинженером пикировку, откликнувшись на его сентенцию, что мир спасёт красота.

— Красота спасёт мыр! — ответил он Михаилу. — А мы все ляпнемся в дыру!

Бортинженер не сдержался, ему тоже было скучно, и он заметил, что Вячеслав дилетант в астрофизике, что ничего ещё неизвестно, что Рога могли дать вероятностный прогноз, а не реально осуществимый, и что его друг-физик не верит в наличие искусственно созданной чёрной дыры.

На что Абдулов презрительно махнул рукой и ещё более презрительно объявил:

— Как говорил великий юморист, не помню фамилии: скажи мне, кто твой друг, и идите оба на хрен!

Хохотнул Глинич.

Жуков угрожающе начал выбираться из кресла, и улыбнувшийся Денис осадил его властным голосом:

— Отставить дурацкие споры! Не отвлекаться! Посажу на гауптвахту!

Михаил успокоился. Обижался он картинно и абсолютно беззлобно.

Прошло ещё трое суток.

«Амур» по-прежнему мчался вперёд как снаряд, пущенный во тьму из жюльверновской пушки, но не слепо — как настоящий снаряд: все его системы работали в нормальном режиме, а исследовательский комплекс «Аргус», дополненный «Зорким соколом», ежеминутно сообщал о полевой обстановке.

На двадцатый день не выдержал Глинич:

— Не понимаю...

— Ты о чём? — осведомился Жуков.

— Технологическая зона погибшей цивилизации не должна тянуться бесконечно. Мы на протяжении года встречали всякие обломки, за это время Солнечная система, двигаясь со скоростью триста километров в секунду, преодолела около десяти миллиардов километров.

— Ну и что?

— Центр цивилизации, а это не что иное как его светило, уже давно было бы обнаружено. А раз оно не видно, значит, звезда эта ухнула в чёрную дыру, которая убегает от нас.

— С чего ты взял?

— Все артефакты, пересёкшие Систему, летели со скоростью от полусотни до двухсот километров в секунду — максимум, то есть мы постепенно нагоняем центр, вонзившись в хвост технологической зоны.

— К чему ты клонишь?

— Чёрная дыра уже должна была проявить себя.

— Так близко от Солнца, всего в двадцати светоднях? — с сомнением хмыкнул Абдулов. — Чего же мы тогда дёргаемся, ищем дыру? Она скоро сама нас найдёт. То есть Солнце.

— Не так уж и скоро. Мы летим почти со скоростью света, а Солнечная система движется в пространстве со скоростью в тысячу раз меньшей. Значит, до встречи Системы с дырой по крайней мере двадцать тысяч дней, то есть около пяти-шести лет.

Абдулов повернулся к Жукову:

— Ну и что по этому поводу говорит твой друг-физик?

— Сам дурак, — мрачно проворчал бортинженер.

Абдулов захохотал.

— Один — ноль в мою пользу! Командир, можно я отдохну в каютке? Надоело спать в этой смиренной рубашке.

— Нет! — отрезал Денис.

— Но ведь пока всё спокойно.

— Майор!

— Понял, товарищ полковник, — обидчиво вздохнул пилот.

А через час «Аргус» доложил экипажу, что «чует» изменение гравитационных и электромагнитных полей.

— Всем готовность «ноль»! — скомандовал Денис, ощущая, как мышцы наливаются силой; он всё ещё надеялся обнаружить американский «Орион» под управлением Кэтрин, опередивший русский корабль, и наличие впереди гравитационной аномалии могло превратить ожидание во встречу с любимой.

— Снизить скорость до сотни!

Компьютер послушно выполнил приказ.

— Сосредоточиться на обзоре!

Космонавты, зарастив скафандры, подсоединили информационные поля шлемов к общему видеокomплексу корабля.

Первым обнаружил «муху в пещере» Умник:

— Вижу искусственный объект. Расстояние три сорок.

— Тормози! До десяти «Т».

«Амур» ощутило упёрся в пространство «выхлопом» эгрana, за несколько секунд снизив скорость полёта со ста тысяч километров в секунду до десяти тысяч.

«Муха» приблизилась, превращаясь в знакомую конструкцию. Судя по параметрам её движения, она двигалась по орбите вокруг гравитационной аномалии.

Денис напрягся, ожидая оценки компьютера.

— Бог ты мой! — озадаченно проговорил Абдулов. — Это же...

— Китаец! — закончил Жуков.

Система обзора действительно показала китайский космолёт, украшенный набалдашником защитного экрана. На его борту гордо просияли буквы китайско-

го языка, складывающиеся в название «Шэнь Чжоу», и номер — 106.

— Чёрт побери, как он здесь оказался?! Он же исчез...

Денис молчал.

В памяти ещё жило воспоминание о том, как китайский корабль «лопнул» в пустоте, как мыльный пузырь. Глинич тогда предположил, что лопнул не корабль, а его голографическое изображение, а сам космолёт был уничтожен защитными системами Рогов. Значит, на самом деле Рога его не уничтожали? Просто перебросили в пространстве? Зачем?

— Я понял, — заговорил Глинич. — Рога — нечто вроде научно-исследовательского комплекса, имеющего связь с метрополией. Заметив искусственный объект, автоматика Рогов послала объект к себе домой, для изучения.

— А фантом зачем оставили? — с сомнением спросил Жуков.

— Это уже издержки их техники.

— А нас они почему не послали в свой центр?

— Возможно, механизм переброса поломался, но скорее всего комп Рогов решил, что корабли ничем не отличаются, для изучения достаточно и одного такого.

— Притянуто за уши.

— Предложи свой вариант.

— Ум, попробуй связаться с китайцами, — сказал Денис.

— Уже пытаюсь.

Прошла минута, другая, третья.

— Не отвечает.

— Что будем делать, командир? — спросил Абдулов. — Дыра недалеко, это совершенно очевидно. Идём вперёд или пристыкуемся к китайцу?

Ответить Денис не успел.

Эфир сыпанул серией скрипов и свистов.

— Поймал сигнал бакена! — объявил Умник. —
Номер бакена US-2013, собственность Соединённых
Штатов, приписан к шаттлу «Орион-3». Оставлен поч-
ти двое суток назад.

— Командир!

— Слышу.

— Я думал — китаец заговорил, — признался Жуков.

— Что сообщает бакен?

— Пытаюсь наладить связь... большие помехи... да,
поймал... Экипаж «Ориона» просит помощи. Он захва-
чен чёрной дырой, но не упал в неё, а смог выйти на
доприливную орбиту. Бакен тоже попал в поле тяготе-
ния дыры и скоро перейдёт границу невозвращения.

— Свяжись с «Орионом»!

Умник помолчал.

— Ничего не слышу.

— Вызывай их непрерывно! Феликс, ищи «Ори-
он», составь программу «Аргусу». Все ищем «Орион»!
Дельные предложения есть?

— Надо подойти к дыре поближе, — сказал Абдулов.

— Миша?

— Я тоже за сближение. Надо их увидеть. Китайцы
торчат тут уже больше месяца, подождут ещё немно-
го, а амеров надо срочно спасать.

— Ум, вперёд малым ходом, на цыпочках!

«Амур» тихо поплыл в чёрную пустоту без единого
лучика света...

«Орион» нашёлся через два с лишним часа.

Он действительно крутился вокруг дыры по очень
близкой орбите и выглядел в оптические усили-

тели российского корабля полуразмазанным от скорости.

Связаться с экипажем американского шаттла удалось только с полусотой попытки, когда «Амур» приблизился к самому экзотическому объекту в космосе на расстояние в полтора миллиона километров. Ближе подойти было нельзя, тяготение чёрной дыры и его превратило бы в спутник либо вообще затянуло бы в утробу сингулярной «ямы».

Денис вспомнил свой сон, и ему стало зябко.

Кэтрин находилась совсем рядом по космическим меркам, а он ничего не мог сделать для её спасения.

Поговорить с женой, в общем, тоже не пришлось. Связь была неустойчивой, и космонавты слышали только обрывки фраз, произносимых экипажем «Ориона». Из этой невнятной звуковой каши было понятно одно: американские астронавты чувствовали себя отвратительно и тоже не видели выхода из создавшейся ситуации. Судя по всему, они готовились к смерти.

Выход нашёл Глинич — экзотический, подобный тому, что приснился Денису.

— Пусть ныряют в дыру, — предложил исследователь. — Пока ещё можно сориентировать корабль. Тогда у них будет шанс уцелеть.

— Но ведь они выплывут в другой Вселенной, — разжал окаменевшие челюсти Денис. — Ты ведь сам говорил об этом.

— Да, возможно, так оно и случится.

— То есть мы их больше не увидим?

— Командир, ты хочешь, чтобы она выжила, пусть и в иномире, или просто исчезла?

Денис пожевал губами, ища возражения, но их не было. Глинич был прав.

— Ум, передай им...

— Слушаю, командир.

— Передавай, пусть ныряют в дыру и попытаются найти сингулярное кольцо. Если проскочат в него — выберутся... в другой мир.

— Передаю.

На этот раз ответ пришёл быстро и был почти понятен.

Говорила сама Кэтрин:

— Мы... зировали... жение ка... фическое... генера... сбоит... начина... адать...

— Они начали падать! — догадался Абдулов.

Две головы в шлемах повернулись к Денису. Лишь Глинич не оглянулся на капитана «Амура», занятый какими-то вычислениями.

— Может, подойдём ближе? — неуверенно сказал Жуков.

— И присоединимся к американцам? — спросил Абдулов. — Мы и так загружаем эгран на семьдесят процентов, чтобы не приближаться.

— Командир, есть ещё один вариант, — оторвался Глинич от своих манипуляций. — Но он рискованный.

— Говори!

— Можно разогнаться и догнать «Орион» на орбите. Американцы врубят эгран на полную мощность, и мы добавим.

— Дальше.

— Импульсы сложатся, и мы вместе вырвемся из объятий этой чёртовой дырки.

— Ничего не выйдет, — возразил Абдулов. — Массы останутся теми же, импульса не хватит.

— Выбросим всё мешающее и им предложим. Бакены, зонды, спасательный шлюп, жратву, в конце концов, воду.

— Ага, чтобы загнуться потом от голода и жажды. Фил, ты же должен заботиться о нашей безопасности, а сам предлагаешь петлю на шею.

— Предложи что-нибудь получше.

В кабине стало тихо. Экипаж ждал решения командира.

— Это наш последний шанс? — медленно проговорил Денис.

— Боюсь, что нет, — кашлянул Глинич. — Можно ещё вернуться домой и доложить...

— Что мы не стали помогать америкосам? — язвительно бросил Абдулов.

— Ты против или за?

— Я — как командир. Миха, ты чего молчишь?

— Я тоже — как командир.

— Благодарю, — глухо сказал Денис. — Пять минут на сброс балласта. Умник, связь с «Орионом»...

6

Американцы поняли.

— Мы... гласны... начин... ать... руз, — просочился сквозь взбаламученное дырой пространство голос Кэтрин.

— Нужна полная синхронизация энерговыхлопов, — забеспокоился Глинич, когда корабль освободился от «балласта», в который вошли дубль-системы, спасательный катер, ремонтные киберы и часть пищевого запаса.

— Не паникуй, чекист, у них комп не хуже нашего, — весело сказал Абдулов, почувяв боевой азарт. — Приблизимся, связь наладится, и компы завяжут единую цепь управления. Я прав, товарищ полковник?

— Вперёд! — скомандовал Денис, сжав зубы так, что челюсти прострелила боль.

«Амур» прыгнул чуть в сторону от дыры — Умник нарисовал её схематичное изображение в форме чер-

нильной кляксы в авоське, — туда, где должен был появиться «Орион». Русскому космолёту понадобилось всего несколько секунд, чтобы достичь рассчитанной точки орбиты американского корабля. Система шпуга — двойного ускорения — давала ему дополнительные преимущества.

Сознание Дениса поплыло: кабину управления начала изгибать и скручивать невидимая сила.

— Их нет! — выкрикнул Жуков; голос бортинженера изменился до комариного писка.

— Умник, правее! — послышался такой же писк Абдулова.

«Амур» как в кошмарном сне превратился в гигантскую с т р у ю пластилина... и впереди наконец протаяла корма американского шаттла, едва проскочившего мимо.

— Прыгай! — рывкнул-пискнул Денис, понимая, что его приказ компьютеру не нужен. Умник точно знал, когда надо включать форсаж.

«Амур» пошёл «на абордаж»...

7

Позади медленно уменьшалось в размерах пятно тьмы, окружённое кольцом далёких звёзд; там находилась чёрная дыра, пожравшая своих создателей и ждущая новые жертвы.

Впереди сцепившиеся в одно веретено земные корабли ждала Солнечная система, Земля, жизнь.

Однако долго ли продлится эта жизнь, никто предсказать не мог. По словам Глинича лететь Солнечной системе, догоняя чёрную дыру, предстояло ещё около шести лет, и многое могло измениться. Как сказал оптимистически настроенный Абдулов:

— Что-нибудь придумаем, все вместе.

Он имел в виду народы Земли.

Но даже он не видел выхода из создавшейся ситуации.

Земляне, способные свободно уничтожить родную планету, ещё не доросли до уровня богов, в чьих силах было отвернуть Солнце с планетами, изменить его орбиту вокруг ядра Галактики либо сместить в сторону самую чёрную дыру.

— Если только... — рассеянно проговорил гарант безопасности «Амура» и он же — космонавт-исследователь.

Денис, нетерпеливо дожидавшийся момента, когда выбравшиеся наружу пилот и бортинженер соорудят переход в американский корабль, заинтересовался фразой.

— Что — «если»? Колись, озвучивай свою сумасшедшую идею.

— Если только мы не используем Рога.

Денис изумлённо воззрелся на Глинича.

— Каким образом?!

— Рога перебросили китайский корабль сюда.

— Вон он, недалеко уже, скоро пристыкуемся. Хотя живы ли тайконавты — неизвестно.

— Что с ними делается? Они саранчу едят, и ничего. Так вот, если Рога легко перебросили китайскую «волшебную лодку» сюда, за миллиарды километров от места встречи, почему бы им не перебросить Солнце? С планетами, разумеется?

— Бред! Сравни себя и микроб, Солнце и корабль! Какую мощь надо иметь, чтобы перебросить Солнце массой в триллионы триллионов тонн!

— Какая разница? Важен способ, а не мощь. Время ещё есть, вернёмся к Рогам, разберёмся в механизме

переброса. В крайнем случае скормим дыре какую-нибудь крайнюю планету Системы, пусть подавится.

— Ну ты и сказочник!

— Ты против?

Денис не сразу нашёлся, что ответить.

— Да ради бога, всё, что угодно, лишь бы сработало!

— Командир, выходи, — послышался в шлемофоне голос Абдулова. — Переход готов, мы покараулим, проверь герметизацию.

Денис вылез из ложементы, добрался до люка переходного отсека, перехватывая ручки на стенах коридора, открыл люк.

Зашипело, но слабо, воздух из отсека просто вышел в стыковочный хобот, установленный космонавтами.

В свете нашлемного фонаря стал виден люк американского корабля. Он отошёл на рычагах назад, показалась фигура в зеркально бликующем скафандре. Сердце подсказало, что это Кэтрин.

Денис оттолкнулся ногой от края люка, пролетел в невесомости два метра и столкнулся с американским астронавтом.

Со щелчком включилась рация:

— Давление почти в норме, командир.

Денис в два движения откинул шлем.

Человек перед ним сделал то же самое.

— Дэн?! — прошептала Кэтрин.

— Я, — сказал жестяным голосом Денис, жадно вглядываясь в лицо женщины. — Почему не сообщила, что тебя послали в разведку?!

— А что, это так важно? — сухо ответила она.

— А если бы мы не успели?!

— Но ведь успели же?

Денис открыл рот, собираясь продолжать в том же духе, но вовремя вспомнил афоризм: перед ссорой

с женой мужчина должен задать себе вопрос — чего он хочет больше: быть правым или быть счастливым?

Губы сами собой сложились в улыбку.

— Что смешного? — ещё суше спросила Кэтрин.

— Ничего, — ответил он весело, — я просто хочу быть счастливым. Не будешь возражать? Я люблю тебя, Катя!

А вы говорите — любовь зла...

АЛЕКСАНДР ЗОЛОТЬКО

ЯСНАЯ ПОЛЯНА. МЕСТЬ АННЫ

Льва Николаевича во сне каждую ночь преследовал кто-то незнакомый: выпрыгивал из-за деревьев, выскакивал из кустов, находил и в шкафах, и на полатах крестьянских домов. Находил, вытаскивал, приставлял ко лбу или затылку ствол громадного револьвера, и только в самый последний момент что-то мешало этому неизвестному произвести выстрел.

Граф и кричал, и звал на помощь — только никто не приходил, разве что какой-то господин лет сорока с бородкой и лысиной кричал с легкой картавинкой, чтоб не трогали писателя, и называл его отчего-то зеркалом. Да и не Толстого он вовсе защищал, как оказалось, а того самого неизвестного, который был вовсе не неизвестный, а неизвестная.

Баба с револьвером терроризировала великого писателя, будто не достаточно того, что Софья Андреевна це-

лыми днями выматывала его нервы по поводу собственности и авторских прав на все написанное за жизнь.

Лев Толстой пытался спросить у бабы, кто она такая, отчего преследует его так жестоко, но не успевал, просыпался в холодном поту да слезах, маялся целый день только для того, чтобы мучиться ночью.

Потом одновременно случилось два события. Вообще-то, событий было три, но о третьем граф не знал. А вот первые два случились с ним в один и тот же день. Вернее, одно случилось ночью, а второе — сразу после пробуждения, утром следующего дня.

Значит, ночью к графу пришел покойный Антон Павлович. Пришел в своем обычном в летнюю пору светлом костюме, в пенсне своем знаменитом, присел в головах, как принято у врачей, взял Льва Николаевича за руку, посчитал пульс, покачал головой и сказал тихо, без насмешки:

— А помнишь, Лева, я тебе говорил? Ведь говорил же про Анну Каренину, про дочку ее, что если она решит тебя убить, то сделает это непременно. Говорил?

— Говорил? — переспросил великий писатель и тут же сам вспомнил, что действительно, как-то преудреждал его Антон Павлович. — Говорил...

— Вот она и решила, — сказал Антон Павлович. — Ты только подожди немного, совсем чуть-чуть.

Лев Николаевич проснулся, а тут как раз ему и письмо принесли. Большой такой конверт. И, как назло, накануне очередная размолвка вышла у графа с супругой — отказалась она мужниной почтой заниматься, а то никогда не пропустила бы к великому писателю столь страшной эпистолы.

Ровным округлым почерком дама, подписавшаяся Анной Карениной, не то чтобы угрожала прямо, но подробно описывала, что, по ее мнению, стоило бы сотворить с великим русским писателем Львом Никола-

евичем Толстым. И описывала страшные и жестокие вещи не только легким слогом, свидетельствовавшим об образованности, а и со знанием дела. Указывала, кстати, что, казня преступников в Британии, палач обязательно взвесит висельника, чтобы выбрать нужную длину веревки. Ведь если человек толстый, то при падении в люк длинная веревка даст ему возможность разогнаться настолько, что шея может не выдержать и перерваться, а короткая человеку легкому дает шанс не умереть от сломанного позвоночника, а задохнуться в петле. Далее шли такие подробности, что графа стошнило тут же, в кабинете.

Письма стали приходить каждую неделю. Неизменно подписанные Анной Карениной, со штемпелями разных городов на конвертах. Толстому стало казаться, что дочь героини его романа, словно волчица вокруг овчарни, кружит вокруг Ясной Поляны, то приближаясь, то удаляясь, ожидая удобного момента, чтобы настичь, наконец, выбранную жертву. И жертвой этой был, понятное дело, сам Лев Николаевич.

Конечно, можно было бы обратиться в полицию. Можно было бы, но... Отношения с властями у графа не складывались. Хуже они были только с церковью. Какие бы письма ни предъявил Толстой полиции, идея, что он боится мести Анны Карениной, привела бы его вначале на страницы газет, а потом — Лев Николаевич был в этом полностью уверен — и в сумасшедший дом. И так его странности слишком долго воспринимались как причуды гения, а не доказательствами безумия. Последняя капля переполнила бы чашу.

Этого граф допустить не мог.

Благо еще, что труд доставлять Толстому эти письма взял на себя новый сосед графа, некий Сканаев-Побичевский, Теофил Феликсович.

В первый раз он взял на почте письмо от Карениной, чтобы оказией завезти в Ясную Поляну, а потом, по просьбе графа, стал получать письма регулярно.

С самого начала клетчатый костюм господина, его развязные манеры, пенсне с расколотым стеклом раздражали Льва Николаевича, а через неделю вызывали тошноту, но великий писатель терпел, раз уж Теофил Феликсович выполнял обязанности почтальона, не привлекая внимания домашних.

Но терпение графу давалось нелегко. Явившись с письмом, господин Сканаев конверт отдавал не сразу, а принимался рассуждать о жизни да о высоких материях, пользуясь тем, что Лев Николаевич не мог вот так просто прервать его. Сканаев даже требовал, чтобы граф принимал участие в его рассуждениях, скажем, о природе отрыжки у человека.

Больше всего сосед любил поговорить об исконной подлости человеческой натуры, да еще на примере содержания принесенных писем. Со второго или третьего письма повадился Сканаев-Побичевский конверты вскрывать да с письмом от Карениной знакомиться. И не стеснялся, подлец, этого, а даже заявлял иногда, забывшись, «наше письмо», «нам написала эта безумная баба».

— Вы только представьте себе, граф! — голосом провинциального драматического актера провозглашал Сканаев, размахивая измятым листом бумаги и в волнении поправляя свое мерзкое пенсне. — Что пишет! Только человек бесчестный, позорящий звание дворянина, может так оболгать женщину. Пardon, она пишет — семейную женщину.

Толстой смущенно кряхтел и не отвечал, терпеливо дожидаясь, когда соседу надоест выступать перед ним, и письмо попадет, наконец, к адресату. Но Сканаев-Побичевский никогда не спешил.

Вообще у Льва Николаевича иногда возникало ощущение, что сосед только прикидывается нормальным человеком, что в мозгу у него завелся червяк, безнадежно изъевший мозг дерганому человечку с путаной речью и нелепой внешностью. Но ровно через минуту начинало казаться, что стоящий перед графом человек, несмотря на свою странность, на самом деле — умен и злобен. Специально выбирает темы наиболее болезненные для писателя. И снова все менялось, и теперь Сканаев-Побичевский уже выглядел клоуном, цирковым паяцем, изгаляющимся не над уставшим гением, а над всем миром; человеком, приезжающий раз за разом в Ясную Поляну лишь затем, чтобы насмеяться с самым серьезным видом над высокими идеалами и смыслом всей жизни.

А потом вдруг такой наивностью и детскостью веяло от почтальона-любителя, что умильные слезы наворачивались на глаза Льва Николаевича. Но опять-таки на минуту — две, не больше.

В первую встречу оказалось... или показалось, что Теофил Феликсович даже и не представлял, с кем повстречался, что мужиковатого вида старик с вечно всклооченной бородой и нечесаными волосами — гений и мировая знаменитость.

Вручив графу первое письмо, Сканаев-Побичевский развалился на стуле и принялся рассуждать о том, что все люди, себя нынче писателями именующие, прохвосты и больше никто, что последним стоящим писателем был Козьма Прутков, глубокого ума человек, патриот и философ. А сейчас... Сейчас и почитать нечего.

Толстой смолчал на тот раз и на следующий, когда Теофил Феликсович стал извиняться за свою бестактность и умудрился объяснить, что книг уважаемого хозяина он не читал и читать не собирается, но раз уж попы его отлучили, значит, граф — человек хоро-

ший. Ему бы еще привести в порядок растительность на голове, переодеться во что-нибудь приличное, и его вполне могут принять практически в любом порядочном доме. Во всяком случае, сам Сканаев-Побичевский пригласил бы обязательно, да еще руку бы пожал прилюдно, так как не любит священников.

Сейчас Толстой не выдержал, отобрал нагло, крест-накрест разорванный конверт, достал из него захватанный жирными пальцами лист бумаги и углубился в чтение.

— Вот сами убедитесь, — посоветовал доброжелательным тоном Сканаев. — Извольте — прямо не угрожает, но так и подводит, намекает, я бы сказал. Вот ведь подлость человеческая, нет, чтобы прямо заявить: так, мол, и так, приеду, убью. Застрелю или зарежу. Или даже бомбой взорву. А что? Сейчас бомбу достать — плевое дело. Знаете, сколько с девятьсот пятидесяти осталось тайников? Не знаете? Куча. Сотни и тысячи бомб или револьверов. И окажись эта самая Анна Каренина анархисткой — точно бомбой бы ударила. Хотя я, пожалуй, стрелял бы из револьвера. «Смит-и-Вессон», знаете ли, очень убедительная штукавина. Мне приятель показывал. Да...

Толстой поднял на Сканаева непонимающий взгляд, пожал плечами и снова попытался углубиться в чтение.

— Мне один знакомый фельдшер рассказывал, — не унимался между тем Побичевский, — что научился события в пьесках предугадывать прямо в первом же акте. Если, говорит, висит на стене ружье — точно, обязательно пальнут из него в конце. Или, если кто с мечом придет, от меча, знаете ли... или мечом. Вон, в «Гамлете», в начале принц этот — имя запомнил — с кинжалом выходит? В конце и сам убивает, и самого пырнули. В «Отелло», опять же в первой сцене у мавра — руки. Черные. И сам черный. Я чуть было с фельд-

шером не заспорил на спектакле. Говорю, может, все так и закончится хорошо. Детей нарожает, врага победит. Не поверите — рубль поставил и проиграл.

Толстой помотал головой, пытаясь отогнать то ощущение безумия, которое распространял вокруг себя Теофил Феликсович. Строчки письма расплывались перед глазами, двоились и теряли смысл, превращаясь в пустой орнамент, вроде вышивки крестом.

— Да замолчите же вы, в конце концов! — не выдержал Лев Николаевич. — Дайте же мне спокойно прочитать...

— Спокойно? — удивился Сканаев. — Вы можете это читать спокойно? Уважаю. Такая сила воли, такая... такая...

Сканаев, подбирая нужные слова, взмахнул рукой и разорвал письмо, которое граф держал в руках.

— Прошу прощенья! — запричитал Сканаев. — Не хотел. Видит бог — не хотел. Хотя для вас, конечно, бог не авторитет, я понимаю...

Толстой задышал часто, с хрипом, приложил рваные края половинок друг к другу и снова попытался читать.

— И снова уважаю, — с неподдельным восхищением произнес Сканаев, снял свое пенсне с треснувшим стеклом, протер и водрузил обратно на нос. — Вот любой другой на вашем месте уже давно бы бушевал, шумел, имея, между прочим, полное римское право. Но вы, вы совсем другое дело, граф! Я как вас увидел, так сразу и подумал — святой! Ну, почти святой, что бы там ни говорили священники. Даже соблазн возник, признаюсь, проверить, как вы насчет левой щеки поступите, если по правой врезать. Еле-еле совладал с собой, честное благородное слово! В жизни только одного такого, как вы, видел. В гимназии еще. Мальчик из крестьян к нам в класс каким-то чудом попал... Вот ведь настрадался, бедняга! И тычков ему, и варенья, извини-

те, в ботинок, и мякиш в волосы... Чего только с ним не вытворяли мои одноклассники... да и я, если честно. А Платоша Каратаев все молчал, не возражал, к учителям да инспектору не ходил, все, наверное, надеялся, что притерпится, что мы пойдем да прекратим... Мы бы и поняли, да поздно. Почки ему отбили или еще что в седьмом классе. Не поверите, на похоронах вся гимназия плакала. Даже я прослезился, хотя в тот вечер его не бил — простудился и не мог принять участия.

Толстой зарычал.

— Вот и подумал, что вы — не Платоша, в вас, извините, зверь есть. Лев, можно сказать. Если бы не ваш, простите, затрапезный вид, так побожился бы я, что вы в армии служить изволили, не ниже поручика. Честное слово! Может, даже артиллеристом были. У вас нет родственников в армии? — Побичевский заглянул в налившиеся кровью глаза собеседника. — А сами?

— Оставьте меня в покое! — выкрикнул Лев Николаевич. — Хотя бы на пять минут!

— На пять минут? Отчего и не оставить? — Сканаев пожал плечами. — Что такое, в сущности, пять минут? Ерунда, вздор! Чушь! А с хорошим человеком пролетают и без того незаметно. Вот я с вами общаюсь, граф, так не то что минуты — часы пролетают словно секунды. А с кем другим... Тянутся минуты, что века. Вы, батюшка, словно книга госпожи Чарской... Читали? Нет? Напрасно. Вот бы у кого поучиться писать! И быстро, и легко... А то ведь нынешние писаки какую моду взяли? Пишут, извините, всякую ахиною, и нет, чтобы про чувства высокие или про приключения. Моду взяли — про жизнь свою писать. И названия выдумывают, одно оригинальнее другого! «Детство», «Отрочество» или еще пошлее — «Юность»! И кому они нужны, писакины детство и юность вместе с отрочеством? Вот «Кабардинка, умирающая на

гробе своего мужа» — это да, это дело! Не оторвешься, и слезы прямо ручьями, честное слово!

Толстой смял письмо в кулаках и бросился к дому.

— До свидания, Лев Николаевич! — крикнул ему вдогонку Сканаев-Побичевский. — Я завтра снова приеду, в полдень.

И приехал, так как письма от Карениной приходили ежедневно, с регулярностью газеты.

— Так это вы «Анну Каренину» написали? — передавая вскрытый конверт Толстому и сияя радостной улыбкой, спросил Теофил Феликсович. — И «Воскресение»? А я все думаю, откуда мне ваша фамилия знакома. Вот понимаю, что слышал раньше, а вспомнить не могу. Какая оказия неприятная получилась. Вы уж меня простите, Лев Николаевич, я не нарочно, по необразованности своей. Я же вспомнил, что читал ваши произведения и раньше. Рассказы ваши опять же читал. «Упырь», «Знак вампира», что-то там про триста лет... Всем классом зачитывались, ночью, извиняюсь, в нужник выйти боялся, все вампиры мерещились...

— Эти рассказы, — с трудом сдерживая дрожание губ, проговорил граф, — написал не я. Их написал Алексей Константинович Толстой.

— Что, правда? — опешил Теофил Феликсович. — Не обманываете вы меня из ложной скромности? Точно не вы?

— Не я! — отрезал граф и достал из конверта письмо.

— Скажи пожалуйста... — Побичевский присел на пенек, поскольку разговор происходил на опушке леса и стульев поблизости не было. — Так опростоволосья... Вы уж меня простите...

Толстой отмахнулся небрежно, полностью поглощенный содержанием очередного письма.

— «Упыря», значит, не вы написали, — чуть ли не с обидой в голосе протянул Теофил Феликсович. — А я еще и подумал, зачем автору таких шедевров начинать всякую ерунду про адюльтер да про гулящих женщин писать? И если бы хоть с подробностями какими, там, про белье нижнее, хотя бы... Мой приятель, пристав, показывал реквизированные открытки и книжицы забавные. Их в Киеве делают да по двадцать пять копеек продают. Так там, я вам скажу, есть что почитать и посмотреть. «Баню» читать не доводилось? Про то, как барин с крестьянками в баньке вроде как парился? Не читали?

Толстой вздохнул.

— А я вам завтра принесу, — пообещал Побичевский. — Привезу письмо и книжицу привезу. Только вы уж двадцать пять копеек мне приготовьте. Или даже двадцать — своему человеку мне никак невозможно за читанное, как за новое, деньги брать. Почитаете, может, чего потом сами напишете... Вот вам и денежка в карман. Реальный, я вам скажу, заработок.

— У меня, боюсь, не получится, — процедил холодно Лев Николаевич. — Ни «Вампир», ни «Упырь», ни веселые ваши рассказыки...

— Наверное, что и так, — тут же согласился Теофил Феликсович. — Не получится, оно и понятно. Молния, она в одно место дважды не бьет. Если уж был среди Толстых один гениальный писатель, то откуда же второму взяться? Без обиды, Лев Николаевич. Я без умысла вам это говорю, а как чувствую и понимаю. Я человек прямой. Не то чтобы вы совсем бесталанны, но нет в вас эдакой, знаете, народности. Чтобы каждая кухарка прочитала да поняла. Ну и я, как человек, классическому образованию не чуждый — гимназию все-таки закончил, — вынужден вам заметить, что не все в романах ваших, так называемых, хорошо со стилем. Вот,

в «Анне Карениной» обратил внимание, как вы изволили ошибочку по недосмотру допустить...

— Какую ошибочку? — низким, рокочущим голосом спросил Лев Николаевич.

— А вот какую. — Побичевский откашлялся. — Там у вас в первом томе, извиняюсь, когда господа в ресторации или в номерах — уж не помню точно — кушать изволят и выпивают...

— И что?

— У вас там певичка упоминается французская...

— И?!

— Так у вас написано, что у нее блондинистое лицо.

— Ну, блондинистое и что такого?

— Так ведь блондинистый — это цвет волос, извиняюсь. Это что ж выходит — все лицо у нее волосами белыми покрыто? Болонка она, что ли, или последняя из псоглавцев? — Интерес на лице Побичевского отразился неподдельный, словно он и вправду ожидал разъяснения подробностей внешнего облика блондинистой певички. — Нет, в цирке мне доводилось видеть бородатую женщину, ну, так вы бы и написали в романе, что не певичка, а бородатая баба из французского цирка. Тогда бы и претензий к вам не было...

Толстой выронил письмо, наклонился за ним и долго, словно слепой, шарил рукой по траве.

— Да вы не отчаивайтесь так, граф! — Теофил Феликсович даже позволил себе похлопать Толстого по плечу. — Это все от торопливости получается. Сейчас все торопятся. Вот и вы небось поскорее написать хотели. Шутка ли сказать — столько страниц исписать, да чтоб благоглупостей не допустить и ошибок.

Глаза Сканаева вдруг приобрели выражение, какое бывает у ученых, сделавших неожиданно для себя великое открытие.

— А вы вот что сделайте, Лев Николаевич! — торжественно провозгласил Сканаев. — У вас жена ведь есть? Есть ведь супруга, я знаю. Я ее даже видел. Очень хорошее впечатление на меня произвела. Моложавая такая, серьезная. Умная, наверное, как для женщины. Так вы вот что сделайте, граф: вы заставьте ее ваши романы переписывать. Раз, другой, третий — сколько надо. Все равно у нее времени свободного много, не кухарка, чай, вот пусть и переписывает да перечитывает. А если и после шестого раза ошибка какая проскочит, так, значит, ленивая у вас супруга — вы ей, для начала, для остратки, ручкой приложите. Не сильно да не по лицу, боже упаси! Или вот ремень кожаный возьмите да по мягкому, простите, месту, и всыпьте, в количестве допущенных ошибок. Оно и лучше станет. Точно вам говорю — лучше, чище, грамотнее. И вам за свои произведения не стыдно будет, можно будет людям обрцованным показывать, не стесняясь.

Толстой ушел, ничего не сказав, но на следующий день снова явился на условленное место за письмом. И снова терпеливо сносил то, что говорил ему Теофил Феликсович Сканаев-Побичевский. И снова. И снова.

Прошло лето, началась осень.

Двадцать шестого октября Сканаев-Побичевский явился на встречу включенный больше обычного и протянул — сам, без напоминаний — графу конверт дрожащей рукой.

— Что там? — спросил граф неожиданно севшим голосом.

— Это все! — тихо, трагически произнес Сканаев.

— В каком смысле — все? — спросил дрогнувшим голосом великий русский писатель.

— Вы помните, я вам про своего приятеля-фельдшера и про ружье рассказывал? — зачем-то шепотом, наклонившись к самому уху графа, спросил Сканаев.

— П-помню...

— Так вот, она уже ружье со стены сняла, почистила да зарядила, — прошептал Сканаев. — И крадется сюда, чтобы вас выцелить, честное слово.

— Бросьте, — сказал граф, письма однако же в руки не взяв. — Не может такого быть.

«Может!» — голос покойного Антона Павловича прозвучал в голове у Льва Николаевича.

— Как не может! — вскричал Теофил Феликсovich. — Еще как может! Мужчина — существо наделенное разумом — может угрожать полгода, но убивать не станет, ибо сообразит, чем это для него обернуться может. Одно дело — убить в порыве страсти, так сказать, а вот так, загодя угрожать да запугивать, а потом взять на прицел и пустить в лоб пулю двенадцатого калибра — увольте, мужчинам это не свойственно. А женщина... Та будет угрожать до тех пор, пока сама себя и не убедит — обязательно убить надо. И придет черт знает откуда, и убьет, смею вас заверить. Вот и эта написала — больше писем не будет, доживайте отпущенный вам век с мыслью о неизбежном наказании... Вот, сами извольте видеть.

Толстой посмотрел туда, куда тыкал указательный палец Побичевского, окаймленный грязным полукругом под ногтем.

— Видите?

— Но, возможно, она имеет в виду, что больше не будет писать, переложив наказание на мою совесть... — неуверенно предположил граф. — Угроза, так сказать, морального свойства...

— Совесть? Какая совесть! — провозгласил с сарказмом Сканаев. — Где вы сейчас видели совесть, спрошу я вас? Вот даже вы, извиняюсь, приличный человек, можно сказать — граф, а не посовестились

стырить, простите, у проститутки роман. Так ведь Анна Каренина писала ранее...

— Да не воровал я, — слабым голосом простонал граф, глядя на проклятые строчки. — Я использовал их как основу, как толчок, не более того. Вы бы почитали, что там было написано! Я ведь писал о ее страданиях, о страданиях ее обольстителя... А у нее — что он, куда и как ей... ее... в какой позе и за какую плату. Как он хрюкал над ней или ее переодевал в детское платье... Грязь одна.

— Грязь? — изумился Сканаев. — Не грязь, а жизнь! Самое интересное-то вы и выбросили, бедный Лев Николаевич. Все-то вы умудряетесь мимо самого важного и проскочить. В «Отце Сергии», раз уж все равно у вас с церковью неладно, так и описали бы, как он купеческую дочь-то излечивал. В подробностях бы и описали. И дворяночку ту, из-за которой он пальца лишился, тоже бы подробнее — как она его соблазнила, ножкой там, попкой, извините за выражение. Вы ж все равно про это писали, только смелости вам не хватило. И в «Анне Карениной» ведь тоже было где разгуляться. Было же! И с певичкой блондинистой, и с Вронским. У вас там Левин все в лес ходил, то про веревочку думал, то про ружье. Брал бы с собой супругу в лес, и не пришлось бы про самоубийство размышлять. Или, если без жены, так по селянкам. Сами-то вы небось большой ходок по крестьянкам были? Ведь были же? Признайтесь!

Толстой потупил взор.

— Так чего стыдиться? Писали бы все, как есть. Я же вам давал «Баню» читать...

Толстой покраснел и что-то еле слышно сказал.

— Не расслышал я, извините. — Сканаев приложил руку к уху. — Ась?

— Это я его написал, в молодости... — пробормотал Толстой.

— Что вы говорите! — восхитился Побичевский. — Ведь можете, когда хотите! Такой талантище в землю зарыли! Там ведь все по правде описано? Как было?

— Ну... — протянул Лев Николаевич.

— А от церкви вас отлучили, между прочим, не за это! — сказал Теофил Феликсович. — И убьют теперь не за аморальность, а по желанию бабы, сошедшей с ума. Не обидно ли?

— Но почему же непременно убьют? — Толстой побледнел. — Может, только пугает? Или не найдет...

— Как же — не найдет! Сами же как-то говорили, что письма из Америки приходят с адресом «Россия, Толстому». Если бы кто написал, к примеру, Сканаеву-Побичевскому, и не в Россию даже, а в Тульскую губернию — не дошло бы письмо. А тут ей каждый подкажет. Чтобы женщине помочь и писателю приятное сделать. Сюрприз, так сказать. Она, может, уже возле дома сидит, револьвер наладила и ждет. Или кинжал.

Толстой посмотрел на свой дом, видневшийся вдалеке, зябко поежился.

— Вы полагаете...

— Бежать вам надо, вот что я полагаю, — твердо сказал Сканаев. — Все бросайте и бегите.

— Прямо сейчас? — спросил совсем растерявшийся великий писатель.

— Ну... Не прямо сейчас. Я, давайте, к дому подойду, гляну, если никого нет — я вам рукой махну. Так вы сразу в дом бегом, деньги там возьмите, оденьтесь потеплее. Ходите в чем попало, я смотрю, — простудитесь в один миг. Схватите воспаление легких — так дней в десять и сгорите.

— Может, я с собой доктора Маковицкого возьму? — предложил Толстой.

— Возьмите, — разрешил Теофил Феликсович. — Хуже все равно не будет. И вы особо не спешите —

день-то у вас еще наверняка есть. Решите, куда поедете. На Юг, может, или еще куда. Справьтесь по поводу билетов. А потом, до рассвета, никого не предупреждая, хватайте своего доктора и... В дорогу, граф, в дорогу! У вас, кстати, чего-нибудь вроде «Бани» от талантливой юности не осталось?

Двадцать восьмого октября в три часа ночи граф Толстой разбудил своего доктора, и они вместе ушли из Ясной Поляны. Толстой полагал, что ушел незаметно, но сосед его, Теофил Феликсович Сканаев-Побичевский, не пропустил этого драматического момента, стоял на опушке леса как раз напротив ворот и, скрестив на груди руки, наблюдал, как две фигуры бредут по раскисшей земле прочь от теплого дома в темноту.

— С другой стороны, — пробормотал Сканаев, направляя пенсне, — за убийство ее бы точно повесили. Хотя графа, конечно, жалко.

Седьмого ноября граф Лев Николаевич Толстой скончался от воспаления легких на станции Астапово. В забытьи он все время бормотал что-то о том, что она его все равно убила бы. Доктор, зная тяжелую обстановку в доме, думал, что это граф о своей супруге.

АНТОН ФАРЬ

РИМ

1

Третий Каледонийский вернулся в Рим в канун ноябрьских календ, или, по языческому обычаю, в ночь праздника Самайн. Легион изрядно потрепало за два года на Адриановом валу: выдержав три большие оса-

ды и бесчисленное множество мелких террористических атак, совершив поджожины карательных рейдов на вересковые пустоши и потеряв половину личного состава, Третий Каледонийский вошел в Рим через Дубовые ворота на холме Целий.

Накрапывал дождик. Было сыро и холодно. Над канализационными решетками вились столбики пара.

Легион — или, вернее, его остатки: один турм бронетехники, четыре когорты пехоты, пять манипул десантников и центурия спецназа, — вернулись в Рим тихо и без всякой триумфальной помпы. Облезлые, в подпалинах и шрамах от бронебойных пуль, выкрашенные в серо-черный горный камуфляж БМП неспешно ползли по улицам Вечного Города, устрашающе порывивая на редких прохожих и обдавая их сизым выхлопом дизелей. Несмотря на поздний час — что-то около половины одиннадцатого, улицы Рима были пугающе малолюдны.

— Чума, что ли? — спросил центурион первого когорта Приск, в недоумении повертев головой.

Военный трибун Кассий Марциллиан, исполняющий обязанности безвременно погибшего (наступил на пиктскую мину) легата Дементия, в ответ только пожал плечами.

Приск и Марциллиан сидели на броне штабной машины вместе с аквилiferом и еще тремя офицерами, и мелкая морось противно барабанила по шлему, холодными струйками сбегая за ворот кирасы. Кассий смахнул с лица капли дождя, протер цевье карабина и сказал:

— Ну что за мерзкая погода! Прямо как в Каледонии. И воняет так же.

И действительно, к вони солярной гари, машинного масла и вечного римского смога прибавились знакомые ароматы торфяного дыма и паленого мяса.

— Ага, — кивнул Приск. — Точно. Это что, барабаны бьют?

— Не может быть. В Риме? Откуда?

Но это действительно били барабаны пиктов. Сразу за поворотом на Виа дель Корсо, ведущую к Капитолийскому холму, дорогу легиону преградила муниципальная гвардия — за заслоном пылал костер, на котором жарилась туша оленя.

Вокруг огня слонялись полутолые люди с выкрашенными в синий цвет лицами.

Рука Кассия скользнула на карабин. Щелкнул предохранитель.

— Это еще что? — рявкнул Кассий на мордатого вигила, едва смолк рокот мотора БМП.

— Распоряжение муниципалитета, — утрюмо ответил вигил, сцепив ладони на объемном брюхе. — Улица перекрыта для празднования Самайна пиктской общиной города.

— С ума сдуреть, — пробормотал Приск, с неохотой выпуская рукоятки спаренного пулемета. — Митра Великий, куда катится этот мир?

Картина, развернувшаяся перед ними, напоминала большой шабаш пиктов на фоне взорванного нефтепровода у Альт Клута... Только вместо оленей тогда жгли римлян из «Иска Петролеум».

— Заворачивай! — махнул вигил. — В объезд!

Третий Каледонийский легион свернул на Виа Триумфале, и была в этом мрачная ирония... Дождь усилился. Небо окончательно заволочло тучами, в них громыхало и посверкивали молнии. Рекламные щиты прикрывали облупившуюся штукатурку старых покосившихся зданий. В лужах на раздолбанной мостовой стояла грязь. Навстречу колонне бронетехники брели группки синелицых пиктов, постепенно собираясь в толпу. Косматых друидов с дубовыми посо-

хами несли в паланкинах. Легионеры хранили мрачное молчание.

Когда Капитолий остался позади, по левую руку, и машины легиона, пофыркивая и надсадно ревя, поднялись на холм Виминал, меньше стало рекламы вокруг, зато на серых от сырости стенах прибавилось граффити на сотне варварских языков и наречий. Преобладали кельтские руны, поверх которых то и дело встречалась грубо намалеванная красным волчья морда. Смуглые рабочие, судя по прическам — из секванов или гельветов, лениво замазывали граффити известью, несмотря на дождь, делавший их работу бессмысленной.

Их коллеги в оранжевых жилетках дорожной службы — то ли гетты, то ли фракийцы — с тупым упрямством заделывали выбоины в мостовой, плюхая раствор прямо в лужи.

— Бар-рдак! — прорычал Кассий, глядя на это безобразиие. — Поворачивай к казармам!

Казармы Легиона располагались на холме Квиринал. Тут, у самого КПП с дремлющим часовым, шумел палаточный лагерь каких-то леваков с транспарантами вроде «Свободу Северной Каледонии!» и «Остановим расправы над мирными деревнями!». Леваков было немало: видимо, в канун Самайна даже самые толерантные римляне не рисковали высовываться на улицы.

— О, гляди! — обрадовался Приск и ткнул пальцем в портрет сенатора Фортуната, которым тряс один из леваков. — Ваш будущий тесть, трибун! — Приск скабречно ухмыльнулся: шуточки о грядущей свадьбе командира скрашивали ему долгую дорогу от берегов Каледонии до Неаполя.

— Отставить трепаться! — Кассий спрыгнул с брони, забросил карабин за спину и с наслаждением размял ноги, пнув литое колесо БМП. — Оружие сдать

в Арсенал. Машины — в гараж. Легионеров разместить по казармам, накормить ужином. Увольнительных не давать! Я в штаб, доложиться.

— А как же невеста?! — не унимался Приск.

— А потом — к невесте. Всему свое время...

Кассий снял шлем, пригладил слипшиеся от пота русые волосы и провел ладонью по щеке. Щетина его — светлая, с рыжиной, еще один предмет для шуточек Приска о кельтских кровях командира — уже утратила всякую жесткость и могла претендовать на звание бороды. Не буду бриться, решил Кассий, расстегивая кирасу бронежилета. Вот в баню бы сходить...

— Парни взбунтуются, — доложил Приск. — Как это — в первую ночь и не давать увольнительных? А девочки мадам Алевтины? Они так ждут!

— Перебьются, — отрезал Кассий. — Знаю я твоих парней. Их только выпусти в Самайн в город. Мигом начнут уши синелицым резать...

* * *

— Что это? — Косматые брови Деорда сползли к кривой, многожды сломанной переносице. — Я тебя спрашиваю, что это?!

Бран инстинктивно съежился в ожидании удара.

— Это не мое! — выкрикнул он, и отец опустил занесенную было руку с кожаным рюкзаком, который он выудил из-под кровати Брана.

— А чье? — прорычал Деорд. Клеймо на его лбу, наполовину скрытое шапкой седых волос, побелело, как всегда в минуты глубокого душевного волнения, а вот шрам на щеке, наоборот, побагровел, наливаясь кровью.

— Не мое! Меня попросили! Отдали на хранение! Всего на пару дней! Сегодня заберут!

Деорд в раздражении швырнул рюкзак на кровать сына. Рюкзак металлически брякнул, тяжело продавив ветхий матрас.

— Идиот, — бросил старик, постепенно успокаиваясь. — Ты хоть понимаешь, что за это может быть?

Бран предпочел промолчать. В свои семнадцать лет смуглый и жилистый Бран дважды становился чемпионом клана по кулачному бою, но попадать под единственную руку отца ему не хотелось. Вторую руку после ранения в битве за Дал Риладу старику ампутировали римские хирурги в лагере для военнопленных.

— Тебя же распнут, — продолжал Деорд. — А меня лишат гражданства. И твою сестру. И брата. Вышлют обратно в солнечную Каледонию, комаров на болотах кормить!

Троих старших сыновей Деорд потерял в битве за Дал Риладу. Брана, Улу и малютку Алпина старик любил больше всего на свете — даже слишком сильно, с точки зрения Брана. Как-то очень... по-римски.

— Что, романтики захотелось? Борьбы за свободу Родины? Аромат вересковых полей будоражит твои ноздри? — издевался Деорд.

Бран родился и вырос в Риме и вереск видел только в сушеном виде. Но тут Бран не выдержал. Кровь пиктов взыграла в его венах.

— Да, захотелось! — выкрикнул он. — Лучше запах болот, чем вонь этой каморки!

Деорд и трое детей (жена, вольноотпущенница из племени силуров, умерла родами Алпина) ютились в комнатухе под лестницей. Не самое просторное помещение в доме для прислуги сенатора Фортуната, у которого Деорд трудился садовником, Бран подраба-

тывал подметальщиком, а Ула прислуживала на пирах в качестве виночерпия. Комнатушка была крошечной, без окон, и из-за спертого затхлого воздуха Алпин все время кашлял.

Как раз в этот момент кто-то из слуг ступил на лестницу, и скошенный потолок каморки привычно за скрипел. На голову Брана посыпалась труха, и он замолчал.

— Дурак, — сказал Деорд с жалостью. — На болоте ты не протянешь и дня. Да и нет больше болот. Теперь там римские рудники... Когда за этой дрянью придут? — спросил он, кивнув на рюкзак.

— Я сам отнесу. Вечером. В ресторан «Карфаген». Где твой сын моет посуду за жирными римлянами и собирает объедки после их пиршеств.

— Лучше собирать объедки, чем подыхать от голода — и смотреть как подыхают твои дети. Так что заткнись, избавься от этой дряни, и передай тому, кто тебе это всучил, что больше ты в их играх не участвуешь. Понял?

— Понял, — мрачно буркнул Бран, отправляя тяжелый рюкзак обратно под кровать. — Я давно уже все понял...

* * *

У самого Эсквилина такси пришлось отпустить, и дальше Кассий пошел пешком. Проехать там было невозможно: кельты, достаточно зажиточные, чтобы скупать недвижимость на Эсквилине у обедневших патрициев, двигались навстречу сплошной стеной. Все были в нарядных тарганах и беретах, друиды рядились не в рубища, а в парчу, и несли изящно позолоченные дубовые ветки.

Идя сквозь морось и сгущающиеся сумерки навстречу потоку варваров, Кассий активно работал локтями и в недоумении вертел головой. Римских лиц вокруг почти не было; вместо латыни раздавалось гортанная кельтская речь, шипение пиктов и отрывистый лай германцев. Грохотали ритуальные барабаны, подвывали волюнки. У небольшой, залиvisto хохочущей кампании подростков-римлян лица оказались вымазаны синей краской. Из рук в руки переходили оплетенные лозой бутылки. Потрескивали и чадили факелы. Под ногами хрустело битое стекло.

На камуфляж трибуна косились с опаской.

Ближе к вершине холма стали попадаться небольшие группки мужчин с выбритыми, как у легионеров-новобранцев, висками и затылками. Эти якобы легионеры были одеты в шорты и белые, с изображением волчьей морды и надписью «Lupus est!», футболки.

Лжелегионеры прятались от дождя под навесами автобусных остановок и маркизами закрытых на ночь забегаловок — и на насупленно-настороженных лицах читалось предвкушение большой драки.

Не боязнь, а именно предвкушение. А если драки, упаси Митра, не случится, они сами ее и затеют, подумал Кассий.

У самых ворот имения Фортуната дежурил отряд волкомордых под руководством здорового детины с татуировкой на бицепсе: кастет и подпись «Добро пожаловать в Рим!». При виде трибунских нашивок детина вытянулся во весь рост:

— С кем имею честь?

— Трибун Кассий Марциллиан к сенатору Фортунату.

— Прошу! Сенатор скоро будет, он просил вас обождать. К дому вас проводят.

Провожатым оказался пожилой однорукий пикт. Взгляд у старика был тусклый, походка — рваная, прихрамывающая. На поясе висели садовые ножницы.

Кассий прошел через полутемный парк — от мокрых деревьев умопомрачительно пахло хвоей и смолой, поднялся по ступенькам к колоннаде и, подождав, пока однорукий отворит тяжелую дубовую дверь, ступил в залитый светом холл.

Пол тут был мраморный, надраенный до зеркального блеска. С рифленой подошвы легионерских ботинок Кассия тут же отвалились комья грязи, а с промокшей униформы натекала лужа. Пока трибун соображал, где можно вытереть ноги и обсохнуть, через весь вестибюль к нему метнулась девушка, то ли силурка, то ли фракийка, так с ходу и не разберешь, и принялась ползать вокруг Кассия на четвереньках, подтирая тряпкой.

— Трибун! — зычно прогудел Фортунат, стремительно входя следом за Кассием. — Как же я рад тебя видеть, дружище!

— Сенатор, — кивнул Кассий и щелкнул каблуками.

— Как там Каледония, мой Кассий? Неужели до сих пор еще воюем?

— Увы, — ответил трибун.

Бенедикт Фортунат в шестьдесят с лишком выглядел от силы на сорок — сорок пять. Ухоженный, холеный, он зачесывал назад начинающие сесть волосы, подстригал густые брови и волосы в носу, брился дважды в день, регулярно посещал солярий и массажистов, умеренно наслаждался вином и женщинами — и вполне, если бы не объемистое брюхо и свисающие бульдожьи брыли сенатора, мог сойти за ровесника сорокалетнего, но весьма потрепанного жизнью, шершавого даже на вид трибуна Кассия.

— Вина! Горячего, со специями! — приказал сенатор, на ходу сбрасывая прямо на пол бежевое пальто из верблюжьей шерсти. Служанка подхватила дорожную вещь на лету. — И протопить камин в библиотеке! — Пурпурный шарф, признак высокого положения Фортуната, отправился следом за пальто. — И пошевеливайся, дурища безъязыкая...

Чуть позже, утонув в глубоких креслах и вытянув ноги к жарко полыхающему камину (от промокшей формы валил пар), Кассий отхлебнул подогретого вина и спросил:

— Что случилось с Римом, сенатор? Куда подевались все римляне?

Фортунат хохотнул.

— Самайн, дружище Кассий, Самайн!

— Я что-то пропустил за время своего отсутствия? — наморщил лоб трибун. — Рим завоевали варвары?

— Напротив! Доблестные легионы Рима покорили так много варварских племен, что теперь не знают, куда девать пленных! На место одного дворника претендуют по два-три секвана, на стройках трудятся одни далматы, а гордые римские квириты жалуются на безработицу.

— Так выслать их к бесам, обратно в горы, леса и болота!

— А работать кто будет? — возразил Фортунат, раскуривая сигару. — Мой одорукий садовник-пикт вкалывает за двенадцать сестерциев в месяц — что в десять раз меньше минимального жалования для квирита, и в десять раз больше, чем он заработал бы на рудниках родной Каледонии.

Кассий вспомнил нищету и убожество пиктских деревень, хмыкнул и залпом допил вино.

— И одной рукой он управляется лучше большинства наших криворуких и бездарных соотечественников, — продолжал сенатор, — которых на презренную работу садовника не заманишь, им всем подавай теплый кабинет и мягкое кресло под задницу. А кусты надо подстригать — так же, как надо класть кирпич и чинить дороги.

— Ну и пусть подстригают, — сказал Кассий. — Зоопарк-то зачем на улицах устраивать? Звери должны жить в клетках.

— Э, нет! — погрозил пальцем сенатор. — Опасно рассуждаешь, дорогой трибун. Прямо как «люпусы». За такие слова можно лишиться нашивок и должности. Чай, не в Средние века живем! Ныне мы чтим обычаи чужеплеменных общин. Римская Империя всегда прирастала покоренными народами. И сила наша, и богатство — это сотни варварских племен, трудящихся на благо Вечного города. И раз уж они после отмены рабства не вернулись в свои пещеры — значит, со временем научатся мыться, чистить зубы и говорить на латыни, и через пару поколений их не отличишь от римлян.

— Ага, если не вырежут нас такой вот славной ночью.

— Да полноте, трибун! — отмахнулся. — Это же Рим! Ему тысячи лет, он и не такое переваривал...

Кассий подозвал девочку-виночерпия — из пиктов, судя по косичкам — и жестом потребовал еще вина.

— А кто такие эти «люпусы»? — спросил он.

— Молодые балбесы, которые не хотят служить в армии и называют себя общественной дружиной. Сила без мозгов, которую надо контролировать. Прекрасный клапан для стравливания пара в обществе.

— Они охраняют ваше поместье.

— Ну да, а что? — удивился Фортунат. — Не преторианцев же ставить в караул!

— Мне казалось, что вы придерживаетесь более... либеральных взглядов, — осторожно подбирая слова заметил Кассий, вспомнив пикет леваков у казарм и портрет сенатора.

— Это, брат трибун, и называется политика! — раскатисто захохотал сенатор. — Взгляды взглядами, а террористов в Риме хватает. Да и волчат этих тупоголовых лучше держать на коротком поводке, дабы не натворили безобразий. Еще вина! — скомандовал он и, когда девочка склонилась над его бокалом, похозяйски потрепал ее по круглой попке.

Девочка вздрогнула, но не издала ни звука.

— А не уединиться ли нам, трибун, в опочивальнях? Есть несколько новых гетер из Киликии и Мавритании. И отборный гашиш из Месопотамии. А, трибун? После службы на благо Империи не грех и расслабиться?

Если бы Кассий не утратил способность смущаться, он бы, наверное, смутился.

— Я, вообще-то, пришел к Виринее.

— А ее нет! — развел руками Фортунат. — Моя своенравная дочь отправилась в ресторан, праздновать Самайн...

— Одна? — нахмурился Кассий.

— Нет, ну что ты, с однокурсниками! — Кассий нахмурился еще сильнее, и Фортунат хлопнул его по колену: — Да не напрягайся ты, они же все, как один, педерасты! Очень модно среди римской молодежи в этом сезоне. Так что Виринея в полной безопасности во всех отношениях. Так как насчет гетер? — сенатор подгрел девочку-виночерпия и силой усадил к себе на колени. — И эту с собой возьмем, пусть приобщается к прекрасному!

Кассий взглянул на дикарку — в глазах ее стояли слезы — и покачал головой.

* * *

На заднем дворе ресторана «Карфаген» — огороженном сеткой-рабицей клочке асфальта между парковкой и кирпичной стеной в потеках копоти — было холодно. После полуночи дождь прекратился, и в мутных лужах отражался свет единственного фонаря над черным ходом. Из мусорных баков воняло гнилью.

Бран вынес корзину с отбросами, примостил ее на крылечке и, преодолев брезгливость, достал из кармана полиэтиленовый пакет. Сегодня Самайн, а значит, среди объедков могли попасться нетронутые деликатесы. В праздники римляне всегда много пили и мало ели; после Вакханалий Бран притащил домой целого поросенка.

Сегодня добычу Брана составили десяток тарталеток с красной икрой, копченые свиные ребра и два стейка из оленины. Отнесу Уле, решил Бран, пакуя еду в пакет. Сестренка что-то совсем загрустила в последние месяцы. Если узнаю, что старый боров Фортунат распускает руки, убью. Перережу глотку.

Бран опрокинул корзину в мусорный бак, спрятал пакет за пазуху и закурил.

С улицы несло гарью: отсыревшие дрова праздничных костров сильно чадили, из-за чего пьяные друиды проклинали все на свете. У огня плясали римляне в масках — не настоящих, конечно, из ивовой коры, а дешевых гуннских, из пластмассы. Пикты и кельты к этому времени уже перепились.

На парковке поблескивали гляncем «Феррари» и «Ламборджини» — ярко-желтые, ярко-красные, ярко-синие. Золотая молодежь Рима приехала развлекаться на Самайн. Из ресторана доносились древние ритмы пиктских барабанов в современной обработке.

Зеленый кабриолет «Альфа Ромео» въехал на парковку на самых малых оборотах, тихонько урча могучим двигателем и шурша шинами по асфальту. Из машины, воровато озираясь, выбрался Фидах, на ходу натягивая форменную куртку парковщика и выуживая из-под сиденья кружевные трусики.

— Доиграешься, Фидах, — заметил Бран. — Опять уволят.

— Невелика потеря, — хмыкнул Фидах, вешая ключи от «Альфа Ромео» на стэнд. — Все равно тут нет перспектив карьерного роста!

Фидах, как и Бран, появился на свет и вырос в Риме. Родители его, зажиточные купцы-кельты, отдали сына в престижную частную гимназию в надежде сделать отпрыска полноправным квиритом. В первый же день Фидаха обозвали «синемордым», мальчишка полез в драку и был с позором изгнан из гимназии. В публичной школе для иммигрантов он и встретился с Браном. Вместе они ходили драться с римлянами, воровали яблоки из садов патрициев, писали руны на стенах Капитолия, ухаживали за девчонками, удирали от «люпусов», жгли костры на Бельтейн, играли в мяч, занимались кулачным боем и слушали бардов.

Именно Фидах познакомил Брана с Тарлой.

— Ну что, принес? — спросил Фидах нетерпеливо. — Они скоро подъедут.

— Угу. Помоги отодвинуть...

Вдвоем Бран с Фидахом, сморщив носы от вони, отодвинули мусорный бак, и Бран вытащил из-за него кожаный рюкзак.

— Ну ты ловкач, — одобрительно кивнул Фидах. — Хитер, как римлянин. Ага, вот и они.

Неприметный пикап зарулил на парковку, из него выбрались двое усатых мужчин в черно-красных тар-

танах. Длинные усы одного из мужчин были заплетены в косички. Тарла. Долговязому Брану он едва доставал до подбородка, но из-за широких плеч казался почти квадратным. Низкий лоб, массивная челюсть, колючие глазки, жесткий ежик черных с проседью волос.

Спутник его отличался сломанным носом и расплюснутыми ушами бойца панкратиона. Усы боец носил соломенно-рыжие, взгляд телохранителя, как и пододбаёт, рассеяно-цепко блуждал по сторонам.

— Вечер добрый, пикты! Хорошего урожая! — проскрипел Тарла традиционное приветствие.

— Спасибо, брат пикт. И тебе того же... — чуть смущенно ответил Бран.

Как-никак, это был сам Тарла, за голову которого вигилы давали двести сестерциев. Тарла, герой сопротивления, вожак пиктского подполья, ветеран Битвы за Альт Клут, беглец из римского концлагеря, неформальный лидер кельтской диаспоры, террорист и борец за свободу Каледонии...

— Ты сохранил наш груз? — спросил Тарла.

— Да, — Бран протянул ему тяжелый рюкзак.

— Молодец. Заглядывал внутрь?

— Нет.

— Это хорошо. Но ты ведь знаешь, что там? — хитро прищурился Тарла.

Бран усмехнулся:

— Догадываюсь.

Их беседу прервал пьяный гомон, долетевший от парадного входа ресторана. Телохранитель Тарлы шустро перехватил рюкзак и отправил его в кузов пикапа, а сам Тарла как бы невзначай расстегнул куртку, освобождая кобуру.

— Не надо, — сказал Бран. — Я схожу, посмотрю... Тарла кивнул.

У входа в «Карфаген» назревала драка. Обычная пьяная свара между здоровенным вандалом и троицей римлян грозила перерасти в побоище, и перевес был на стороне вандала, так как из его противников — миниатюрной девицы, жеманного юноши в женском платье и его брата-близнеца в мужской одежде, но с румянами на щеках и лавровым венцом на голове, — на драчуна не походил никто.

Неизвестно, чем эта троица задела вандала, но тот расsvирепел всерьез и уже закатывал рукава, готовясь отправить римлян к праотцам. А значит — приедут вигилы, устроят допрос, поднимут записи камер наблюдения, увидят встречу Брана и Тарлы... Вот ведь как некстати, подумал Бран, ускоряя шаг. Принес их Цернунн на мою голову.

Расклад стал еще опаснее, Бран узнал девицу — это была Виринья, дочь сенатора Фортуната. Точно, без вигилов не обойдется, даже если вандал никого и не убьет.

— Эй, ты! — заорал Бран, переходя на бег. — Бык безрогий! А ну оставь молодых господ в покое!

Вандал изумленно повернулся к бегущему пикту.

— Что, выслужиться захотел, крысеныш синемордый?! — прорычал он.

Бран сунул руку за пазуху (пакет с объедками шлепнулся на асфальт) и выдернул кинжал — скин-оккл, единственный верный друг любого пикта.

— Я сказал — проваливай! — рявкнул Бран.

При виде холодной стали вандал поостыл. Одно дело — набить морду изнеженным римлянам, а другое — получить кинжал в брюхо от озверевшего пикта.

— Ну?! — продолжал напирать Бран.

Боевое безумие охватило его, но даже сквозь красную пелену и гул в ушах он отметил, как выехал с парковки пикап Тарлы.

— Щенок! — бросил вандал, ретируясь. — Римский выблядок!

Бран перевел дух и убрал кинжал в ножны.

— А я тебя знаю, — объявила Виринея, крохотного роста блондинка с кукольным личиком. — Ты — сын нашего садовника. Да?

— Юная госпожа. — Пикт согнулся в поклоне, чтобы скрыть торжествующую усмешку.

— Проводи меня домой! — велела Виринея капризным тоном. — А вы, братья Гортензии, можете проваливать. Ни на какую оргию я с вами не пойду. Потому что вы — трусы и не муж-чи-ны, — по слогам выговорила она.

Братья Гортензии не выказали особого расстройства, утешившись в объятиях друг друга. А Виринея — да она же пьяна в стельку, запоздало сообразил Бран — повисла у него на шее и прошептала:

— Отведи меня домой, мой смелый пикт!

Следовало вернуться на кухню, предупредить начальство о незапланированной отлучке, отпроситься под надуманным предлогом — но на кухне был жар и смрад горелого жира, а тут — стылый ночной воздух, звезды в прорехах облаков и мягкое женское тело.

— Они же пе-де-рас-ты, — бормотала Виринея. Язык у нее заплетался, как и ноги, и Бран все время поддерживал ее за талию. — Долбят друг друга в жопу. Пидоры. И трусы. Даже драться не умеют. Плебейское, видите ли, занятие! А мне нужен муж-чи-на. Настоящий. Смелый. Воин. А то выдадут меня замуж за старого вояку-пердуна — и все. Кончилась юность Виринеи. Буду всю жизнь сидеть у очага и рожать маленьких три-бун-чи-ков.

Что она плетет, думал Бран, ощущая сквозь тонкий шелк туники горячий и упругий бок. Каких еще трибунчиков?..

— А ты смелый. И сильный. И... ой! — Виринея поскользнулась, и Бран едва успел подхватить девушку. Изящная римлянка почти ничего не весила, и пикт одной рукой приподнял ее и перенес через лужу.

А когда собрался поставить обратно на землю, Виринея обхватила его обеими руками за шею и обвила ногами талию, повиснув на Бране, как обезьянка.

— Люби меня, — выдохнула она. — Люби меня, мой сильный пикт!

Это было глупостью. Смертельно опасной глупостью. Но влажные губы Виринеи приблизились к лицу семнадцатилетнего Брана, дыхание ее пахло вином и пряностями, и пикт забыл о разуме.

Он поцеловал Виринею и потащил ее в ближайшую подворотню.

* * *

— Ваш будущий тесть в чем-то прав, — с наслаждением прокряхтел Приск, когда смуглая сарматка начала разминать мускулы на его спине. От постоянного ношения бронежилета центурион — как и все легионеры — страдал болями в пояснице. — Талантами варваров Рим крепнет. Взять хотя бы эту девку. Черта с два римлянка будет так стараться. Ляжет, корова, ноги раздвинет и постанывает. А эта... ух... откуда только силища у дикарок?

Сарматка, не поняв ни слова из монолога Приска, белозубо захохотала и еще крепче впилась пальцами в каменные мускулы легионера. Тот застонал и предпринял безуспешную попытку выползти из-под сарматки. Тщетно: девица сжимала его лежащее на массажном столе тело обнаженными ляжками, будто коня в родных степях.

— Ну-ну, — промычал Кассий, блаженно закрыв глаза. Он сидел в плетеном кресле, прикрыв бедра полотенцем, а миниатюрная фракийка разминала ему икры, постепенно поднимаясь все выше и выше. — Я по дороге в термы собирался перекусить. Оказывается, в Риме нынче проще купить кельтский хаггис, чем пиццу или моретум!

— Ну и что? — хмыкнул Приск. — Хаггис — штука сытная. И вообще, трибун, у кельтов он всегда свежий и горячий. А пиццу наши братья-квириты могут и в микроволновке разогреть. И вино варвары не разбавляют. Помните, на Виа Таранто лузитанский подвальчик — пока сам хозяин наливал, с одной бутылки упиться можно было. А как наняли римского сопляка — мигом водицы плеснул, гаденыш. Ой, хорошо-то как... — простонал он, когда сарматка приступила к его ягодицам.

Фракийка тем временем откупорила флакончик с ароматическим маслом и начала втирать в бедра Кассия.

— А, — махнул рукой трибун, — разве в вине дело? У нас в легионе каждый второй верит в Митру, каждый пятый — в Юпитера и старых богов, а новобранцы и вовсе почитают кто Аримана, а кто Цернунна. Жрецов на них не напасешься. Скоро друидов будем в обозе таскать! Поэтому и воюем мы... так, как воюем. Каждый за своего бога. Каждый за свой Рим. Распад и гниение, вот как это называется.

— Угу, — согласился Приск, переворачиваясь на спину. — А также моральное разложение и упадок нравственности. Да что тут говорить о простых легионерах, если сам трибун, образец для подражания, накануне помолвки отправляется в бордель мадам Алевтины...

— Пошел ты, — беззлобно ругнулся Кассий. Ладошки фракийки нырнули под полотенце, и трибун потянулся за пачкой презервативов. — Рим погибает. Даже гондоны разучились делать. Гуннские покупаем, «сделано в Паннонии». Начнется война с гуннами — все померет от сифилиса...

— Думаете, все-таки начнется? — спросил Приск.

— Третья танковая армия гуннов уже в Далмации, в одном дневном переходе от Рима... А император подписал с Аттилой Восьмым договор о расширении культурного обмена... Теперь студентов-гуннов ждут университеты Рима и Милана... В обмен на доступ к нефтяным полям Дакии... Но мне... если честно... плевать... Я... свое... отслужил... Буду... выращивать... виноград... на вилле... и сыновей... В глухой провинции... у моря... К черту... все... Уф-ф-ф!.. Хорошо-то как...

Кассий оттолкнул скользкую от пота фракийку, отвалился на спинку кресла и хлебнул охлажденного вина.

— Гм, — промычал Приск, придерживая за бедра скачущую на нем сарматку. — А я-то, грешным делом, думал, что вы ударитесь в политику. С таким-то тестем! Прямая дорога в Сенат. От простого трибуна — до консула, а?

— К черту, — сказал Кассий, выбираясь из кресла. — Хватит с меня войн. А подковерные интриги — точно не мое.

Он прошлепал босиком к двери, ведущей в термы. За спиной закричала сарматка, и утробно зарычал Приск.

В термах из-за клубов серого пара царил полумрак. Мраморный пол приятно грел босые ступни. Из пасти золотого льва с журчанием лилась струйка ледяной воды — под нее трибун сунул голову, намочив волосы, а потом уселся на скамью и закрыл глаза, позво-

лив мышцам расслабленно обмякнуть от жары. Время остановилось; пропали заботы о судьбе Рима, замыслах гуннов, культурном распаде, двуличном Фортунате и ветреной Виринее...

Было только здесь и сейчас; так жил Рим. И Кассий стал частью его.

...Дно бассейна украшала мозаика: орел, сжимающий в когтях буквы SPQR, в окружении обнаженных гетер, водящих хоровод с сатирами. С одной стороны на это взирал грозный Марс с мечом в руке, а с другой — веселый Вакх с виноградной гроздью.

Кассий проплыл от Марса до Вакха под водой, задержав дыхание и мощными гребками посылая тело вперед. Плыть было удовольствием. Прохладная, чуть голубоватая вода омывала распаренное тело. Легкие жгло. Когда воздух закончился, трибун одним рывком выбросил себя из воды и, жадно вдыхая, вцепился в бортик бассейна.

Он стоял у лесенки, ведущей в бассейн: молодой парень лет двадцати, со стрижкой легионера, но слишком тщедушный для службы, одетый в шорты и футболку, что выделяло его из толпы голых легионеров, — и смотрел на трибуна с восхищением, из-за чего Кассий мимо воли вспомнил слова Фортуната о нравах современной римской молодежи — но потом разглядел на плече юноши (там, где легионерам набивали герб легиона и группу крови) вытатуированную волчью морду, и сообразил, кто это мог быть.

— Трибун Кассий Марциллиан? — вытянулся в струну юноша и попытался щелкнуть несуществующими каблуками.

Кассий отбросил со лба налипшие волосы и вылез из бассейна по лесенке, молча разглядывая нежданного поклонника.

— Меня зовут Ренат Стаберий, я кесарь римского отделения «Люпус Эст».

У двадцатилетнего кесаря еще виднелись следы юношеских прыщей на узкой крысиной мордочке, а между передних зубов зиял внушительных размеров свистун. Но Стаберий был отнюдь не хилый — просто болезненно худой, и страшно жилистый при этом. На тонкой шее перекатывался острый кадык.

— И что? — спросил Кассий, выпрямляясь в свой немалый рост рядом с «люпусом».

— Сенатор Фортунат, — невольно попятившись, промямлил кесарь, — порекомендовал обратиться к вам...

— По поводу?

— Пригласить вас... — совсем сбился Ренат, — для проведения... Урока... военно-патриотического воспитания... Рассказать о службе в легионе... Сенатор просил передать вам, что этим вы окажете большую услугу ему лично! — выпалил он козырный аргумент.

Кассий раздраженно передернул плечами. Начинается, подумал он. Помогаем будущей родне делать политическую карьеру. Или Приск прав, и Фортунат имеет виды на меня? Как-никак, ветеран, весь в наградах... К черту все. Вилла и виноградники.

— Там будет дочь сенатора, госпожа Вириная! — добавил сникший было Ренат.

— Хорошо, — сказал Кассий. — Я приду.

* * *

Фидах назначил встречу на половину одиннадцатого, под мостом Фабричо. Фонари на набережной горели через один, озаряя улицу грязновато-рыжим

светом. Бран припарковал лимузин у обочины, выбрался наружу, закрыл за собой влажно чмокнувшую дверцу и огляделся.

Вокруг не было ни души. Дыхание вырывалось изо рта облачком пара.

Знакомый пикап уже ждал, втиснувшись между могучими быками моста. Бран не торопясь спустился по лестнице к каменистому берегу Тибра, еще раз огляделся. Бродячие собаки что-то грызли у основания набережной, и чуть дальше дремал бездомный, укрывшись картонными коробками. Все было спокойно, и Бран подошел к пикапу.

— Ого! — сказал Фидах и одобрительно прищелкнул. — Растем, да? Делаем карьеру?

Он завистливо пощупал лацкан шоферской ливреи Брана и прищелкнул пальцами.

— А то! — ответил Бран и поправил фуражку. — Не все же мусор подметать. Надо искать свое место в этом мире. С перспективой.

Фидах гоготнул.

— Это точно. Пошли, покажу кой-чего!

Гравий поскрипывал под ногами, и тихо плескались воды Тибра. От реки несло помоями и мочой. Фидах перегнулся через борт пикапа и откинул брезентовый полотно.

— Вот, — кивнул Фидах. — Три кило.

У Брана пробежал холодок по спине. Пятнадцать серых брикетов, похожих на куски хозяйственного мыла, были уложены аккуратной пирамидкой на дне кузова. Рядом лежал пакет с торчащими из него проводами и детонаторами.

— На пару дней, — попросил Фидах. — Потом Бедвир заберет. Или сам Тарла. Ему, кстати, понравилось, как ты тогда у ресторана конфликт разру-

лил. Ты ему вообще понравился, только это между нами, хорошо?

Бран промолчал. Одно дело — рюкзак. Там все понятно. Оружие есть оружие, без оружия — ты раб, с оружием — свободный человек. Но это...

— И с лимузином ты классно придумал, — продолжал трещать Фидах. — Просто отлично. Кто же остановит лимузин с номерами Сената? Никто. Ни один вигил не посмеет! Соображаешь, братишка пикт!

— В прошлом году, — покачал головой Бран, — после взрывов в метро... Забыл, да? Про волну погромов? Когда две недели ни один пикт нос на улице не мог высунуть? Про то, как «люпусы» наши лавки жгли и капища оскверняли? Улу тогда отец даже в школу не отпускал.

— Да не трясись ты! В этот раз все будет по-другому! Ты что, думаешь, Тарла дурак? Он все наперед просчитал!

В этот момент лимузин сенатора Фортуната помигал фарами и раздраженно прогудел клаксоном.

— Это кто? — не на шутку перепугался Фидах. — Кто там, в машине? Ты кого с собой притащил?!

— Это Виринея, — поморщился Бран. — Дочка сенатора.

— Кто-о? — округлил глаза Фидах.

— Я ее трахаю. А она за мной таскается, как собачка. Нравится, наверное... А что? А как, по-твоему, я водителем стал?!

Фидах изумленно покачал головой:

— Ну ты идиот... Да она же с «люпусами» заодно! С кесарем ихним, Стаберием за одной партой сидела! Она же нас всех сдаст!!!

От этих слов Брана бросило сначала в жар, а потом в холод. Он почувствовал, что стремительно

и неудержимо краснеет. Кровь прилила к голове, загудело в ушах. Виринея. И Ренат Стаберий, малолетний кесарь этих стриженных тварей. Гадина. Шлюха. А что, если... Он испуганно оборвал мысль на полуслове, но слишком поздно: ледяные пальцы пробежали по позвоночнику, обхватили затылок — и Бран закончил: что, если все это было обманом? Подставой, чтобы вывести «люпусов» на Тарлу?

Ну уж нет. Этому — не бывать.

Бран прищурился, плотно сжав губы, и процедил: — Не сдаст. Давай сюда груз. Все будет нормально.

Упаковав серые брикеты в спортивную сумку под взволнованным взглядом Фидаха, Бран поднялся по лестнице, отправил сумку в багажник лимузина, а сам уселся за руль.

Виринея, опять пьяная, успела перебраться на соседнее сиденье и свернуться в клубочек, обхватив ноги руками. Трусиков на ней не было. Под сиденьем валялась пустая бутылка из-под шампанского.

— Ну почему ты так долго? — надула губки Виринея. — Мне же ску-у-чно!

— Пошла вон, — процедил Бран.

— Что-о?!

— Я сказал — пошла вон! — рывкнул пикт. — Подстилка «люпусовская»!

Виринея распахнула глазищи.

— Совсем сдурел, чурбан синемордый? — прошипела она, мигом протрезвев.

Вместо ответа Бран распахнул дверцу и вытолкал девчонку на мокрый асфальт.

— Да мой отец тебе яйца отрежет, дикарь! — завопила Виринея.

Бран захлопнул дверцу и рванул лимузин с места так, что шины завизжали.

* * *

Спортзал «люпусов» находился на Авентине, в престижном районе среди вилл патрициев и государственных учреждений вроде штаб-квартиры муниципальных вигилов. Странное место для спортзала, подумал по дороге Кассий, ведь куда проще арендовать помещение в подвалах Колизея. Но, видимо, вигилы в качестве соседей устраивали «люпусов» больше, чем варвары-гладиаторы.

Сам спортзал располагался в старом и заброшенном храме Юпитера. Могучие стены толщиной в руку, дорическая колоннада, тонкой работы барельефы и превосходная акустика. Но вместо алтаря — ринг путилистов, рядом борцовский ковер и сетчатая клетка панкратиона. Вдоль стен висели мешки, и стояли изрубленные манекены для ножевого боя.

На почетном месте высилась статуя Волчицы, вскармливающей Ромула и Рема.

В зале пахло потом, кровью, старыми носками и адреналином. Было жарко, узкие окна запотели и почти не пропускали свет.

К приезду Кассия и Рената «люпусов» в зале набралось уже с полсотни, и они продолжали прибывать. Все как один с легионерской стрижкой (которую носили, конечно же, только салаги первого года службы), с татуировками волчьих морд на плечах и в белых футболках с уже знакомыми трибуну изображением кастета и надписью «Добро пожаловать в Рим!».

Судя по внешнему виду, «люпусы» вербовали рекрутов из самых разных слоев общества. Были тут и подкачанные, с мощными шеями и перебитыми носами спортсмены; среди них толкались худые, с голодными и злыми взглядами люмпены из трущоб Квиринала; пребывали в меньшинстве отпрыски патрициан-

ских родов — этикие пухлощекые румяные увальни, которых легко узнавали по ухоженно-холеному виду и брезгливо оттирали в сторонку; и гаддело великое множество детей и подростков с грязноватыми цыплячьими шеями и рвано-дергаными движениями. На костлявых плечах волчьей морды напоминали шакальи.

При появлении кесаря Рената «люпусы» засуетились, притихли и быстренько распределились по залу, сымитировав классическое построение когорт легиона в шахматном порядке.

— Слава Риму! — нестройно гаркнули они.

— Смерть врагам его! — ответил Ренат, стукнув себя кулаком в грудь.

Кассий молча кивнул. Что-то было не так в этой картине. Что-то ему не нравилось. За годы службы трибун тысячи раз стоял перед строем, приветствуя таких вот малолетних оболтусов, которым предстояло проливать кровь — свою или чужую — за величие Рима. Но эти... С этими трибун Кассий Марциллиан в бой идти не хотел. Такие скорее ударят в спину, чем прикроют. Да у половины из них взгляд мародеров, идущих на разграбление взятого города, сообразил трибун. А у другой половины — стеклянные глаза фанатиков. Не знаю, что хуже...

— Волки! — выкрикнул Ренат. — Я рад видеть вас! Сегодня! У нас особый гость! Даже два! Первый — отец-тавроктоний Силантий из капитолийского митреума! А второй — трибун Третьего Каледонийского легиона Кассий Марциллиан!

В ответ «люпусы» возбужденно загудели.

Из-за спины Кассий выплыла громоздкая туша отца-тавроктония. Отец Силантий, облаченный в сиреневую хламиду, отличался пышной седой бородой и монументальной фигурой с брюхом столь выдающимся, что массивная золотая голова быка на толстой цепи

не столько висела, сколько лежала на оном брюхе. Толстые пальцы-сардельки, украшенные рубиновыми перстнями, перебирали нефритовые четки.

Так вот чей лимузин был припаркован у входа в спортзал, сообразил Кассий.

— Дети мои! Дети волчицы! — Голос жреца Митры, хорошо поставленный, слегка отдавал сипотцой любителя заложить за воротник. — Рим болен. Рим умирает. Язычники справляют варварские обряды на наших улицах. Капищ стало больше, чем митреумов. Костры друидов горят ярче жертвенников Митры. Еще чуть-чуть, и Победителя Быка постигнет участь старых богов. Будут заброшены храмы. Погаснут жертвенники. Римляне отвернутся от единого бога. И тогда Рим умрет. Потому что без веры, без духовности, без бога нет Рима! И воцарится разврат и тлен, и скверна войдет в ваши дома! Ваши сестры будут спать с грязными германцами! Вонючие вандалы изнасилуют ваших матерей! Ваши дети и внуки будут красить лица в синий цвет и молиться деревьям! Рогатые боги придут!!!

Перейдя на крик, Силантий побагровел лицом и начал задыхаться. Пока жреца не хватил апоплексический удар, Ренат выступил вперед и подхватил пламенную речь:

— Рим болен! Но мы — лекарство! Мы, дети волчицы, спасем Рим! Мы очистим его от скверны! От синемордых! От варваров! От дикарей! Мы не позволим им утянуть нас в пучину язычества! Мы отвергнем их обычаи! Мы вышвырнем их из нашего города! Из Империи! Рим — для римлян! Слава Империи!

— Слава Империи!!! — заорала взбудораженные «люпусы», и раскаты этого рева эхом отразились от стен бывшего храма Громовержца.

Ренат, сделав шаг назад, легонько толкнул Кассия в спину. Мол, трибун, давай, твоя очередь — я их ра-

зогрел, а ты займись военно-патриотических воспитанием.

Кассий, прищурившись, обвел взглядом беснующихся «люпусов» и молча ткнул пальцем в ближайшего.

— Ты, — сказал трибун, дождавшись тишины. — Подойди.

Хлипковатого вида парнишка заозирался растерянно, а потом просиял и гордо приблизился, выкатив впалую грудь. На футболке у него был вышит орел Пятого Мавританского легиона.

Брат Кассия Климент Марциллиан служил центурионом в Пятом Мавританском. Шесть лет назад, в Девятую Пуническую кампанию Пятый Мавританский полностью уничтожили нумидийцы.

— Ты служил в легионе? — спросил Кассий.

Парнишка помотал головой, продолжая радостно улыбаться.

Трибун протянул руку, ухватил футболку за ворот и резко дернул. Затрещала тонкая ткань.

— Этот орел... — начал Кассий. — Парни куда смелее тебя отдали свои жизни за право его носить. Они умерли во славу Империи. Без патриотических воплей и речевок. Скорее всего, матерясь себе под нос. Они не называли себя детьми волчицы, патриотами Рима, сынами Империи. Они просто дрались за Рим. За Империю. И не для того чтобы такие сопляки таскали футболки с орлом их легиона!

Парнишка смотрел на трибуна с обидой и горечью. Нижняя губа сопляка задрожала. Кассий швырнул ему в лицо обрывки футболки и обернулся к притихшим «люпусам».

Те смахивали на стаю шавок, напоровшихся на матерого волчару. Прижатые уши, поджатые хвосты, смесь страха и восхищения во взглядах. Щенки почувляли силу. Щенки испугались, но захотели стать такими

же... Краем глаза Кассий заметил, как светится от счастья Ренат и одобрительно качает бородой Силантий.

Выступление трибуна, видимо, идеально вписалось в их планы.

Ах, так. Лекарство, подумал Кассий, играя желваками. Вы считаете себя лекарством от болезней Рима... Такое лекарство хуже любой болезни. Глупые вы сопляки. Ну, сейчас я вам выдам!

Но выдать не получилось.

В задних рядах «люпусов» началась какая-то непонятная возня, по толпе прокатился ошеломленно-испуганный вздох — и перед трибуном вдруг очутилась помятая девица хрупкого телосложения, одетая в короткое серебристое платье и почему-то только в одну туфельку. Девица посинела от холода, и лишь благодаря гриве белоснежных волос Кассий (с трудом, правда) узнал в ней Виринею — дочь сенатора Фортуната и свою невесту, виденную трибуном один раз в жизни три года тому назад.

— Ренат, — жалобно пропищала Виринея. — Меня... Меня изнасиловали!

Мир вокруг Кассия опрокинулся.

2

Ночью ударили первые в этом году заморозки — прихватили тонким хрустким ледком лужи и вскрыли инеем оконные стекла, а утром пошел снег. Мелкие белые крупинки сыпались с тяжелого серого неба, оседая ноздреватыми горками на клумбах и асфальте.

Рим в одно мгновение стал серым и угрюмым. Высотки Виминала, будто кельтские менгиры, подпирали провисшее небо. На улицах не было ни души.

Приск остановил армейский внедорожник, заглушил мотор и сверился с картой.

— Вроде здесь, — буркнул он.

Кассий молча выбрался из джипа, поежился и поднял воротник пальто.

— Если, конечно, стукач не наврал... — задумчиво пробормотал Приск, выбираясь следом и вытаскивая с заднего сиденья кувалду.

— Скоро мы это выясним, — процедил Кассий.

Шестнадцатизэтажную высотку построили совсем недавно — два года назад, когда Третий Каледонийский отправлялся на место несения службы, на Виминале еще орудовали бульдозеры, снося трущобы и освобождая место под дома. А сейчас тут вырос целый район одинаковых зданий с аккуратными двориками и детскими площадками. Песочницу, качели и горку (все яркое: красное, желтое, оранжевое) присыпало снегом, точно мелкой солью.

Во дворе этой конкретной высотки копошилось, убирая снег, с поддюжины дворников-секванов в оранжевых жилетках. Фанерные лопаты скребли по асфальту. На Приска с кувалдой в руках и Кассия варвары покосились с ужасом.

Легионеры поднялись на крыльцо, и центурион нажал на кнопку домофона.

— Точно здесь? — скептически уточнил Кассий. — Элитное вроде жилье.

В ответ центурион пожал плечами. Кувалду он держал легко, словно игрушечную.

Дверь подъезда отворил пожилой мужчина, и Кассий сразу же признал в нем бывшего легионера. Военная выправка, седой ежик, шрам от ожога через все лицо. Поверх форменной ливреи консьерж накиннул старый бушлат, из-под которого виднелись орденские планки. Манипуларий, морская пехота. Осада Каффы,

Пятая Македонская, Второй Парфянский поход и что-то еще, Кассий не разглядел.

— Вы к кому? — спросил консьерж-ветеран.

Вместо ответа Кассий сверкнул своей трибунской бляхой, и консьерж посторонился, пропустив легионеров в дом. Они миновали лифт и свернули налево, к двери в подвал. За дверью тянулись бесконечные ряды стиральных машин. Где-то рядом гудела и хлопотала котельная. Было жарко и влажно, как в термах.

— Сюда, — махнул рукой Приск, указывая на неприметную дверь в углу.

— Не понимаю, — заявил Кассий, дергая ручку. Заперто. — Если тут есть консьерж, откуда взяться варварам в подвале?

— Эх, трибун, — усмехнулся Приск и вскинул кувалду, ухватив ее двумя руками. — Не знаете вы солдатской жизни. У этого консьержа пенсия — пятьдесят сестерциев, ну, может, за выслугу лет еще десятку накинут. Прожить на это в Риме невозможно. А так — с каждого синемордого по сестерцию, глядишь, и ветерану хватит на бутылочку фалернского... Опять же, улицы ведь кому-то подметать надо... Посторонись!

Центурион замахнулся и с хаканьем двинул кувалдой в дверь. Та выдержала, засов — тоже. Косяк разлетелся на куски, явив трухлявое нутро.

— Все прогнило, — сказал Кассий, вышибая ногой створку.

В лицо пахло казармой — спертым воздухом, невымытыми телами, прокисшим вином. За дверью был узкий и темный коридор. Под ржавыми трубами парового отопления и силовыми кабелями вдоль стен стояли двухъярусные армейские койки, на которых испуганно жались к другу дружке грязные, чумазные пикты.

Кассия и Приска они, видимо, приняли за вигилов из иммиграционной службы и потому терпеливо сно-

сили лучи фонарей, направленные им в лицо, и совали какие-то бумажки с цветными печатями, наверное, разрешения на работу.

— Деорд, — сказал Приск и на ломаном кельтском добавил: — Нам нужен одорукий.

Пикты в ужасе качали головами.

— Ну что, трибун, — весело и зло сверкнул глазами центурион. — Как в Альт Клуते?

Кассий вытащил из кармана «парабеллум» и перевернул затвор.

— Я буду убивать каждого пятого, пока вы не отдадите мне одорукого, — сказал трибун. — Первый. Второй. Третий...

— Не надо! — раздался хриплый голос.

Из темноты выступила широкая согбенная фигура. Правый рукав был завязан узлом, на лбу, под гривой седых волос, виднелось клеймо раба. Щеку пересекал извилистый шрам.

Кассий направил луч фонаря на единственную руку пикта. Там, между большим и указательным пальцем, был выбит номер концлагеря на острове Тиберин, где содержали пленных после битвы за Дал Риладу. Все сходится.

— Что тебе надо, римлянин? — спросил пикт.

— Твой сын.

— Ты его не получишь, — угрюмо покачал головой Деорд.

— Тогда я убью тебя, — пожал плечами Кассий и вскинул пистолет.

— Валяй.

— Папа! — Щуплая девочка с косичками метнулась наперерез выстрелу, обхватила отца руками. — Нет!

Где-то я ее уже видел, подумал Кассий. Ах да. Виночерпий Фортуната. Похотливый сатир еще лапал ее в тот вечер... Плевать.

— Или, — сказал Кассий, — мне начать с нее?

Ствол «парабеллума» качнулся в сторону девочки, и старый пикт сделал глупость. Он оттолкнул дочь и бросился на трибуна, схватившись за пистолет.

Кассий ударил Деорда ладонью в нос. Старик рухнул на колени, но пистолет не выпустил. Тогда трибун ударил пикта ногой — Деорд, падая на спину, дернул за ствол, и грянул выстрел.

В узком подвальном коридоре он прозвучал как взрыв гранаты. В ушах раздался тонкий свист. Резко запахло пороховым дымом и свежей, горячей кровью.

Деорд вздрогнул и упал. На лбу его, точно посредине клейма, появилась маленькая черная дырочка.

Пронзительно закричала девочка.

3

— ...масштабные танковые маневры в Далмации, — гундосил старый черно-белый телевизор, — на самой границе Римской Империи. Царь гуннов Аттила Восьмой опроверг обвинения в мобилизации населения Паннонии и стягивании войск в Рецию. По его словам, целью учений является подготовка гуннской национальной гвардии к ликвидации последствий возможного стихийного бедствия...

Гостиничный номер был обставлен скудно. Кровать, больше смахивающая на солдатскую койку, платяной шкаф, два стула, тумбочка под телевизор. Отсыревшие обои и вылинявший ковролин дополняли картину унылого прибежища дальнбойщиков и командировочных на окраине Рима. Кассий сидел на койке и смотрел телевизор.

— Теперь к новостям Рима. После взрыва на станции метро «Колизей», предположительно устроено-

го известным кельтским террористом Тарлой, были ужесточены меры безопасности Вечного Города. В районах компактного проживания кельтской диаспоры с целью предотвращения возможных погромов усилены патрули вигилов. Верховный друид пиктской общины отказался комментировать версию о возмездии за убийство Деорда как возможном мотиве теракта...

Кассий встал, открыл шкаф. Вытащил и повесил на спинку стула парадный китель. Заправил футболку в брюки, надел сорочку и начал застегивать пуговицы.

— ...тем временем у стен Капитолия продолжается пикет общественной организации «Люпус Эст». Главными лозунгами «люпусов» остаются «Рим для римлян!» и «Синелицые, убирайтесь домой!». Бенедикт Фортунат, возглавляющий умеренную фракцию в Сенате, заявил, что понимает гнев римской молодежи, но призывает сохранять спокойствие и не допустить разжигания межнациональной розни...

Закончив с сорочкой, Кассий надел темно-синий китель. Тот оказался на удивление тяжелым: золотой галун на рукавах и стоячем воротнике, серебристые аксельбанты, пять рядов орденских планок и две медали — бронзовая фалера за Каледонию и «дубовый венок» за Аквитанский рейд. Кассий поддернул манжеты сорочки, поправил шнур аксельбанта.

— ...сегодня состоится суд над военным трибуном Кассием Марциллианом, известным также как Палач Каледонии. Напомним, в вину трибуну вменяют умышленное убийство пиктского иммигранта Деорда, которое послужило толчком к массовым беспорядкам в последние три дня Самайна...

Перед тем как надеть белую лакированную португальскую, трибун снял с нее кобуру. Идти с пустой было

глупо, идти без ремня — позорно. Потом настал черед белых же, тончайшего шелка, перчаток и фуражки с высокой тульей и золотым орлом на кокарде.

— ...Рим же готовится к празднованию Сатурналий. Никакие социальные потрясения не помешают римлянам весело встретить Новый год...

Кассий взял пульт и резко, будто выстрелив в экран, выключил телевизор. В эту же секунду в дверь робко постучались.

— Да, — сказал трибун. — Я готов.

Дверь приоткрылась, и в комнату просунул голову Ренат Стаберий, облаченный в черный берет с волчьей головой:

— Трибун! К вам сенатор Фортунат.

* * *

Фидах опаздывал. Бран подышал на озябшие ладони, поправил шарф, замотанный вокруг нижней половины лица, и поглубже сунул руки в карманы, бросив мимолетный взгляд на циферблат наручных часов.

Фидах опаздывал на пятнадцать минут. Еще пять — и операцию можно смело считать сорванной, бросать все и уходить. И пускай Тарла сам отрывает Фидаху голову, яйца и все остальное!

Замерзли ноги в модных туфлях из тонкой телячьей кожи. Бран уже и пританцовывал, и прохаживался, и даже прыгал на месте — ничего не помогало, пальцы ног практически не чувствовались. Будь прокляты эти римляне с их дурацкой обувкой, думал Бран, настороженно озираясь.

Город готовился к Сатурналиям. В каждой витрине мерцали праздничные гирлянды, на каждом углу про-

давали горячее вино со специями, и каждый римлянин тащил подарок, упакованный в непременною коробку с ярким бантом.

Бран забыл про подарок, и только это выделяло его из толпы. Всем остальным — туфли, пестрые брюки, дутовый пуховик и ярко-красный шарф, обмотанный вокруг лица — пикт не отличался от любого представителя римской молодежи. По крайней мере, Бран очень на это рассчитывал: местом встречи тупица Фидах выбрал вход на станцию метро «Площадь Республики», ближайшую к центральному вокзалу «Термини», а после взрыва на «Колизее» по всему метро дежурили усиленные патрули вигилов и преторианцев.

В двух шагах от приплясывающего Брана торчали двое верзил с автоматами, дубинками и «оливковыми веточками» в петлицах. Рядом с ними, за сверкающим стеклом кондитерской, под нежную мелодию крутились на подставках шоколадные торты, нарезанные ломтиками, и парили воздушные, взбитым кремом увенчанные пирожные.

Бран сглотнул слюну, и тут его хлопнули по плечу:
— Здорово, дружище! С праздником!

По части маскировки Фидах переплюнул даже Брана. Он напялил на себя немислимо яркую хламиду, а на голову нацепил плюшевые оленьи рога.

— Рога-то тут при чем? — спросил Бран, скептически оглядев приятеля.

— Это же римляне, брат! Им что Сатурн, что Цернунн — все едино, лишь бы весело было! — взмахнул металлической фляжкой пикт.

Ко всему прочему, Фидах успел изрядно надраться. Замечательно, подумал Бран.

— Хочешь? — предложил ему Фидах фляжку.

— Нет.

— Это тебе не какое-то разбавленное римское вино! — обиделся Фидах. — Это, между прочим, настоящая каледонийская «аква вита»!

— Тише ты, — одернул его Бран, указав на вигилов. Отобрав у товарища фляжку, Бран сделал глоток (виски обжег горло, сразу согрев внутренности), после чего схватил Фидаха за руку и потащил за собой. Фидах попытался было запеть праздничный гимн, но после тычка под ребра заткнулся.

Они свернули с Виа Национале в какой-то переулок, где Фидах моментально протрезвел.

— А здорово, правда? — весело подмигнул он. — Первый раз идем на дело с пустыми руками. Непривычно даже.

Последние полтора месяца Бран и Фидах выполняли вспомогательные функции в отлаженном механизме террора. Задания сводились к простейшим действиям: взять сумку, отнести, оставить под скамьей или в мусорном баке. Бросить записку в почтовый ящик. Вымыть пол с хлоркой в вестибюле патрицианской виллы. Отвезти за город и закопать в лесу два мешка...

Но сегодня молодым пиктам была уготована главная роль в грядущей акции. И какой акции!

Акции возмездия.

Даже само слово приятно щекотало язык.

Фидах привел Брана к старому, черному от копоти зданию уныло-имперской архитектуры — доходному дому, построенному из каменных блоков настолько массивных, что выдержал бы даже землетрясение, случись таковое в Риме. Но экономика оказалась сильнее природных катаклизмов — окна в доме кое-где были выбиты и заделаны фанерой, а с фасада осыпалась штукатурка.

Лифт, как ни странно, еще работал. Фидах крутанул никелированную рукоятку — и ржавая клеть, скрипя

и дребезжа, поползла вверх, увозя обоих пиктов. Люк на чердак был открыт, слуховое окно — тоже.

На крыше дул пронизывающий ледяной ветер, гоня снежную крупу по рыжей черепице.

Тарла, в длинном кожаном плаще, ждал у парапета в полном одиночестве, даже без верного телохранителя Бедвира. У ног Тарлы лежала брезентовая армейская сумка вроде тех, что Бран и Фидах отвозили и оставляли для кого-то.

Сегодня сумку оставили для них.

— Молодцы, — похвалил их Тарла вместо приветствия. — Чисто пришли. Я смотрел.

Фидах просиял, а Бран спросил, кивнув на сумку:

— Это оно?

— Да, — качнул усами Тарла. — Не торопись, у нас еще полчаса... Взгляни лучше сюда.

Он обвел могучей рукой панораму Рима. Купола Пантеона и Капитолия, гигантская чаша Колизея, Испанская лестница, небоскребы Форума, триумфальные арки и колоннады храмов, приземистые портики терм и острые шпили египетских обелисков, бесчисленные фонтаны и скульптуры Вечного Города — все это было замечено серым, грязным от смога снегом и придавлено хмурым зимним небом.

Закат был красным, как кровь.

— Вечный Город, — задумчиво проговорил Тарла. — Вечный! Ха! Еще чего! Развратный. Мягкотелый. Дряхлый. Обреченный... Какой угодно, но не вечный. И римляне сами в этом повинны. Они забыли лица предков. Отринули старых богов. Прокутили Империю в пьяном угаре... Римляне сами продают нам оружие, из которого мы их убиваем! — Тарла пнул армейскую сумку. — Да они мать родную продадут ради золота, вина и девок... Они забыли слово «долг». Забыли слово «месть». Но мы — пикты! — мы помним!

Да, Бран? Поэтому мы останемся. А римляне сгинут во тьме истории...

Полтора месяца назад Бран стоял бы, разинув рот, и внимал пафосным речам Тарлы. Но сегодня он просто опустился на одно колено и деловито расстегнул сумку.

Внутри лежала оливко-зеленая труба противотанкового гранатомета «Пилум». Рядом валялись две мины «Клеймор».

— Это еще зачем? — спросил Бран.

— Это для него. — Тарла показал на Фидаха. — Установишь их одним кварталом ниже по улице. На случай, если Бран промахнется...

— Я не промахнусь, — сказал Бран, заряжая гранатомет.

* * *

Едва выйдя из дверей гостиницы, «люпусы» во главе с Ренатом Стаберием напялили темные очки, подцепили за уши витые шнурки гарнитур и стали играть в крутых телохранителей. Внешне получилось даже похоже: камуфляжные куртки, начищенные берцы, черные береты, суровые лица, деловитое бормотание в поднесенный к лицу манжет, текучая суета вокруг Кассия и Фортуната... Но Кассий знал, что огнестрельного оружия у «люпусов» нет — по статусу не положено, и охрану они обеспечивали скорее декоративную; «люпусы» тоже это понимали и были слегка взвинчены.

На улице стоял мороз. Сенатор Фортунат застегнул бежевое пальто, обмотал шею пурпурным шарфом и сказал:

— Не волнуйся, друг трибун. Все будет нормально.

Сенатор заметно похудел за время процесса, холерное лицо его осунулось и приобрело мужественные черты. Истинный римлянин, готовый возглавить нацию в тяжелый час испытаний... Кассий сунул руки в карманы шинели:

— Я и не волнуюсь.

— Узнаю легионерский стоицизм! — расцвел в профессиональной улыбке Фортунат.

Трибун предпочел промолчать.

В окружении «люпусов» они пересекли узкую улочку и остановились возле кортежа, состоявшего из трех мотоциклов, лимузина и армейского джипа центуриона Приска. Центурион сидел за рулем и, кажется, дремал.

— А он что тут делает? — удивился Кассий. — Я думал, легион вы вмешивать не станете.

— Личная инициатива старого боевого товарища! — воздел палец к небу Фортунат. — На мотоциклах поедут «люпусы». А мы с тобой, мой Кассий, сядем в мой лимузин. Получится очень символично: народ, сенат и армия поддерживают героя — защитника Рима.

Кассий фыркнул.

— А ваши левые дружки, что пикетируют суд и называют меня Палачом Каледонии, тоже нас поддержат? — осведомился он.

— Нет, — скривился сенатор. — Полудурки как с цепи сорвались... Но это, впрочем, не играет совершенно никакой роли. В конце концов, я дал судье взятку в пять тысяч сестерциев не для того, чтобы он прислушивался к мнению каких-то оборванцев.

Для трибуна упоминание о взятке стало сюрпризом.

— Подождите, сенатор, — нахмурился он. — Если суд куплен — то зачем это все? Поддержка народа, полемика в прессе? Неужели нельзя было просто закрыть дело?

— Увы, мой Кассий, увы! — развел руками Фортунат. — Это Рим, здесь нельзя иначе. Даже покупая судей, надо поддерживать видимость твердого порядка!

— А может, это все — лишь элемент вашей предвыборной кампании?

— Нашей, друг трибун, — обнял его сенатор. — Нашей предвыборной кампании. Но об этом мы поговорим позже.

Кассий стряхнул его руку.

— Я поеду с Приском, — сказал он.

Сенатор смерил его долгим взглядом, после чего опять расплылся в улыбке и заявил:

— Прекрасная идея, дружище! Так будет даже лучше!

Первыми выехали Ренат и «люпусы» на мотоциклах; за ними плавно и величественно покотил лимузин Фортуната; и лишь через пару секунд отчаянно зевающий Приск тронул с места внедорожник.

— Не выспался? — спросил Кассий, сидя рядом с центурионом.

— Выспишься тут, — пробурчал Приск. — Как вас арестовали, трибун, так весь Третий Каледонийский дрючат в полный рост и днем, и ночью. Моих десантников поставили Арсенал охранять, виданное ли дело — парашютисты в карауле стоят!

— Так, — сказал Кассий. — Это еще зачем?

— У них там ревизия, в Арсенале... — скривился центурион. — Воруют все, до последнего интенданта. Приехала комиссия. И не обычные военные вигилы, а преторианцы. Нет, мол, доверия легиону. А нас поставили в караул, дескать, вы, боевые части, вне подозрений. Ох, чует мое сердце, попытаются нас крайними сделать, сволочи преторианские...

— Что пропало-то?

— Да по мелочи... Одежда зимняя со складов. Сухие пайки солдатские, пару ящиков. Палатки походные.

Кортеж остановился на светофоре. Ренат с мотоциклистами успели проскочить на зеленый, а лимузин — нет, и теперь «люпусы» не знали, что им делать — ехать дальше, останавливаться или возвращаться. «Балбесы», — подумал Кассий. Они как раз приближались к Виа Национале, дальше начиналась площадь Республики, где, несмотря на ранний вечер выходного дня, царило оживленное движение, усугубленное предпраздничной суетой. Там «люпусы» могли и вообще потеряться.

— И что, из-за каких-то шмоток и жратвы преторианцы пожаловали? — не поверил трибун.

— Ну... — замялся Приск. — Не только. Оружие пропало. Карабинов десятка два. Пистолеты. Патроны.

— Да, гнилое дельце...

«Люпусы» все-таки вернулись к лимузину, нагло проехав по улочке с односторонним движением навстречу потоку машин, и опять пристроились во главе кортежа. Стаберий, понимая все минусы езды через центр, свернул в какой-то переулок, и лимузин последовал за ним. Приск скептически хмыкнул, но отрываться не стал, направив джип за лимузином.

— Что еще пропало? — спросил Кассий.

— «Пилумы», — ответил центурион. — Десять штук.

Кассий присвистнул:

— Ого! Кому же это в городе понадобились противотанковые гранатометы?

И словно в ответ на его вопрос вертикальная белая полоса расчертила вечернее небо и уперлась в лимузин, тут же вспучившийся оранжевым облаком с черными прожилками.

Ахнуло глухо, и лобовое стекло джипа — все в паутине трещин — ударной волной вогнуло внутрь.

— Жми! — заорал Кассий, но Приск и без команды трибуна врубил заднюю и выжал из джипа все возможное.

Надсадно взвыл мотор, и по бронированной крыше знакомо застучали пули.

* * *

В качестве транспорта для отхода Тарла оставил для Брана крошечный мотороллер ядовито-сиреневого цвета, и это было здорово придумано: на таких вот тарактелках по всему Риму сновали курьеры, доставляя пиццу и другую ерунду, заказанную по телефону. В канун Сатурналий количество курьеров зашкаливало, и затеряться среди них не составляло особого труда. На тарактелки никто не обращал внимания, как на привычную деталь городского пейзажа.

Особой скорости, конечно, мотороллер с его слабеньким движком выдать не мог, зато маневренностью обладал изумительной, легко запрыгивая на тротуары, протискиваясь сквозь заторы и бодро проскакивая между столбиками, ограждающими пешеходные улицы.

Чего Тарла не учел, так это слаженности и оперативности римского механизма по отлову преступников и террористов. Все-таки стрельба из гранатомета по сенаторскому лимузину в центре Рима являлась настолько незаурядным событием, что на ноги подняли всех, и практически мгновенно.

Бран еще только натягивал шлем, когда издалека донеслись первые завывания вигильских сирен. Горожане, наученные предыдущим опытом терактов и повальных облав, быстренько убирались с улиц, отчего Рим стремительно пустел; когда Бран вырулил на площадь Республики, там почти никого не было, и ветер

гонял по брусчатке пустые бумажные стаканчики. Навстречу пикту пронеслась темно-зеленая «Альфа Ромео» с мигалками на крыше, за которой колонной ехали тяжелые патрульные мотоциклы вигилов.

Улицы переключались быстрее, чем Бран успевал сориентироваться. Несколько раз он сворачивал буквально за пару секунд до того, как на его пути вырастал заслон муниципальной гвардии или патруль вигилов. Сирены были все ближе и настойчивее.

А хуже всего, что кроме вигилов по улицам Рима проносились черные фургоны с огромной надписью «Антитеррор» на борту. Преторианцы. А уж им в руки, как советовал Тарла, живым лучше не попадать.

Вылетев прямо на такой фургон, Бран наклонил мотороллер почти параллельно земле, оттолкнулся от бордюра, еле впился в поворот, но столкновения избежал и юркнул в узкий — еще чуть-чуть, и коленями стены заденешь — переулок.

Переулок закончился древней, будто оплывшей, лестницей.

Мотороллер легко, точно козлик, заскакал по ступенькам, вытряхивая из Брана внутренности. Верный скин-окол в ножнах под мышкой заколотил по ребрам, и тут Бран, совершенно неожиданно для себя, впервые по-настоящему испугался.

Ему не было страшно, пока он стоял на крыше и ждал кортеж. Не было страшно, когда он выцеливал лимузин и нажимал на спуск. Юноша хранил абсолютное, ледяное спокойствие, пробираясь через проходные дворы к мотороллеру. Веселый азарт погони владел Браном, пока он играл в кошки-мышки с вигилами и преторианцами.

А сейчас, вспомнив о кинжале, Бран похолодел, кровь отхлынула от лица, и руки задрожали.

Любой вигил. Любой патрульный. Любая римская сволочь, остановив Брана, сдаст его преторианцам просто за то, что пиктам в Риме носить оружие запрещено.

И из-за какого-то дурацкого ножика...

Бран остановил мотороллер, снял шлем и глубоко вдохнул морозный воздух. Слипшиеся от пота волосы мокрой шапкой облепили голову, как холодный компресс.

Спокойно, пикт, сказал себе Бран. Спокойно. Это страх из тебя выходит. Бедвир рассказывал, что так бывает. Это надо просто переждать.

Переждать не получилось. На верху лестницы, по которой только что съехал Бран, раздался хищно-веселый гомон, и нарисовалась компания «люпусов» с короткими дубинками в руках. Почуяли кровь, твари!

Бран нахлобучил шлем и рванул мотороллер. Слишком резко рванул, слишком лихо срезал на повороте — и молоденький, еще не успевший отрастить брюхо вигил махнул ему жезлом, приказывая остановиться.

Удирать было некуда, и Бран остановился.

— Права! — пролаял вигил. Глаза у него были жадные и голодные.

Бран протянул ему права — те самые, что сделала Виринея, когда устраивала на должность водителя лимузина. Того самого лимузина, который Бран превратил в груды пылающих обломков полчаса назад.

Бран исправил только имя: теперь его звали Вран, а мало ли пиктов носит это славное имя? А еще, по рекомендации Виринеи (будь ты проклята, сука!), он всегда держал в правах сложенные вчетверо двадцать сестерциев.

Вигил взял права, раскрыл их и пожевал губами. Ну вот и все, обреченно подумал Бран. Сейчас он меня арестует. Я, конечно, попытаюсь его пырнуть и удрать, но «люпусы» меня догонят. А если не «лю-

пусы», то вигилы. Или муниципальная гвардия. Или преторианцы.

Это же машина, подумал пикт с тоской. Весь Рим — огромный механизм. А я — всего лишь песчинка, угодившая между шестеренок. И чего я хотел добиться? Сломать машину, которой столько веков?

— Проезжай! — козырнул вигил, возвращая Брану права уже без денег.

И Бран поехал дальше, на деле убедившись в правоте Тарлы: Рим сгнил. Рим должен умереть. Туда ему и дорога.

И только подъехав к Пьяцца дель Пополо, где его должен был ждать Фидах, и увидев, как толпа «люпусов» избивает Фидаха ногами, а потом, набросив ему на голову мешок и скрутив руки за спиной, заталкивает в фургон без номеров, Бран понял: радоваться рано.

Борьба только начинается.

* * *

Ренат Стаберий блевал уже пять минут. Сначала его рвало полупереваренной едой, потом желчью. Теперь кончилась даже она, но юного кесаря «люпусов» продолжало выворачивать наизнанку.

— Ну что, долго он там еще? — потерял терпение Приск.

— Спокойно, центурион, — одернул его Кассий. — Мальчишка познакомился со смертью. Это бывает.

Ренат и двое его товарищей, изображавших эскорт телохранителей на мотоциклах, подорвались на минах в одном квартале от того места, где расстреляли лимузин Фортуната. И не на каком-то самодельном фугасе, а — как мрачно сообщил Приск, повертев в руках обугленный осколок — на фабричной mine «Клеймор»

стандартного армейского образца. Родом мины были наверняка из злополучного Арсенала. Видимо, масштабы хищений оказались значительнее, чем думали.

Потом был допрос у преторианцев. Два с половиной часа. Лампа в лицо, жесткий стул, зеркало во всю стену, нарочито выключенная камера и бесконечно тупой следователь, раз за разом повторяющий одно и то же.

Рената, Приска и Кассия допрашивали по отдельности и вместе, зачем-то брали отпечатки пальцев, фотографировали, опять допрашивали и — наконец! — отпустили.

Тут-то Стаберий и не выдержал. Прямо возле участка вигилов, где преторианцы развернули мобильный штаб операции «Варвар», кесарь «люпусов» согнулся в три погибели и сблеванул.

И все никак не мог остановиться.

— Слушай, Ренат, — спросил Кассий, чтобы хоть как-то отвлечь парня от этого увлекательного занятия. — А кем ты работаешь? Ну, в свободное от кесарения над «люпусами» время.

— Я... продавец... — ответил Ренат, вытирая рот ладонью. — Модной одежды... в бутике... на Виа дель Корсо...

Приск хрюкнул.

— Эк тебя в «люпусы»-то занесло, родимый? — насмешливо осведомился центурион.

Ренат гордо выпрямился:

— Я патриот Рима! И мне не все равно!

— Садись в машину, патриот, — скомандовал Кассий. — И так много времени потеряли.

Рим будто вымер. Преторианцы после убийства сенатора ввели чрезвычайное положение и комендантский час; над городом барражировали вертолеты, порывивали, распутивая случайных прохожих, громкоговорители на фонарных столбах, и на каждом углу бдили патрули вигилов. Стрелки часов приближались

к двенадцати. Операция «Варвар» была в самом разгаре. Толку от нее, конечно, не будет — боевики Тарлы, или кто там на самом деле обстрелял лимузин, уже давно скрылись, попрятались по норам и сидят себе тихонько, а муниципальная гвардия в ходе героических облав заметет сотни две безобидных дворников-фракийцев да таврийских проституток, помаринует денек-другой и отпустит, отрапортовав о масштабных оперативно-розыскных мероприятиях...

Еще и мзду соберут доблестные вигилы из иммиграционной службы с варваров-нелегалов. Это ведь проще, чем ловить настоящих террористов, да и безопаснее.

— Поехали в спортзал, — сказал трибун. — К «люпусам».

Армейский джип Приска никто остановить не посмел.

Несмотря на поздний час, в старом храме Юпитера было шумно и многолюдно. «Люпусы» готовились к большой драке. Накачанные парни с помятыми физиономиями уличных бойцов вытащили на центр зала, прямо к статуе Ромула и Рема, окованный железом сундук и деловито вытаскивали из него, и сразу же раздавали, будто подарки на Сатурналии, короткие дубинки с шипами, велосипедные цепи, монтировки, кастеты, ножи, самодельные кистени, обрезки железных труб и прочие дробящие и колюще-режущие инструменты.

Появление Рената и Кассия «люпусы» встретили восторженным ревом, воздев к потолку бывшего храма оружие.

— Кесарь Ренат! — выкрикнул щуплый парнишка, отделившись от толпы, и Кассий его узнал: тот самый сопляк, с которого трибун сорвал футболку с орлом Пятого Мавританского. — У нас есть кое-что... Кое-что важное!

Парнишка весь лучился от гордости.

— Показывай, — велел Стаберий.

Тщедушный «люпус» повел их мимо ринга в какую-то провонявшую потом подсобку, где отворил люк в полу и, взяв в руки фонарь, осветил лестницу в подвал.

— Там, — сказал он возбужденно. — Он там.

«Там» было неожиданно жарко и душно. С потолка капало. От труб отопления веяло жаром.

В центре подвала стоял деревянный стул с гнутыми ножками. К стулу был привязан человек с мешком на голове. Руки пленника прикрутили к бедрам, и пальцы левой руки торчали под странным, неестественным углом.

Вокруг стояли трое мускулистых «люпусов» в промокших от пота футболках. Сбитые костяшки и довольные туповатые лица ясно давали понять, что здесь происходило последние пару часов.

— Он все рассказал, — доложил один из здоровяков.

— Пускай повторит, — велел Ренат.

Щуплый «люпус» сдернул с головы связанного мешок. Лицо пленника превратилось в один сплошной кровоподтек. Один глаз ему выбили, второй заплыл. Сломанный нос, расквашенные губы, осколки зубов торчат изо рта.

— Повтори! — визгливо выкрикнул щуплый. — Повтори, что ты им сказал!

— Мфмнм... — промычал пленник, и щуплый юнец тут же отвесил ему оплеуху. Брызнула кровь.

— Говори, мразь! — пустив петуха в конце вопля, потребовал щуплый.

А парнишка-то амбициозен, отметил про себя трибун. Никак, метит в помощники Ренату. Хочет стать правой рукой кесаря. Далеко пойдет. Ишь, какое рвение...

— Как тебя зовут? — поинтересовался Ренат у пленного.

— Ф-фидах... — выдохнул пикт.

— Если ты сейчас не расскажешь все, тебя опять будут бить, — ласково пообещал Ренат.

— Н-н-не... н-н-е н-надо... — с трудом проговорил Фидак. — На... Сатухналии... митинг... «люпусов»... Мы... планиховали... хасстхелять... вас... всех...

— Какой еще митинг? — спросил Кассий.

— Завтра, — мрачно ответил Ренат. — Завтра мы собирались выйти к Сенату. И потребовать очистить Рим от варваров. Раз и навсегда. А они задумали затеять драку... Ну и хорошо. Вот и славно. Будет им драка.

Кассий вспомнил сундук с холодным оружием наверху и слова Приска о пропавших из Арсенала карабинах, пистолетах и Митра знает чем еще. Это будет не драка, подумал трибун. Это будет бойня.

— Не торопись, кесарь, — сказал он. — Пойдем-ка, побеседуем с Приском...

Центурион ждал на улице, возле машины. Рядом с ним стояла девушка маленького роста, облаченная в камуфляжные штаны, высокие ботинки на шнуровке, черную нейлоновую курточку и черный же берет, из-под которого торчал хвост белоснежных волос.

— Виринея? — удивился Кассий. — Ты что здесь делаешь?

У Приска глаза полезли на лоб.

— Значит, не наврала, — пробормотал он себе под нос. — Так это ваша невеста, трибун?

— Бывшая, — холодно поправила его Виринея. — Я пришла к Ренату.

— Виринея, — сказал Ренат. — Твой отец...

— Я знаю, — ответила девушка. — Я хочу отомстить. Ты поможешь мне?

Кассий отвел Приска в сторону, подальше от трогательной сцены, где двое молодых римлян клялись друг дружке отомстить проклятым варварам, и спросил:

— Кто сегодня дежурит в Арсенале?

— Моя центурия, а что?

— Завтра будет большая драка. С пиктами. Прямо в Риме. Нужны бойцы. Или хотя бы оружие.

— Людей я не дам, — мрачно покачал головой центурион. — Разве что кто сам захочет пойти. Но это — трибунал. А оружие...

Он вытащил из кармана железное кольцо, на котором висело десятка два длинных ключей разной формы.

— Полчаса без присмотра я вам организую, трибун. Но не больше.

— Спасибо, Приск, — Кассий пожал центуриону руку, и тот добавил:

— Надеюсь, вы знаете, что делаете!

* * *

Бран высыпал в глиняную плошку порошок вайды, залил водой и помешал, пока не образовалась густая синяя каша. Зачерпнул ее пальцами, размял комочки и провел по лбу. Кожа приобрела мертвенно-голубоватый оттенок. Пикт взял еще вайды, добавил в раствор и начал втирать в лицо.

Первый раз Бран и Фидах раскрасили лица в синий цвет еще в школе, в третьем классе, обычной акварелью. Деорд тогда выпорол Брана. Ты в Риме, бушевал отец, живи по-римски! Забудь обычаи холмов и болот! Это Рим! Лучше быть рабом в Риме, чем бегать по горам с синей мордой!

Прости, отец, подумал Бран, но римлянина из меня не вышло. Покончив со лбом, Бран принялся за пра-

вую щеку и челюсть. Лоб и правая половина лица — этой раскраске его научил Бедвир. Воин, идущий мстить за убитого члена клана.

Теперь известь. Втереть в волосы. Нанести на брови. Посмотреть в зеркало.

Призрак загробного мира глядел на Брана из мутного зазеркалья.

Дух Самайна.

Пикт.

Бран сунул короткий автомат в рюкзак, туда же отправил запасные магазины и пару гранат. Надел куртку, надвинул капюшон на брови, закинул рюкзак за спину и вышел из квартиры.

На улице его подхватила толпа. Со стороны могло показаться, что это беспечные римляне спешат на Форум, чтобы как следует повеселиться на Сатурналиях. Но краем глаза Бран видел друидов в длинных балахонах, несущих дубовые посохи; сигнальщиков с их жуткими, человеческой кожей обтянутыми барабанами; боевиков Тарлы с тяжелыми, металлически побрякивающими сумками; просто молодых кельтов с дубинками и ножами под клетчатými тартанами...

Их было много. Их было больше, чем Брану доставало смелости даже вообразить.

Варвары шагали по Риму.

А с Капитолийского холма доносилось ритмичное скандирование «люпусов»:

— Рим для римлян! Синемордые, пошли вон!!!

Ненависть, чистая и неразбавленная, плескалась перед Капитолием. Гордый Рим, изъеденный проказой, восстал против варваров. Озверелые от запаха крови «люпусы» накручивали себя перед очередной волной погромов. Туповатые молодчики, науськанные трусливыми жрецами Митры и хитрыми политиками вро-

де Фортуната, собирались снова жечь, грабить и убивать варваров.

Но сегодня все будет по-другому. Варвары устали терпеть.

Варваров было много. «Люпусы», сами не сознавая того, оказались жалким родником пресной воды — а вокруг них плескалось море. Море голов, море рук, море стволов. Океан варваров. У «люпусов» не было шансов.

Среди бесчисленного множества кельтов Бран заметил квадратную фигуру Тарлы. Уже ни от кого не прячась, легендарный террорист забрался на крышу пикапа и обливал фонарный столб бензином из канистры. К столбу цепью примотали перекладину.

Тарла щелкнул зажигалкой — и огромный крест запылал над Форумом.

Кранн тара.

Древний сигнал к началу войны.

Тут же забили барабаны, и Бран, на ходу выдергивая из рюкзака автомат, побежал вперед вместе со всеми.

За отца! За Фидаха! За Каледонию!

Сквозь стучащую в ушах кровь Бран с трудом слышал, как прогремели первые выстрелы, похожие на хлопушки и фейерверки Сатурналий. Началось. Бран прижал приклад к плечу, передернул затвор и приготовился убивать римлян — но тут случилось неожиданное.

Проклятые «люпусы», вместо того чтобы в ужасе рассеяться перед синелицей толпой, открыли стрельбу в ответ.

Дальнейшее Бран помнил фрагментами.

Падают под кинжальным огнем «люпусов» сигнальщики пиктов, барабаны катятся по мостовой.

По длинной дуге летит граната со слезоточивым газом, оставляя после себя белый перистый след.

Пикты опрокидывают легковушки, наспех сооружая баррикады, и занимают оборону.

Взрывается мотоцикл, и объятый пламенем патрульный вигил, бредет, пошатываясь и смердя горелым мясом, по улице, падает и продолжает гореть.

Пули с визгом рикошетят от стен домов, сыплется штукатурка и битое стекло.

Бран сжимает раскаленный ствол автомата и давит на спусковой крючок, но автомат не стреляет, пикт лезет в рюкзак за запасным магазином и вдруг понимает, что сжег все патроны.

Убитый Бедвир лежит посреди улицы в луже собственной крови. Бран подбирает его карабин, но патронов все равно нет.

Бегство через темные переулки, мимо мусорных баков, воняющих кошачьей мочой, под улюлюканье «люпусов».

Трое «люпусов» вздергивают на фонарный столб друида и вспарывают ему живот.

Горящий дом похож на игрушечную шкатулку, языки огня вырываются из окон.

Вертолеты кружат над головами, лучи прожекторов несут смерть.

Ула... Ула несет Алпина на руках среди сотен других пиктов, спасающихся бегством от начавшейся резни!

При виде перепуганной сестры Бран пришел в себя. Пробив локтями и плечами путь к Уле, он схватил ее за руку и проорал:

— За мной! — увлекая девушку с ребенком в сторону от основного потока.

«Люпусы», невесть кем предупрежденные и непонятно почему вооруженные, отбросили пиктов с Капитолия обратно к трущобам Квиринала; перепуганные варвары — не только кельты, но и фракийцы, даки, сарматы, гелветы, вандалы и прочие — бежа-

ли в ужасе от озверелых молодчиков, несущих смерть и разрушение, но бежали варвары в сторону Виминала, а там, Бран точно знал (видел? слышал? догадывался?) их ждали преторианцы, стена алых щитов, резиновые пули и пушки-водометы, и Бран потащил сестру к многоэтажной парковке.

Они поднырнули под шлагбаум, миновали будку с выбитыми стеклами и по темной эстакаде устремились на самый верх. Потревоженные автомобили вразнобой подвывали сигнализацией. Неоновые лампы тревожно мигали.

На крыше Бран остановился и перевел дух.

— Ты цела? — спросил он у Улы.

Сестра закивала, продолжая стискивать двухлетнего Алпина. Тот в ужасе смотрел на Брана, а потом, признав в синелице и беловолосом призраке старшего брата, довольно заулыбался.

— Отсидимся здесь, — сказал Бран. — Потом я выведу тебя из города.

— Это вряд ли, — раздался голос за спиной пикта.

Бран резко обернулся. На фоне пылающего Рима стояли двое. Парень и девушка, оба в камуфляже и черных беретах. «Люпусы».

— Вот мы и нашли тебя, Бран, — довольно произнесла девица голосом Виринеи. — Я же говорила тебе, Ренат, что он придет за своей сестрой и братиком.

Стаберий — а это был именно он! — сделал шаг вперед.

— Сейчас ты умрешь, пикт, — сказал кесарь «люпусов», сбрасывая куртку и вытаскивая клинок.

Пехотный гладий, на два пальца длиннее скин-оккла. Но Брану было все равно. Он заслонил собой Улу и Алпина и выдернул из ножен кинжал.

Стаберий начал двигаться, чуть пританцовывая и забирая влево. Бран стоял, выставив скин-оккл и при-

крыв свободной рукой шею. «Люпус» сделал ложный выпад в голову и присел, пытаясь подрезать Брану ногу. Пикт полоснул противника по руке, прыгнул вперед и вогнал кинжал в живот Стаберия.

Кесарь «люпусов» захрипел, рухнул на колени, выронил гладий и умер, уткнувшись лицом в гудрон.

Бран повернулся к Виринее, сжимая в руке окровавленный скин-оккл.

— Ты убил его, — потрясенно выдохнула Вириней. — Какой ты быстрый! Ты... ты настоящий воин. Ты увезешь меня с собой? В горы?!

Бран недоверчиво покачал головой. Неужели она и в самом деле на что-то надеется?

— Убей эту тварь, — прошипела Ула. — Убей ее. Это все из-за нее! Папа погиб из-за нее!

Вириней попятилась — и наткнулась на Тарлу, безмолвно возникшего у нее за спиной. Взвизгнув, римлянка бросилась наутек.

— Пускай бежит, — равнодушно проронил Тарла. — Внизу ее встретят. Ага, — сказал он при виде мертвого Стаберия. — Я все-таки опоздал. Хотел сам убить мерзавца. С таким трудом выследил и — опоздал... А ты молодец, Бран. Настоящий воин.

— Что теперь будет? — спросил Бран. — Мы проиграли?

Тарла широко ухмыльнулся:

— Напротив! Мы победили! Погляди! — Он обвел рукой панораму горящего Рима. — Разве это не прекрасно? Разве не об этом мы мечтали?

С улиц доносились крики и выстрелы. Где-то вдалеке шипели водяные пушки и взрывались газовые гранаты. Над городом кружили вертолеты, на улицах горели машины.

— И что теперь? — спросил Бран, одной рукой обнимая Улу и Алпина.

— Теперь бы будем воевать, — хищно улыбнулся Тарла. — Грабить и убивать. Теперь — наше время. Время варваров.

Брану вдруг стало страшно. Семнадцать лет он прожил в этом городе. Семнадцать лет Рим был его домом. Теперь дом сгорел. Ула тихонько всхлипывала, прижавшись к плечу Брана. На личике Алпина был испуг.

— Нет, — сказал Бран. — Мне надо позаботиться о семье. Увезти их из города.

— Неужели Рим сделал тебя таким мягкотелым? — не поверил Тарла. — Ты же пикт!

Вместо ответа Бран молча повел сестру и брата к выходу с парковки.

— Ты еще вернешься! — крикнул Тарла им вслед.

— Бряд ли, — ответил Бран.

Они вышли на улицу — и в эту секунду Рим погрузился во тьму. Погасли все фонари и прожектора, сгинули вертолеты, и лишь пламя пожаров освещало ночное небо.

* * *

Когда погас свет, Кассий находился под аркой Тита, в самом начале Виа Сакра, ведущей к Форуму. В паре шагов от него трое «люпусов» насильовали верещащую от ужаса и боли секванку: двое держали ноги, а один пытел над девушкой, пытаясь зажать ей рот и одновременно расстегивая потрепанное пальто варварки.

Двоих Кассий схватил за шкирки и свел лбами. Звук был — как от деревяшек. Третий успел обернуться и вцепиться в полу шинели, его трибун пнул ногой. Обезумевшая секванка перевернулась на живот и попыталась уползти. Трибун перешагнул через нее и окинул взглядом Форум.

Там шел бой, плавно переходящий в грабеж. У колонны Траяна горел грузовик вигилов, между колоннадой храма Сатурна кто-то вел ожесточенно перестрелку, под Регией кипело рукопашное побоище, Дом Весталок пылал, из взорванных ворот Мамертинской тюрьмы бежали заключенные.

А с Капитолия надвигалась стена алых щитов — когорты преторианцев, построившись «черепашей» и отбивая ритм дубинками, медленно, но неумолимо выдвигалась к Форуму. Из-за «черепашей» по широкой параболе вылетали, запущенные аркбаллистой, канистры со слезоточивым газом, и виднелись водяные пушки на самоходных платформах.

По расчетам трибуна бунту оставалось бурлить около пяти минут. Преторианцы свое ремесло знали отлично и массовые волнения давили быстро, эффективно и беспощадно.

И именно в этот момент немногочисленные уцелевшие фонари на Форуме, равно как и прожектора, подсвечивавшие фасад храма Юпитера Статора и базилику Порция, погасли.

Форум накрыло мраком — как и весь Рим. А преторианцы, перегруппировавшись, двинулись обратно к Капитолию.

Ничего не понимая, Кассий вышел из-под триумфальной арки. Шальная пуля на излете прожужжала мимо и выбила кусок барельефа у Кассия за спиной. Под ногами хрустело битое стекло. Пахло гарью, бензином, порохом и дерьмом — канализационные люки бунтовщики пустили на баррикады.

Из разбитой витрины ювелирного магазина выскочили четверо «люпусов», с ног до головы увешанные золотыми цепочками. Один из мародеров наставил на трибуна армейский «парабеллум» — вполне возможно, из числа тех, что пару часов на-

зад Кассий лично раздавал со складов Арсенала молодым патриотам Рима...

Твари, подумал Кассий, глядя в дуло пистолета. Рука «люпуса» — совсем еще мальчишки, лет пятнадцать, не больше — изрядно дрожала.

Неизвестно, выстрелил бы «люпус» или нет — но знакомый трибуну рев дизелей заглушил звуки уличных боев и спугнул мародеров. Мальчишки бросились бежать, унося добычу, а Кассий обернулся и нахмурился.

На Виа Сакра выезжала колонна бронетехники. Два турма БМП, четыре когорты пехоты, пять манипул десантников и центурия спецназа. Третий Каледонийский легион уходил из Рима, направляясь к Ратуменновым воротам.

При виде трибуна в расстегнутой форменной шинели и парадном кителе головная машина колонны притормозила, и из нее вылез Приск — в шлеме, кирасе и разгрузочном жилете. В руках у центуриона был короткий десантный карабин.

— Что случилось, Приск? — спросил Кассий.

— Война, трибун, — ответил Приск. — Нас подняли по тревоге полчаса назад.

— Война?!

— Гунны. Гунны перешли границу Империи.

Кассий потрясенно выдохнул. Это многое объясняло: и затемнение города, и отзыв преторианцев... Но как же это было не вовремя!

— Пусти, — сказал трибун, ставя ногу на подножку БМП.

— Нет, трибун, — покачал головой центурион. — Вас отстранили от командования, помните?

— Что-о?!

Приск спрыгнул с брони и схватил Кассия за отвороты шинели.

— По вашей милости, трибун, — прошипел центурион, — у меня треть машин идет в бой с половинным боекомплектom! А еще треть — вообще без снарядов, исключительно для устрашения! У десантников по два магазина к винтовке, у пехоты — по одному! Ваши малолетние ублюдки разграбили Арсенал подчистую! Чем нам воевать, трибун? А?! Матом?!!

Кассий сорвал с себя руки Приска:

— Спокойно, центурион. Справимся. Не впервой.

— Мы-то справимся... Но без вас. Предателей нам не надо.

Кассий побелел.

И тут откуда ни возьмись нарисовался пузатый жрец Митры — тот самый отец-тавроктоний из спортзала «люпусов», Силантий его звали, с трудом припомнил Кассий.

— Благословляю вас, — пророкотал митраист, помахивая ведерком с бычьей кровью и пытаясь что-то намалевать на броне БМП, — сыны Империи, опора и надежда ее, щит и меч в руках ее...

— Пошел вон!!! — хором рявкнули на него Кассий и Приск, и жрец испуганно отпрянул.

Приск запрыгнул обратно в машину и молча захлопнул за собой люк. БМП взревел, обдав трибуна сизым выхлопом, и тронулся с места. Третий Каледонийский двинулся следом. Трибун — теперь уже бывший военный трибун Кассий Марциллиан — остался стоять на обочине, провожая взглядом своих подчиненных, идущих на верную смерть.

Легионеры отдавали ему честь.

Когда проехала последняя гаубица, Кассий опустил руку и обернулся. Руины Рима предстали перед ним.

Из-за Сервиевой стены донеслись первые разрывы снарядов.

* * *

На третий вечер декабрьских ид, в первую ночь праздника Сатурналии, танки гуннов вошли в Рим.

ВЛАДИМИР АРЕНЕВ

СВЕТОЧИ

«Мамонты» пёрли плотной, фыркающей колонной, из-под колёс летели брызги. Косачёв отошёл в сторону и ждал.

Возле ворот колонна притормозила, двое охранников в хамелеонках и фасеточных шлемах подошли к водителю первого грузовика, тот перекинулся с ними парой слов через приспущенное стекло, кивнул и поехал дальше. Сразу за воротами «мамонт» свернул налево. На мгновение брезентовый полог покачнулся и сдвинулся, Косачёв заметил хмурого бойца, державшего на коленях «Осу-3». Рядом сидел священник, его бледное лицо напоминало посмертную маску.

Фонари на улицах уже погасли, но Солнце едва пробивалось сквозь низкие, обложные тучи. А вот массивный силуэт Юлы был виден чётко: корабль висел прямо над центральным корпусом библиотеки, над острым её шпилем.

Косачёв прищурился, глядя, как на перевернутом конусе Юлы мельтешат огоньки. Системы в их перемигивании не было — или, по крайней мере, он за все эти годы так и не уловил.

Последний грузовик тем временем уже въехал на территорию, и створки с гулким лязгом сошлись.

Охранники закурили, один что-то негромко сказал, другой хохотнул, но рассеянно, скорее из вежливости.

Косачёва оба заметили издалека, узнали сразу — видимо, по трости и шаркающей походке. Приблизившись, он откинул капюшон ветровки:

— Привет. Я смотрю, Тоболин уломал-таки кого-то из церковников. Будет нам чем себя развлечь.

— От радости уже прыгаем до небес, — сказал тот, что постарше, ровесник Косачёва. Приподнял фасетки, сплюнул, разгладил рыжие усы. — И Стёпан Ильич, как назло, слёг. Сезонка, хуже гриппа, какой-то новый штамм. Говорит, три простыни исморкал.

— А что, поддержку вам не пришлют?

— Ты, Глебыч, как будто их не знаешь. Если и пришлют — десяток пацанов, и нам тут с Курилко не только за вордолаками надо будет приглядывать, а ещё и за молодняком. — Он снова сплюнул, прищурился. — Чего-то ты сегодня совсем скверно выглядишь. Нога?

— На погоду, — кивнул Косачёв. — Ну давайте, ребята, держите тут рубежи. Если что — зовите.

Он зашагал через внутренний двор, по пустой бетонной дорожке. Подумал, что вот эти же парни, если всё сорвётся, пустят ему пулю в спину и даже не задумаются. Ну, может, старший на полсекунды промедлит — всё-таки воевали на одной войне, вместе защищали этот город.

Ерунда, сказал он себе, ничего не сорвётся. С какой бы стати. Наоборот, всё складывается как нельзя удачней.

То, что Тоболин ведёт переговоры с патриархом, знали давно. Церковь не хотела отдавать книги библиотеке, точнее — готова была каждые четыре ме-

сяца присылать взносы в виде довоенных ещё Библий, часословов, пытались даже всучить номера «Благодатного огня» и «Отрока», — но всё это, конечно, никуда не годилось.

В конце концов министр выдвинул ультиматум — в исключительно мягкой форме, но тем не менее. Косачёву говорили, что Тоболин действительно готов идти до конца и в случае чего прекратить поставки новых буктареек. Сорохтина, из бибколлектора, с неожиданной злобой хмыкала: «Ну а что, пусть возвращаются к истокам. Пустынь, лампада, огородики там, грибы-ягоды. На хрена патриарху кабельные каналы? А вместо холодильников — погрёба пусть роют. Здоровее будут».

Косачёв её озлобленности не разделял, он помнил, как пятнадцать лет назад, в тридцать пятом, многие священники шли против Первой волны наравне с обычными солдатами. Не морочили людям голову ни цитатами из Апокалипсиса, ни призывами покаяться. Сражались с тварями, которые явились на планету; ухаживали за ранеными, пытались укрепить дух умирающих...

Но здесь и сейчас всё обстояло иначе — и Косачёв был рад, что Тоболин добился своего.

Массивная дверь скользнула в сторону, в лицо пахнуло тёплым воздухом. В предбаннике сегодня дежурил Бурундук — старый долговязый ветеран, любитель потрепаться. Лицо у него было исчёркано бурыми полосами — заразился какой-то инопланетной дрянью, к счастью, безобидной. Вывели из организма быстро, только эти вот следы и остались.

— Привет, Глебыч. Слышал уже про Остромирово евангелие?

— Так это его привезли? Ну Тоболин!.. Лет на пять работы, не меньше.

— Больше, я думаю. Мне парни говорили, что проверили по каталогам — ни одного факсимильного издания не осталось. Это десятка, Глебыч. Минимум.

Косачёв усмехнулся:

— И пусть теперь вордолаки что-нибудь попробуют вякнуть.

Бурундук кашлянул и отвёл глаза.

— А что, — спросил, — как там в деревне? Их вообще нет, вордолаков-то? Шурин твой об этом чего-то говорил?

— Удивился, когда узнал, что такие бывают. Мол, кто в здравом уме требовал бы... — Косачёв махнул рукой. — Конечно, оно и неудивительно: там у них, в глубинке, всё выглядит совсем по-другому.

— Это точно, — протянул Бурундук. — Хотя вот я...

Косачёв глянул на циферблат, висевший над стойкой, нахмурился:

— Извини, время. Сегодня лучше не опаздывать, сам понимаешь.

Бурундук закивал, проходи, мол. Когда Косачёв потянулся снять с плеча сумку, только фыркнул:

— Да ладно, Глебыч, можно подумать, ты там бомбу тащишь. Если рамка не запищит...

Рамка, разумеется, не запищала. В сумке у Косачёва лежали только бутерброды, всё чисто.

Он прошёл через гулкое фойе, здороваясь со знакомыми работниками, но больше уже не останавливался. Совещание у Тоболина начиналось ровно в семь, а сейчас было без двух минут — как раз чтобы дойти до лифта, опуститься на минус второй и войти в конференц-зал.

— А, Косачёв. Ну наконец-то, соизволил. Можем начинать?

— Простите, Иван Игнатьевич. В воротах как раз пропускал «мамонтов» с грузом. Поздравляю!

— Не с чем пока, — отмахнулся министр. Выгляд он неважно: глаза покраснели, щёки и подбородок обвисли, левый мизинец то и дело рефлекторно подрагивал. Тоболину давно пора было устроить «чистку», да вот нечем было заменить. — Так, ввожу всех в курс дела — вкратце, поскольку времени нет. Мне сообщили, что вордолаки откуда-то узнали про Евангелие и сейчас спешным порядком готовятся к демонстрации. Мы должны сделать всё максимально оперативно и чисто, я уже дал распоряжения. В целом план такой...

За столом начали перешёптываться. Из девяти присутствовавших только трое были напрямую связаны с тем, что предстояло сделать. У остальных были другие хлопоты, всё-таки первый день триместра, очереди наверняка уже от ворот и до проспекта. Конечно, в первые годы после Содружества принимать литературу было одновременно проще и сложнее: ещё не составили толком каталоги, многое делалось наобум — но и регистрацию никто не вёл, ориентировались на некие усреднённые баллы. Сейчас же к приёму относились внимательнее, из-за этого процесс затягивался, то и дело случались скандалы.

Обычно выездные приёмные комиссии заканчивали свою работу до триместра, но переговоры с патриархом... да и дороги, которые за эти годы удалось восстановить далеко не везде... в общем, всё совпало, наложилось, — и Косачёв был этому только рад.

Тем более, нынешний раритет — это не его головная боль, а вон Сорохтиной и прочих. Он здесь находится исключительно для проформы, у него — другие задачи.

— ...уложиться в пару часов. Максимум — два с половиной. Нам обещали подкрепление на случай бес-

порядков, но лучше, если беспорядков не будет. Вопросы есть?

— Остальные отделы работают в обычном режиме?

— Все отделы работают в обычном режиме! — рявкнул Тоболин. — И чтобы без сучка, без задоринки. Учтите: там, — ткнул он пальцем наверх, — мою инициативу поддержали. Помогли надавить на патриарха, но в случае чего — на меня же всё и свалят. И я не про *высоких грузей*, этим-то наплевать, да вы и сами... что я буду вам... не маленькие. — Он досадливо поморщился, оттянул пальцем воротничок рубашки. — В общем. Давайте всё сделаем как следует — так, как мы умеем. Позаботимся о людях и стране.

Косачёв терпеливо дождался, пока поток министрова красноречия иссякнет, и вместе с остальными покинул зал.

Перед дверьми лифта перекинулся парой пустых слов с Аштуевым из связей с общественностью. Тот был мрачней обычного, рассеянно кивал, отвечал невпопад. Общественность, конечно, следовало подготовить, и Аштуев, видимо, уже мысленно оттачивал фразы и парировал выпады.

У себя в кабинете Косачёв бросил сумку на кресло для гостей и, сдёргивая ветровку, выглянул в зарешёченное окно. С третьего этажа видно было, как очередь тянется вдоль забора, как, изогнувшись пару раз, теряется в тумане, в направлении проспекта. Вдоль неё сновали на велосипедах продавцы горячего кофе, пирожков, бутербродов.

— Самая читающая страна в мире, — сказал Косачёв. — От многих знаний...

Он оборвал себя, скривился, как будто раскусил горошину чёрного перца, — задёрнул шторы и вернулся к столу. Кабинет был узким, маленьким, — коморка, а не кабинет. Отчего-то здесь постоянно пахло тух-

лой капустой — то ли за стеной проходила вытяжка из столовки, то ли... Косачёв старался здесь надолго не задерживаться, сегодня — тем более.

Но перед тем, как уходить, выдвинул средний ящик стола, приподнял пачку амбарных книг — пожелтевших, никому сто лет не нужных, — и убедился, что пакет лежит на месте.

В дверь постучали — Косачёв шаркнул ящиком, поднялся, но успел произнести только: «Вхо...», — когда на пороге нарисовался бледный паренёк. Глаза навывкате, уши врастопырку, на подбородке свежий порез, хотя что там ему брить, в этом-то возрасте.

— Борис Глебович, у нас проблемы.

Косачёв его не знал, видимо, взяли недавно. Или знал, но забыл; после пятидесяти он вдруг обнаружил, что многое вымывается из памяти, причём без какой-либо системы, важные вещи и ерунда всякая, имена, лица, события... К врачам он с этим даже не ходил — толку? Многие из его сверстников страдали тем же: то ли возрастное, но скорей поколенческое; скажем, у родителей Косачёва такого и в помине не было. А может, это побочный результат первых «чисток», кто сейчас признается.

— Какие ещё проблемы? — Он уже вышел из-за стола и шагнул к двери — паренёк попятился.

— Там старик один... вас требует, говорит, это срочно и очень важно.

— Требует — и что? — Косачёв жестом велел пареньку выйти, сам последовал за ним и запер дверь на ключ. — Ты как будто в первый раз... хотя, может, и в первый... неважно. Они постоянно требуют: считают, что нашли редкое издание, придумали уникальный способ сохранения существующих, пререкаются из-за каждого балла, скандалят... Нельзя идти у них в поводу.

Паренёк моргнул:

— Так вы?.. что ему сказать?

— Пошли, пошли, я всё равно собирался спуститься в зал. Там разберёмся. Если Лапина сама не смогла и тебя ко мне послала, значит, есть причины.

Приёмный зал оборудовали в бывшем фойе центрального корпуса. Горожане проходили контроль в узком предбаннике, похожем на тот, в котором дежурил Бурундук. Затем распорядители направляли их к одному из свободных окошек за длинной стойкой. Сперва стойку соорудили из обычных фанерных листов, на алюминиевом каркасе, но через полтора года, после некоего инцидента, заменили на стальную, с узкими окошками из пуленепробиваемого стекла. Сам Косачёв комиссовался и стал работать в министерстве позже, так что о подробностях инцидента знал с чужих слов. Якобы прошёл слух, будто приёмщики занижают баллы — и толпа кинулась на штурм. Стойку буквально смяли, изломали в хлам, а уж о том, что случилось с приёмщиками, вспоминать вообще никто не хотел.

С тех пор в зале всегда дежурили вооружённые охранники, а всех, кто пытался скандалить, вежливо и решительно уводили в переговорную комнату. Никаких обсуждений на людях, никаких дискуссий. Как правило, всё решалось без вмешательства Косачёва. Люди бывают очень стоворчивы, когда речь заходит о возможности лишиться буктареек.

Косачёв вместе с пареньком прошли вдоль дальней стены, на которой ещё с советских времён красовалось панно: учёные расщепляли атом, покоряли космос и проникали в океанские глубины. Один — изображённый выше прочих — держал в ладонях, словно светоч, распахутый том. Сияние, исходившее от книги, озаряло лучами лица атомщика, космонавта и подводника...

Иногда Косачёв думал, что судьба всё же существует — как некий сюжет, предначертанный высшими силами или непостижимыми законами природы, — причём сюжет предельно ироничный.

— Борис Глебыч, ну наконец-то!..

— Так говорите, словно я неделю сюда добирался. Что тут у вас, Лапина?

— Герой войны, полный кавалер «Двуглавого орла». Требуется к себе, с другими говорить не желает. Знает вас по имени. — Она нахмурилась, потянулась к виску, но сделала вид, что поправляет причёску. Лапину Косачёв ценил, хотя спуску ей не давал: молодая, под тридцать, с невероятными энергией и хваткой, умеет управлять людьми и понимать их. Слишком самоуверенная — ну так с её-то способностями как не быть? — Я сказала, что вас нет, но он настаивал. И, сами знаете, у нас директива...

— Всё нормально, я разберусь.

Он постучал и вошёл в переговорную — ещё одну крохотную комнатку — пустую, с пластиковым столом и двумя неудобными стульями. На одном сидел охранник, которому положено было находиться рядом с посетителем до появления Косачёва; охранник вскочил, кашлянул смущённо.

— Ждите за дверью, — сказал ему Косачёв. — Спасибо.

На втором стуле сидел старик лет восьмидесяти, явно не злоупотребляющий «чистками» — если вообще когда-либо им подвергавшийся. Пятна на коже, чуть подрагивающие пальцы, даже — гляди-ка, очки!.. Косачёв знал, что в глубинке многие боятся использовать наноботов, тем более — принимать внутрь, — и никакие убеждения не действуют. Но чтобы кто-нибудь до сих пор носил очки, — о таком он сто лет не слышал!

Одет старик был в допотопный костюм, и на груди действительно висели три «орла»: золотой, позолоченный и серебряный. На стол перед собой он положил увесистый том, завёрнутый в старую газету. На Косачёва смотрел пристально, с некоторым отстранённым, почти обидным любопытством.

— Могу вам чем-нибудь помочь? — спросил тот.

Старик прищурил левый глаз:

— Похоже, я отрываю вас от чего-то сверхважного, да? Не сердитесь, Борис... э-э-э... Глебович. Я ненадолго.

— Мы знакомы?

— Вы садитесь. — Старик указал рукой на стул по другую сторону стола. — Набегааетесь ещё.

Он не был похож на самозванца — да, в конце концов, наверняка им и не был; охрана проверила документы, иначе бы не пропустили.

Но тогда чего он хочет и в какую игру играет? Воевали вместе? Вряд ли, Косачёв бы помнил, такое он, слава богу, ещё не забывает.

Тогда — кто? Один из вордолаков? Теоретически — как раз подходящий тип: исповедует довоенную систему ценностей, достаточно умён, терять ему нечего, в таком-то возрасте и без «чисток»...

Но даже если из этих — раз охрана пропустила, значит, безобидный.

— Слушаю вас. — Он сел, прислонив трость к стене. Случись что, вскочить со стула будет непросто, но... К чёрту, ничего не случится. Не сегодня.

— А ты сильно изменился, Косачёв. Раньше таким терпеливым не был, на месте усидеть не мог. Всё крутился, вертелся, трещал как сорока. И литературу любил, вот что странно...

Старик покачал головой — и Косачёв вдруг узнал этот жест, хотя времени-то прошло... больше сорока лет!..

— Мирон Венедиктович?!

— Значит, помнишь.

— Обижаете!..

Старый учитель Мирон Венедиктович Лыч поджал сухие губы, глянул холодно:

— Ещё даже не начинал. Давно здесь работаешь?

— Семь лет. Как комиссовался в сорок третьем — сразу сюда пошёл. Сперва обычным приёмщиком, потом повысили. Хорошо справляюсь с нестандартными заданиями, а здесь их хватает. — Косачёв пожал плечами: — Вроде бы и с процедурой, и с баллами определились, и люди как-то попривыкли, — и всё равно... А в первые годы, пока восстанавливали систему... Да вы и сами наверняка помните, каково было без электричества, без всего вообще, когда практически с нуля...

— Вот именно, — оборвал его Лыч. — «С нуля», а не «восстанавливали». И что, за все эти годы тебя ни разу ничего не смутило? Ты же был умным мальчиком, Косачёв. Работаешь в министерстве энергетики, не понаслышке знаешь, как тут всё устроено. Каждые четыре месяца наблюдаешь за вот этим вот... — Он махнул рукой в сторону двери. — Я никогда не был высокого мнения о правительстве — что преждем, что послевоенном. Но это ведь так просто! Не ахти какая загадка! Ладно, у них там мозгов не хватило, у тебя глаз замылился — но я же писал письма! Неужели ты ни одного не получил?!

Косачёв хотел было ответить, но старик дёрнул подбородком:

— Да, сам вижу, что не получил. Вот ведь мерзавцы! Трижды платил по бальной буктарейке; божились, мол, всё дойдёт в кратчайшие сроки, не больше месяца!

— Куда вы писали, Мирон Венедиктович?

— «Куда»! В министерство, этому вашему Тоболину! Я уж было решил... — Он раздражённо хлопнул ладонью по столу. — В общем, скажи спасибо Андрею, своему шурину, — кстати, тоже шалопай в детстве был... а сейчас остепенился: семья, хозяйство... выборный глава в деревне — практически только благодаря ему и выжили.

— Я знаю, — осторожно сказал Косачёв. — Знаю. После войны мы как-то потеряли друг друга, время было такое, Света с детьми жила у моих родителей, под Питером, там хоть как-то могли прокормиться, я работал, когда стало можно — они вернулись ко мне. Потом мы писали Андрею, но, сами знаете, почта работала совсем скверно... он говорит, недавно ему сразу все письма принесли, за несколько лет. Он как раз сейчас у нас гостит.

— Вот он мне и сообщил. — Мирон Венедиктович снова посмотрел на Косачёва этим своим любопытствующим взглядом. — Ты хоть представляешь, что творится в деревнях? Вообще — в стране? Вы кое-как подняли города, но в сёлах по-прежнему живут на дровах и угле. По дороге сюда я насмотрелся, уж поверь...

— А я насмотрелся во время войны, — сухо ответил Косачёв. — Как и вы, кстати. Такое за девять лет не исправишь. И мне странно, что вы, Мирон Венедиктович, этого не понимаете. После того как крабауки разрушили все существующие электростанции и сбили спутники с орбиты Кларка, после самой войны, после появления пандотов и Прижигания, — что же вы хотите? По-моему, уж вы-то лучше других должны понимать: без помощи пандотов мы бы вообще не выкарабкались. А даже и с ней — всё само по себе заново не отстроится, земля в месте Прижиганий не восстановится ещё минимум лет пять, всю инфраструктуру

создаём с нуля, и это ещё повезло, что за прошлый век столько книг издали. «Самая читающая страна в мире» — теперь вот есть, чем платить. Но это, — повторил он, — вы и сами наверняка знаете. И приехали сюда явно для чего-то другого.

Старый учитель откинулся на спинку стула и продолжал следить за Косачёвым, постукивая пальцами по столешнице.

— Значит, — сказал, — всё-таки не безнадежны. Всё-таки «платить». Ну и как же, Борис, ты оцениваешь происходящее? Начиная с Первой волны и по сей день — что это всё было, по-твоему?

Косачёв посмотрел на часы.

— Простите, Мирон Венедиктович, скоро девять, а у меня ещё полно дел. Вы где остановились? Может, приедете к нам домой? Познакомлю с Пашкой и Юлей, поговорим... А если не спешите, можете вместе с Андреем обратно поехать... странно, что вы сюда поодиночке добирались.

Он потянулся за тростью, но старик опередил его — ухватился за набалдашник и покачал головой:

— Сядь. За Андреем мне было не угнаться, вдобавок — следовало закончить кое-какую срочную работу. Десять минут, Косачёв. Найдётся у тебя десять минут на старика? Ответь на мои вопросы, и я всё объясню, быстро и наглядно.

— Я понимаю, — сказал, помолчав, Косачёв. — Со стороны, наверное, так всё и выглядит, как вы заявили: мы тут в столице ни черта не делаем. Но...

— Просто ответь на вопросы, ладно? Что, по-твоему, произошло за последние пятнадцать лет?

Косачёв снова помолчал: не собирался с мыслями — сдерживал растущее раздражение.

— В тридцать пятом на Землю прилетел корабль крабауков, — начал он, подчёркнуто медленно и разборчи-

во. — Выглядел странно, сперва решили, что это астероид, но когда приблизился, поняли, что — искусственного происхождения. На сигналы не отвечал и был полностью экранирован от каких-либо излучений, так что внутрь заглянуть учёные не смогли. Когда корабль оказался на орбите Луны, от него отделился рой мелких посадочных шлюпок — или «семян», как тогда говорили. Одни немедленно атаковали спутники на геостационарной орбите. Другие ударили по ракетным комплексам и электростанциям... Системы ПВО сбили несколько, но выяснилось, что урона почти не нанесли. А вот шлюпки стреляли не в пример удачней. Также, — продолжал он суховатым тоном, словно читая лекцию, — другие «семена» упали в пустынных районах — и вызвали стремительные изменения в местных биогеоценозах. Попросту говоря, создали иные экологические условия — предположительно, условия материнской планеты крабауков. В эти очаги направились «семена» несколько иного типа — с уже оплодотворёнными матками, или «царицами»; приземлившись, те начинали активно продуцировать яйца, из которых в течение получаса вылуплялись личинки... Исходный корабль между тем продолжал отправлять на Землю новые и новые шлюпки, и, в общем, через пару дней у крабауков уже был здесь надёжный плацдарм для дальнейших действий.

Косачёв замолчал и прислушался: показалось, что за дверью, в зале, раздался какой-то шум. Но нет, сейчас всё было тихо.

— В общем-то, нам повезло. К моменту приближения корабля войска были готовы... к разному. Когда началось, ответные удары нанесли оперативно. Нескольких маток уничтожили, нескольких серьёзно контузили... Ну а потом началась война — в которой у нас, Мирон Венедиктович, не было ни шанса, если уж начистоту.

— По-твоему, крабауки уничтожили бы человечество?

— Да нет, — пожал плечами Косачёв, — мы бы их в конце концов истребили. Но на это ушли бы десятилетия, может, даже век — и то, что осталось бы от нас самих, — это были бы уже совсем другие люди и совсем другая цивилизация.

— Значит, пандоты нас спасли?

— Выходит, что так. Без Прижигания мы бы не справились с крабауками так быстро. А без буктареек — восстанавливали бы энергетику годы... да и восстановили бы?

— Даже странно, отчего это появление пандотов называют Второй волной! — хмыкнул Лыч. — Вот они явились, внезапно и так вовремя, выжгли к чёртовой матери все гнёзда крабауков, взорвали их корабль — и совершенно ничего не потребовали взамен! А потом ещё предложили такие выгодные условия сотрудничества! Образовали с нами Содружество! Приглядывают за братьями своими меньшими, охраняют от возможного появления других крабауков! И сами при этом даже не пытаются поселиться на Земле.

— Похоже, наша экология им не очень подходит. Но в целом всё, конечно, сложнее. Вот хотя бы потому, что мы общаемся с ними посредством их же автопереводчиков, а насколько корректно те передают информацию, неизвестно. И история с буктарейками, конечно, тоже не так проста. Но у нас не было выхода. Не было и пока нет. — Косачёв вскинул руку прежде, чем Мирон Венедиктович успел возразить. — Знаю, знаю, слышал тысячу раз — и от вордолаков, и от простых людей. Бумажная книга — основа нашей культуры... собственно, электронные-то сейчас, при нынешних условиях, могут себе позволить единицы. «Мы уничтожаем собственную цивилизацию, добро-

вольно отказываемся от того, что делает нас людьми». Только на самом деле, Мирон Венедиктович, рассуждать об этом хорошо, когда ты сыт, живёшь в тепле и не боишься в любой момент получить порцию крабаучьего яда. А на войне всё видится чуть в ином свете, вам ли не...

— Я знаю, — оборвал его старик. — Этот орден — да, второй степени — я его получил за спасение «Ленинки». Теперь выходит, благодаря мне вон какие ресурсы удалось сохранить. Тысячи, миллионы книг. От которых можно избавиться по сходной цене.

— Зря иронизируете — вы сохранили не только ресурсы, но и жизни. Я понимаю, к чему вы клоните, — повторю, слышал такое сотни раз. До войны сам бы считал точно так же. Но после Первой волны всё изменилось. Говорю вам как бывший биолог: мы уже не венец эволюции, Мирон Венедиктович. Мы один из многих видов с повышенными адаптативными способностями. Другие прошли по этой дорожке дальше и оказались более успешными. Теперь они появились в пределах нашего ареала — и нам необходимо это учитывать. То, что случилось, — это не просто война. Это борьба за выживание вида. Изменения неизбежны, без них мы попросту выйдем.

— И мы избавляемся от части своей культуры, как... — старик раздражённо фыркнул, — как высшие обезьяны — от хвоста! Мы несём книги в библиотеки, сдаём их, сами, своими руками, складываем в контейнеры, получаем буктарейки эти чёртовы — и что?!

— В том-то и дело, что ничего: мы не разучились читать или писать, просто тратим меньше времени на... — Косачёв помедлил, не хотел обижать бывшего учителя. — Ну, в общем, на вещи не первой необходимости.

— Да вы все разучились думать! — Мирон Венедиктович вскочил, тяжело опираясь на трость. — Думать, думать! Ясно же, что пришельцы не просто «конвертируют» книги в энергию. Это противоречит законам природы и банальной логике. Энергией они расплачиваются за то, что мы книги уничтожаем, — и эта их система с баллами, которую в конце концов ввели, — она ведь появилась не просто так! Как-то они учитывают тираж, давность книги, её содержание; почему-то не принимают послевоенные издания. И вот вы в итоге вводите информацию в свои светочи и получаете данные — цену в баллах... Кстати, пандоты не поленились, переработали полностью модель светочей — и переработали быстро. Раньше-то всё делалось на глазок: вложил и пользуешься, а теперь можешь узнать заранее, прикинуть, посчитать... Ну так зачем им это? Хоть кто-нибудь из вас, больших министерских шишек... да не кривись, не отнекивайся, — ты тоже, да, — задумывался об этом?! К чему такие сложности? И почему, — тихо добавил старик, — вы ни разу не попытались их обойти?

Косачёв тоже поднялся. Недолгий, в общем-то, разговор вымотал его, выжал досуха.

— И об этом вы хотели мне сказать? Об этом писали письма?

— Какой же ты болван, Борис... Глебович. Я слышал, твой министр ведёт переговоры с патриархом на счёт Остромирова евангелия. Это правда?

Косачёв снова взглянул на часы. Если ничего не сошлось, то с минуты на минуту должны начать процедуру.

— Простите, но на этом мы прощаемся. Мне правда нужно спешить, но предложение остаётся в силе: приходите к нам, адрес я вам сейчас...

Старик посмотрел на него с презрением:

— И ты даже не спросишь, откуда мне известно о Евангелии?

— Что ж тут сложного? Года с двадцатого оно из Российской национальной переехало в Синодальную библиотеку, оттуда во время войны его эвакуировали в Псков, из которого до нашей Лубновки рукой подать. А вы всегда интересовались древними рукописями, даже когда-то для себя переписы... — Косачёв замолчал и с изумлением уставился на свёрток, который принёс с собой Мирон Венедиктович. — Монахи позволили вам снять копию?

— Монахи попросили меня сделать им копию. Ещё одну я снял без их ведома — и состарил. И если ты договоришься с этим своим Тоболиным, мы успеем спасти книгу и заодно кое-что проверить.

— Твою мать... — прошептал Косачёв. Снова посмотрел на часы.

Старик всё понял без слов и уже протягивал ему палочку. Сам подхватил завернутый в газеты фолиант и распахнул дверь.

Переговорные были устроены так, чтобы глушить все звуки, — причём в обе стороны. Поэтому в первый момент Косачёв и сам обабдел.

В зале было пусто, посетители толпились у дверей и не решались войти. Приёмщики закрыли окна — Косачёв подозревал, что и вовсе ушли из зала. Сбежали.

Охранники выносили тела, кто-то уже пытался смыть с мраморного пола кровь.

На старика и Косачёва все посмотрели так, будто те были привидениями.

— Что здесь происходит?! — рявкнул Косачёв. — Почему не доложили?!

Подбежал бледный паренёк — тот самый, с порезом на подбородке. Теперь ещё и со ссадиной, вот ведь...

— Вордолаки, — сообщил, дёргая кадыком. — Пробрались под видом обычных граждан. Хотели приковать себя к стойкам, скандировали; когда мы попытались их вывести, один разбил свои очки и попытался перерезать горло... себе... — Мальчик опасно покопился на старика.

— Наведите здесь порядок и продолжайте приём литературы! Если что — я в операционном зале. — Он кивнул на Мирона Венедиктовича: — Это со мной.

За рекордные семь минут они добрались до лифта, поднялись на девятый и буквально вломились в операционный.

Тоболин при виде постороннего посетителя выпучил глаза и побагровел.

— Иван Игнатьевич — на пару слов. Это действительно важно и срочно.

Министр помедлил, потом вздохнул:

— Отойдём-ка.

Они вошли в пультовую и встали у окна, выходившего на задний двор библиотеки. Отсюда было видно, как у забора ворочается толпа вордолаков, потрясает в воздухе транспарантами: «Верните Евангелие человечеству!» — «Руки прочь от Божьей книги!» — «Наше наследие — нашим потомкам!».

— Аккуратные, ровные буквы, — заметил вполголоса Косачёв. — Эти ревнителы печатного слова всё знали заранее — и готовились.

Он посмотрел на старого учителя, но отчего-то именно Тоболин побагровел ещё больше.

— Ты кой хрен ко мне припёрся, Косачёв?! О транспарантах здесь рассуждать?!

Мирон Венедиктович Лыч молча шагнул к министру. Был на голову ниже Тоболина, однако тот моргнул и даже попятился.

Ещё никогда Косачёв не видел старого учителя в такой ярости.

— Остановите процесс, — сухо велел Мирон Венедиктович. — Хватить плясать под пандотскую дудку. Девять лет подряд нас подсаживают на наркотик, без которого потом мы уже не сможем жить. Вместо того чтобы отстраивать после войны собственную энергосистему, восстанавливать электростанции, поднимать добычу полезных ископаемых, мы подсели на это дерьмо. А если завтра *высокие грузы* передумают? Им даже не нужно отбирать у нас светочи — достаточно перекрыть подачу энергии.

В зале между тем всё было готово для подключения. Собственно, мелкие светочи проходили инициацию непрерывно. По узким конвейерам ехали цилиндры с прозрачными стенками и чёрным дном толщиной в три пальца. Одни операторы наливали в светочи мутноватую жидкость, другие вкладывали книги, завинчивали крышки, активировали пульта и, сверяясь с данными, вводили код. После чего щёлкали рычажком на крышке, и книга в светоче занималась бледным зеленоватым пламенем. Не горела — скорее светилась.

Светочи могли работать от нескольких часов до нескольких дней — это зависело от количества баллов, которыми оценивалась книга. Но отчего именно одни ценились больше других, никто наверняка не знал. Версии выдвигались самые разные, некоторые очень убедительные... однако рано или поздно все они опровергались на практике.

Или же в системе оценивания существовала ошибка. Или пандоты нарочно сбивали людей с толку.

Так или иначе, а светочи-буктарейки стали основным источником энергии в городах: достаточно было

подсоединить их к нужному устройству — да хоть к движку.

— Вы по-прежнему верите, будто пандоты таким образом изучают нашу культуру? Будто, пока книга горит, они способны её читать? — Старик презрительно хмыкнул. — Кажется, даже те, кто исповедует культ Пандота-Страстотерпца, в этом уже сомневаются! Задумайтесь, почему крабауки, атакуя, не взорвали ни одну атомную электростанцию? Почему так вовремя явились сюда пандоты — и это при том, что по крайней мере десятки тысяч лет ни один инопланетный вид до Земли не добирался. Косачёв мне тут говорил о выживании человечества, но речь давно уже идёт о другом. Выжить — мало. До начала двадцать первого века мы как социальный вид стремительно эволюционировали. После войны наше развитие пошло совсем в другом направлении. И, в общем-то, плевать, какие именно мотивы руководят пришельцами: желание сделать нас зависимыми, вызвать деградацию, провести некий эксперимент... — так или иначе, нам это идёт во вред. Даже если закрыть на всё это глаза, подумайте вот о чём: сейчас мы издаём очень мало книг, новых почти никто не пишет, старых — почти никто не читает. Рано или поздно запасы исчерпаются — и что тогда?

— Что вы предлагаете? — сухо спросил Тоболин. — Только быстро, нам пора запускаться, а то вон... — Он кивнул на толпу вордолаков.

— Для начала — проверить наших *высоких грузей* на вшивость. — Мирон Венедиктович развернул газеты и протянул министру древний том. — Замените Евангелие, и посмотрим, обнаружат ли они подделку.

— А если в их понимании она равноценна оригиналу? — вмешался Косачёв.

— Тем лучше. Стало быть, за пару-тройку лет даже я один смогу обеспечить страну энергией на годы вперёд.

— Иван Игнатьевич, а ведь в этом что-то есть!

— Нет! — отрезал Тоболин. С удивлением взглянул на собственный мизинец, который вдруг задёргался сильнее обычного. — Нет. Никакой самодеятельности.

Он обернулся к отдельному столу, вокруг которого собрались сразу несколько экспертов. Рядом стояли монахи и охранники, и те, и другие — с «осами» в руках.

Министр нажал на кнопку громкой связи:

— Начинайте!

Один из монахов аккуратно вынул из кожаной сумки свёрток, развернул его — и все увидели точь-в-точь такую же книгу, какая была у старого учителя. Операторы в голубой униформе и белых перчатках пододвинули светоч увеличенных размеров; на дне плескалась жидкость. Книгу опустили туда, сверху приладили крышку и запустили процесс активации.

Лыч подошёл к двери из пультовой и замер — смотрел, затаив дыхание, пальцем растерянно поддел съехавшие очки.

И вот монах с бледным лицом передвинул рычажок. Несколько секунд ничего не происходило, только Тоболин громко дышал, сам этого, похоже, не замечая. Потом зеленоватое пламя вспыхнуло — разом, мощно, как будто книга была пропитана бензином.

— Ну всё, — выдохнул министр. Наклонился к пульту связи: — Грузите на вертолёт и отправляйте в Новгород, нынешний светоч у них вот-вот накроется. А вы двое, — повернулся он к Косачёву и Мирону Венедиктовичу, — давайте-ка за мной.

Он на ходу двумя пальцами ухватил и вытащил пузырёк с таблетками, стряхнул одну на ладонь, прогло-

тил. И дальше шёл, не оглядываясь, не отвечая на вопросы и реплики подчинённых.

Когда шагали по коридору, старый учитель вдруг откашлялся и сдавленно произнёс:

— Пожалуй, я должен извиниться.

Выглядел Мирон Венедиктович так, будто только что у него выбили почву из-под ног и после этого он должен был упасть, да вот — вопреки собственным ожиданиям — не упал.

Тоболин искоса глянул на него, но шага не замедлил.

— Мне следовало догадаться раньше, конечно, — сказал старый учитель. — Ещё когда меня попросили сделать копию... ту, первую...

— Вам следует гордиться, — хрипло бросил Тоболин. — Никто до последнего момента не был уверен, что это сработает.

— И давно вы начали готовиться?

— Ещё даже до Содружества. Вы умный человек, Мирон Венедиктович, — но вы не один такой. Разумеется, мы понимали, чем грозит человечеству то, что предложили наши *высокие грузы*. И подозревали, что отказываться слишком опасно... да и бессмысленно. А то, что случилось сегодня, — добавил он, — далеко не первый шаг, как вы понимаете. Даже не сотый.

— Ты знал, Борис?

Косачёв вспомнил о транспарантах над толпой — грамотно, заранее написанных транспарантах.

Посмотрел на Тоболина.

— Видимо, — произнёс, взвешивая каждое слово, — я знал лишь о том, что мне следовало знать — верно, Иван Игнатьевич? Одного не пойму: зачем было доводить в зале до смертоубийства? Чтобы те, кто сидит в Юле, поверили? Думаете, митингующих им недостаточно?

Министр нахмурился:

— Мы сливали вордолакам информацию, но не подкупали их. История в зале — чистойшей воды самодеятельность, мой человек, к сожалению, был о ней не в курсе. Вордолаки слишком непредсказуемы, чтобы сотрудничать с ними напрямую.

Он распахнул дверь в свой кабинет:

— Прощу. Здесь нам никто не помешает и, — Тоболин со значением поднял глаза к потолку, — никто нас не услышит. Поговорить нам есть о чём — и существуют темы, которые я предпочитаю обсуждать в очень узком кругу...

* * *

— Ничего денёк, а? — спросил Бурундук. Зевнул, хрустнул челюстью. Махнул рукой: — Проходи, Глебыч, проходи, что ты...

Косачёв шагнул под рамку — и прошёл, и рамка не запищала.

— Лица на тебе нет, — сказал Бурундук. — Опять нога?

— Да разнылась что-то, на погоду, наверное... — Он повернулся, чтобы попрощаться, и тут трость ушла в сторону, чёртово колено прострелило болью — и, чтобы не грохнуться, пришлось ухватиться за стол.

Сумка упала, из неё выскользнули и с шорохом поехали по мраморному полу несколько книг.

«Ну всё, — с холодной отрешённостью подумал Косачёв, — сейчас Бурундук вызовет охрану, и если сразу меня не пристрелят... ну, лучше бы пристрелили».

За расхищение государственных энергоресурсов дадут не меньше пяти лет — и никакие боевые заслуги

не спасут. А Тоболин вряд ли станет прикрывать, ему сейчас высовываться не резон.

— Ого! — сказал Бурундук. — Ты там как, не ушибся? Чего молчишь, Глебыч?

Он подошёл вплотную: с книгами в руке и странным выражением на лице.

— «Солярис», «Пикник» и «Улитка», ишь. Уважаю! Не читал ещё? Ну, как прочтёшь — заглядывай, обсудим, ага? — Бурундук хлопнул Косачёва по плечу, подмигнул: — Эй, Глебыч, ты чего? Решил, что я тебя заложу?! Ну ты даёшь! Свой своего!.. Но ты только заходи, не забудь, а то мне и поговорить не с кем. Их сейчас мало кто читает, почти все — на светочи пустили, это ж от пяти до семи баллов, ну и, сам понимаешь... Не всем дано оценить.

«Мне уж точно, — думал Косачёв, выходя из библиотеки и двигаясь к воротам. — Андрей, конечно, посмеётся, когда узнает. Вот кому дано оценить: с одного такого тома он деревню год будет обогревать и освещать. Чёрт, теперь только бы не забыть и прочесть прежде, чем он уедет, — а то Бурундук проходу не даст. И ведь к бабке не ходи — пустая трата времени, какая-нибудь выдумка малахольная, старьё. Увлёкаться таким — всё равно что сезонку подхватить; одни переболели, у других, как у Бурундука, перешло в хроническое. Ну, — сказал он себе, — я уж точно не заражусь, столько лет не читал — и ничего; у меня есть задачи поважней, а это всё — бесполезное занятие, атавизм. У нас тут, чёрт побери, — борьба за выживание, эволюция в полный рост!.. не до пикников!..»

Он глянул на висевшую над городом безмолвную Юлу, зло усмехнулся и зачем-то постарался идти ровнее.

ЭПИФЕНОМЕН

(Рассказ-предупреждение)

Человек — венец Творения или всего лишь побочный результат неудачного эксперимента? Что произойдет, если Творцы окончательно разочаруются в своем детище?

Из сообщений мировых информационных агентств:

«Группа исследователей в составе международной экспедиции обнаружила в тропических лесах горного района Центральной Африки «затерянный мир». Место, которое ученые назвали «Эдемским садом», населяют ранее неизвестные человеку виды животных и растений. Ученые обнаружили в «Эдемском саду» свыше 30 неизвестных ранее видов лягушек, шесть новых видов бабочек, семь неизвестных науке видов пальм и множество растений, которые еще предстоит классифицировать».

Франсуа Перье сидел на складном стульчике и с застенчивой усмешкой наблюдал за царящей вокруг суетой. Его коллеги по экспедиции — все эти зоологи, орнитологи, энтомологи, ботаники — вызывали сейчас ассоциацию с броуновским движением частиц. Они носились со своими банками, клетками, герметичными пакетами и прочей транспортабельной тарой по всему лагерю, при этом голоса на нескольких

европейских языках, в общий гвалт которых затесался один китайский диалект.

У него, микробиолога, ноша совсем не тянула — водяной термостат да с десяток пробирок, в которых покоились пробы почвы, воды, кусочки растений...

Одно слово — международная экспедиция. На самом деле все придумали и организовали американцы, чьи ученые в составе их группы преобладали как численно, так и организационно-управленчески.

Чертовы америкосы — Перье их на дух не выносил с их вызывающей нагловатостью, нарочитым жизнелюбием и пугающей расчетливостью. Но факт остается фактом — именно они платили денежки, и денежки немалые. За месяц работы в этой экспедиции Франсуа заработал столько же, сколько за год в родном Пастеровском институте в Париже.

Да, а еще его звали поработать к себе — а может, и остаться навсегда? — серьезные дяди, спонсирующие многие программы микробиологии в Штатах. Потому и в экспедицию пригласили, что знали — парижанин Франсуа Перье не какой-то там зачуханный профессоришка из третьеразрядного института. Его уже пытались сманить в Лондон попечители Дженнеровского института — да только что с них взять, с жителей Туманного Альбиона?..

Решено, после возвращения он соберет манатки, скажет «адыю» своему институтскому начальству и рванет в Америку, сначала в Гарвардский центр, затем кой-куда покруче. Оборонка, сэр! Тут вам такие «гранды» и гранты посыплются — и черт с ними, с толстозадymi америкашками! Баксы все компенсируют. И потом, они ведь такие же люди: у них по две конечности, пара глаз, тридцать два зуба в ротовой полости. А бабы ихние...

Перье довольно хохотнул, вызвав косой взгляд орнитолога-китайца, и хлопнул себя по тощим коленкам — пора в путь-дорогу. Впереди его ждет слава и обеспеченность до конца жизни.

* * *

Джон Линдгрем еще раз проверил все расчеты — сомнений не оставалось. Оставалось другое — дни и часы жизни. Жизни всех землян.

Он связался с директором-распорядителем их научно-исследовательского центра в штате Аризона, скрытого глубоко под землей. Администратор незамедлительно явился — Линдгрем был вторым (если не первым) после него человеком в тысячном коллективе Центра.

— Присаживайтесь, — указал на кресло хозяин кабинета. — Я сообщу вам нечто такое, что заставит вас позабыть обо всем на свете, да и о самом свете тоже. — Выждав, когда гость усядется, он продолжил: — Месяц назад к нам в институт поступили образцы новых микроорганизмов — из числа тех, что были добыты в ходе последней экспедиции в Центральную Африку, ну, вы в курсе...

Собеседник утвердительно кивнул.

— Так вот, как вам известно, эти мельчайшие собратья по жизни оказались совершенно новыми видами, ранее никогда нигде не встречавшимися. Вообще само по себе это не ново, необычно другое. Среди них нам удалось выделить разновидность вируса, который по своим морфологическим и физиологическим особенностям — если вообще эти термины применимы в данном случае — значительно, если не сказать, принципиально отличается от всех остальных представителей царства Вира.

— В чем состоит это отличие — вам удалось выяснить?

— О да, я сразу же занялся только им одним — и не напрасно. Хотя теперь уже все равно...

Микробиолог испытующе посмотрел на своего собеседника. Он знал, что, несмотря на то что директор всегда ходил в цивильном, на самом деле на его плечах красовались генеральские звездочки. Администратор — человек армейской закалки, значит, должен выдерживать то, что он ему сейчас поведает.

— Так вот, — продолжил Линдгрен, — вирус этот является самым страшным антропофагом — убийцей человека, из всех, когда-либо существовавших на Земле. Возбудители оспы, чумы, пандемии которых унесли миллионы жизней, как и вирус СПИДа — жалкие дистрофики в сравнении с нашим вирусом. Но не это самое главное. Дело в том, что этот вирус поражает любые ткани человеческого организма и размножается с потрясающей скоростью, отравляя все живое вокруг себя — где-то за несколько часов все клетки человеческого организма оказываются поражены вирионами. Естественно, индивид погибает раньше, будучи отравлен токсинами. То есть зараженные клетки вскорости становятся мертвыми.

Он умолк, о чем-то задумался, глянул на портрет нынешнего Президента. Покачал головой и вновь заговорил:

— Мои ближайшие сотрудники, работавшие со штаммом, тщательно скрывали от всего остального персонала факт заражения ими этим вирусом...

— Но разве вы не использовали, как обычно, все меры предосторожности?! — с негодованием воскликнул администратор.

— Конечно, сэр, все, как обычно — только на сей раз возбудитель не обычный. Этот вирус проникает

сквозь любые преграды, если «почует» появление человека в радиусе километра — мы все это уже проверили. Стекло, бетон, металлы, полимерные волокна и пленки — ничто не в состоянии оградить от убийцы.

— Но как же тогда та экспедиция?..

— Я связывался со всеми участниками, точнее, пытался связаться, ибо все они к тому моменту были мертвы.

— Вот дерьмо! Никто не сообщал ничего подобного.

— Правильно, власти тех стран, откуда они родом, скрывают правду, так как не знают в чем дело: вирус после гибели организма-носителя немедленно покидает тело и «испаряется», точнее, превращается в мельчайшую псевдоспору, которую невозможно обнаружить, то есть выделить, не зная о самом вирусе. Но он уже начал свое смертоносное шествие по планете.

— Но большинство участников были американцами, и у нас, в Пентагоне, уже знали бы об этом и первым проинформировали бы меня...

— Все эти люди работают не на правительство, а в частных научных центрах, там также ни о чем таком не догадываются. Никто из них, кроме нас, не имел доступ к культуре выделенного возбудителя. Слушайте дальше, ибо времени у нас в обрез. Все наши, кто входил в контакт со штаммом, — уже либо мертвы, либо погибнут в скором времени, в том числе и я, а теперь и вы тоже. Да и весь наш Центр. И ничего нельзя поделать — вакцина не разработана, противоядия нет.

— Как вам удалось скрыть факт смерти ваших сотрудников?

— Вы подразумеваете службу внутреннего наблюдения? Чепуха! Мы уже давно засекали ваши миникамеры и прочие жучки, так что обмануть не составило особого труда. Наблюдатели полагали, что видят

и слышат текущую картинку, а мы уже с год пудрим им мозги... Но это все технические и к тому же теперь уже несущественные подробности. Главное в другом: вирус уничтожит все человечество. Тот ученый, Перье, ведь провез образцы через много стран и даже континентов, прежде чем они попали к нам. Само собой все, кто присутствовал в радиусе километра, уже заражены, многие умерли.

— Нет, не могу поверить. Что-то не сходится. Каким образом тогда, скажите на милость, этот треклятый вирус никого не трогал столько лет? Там что, никто не бывал ни разу — туземцы какие-нибудь?

— Примерно за тридцать километров в радиусе от этого затерянного места существуют поселения аборигенов — местных автохтонных племен. Но не ближе. Подобраться в силу особых географических причин к затерянному миру невозможно. Экспедиция преодолела этот путь на вертолетах. Если бы они там не появились, вирус дремал бы еще энное количество лет, а может, и веков с тысячелетиями. А сейчас он вырвался наружу и нашел себе пищу.

Собеседник ученого сжал кулаки, выпрямился в кресле:

— Если все так, то наш отрезанный от всего мира Центр — не единственный очаг распространения глобальной, как вы утверждаете, пандемии. Если вирус способен проникать даже сквозь герметичные материалы, то ничто его не остановит. Но откуда такая способность? Что это за существо такое?!..

— Вирусы вообще загадочные существа, да и организмы ли они вообще? До сих пор ученые спорят о природе вирусов — жизнь это или косное вещество... Так или иначе вирусы стояли у истоков жизни, только после них появилась клетка — возникли одноклеточные, а затем многоклеточные организмы.

Он помолчал и устало улыбнулся:

— И не вирусы ли способствовали созданию первой клетки — чтобы паразитировать на ней и питаться, осуществляя свое бытие за счет живых существ?.. Если так, то вирусы разумны, а еще — могущественны...

И, заметив выражение легкого изумления на лице собеседника, ученый с жаром продолжил:

— Да-да, могущественны! Ибо чтобы создать из биополимеров и примитивных коацерватов настоящую живую клетку — для этого необходимо обладать могуществом Бога... ну, или на худой конец, божеств — с маленькой буквы.

Подумав немного, он добавил:

— Скорее последнее — слуги божества... или самого Творца.

— Но при чем тут тогда мировая пандемия, ведущая к светопреставлению?! — в отчаянии воскликнул гость.

— Нет, сэр, вы не правы. Конец света наступит только для нас: вымрет все человечество — все! — а биосфера останется нетронутой, остальные живые существа и их сообщества выживут. Причина же нашего конца заключена в нас самих, в том, что люди скорее явились неким эпифеноменом в грандиозном проекте Творения. А еще в нерадивости Садовника. Ибо тот, кто приставлен к Земле следить за цветущим садом — биосферой, выполнял свои обязанности халатно. Этот нерадивый надсмотрщик запустил сад, в котором буйно развилась вредоносная тля — человек разумный современный. Но вместо того чтобы произвести уборку, Садовник по лености своей решил дело просто — покончить с помощью потравы со всей совокупностью тли. А ведь можно было разобраться, выявить полезную тлю, отсортировать от вредной и направленно уничтожить вредителей, дав шанс лучшей позитивной части особей жить и размножаться,

вписываясь в экосистему «земного сада». Но он, этот хренов Садовник, и тут схалтурил. Взял своих цепных псов — вирусов — и натравил их на всех без разбору: где овцы, а где волки?.. Этого Пастыря самого бы повесить за яйца!

Администратор побледнел:

— Вы говорите о... о Боге... о Христе?!..

— Не думаю, что это — Он, — мотнул головой тот, — это какой-то из высших ангелов, может быть, даже тот самый, падший... А впрочем, какая, к черту, разница? Факт остается фактом — вскорости Земля очистится от человечества. И тогда, наконец, наступит тишина.

— А дальше? Что станет с достижениями цивилизации — без человека?..

— Вы о техносфере? Так она ассимилируется природой — постепенно. А то, что неподвластно разрушению и трансформации, будет обойдено. Биосфера будет обволакивать подобные артефакты и заключать их в кокон, выводя из биогенного оборота вещества. Все канет в Лету — все достижения ноосферы.

Он глубоко вздохнул и неожиданно ухмыльнулся:

— Вот, кстати, вспомнилось: Тейяр де Шарден высказал в своем главном труде «Феномен человека» такую любопытную мысль, что человек, дескать, вошел в этот мир, в его историю, бесшумно. А один современный русский ученый, не помню фамилию, заявил, что если человек и вошел бесшумно, то выйдет отсюда с грохотом, погубив себя и все вокруг. Так вот, на самом деле получится — и довольно скоро — все наоборот: человек так же бесшумно покинет этот мир, как и вошел, попросту тихо и быстрыми темпами вымрет, а бесчисленные трупы пожрут другие звенья пищевой цепи биоценозов — от четвероногих и крылатых падальщиков до бактерий гниения.

На какое-то время в кабинете воцарилось молчание, нарушаемое лишь мерным тиканьем старинных настенных часов — единственного раритета в этом здании. Затем гость поднял голову:

— Так сколько нам осталось?

— Нам с вами — несколько часов, остальному человечеству несколько дней.

Ученый помедлил и добавил:

— Что ж, не повезло... Давайте прощаться.

Администратор неловко поднялся, нетвердым шагом направился было к двери, затем вернулся, пожал руку хозяину кабинета, сглотнул и выдавил:

— Жаль... очень жаль, коллега... Сейчас я люблю это чертово человечество, как никогда в жизни... Но... слишком поздно... Прощайте!..

Он ушел, и в кабинете вновь повисла тишина. Лишь часы все отсчитывали неумолимый бег пока еще человеческого времени. До их следующего завода оставалось семь часов семнадцать минут. Потом они остановятся — на этот раз уже навсегда.

За некоторое время до описанных событий.

Они встретились на перепутье миров — с одной стороны тьма-тьмущая, с другой — невыносимо яркий свет. Один из них был как бы соткан из мрака, в котором мерцали искорки-звездочки. Второй же весь сиял, подобно сгустку огненной плазмы, а подобие конечности его переходило в пламенеющий меч.

Какое-то время они молча разглядывали друг друга, словно те зоны, что не виделись, заставили их позабыть облик соперника.

Первой подала голос Тьма, обволакивая все вокруг непроницаемо черным покрывалом. Туман слов оку-

тывал разум, но для острой кромки пылающего духа это было смешной забавой.

— А что, Моу-Хоу-Лоу, — вопрошал с насмешкой Темно-Искрящийся, — не сразиться ли нам, как встарь?

— Нет, Лоу-Цоу-Фоу-Роу, — твердо ответил Сияющий, — ты же знаешь, что опять проиграешь.

— Ха! — Темно-Искрящийся ткнул в собеседника подобием длинного перста. — Важен сам процесс, а не результат...

— Важен итог! — припечатал, как отрезал, непреклонный обладатель огненного меча.

— Ну, будь по-твоему. Тогда говори, зачем звал?..

Меченосец вспыхнул, распространяя вокруг себя ореол сверкающих нестерпимым блеском лучей:

— Что будем делать с созданиями?

— Ты это о ком конкретно? — в свою очередь поинтересовался владыка темного ледяного космоса.

— Не придуривайся! — сердито бросил его визави. — Уже несколько миллионов лет только одно Его создание доставляет нам всем столько хлопот!..

— А, так ты о человечках? О двуногих рукоголовых кибероидах? О червях, вообразивших себя богами...

— Перестань, — оборвал его Сияющий, — не забывай — они образ и подобие Его.

— Ну так попроси Отца, пусть Он вмешается, исправит, наставит их на путь истинный.

— Он не желает вмешиваться — об этом ты тоже прекрасно осведомлен. Нам нужно самим что-то предпринять, иначе...

— А зачем? Сколько раз вмешивались и пытались навести порядок — жгли небесным огнем, топили земными водами, переделывали их природу... А что толку — само их естество порочно.

— Ты виноват в этом! — с жаром воскликнул тот, что был вооружен мечом. — Если б ты выполнил в точности все то, о чем просил тебя Отец!.. Так нет же — надо было нести отсебятину, вот и натворил дел — теперь не расхлебать...

— Ладно тебе, — искрящаяся тьма за говорившем всколыхнулась, — чего уж теперь ворошить прошлое... Я уже наказан — во веки веков. А что касаясь людей — так они сами себя изживут, недолго осталось, каких-нибудь пару веков, а может, и того меньше.

И он засмеялся, вызвав недоуменный взор второго.

— Смешно, право слово, — пояснил повелитель мрака, — как-то один из них патетично этак заявил: «Человек вошел в мир бесшумно». Да, а другой позже добавил: «Но выйти он может, громко хлопнув дверью, уничтожив самого себя и всю природу вокруг себя». Я ведь что хочу этим сказать, — продолжил он, отсмеявшись, — человек обречен — это однозначно.

— Может быть, дать ему еще один шанс... — задумчиво пробормотал Сияющий меченосец.

— Пустое, — скривился в усмешке Темный, — эта тварь опять все дело погубит. Лучше подумай о том, как сберечь все остальное.

— Ты хочешь сказать, что теперь людей надо начисто стереть с лица Земли, не оставляя даже немногих избранных — лучших из лучших — для новой попытки?

— Именно это я тебе и втолковывал последние, как ты говоришь, несколько миллионов лет. Я вложил в человека свою частицу, но, к сожалению, это было ошибкой — понимаешь, да? — системной ошибкой... и я уже достаточно вынес за свой просчет, а люди все еще живут и плодятся — существа с неустранимым изъяном.

— Что конкретно ты предлагаешь?

— Все очень просто — один-единственный новый вид вируса-убийцы избирательного действия, с которым они уже не справятся. Это будет совершенный антропофаг. А все остальное останется нетронутым. Делов-то...

Сияющий подумал и, потрянув подобием головы, заявил:

— Я все же попробую достучаться до Отца: если Он соизволит ответить — поступим, как Он скажет, а если промолчит — то сделаем по-твоему.

И они разошлись — каждый в свою сторону: один растворился в искрящейся мгле, другой вознесся к ослепительно полыхающему горнилу небес.

АЛЕКСАНДР БАЧИЛО

ПРИПРАВА

1

В ночь на двенадцатое апреля поселок не спал, хотя от Старосты был строгий приказ — по ночам спать, по улицам не шататься, огня не зажигать и бани не топить. Но разве уснешь, когда такой свет в небе? Далеко-далеко за бутристой пеной леса ходили изжелта-зеленые зарева, разгорались белым, как на восход Светила, и угасали, пуская в зенит искры, вроде метеоров. Староста и сам загляделся, даже ругаться забыл. Озадаченно чесал в затылке.

— Должно быть, празднуют... — вывел в конце концов, но неуверенно, в бороду — вроде как бы и не говорил.

Однако Белка все равно услышала.

— А какой нынче праздник? — звонко спросила она. — Яйцеклад?

— Цыц, дуреха! — рассердился Староста. — Который день живешь — церковных праздников не выучила! Не дай Бог, при городских такое ляпнешь! Сразу все про тебя поймут!

— Двенадцатое апреля — День Космонавтика! — заученно протараторил Магога-дурачок.

Он прятался от Старосты за чужим плетнем, но никак не мог утерпеть — высунул патлатую головенку рядом с таким же патлатым кустом крыжабника и доложил по всей науке:

— Новый космонавтик нарождается, а старый улетает на покой, к Земле!

Староста хотел было ухватить его за вихры да наградить разом — и за доклад, и за крыжабник, но тут под ногами вдруг дрогнуло, издали прикатился тяжелый гул. Джунгли ответили на него хором испуганных голосов.

— Гляди-тко! — крикнул на всю улицу Бурило-мастер, тыча пальцем в небо.

Лица разом задрались кверху и осветились багрянцем. Из мохнатой тучи, повисшей над поселком, вынырнул остроносый гироплан и, оставляя дымный след с прожилками огня, понесся к земле.

— Гробанется сейчас! — уверенно сказал кто-то.

— Факт, гробанется! — загомонили высыпавшие из хат старатели. — Шестопером ему в самые дюзеля прилетело!

Гироплан дернулся раз-другой, выправился было над плаунами, но снова беспомощно клюнул носом и окончательно исчез за кромкой леса. Недолго спустя земля опять дрогнула, принесло эхо взрыва, джунгли разорались с новой силой. И сейчас же низко, на бреющем, едва не цепляя орудиями верхуш-

ки деревьев, прошли, освещенные заревом, три полицейских крейсера.

Староста долго молчал, потом сипло прокашлялся.

— Нет, — сказал он уверенно. — Не празднуют. Бунтуют опять.

Обвел хмурым взглядом кучкующийся у калиток народ.

— Ну, чего рты раззявили? По домам расходитесь! Не вашего ума это дело!

Селяне, тихо толкуя, двинулись к своим хаткам.

— Ну, жди теперь облавы да обыска. Последнее отберут!

— Приправу подальше перепрятать...

— Всем спать! — подгонял в спины Староста. — Завтра чтоб ни одной зевающей рожи на прииске!

Но спать в эту ночь так и не пришлось. До утра небо над поселком бороздили полицейские крейсера, заливая улицы, огороды и старые шурфы на окраине нестерпимо ярким светом прожекторов. В лесу что-то трещало, визжало и ухало, оттуда тянуло дымком и злой химической кислотой — видно, кого-то выкуривали из чащи.

А на рассвете, когда косматое от протуберанцев Светило полезло из-за холмов, выбеляя разошедшиеся стены хат, в поселке появился чужак. Он пришел со стороны леса, опасливо жался в тени крыжбников и все поглядывал на небо. На нем был синий, с белым номером на спине, комбинезон штрафника, весь в дырах, подпалинах и пятнах от злой ягоды.

Старатели, собравшиеся у колодца перед выходом на смену, еще сонно почесывались и зевали во всю пасть, несмотря на предупреждение Старосты, когда чужак вдруг вынырнул из тени, и, кивнув на дымный столб, поднимавшийся над лесом, прохрипел:

— Это ищут меня...

«Приправа! Не только новый вкус традиционных блюд. Приправа! Не только уникальный комплекс витаминов и микроэлементов. Приправа! Глоток бессмертия, дарованный нам Вселенной! Чаша Грааля в твоей руке! Поправь жизнь Приправой!»

Лех закрыл сайт, поставив на него чашку. Стол-газета погас.

— Какой смысл рекламировать то, что и так идет нарасхват?

Полковник, шеф местной полиции ответил тонкой улыбкой.

— Это у вас на Земле. А здесь еще нужно найти солидного покупателя. Всякому хочется торговать бессмертием по земным ценам!

Лех встал из-за стола, уронив салфетку, подошел к иллюминатору. За бортом крейсера медленно проползал ковер желто-бурых древесных крон. Только у самого горизонта поднимался столб дыма.

— Из-за этого и бунтуют?

Вместо ответа полковник сделал хороший глоток из бокала со льдом и зажмурился сладко, как кот.

— М-м! Забытый вкус!

Он приоткрыл один глаз и заговорщицки посмотрел на Леха.

— А вы знаете, чем подмаслить старика! Спасибо за подарок... Хорошего виски теперь не достать.

Полковнику нравилось, что земной представитель не строит из себя начальство. Чин, наверное, не Бог весть, молод еще. Вот пускай и послушает знающего человека...

— Я вообще считаю, — продолжал шеф полиции, — что Земля действует на нас разлагающе. А мы, наивные, покупаемся. Пока здесь не пахло Приправой, колония жила тише воды, ниже плаунов. У нас было правительство, была полиция, даже армия — чуть-чуть. Теперь нет ни того, ни другого, ни третьего. Есть предатели, вроде меня, вступившие в сделку с Землей, чтобы продавать ей Приправу, а есть патриоты, борющиеся за право... делать то же самое.

— А старатели? — спросил Лех, заметив внизу гроздь облепивших склон холма крыш и рыжие конусы вынутой породы, вроде кротовых куч.

— Старателям нет до нас дела, — полковник взял бутылку и налил себе еще полстаканчика. — Их, по моему, не очень интересуют наши деньги. Лишь бы лопаты подвозили.

— Впервые слышу о людях, которых не интересуют деньги, — ухмыльнулся Лех.

— А зачем им? Они и так живут вечно.

Тень крейсера упала на крыши домиков. Лех увидел, как по-муравьиному засуетилась внизу толпа сельчан. Единственная улица поселка мгновенно опустела.

— Уж очень они пугливы для бессмертных, — скривился он.

— Вечная жизнь — это вечный страх смерти! — философски заметил полковник. — Бессмертные боятся случайной гибели гораздо сильнее, чем остальные люди.

— В общем, так, — сразу заявил Староста. — Вы, мужики, делайте с ним что хотите. А я ничего не видел и ничего не знаю!

Он решительно нахлобучил шапку и, протолкавшись сквозь толпу старателей, выскочил из избы.

— Переживает, — сочувственно вздохнул Бурило-мастер. — Со Старосты-то первого спросят...

Беглый штрафник, сидя на лавке, с беспокойством переводил взгляд с одного бородатого лица на другое. Иногда болезненно потирал распухшее плечо.

— Помогите, мужики, — попросил человечно. — Мы ж за вас погибали... Понавезут с Земли тракторов, лес сведут, заводы поставят, драги — Приправу ковшами черпать. По миру пойдете!

— Это так, да... — кряхтели старатели.

— А у нас — организация! — убеждал беглый. — Независимость колонии — дело посильное! Главное — первую волну отбить да своих предателей перевешать! Заживем, как прежде, вся Приправа — наша! Каждому на тыщу лет хватит! А поймают, — добавил он тихо, — мне кирдык. Даже судить не станут.

— И это верно, — кивали, осторожно переглядываясь. — Так что решим, мужики?

Бурило-мастер подсел к гостю, покрутил седеющей головой, похлопал себя по колену, собираясь с мыслями.

— Ну, что тебе сказать, парень, — начал, не торопясь. — Помирать кому охота? Это мы понимаем. Только и ты нас пойми. Здесь тебя прятать негде. Все равно найдут. А в лесу — Макабра бродит, от нее не убежишь. Трех старателей потеряли, года не прошло. Под самый тын, бывает, выползает, стерва! Скажи спасибо, что до нас живой дошел. Это прямо угольком в печке записать такое чудо! Вот и прикинь...

Помолчали, повесив головы.

— А если на новую заимку? — прозвенел вдруг девичий голос. — Там же заграда хороша!

Бурило-мастер вздрогнул, вскочил с лавки и, запустив руку в толпу, вытянул на свет Белку.

— Тебя кто пустил, цокотуха?! Твоя она, заимка — рассказывать, кому попало?!

Может, и по шее бы дал, да тесно было, не развернуться. Белка, растерянно хлопая глазами, озиралась по сторонам.

— Так я думала, вы правда помочь хотите!

— Думала она! — Бурило-мастер встретился взглядом с беглецом и поспешно отвернулся. — А ты плауны корчевала?! — еще злее напустился он на Белку. — Заграду строила?! Шурфы копала?! Распоряжаешься тут!

Старатели загомонили.

— Верно! Ишь, как распорядилась — помочь! Чужим-то добром — все помощники! Свою заимку устрой — туда и води, кого хошь!

— Ну и отведу! — обиделась Белка. — У нас с батей деляночка есть — получше вашей заимки!

Она толкнула беглого в плечо.

— Пошли, что ли. Чего с ними разговаривать!

И уже в дверях обернулась:

— А вы — жадные! Макабра-то все видит!

Старатели так и обмерли.

4

— Им есть чего бояться, поверьте! — Полковник со стаканом в руке подошел к Леху, уткнувшемуся лбом в стекло иллюминатора.

Внизу проползла очередная деревушка старателей, и снова под самое брюхо крейсера поднялись ноздреватые кроны.

— Чтобы жить вечно, — продолжал философствовать шеф полиции, — нужно вечно добывать Припра-

ву. А за ней приходится идти в джунгли. Это только на Земле думают, что единственная местная проблема — повстанцы. На самом деле главная война идет между старателями и джунглями.

— Ну да, — усмехнулся Лех. — Макабра...

— Вот именно, Макабра. Вы что-нибудь о ней знаете?

Лех пожал плечами.

— Что-то слышал. Но не встречал ни одного человека, который видел бы ее своими глазами.

— И не встретите, — заверил полковник. — Она живых не оставляет. До сих пор толком неизвестно, что это такое. Не то симбиоз червей, не то одна гигантская амеба, не то вообще — сгусток энергии. Но пожирает старателей за милую душу. Оттого-то до сих пор не налажена промышленная добыча Приправы.

— Земля наладит, — уверенно сказал представитель. — Вы ведь знаете, какие там цены на Приправу. Главное — подавить партизанское сопротивление. И найти этого беглого. Он — очень важен.

— Это будет не так-то просто. — Полковник вернулся к столу, повертел в руках бутылку, борясь с желанием плеснуть еще порцию, но преодолел.

— Разве в тюрьме ему не вживили радиомаяк? — спросил Лех.

— В джунглях маяки не работают, — пояснил полковник. — Искать придется вслепую.

— То есть как не работают? — удивился Лех. — Почему?

— А черт его знает! — Шеф полиции развязно подмигнул представителю. — Старатели говорят, Макабра радиоволны глотает. Она, дескать, все наши переговоры слышит!

И он от души расхохотался.

— Тебя как звать-то? — спросил беглый.

— Меня-то? Белка, — ответила девчонка, перепрыгнув через корягу.

Грязь брызнула во все стороны из-под ее босых пяток. Беглый поморщился, заслоняя лицо.

— А тебя? — спросила Белка.

— Миро. Кхм... Мирослав.

— Ну-ну. — Белка сорвала с куста гроздь синих ягод и, отделив половину, сунула в рот. — Хочешь?

— Нет, спасибо.

— Что-то ты, Миро, совсем на тюремного не похож...

— А ты много тюремных видела? — улыбнулся он.

— А мне и видеть не надо, — заявила Белка. — Я рассуждаю логически.

— Как-как?! — Он посмотрел на нее с удивлением. — Ты где таких слов набралась?

— У одного полковника... — Белка дернула костлявым плечиком. — Неважно! Тюремные, особенно которые беглые, они сроду голодные. А ты будто пообедал перед тем, как к нам в поселок попал.

Миро перестал улыбаться.

— Ты прекрасно знаешь, как я к вам попал. Бежал, угнал гироплан, да его подбили. Еле успел катапультироваться! Приземлился в лесу...

— Ну да, — покивала Белка. — Азимут на поселок взял еще в небе, когда падал. Потом по компасу...

— Да, взял, да, по компасу! — рассердился Мирослав. — Что за допрос?!

— Прямо чудо какое-то, — вздохнула Белка. — Компас-то в лесу не действует. А там, где твой гироплан упал, топи непроходимые...

— Слушай, устал я с тобой болтать! — Мирослав отвернулся. — Когда мы уже на делянку придем?

Белка вдруг рассмеялась.

— Так пришли, чо! — Она ткнула пальцем под ноги. — Смотри, в шурф не свались!

Только теперь Мирослав заметил, что стоит на куче мягкой рыжей земли, вынутой из небольшой прямоугольной ямки в полтора штыка глубиной. Вторая такая же ямка виднелась чуть поодаль, третья — еще дальше, а за ней сквозь зыбкую стену зарослей проступила стена хижины, сложенная из сухих хвощей, переплетенных лианой-липучкой.

Но Мирослав не смотрел на хижину. Он глаз не мог оторвать от свежерытых старательских шурфов.

— И что, — спросил он тихо, — вот в таких ямках можно найти Приправу?

— А чего ж не найти? Мы с батей нарыли кое-что. — Белка лукаво прищурилась. — Не веришь?

Она подбежала к замшелому стволу папоротника, сунула руку в сплетение корней, вынула на свет увесистый полотняный мешочек, распустила тесемку, стягивающую горловину, и высыпала на ладонь целую горсть бурых, с золотистым отливом, комочков.

— На, смотри!

У беглого штрафника перехватило дыхание.

— Это... настоящая Приправа?!

Белка рассмеялась.

— Попробуй, узнаешь!

Дрожащими пальцами он схватил щепоть комочков и отправил в рот. Затем резко наклонился и вылизал до крошки Белкину ладонь. Она! Она! Настоящая! От сладкого дурмана у него закружилась голова. Сколько же было в этой дозе?! Лет на тысячу! Да! Он сразу узнал этот вкус, хотя раньше только раз в жизни пробовал микродозу приправы... Когда проходил подготовку у Леха.

Сверля воздух и вздымая пыль реактивными струями, крейсер шефа полиции опустился посреди единственной улицы поселка. Еле втиснулся меж хатами, сдул плетни, как не бывало, а пышные кусты крыжабника, усыпанные спелыми ягодами, превратил в голые, как обглоданная кость, бодылья. Два других крейсера еще раньше плюхнулись в начале и в конце улицы. Солдаты уже выгнали жителей из хат и построили в шеренгу вдоль дороги на старый прииск. Старосту без уважения запихнули в тот же строй, наставили карабины, велели не шевелиться.

Полковник в сопровождении представителя Земли спустился по трапу, нетвердой походкой прошествовал вдоль строя, подошел к лейтенанту в армейской каске и, дыхнув перегаром, спросил:

— Молчат?

— Так точно, господин полковник, молчат!

— Хаты, погреба обыскали? Шахты на прииске?

— Заканчиваем досмотр. Пока ничего.

Полковник двинулся вдоль строя в обратную сторону. Лех стоял в сторонке и курил, наблюдая за ним с равнодушным видом.

Полковник остановился перед Старостой.

— Ты что же, сукин сын, круговую поруку тут завел?!

Староста хмуро смотрел ему под ноги.

— Не могу знать, господин начальник. Мы люди деревенские...

— Что ж вы, люди деревенские, — взъярился полковник, — государственного преступника укрываете?! Где он прячется? Отвечать!

Старатели угрюмо перетапывались, но молчали. Полковник подошел к Леху.

— Ничего не скажут. Я это злоупорное племя знаю.

— Что ж, — с сожалением кивнул Лех. — Очень жаль...

Он обвел взглядом строй, потом вдруг вынул из кармана пистолет и выстрелил, не целясь. Староста с черной дырой во лбу медленно завалился на спину. Старатели отпрянули было, но солдаты прикладами в спины вернули их на место.

— Вот такие дела, граждане бессмертные, — спокойно сказал Лех, приближаясь к строю. — Патронов мне не жалко, на всех хватит. — Он щелкнул пистолетом, взводя курок. — Жалко, что столько Приправы даром пропадет. Наверняка ведь вы ее за обе щеки лопали! Сколько породы перерыли! Сколько тайных приисков в лесу завели! Какие жилы богатые нашли! А получается, все не впрок... Ну, кто следующий? На меня смотреть! Ты?!

Он подошел к пожилому старателю, едва доходившему ростом до плеча соседа. На загорелой лысине старика проступили капли пота. Лех поднял пистолет.

— Не надо! — вдруг глухо раздалось с другого конца строя. — Я отведу.

Лех живо повернулся на голос.

— Кто сказал? Выходи!

Вперед шагнул рослый широкоплечий мужик с черной как смоль бородой.

— Батя, ты что?! Не надо! — белобрысая девчонка вцепилась ему в рукав. — Не пущу!

— Отстань, Белка! — отмахнулся он. — После поговорим!

— Как зовут? — спросил Лех, приближаясь.

— Бирюк.

— Знаешь, где беглый?

Бирюк покосился на старателей.

— На делянке. Дочка отвела, пожалела.

— Предатель! — взвизгнула Белка, налетев на него со спины, била кулачишками в спину, царапалась, пыталась даже укусить, пока солдаты ее не оттащили. Бирюк и не обернулся.

— Оставьте девчонку, — глухо произнес он. — Сказал — покажу.

— Очень хорошо. — Лех спрятал пистолет и вернулся к полковнику, застывшему неподвижно еще в тот момент, когда раздался выстрел. — А вы говорили, что это будет непросто! Выдвигаемся пешим порядком. Думаю, одного взвода будет достаточно, даже если мы встретим Макабру.

От его любезной улыбки по спине шефа полиции пробежала дрожь.

— Нет, спасибо. — Полковник сглотнул всухую. — П-позвольте мне координировать операцию отсюда. Во избежание враждебных действий населения...

— Глотните-ка вискаря, полковник! — презрительно усмехнулся Лех. — Да! И вот еще что...

Он жестом подозвал Бирюка.

— Я внимательно изучал легенды, мифы и прочие исторические анекдоты. Так что надуть меня, господин Сусанин, вам не удастся. Короче: твоя дочь идет с нами!

7

Джунгли оказались вовсе не такими уж непроходимыми, как про них ввали. Взвод бодрым шагом двигался сухой тропой вслед за Бирюком. Только Белке пришлось связать руки, чтоб не царапалась, и приставить к ней рядового Прохазку, который подгонял ее прикладом. Идти рядом с отцом она наотрез отказалась и тянулась в хвосте отряда, тихо всхлипывая. Бирюк

тоже молчал, время от времени чутко прислушиваясь к лесным звукам. Лех решил не отвлекать его вопросами, но на всякий случай шел в трех шагах позади, повесив на плечо автомат.

По обеим сторонам тропы тянулась бесконечная колоннада толстых, в три обхвата, стволов. Под ними извивались мохнатые, щетинистые плауны, распространяя одуряющий аптечный запах и создавая зеленоватый полумрак.

Неожиданно откуда-то из глубины леса послышался сухой треск валежника, короткий, задушенный вопль, а затем глубокий сытый вздох. Показалось даже, будто за деревьями прошла вразвалочку крупная тяжелая туша. И снова наступила тишина.

— Что это? — шепотом спросил Лех, нагнав Бирюка.

— Кто ж его знает, — пожал плечами бородач. — Может, и Макабра...

— А ты ее видел?

— Может, и видел. Мало ли что тут увидишь. Иной раз сам себя со стороны видишь. Чего хочешь, то и думай...

Лех сердито прокашлялся.

— Вот только не надо врать мне! Маленькая ложь рождает большое недоверие!

Бирюк ничего не ответил и зашагал дальше. Лех, озираясь и держа автомат на изготовку, пошел за ним, а за Лехом двинулся и весь взвод.

— Ну, чего встала? Топай! — рядовой Прохазка толкнул Белку в спину.

— А повежливей нельзя? — огрызнулась девчонка. — Мужчина называется!

Связанные за спиной руки придавали ей мятежный, непокорный вид.

— Поговори мне, деревня! — взъерился рядовой. — Шагом марш, живо!

— Не могу! — Белка упрямо мотнула головой. — Шнурок развязался!

Прохазка с недоумением уставился на ее босые, в царапинах, ноги.

— Да не у меня! — Белка презрительно скривилась. — У вас, господин младший ефрейтор!

Рядовой быстро глянул на свои ботинки и с удивлением обнаружил, что один шнурок действительно ухитрился выскочить из самозатягивающей клипсы и не красиво тянется по земле.

— А, чтоб тебя!

Прохазка наклонился, чтобы поправить шнурок, и тут вдруг заметил, что голенище ботинка вспучилось так, будто там спрятана добрая фляжка бренди. Только странная это была фляжка — заметно пульсировала и шевелилась в ботинке. Рядовому показалось даже, что он чувствует покалывание множества когочков, впившихся в его ногу.

Облившись холодным потом, Прохазка рванул клипсу, другую, раздвинул кевларовые щитки голенища и, усевшись на тропу, потянул обеими руками ботинок с ноги. Тот подался неожиданно легко, но вместо косяка лодыжки Прохазки из голенища, как из гнилого яблока, поползла на свет мохнатая, толщиной с полено, гусеница, черная, в оранжевых пятнах. Она извивалась, сворачивалась в кольца и при этом не переставала работать циркулярными пилами челюстей, перемалывая онемевшую ногу рядового уже выше щиколотки.

Прохазка тоненько завизжал, повалился на спину, отчаянно дрыгая ногой. Он звал на помощь, но никто ему не помог. Он был один в лесу, если не считать черных мохнатых гусениц с рыжими пятнами, кинувшихся со

всех сторон на крик. Спасения не было. Тогда, подняв трясущейся рукой автомат, Прохазка стал поливать гусениц пулями из обедненного урана. При попаданиях из гусениц летели кровавые брызги, но силы были явно неравны. Рядовому удалось расстрелять два десятка мохнатых тварей, когда он понял, что патроны кончаются. Последнюю пулю Прохазка выпустил себе в рот.

8

Полковник из угла в угол мерил шагами свою каюту, не в силах унять колотивший его озноб. А этот господин представитель с Земли, оказывается, страшенький тип! Как он Старосту — от пояса, не целясь — и прямо в лоб! Да черт с ним, со Старостой! Что-то совсем другое поразило полковника в самый момент выстрела...

А что, если мы все им не нужны?! Этак ведь и меня когда-нибудь — в лоб, как Старосту...

Снаружи, с улицы, посреди которой был припаркован крейсер, послышался окрик часового:

— Стой! Куда прешь, шальная?!

И сейчас же его перекрыл звонкий девичий голосок:

— Господин полковник! Господин полковник! У меня важное сообщение от господина Леха!

Полковник осторожно выглянул в люк. Часовой у входа безуспешно пытался отогнать ту самую девчонку, что ушла с группой Леха.

— Что? Что случилось? — с тревогой спросил шеф полиции. — Поймали беглого?

— Ой, господин полковник! Ну, вы шутник! — верещала девчонка. — Чего его ловить-то, когда он... ну, я, может, сейчас вам государственную тайну открою, только все уже и так знают! Беглого-то сам господин

Лех послал. Они сейчас вместе Приправу на заимке взвешивают, скоро придут!

Вот тебе раз, подумал полковник. А ведь это, пожалуй, правда! Очень на господина Леха похоже! Ох, непрост представитель! Ох, сволочь, непрост! И чин у него наверняка повыше моего... Но почему об этом рассказывает девчонка?!

— Господин Лех вам гостинец прислал! — продолжала голосить она. — Вот, смотрите! Приправа! Полный мешок! Засланный только немного отъел!

Продолжая трещать, она высыпала на ладонь золотистую горсть. Часовой уронил автомат и уставился на Приправу во все глаза.

— Попробуйте, господин, полковник! И ты, служивый, отведай! У нас на заимке Приправа — лучшая!

Жуткое ледяное предчувствие вдруг пронзило полковника, заставило попятиться в ужасе.

— Нет! Не надо! Я не хочу! Не пускать!!! — Он хотел было захлопнуть люк, но снаружи его распахнула чья-то сильная рука. Мертвый Староста с черной дырой во лбу шагнул в каюту и протянул полковнику полную горсть Приправы.

— Нет уж, жри! — рявкнул он. — Требовал — получи!

И ароматные золотистые комочки захрустели на зубах шефа полиции...

Лех, с трудом вытягивая ноги из трясины, кое-как добрал до островка посреди болота и без сил повалился на землю. Что произошло?! Последнее, что он помнил — как рядовой Прохазка в несколько точных очередей положил весь взвод. Лех чудом спасся, пет-

ляя, как заяц, меж стволов. Ему казалось, что Прохазка с торжествующим ревом бежит за ним по пятам и лупит очередями все ближе... Лех остутился, полетел в какую-то яму, упал, перевернувшись через голову, и едва не уткнулся носом в огромную, многоногую, шевелящуюся на дне ямы тушу. Но самое страшное заключалось в том, что у этой туши было человеческое лицо. Ужасно знакомое. Его, Леха, лицо! Бред...

— Еще бы не бред, — сказала над самым ухом Белка. — Кому расскажи — засмеют!

Лех вскинул голову. Девчонка сидела возле него на пеньке и деловито разматывала опутывавшую ей руки веревку.

— Ты... как здесь? — пробормотал Лех, пытаясь нащупать в кармане пистолет.

Пистолета не было.

— Кто тебя развязал?

— Да вот, она. — Белка небрежно мотнула головой в сторону.

Лех обернулся и замер. Через болото, шлепая босыми ногами по грязи, шла не спеша... Белка. Точно такая же девчонка. Нет — та же самая! И еще за чахлыми стволами плаунов, мелькал такой же застиранный сафаанишко. И еще — под деревьями, на том берегу...

Лех закрыл глаза.

— Этого не может быть! У меня галлюцинация!

— Кто ж спорит, — легко согласилась девчонка. — Типичная галлюцинация. Весь поселок у нас такой — одни галлюцинации. Настоящих-то я поела. Жадные они, скучно с ними.

Лех в ужасе пытался сползти обратно в болото, но руки и ноги без толку скользили на одном месте.

— Кто ты?!

— Да ты уж сам понял, — сказала Макабра. — Колония простейших, как говорил господин полковник,

царствие ему... Но теперь все, с простотой покончено. На Землю полечу как особый агент Лех Зееман, выпускник Гарварда, кавалер Ордена Бани... и все такое прочее. Вот там разгуляюсь! Так что давай, дорогой...

Она развязала полотняный мешочек и высыпала на ладонь горсть золотистых комочков.

— Подкрепись перед дорогой!

— Зачем... это? — Голос Леха плаксиво дрогнул.

— А затем, что без Приправы вы — невкусные!

ЛЮДМИЛА
И АЛЕКСАНДР БЕЛАШ

МУХА

(Колониальный романс)

«Нас шестеро белых» — Киру не к месту вспомнился Киплинг.

Действительно, их было шесть офицеров в палатке, если считать белым раскосого унтер-лейтенанта Сан Сяо.

Пока что шестеро...

За парусиновой перегородкой шлёпали о стол карты, витал табачный дым, негромко звучала беседа, порой звякали стаканы с пальмовым вином. Над лагерем висела удушливая апрельская жара; ещё две-три недели — и хлынут дожди, превращая изжелта-красную землю в непролазную грязь. Конец сухому сезону, конец войне с чернокожими.

Господа офицеры коротали время за игрой. Изредка кто-нибудь вставал из-за стола, поручая соратникам

играть вместо себя с «болваном», и уходил посидеть к Яшке Локшину.

Нельзя же ему умирать в одиночестве. Вторые сутки он не узнавал никого и разговаривал с кем-то невидимым. Медленно сгорал изнутри. Кожа побурела, глаза ввалились, губы потрескались и запеклись. Денщику, игравшему роль сестры милосердия, вменялось в обязанность время от времени давать Яше воды.

Локшин шёпотом учил кого-то разбирать пулемёт, иногда путая языки. Что ни говори, он был отличным командиром пулемётной роты. Представьте, какое невезение: пройти невредимым побоище на Мюнском выступе, где от полка рожки и ножки остались, избежать прилипчивой «испанки», год воевать с гвинейскими дикарями, и после всего — сдохнуть на брезентовой койке, всего за четыре месяца до окончания контракта!

Артиллерист Ван-дер-Гехт, царь и бог батареи 75-миллиметровых орудий, полагал, что Яша кончается от алкоголя. Ямсовый самогон, если добавить кас, жёлтую полынь — страшная вещь: мёртвого поднимет, а живого в гроб загонит. По мнению Сан Сяо, причина крылась в злых чёрных девках из племени малашиков. Дискуссия длилась по сию пору.

— Два месяца пьём — то сивуху, то джин. Скоро будем водкой умываться... — кручинился Толя Котельников, заволжский лось в образе человеческом. — Вот Яшка и не выдержал. Господа! доколе?..

— Для сильных возлияний у евреев не хватает пчени, — кивал мясистый, плотный Ван-дер-Гехт. — Но что нам остаётся делать, как не пить? Глоток здешней воды — и надёжный кровавый понос... Лишь вино есть здоровый напиток.

— Болезнь от женщин. — Сан Сяо, тёмный и твёрдый от Солнца, словно копчёная рыба, блестел узкими

кофейными глазами. — Европейс-наука не поймёт это явление. Мраком женская суть одолевает свет мужского естества.

— Почтенный Сяо, к свиньям вашу азиатчину. Чёрт бы драл всех духовидцев! — Железный гауптман Иевлев отмёл восточную мудрость с прямотой ландскнехта. — Загадочные флюиды мне надоели ещё у Блаватской. Спиритизм, сны, гадания — гиль! Есть только Бог, спирт, патроны и триппер. Вам предстоит унаследовать роту Локшина — большая честь, готовьтесь!.. Шире плечи! скоро на них лягут новые погоны.

Сан Сяо привстал и поклонился:

— Буду много вам признателен, месьер гауптман. Поясните мне смысл слов «гиль» и «флюиды».

— Легко. Гиль — вздор, чушь, бессмыслица или нелепость. Флюид же — психический ток, человеком излучаемый. Так и запишите. Довольны?

— Благодарю. Очень сожалею, что мой ротный покидает нас. Он читал мне целую поэму: «*Старцы в синагоге...*» А как дальше? Там звучало много новых слов, но я был без блокнота... Якова не станет, у кого я спрошу? «*Старцы в синагоге...*»

— Это всё, о чём вы сожалеете? — Толя набычился. — Забыли бой у Габу?.. Яше спасибо, что вернётесь в свою фанзу!

— Не стремлюсь, — холодно ответил Сяо. — Вероятно, куплю прачечную в Манджале. Приличен портовый город...

— Мои разрывные тоже пригодились при Габу. — Положив карты на стол, артиллерист вновь раскурил погасшую трубочку.

— Напомнить диспозицию? — решительно предложил Иевлев. — Сяо, уступите карандаш. Сейчас рисуем...

Котельникову не сиделось, не молчалось; его распирало на беседу:

— Прошу вас, оставим Габу в покое! Мы у смертного одра... Хоть бы Ремер зашёл, осмотрел!

— Я трижды посылал за доктором. — Ван-дер-Гехт окутался дымком. — Его клистирное величество застряло в лазарете. Поит дырявых солдат перманганатом калия. Ремер уверен, будто кое-кого вылечит. Локшин для него — пустая трата времени. «Эта зараза людям не передаётся», — вот как он сказал.

Иевлев только усмехнулся:

— Немец-лекарь, из-под Кузнецкого моста аптекарь... Сам же тут руками разводил: «И какая муха его укусила?»

— Положимся на медикуса. Ремер выслушал часть курса в университете, имеет понятие о дизентерии, ранах и ампутациях... Эй, бой! — зычно позвал Ван-дер-Гехт. — Бегом на кухню! Пусть ужин принесут сюда.

— Ритс, вы способны забыть о еде?.. Помнится, вы спокойно лопали под обстрелом бошей, а они шпарили из тяжёлых гаубиц.

— Мой любезный Деметрий Николаевитш, матушка говорила мне: «Ритци, самое главное — вовремя кушать». Я исполняю золотой матушкин наказ.

Кир подумал: «Ритци, зачем мамаша не прочла тебе рацею о том, как вредно убивать своих любовниц? Тогда не пришлось бы драпать из Голландии».

— Я что хочу сказать — не подпускать близко. Сейчас начнётся, — бормотал Яша. — Вон оно, в поле скачет. Рядом, совсем рядом. Взвилось... Открыть огонь. Короткими очередями!

— Как он там? — крикнули из-за перегородки.

— Бредит! — ответил Кир, перебирая бумаги Локшина.

Опасаясь вездесущих термитов и тропической сырости, Яшка держал документы в плотно закрытом жестяном футляре.

Что тут? Паспорт с подписью русского консула, офицерский аттестат, справки о ранениях, об учёбе в университете, контракт о найме, потрёпанная записная книжка, письма из дома, фотографии... Надо сдать батальонному канцеляристу.

Извлёк две изжелта-белых полоски с каллиграфическими надписями; прописные буквы были золотыми. Должно быть, это и есть камеи — амулеты с текстами каббалы. Помял пальцами — кожа! вроде тонкой замши...

«Он их прятал, стеснялся. А я чем лучше? Ни постов, ни праздников... Только крест на шее да псалом «Живые помощи» в кармане».

Жирная муха синего цвета пожужжала и села на подушку. Яша заметался, задыхаясь:

— Вижу! Сволочь... Думаешь, взял?.. Не на того попал. Везде достану. Дай мне выйти, я тебя съем. В клоушь порву.

Кир взмахнул рукой, метясь захлопнуть муху в кулаке и раздавить. Эх, промазал! Но хоть отогнал. Рано ей целоваться с Яшкой.

Среди бумаг нашлась рукописная инструкция о том, как следует хоронить оберлейтенанта Локшина. Яша настроил её со здоровым цинизмом человека, досыта хлебнувшего войны, но за строками читалась искренняя забота о собственном погребении. Если ты воюешь, эта процедура может случиться когда угодно.

— Кир? Артанов, это ты? — Яша слепо искал лицом, едва приподняв голову от подушки. — Кто здесь?

— Я это, я... — Кир ласково разгладил ему волосы. Сердце сжалось: «Плохо дело. Бабушка-покойни-

ца тоже перед концом в разум пришла — словно проститься хотела».

— Я что хочу сказать — фрайнт¹, побудь со мной. Умру сейчас. Не подпускай никого... Мне собраться надо. Плохо вижу... Темно. Уже вечер?

— Почти. — Кир оглянулся на оконце в парусиновой стене. Солнечный свет багровел на глазах. В тропиках светило не садится, а буквально рушится с небес, а ночь не наползает медленно, как бывало дома, а вспыхивает мраком, погружая мир в чернильную тьму.

— Мухи, — прохрипел Яша, запрокидывая лицо. — Гони их к чёрту. Налетели, лезут... Кыш. Прочь. Дышать... Нечем... Где выход? Адонай инком дамо...²

— К дождю, — глупо заметил Кир, озирая матерчатый потолок, под которым тёмными пятнышками вились вестницы смерти. — Они от дождя прячутся.

Яша только вздохнул в ответ — и всё.

Бросив взгляд на лежащего, Кир понял: пора приступать к выполнению инструкции. Здесь, вблизи от экватора, покойники тухнут с поразительной быстротой. Нездоровые места! Раны загнивают на глазах, вода в кожухе пулемёта вскипает через три минуты. Яшина просьба: «Заройте как можно скорее, в тот же день» — была весьма уместна.

— Готов! — громко известил товарищей Кир.

— Пресвятые дьяволы! — жизнерадостно выругался голландец, пуская в ход бубнового туза. — Господа, давайте доиграем кон.

— Он оставил записку, как и что делать, — доложил чуть позже Кир собравшимся у койки.

¹ Друг (*удуш*).

² Господь взыщет кровь (*швр*).

— Лишь бы дождь не зарядил, — молвил Иевлев, постукивая папирасой по сгибу пальца. — Не забуду, как Костю Нордштейна закапывали. Воды в яму налило — по пояс. Казалось, мы его вплавь по волнам пускаем. Я велел неграм вычёрпывать из могилы ведрами. И всё равно гроб плюхнул, как в болото.

— По записке, следует похоронить без гроба. — Кир сверился с бумагой.

— Отлично! — возрадовался Ван-дер-Гехт. — Плотник не понадобится.

— Сперва обмыть. Требуются единоверцы.

— Где их взять?.. — Иевлев пустил дым в сторону лампы. — Мы тут все одной веры — солдатской. Считайте эту заповедь исполненной. Дальше.

— Нужен саван. Чем проще, тем лучше.

— Котельников, возьмите у чёрных тент. Он полотняный и довольно чистый.

— ...и прочитать пару молитв. Тексты приведены по-русски.

— Яша знал, кому поручал. До неба дойдёт на любом языке. Артанов, возьмётесь? — спросил гауптман у Кира.

— Пожалуй, Дмитрий Николаевич.

Первую из молитв полагалось прочесть до выноса тела. Снаружи, вдали от палатки покрикивал командир туземных стрелков: «Р-р-разобрали лопаты! Па-а-астроились! Шаго-о-ом...»

Кир декламировал:

— О Боже, преисполненный милосердия, обитающий в заоблачных высях! Пусть вознесётся на крыльях Шхины, в полной безмятежности, к небесным высотам, где обитают святые и чистые, сияющие, как

свет лазури, душа Яакова сына Йехуды, ушедшего в иной мир...

Сочувственно кивая, голландец заполнял магазин пистолета. Толя Котельников пытался прогнать назойливую муху, не без оснований полагая, что её укусы могут и его отправить в землю. Тут есть такие мошки — кладут наповал, что твоя пуля.

— Да покоится он с миром на своём ложе. И возгласим: омэйн.

— Аминь, — дружно откликнулись офицеры. Сан Сяо негромко бубнил что-то буддистское, зажав палисандровые чётки между ладоней.

Когда выносили — только мужчины, как строго предписал Яша, — на севере начало погромыхивать. Полнеба затмилось непроглядной грозовой тучей. Поднялся ветер; то и дело тучу озаряли голубоватобелые вспышки. Пулемётная рота следовала за Локшиным в полном составе, кроме лежавших в лазарете.

В сторонке чёрные опирались на заступы и курили кас, завернутый в сухие листья. Туземцы блаженствовали от дурмана; их мокрые улыбки то и дело сверкали оскалом.

Вот-вот должен был обрушиться ливень. Кто не бежал под тропическим дождём, тот не поймёт, до чего хочется вовремя укрыться от потоков. Но Кир читал не торопясь. Обряд должен быть исполнен *lege artis*¹. Яша не заслужил того, чтобы его зарыли наспех.

Под тревожный шум деревьев Кир говорил навстречу ветру древние слова:

— Да будет благословенно, и восхвалено, и чествуемо, и возвеличено, и превознесено, и почтено, и возвышено, и прославляемо имя Пресвятого, благословен Он...

¹ По всем правилам искусства, мастерски (*лат.*).

Защёлкали затворы; стволы поднялись к небосводу, полыхающему молниями. Командующий батальоном штабс-капитан отдал честь, все последовали его примеру. Белый свёрток на верёвках опустился в могилу; грянули выстрелы.

«Боже, — молился про себя Кир, нажимая на спусковой крючок «парабеллума», — только бы дослужить и сесть на пароход. Я пять лет не был дома, не слышал родных голосов. Я русский язык стал забывать. Я столько людей убил, что сердце шерстью обросло. Господи, дай мне вернуться домой!»

Шлем Локшина лежал посередине стола. Свет лампы отражался в латунной эмблеме — «лев с ошейником, цепью и мечом в правой передней лапе» — и буквах MFRL, означавших «Наёмный фузилёрный полк Лафора».

Потом шлем положат на могилу, по обычаю. Пока он обозначал того, кого нет — и больше никогда не будет за столом.

Рядом стоял стакан с белёсым, мутным самогоном, накрытый куском пресной лепёшки. «*Бронф ун бройг*¹, — сказал бы Яша, — *вот и сказочке конец*».

— Хлеба хочю, настоящего. — Котельников с ненавистью взирал на безвкусную выпечку. — Сил нет, надела негритянская маца.

Дождь прошёл стороной, едва покравив на лагерь наёмников. В воздухе скопилось тошнотворное удушье, которое Ритс-артиллерист называл «липкая смерть». Чтобы стало ещё хуже, принесли две бутылки ямсового первача — их следовало выглушить, иначе это не поминки.

---

¹ Водка и хлеб (*идиш*).

Закрыв глаза, Кир постарался представить семейный стол в Андреевке. Все рядом — Машутка, Лизанька, Дима и Евгеша. Отец спрашивает маму: «Ну-с, голубушка, чем нас сегодня попотчуют?» Запах горячего, свежего хлеба...

— Львы Лафора! — громко спугнул его грёзы гауптман. — Давайте нынче без чинов — перед костлявой все равны... Мы проводили нашего Яшу — тело в яму, душу в небо. Настоящий русский офицер. Я знал его с четырнадцатого года. Он любил Родину, водку и женщин. Помянем! Земля ему пухом.

Пойло хлестнуло в горло, опалило. Рот наполнился щиплющим кислым привкусом.

В душном, спёртом воздухе палатки зудели крупные мухи — величиной со шмеля. Противный звук вьющихся над головами насекомых понемногу выводил Кира из себя.

— Ма-ца... — Сяо задумчиво нахмурился. — Ведь название хлеба у малашиков другое.

«Спросите Яшу», — чуть не вырвалось у Кира. Он смолчал, подавленный внезапным осознанием того, что больше не встретит весёлого приятеля, не услышит его голоса, не увидит лица. Никогда.

Нет человека. Только холмик ржавой земли с пробковым шлемом наверху.

Батальон уйдёт на юг, к Гвинейскому заливу. Будет пёстрый и шумный Манджал, будет прощальный парад. Будет гудок парохода и тающий на горизонте порт, а Яшка останется навеки на чужбине.

Когда-нибудь малашики распашут могилы пришельцев. Ни следа.

«Со святыми упокой... — про себя мучительно и горько просил Кир, с усилием вспоминая слова. — Идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная...»

Только не здесь умирать. Только не в эту землю. Хоть ногтями цепляясь, хоть тенью, но возвратиться домой!

— Интересно, а Пасху мы справим? — завёлся Котельников.

Кира нехорошо дёрнуло. Вспомнились камеи Локшина и потёртый на сгибах псалом — мамино благословение, её рукою переписанное.

Она хотела дать «Живые помощи» на пояске: «От зла оберегает». Он засмутился: «Маменька, это Европа! Как я буду выглядеть там... с пояском!»

— Да. Страусиным яйцом похристосуемся.

— Вечно ты язвишь, Артанов.

— Какая Пасха, Анатоль! Тут Африка, сюда Христос не дошёл. И время сдвинулось, ты понимаешь? Всё сдвинулось.

— Не приемлю календарь большевиков! Мы вернёмся и восстановим юлианский стиль. Железной рукой, Кир. В августе едем к адмиралу Колчаку, через Владивосток...

— Хватит, я устал от войны.

— Между прочим, о войне, — бесцеремонно вмешался Иевлев, похрустывая неизвестным африканским овощем. — Ритс, твои тягачи исправны?

— Машины можно заводить хоть завтра утром.

— Завтра не завтра, а до ливней надо оттянуться к шляху, иначе завязнем с обозом и пушками. На себе тащить — ещё в Европе надоело. А малашики нам пока не дадут, и не надейтесь. В сезон дождей им, голышам, раздолье. Сяо, сколько осталось копий у Обака?

Чёрная тень саванны — Обак, вождь малашиков, тайлся где-то рядом, засылал лазутчиков, ждал своего часа. Этот боевой зверь держал на сворке стаю хищников, чтобы в удобный миг бросить их на батальон.

— Полагаю, месьер гауптман, опытных бойцов до тысячи. — Китаёза через прицельную прорезь ловко определял численность противника. — Говорю о тех, кто не пойдёт на пулемёты. Остальных, мясо, он кинет в лобовую атаку. На марше мы будем уязвимы... Пожалуйста, уточните мне смысл слова «шлях».

— Тракт, большая дорога. Для нас — та, что ведёт к базе.

— Значит, опять через дефиле¹ Габу, — вязко процедил побагровевший Ритс.

Кир сидел мрачно, не участвуя в расчётах. До базы, а затем до порта ещё надо доползти, чтоб попасть хоть в Андреевку, хоть к Колчаку.

Лучше бош со штыком, чем чёрный с копьём. Тем более, Обак знает местность, как свою ладонь, а мирные малашики его боятся и волей-неволей помогают.

— Убыль личного состава большая. Едва не сотню схоронили. — Иевлев, рассуждая о служебных делах, пьянел, наливался темнотой. — Больных и раненых семь дюжин, это гирия на ноге. И мухи... кыш!

Мухи сгущались вместе с духотой, роем вились и жужжали под потолком, нагло садились на плечи и чуть не лезли в лицо. Котельников, зверея, бил их ладонью, от чего прыгали стаканы на столе. Чёрный бой, безутешный денщик Локшина, наливая офицерам, как-то скулил; бутыль тряслась в его руках. Кир присмотрелся — малый, южанин из племени кру, стал почти серым; глаза пугливо бегают, рот плаксивый.

— Эй, ты! поставь посуду, разобьёшь.

— Ах, месьера абир-летенанта, мой плохо! Мой боюсь!

— Лихорадка, — бросил взгляд Сяо. — Ещё один штук для Ремера.

¹ Теснина, узкий проход (*франц.*)

Ритс, у которого от самогона даже белки глаз покраснели, глухим мычанием изображал мелодию. Сам себе патефон. Набивая свою носогрейку, он просыпал табак на колени, потом жестом потребовал огня и запыхал. Трудно сказать, что он воображал спяну, ворочая непослушным языком:

— Не так уж сложно пройти к базе, гварим!¹ Я объясню, как стрелять. Сан Сяо, ты молод командовать ротой. Но тебе таки придётся разворачивать расчёты на позиции...

— Уважаемый Ритс, я справлюсь. Решение за командиром.

— Так-с, — сурово встал Иевлев, пошатнувшись. — Ты, заразный, марш в лазарет. Пить марганцовку.

— Мой здоров! — взмолился кру. — Мой не иди туда, там смерть, могилка! Всех могилка! Малашики — гады вонючий, у-у-у, враги!

Испуг парня выглядел забавно; офицеры рассмеялись. Ишь как ему здесь не нравится! У моря на юге тишь да гладь, власть белых месьеров. А с малашиками не уживёшься — не зарежут, так отравят, не убьют, так предадут.

— Трус ты, дурачина! — Иевлев сплюнул. — Нас батальон! Шесть станкачей, четыре пушки... Лезь под койку, отсидишься.

— Нет, нет!.. месьера гауптмана, под койку нет! Мух, — робко указал вверх посеревший негр. — Это мух. Куси-куси. Они жраль месьера Локашина, съель его мозги, съель его душа.

— Крестись в нашу веру. — Котельников рыгнул. — Нам — не страшно!

— Мой крестился у падре в Манджале, мой кристианина! — В доказательство кру торопливо вынул

¹ Господа! (ивр.)

крест из-под рубахи и потряс им. Вместе с крестом на шнурке болтались перья, зубы и раковины каури. — Там Есус Крестус, тут малашики! Они дьяволь.

— Этот менч¹ прав, — бурчал надутый самогоном Ван-дер-Гехт. — Я много убивал, как много!.. Вот расплата. Пусть он расскажет. Я хочу знать...

— Он дикарь. — Отмахнувшись, Иевлев взялся за стакан, заглянул сверху в жгучую опаловую жидкость. — Его надо ещё трижды крестить, розгами по филейным частям. Чёрт, что за отраву мы употребляем?.. Впрочем... За победу!

Кир машинально выпил. Лампы тускнели, в глазах туманилось, «липкая смерть» маслом стекала по коже. Крещёный кру всхлипывал, бормоча что-то. Но смысл ускользал от пьяного сознания, а гудение мух забивало уши. Давнее видение Андреевки гасло. Попытки удержать его оказывались тщетными: проступало задорное личико Машутки, потом лес в полутьме, слышались удары кузнеца — или барабанный ритм малашиков?..

Всё пространство под крышей заполнили мухи; их надсадное «жжжжж» свербело в ушах и мешало думать. Этот звук буквально отзывался болью в голове. Иногда Киру казалось опасным зевнуть — мухи столь густо сновали в воздухе, что так вот и влетят.

Он поднялся, оправляя форму. Краснорожий Ритс враждебно смотрел на него в упор, затем жалобно вздохнул и потупил глаза, будто задремал. Зато Котельников затараторил бурно, шумно, дирижируя себе ручищами:

— Я что хочу сказать — надо поручить дело Ван-дер-Гехту! Выдвинуть пушки на позицию и расстре-

---

¹ Человек (*игиш*); также «служащий», «надёжный, зрелый человек».

лять деревню, всё перемешать с землёй. Тут вопрос в другом — как верно выбрать цель. Ведь это может оказаться и не та деревня! Тогда мы впустую потратим снаряды...

— Котельников! — свирепо рявкнул гауптман. — Ты ошалел?! Боевые действия для батальона назначает командир, а ты — ротный. Поперёк батьки...

— Мою роту, фрайнт? Я подниму её. Но это дело не для роты! Такие дела решают лично. Белые люди не годятся, а кру — жалкий парень...

— По-моему, ямсовку квасили с касом, — высказался Кир как можно твёрже. — С первого стакана следовало понять — отравка. Мы сходим с ума; вы что, не чувствуете?

Исключая кру, здесь все с оружием. Кир решил тщательно следить, кто первый потянет руку к кобуре, чтобы вовремя выбить пистолет.

— ...угробим мирных жителей, — нёс околесицу Котельников. — А я больше не хочу совершать грех. И так в крови сверх меры! Знаете, где я перешагнул черту? Когда вступил в полк Лафора. Надо было бежать, а не вербоваться! Забиться куда-нибудь, скрыться от всего этого ужаса. Встретить милую женщину, спать в её объятиях, мирно учить детей с чистыми глазами. А я учил убивать!

— Кто?! — Гауптман с горящими глазами навис над Толей. — Кто бы остановил немчуру, если бы все спрятались? От тебя, Анатолий, я таких слов не ждал! Вот поэтому! потому, что много слякоти! потому что мы врозь! поэтому пришли хамы! и завладели!..

Котельников обернулся к Киру, ожидая поддержки. Умоляющий взгляд его был красен, полон прилившей крови; это кровавое затмение вдруг сделалось злобным, пронзительным, как в миг штыковой атаки.

— Я что хочу сказать — Кир, ты... Почему ты так жесток?

— Кто? Я? — Кир растерялся. — Анатоль, не говори чепухи!..

— Мамочка, да? Она тебя любит! Но ты её не увидишь. Как и я свою момэ.

— ...если ты не прекратишь сейчас же пораженческие разговоры, — рокотал Иевлев. — Где ты нахватался пропаганды? Никогда впредь! ты запомнил, Котельников? при мне — никогда!

— Ой, ой! — затанцевал от страха кру. — Месьери офицери, не убий друг друг! Нет! Это малашик хочет — вы убий себя! Тута кто-та лишний! Мух гони!

Схватив полотенце, он стал с неожиданной яростью махать им, а мушиное скопище, сорвавшись с брезента, закружилось с возмущённым гудением. Киру едва не стало дурно. Казалось — касание мухи могло оставить несмываемое, мерзкое пятно, уморить порчей...

Иевлев уже держал Толю за ворот, а этот лось подетски плакал, утратив всю храбрость. Ритс совершенно обмяк на стуле, зато вскинулся Сан Сяо. Самогон с касом проник в мозг азиата и устроил там бешеную большевистскую революцию.

— Я что хочу сказать, — залопотал маленький унтер-лейтенант, неожиданно расширив обычно узкие карие глаза, — мне ничего не видно! Это настоящая тюрьма! Надо найти причину. Она где-то рядом, я чувствую. О, как всё не ко времени!.. А письмо Циле я не написал. Как теперь я скажу ей, как?.. Может, кто-то из вас передаст... И ты, Кир, предаёшь меня своей жестокостью!

— Почтенный Сяо... Господа, позвольте решить за вас. — Кир без колебаний — иначе будет поздно! — достал «парабеллум» и, не целясь, влил по пуле в оканные бутылки. Посудины звонко обвалились,

разливая лужи умопомрачительного самогона. Все замерли.

— Артанов, что за шутки? — вырвалось у Иевлева.

— Верно, — прошептал Сан Сяо, без сил опадая на стул.

— Спокойствие, господа. — Кир обвёл палатку стволом. — Никто не должен брать в руки оружие. Извините, Дмитрий Николаевич... вы тоже. Мы перепились, и если так продолжится, будет взаимное побоище. Бой! Займись наконец мухами, каналья!

— Да-да, — заворочавшись, Ритс с усилием стал утверждаться на вялых ногах. — Мудрое решение, Кирил Алексейвитш. Пора в свои палатки, спать.

— Ну, Артанов... — Гауптман в недоумении покачал головой. — Извинение принято. Отбой!

Кир напряжённо выжидал — не сорвётся ли кто-нибудь на резкость? Но офицеры медленно и мирно отходили от стола. Даже странно.

— Ничего не будет, фрайнт, — проходя мимо, со смешком обронил Иевлев. — Все знают, как ты стреляешь.

— Дмитрий Николаевич, я бы не стал...

— Брось. Всё-таки ты жестокий человек.

— Возможно. — Кир старался держаться мягче, чтобы не вызвать вспышки гнева. — Это война. Я был студентом, стал пехотным офицером. Неожиданная карьера.

— Карьера впереди. — Сонливый Ритс миновал Кира, тяжело передвигая ноги. — Масса перспектив! Можно стать регимент-гауптманом... даже генерал-аншефом. Или покойником. Или хуже того.

Последние мухи не уступали натиску кру и, казалось, нападали на него, но и они были вынуждены ретироваться. Правда, Кир слышал их даже снаружи, когда вышел из палатки. Две или три летуны-неви-

димки реяли во тьме, как караульные у вверенного им объекта.

Удаляясь шаткою походкой в ночь, с меланхолическим надрывом распевал Котельников, возомнивший себя Шаляпиным. Среди мглы тропиков, густой и жаркой — продохнуть нельзя! — ему грезилась зима:

Из ночи и морозных вьюг
Кто в дверь стучится к нам?
И отчего немой испуг
На бледных лицах дам?¹

От палатки Ритса донёсся сдавленный протяжный рык. Голландца рвало.

Киру снился чёрный мурин-великан из сказок — полуголый, в юбке, с плетью и с цыганскими монистами. Мурин злобно дышал; уродливые карлики водили хоровод. Кир выстрелил. К удивлению своему, промазал, а мурин глумливо захохотал: «Не увидишь матери! Всех смерть, могилка! Die Durchsuchung!² Вывернуть карманы!»

Отмахавшись прикладом, Кир побежал по улице к морю. Сияла полная луна. Серебряная дорога вела по волнам в Андреевку, но путь преграждали корабли Кайзермарине, а даль была закрыта дымом. Сзади гикала и улюлюкала погоня. Мурин настиг его и обнял, будто женщина. Влажные руки проникли в грудь, сжали сердце, подобрались к горлу — Кир с ужасом ощутил, что язык не повинуется ему и говорит чужие, чуждые слова.

Он вскочил с бессвязным гортанным криком и сел на койке. Потная рубашка прилипла к телу. За матер-

¹ Ирландская застольная (сл. Дж. Бейли; пер. А. Глобы).

² Обыск (нем.).

чатой стенкой денщик храпел так жутко, будто сейчас задохнётся. Вот ленивая скотина! Принёс ли он воды, как было велено?..

От ковша в нос пахнуло хлоркой. Кир с мутной головы счёл это отрыжкой вчерашнего и отпил. Зря! Вода и впрямь оказалась крепко хлорирована.

Тотчас выплюнул, но следом — на «Ура!», как взвод за командиром, — рванулся поминальный ужин. Натуральное извержение; казалось, пятки через глотку вылезут.

Когда корчи отпустили Кира, он тем же ковшом стал отводить душу на денщике.

— Ай! А-яй! Аа-а!! Месьера, прощай!

— Ты, сссобака, что принёс? Что принёс? Где взял?!

— Кухня даль! Котёл вода! Доктора велела — сыпь вода, будь здоров...

— Этим выгребные ямы заливают — а ты мне для питья!.. Ннна! Ночью в караул пойдёшь, на внешнюю линию!

Денщик завыл. Изнеженные мирной жизнью побережья, южане тряслись при мысли, что придётся ходить во мраке с винтовкой — а кругом ползают головорезы Обака, будто змеи... или обернувшиеся змеями.

— Уберись в палатке!

Налив пальмового вина, Кир понял, что с первого глотка всё повторится. Фу! Водобоязнь какая-то...

Сбылись слова Котельникова — Кир умылся вином. Затем, одевшись, вышел на вольный воздух. Снаружи, по крайности, нет впечатления, что ты заживо зарыт.

Но лучше не стало — рот стянут вязкой сухотой, хлорный дух достаёт до мозга. В голове словно черти молотят, настолько боль трескучая. О спазмах желудка впрямь совсем не думать, но забыть их невозможно — там, в пустоте, будто ворочались три фунта гвоздей с мотком колючей проволоки в придачу.

Тучи развеялись, мерцали звёзды. До пробудки ещё долго. Где-то перекликались караулы, в зарослях визгливо отзывались обезьяны. От деревни долетал собачий лай и задушенный хрип петухов.

Кир опустил на скамейку, врытую по приказу русских офицеров, и уронил чугунную голову. Кисти рук с дрожью сжимались в кулаки. Глаза ломило; пульсация боли в черепе казалось громкой, как бой барабанов. Тум-тум-тум. Тум-тум-тум.

«Где все? Не слышу... Где Анатолий, Яша?»

Яша.

С ужасающей ясностью Кир вспомнил — *rge*. В рыжей земле, высохший как мумия.

Волной ударила и ослепила тоска.

«Как же так? Четыре месяца до срока, триста вёрст на юг — и всё, спаслись бы, вместе уехали!.. Нам так мало осталось ждать, что же ты сделал?..»

И некому оплакать оберлейтенанта. Перекинулись в картишки, отстрелялись в небо, опились — помянули! Нельзя так; нечестно, неправильно... Хоронят — чтобы дать покой, а это — не покой, не кладбище...

Хотелось закричать, заголосить тягуче, но — лишь зубы скрипнули, и выступили слёзы. Слабеешь, Артанов?

«Мы не доберёмся до базы, — холодом окатило сердце Киру. — Нас вырежут как курей. Без пополнения; треть состава — в лазарете и в могиле. Обак собирает новую орду. Габу нам не пройти».

В прошлый раз чёрная бестия атаковала на марше. Колонна — две версты; шлях давал крутой изгиб между холмов, поросших зонтичной акацией и шипастыми кустами. В высокотравной саванне бывают классические дефиле, судьбой назначенные для засад.

Сначала барабаны. Далёкий гул... тум-тум-тум, тум-тум-тум — переключка слева, справа. Нестройный бой, переходящий в грохот. Тум-тум-тум! Колонна заколыхалась и сбилась с ноги; тягачи встали.

Ритм нарастал — да-да-да! да-да-да! Раздались вопли в зарослях, будто заголосили бабуины; ветви кустов задёргались. «Сто-о-ой! Штыки примкнуть! Втор-р-рая рота...» Командир батальона с Иевлевым были в авангарде, рота Яши в середине, Ритс замыкал.

«Р-развернуться в цепь! К отр-ражению атаки... Заряжай!» Крик нарастал. Движение угольных тел. Выметнулись из редколесья, помчались. Страшно быстрый бег. Мысль: «Это не люди». Мелькание чёрных голеней — как шатуны паровоза. Перепрыгивают кусты, словно летят по воздуху. Ближе, ближе...

«Ложись!»

Тра-та-та-та — запел гимн цивилизации пулемёт Локшина. Как ждал! Вмиг расчехлил и повернул; затвор подхватил ленту, машинка смерти грянула, и горячие пули засвистали поверх шлемов. Чёрные тела покатались кубарем, скошенные секущей очередью.

Тра-та-та-та — ликовала душа, билось сердце. Котельников кричал: «Львы, на месте! Лежать, собаки!!»

Тра-та-та-та — эту песню можно слушать вечно. Ту-ту-тух — ожили в паре мест ручники.

Вдруг громовой стук станкача оборвался. Лишь там-тамы, вой и этот исступлённый бег. Кончилась лента? заклинил затвор?

«Целься!.. Залпом — огонь!» — орал Кир, не слыша себя. Трескотня от центра колонны до арьергарда. А чёрные неумолимо приближаются. Солдаты мажут. Безбожно мажут! промахи!.. «Необучены. Берём кого попало, сразу в рейд». Кир выбивал чёрных, но — если б все так метко...

«Целься! Пли!» — Ну, жидовин, заводи свою машину! Давай! быстро! мне что, в штыки их поднимать? это шпана! полягут! Ну, когда?!

Потеряв половину, звери Обака вмялись в роту Анатоля. Ох. Где Железный гауптман? Бегом его сюда! Бежит. А третьей роте кишки выпускают. Мясорубка. Лезвия копий — как ланцет в полруки длиной. Чёрный с копьём хлеще казака с шашкой. Будто леопард, в секунду рассекает человека.

«На месте! — Кажется, лёгкие лопнут. — Сам застрелю, дерьмо, кто побежит! Огонь!» И стрелять, стрелять, ловить в прицел. Мелькают чёрные ноги. Чёрные руки, как крылья мельницы. Лезвия копий, как мясницкие ножи. Белые зубы. Кир ясно различал их лица. Пора. Умирать надо стоя.

«В штыки! Вперёд!» — А ведь могут не встать. Так их и приколют.

Тра-та-та-та — мерно, железно, механически застучал оживший пулемёт. Тра-та-та-та — присоединилась вторая. Застрекотали ручники на стороне Иевлева, вышедшего во фланг орде Обака. Радость! Косилки заработали, посыпались людишки. Они валились прямо перед цепью — вспоротые очередью, с перебитыми ногами, в крови.

Ах! Ах! — Ритс, прикрытый ротой Кира, установил пушки. Опасаясь зацепить своих, он вклеил разрывными по лесу, откуда валила орда. Акации срубало и подбрасывало в воздух с вихрем щепок, взлетали земляные кусты.

Чёрные дрогнули, заверещали, заметались, прыгнули назад и в стороны. Получив надёжную дистанцию, Ритс перешёл на «косящий» огонь шрапнелью, а ближних причёсывал Яша. Нашлось дело и штыкам...

«Что ж ты телился, жук навозный? — с яростью благодарил Яшу Котельников. — Ещё бы чуть — четверговали бы и засолили!»

«Напрасно ты насчёт жука, — укорил Кир наедине. — Нас, кадровых, и так осталось меньше пальцев на руке».

«Кто кадровый? — вытаращился Котельников. — Он местечковый! Пулемёты — не искусство, бойня! Вот когда сошлись — тут да! Я одного на штык, через себя — ииэх!.. Искусство!»

...Кир тупо разглядывал утоптанную землю. Пустая жестянка из-под сардин. Смятая папироса — Иевлев проходил. Значит, лёг не сразу или раньше всех встал. Верней всего — второе. А, вот и подтверждение! Тёмный от слюны окурок сигареты — это Бульон, итальянец, шеф-адъютант из отделения разведки. Значит, Железный гауптман вызвал и отправил его среди ночи. Куда?

«Впрочем, к чему это?.. Не стало искусника. Как мы пойдём назад? Эх, Яша...»

Вздыхнул и сел рядом Котельников, мятый, бледный и опухший.

— Поздравляю, Анатоль.

— С чем? — простонал громада-ротный, согнувшись от недомогания.

— Я умылся вином. Согласно предсказанию.

— Бааа... Ни слова о жидкостях. — Котельников си-пел. — Видеть, слышать — не могу! Особенно спиртное. Во рту — будто взвод кошек испражнялся... Воды бы, холодной воды... Капли нет, всю вылил на голову. Послал боя за кипячёной...

— Не вздумай пить. Ремер велел засыпать туда хлорки.

— Зачем он это совершил?! Из ненависти к человечеству?

— Напротив, голубчик, из самых благих побуждений — дабы никто не окочился. У котлов нет крышек, ночью туда гадят мухи.

— Отравитель!.. — произнёс Котельников глубоким шёпотом провинциального трагика, который слышен даже на галёрке. — «И он кого-то хлору пить заставил и к прадедам здорового отправил»¹.

— ...или отец родной. А вы скворчали, что Ремер ко всем равнодушен. Оказалось, вовсе нет. Он помнит и заботится о нас.

— Теперь ясно, почему Генрих Карлович в поносном бараке скрывается...

— Должно быть, устал от наших комплиментов.

— Знаешь, вид у тебя — как с виселицы сорвался... и я не краше. Но ответь — где ты берёшь силы язвить?

— Сам удивляюсь. Нам ещё на построение идти...

— Не говорите мне о нём. Молчи, грусть... — Котельников со стоном взялся за голову. — Взводные справятся. Я отказываюсь... не могу!

— На штык и через «не могу».

— Генрих — добрый? Был бы добрый — кокаину бы прислал!

— И не жди. Он его носит в железном ларце, а ночью прячет под подушку.

— Кащей с яйцом! Скупой рыцарь... Артанов! Ведь у тебя, помнится, тоже был...

— Весь кончился, ещё в Манджале. Попробуй кас.

— Тьфу! Нашёл, что присоветовать!.. Отправь денщика к Ремеру. Вдруг разжалобится.

— Бой! — выкрикнул Кир. — Ко мне, бегом!..

¹ Лермонтов, «Пир Асмодея».

— Когда же воду вскипятят?

— К завтраку. Если будут дрова. Что-то нет малашиков с вязанками... пора бы им появиться.

— Налей котелок, — наставлял Котельников битого слугу. — Побольше! Здесь нагреем. Встретишь моего — пусть бежит к тягачам и сольёт чуток горячего. Принесёт — десять талеров, нет — в морду. Предъяви свою — вот так и с ним будет.

— Мы правда похоронили Яшу или мне приснилось? — проговорил Кир, потерянно глядя вдаль. — Дурацкое состояние — кого-то ждём, а его нет и нет.

Командир третьей роты горестно подпёр свою большую голову широкими ладонями:

— Увы, Кир. Никогда мы Яшку не услышим.

— Я что хочу сказать... — раздалось рядом.

У лейтенантов на миг замерло дыхание. Толя размашисто перекрестился:

— Господи! Это Сяо. Прямо душа извернулась!..

Даже в предутренней тьме было видно — с похмелья китаец зелен, как незрелый лимон; лицо страдальчески искажено. Он, словно опахалом, обмахивался заветным блокнотом.

— Всем не спится, — дружелюбно кивал Сяо. — Думал отвлечься занятиями! Стал читать и повторять, но ум не повинуется. Ощущаю только печень, её эмоция — гнев... Ветры и дурные соки *инь* ударили в мозг, заперли энергию *ци* по всем меридианам.

— Это что — география или теософия?.. Ещё один полуночник, — вновь обхватил голову Котельников. — Далась вам забота — язык учить!

— Я хочу говорить правильно. Вы меня поправьте, если я не прав! Надо ежедневно прорабатывать словарь... Эта фраза, как она грамотно звучит? «Я хочу сказать, что...»

Сын Поднебесной записывал иностранные слова. Он намеревался выжить и завести свою маленькую коммерцию, а для этого следует знать языки.

— Не сейчас, — отказался Кир. — Мысли разбегаются, всякий бред в голову лезет.

— Да — гиль. — Сяо примостился на скамейке.

— В точности! — горячо подтвердил Анатолий.

— Надеюсь, вы извините мою лишнюю назойливость?

Кир утешил его жестом безразличия:

— А, пустое... Говорите, что хотите. Когда молчишь, подступает безумие.

— Скажем, о том стихе. — Упрямый Сяо вернулся к нерешённому вопросу. — *«Старцы в синагоге вскидывают руки...»* Синагога — нечто вроде синемаатографа?

— Опой. Глубочайший опой, Кир. Гнусная ямсовка...

— Хорошо, Яша не слышит... Сяо, это молитвенный дом иудеев.

— Проснулся — и не понимаю: где я, кто я? Даже после джина...

— Молчи, несчастный. Ты со второго стакана такое понёс — Иевлев чуть душу из тебя не вытряс.

— И что же, с позволения спросить, я говорил?

— Что хочешь дезертировать, жить с доброй женщиной и обучать детей.

Котельников онемел, а Сяо поддержал Кира:

— Да-да, именно так! Детей с чистыми глазами! Я записал, весьма изысканная фраза: *«Дети с чистыми глазами»*.

— Я... Я?! Это не я! Кир, не вздумай повторять — а то на дуэль вызову. Чтобы я!.. чтоб с двух стаканов дезертировать!..

— Пьяным являются странные мысли, возникают небывалые намерения, — начал мудрствовать китаец, но Кир пресёк его на корню:

— И вы хороши были до изумления. От всех домогались — передать письмо какой-то Цы Ле. Кстати, адреса не назвали. Где эта особа живёт? в Манджале или в Сингапуре?

— А! да! верно! — Толя захлопал в ладоши. — Цы Ле, ясно помню! Сознайтесь, Сяо — что за пассия у вас? Предъявили бы фотографическую карточку; грех таиться от соратников...

Сяо сжался, ощетинился и соорил лживую, враждебную улыбку:

— Я не знаю китайки с таким именем. Это какая-то ошибка.

— Попались, попались, — ликовал Котельников. Он был донельзя доволен, что Кир перестал цитировать его пьяные бредни. — Измордую денщика — долго он там бродить будет?.. Ага!

К скамейке быстрым шагом двигалась неясная фигура. Походка не оставляла сомнений — Железный гауптман. Лейтенанты рефлекторно встали.

— Вольно, — унял их рвение Иевлев. Будто не было ночных поминок, лишь голос его звучал глуше, с хриплыми нотками. — Артанов, ваша догадка оказалась верной. Самогон, который нам подали — сомнительного происхождения. Я велел Бульону расследовать, откуда появились те бутылки.

— Значит, Дмитрий Николаевич, варево с касом...

— Или покрепче. Не знаю, как вы...

Котельников издал предсмертный стон.

— ...а я провёл ночь беспокойно. Благодарение Богу, что до дна не осушили, а то б не проснулись.

— Дрова-а-а! — завопил издали бой. — Вода-а-а!

— Лечитесь, — посоветовал Иевлев, уходя.

— Когда ещё вскипит? Когда остынет?.. Кир, я не выдержу.

— Пить горячим! — энергично предложил китаец.

— Ну, уж нет! Лучше пулю в висок.

— Чай. — Глаза Сяо блеснули надеждой. — Немедленно доставлю.

Денщики, отыскавшие друг друга в ночном лагере, приволокли всё и даже больше. Нашли и брезентовое ведро, и дровосека-малашика с солидной вязанкой. Офицерам преподнесли облатки вощёной бумаги:

— Месьера доктора велела кланяться и дай вам зелья.

— Кокаин! Неужели?! Есть Бог на свете!

— Нету кукаина, эта... — Бой сморщился, вспоминая имя снадобья. — Пера-мидона!

— Пирамидон... хинину ему в клизме, эскулапу нашему!.. Ну, давай, хоть что-нибудь. — Анатолий жадно вылизал порошок и скорчился, ожидая, когда медикамент проскочит. Слюна, подобная кислоте, копилась во рту.

— Горечью врачуют сердце и желудок, — наблюдал Сяо за его гримасами. — Как принято в Европе — подобное гони подобным. Какая болезнь, такая пилюля...

— Это великие воины белых? — осторожно спрашивал денщиков парень-дровосек, почти нагой, чёрный и лоснящийся, как нефть. Он сидел на корточках, опасаясь шевельнуться лишний раз в присутствии грозных месьеров. У-ух, страшны! У каждого смертельный пистолет... Топор у малашика отняли при входе в лагерь; безоружный, он боялся, что его сочтут лазутчиком Обака и застрелят. А как тогда жена с первенцем?..

— Да, мы у них служим, — важно дулся бой Котельникова. — Они очень злые, могучие люди. Месьер

Анатолий силён, как слон, и лют, как леопард. Он кидает чёрного человека на штыке... будто снап!

— А мой месьер стреляет дальше, чем летит копьё! Без промаха.

— О-о-о!

Малашик с трепетом смотрел на колдовство белых. Они варят пустую воду — зачем? Почему не кладут туда мясо или курицу?

— Глупая ты голова. Если дать тебе душистое мыло — ты его съешь, ха-ха-ха! Белые делают варёной водой омовение рук. Этому их научили духи. Иначе бесы войдут в утробу и съедят изнутри. Когда белый болеет, он пьёт синюю воду со вкусом железа. А потом всё равно умирает.

Сяо вытряс в кипяток строго отмеренное количество сухих листиков.

— Знаете, почтенный, ваш напиток не внушает мне доверия.

— Это не напиток, а лекарство, месьер Анатолий. Вся Хань спасается им от недугов. Тот чай, который вы пьёте в самоваре, — вообще не чай!

Вдали горнист сыграл побудку. Хризолитовый настой источал терпкий аромат. Котельников прихлёбывал, прихлёбывал, кривился, затем сладострастно вздохнул:

— Вроде отпустило! Кир, ты как?

— Хм. Честно сказать — недурственно. Бой, налейка ещё.

— Уфф! Хоть сердце правильно забилося. Пробирает ваш чаёк, дружище!

— Искренне рад вас удолить. Можем ли мы вернуться к разговору о стихе?

— Бог мой, Сяо, за чай я вам обязан. Но зачем вспоминать эти вирши? Давайте лучше прочту из Лермонтова...

— В стихе были слова, я их не понял. А евреи — выдающиеся коммерсанты. Я хочу познать, как они говорят и думают.

— Тут даже Яша не помог бы. Он высмеивал этих — благочестивых из молельни. Молодой был!.. Эх...

— Да-да, в поэме едко сказано про старцев. Я написал по памяти: *«Молодость смирилась под гнётом закона», «Так решили старцы — раввины, капланы...»*. Это от слова «каплуны»?

— С вами греха не оберёшься. Это... потомки храмовых жрецов? Анатолий, Яша читал тебе ектенью про старцев?

— Вроде бы. Там жандармы, австрияки, наваждение и помешательство...

— Наваждений нам своих хватает; взять хоть вчерашние поминки... О чём поэма-то была?

— Какой-то конфликт с полицией. А может, с инквизицией! Господа жида её пять веков забыть не могут.

— Старцы нечто значили, — гнул своё Сяо. — Какое-то особое явление; оно мне было удивительно. Вот ещё строка: *«Юный книжник Мойша с каббалой спознался»*.

— Ну, это мистика. Если позволит знание немецкого, прочтите «Голема» господина Майринка — эта книжонка есть у Ремера. Лихо закручено.

— Кир, ко мне вернулась бодрость! Пожалуй, я смогу построить роту и облаять её по всем матерям. Ну а ты? Глаз, рука не подведут?.. Проверим? — Котельников подобрал жестянку от сардин. — Готов?

— Смотри, малашик! — Бой толкнул деревенского негра. — Он ужасный воин.

Жестянка взлетела вверх и вправо, сверкнув в лучах восходящего Солнца. Чуть выждав, Кир вскинул «парабеллум». От выстрела молодой дровосек спрятал лицо в коленях и зажал уши.

Банка рывком сменила направление полёта и упала в стороне.

— Принеси-ка, бой.

— О-о, месьера, она пробитая! Она дырка!

— Подари этому, с дровами. Они любят собирать всякий хлам.

— На! держи, месьер тебе дарит.

— Нет, нет, — замахал руками малашик. — Она плохая! Дух пули, он убивает!

— Она пустой башка, она боясь!

— Завидую тебе, Артанов. Как ты берёшь прицел? открой секрет.

— Нет секрета. — Кир не спеша убрал пистолет в кобуру. — Когда-то я мечтал сбежать на корабле в Америку и выступить там в цирке, в роли Буффало Билла. Эти книжки — Виннету, Шеттерхэнд... Я готовился! Тайком собирал сухари, прокладывал маршруты и учился стрелять навскидку. А результат? — Кир обвёл рукой пробуждающийся лагерь. — Стоит захотеть — и ты в Африке: кругом буйволы, макаки и повстанцы с копьями. Мечтать надо осторожно. Мечтам свойственно сбываться. Никогда не знаешь, где окажешься. Почтенный Сяо — кажется, Будда советует ограничить желания?..

— Да. Они ведут к страданиям.

— Истинные слова!

— Что он говорит? — зашептал малашик.

— Месьер — колдун. Он подумал: «Окажусь-ка я в Анунде!» — и всё ему сбылось.

— Как же так? — Дровосек озадачился. — Воин — и колдун?..

— Твоя башка — пустой чайник! Месьер Кирил владеет силой. Я слышал, я знаю. У него есть мать, старая белая женщина...

Малашик представил себе белую-белую старуху, всю покрытую заговорённой глиной. Старая сидела на циновке и повелевала змеями.

— ...она с поцелуем дала ему вещее слово. С тех пор месьера хранят духи. Всех убили, а его нет. Даже месьер Яш умер.

«Месьера Яша съели!» — вырвалось было у малашика, но он вовремя прикусил язык. Нельзя болтать лишнее в лагере белых. Иначе месьеры станут мучить чёрного, выпытывать — откуда знаешь? И убьют совсем. А кто защитит жену и сына?

— Я почти излечился, — полной грудью вдохнул Толя. — Кир! голубчик, утоли моя печали. Твой голос... ты так славно читал над Яшей! Прочти — Лермонтова, Тютчева, что вздумается. Душа стосковалась...

— О чарах толкуют, — переводил бой дровосеку. — Когда умер Яш-Пулемёт, месьер Кирил пел заклинания, чтоб дух ушёл за реку смерти.

— Лучше другое, — подумав, Кир бережно извлёк бумажник, из него — потёртый, несколько раз сложенный листок.

— Оно. — Бой опустил на колени. — Спрячь глаза!

— Что... зачем? — Малашик трепетал.

— Завет белой женщины. О-о, быть битве!.. Месьер не поёт по пустякам.

Дровосек с корточек гибко перешёл на четвереньки и зажмурился. Вот несчастье! Всего-то думал заработать пару талеров, а попал в самое пекло, на обряд белых. Сейчас месьер наколдует новое сражение... Может, убежать? Нет, пожалуй, кинутся в погоню.

— Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него.

Котельников прикрыл глаза ладонью, чтоб скрыть подступившую слезу.

— Не убоишися от страха ночнаго, от стрелы летящия во дни, от вещи во тме преходящия, от сряща, и беса полуденнаго. Падет от страны твоя тысяща, и тма одесную тебе, к тебе же не приблизится...

Сан Сяо слушал внимательно и почтительно. Солнце, раскалившее небосклон, всходило как взрыв, зажигая своим сиянием акации.

— Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его, и прослаблю его, долготою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое.

— Аминь! — звучным баритоном возгласил Котельников, встав со скамейки и расправив плечи. — Ах, как славно, Кир! Будто вновь родился, право слово. Нет, зелёный чай я полюбил — а Будду не приемлю! Хочу мечтать, буду мечтать, хоть бы всё прахом шло. По вере моей обрету, что назначено!

— Ты в театре играть не пробовал?

— Да, представь себе! И получалось! В любительском, с самим Инсаровым — он тоже офицер. Каких людей я знал!.. Карсавина, Павлова, княгиня Орлова — их Серов портретировал. И дочку Рубинштейн он на коленях умолял, чтобы позволила себя изобразить...

— Видел Иду? Ты? — Басням про штык и «через себя» Кир не очень верил, но сейчас Анатолий коснулся святого искусства. Речь его дышала такой искренностью, что любое сердце распахнулось бы навстречу.

— Так же близко, как тебя. Представь — Летний сад, гуляния. И она шествует — бледная, истощённая, с приставными ресницами, в оранжевом тюбане с перьями павлина. За ней толпы зевак. А я — сто-

ял, как статуя, и думал: «Божество и вдохновение! Ей нет равных!»

— За такой миг ничего не жалко. Анатоль, ты счастливец.

— Месьер Анатоль видел бога, — переводил бой ма-лашику. — На голове тюрбан огня и колдовские перья.

— Сцена в Петербурге — вот недостижимая мечта! Особенно теперь, — восклицал Толя, воздевая руки по направлению к солдатским палаткам. Оттуда лезли сонные и злые львы Лафора, изрыгая многоязыкую матерщину. — У меня фактура, фигура, голос! Всё пропало — Россия, жизнь, театр! Талант загублен... Где мы?.. Театр! Ида Рубинштейн! Богиня!.. Пойду обезьян дрессировать. А-а-а, мать вашу, сифилитики, продрали zenки? — взревел он. Рота издали почуяла: жив он, жив месьер Анатоль, крепки его кулачища, силён глас его, подобный трубам иерихонским!

В солнечном сиянии явился лейтенантам гауптман Иевлев, но добра его явление не предвещало. Лицо Железного гауптмана было сковано глубоко скрытой яростью, а папироса торчала как дымящееся орудие.

— Плохи дела, господа. Излагаю по пунктам — во-первых, младший провиантмейстер, который прислал нам отраву, сильно занемог. Кровавая дизентерия... При смерти, даже допросить толком нельзя.

— Вот так фокус. — Кир невольно коснулся кобуры.

— Второе — и того печальнее. Пропал наш Ритс.

— Как?! — ошеломлённо взглянул Толя.

— Начисто, как мыши съели. С ним исчез его штатный пистолет, затем тот, что он купил для коллекции, патроны, фляжка джина... но главное — Ритс.

— А денщик?.. Жив? Он видел, куда делся офицер? — Кир в гневе подался вперёд.

— Живёхонек! Он спал, видите ли! Или изменник, или редкостный лентяй.

— Чёрная свинья! Пороть шомполами! — зарычал Котельников. — Денщик! — вы! слушать меня! — должен не дышать, сидеть над офицером, мух сдувать! Особенно когда его благородие придёт с поминок!

— Не верю я в судьбу, которая косит офицеров с точностью опытного диверсанта, — продолжал Иевлев. — Вчера осиротели станкачи — к слову, Сан Сяо, в канцелярии вас ждёт приказ о назначении комротой, — сегодня орудия. И ладно бы болезнь, а то — исчезновение. Потерять командира батареи! Такой роскоши мы себе позволить не можем, впереди марш через Габу. Котельников, выделите людей на розыски Ван-дер-Гехта — два-три отделения с надёжными унтерами.

— Есть!.. Вот это сюрприз. — Толя плотнее затянул ремень. — Если дальше так пойдёт, останемся здесь скитаться, вроде тени отца Гамлета. Представь, Кир, — тень русского офицера среди баобабов...

«Любопытно, я-то как буду умирать? — цинично спросил себя Кир.— «С свинцом в груди, в долине Дагестана...» Или на койке у Ремера, опившись марганцовкой? Или шакалы обгложут в кустах?.. Предпочёл бы в бою. Лазарет не подходит. Ты ещё не умер, а запах такой, словно уже сгнил. Мухи слетелись, и опарыши кишат».

Топ! топ! топ! Башмаки солдат вздымали ржавую пыль саванны. В тени шлемов отсвечивали зубы и глаза, в пламени Солнца сверкали штыки. Поясной ремень с патронташами весит почти тонну. Ха! Поглядите на братцев-испанцев!словно два мула, навьюченные ручником и барабанами к нему...

— Заткнись! — огрызнулся старший. — Выскочат малашики — узнаешь, что почём.

— Сам замолкни, кончай накликать!

Уныние, досада и усталость — зря ходили, Ритса не нашли. Лишь однажды в зарослях что-то заворожилось и кинулось наутёк — погнались, стреляя на бегу, но кабан-бородавочник удрал невредимым. Долго ругались: «Мясо ускакало!» Ротный раздал пару зуботычин: «Учил вас! учил! всё впустую».

Солнце опускалось к горизонту, но палящий жар не ослабевал. Даль колебалась в знойном мареве. От жажды першило в горле. Фляжки пусты, рты пересохли. Благо, до лагеря рукой подать.

— Э, там не Ритса треплют? Месьер обер!..

Котельников прижал к глазам обжигающие окуляры. Грязно-белые грифы с чёрной оторочкой крыльев хлопотали над падалью.

— Газель доедают. Ну-ка, ходи веселей! Что у вас, сопли вместо ног? Шире шаг! До Манджала полчаса, девчонки заждались...

Надо взбодрить удальцов! Напрасный день, бесплодные усилия.

Отряд глухо заржал, прибавляя к словам командира солёные шуточки. Ах, пьяный весёлый Манджал! Ах, певички босые, девки портовые! Где вы? Далеко!

Мухи кружили над взводом, как над стадом буйволов. Солдаты дёргали головами и отмахивались. У внешней караульной линии сомлел худой поляк — его повело вон из строя. Он вскинул голову, ахнул и зашпешил на подгибающихся ногах. Нагоняя оберлейтенанта, запнулся, повис на руках подоспевших товарищей. Впадая в забытье, он бредил сбивчиво и жарко:

— У пруда! Там ручей, звери пьют... Анатолий, помоги! Он плохо стреляет... Я нашёл, откуда зло! Между деревьями логово. Чует, поганец! Прячется. Ждёт кого-то... Живая кровь ему нужна! Кровь, кровь...

Жилы режет камнем. Из живого вынуть — чистые глаза, печень горячая... Ты что, не чувствуешь?! Я ночью проберусь. Ему надо есть и спать...

Поляк захлебнулся словами, обеспамятел; его подхватили и понесли.

— Живо, к Ремеру! Это удар от Солнца.

В лагере, отпустив солдат, Котельников дорвался до питья и тянул кипячёную с прихлёбом, с утробными вздохами. Подходя к нему, Кир заговорил издали:

— Я так понял — прогулка с потерями, но без трофеев.

— Войцех скопытился. — Толя еле оторвался от ковша, утёр губы. — Напекло малого, прямо ума лишился. Но как он узнал?.. Я, наверно, убью ходю! Застрелю. И кабана упустили, пять пудов свинины...

— Погоди; за что самосуд-то? По-моему, китайца не в чем упрекнуть.

— Не желаю слышать! Повсюду треплют эти «чистые глаза». Кто разболтал? Тут дело чести!..

— Ты перегрелся. Или отрава голову мутит.

— Своими ушами слышал — «из живого вынул чистые глаза»! Блокнот ходячий, стенографист чёртов! Записывать он за мной будет!..

— Толя, прошу тебя, уймись. Когда двое повторят одно и то же, это ничего не значит.

— С Войцехом — уже трое!

— Но первым был ты, как ни крути. И передать в роту никто не мог; Сяо — человек порядочный.

— Всеобщее безумие. — Котельников опять прильнул к ковшу. — Я скоро откажусь верить тому, что вижу и слышу! Ты ходил к медикам на лекции?

— По психиатрии?.. Да. Слушать про сумасшедших сбегались со всех факультетов.

— Тогда вспомни болезнь, при которой люди говорят, как под копирку!

— Любовь, — отшутился Кир. — «Ты моя прелесть», «Я тебя обожаю»...

Котельников перестал пить и задумался, озираясь как бы с удивлением.

— У пруда. Помнишь заводь на ручье? Верстах в пяти на запад?

— Где водопой?

— Между деревьями... Нет, я определённо не в себе. Войцех, когда бредил, лопотал про какое-то логово зла... Чушь. Просто солнечная горячка! Кровь приливает к мозгу, жар и болтовня неудержимая. И никто тебе не верит! Особенно если ты видишь не то, что есть, а больше, страшно больше... синее, словно туман под луной. Даже кабан становится понятен, и глаза у него ясные, прозрачные. Кабан сегодня, и кабан завтра. Он жареный, визжит, копыё у него в боку... Живая кровь.

Кир беспокойно пригляделся к нему.

— Знаешь, тебе и вправду следует сходить к Генриху. Обязательно. Не смей перечить, Котельников!.. Я провожу.

В госпитальной палатке долговязый и неторопливый Генрих Ремер покуривал трубку с длинным мундштуком. Рядом разведчик Бульон — окатистый, подвижный, смуглый, — смаковал обслонявленную сигарету. Итальянец и немец из саратовской Сарепты беседовали по-французски, так как Бульон не мог понять реликтовый саксонский диалект XVIII века.

— Похоже, мсье Ремер, дело движется к тому, что вам пора сворачивать хозяйство и грузить в обоз.

— Надеюсь, вы исходите из достоверных фактов?

— Более чем. — Бульон красиво выдохнул вонючий дым. — Если сегодня в рейдах никого не припо-

роли, как свинью к празднику, то лишь потому, что Обак выжидает. Одному дьяволу известно, в какой час он двинется на нас. Душой клянусь — вокруг лагеря шастает самое меньшее пять-шесть его следопытов.

— Не клянитесь душой, друг мой; это грех.

— В полку Лафора всё не так, как в церкви! Кто сюда записался, тот не рискует в рай попасть. Разве что по особому соизволению Господнему. Вот вы анабаптист, а пошли служить, хоть вам нельзя.

— Упрёк ваш справедлив. — Ремер хорошенько затянулся. — Согласно *Martyrer-Psychologie*¹, я должен был принять венец страданий и отправиться в тюремный замок или на расстрел за отказ повиноваться кайзеру. Но человек по природе своей слаб. В известном смысле должность у Лафора — это наказание. Однако брать в руки оружие я не намерен.

Измождённое лицо его с запавшими глазами напомнило Бульону образы мучеников. Сам Бульон, с сильными волосатыми руками, с бритой головой, с револьверами и широким ножом на поясе, всем своим видом демонстрировал решимость убивать.

— Я вас уважаю, мсье. Когда начнётся резня, попробую прикрыть ваш лазарет. Но дельце будет хлеще пекла. Штыков мало, парни неумелые, большая убыль в офицерах. Мсье Локшин, мсье Ван-дер-Гехт — какие потери!.. Ещё чуток — и взводные возглавят роты! Тогда нам точно крышка. Вдобавок... — Бульон пригнулся над столом. — Тссс! — в лагере измена. Пронесли отраву — рраз! пропал Ван-дер-Гехт — два! Хотя с последним не всё ясно. Он ушёл своими ножками, я нашёл следы. Приманили чёрной бабой? Вряд

¹ Психология добровольного религиозного мученичества (нем.).

ли — ему белую подай, и баста. Заметим — он не забыл ни шлем, ни трубку, ни табак...

— Я бы добавил в список Якоба, — предложил Ремер. — Течение его болезни необычно, это не было похоже ни на одну известную тропическую лихорадку.

— Медленный яд? — сразу предположил итальянец.

— Если яд, то неизвестный.

— Арестую денщика и допрошу как следует.

— Бульон, в вашем арсенале не хватает милосердия.

— Мсье, мы на войне! Неполный батальон среди полчищ дикарей! Здесь некогда заниматься жалостью. Зайдите в лазарет — там тьма порезанных людьми Обака!..

— Не только, дорогой Бульон. Мне принесли боя, избитого шомполами — денщика Ван-дер-Гехта. Разве такое позволительно?

— Я б его вообще пристрелил. — Бульон загасил окурок в жестянке. — Проворонить хозяина!.. Единственно, почему его не вздёрнули — другого негде взять. Где среди малашиков найдёшь приличного слугу?

— Русские офицеры жестоки. — Ремер в расстройстве окутался облачком дыма.

— Они дьявольские парни! — причмокнул с восторгом Бульон. — Хотя бы мсье *Артано* — как он раскусил затею с ядом? Приговорил на месте две бутылки — с бедра, плюх-плюх, и вдребезги! А то б сегодня...

Занавесь на входе распахнулась. В палатку вошёл названный Артанов, а с ним верзила Котельников, хмурый и насупленный. Бульон радостно встал навытяжку, приветствуя офицеров.

— Вольно, Бульон. Можете идти. Генрих Карлович, моё почтение.

— Рад видеть вас живыми и здоровыми... Нужна моя помощь?

— Да! — буркнул Анатолий, убедившись, что разведчик их покинул.

Если б не зловещие симптомы, появившиеся после рейда — или раньше, во время попойки?.. — он бы ни почём не обратился к Ремеру. Но пришлось идти на поклон. Куда деться, если в своём рассудке усомнился?

Ремер с полвзгляда определил, кто из них больной. У Анатолия Семёновича вид подавленный, а Кирилл Алексеевич как бы конвоирует приятеля.

«Ну-с, милейший, как ваше лосяное здоровье?.. Подвело-таки?»

Злорадствовать нехорошо, но порой очень хочется. Особенно имея на своём единоличном попечении без малого роту раненых, больных и разлагающихся заживо.

— На что жалуется?

— Зной, пыль, прогулка по зарослям. Генрих Карлович, моего солдата отливают в лазарете. А я просто-напросто измотан! Говорю — сам не пойму что... Кир... Кир посещал психиатрические лекции! Он уверяет, что я занимаюсь иноговорением! Каково, а?

— Ну а сами вы что чувствуете?

— Если искренне — желание помыться, закусить и выспаться.

Зная натуру Котельникова, Ремер заподозрил, что он утаивает нечто, даже упоминать не хочет. Но сам факт, что его привёл Артанов, свидетельствовал о многом. Анатолий серьёзно испуган, раз позволил затолкать себя к врачу в палатку.

— А кроме того?

— Стоит ли упоминать о всяких пустяках? — мялся Котельников.

— Анатолий, здесь Я командир, — твёрдо напомнил Генрих. — Извольте чётко отвечать на спрос. И так?..

— Это от жары! Как бы абсанс... отсутствие... Нет-нет да накатит. Словно я обмер или заснул наяву. Всё

кругом серое, синее, будто в тумане. И я говорю, руками шевелю...

Котельникову было до крайности стыдно, но его страшила возможность вновь оказаться в тумане абсанса.

— Полагаю, это пройдёт! Верно, Генрих Карлович? Отдохну — и пройдёт.

Ремер улыбнулся — быстрой и лукавой, вовсе не свойственной ему улыбкой.

— Может быть, Анатоль... Или нет. Если бы Кир не был так жесток...

Артанов, сам как во сне, потянулся к пистолету. Оружие — словно опора, чтоб сохранить самообладание. Но от наваждения не отстреляешься. Что за дичь? Толя, Сяо, Иевлев — теперь Генрих!.. Почему они по очереди повторяют: «Ты жесток»? У Кира ум смешался. Это невозможно, чтоб все сговорились. Остаётся одно — ты сам повредился умом. Всё происходящее — это твои галлюцинации, наложенные на действительность, как лист папиросной бумаги на рисунок.

«Иевлев прав — отравка была крепче кася! Всех затмила, да ещё как!»

Следом пришла другая мысль:

«Но ведь Генрих не пил с нами на поминках!..»

— Прощу извинить, фрайнт, но я не могу уделить вам должного внимания, — цедил Ремер, поигрывая трубкой. — Меня ждёт пациент... пациенты. Жаль. Всё так ужасно...

— Генрих Карлович, — тихо, с опаской произнёс Кир, — вы... здоровы?

— Что? — как бы недослышав, поднял лицо немец. — Я? Благодарю, вполне.

На просмолённых бечёвках висели давно вынутые глаза. Они походили на инжир, который растят магометане в Томбукту. Покрытый жиром череп держал в зубах кусок копчёной плоти, а глядел он горными камнями-хрустальями. Много, много драгоценного здесь было — естество мужей, пепел чёрных кур, сушёные обезьяны и змеи, посуда из глины, расписанная кровью и желчью.

Под плетёным потолком вился едкий сизый дымок. Огонь угас, багрово рдели угли. Жар светился над ними, озаряя бока кувшинов и бутылей-тыкв. На углях мёртво корчились чёрные стручья, обращаясь в седину летучей гари.

Пламень отражался в замерших, немигающих глазах. Дым проникал в ноздри, обволакивал душу, растворяя костный ларец черепа, делал тело жидким, льющимся. Резь насильно распахнутых глаз изливалась солёной водой по лицу. Слова оскаленного рта били по воздуху властно, как по наковальне. Я! Черепной отец! Извивающийся сын! Зубастый внук! Дед! Дважды дед! Трижды дед! Всем дед! Родил ночь! Родил ночных! Сам ночь! Руки! Ноги! Крылья! Прочь!

Угли исчезли в наплывающем мраке. Хижина заключала ночь в плетёных стенах. Последние сполохи трепетали в безумно расширенных зрачках, тлели в текущей по подбородку слюне.

Дунь. Дунь. Сыпь. Шшипит прах. Жжжёт уголь. Жар воспрял. Пыл-пых-пших! Вспых! Жжжёт... жжжёт... Ладонь над углём, сыплет прах. Взлетают искры. Вверх. Ввысь. Быстрый, быстрый! Горячо ладони. Ааах!..

Хрусталь в хрусталь, лицо к лицу. Черепной отец рад. Жжжри! Слышишь, ешшь. Щщщупай. Ввысь! айиихааайии!

Чёрные пальцы — по потолку. Царап-царап-царап. Низа, верха — нет! Потолок? Пол! Пальцы скребли выпуклые твёрдые глаза. Тело свесило пустую голову. Вылитое тело, выпитый кувшин... Пальцы ног охорошили крылья. Веет теплом. Жжжёт! Жжж...

Муха сорвалась и вылетела в дырку дымохода.

Как ночь! Я — ночь!

Сквозь ветви, меж листьев, к тёплому дыханию, на зов огня. В оконце. Громадные тела сопят ноздрями. Поскуливает маленький детёныш. Живая кровь. Чистая плоть. О-о-о, вкусно! Жирно! Тельце пышет неистраченной, невинной силой. Щщщупай. Жжжри. Съешшь.

— А-а, ма-а-а!

— Что ты? Что ты? Спи!

— Вззз! Тям.

— Проснись! Ты муж или камень?!

— Чего тебе, женщина? Чем ты недовольна?

— Муха тронула твоего сына! Достань топор, положи рядом!

Вззз, железо из огня. Остро почуяв металл и заточку, муха отлетела, стала чистить крылышки. Не сейчас. Жирный, сочный... Потом. Уже помечен.

Издали донёсся тяжкий порыв, будто вздох ветра перед грозой. Беззвучный, злобный и холодный зов. Муха прижала брюшко к стене. О-о-о, как близко! Идёт слепой. Идёт кувшин с кипящим варом. Крылья тонко задрожали. Как его съесть?.. Да! да! Только набрав силы. И скорее. Он мощен, он старых кровей — не уесть одним махом, как надеялось вначале.

Хижины ушли назад и вниз, навстречу бросились деревья. Муха стремительно буравила стоячий ночной воздух, прокладывая нить опасного пути навстречу врагу. А, вот он! Блуждает. Боясь подлететь, муха завертелась в высоте. Смутно мерцающая туша подоб-

но слону ломилась через заросли, дыша угаром изнеможения. Чахни, чахни, приходи усталым.

«Засосать! — возрадовалась шестиногая своей догадке. — Выпить и сварить».

Упорно шедшая туша остановилась. Задрала к небу опухшее, щетинистое лицо и зарыскала тупым свирепым взглядом. Сознание мухи коснулось врага — и зрелище было кошмарным. Сквозь твердь костей, сквозь мясо плоти, сквозь зрачки глаз толчками пробивалась, прорывалась хищная злоба, мстительная суть, доселе скрытая в кувшине тела.

«Видит!» — Муха судорожно описала петлю. Разлаписто стоящее тело оттянуло ствол железного оружия и выбросило вверх руку.

Муха ощутила себя жутко мелкой, жалкой, зудящей точкой. Крылья дребезжали, силясь унести крошечную жизнь с пути свистящих духов смерти. Вот они!

Ток! ток! — бледно загорались огоньки на дульном срезе. Один за другим, завиваясь винтом, вылетали из железной трубки духи — тяжелые, свинцовые. Воя, разрезали они ночь, оставляя за собой шипящие следы. Муха виляла между прозрачными смерчами, ежесекундно ожидая — вот, попадёт! Отец Ночи, убереги! о! а!..

Смолкло. Бежать! В хижину! в тело!

Туша, обретшая зрение, вновь подняла руку. Как? Он вложил новых духов?

Ток! ток! ток! Вьющийся вихрь пробил ночь в длине пальца от мухи. Дух-убийца в железном панцире визгнул, пролетая: «Жди!»

Муха устремилась прочь, сколько хватало крыльев.

Проснулась женщина, лежавшая в поту на циновке. Боязливо застыла, вцепившись в мужчину. Опять захныкал ребёнок.

— Белые месьеры. Рядом!

Мужчина взволнованно облизнулся, вертя головой. Прислушался. Да, так стреляют одни белые — раз-раз-раз! У вождя Обака нет оружия с магазинами.

— Вдруг месьеры идут карать? — в страхе затормошила его жена.

— За что? Наша деревня не виновата!

— Месьеры карают, кого хотят. — Жена принялась всхлипывать.

Угли в хижине с плетёным потолком вконец остыли, дым ушёл. Муха полетала по кругу — ниже, ниже. Хрустали Отца Ночи были чёрными. Сила вышла через дымоход, крылья не держали. С последним «жжжж» муха упала на плечо недвижимо сидящего тела, подёргала лапками и свалилась.

Тело, почти окоченелое, вздохнуло. Спина распрямилась, открылись глаза, рот вдохнул: «А-ах!» Ударило сердце — раз, другой.

В памяти таяло увиденное — жирное тёплое тельце, грозно идущая туша и сверкающие пули.

Медлить нельзя.

— Это был он. Его оружие. — Бульон подбросил гильзу и поймал в ладонь. — Хотел бы я знать, в кого палил месьер Ван-дер-Гехт... Он рассадил пару магазинов. Но на расстоянии прицельного огня — ни тропов, ни следов крови. И я вам ручаюсь, месьер оберлейтенант, что раненых не было. Если б их уволокли, остались бы следы.

— Выходит, он жив. — Кир из-под козырька шлема осматривал заросли. — По крайней мере, был жив минувшей ночью... Причём, отстрелявшись, ушёл сам.

— Так точно.

— Нервная горячка. Самогон с отравой, бессонная ночь — и безумие. Он сутки с лишним петляет в округе, как заведённый. В кого палит?.. В зелёных чёртиков — или что там видят опившиеся голландцы.

— Позвольте высказать соображение, месьер оберлейтенант?

— Давай.

Проворный — несмотря на упитанность — итальянец нравился Киру. На родине Бульон был минимум браконьером. Судя по навыкам, до войны он убивал не только дичь.

— Для белогорячего месьер Ван-дер-Гехт слишком умно себя ведёт. Ходит по ручьям, чтоб скрыть следы. Устроил лёжку на ночь. Крал еду у негров. Найти его непросто.

— Э, Бульон, да ты знаешь больше, чем до сих пор рассказывал!..

— Кто охотник, тот глазастый, — довольно ухмыльнулся разведчик.

— Командиру батальона или Иевлеву — докладывал? — для проформы спросил Кир. Ясно, что докладывал. Просто Бульон не болтает почём зря.

— Так точно. Но месьер штандарт-гауптман счёл, что нельзя выслать на поиск половину батальона. Оголится лагерь. Я вычислил, что Ван-дер-Гехт бродит в четверти дневного перехода от застав. Здесь он был шесть-семь часов назад. Отсюда мы можем начать прочёсывание. — Бульон выжидающе уставился на Кира — как распорядится Артано?

— Добро. Я проверю сектор в сторону деревни, а ты двигай вдоль ручья, развернув отделение цепью.

Сезон дождей начаться не спешил. Апрель на севере Анунды — царство жары. Такое в Ижеславской губернии можно увидеть только в засушливый, яростный год, предвещающий голод. Листья на акациях

и кустарниках сворачивались и падали, настилая шуршащий изжелта-серый ковёр. Читать следы на сухом покрове — сущее удовольствие.

Отделение во главе с Киrom двигалось по зарослям, под пылающим Солнцем. Свет почти придавливал к земле, заставлял склонять головы. Но почва, словно зеркало, коварно отражала свет снизу, и кожа покрывалась новым слоем жгучего загара.

«В Европе меня примут за мулата, — думал Кир. — И верно сделают. Я месяц-два буду болтать на смеси языка с туземным жаргоном, пока не войду в колею...»

Больше всего он сейчас хотел представить, что творится в голове Ритса.

Вчера Ремер ясно рассудил своей немецкой логикой: «Скорее всего, это действие яда. Малашикам известны свойства местных растений; они их используют для колдовства и лечения. Яд один; вызванные им видения похожи. Молочная диета и обильное питьё выведут яд из организма».

«Но почему я не подпал под его действие? — спросил Кир тогда. — Со мной абсансов не случилось».

«Люди различны, Кирилл Алексеевич».

«А вы? Разве после нашего прихода вы не...»

В усталых глазах Генриха мелькнул страх:

«Вам показалось».

«Мы наедине, Генрих Карлович. Будем откровенны. Я заметил — вы говорили *иначе*. Вы видели лунный синий туман? Или ощутили себя спящим? Даю слово, я не передам... Значит, было? Может, действующее начало таится в воде? Во фруктах?»

Но почему все одержимые повторяют одинаковые выражения? Почему то же самое говорил Войцех, теряя сознание?..

Лай собак. Подошли к деревне. Ну, здесь искать смысла нет — только пройти через неё.

— Па-астроиться! в колонну по два! Шаго-ом...

При подходе отряда стало заметно смятение в деревне — но не возникшее вдруг от испуга, а царившее и раньше. Громкая брань, причитания — общий скандал, что ли?.. Чёрные частенько ссорятся из-за малейших пустяков — то чья-то курица забрела в хижину, кто-то сказал обидное слово, а шума — словно на пожаре!.. Вряд ли они всполошились из-за солдат. Видно, что отряд малочисленный, деревню не оцепляет — значит, не карательная акция.

На пыльной, вытопанной улице между глинобитных выбеленных хижин билась на земле полунагая малашка, заходясь в истошном крике — молоденькая, почти подросток. Она вопила, не переставая. Растирала по лицу пыль и слёзы, превращавшиеся в грязь. Красные глаза, рот обмётан слюной — типичная истерика. Кругом наперебой галдели её соплеменники. Толпа расступилась перед солдатами и офицером. Один остался рядом с бесновавшейся — серый от горя молодчик в набедренной повязке, с топором.

Он-то и бросился навстречу Киру. Солдаты вмиг выставили штыки. Что-то крикнул на туземном языке денщик. Негр остановился, бросил топор, пал на колени и принялся голосить не хуже бабы, отбивая поклоны лбом по земле.

— Что он орёт? — спросил Кир ефрейтора.

От представшей сцены африканских нравов его пробирала нервная дрожь. Потеряв силы, малашка рыдала и стонала. Можно хладнокровно колоть штыком, спокойно идти по трупам, но нельзя равнодушно видеть беспомощное, безысходное горе слабого создания.

— Эта дровосека был вчера в лагерь. Он дикарь, месьера! Он верит в дух, в чёрт, в разный чушь.

— Переведи.

— У их пропасть сын, маленький. Он верит, что сына украсть колдун, чтоб зарезать в жертву духам. Здесь так бывает!

Негр не унимался; подползла и плачущая малашка, чтобы кланяться с ним вместе.

— Эта его жён. Сын был их первый дитяй, очень важный. Они молят месьера отнять сын.

— Вот не вовремя... Их здесь сорок мужиков, с мотыгами и с топорами — пусть пойдут и отнимут.

— Они боясь колдун! Он пошлёт мух кусить их ночью, съесть их душа, они мереть.

— Мух?.. — Кир вдруг до боли ярко вспомнил бдение у одра Яши. Мерзко жужжащее сонмище, причитания денщика: «Это мух. Куси-куси. Они жраль месьера Локашина, съель его душа». Но... нет, это бред язычников!..

— Да, *шарагуна* — такой мух, злой волшебны мух.

— *Шарагуна! Шарагуна!* — закивал дровосек, а малашка завывала, расцарапывая себе лицо.

— Он сказал, месьера, что вы — извиняйте меня! — большой колдун. Больше, чем чёрный. А ещё... — тут ефрейтор перекосялся. Забыв про офицера, он стал препираться с негром, пока Кир не одёрнул:

— Хватит болтать!

Стоявшие вокруг, доселе бормотавшие, примолкли намертво.

— Он сказал... он делает донос на тот колдун! Будто мятежник Обак заплатил колдуну, чтоб тот губил наш офицер. И что колдун послал шаратуна съесть душа Яш-Пулемёт... ай, то исть месьера Локашина! Тот много убил воин Обака через пулемёт.

— Так, так — говори! — весь обратившись в слух, Кир боялся упустить хоть слово из корявой речи еф-

рейтора. Малашик и его жена затихли, обнявшись. Муж гладил зарёванную молодку, утешая её ласковым шёпотом, а та хлюпала носом и неотрывно, с надеждой следила за Киrom.

— ...а колдуна была неудача. Вот он крадь их дитяй, чтоб добивать душа.

Кир на йоту не поверил этим рассказням, но... Вдруг всё сразу прояснилось и представилось зримо, как на картине, освещённой Солнцем.

Быть не может. Так и есть. Слишком оно нелепо, чтобы оказалось ложью!

— Ну! — выкрикнул Кир, сжав кулак. — Взять его! Он поведёт. Спроси — где колдун?

Виляя меж кустов, растущих вдоль тропы, отряд бежал плотной цепью, держа винтовки наготове.

«Логово зла, логово зла, — на бегу повторял про себя Кир. — Как сказал Войцех? — логово среди деревьев... Да, конечно, — колдун живёт на отшибе. Душа! Добить душу... Как такое можно? Голоса, одни и те же... *«Юный книжник Мойша с каббалой спознался»*... как там дальше? Глупый стишок, вот привязался!.. Скорее, скорее».

Малашик — он упросил оставить ему топор, — бежал впереди, мелькая мускулистыми ногами. То и дело оглядывался — не сбросил ли белый офицер? Не отступится ли?

И не жди, чернокожий! Кто ходил в штыковую под Мюнсом, тот на попятный не идёт.

— Он! говорить! дом рядом! — выдыхал ефрейтор вслед за словами дровосека.

Над почти опавшими акациями гордо возвышалось высокое, раскидистое дерево. Дровосек вёл прямоком к нему.

Где-то впереди, в зарослях, сухо щёлкнули два пистолетных выстрела. Бульон? Не похоже! Его револьверы бьют резче. Значит... Ритс?

— Поднажми, ребята!

Кусты поредели, показался покосившийся плетень, смутно забелела стена мазанки. Какие-то фигуры дёргались, метались за плетнём; за топотом отряда Кир услышал неразборчивые выкрики, женский визг.

— Окружай! Справа, слева заходи! Двое за мной!

Очутившись у ворот, связанных из кривых жердей, малыш перешёл на шаг и свернул в сторону, уступая дорогу белым. Кир ногой сшиб хлипкие ворота — они рухнули, словно соломенные.

Перед стоящей у подножья дерева выбеленной хижиной под тростниковой крышей — двор, усеянный куриным помётом, весь в трещинах от жары. Справа козий загон, слева — кувшины высотой по пояс, накрытые плетёнками из лозняка. В полосатой тени у загона под бляение коз катались в пыли двое. Ритс — грязный, всклокоченный, красно-бурый от жесточайшего загара, — и здоровенный негр с узорами рубцов на теле, в цветастой набедренной повязке и ярко-алом ожерелье. Они сцепились не на шутку и давили друг друга что есть сил. Пистолет Ритса и боевое копьё чернокожего валялись в разных сторонах, поодаль. Как один другого не прикончил, оказавшись рядом — не понять! Ритс выворачивал могучую руку негра с зажатым в ней изогнутым ножом.

Ближе к дому самозабвенно выплясывал вокруг костра какой-то жилистый угрюмый малыш, увешанный костями и ракушками. Он пел бесконечное: «Эй-аа-дайааа-ойяа!» Кроме ожерелий и браслетов, на нём ничего не было. Невдалеке стояла тыква-бутылка. Позади танцора — перевёрнутая корзина, увенчанная отрубленной собачьей головой. Эта оскаленная голо-

ва в крови была особенно страшна; от неё прямо-таки сердце леденело.

Из-за хижины, тонко и горестно крича, высовывались женщины — замызганные и затрушенные.

Солдаты вскинули винтовки и порывисто водили дулами, не решаясь стрелять без команды. Вроде плясун безоружен — его не за что валить! А негр с ножом весь переплёлся с офицером; ну как своего уложишь?.. Изгородь по сторонам затрещала в нескольких местах — в усадьбу колдуна лез весь отряд.

— Кир! — заревел Ритс. — Бей воина, я отпускаю.

Внезапно обмякнув, как в обмороке, Ван-дер-Гехт всем весом навалился на противника. Тотчас смекнув, что враг без сил, негр в алом ожерелье змеёй выскользнул из-под него и сиганул через плетень к козам. Кир выстрелил — против режущего Солнца, — и как будто попал. Но раненый воин, пошатнувшись, устоял, не сбился с хода и вторым скачком перемахнул наружную ограду. Дали по выстрелу солдаты — мимо! Курчавая голова и алые бусы замелькали, запрыгали по зарослям, удаляясь с невысказанной, невозможной для человека быстротой.

— Вторые номера — в погоню! — махнул Кир. — Брать живём!

Танцор, казалось, не заметил ни стрельбы, ни солдат. Он продолжал выдвигать фигуры своей исступлённой пляски, закатив глаза. Но движения его становились всё более резкими, дёргающимися; голова размашисто моталась на шее. Протяжное бессловесное пение сменилось воплями ужаса и боли. Солдаты в растерянности наблюдали за ним, выставив штыки.

Дровосек подкрался, держа перед собой топор. На лице его разгорался бешеный, неистовый восторг. Он стал что-то выкрикивать, тыча топором в сторону танцора.

— Что он сказал? — обернулся Кир к ефрейтору. Того трясло мелкой дрожью.

— Эта колдун. Малашик говорит — так и надо, пусть его съест дух. Сильный дух жрать его печёнь, его нутро. Он уже мёртвый.

Танцор в конвульсиях упал на землю. Нестерпимо было видеть его чудовищные гримасы — лицо колдуна теряло облик человеческий, превращаясь в уродливую маску с выпученными глазами, с пастью бабуина. Кровь потекла изо рта, из ушей... Он перестал кричать, лишь корчился. Его безмолвные судороги напоминали движения марионетки, которой издевательски руководит невидимый и беспощадный кукольник.

Солдаты склонились над лежащим Ритсом:

— Месьер обер-лейтенант! Он жив! Дышит... Только обгорел.

Колдун затих. За хижиной скулили женщины. Дровосек подбежал к перевёрнутой корзине, сбил наземь топором собачью голову. Под корзиной лежал малец, то ли спящий, то ли опоённый зельем. Малашик прижал ребёнка к себе, как сокровище.

— Ну, конечно, — вздохнул Кир, убирая «парабеллум». — Делайте носилки; надо доставить Ван-дер-Гехта в лагерь.

Из распахнутого рта мёртвого колдуна выбралась и стала прихорашиваться муха — большая, трупно-синяя, глянцевиная. Единственный заметивший её — малашик, — крепко обхватил сынишку и завопил:

— А-а-а, месьера-а-а! Шарагуна!

— Где? — резко повернулся Кир на опасное слово.

— О! о-о! — тыкал рукой дровосек. Муха сорвалась с губ мертвеца. Неловко прожужжала, то взмывая, то припадая в полёте к земле, и опустилась на белую стену хижины.

«Врёшь, не уйдёшь!»

Ударил одинокий выстрел.

Там, где сидела муха, в стене появилось круглое отверстие с лучиками тонких трещин. Кир быстро подошёл, пригляделся — на краях дырки, оставленной пулей «парабеллума», подрагивали две оторванные мушинные ножи.

Кир распрямился и поглядел на солдат. Те, не сговариваясь, отдали ему честь. Респект! В муху — с бедра — не целясь!.. Бульон умрёт от зависти.

Облитый водой, Ритс кое-как пришёл в себя, тяжело дышал и постанывал. Видеть офицера, всегда опрятного и важного, в столь безобразном виде — горе. Круглая физиономия исхудала, обросла дикой щетиной. Веки отекали, отчего Ритс стал похож на свинью. Воспалённая от Солнца кожа — в облезающей белёсой шелухе, в потёках пота, смешанного с пылью. Форма усеяна репьями и колючками, покрыта соляными разводьями...

— Дружище, мы тебя нашли. Теперь не убежишь! — пошутил Кир, стараясь скрыть тревогу. — Дайте ему воды... Скажи на милость, как ты умудрился сойтись врукопашную с этим Красным Ожерельем?

— Два... патрона... два... — выдавливал по слову Ритс, сжимая набрякшие веки и еле ворочая опухшим языком. — Бац. Мимо. Бац. В лезвие. Вышиб. Ура. Ты... спас. Я тебя... ждал. Bravo, Кир. Убил... душу. А то бы... он... меня всосал... в бутылку. И сварил. Спасибо... фрайнт. Не думай... о красном. Я его... догнал. Съел.

— Бредит, — предположил заботливый солдат, прикладывая ко лбу Ритса намоченный платок. Кир припал к самому уху голландца:

— Яша? Яшка...

— Опять без сознания!

Однако Ритс перед укладкой на носилки ещё раз — ненадолго, — вынырнул из забытья:

— Я потерял трубку!.. Кир?.. где мы? О, боже... откуда труп? Артанов, вы же не станете утверждать, что это моих рук дело?.. Мне плохо. Я не отвечаю за свои действия. Всё как в тумане...

— В ходе розыска обер-лейтенантом Артановым был выслежен и ранен племянник вождя Обака, — отчётливо рапортовал Иевлев. — Мятежник попытался скрыться, но уйти не смог. Шеф-адъютант Мадзини нашёл его мёртвым и опознал по шрамовым татуировкам. Судя по направлению, тот бежал в Крайтерную долину.

— Благодарю за службу, господа. — Командир батальона воодушевлённо пошевелил усами. — Мадзини!

Бульон вытянулся, подобрав живот.

— Два дня на разведку подступов к долине и дислокации Обака. Мы должны закончить кампанию до начала ливней. Жаль, нет с нами Локшина!..

Кир слушал бодрые разговоры, прикидывал в уме, как пойдут боевые действия, а где-то в уголке его сознания сияла ледяная звезда страха.

«Всё ложь. Да, Дмитрий Николаевич доложил верно — *формально* верно, а на деле... Вовсе не я убил негра с ожерельем. И не лихорадка уложила Яшу, не дизентерия косила солдат. Мы со своим стреляющим железом, марганцовкой и хинином зашли за какой-то предел, где физика и химия теряют силу. Алхимия. Магия. Мы чертовски самоуверенны, самодовольны, а по сути — вслепую бредём в чёрном мраке. Ощетинившись штыками и стволами, мы не ведаем, откуда грянет смерть. Материализм не поможет... Поцелуй шарагуны — и ты покойник. Ты будто бы жив, весел и полон надежд, но уже обречён. Нельзя целиком полагаться на пушки. Надо вновь поверить в сны, слова

и чувства — тогда увидим смысл сущего и узнаем, что нам делать, как спастись...»

Он украдкой посмотрел на соратников.

«Храбримся. Говорим на повышенных тонах. Штандарт-гауптман — будто Наполеон... К бою готовь! Штыки прикнуть! Пулемёты — огонь!.. Почему мы не признаёмся вслух, что происходящее — загадка? Почему делаем вид, что это — обычная и грязная война в тропиках? Даже кончаясь от колдовской порчи... как Яша... мы будем натужно верить — это малярия!»

Вспомнился рассказ Бульона: «Ума не приложу, с чего он скovyрнулся! Здоровый детина, рана плёвая — скользнуло через мякоть... а его словно изнутри вывернуло. О, Мадонна!.. я видел много мертвецов, но этаким кошмар — впервые!»

«Я его догнал. Съел», — говорил Ритс.

«Я тебя съем. В клочья порву», — грозил кому-то Яша, умирая.

Оба бредили? Но почему — одинаково?..

— Все свободны! — Штандарт-гауптман распустил штабное совещание.

Кир вышел, унося в душе вопросы без ответов. Вернее, ответы рвались на язык, но стыд наёмника (засмеют!) и упрямые сомнения интеллигента (вдруг я ошибаюсь?) не давали им стать речью. А когда молчишь, подступает безумие.

Сан Сяо короткими хлёсткими командами руководил своей — теперь уже своей! — ротой. Расчёты бегом перетаскивали станкачи и устанавливали на позициях. Вторые номера вмиг подносили патронные коробки, и — тра-та-та-та-тах! — мишени скошены очередями. И так раз за разом.

За учениями пулемётчиков придирчиво и зорко наблюдали русские. Как-никак, в сражении именно Сяо будет расчищать путь пехоте.

— Неплохо, — сдержанно высказался Железный гауптман.

— Яшкина школа! — поспешил добавить Котельников, чтобы Железный часом не перехвалил китайца.

Иевлев напряжённо курил. Похоже, он сам набивал папироски — но, судя по запаху, не касом... и не табаком. Кир пытался понять, какое деревце сбросило эти хмельные листья. Что за оказия?.. Не иначе, Железно-го что-то гнетёт. Как и всех, кто пил на тех поминках.

— Азиатские порядки, — сварливо бубнил Толя. — Чересчур размеренно и механически. У них своё понятие о муштре. Он хочет управлять людьми как курами. Конечно, солдат должен подчиняться, но всё рассчитать за него в бою — невозможно... А то задумаешься, даже страшно делается — вдруг у кукол пружину заест? Вот Яша был... виртуоз! Чувство ритма, чувство боя, умение поймать момент, выбрать позицию... Поэт! Поэт поля боя!

Со стороны лазарета приближался на длинных ногах Ремер. Смущаясь эскулапа, Толя отделился от компании. С недовольным бормотанием: «Надо чувствовать дистанцию...» — затопал к своей роте.

Пососав старинную трубку, Генрих меланхолично отчитался:

— Месьер гауптман, за сутки в лазарете смертей не было. Принято двое заболевших. В целом состояние моих пациентов удовлетворительное. Перед походом будут освобождены до половины коек. Ритса выпишу завтра. Могу ли я высказать личное пожелание?

— Слушаю вас, Генрих Карлович.

— К вам, Кирилл Алексеевич, это равно относится.. Если возможно, постарайтесь меньше потерять ране-

ными. Перевозить их после операций будет сложно. Э-ээ... Тряска в пути всегда утяжеляет шок.

Офицеры переглянулись. Эк загнул немец!..

— Вашими бы устами, Генрих Карлович... Уж как нам не хочется людей терять, — покачал головой Иевлев. — Счастье, что Ритса леопарды не сожрали! Но обошлось.

— Яше не обошлось, — с тёмным лицом промолвил Кир. — Сожрали. Считаю, те же леопарды...

— Да, его болезнь была крайне тяжёлой. — Ремер понурился. — Если это не действие ядов... Нельзя исключить новую форму скоротечной малярии — дистрофия печени, стремительное истощение. Паразитические микроорганизмы как бы выедают тело изнутри. Но у меня нет микроскопа и красителей... Мне до горечи жаль! Мы с Якобом были дружны... как сказать? по сходству положения. Оба родились в России, но — оба чужие. Мы говорили с ним на своих языках, ибо идиш похож на немецкий. Правда, понимали плохо, но это неважно. Это неважно...

— Он вам читал стихотворение о старцах в синагоге? — вырвалось у Кира.

— Да, разумеется. Он же его и написал. Якоб гордился умением слагать стихи. Обожал Гейне. Хотя до Гейне ему было...

— Так он виршами увлекался? — Железный гауптман приподнял брови. — Я считал, что Яша славный командир и остроумный малый — но не стихоплёт!

— Вспомните этот стих, — попросил Кир. — Мы пытались, но никто не смог. Пожалуйста, Генрих Карлович! Это очень важно.

— Но почему? — Ремер удивился. — Думаю, я не оскорблю память Якоба, если скажу, что баллада весьма посредственная... у него бывали и лучше.

— Да, текст никудышный, путаный, но в нём что-то было. Зацепка.

— Не могу разделить вашего мнения, Кирилл Алексеевич. Это всего лишь стилизация под галицийскую балладу, на сюжет еврейских верований. Я помню начало — извольте, могу прочитать.

Ремер возвёл глаза к небу, пошевелил губами и начал:

Старцы в синагоге вскидывают руки,
Отогнать пытаясь от себя диббука.
Юный книжник Мойша с каббалой спознался
И так начитался, что с телом расстался.

Среди полуденного зноя Кира обдало व्यюжным холодом. Память стала разворачиваться, подобно освобождённой часовой пружине. Слова складывались в строки, обретая рифмы и пугающий, зловещий смысл. Он заговорил, перебивая Генриха:

Гвалт в местечке тихом! светопреставленьё!
Ширится в округе злое наважденье —
То грудной младенец напасти пророчит,
То старик почтенный запоёт, как кочет.

Согласно кивнув, Ремер заметил:

— Вы пропустили две или три строфы. Там сказано о полтергейсте в доме у раввина.

— Что значит «диббук»? Яша объяснял вам?

— Это душа грешника — голая, несчастная. Она мается среди живых и входит...

Генрих умолк, очарованно уставившись на Кира.

— Смелее, Генрих Карлович. «Входит в них...»

— ...и говорит их устами, — шёпотом закончил Ремер. — Ненаучно. Это сказки...

Иевлев, взирая на двух помешавшихся, процедил сквозь зубы:

— Господа, перестаньте. Стыдно слушать. Блуждающие души, голубой туман... Жара и отравы! И не дай Бог, чтобы вы побежали с книжечкой Яши сверяться!.. Самое время, чтоб распускать слухи о призраках! Книжечка... Вон, ещё один собиратель с книжечкой сюда движется, вам для компании.

— Голубой туман, Дмитрий Николаевич. Доводилось там бывать? Вы тоже меня называли «фрайнт» — помните? Как во сне... — внимательно глядел на него Кир.

Железный Иевлев смутился, хотя ни в чём — хоть убей! — даже не думал сознаваться.

— Артанов, при дурной погоде и отвратной выпивке бывает всякое.

— Но не со всеми подряд, включая старших офицеров, согласитесь!

— Уймитесь, Кирилл Алексеевич. На дворе двадцатый век, торжество прогресса, удушающие газы, радио, аэропланы — а вы мне бабушкины сказки, да притом еврейские!

Сан Сяо, дав расчётам передышку, подходил не торопясь. Прислушался к тихой беседе. Оказавшись вблизи, он с улыбкой — вовсе не с китайской открытой, а со злой, кривой, искажённой, — произнёс:

Однако недолго проказник ревился —
Из Львова суровый реб Хаим явился
И заклял диббука. Дух вернулся в тело,
Что за это время порядком истлело.

— Вы это хотели услышать, месьеры? Я угадал?
На офицеров и врача напал столбняк.

— Я что хочу сказать?.. Почему никто не вспоминает о делах? Я выучил китайца правильному русскому произношению. Обучил языкам боев, проиграл Киру двести талеров — но решительно никто об

этом не упомянул, ни одним словом! Зато все с упорством, доводящим меня до отчаяния, беспрестанно повторяют стишата, которые настолько плохи — да, плохи! — что никто не запомнил больше двух строчек. Просто наказание какое-то!.. И что самое странное — раньше никто из вас эту корявую балладу слушать не хотел...

— Диббук, — выговорил Кир.

— Избавьте меня от баллад, — потребовал Иевлев. — Ремер! Вы можете дать научное толкование происходящему? Прямо сейчас. Срочно!

— Извините, господа. У меня голова разрывается. Такое пекло!.. — жалобно произнёс Сан Сяо, слегка пошатываясь.

— Бывали случаи, описаны в литературе. — Ремер вышел из оцепенения, но продолжал следить за Сяо, словно ждал нападения. — В пустынях, в горах и на морях в напряжённой обстановке происходят мозговые нарушения. Бредовые видения... Экипажи и целые экспедиции сходили с ума. Пустые корабли...

— Пустые головы! — оборвал Иевлев. — Эдак мы по очереди будем убегать в саванну, в голубой туман... а кому вести роты? Я ничему не верю, но вынужден считаться с фактами. Надо принять безотлагательные меры. Артанов?

— Я! — откликнулся Кир.

— Сделайте что-нибудь!

— Почему именно я?

— Вы хоть одну молитву помните, другие и того меньше. Опять-таки, псалом таскаете в кармане.

— Таскает, жестокий! — Сяо нехорошо сощурился.

— Он опять здесь... — краем рта предупредил Ремер.

— Вы же читали тогда над могилой! Воинским частям придаётся поп с крестом, а тут как быть? У вас бумажки сохранились?

— Должно быть, я не так читал или не на том языке. Что-то не сработало.

— Не упрямитесь, Артанов. Попробуй ещё раз, фрайнт. Отпусти меня.

«Приехали! — панически мелькнуло у Кира. — Теперь Иевлев схвачен!..»

Он зажмурился, как в детстве. Иначе трудно вырваться из плена окружающего наваждения.

Андреевка. Зима. Поздним вечером, уложив спать Машутку...

Гадание. Свеча. Тарелочка. Тёплое дыхание на плече. Нинета касается тонкими пальцами, тарелочка тихо движется по картону.

«Дух, дух, ты здесь?»

Поворот стрелки по алфавиту.

«Да».

Чувство неловкости и смех. Лизанька надувает губки: «Вот, духа упустили. Лови его теперь». Нинета: «А прошлый раз мы дух Пушкина вызывали. А он такой ругатель... Мальчики, вы даже представить не можете, что он нам отвечал». Смех.

«Дух, дух, ты здесь?..» — упорно спрашивает Лизанька.

«Сегодня дух не в духе, — шутит Кир. — Чем Пушкина приманивали?»

«Романсом! Едва Нина пропела: «Я помню чудное мгновенье: передо мной явилась ты», как он тотчас и явился. Злой, будто конюх Кузьма спросонок. Бранился ужасно, все ответы невпопад... Еле-еле назад спровадили, а то бы в дом вселился и покою не давал. И подтвердить велели, что уходит — он стул опрокинул...»

«Ну, сестрицы, вы у нас прямо чародейки... Вообрази, Дима — мятежный дух обуздали! А зубки со страху не клацали?»

«Было немного, — созналась Лизанька. Её улыбка сияла гордостью. — Да не на тех камер-юнкер напал, мы догадливы... С чего начали, тем и закончили — допели: «И жизнь, и слёзы, и любовь», тут ему и аминь.

— «Разумей, кто умён — песенка допета...», — выговаривал Кир, а мысли его блуждали в далёком прошлом. Затем он встряхнулся, возвращаясь из воспоминаний в жаркий день Анунды. — Господа, всех убедительно прошу — оставайтесь, где стоите!.. И вы, Дмитрий Николаевич, пожалуйста, тоже.

— В чём дело, Артанов?

— Он там, где мы вместе. Вьётся среди нас. Держится за нас. Не отпускайте его, ждите, пока я вернусь. Обещаете? Я знаю... надо попытаться, иначе он нас не оставит. Главное, не бойтесь, если он охватит... Он нам друг, но — ему здесь не место, мёртвому среди живых.

— Хорош друг — в ум впивается!.. — Иевлев озираясь, держа руку на кобуре. — Куда вы собрались, если не секрет? Вдруг он вас оседлает?

— Меня?.. Нет, — решительно отверг Кир предположение гауптмана. Вслед за давней сценой в Андреевке ему открывались новые истины. — На мне псалом. Бож-же мой, как всё наивно... Наверное, надо стать ребёнком, позабыть науки и поверить, чтобы понять...

— «Живые помощи»? — Иевлев замер, как хищник перед броском.

— А я чуть не краснел, когда матушка... — Кир осёкся, почувствовав на себе немигающий, режущий взгляд Ремера — или уже не Ремера?.. — Жди-

те меня. Хоть за руки возьмитесь — только удержите его!

— Я не уйду, — изменившимся голосом проговорил немец. — Слишком много крови, слишком она липкая.

— Злой дух между нами, — прошептал Сяо, сжавшись. — Мне холодно. Будьте добры, торопитесь...

Возвратившись бегом с записной книжкой Локшина, Кир застал офицеров такими же, какими их покинул — стоящими вокруг. А посередине, в пустом месте, невидимо реял диббук — незримый, раскалённый, будто воздух над пустыней. Дрожащий от гнева и боли, горький от слёз, звенящий от тоски.

— Слушай. — Кир разомкнул латунную застёжку. Отыскал в мелких скорописных строках балладу и поймал последнюю строфу, до которой не дочитал никто, кроме поэта:

Схоронили Мойшу под Пшемыслем, в яме,
Завалили сверху большими камнями,
Чтоб не баламутил стоячую воду,
Не творил бесчинства на беду народу.

— Яков, ты мёртв, ты погребён, ты отомщён. Иди с миром — и дай знак, что уходишь. Прощай.

Как вздох, пронёсся слабый порыв ветра — и, словно битый им, с головы Иевлева упал наземь пробковый шлем.

Тревожно сжатый воздух стал ясным как стекло и лёгким.

— Спокойно, господа, — быстро подобрав шлем, проговорил вполголоса Железный гауптман. — Выждем. Кто-нибудь чувствует его?..

— Я слышал свист и дуновение холода, — признался Сан Сяо. — Это бывает, когда...

— Объяснения — к чёрту. Знать не желаю. Мне хочется, чтобы спиритизм закончился раз и навсегда, на этом месте. Артанов, ваше слово?..

— Мне всегда будет не хватать его, — молвил Кир устало, защёлкнув застёжку. Биение пульса в висках, пыл чтения, похожего на заклинание — схлынули, оставив ощущение щемящей пустоты.

— Дайте сюда блокнот, — велел Иевлев. — Надо зарыть его в могилу Яши. Прах к праху. Всем следить за собой и друг за другом! Чуть что не так — сразу докладывать. Нам ещё до Манджала идти, как бы не с боями — не время и не место для назойливых фантомов...

— По обычаю, Дмитрий Николаевич, все его вещи следует вернуть родным. Яшина семья после войны покинула Россию — я смогу их найти. Есть адрес, старое гетто в Маэне — а в городе штаб наёмной дивизии, я там неизбежно окажусь. Всё одно к одному... Сдаётся мне — с книжечкой как-то надёжнее, — заметил Кир, убирая блокнот в карман кителя. — Нелишне будет довести до сведения малاشиков, что с нами — песня, которой вызывают дух Яш-Пулемёта. Пусть знают. Если Обак нападёт — я прочту её с первой строки...

— Не вздумайте! — У Иевлева прямо глаза оледенели. — Ну... будь по-вашему, Артанов. Но для верности — сходите в канцелярию и опечатайте Яшины вещички... и крест к сургучу приложите, — добавил он тише. — А остальным, — он провёл взглядом по лицам Ремера и Сяо, — я приказываю ни-ког-да эту балладу не цитировать, ни полстрочки, ни одного слова. У кого хоть что-то из неё записано — Сан Сяо, слышите? — вырвать и сжечь.

— Будет исполнено, месьер гауптман, — торопливо откозырял китаец.

Вновь застучали пулемёты — рота продолжала учения, грохотом смертоносных машин напоминая чёр-

ным, кто здесь сильнее всех. Этот звук показался Киру глотком бодрости. Спина выпрямляется, плечи расправляются, когда чувствуешь на своей стороне мощь оружия. Исчезло наваждение, вернулась уверенность.

— Ремер, приложите все усилия. Как можно скорее вернуть в строй больных и раненых, — чётко распоряжался Иевлев. — Сан Сяо, берегите патроны — они ещё пригодятся. А всё-таки, Артанов, вы жестокий человек, — обратился он к Киру.

Тот обомлел — опять?..

— Бульон просил передать. — Гауптман протянул алые коралловые бусы. — На память.

Голос Иевлева, глаза Иевлева... Кира отпустило — всё в порядке. Осталась лишь печаль — Яша ушёл, больше ничто не напомнит о нём.

Врач и командир пулемётчиков отправились по своим делам, но Железный гауптман не спешил расстаться с Киrom — щёлкал крышкой часов, оглядывал лагерь.

— Знаете, Кирил Алексеевич, сколько времени прошло с момента, когда к нам подошёл Ремер?.. Полчаса, как одна минута. А мне казалось — ужасу конца не будет... Скверное ощущение — словно земля уходит из-под ног. Сквозь тебя проходит нечто чуждое, холодное, и тело повинуется ему. Я бы дорого дал, чтобы забыть это. Иначе верить в себя перестанешь... Пожалуй, раздумий до конца жизни хватит. Слушайте, неужели и мы станем такими... тенями? В детстве — даже в гимназии! — я верил, что дух — нечто светлое, воздушное...

— Какой человек, такой дух, Дмитрий Николаевич. Много убиваем... То-то Яша переживал, что покосил столько народу.

— Ведь может оказаться, что и ад есть, как на иконе? Мы сказкам про чертей смеялись, а теперь мне что-то не смешно.

— Говорят, каждому воздастся по его вере. Уж не знаю, куда Яша отправился... У них — шеол, нечто вроде чистилища. Он для всех един.

— Мрачно.

— Напротив, мне отчего-то свободней дышать. Представьте — страх пропал.

— Вот как?

— Да! — Кир улыбнулся. — Как бы отвратительно ни было вокруг, в нас есть то, что не исчезает — можно смело на это рассчитывать. Оно сильнее тела, смерти... всего! Можно ходить по воде, можно — понимаете?

— Но пароход оно не отменяет?

— О, чёрный пароход, билет в Европу!.. — мечтательно вздохнул Кир. — Но если что-нибудь случится — я дойду и по воде.

* * *

20 августа 1919 года обер-лейтенант Артанов, прощаясь с наёмным полком, лихо провёл свою роту церемониальным маршем. Присутствовавший на параде бригаден-генерал буркнул в усы:

— И таких парней вы отпускаете?

Его реплику мало кто расслышал, поскольку рота Кира горланила французскую песню:

В путь, в путь, кончен день забав, в поход пора.
Целься в грудь, маленький зуав, кричи «Ура»!
Много дней, веря в чудеса, Сюзанна ждёт.
У неё синие глаза и алый рот.

ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ

ГОСТИНЦЫ
К РОЖДЕСТВУ

Машина сбавила скорость, перестроилась в правый ряд. Свернула в прореху между наваленными вдоль обочины сугробами. Впереди расстилалось бескрайнее снежное поле, рассечённое надвое узкой — двоим не разъехаться — полосой шоссейки. Вернее, край у этой простыни был — сизая туча, наползающая из-за горизонта. Туча была такая огромная, что напоминала горную цепь, пики которой уходили куда-то в стратосферу.

— Где же они, твои дачи? — забеспокоился Сергей. — Что-то не заметно.

— Почему не заметно? — Сашка ткнул пальцем в лобовое стекло. — Видишь лесок? Это оно и есть.

В самом деле, вдали тянулась полоса, едва различимая на фоне тучи. И строения там какие-то были.

— А говорил — недалеко! — попенял Сергей другу.

— Какая тебе разница? Не пешком же.

Резон в словах Сашки был. «Копейка» хоть дребезжала и подозрительно клацала двигателем, но шла ходко. Кажется, только что свернули с трассы, и сосновый лес был тонкой полоской у горизонта, а уже и к дачам, пристроившимся на опушке, подъехали. Сергей насчитал шесть двух- и трёхэтажных «избушек», аккуратных, ухоженных, будто с картинки сошедших. Дорога повернула вдоль кирпичного, чуть ли не трёхметрового забора, упёрлась в железные ворота.

— Летом здесь красота, — Сашка надавил на клаксон, — лес, речка рядом. Зато зимой спокойнее, никто

на мозги не давит. Хозяева навевываются редко, бомжи не шастают — от города далековато по сугробам.

Створки медленно разошлись, пропуская машину.

По ту сторону забора шоссейка превращалась в улицу между дачными участками. Какие там «участки»! Усадьбы в полгектара, каждая — с собственным куточком леса. Впрочем, «копейка» по улице не поехала, свернула к домику у забора, одноэтажному, но такому же добротному, как всё здесь. Остановилась под навесом, рядом со светло-серым «Ланосом».

— Приехали! — сообщил очевидное Сашка. Первым выбрался наружу, открыл багажник, начал извлекать пузатые пакеты.

Сергей тоже вылез. И замер в нерешительности — от сторожки шёл сурового вида дядька в наброшенной на плечи чёрной стёганой куртке. Впереди него бежал здоровенный тёмно-серый, с бурыми подпалинами пёс, помесь овчарки с двортерьером.

— И кого это ты привёз?

Сашка обернулся.

— Привет, Андреич! Знакомьтесь: это Сергей, одноклассник мой бывший. Мы с ним семь лет не виделись, а тут еду, гляжу — а он стоит под светофором. Серёга, это сменщик мой, Пал Андреич. Ну а это — Рекс.

Пёс подбежал к Сергею, обнюхал. Посмотрел впросительном прямо в глаза. Во взгляде его так и читалось: «А ты что за фрукт? Не попробовать ли тебя на зуб?»

— Не бойся, он умный, своих не кусает, — поспешил успокоить Сашка. И сменщику: — Андреич, тут такое дело — праздник на носу, а Серёге и встретить его не с кем. Нехорошо это, неправильно. Вот я его и пригласил. Всё равно в посёлке пусто.

— Пусто, да не совсем, — дядька подошёл к неожиданному визитёру, смерил взглядом — точь-в-точь как

Рекс перед этим, — протянул ладонь для рукопожатия. — Вэвэ звонил, грозился нагряться. Так что вы тут поаккуратней.

Сашка крякнул раздосадованно, почесал затылок.

— Может, передумает? Вон туча какая заходит, не иначе к метели. Андреич, не переживай, Серёга не какой-нибудь там! Он у нас педагог, школоту физике учит.

— Педагог, значит? — взгляд Андреича задержался на мозолистой руке гостя. — Ну-ну. Ладно, поехал я. Рекса кормить не забывайте!

Андреич уехал. А где-то через час — они как раз закончили сортировать содержимое привезённых пакетов: что в холодильник, что в шкаф на полки, — за воротами басовито просигналили. Сашка чертыхнулся, бросился к двери. Обернулся на ходу:

— Серёга, ты пока без особой надобности на улице не выходи, глаза хозяевам не мозоль. Не ровен час, Вэвэ прискибётся по пьяни.

Сергей кивнул. Попадаться на глаза кому бы то ни было он не собирался. Понимал — на птичьих правах он в этом «райском уголке». Но всё лучше, чем сидеть одному в чужой съёмной квартире.

Прошло ещё два часа. На улице стемнело окончательно, чёрная туча, что заволокла полнеба, ускорила наступление вечера, а затем и ночи. Сашка обошёл дозором подопечную территорию, накормил Рекса, собрал ужин. Собственно, они и отужинать успели. Неторопливо, сдабривая разговор стопочками водки, вспоминали школу, бывших одноклассников — девчонок в особенности. Потом Сашка рассказал о собственной, богатой на приключения жизни. Потребовал:

— Ну а как у тебя дела? Помню, последний раз, как мы с тобой виделись, ты, вроде, женатый был?

— Вроде был...

Говорить о собственных семейных неурядицах Сергею не хотелось. Это ведь придётся и о смене профессии рассказать, о том, что в школе он давно не работает, а шабашит со строителями. И обо всём прочем. Но и отмолчаться не получится — обидится друг.

Он открыл рот, раздумывая, с чего начать... как вдруг входная дверь громко хлопнула.

— Кого там... — Сашка вскочил, но и шага ступить не успел.

В комнатушку, служившую охране и столовой, и гостиной, и кухней, ввалился здоровенный, под два метра ростом, бугай лет сорока. Толстопузый, морда красная, под расстёгнутой дублёнкой — белая майка и повязанный зачем-то на голую шею галстук. Сергей тоже невольно поднялся, ошеломлённый этим явлением.

— Андреич, встречай гостей! Мы колядовать пришли! А, это ты, Сашок... Ну, мне пох!

Сергей удивился было, с чего это пришелец говорит о себе во множественном числе. И тут заметил за его спиной худенькую остроносую девчонку.

— Милка, прими шубу! Коляд-коляд-колядын, я у батька адын... мэне батька послал... шоб я бабла... — Круглые, выпученные глаза пришельца остановились на Сергее. Он перестал притопывать. — А это кто такой?

— Владимир Васильевич, это Серёга, мой друг, — засуетился Сашка.

— Дру-у-уг? — Пришелец ослабился. — Я думал, ты нормальный пацан... А ты этот, из Гондураса?

— Владимир Васильевич!..

— Шучу я, не понял? Чего стоишь? Угощай, я ко-лядовал или где?!

Сашка бросился к шкафу, схватил с полки два чистых стаканчика, снова подскочил к столу, взялся за бутылку...

— Стоять! — рявкнул Вэвэ. Нетвёрдым шагом подошёл, отобрал бутылку, поднёс горлышко к носу. Скривился, посмотрел на этикетку. И выдал заключение: — Говно пьёте! Милка, нашу подай!

Оказывается, в руках у девушки была не только дублёнка хозяина, но и большой оранжевый пакет с ручками из бечёвки. Секунда, и на столе, рядом с початой «Хортицей», встал «Jameson».

Вэвэ наливал сам. Девушке — полстаканчика, мужчинам — по полной. Пробовать ирландский виски Сергею прежде не доводилось. Сделал глоток и подивился — что ж в нём люди хорошего находят?

Вэвэ опорожнил стопку досуха. Закусывать не захотел:

— Ладно, не будем вам мешать, голуб... ки! — Отобрал у девушки пакет, протянул Сашке: — Держи, гостинцы тут тебе к Рождеству. Милка, шубу! — В дверях развернулся, вспомнив: — Сашок, у тебя случаем эти... салюты нигде не завалились?

— Фейерверки? Нет, Владимир Васильевич, нету. Но если вам нужно, я мигом...

— Что — пост бросишь? — Вэвэ погрозил пальцем: — Смотри мне! Ладно, с салютом проехали. Пошли, Милка!

Однако фейерверк в эту ночь всё же состоялся. Сергей проснулся от непонятого грохота снаружи. Сначала подумал — отголосок сна. Но нет, Сашка уже был на ногах, таращился в окно. Снаружи явно что-то

творилось: блеснул быстрый и яркий свет, через пару секунд захохотало.

— Что там? — удивлённо спросил Сергей.

Пряатель оглянулся:

— И мне вот интересно. Пойду, гляну.

Не было его минут пять. За это время ещё дважды сверкнуло и прогрохотало. Если бы не осознание, что сейчас зима, январь месяц, Сергей решил бы, что началась гроза.

И как ни странно, он не ошибся. Сашка вернулся обескураженный.

— Представляешь, там молнии и гром! Разве так бывает? Я ни разу не видел.

Сергей тоже удивился. Читать о снеговых грозах ему доводилось, но...

Неожиданно в дверь постучали. Парни переглянулись. Сашка крикнул в коридор:

— Не заперто!

Это оказалась давешняя остроносая девушка:

— Мальчики, можно я у вас посижу? Я грозы очень боюсь!

— А Владимир Васильевич как же?

— Ему-то что, храпит, хоть пушкой над ухом стреляй. А мне страшно одной. Дом большой, темно везде, тихо. А за окнами — такое! Ужас!

— Ну... пожалуйста.

Сашка подвинул госте единственно в спальне стул. Прошёлся по комнате, очевидно, не зная, что делать дальше. Присел на свою койку. Сергей тоже не знал, как правильно поступить. Лежать как-то неприлично, вылезать неглиже из-под одеяла — тем более.

За окном вновь сверкнуло. И громыхнуло — почти сразу и так громко, что стёкла зазвенели, а в вольере жалобно тьякнул Рекс. Девушка поёжилась. Спросила, ни к селу ни к городу:

— Я вам спать мешаю, да? Не сердитесь, пожалуйста. Я правда грозы боюсь.

Сашка отмахнулся:

— Поспишь, когда так грохочет. А тебя Мила зовут, правильно? Ты кем у Владимира Васильевича работаешь?

— Я секретарь-референт. — И строго поправила: — Но зовут меня не Мила, а Людмила.

— Извините.

Сашка помолчал. Снова попытался поддержать разговор:

— Наверное, у секретаря-референта зарплата хорошая?

— Приличная. И бонусы регулярно.

— А у нас от начальства премию не дождёшься.

Девушка хмыкнула снисходительно, смерила взглядом его, потом Сергея.

— Кто на что учился. У референта работа ответственная, требующая высокой квалификации. А вы — Сашок и Серёга, я правильно запомнила имена?

Сашка помедлил, кивнул неуверенно. И для Сергея кивок этот последней каплей стало. Не снисходительный тон незваной гостьи, не то, что поучала мужиков, на десять лет себя старших, словно пацанчиков, не прозвища, а то, что друг принимал всё это безропотно. В холуи себя, что ли, записал?

Не стесняясь больше, он сел, свесил голые ноги на пол. Чётко, с расстановкой выдал:

— Александр и Сергей, к вашему сведению. И мне вопрос можно? Какие именно высококвалифицированные услуги вы собираетесь боссу в рождественскую ночь оказывать?

В комнате было слишком темно, чтобы разглядеть, покраснела девушка или нет, услышав прозрачный намёк. Сергею хотелось, чтобы покраснела.

Людмила медленно поднялась со стула. Бросила холодно и резко:

— Все, какие потребуются. А вы что, надеетесь составить конкуренцию? Не получится, не тот у вас «профиль». Спасибо за гостеприимство! — И шагнула к двери, не обращая внимания на новый раскат грома.

До Сашки наконец дошло. Он вскочил, бросился к Сергею:

— Ты чего?! Совсем сдурил?! А ну ложись и спи! — Толкнул в грудь, заставив опрокинуться. Обернулся к девушке: — Людмила, вы на него внимания не обращайте! Слабый он на голову. Чуток выпил, и развезло.

Девушка презрительно фыркнула:

— Я и вижу! — Громко хлопнув дверью, выскочила из комнаты.

Сашка побежал следом.

Вернулся он минут через пять, весь залепленный снегом. С порога укоризненно попенял:

— Серёга, ты вроде умный, а дурак дураком. Чего ты до девки прицепился? Тебе не одинаково, чем она бабло зарабатывает? Не понимаешь, что ли, где мы и где она? Вот звякнет Вэвэ моему шефу в контору, меня враз пинком под зад отсюда вышибут. Думаешь, легко это место получить было? — Уже миролюбиво добавил: — Обошлось вроде. Пообещала, что жаловаться не будет, даже позволила проводить себя до дому.

Сергею и самому было неловко за глупую выходку. И что это на него нашло? Верно говорят, водка — зло. А если с виски мешать — зло вдвойне.

— Хочешь, извинюсь перед ней? — предложил. — Завтра.

— Нет уж, лучше помалкивай. С хозяевами я сам общаться буду. — И уже укладываясь спать, вздохнул мечтательно: — А девка красивая. Будь я на месте Вэвэ, тоже такую секретаршу мимо не пропустил бы...

Утром Сергей проснулся от зычного голоса друга:

— Подъём! Как там, у Пушкина? «Вечор, ты помнишь, вьюга злилась, а нынче...»

А нынче — с синего-синего неба светило Солнце, выпавший за ночь снег был таким белым, что резало в глазах. И морозец стоял настоящий, рождественский.

— Я боялся, дорогу заметёт, — объяснял Сашка, отпирая ворота, — но ничего, обошлось. Только вдоль забора сугробы почистим. Проштрафился ночью — теперь будешь пахать у меня.

Едва створки разошлись, Сергей убедился — попасть и в самом деле придётся. Утренняя гимнастика, так сказать. Часика на два. Или на три.

— Ну, чего ждём? За работу! — скомандовал Сашка и вонзил лопату в перегородивший дорогу сугроб.

Рекс на призыв откликнулся первым. Радостно тьякнул, прыгнул на самую верхушку сугроба, утонул в нём по грудь, рванул вперёд, разбрасывая в стороны снежные гейзеры... И вдруг словно застрял. Зарычал, шерсть на загривке поднялась дыбом.

— Ты что там увидел? — удивлённо окликнул его Сашка.

Пёс будто ждал этого вопроса. Попятился, развернулся на месте, стремглав кинулся назад в ворота и дальше — за сторожку. Кто его собачьи мысли поймёт? Блажит. Может себе позволить. Ему пьяную болтовню отрабатывать не надо.

Снег был лёгким, как пух. Слишком лёгким — не хотел держаться на лопате, взлетал искрящимися султанчиками при каждом броске. Звонко скрипел под ногами. Потому другой то ли скрип, то ли хруст Сергей услышал, лишь когда дошёл до чистого асфальта. И тут же увидел, как сыплется снег с ветвей старого тополя. А ветра нет...

— Осторожней! — крикнул, сам не понимая, чего испугался.

Сашка, орудуя лопатой вдоль другой обочины, оглянулся, успел заметить движение, проворно отскочил назад... Вовремя! Хрустнув пистолетным выстрелом, тополь рухнул поперёк дороги, подпрыгнул от удара. Ствол переломился в двух места, толстая нижняя ветвь отлетела в сторону, хлестнула по асфальту у самых ног Сергея.

— Ау! — Сашка схватился за лицо. — Бли-ин!..

— Что?!

— Да щепка! Поцарапала, наверное. Жжётся... — Он зачерпнул снег, приложил к щеке. — Какого фига оно упало?!

Сергей подошёл к исковерканному дереву, потрогал свежий излом.

— Сухое, потому и упало. Давно спилить нужно было.

— Да летом вроде зелёный стоял. Неужели замёрз? Или в него молния ударила?

— От молнии ожог был бы.

— Ладно, не важно. Работы нам добавилось, вот это мне понятно. Хорошо, что бензопила есть.

Развернулся и пошёл к воротам. Вслед за ним, словно привязанный к унтам, зазмеился позёмок. Сергей ещё раз удивился — ветра нет, а позёмок есть.

Вэвз выбрался на свет божий, когда Солнце давно миновало зенит и тени от сосен расчертили снег синими полосами. Сергей как раз заканчивал чистить поселковую улочку, когда услышал зычное:

— Милка, хватит в постели валяться! Глянь, красота какая! Выходи, в снежки поиграем, бабу слепим!

Он грузно скатился с крыльца, зачерпнул обеими руками снег, начал растирать плечи, толстую, как у быка, шею. На этот раз дублёнки на нём не было. Как и галстука. Унты, спортивные штаны, голый торс. Такой себе остепенившийся, набравший вес и авторитет качок. Смешным и нелепым сегодня он не казался.

Людмила выглянула из дверей. Постояла, зябко кутаясь в шубку, спустилась к хозяину. Сейчас, при свете дня, Сергей наконец-то смог её рассмотреть. Прав Сашка, не секретарша, а модель. Разве что росточком невелика.

Вэвэ тем временем слепил снежок и — бац! Сергей слишком поздно увидел, что метит тот вовсе не в столб, не в торчащую неподалёку абрикосину — в него! Не успел уклониться и заработал прямёхонько в лоб. Снежная пороша залепила глаза, Сергей уронил лопату, принялся поспешно оттирать лицо. Повезло, что снег рыхлый, пушистый, — не больно.

Едва протёр глаза, как второй снежок угодил — в живот. А Вэвэ командовал:

— Милка, кого ждёшь? Фигачь по нему!

Но у девушки снежок не получился, рассыпался на лету.

— Варежкиними, когда лепишь! Да подойди ближе, а то не докинешь. — И уже Сергею: — А ты на месте стой, не вертись, гондурасец!

Изображать из себя мишень не хотелось. Но если послать Вэвэ подальше и уйти — у Сашки неприятности точно будут. Оставалось взять лопату наперевес и защищаться — а-ля «хоккейный вратарь».

Людмила меж тем послушно стащила варежки, подошла к кованой калитке. Наклонилась, зачерпнула пригоршню снега... И взвизгнула, схватилась за руку, судорожно отдирая что-то.

— Что там такое? — шагнул к ней хозяин.

— Не знаю! Руку жжёт! Больно!

Она присела, прижимая раненую ладонь к груди и тихонько подвывая.

— Дай! — Вэвэ взял девушку за руку. Взревел: — Сашок, мать твою, какого у меня на участке стекло битое валяется?!

Оторопевший Сашка выскочил из-за сторожки, растерянно почесал затылок.

— Не может такого быть, Владимир Вас...

— Убрать немедленно! Аптечка у тебя есть? Тащи!

Вэвэ увёл плачущую Людмилу в дом, Сашка с аптечкой побежал следом. На ходу бросил Сергею:

— Ну ты глянь там, обо что она укололась.

Сергей вошёл во двор, наклонился, рассматривая бороздку в снегу, недолепленный катыш. Потом присел. Стекла видно не было. Ни стекла, ничего другого постороннего. Исключительно снег.

Он хотел зачерпнуть это дело лопатой да и забросить от греха подальше, как вдруг что-то шевельнулось. Микрохолмик снега рассыпался? Похоже было именно на это. Но тут шевельнулось снова — в том самом месте.

Сергей осторожно поддел невидимый предмет рукавицей. Замер, стараясь разглядеть. Ничего, кроме снега. Рыхлого, распадающегося на отдельные снежинки.

Одна из них шевелилась.

Накануне вечером, раскладывая свой нехитрый скарб по полочкам, он случайно наткнулся на лупу. Тогда удивился — зачем она охранникам? Теперь лупа оказывалась как нельзя кстати. Придерживая снежинки второй перчаткой, чтобы не рассыпались, Сергей поспешил в сторожку.

Сашка вернулся минут через десять.

— Ну что там было, нашёл? Блин, у неё вся ладонь красная и в точечках, будто иголкой кололи.

— А ты посмотри. — Сергей протянул другу лупу.

Посмотреть было на что. На первый взгляд — обыкновенная снежинка-дендрит, довольно крупная, почти сантиметр в поперечнике. Но только на первый! Два её лучика были отломаны полностью, три — значительно укоротились. Лишь один уцелел в первоизданном виде. Его веточки-отростки не были спаяны монолитно. Скорее, это походило не на один кристалл, а на целое семейство пластинок и иголок, соединённых друг с другом чем-то похожим на шарниры. И отростки-иголки продолжали двигаться!

Сашка охнул.

— Это что за жук?!

— Не жук, снежинка такая странная.

— Да брось ты, оно же живое, и не тает! Откуда эта гадость взялась? Ужалила девку... А если оно ядовитое?

— Покажи-ка свою щёку. — Сергей отобрал назад лупу, поднёс к лицу приятеля. Так и есть, на щеке — звёздочка из шести тёмных точек. — Там, у дерева, тебя тоже она цапнула.

— Ах ты ж...

Сашка не договорил, бросился к кладовке. Вернулся с молотком и прежде, чем Сергей успел что-то предпринять — хрясь! — по рукавице, на которой конвульсивно подёргивался дендрит.

— Стой! — Поздно. На рукавице не осталось ничего. Лишь мокрое пятнышко. — Видишь?! Она всё-таки была изо льда! Ты разрушил кристаллическую структуру центрального шестиугольника, и вода тут же перешла из твёрдого состояния в жидкое. Мы могли такое научное открытие сделать...

— Туда ему и дорога! Снежных жуков мне только и не хватало на дежурстве.

В начале января день короткий. Недавно полдень был, а вот и Солнце село, и вновь ночь приближается. Сашка ходил хмурый. «Снежный жук» оказался самой малой неприятностью, выпавшей на праздничный рождественский день. Во-первых, у «копейки» сдох аккумулятор: вчера работал замечательно, а за ночь умудрился разрядиться в ноль. Во-вторых, Рекс пропал. Минуту назад носился по посёлку, лаял невесть на что, как оглашенный, и вдруг — нет его. На зов не откликается, жрать не идёт. И в-третьих, Вэвэ приспичило париться, пришлось топить баню. Так что когда приятели наконец-то сели ужинать, настроение к застольным беседам не располагало.

Наверное, поэтому они услышали слабый вскрик.

— Людмила кричит? — Сергей вопросительно посмотрел на друга.

— Ага. Вэвэ развлекается, — отмахнулся тот. — У богатых свои причуды. Не обращай внимания. Сейчас дохамаем, фонари возьмём, и собаку искать...

Он не договорил — крик повторился. Отчаянный, полный ужаса. И в нём ясно слышалось — «Помогите!».

Сергей вскочил из-за стола.

— Не вмешивайся! А то мы и виноватыми окажемся, — попытался остановить его Сашка. Но Сергей уже натягивал ботинки, хватал с вешалки куртку...

Добежали они одновременно — Сашка и бегал лучше, и где именно стоит баня Вэвэ, знал, потому догнал друга без труда. И оба едва не налетели на ползущую по дорожке девушку. Вернее, она не столько ползла, сколько извивалась, корчилась от боли. Банная простыня развязалась, лежала рядом комком, а ноги чуть ли не до самых ягодиц, руки по локоть были залеплены снегом.

— Ты что?! — охнул Сашка. Подскочил, подхватил на руки... и не удержал, выронил: — Бли-ин!

А Сергей осознал внезапно — ноги и руки девушки облепил не обычный снег — живые дендриты! Десятки, а может, и сотни.

Сообразил, что делать, он мгновенно. Натянул рукавицы — благо, из карманов не вытащил после дневной снегоуборки — осторожно поднял уже почти и не стоющую девушку. Скомандовал другу:

— В баню!

Решение было единственно верным. До строжки бежать через полпосёлка, а дверь предбанника — в пяти метрах. Но и этих пяти оказалось достаточно, чтобы несколько дендритов перепрыгнули на рукава его куртки, а один сумел забраться в рукавицу. Сергей стиснул зубы от невыносимо жгучей боли, когда тот запустил лучики-жала под кожу.

Он понёс Людмилу прямоком в парилку, уложил на полок. Здесь было жарко невыносимо, ледяные кристаллики дендритов не могли не растаять при такой температуре. Но не таяли... И отрываться от кожи не желали, ломались, но продолжали цепляться.

— Да блин же! — Сашка в сердцах выхватил из тазика замоченный веник, стеганул по бедру потерявшей сознание девушки. Ещё раз, ещё! Ледяная пыль брызнула в стороны, Сергей отшатнулся инстинктивно, защищая глаза. И сообразил — не жжёт!

— Сашка, они в воде растворяются! — закричал радостно. Зачерпнул ковшиком воду из кадки, плеснул на руку Людмиле. Точно!

Спустя пять минут от дендритов не было и следа. Людмилу вынесли в предбанник, замотали в простыни, уложили на лавку. Она дышала мелко и часто, ноги и руки конвульсивно вздрагивали, смотреть, во что они превратились, было жутко... И только тогда Сергей спохватился:

— А этот Вэвэ где? Он ведь тоже парился?

Сашка озадаченно посмотрел на него. Охнул.

— Мы ж её на улице нашли, голую. Значит, Вэвэ в снегу купаться побежал, а она следом. Бли-ин...

Он бросился к двери, передумал, вернулся в парилку, вооружился ковшом с водой и веником и лишь за тем вышел наружу. Сергей поспешил за ним.

Вэвэ они нашли быстро. Тот и десяти шагов от порога бани не сделал — нырнул в огромный пушистый сугроб, расплескав его своей тушей... Да там и остался.

— Владимир Васильевич? — Сашка присел рядом осторожно тронул за руку. — Владимир Васильевич вам плохо?!

Толстяк не шевелился. Тогда и Сергей подошёл. Снял перчатку, ткнул пальцами в синюшно-белое тело. Холодное и твёрдое, как деревяшка. Ни одного дендрита на нём не было.

— Он мёртвый. Насквозь промёрз.

Сашка вытаращил округлившиеся от ужаса глаза.

— Ты соображаешь, что говоришь?! Это же Вэвэ! Если с ним что случится, меня живьём закопают. И тебя в придачу! — Схватил тело за руки: — Помогите!

Нести Вэвэ было тяжело даже вдвоём. В дверях предбанника Сергей споткнулся, не удержал, выронил ношу. «Бум!» — Ноги толстяка деревянно стукнулись об пол.

— Осторожно! Клади его на лавку!

— Ему и на полу неплохо.

Сашка хотел возразить, передумал, опустил хозяина на пол, бросился шарить по карманам висящей на вешалке одежды:

— Где ж его телефон? В «Скорую» надо звонить срочно!

Как назло, телефона при себе ни у кого не оказалось. Обескураженный, Сашка развёл руками, посмотрел на друга:

— Придётся в сторожку идти. Ладно, ты с ними побудь, а я побежал.

— А дендриты?

— Кто?

— Снежинки эти. Если нападут?

— Да ну, я же не голый! Замотаю лицо полотенцем и — бегом! Не догонят.

— Угу... — Сергей спохватился, когда дверь хлопнула: — Воды хоть возьми!

Пока набрал ковш, выскочил наружу, Сашка был уже далеко, нёсся во всю прыть по улице. А в следующий миг Сергей узнал, каково это, когда кровь стынет в жилах.

Над крыльцом трёхэтажного особняка Вэвэ горел фонарь. Второй — у калитки. Третий — над входом в баню. Большая часть двора тонула во мраке. Потому Сергей увидел ЭТО, лишь когда оно перевалило через забор, на освещённую улицу. Искрящийся в свете фонарей смерч из тысяч — десятков тысяч?! — ледяных кристаллов. Он двигался вполне целенаправленно — вдогонку за убегающим человеком. И гораздо быстрее, чем тот. Только что их разделяло двадцать метров, а уже — десять, пять...

— Сашка! — заорал Сергей. И тут же увидел — не все дендриты улетели. Снег вокруг баньки внезапно заструился позёмком, облако приподнялось над сугробами, словно кобра, готовая к броску. И целилась эта «кобра» напрямик в него.

Он опередил её на доли секунды. В захлопнувшуюся дверь ударило, заскрежетало, заскребло крохотными коготками. Сергей задвинул засов... и сообразил вдруг: лавка, куда они уложили девушку, — пуста!

Испугаться как следует он не успел. Дверь в парилку приоткрылась, оттуда выглянуло испуганное лицо:

— Сергей, я здесь! Идите сюда!

Людмила куталась в простыню, но на голых руках следы укусов видны были очень хорошо. Кожа будто усохла, превратившись в пергамент.

— Как ты... вы себя чувствуете?

— Руки и ноги болят, и голова кружится. Но это ничего, пройдёт, правда? А где Александр?

— Он в строжку побежал, звонить. «Скорую» вызвать... и вообще.

Сергей старался не думать о ледяном смерче. Нельзя о таком думать, нельзя! Сашка сильный, спортивный, он обязательно добежит.

Девушка опустила на полоч. Сергей помедлил, тоже присел — с противоположного края. Снял куртку. Подумал, что всё равно упарится. Но возвращаться в предбанник не хотелось.

— Владимир Васильевич... он умер, да? — тихо спросила девушка.

Сергей только плечом дёрнул.

— Зачем он в снег полез? И меня заставлял. А я холод не люблю! Он и в доме вечно окна открывает, «проветривать», а я мёрзну. Когда эти штуки меня за ноги схватили, я так испугалась! Меня в детстве пчела как-то ужалила. Но это больше...

Жара в парилке спадала. Слишком уж быстро! Понятно, что дров в печь никто не подкидывает, но тем не менее... Пришлось выскочить в предбанник, принести одежду Людмилы. А потом помочь ей одеться — то ли обожженные, то ли обмороженные руки девушки плохо слушались. И ноги едва держали. Когда они вновь сели на полоч, то отодвигаться друг от друга не стали.

— Сергей, у вас часы есть?

— А?

— «Скорой» от города сюда самое большее полчаса ехать. Ваш друг, он ведь вызвал «Скорую»? Как вы думаете, полчаса прошло?

Полчаса прошло наверняка. Куда больше, чем полчаса. Но Сергей промолчал. Девушка, не дождавшись ответа, нахохлилась.

— И почему я телефон в доме оставила? Всё Владимир Васильевич — не бери, говорит, в баню! Мол, в самый неподходящий момент кто-то позвонит... Но за нами ведь всё равно приедут? Нас найдут и спасут, правильно? Рано или поздно!

Или поздно... Сергей задрал голову, прислушиваясь к шороху на крыше. Знакомое царапанье ледяных коготков. Когда-то в юности он мечтал заняться наукой, сделать открытие. Позже, повзрослев, постарался выбросить эти глупости из головы. А когда почти получилось — нате вам, мечта осуществляется. Сделал-таки открытие, нашёл дендритов. Вернее, это они его пытаются «сделать»...

— Людмила, извините за то, что я вас вчера обидел, — попросил неожиданно для самого себя. — Глупо получилось.

Девушка взглянула на него. Улыбнулась кисло.

— На правду не обижаются. Те самые услуги тоже оказывать приходилось... А я ведь школу с золотой медалью, иняз с красным дипломом окончила. И что дальше? В школе преподавать, копейки считать? У меня богатеньких родителей нет, самой зарабатывать приходится. Вот и заработала... — И всхлипнула.

Сергей удивлённо взглянул на неё. Заговорил, чтобы хоть как-то отвлечь:

— Надо же, иняз с красным дипломом! А для меня английский всегда камнем преткновения был. Я из-за него в аспирантуру после физмата не поступил. Работать пошёл, думал, годик-другой подучу. А оно не так вышло. Жена, семья, деньги нужны... А! — махнул рукой.

— Так ты физик?! — встрепенулась девушка. Не заметила, что перескочила в обращении на «ты». А Сер-

гей только рад этому был. — И ты можешь объяснить, что это за штуки? Откуда они взялись?

— Понятия не имею. Неизвестное науке явление. Я их дендритами называю, потому что они на снежинки похожи. Из ледяных кристаллов состоят.

— Ледяные? Почему они тогда в баню лезут? Здесь же тепло, они растают!

— Не обязательно. Лёд — интересное вещество. Насколько я помню, известно пятнадцать различных его кристаллических структур. А неизвестно? Видимо, у дендритов температура плавления достаточно высокая, чтобы использовать тепловую энергию для подзарядки своих аккумуляторов, или что там у них. Баня — это тепло. И люди — тепло. Кушать они сюда прилетели, так сказать.

Он мысленно ругнул себя за последнюю фразу. Руки у девушки и в самом деле выглядели обглоданными.

Людмила поёжилась, придвинулась ещё ближе.

— Серёжа, а если... никто не придёт на помощь? Что мы будем делать?

— Подождём до утра. В бане тепло, не замёрзнем. И вода в бочке — от дендритов отбиваться. Они в воде растворяются, это уже проверено.

— А потом?

— Потом видно будет. Утро вечера мудренее.

И, решившись, обнял девушку. Она не возражала.

Сергей уверен был, что не заснёт до утра. Какой сон, когда за дверью лежит труп, а над головой скребутся крохотные убийцы? Но тёплая, влажная темнота бани убаюкивала. И мягкий девичий бок под рукой. Сам не заметил, как поплыл, покачиваясь на волнах. Дальше... дальше... дальше...

— Сергей!

Его трягнули так, что едва с полка не свалился.

— А? Что?!

— Смотри!

Сначала он услышал — шуршание сделалось громче и ближе. Как будто дендриты скреблись во внутренностях пузатой чугунной печи. Но ведь это невозможно!

А затем Сергей опустил глаза ниже. И понял — возможно! Из приоткрытой дверцы поддувала один за другим выкатывались еле различимые в темноте ледяные «жуки». Гуще, гуще...

Людмила тоненько взывала. И сонная одурь прошла.

— Ах вы ж гады!

Кадка стояла у самой печи, и главным теперь было не дать дендритам отрезать себя от оружия. Сергей вскочил на полок, дотянулся — вот напасть, ковшик в предбаннике остался! Зачерпнул воду рукой... пальцы скользнули по ледяной корке! Баня выстыла напрочь.

Нет, шалишь, корочка тонкая. Сергей пробил её кулаком, зачерпнул воду, плеснул вниз, на поддувало, на пол вокруг печи. Попал.

Но дендриты сыпали сплошным потоком, точно мешок прорвался. Тут же разбегались по углам, некоторые взлетали, норовя атаковать. Если отрежут от двери...

— Серёжа, бежим скорее! — Людмила тоже поняла нерадостную диспозицию. — Они нас съедят!

— Уходи, я следом. Задержу их немного. До дома дойти сможешь?

— Да. Только к дому не надо! Там джип возле ворот стоит, мы уедем!

Правильно! Сергей словно воочию увидел огромного чёрного монстра. Вчера Вэвэ так спешил Рождество встретить, что машину в гараж не загнал, бросил у ворот. Ночная метель джип изрядно замела, Сашке чистить пришлось. Другу такую ответственную ра-

боту он не доверил, понятное дело. Но как бы то ни было, сейчас джип был полностью свободен от снежного плена, и предложение девушки казалось вполне логичным. Как он сам не додумался?

— Запасные ключи в «бардачке», я знаю. — Людмила приоткрыла дверь, готовая выскользнуть в предбанник. — И водить я умею. Эти дендриты, они же нас не догонят, да?

— Да! Беги уже!

Стайка «жуков» юркнула между ног у девушки. Людмила вскрикнула, неуклюже кинулась прочь. Сергей ухватил бочку обеими руками, поднатужился, наклонил. И от души плеснул на ледяных налётчиков.

Десятка два расплавились сразу же, столько же лишились части крылышек-лапок, запрыгали блохами, плюхаясь назад на мокрый пол и подтаивая ещё сильнее.

Однако собратья их и не думали отступать.

— Натё ещё!

Где-то на периферии сознания тенькнуло запоздало — идея с джипом не так уж и хороша. Что-то они упустили. Он упустил... Но соображать, что именно, было некогда. Очередная порция сыпанула из подувала, и пол начал покрываться ледяной корочкой. Выстуживают... Сергей вновь плеснул из бочки.

Потом пришлось проделать эту операцию в третий и в четвёртый раз. То ли инстинкт самосохранения у дендритов отсутствовал, то ли жажда тепла и энергии пересиливала, но они продолжали сыпать и сыпать. С одной стороны, это было хорошо — он действительно сумел задержать их. Но с другой... Большинство дендритов гибло, но те, кому удалось просочиться, карабкались на полоч, где сидел Сергей, самые проворные пытались взлетать и атаковать сверху. А единственной защитой была вода. Уже почти ле-

дяная. Рукавицы промокли насквозь, куртка, брюки гоже намокли, в ботинках чавкало, и пальцы сводило от холода. Сколько времени длилось сражение? Пять минут? Больше? В любом случае Люда успела добежать до машины и завести её, развернуть.

Опять тревожно тенькнуло. Сергей отмахнулся: глупости, джип — хорошая идея. Лишь бы девчонка не упала по дороге.

Задерживаться в бане дольше становилось опасно, вода плескалась уже на самом донышке кадки.

— Получи, фашист, гранату!

Сергей что было силы пнул её ногой в сторону входа, «проплавливая» себе путь к отступлению. И, не дожидаясь, пока враг выморозит мокрую дорожку, метнулся прочь из парилки, сквозь предбанник, наружу.

Джип стоял на том самом месте, где Сергей видел его днём. Тёмный, молчаливый. Словно никто и не собирался его заводить...

Не собирался или не смог?! У Сашкиной «копейки» аккумулятор «сам собой» разрядился за одну ночь. Аккумулятор — источник энергии.

— Люда! — заорал Сергей.

И тут же ощутил, как что-то коснулось мокрой штаннины. Позёмок струился следом за ним из распахнутой двери бани. Второй начинал ссыпаться с крыши.

Расстояние до ворот не многим больше, чем до крыльца дома. Но если бежать туда, то путь к дому дендриты отрежут. А мёртвая машина — слишком слабая защита. Никакая защита!

— Люда! Уходи оттуда!

Темно, не разобрать, есть ли кто в салоне. А если она и там, то не факт, что жива...

Сергей рванул к дому.

Снежная кобра поднялась на дыбы. Нет, это была не кобра, дракон! Высосанная из банной печи энергия до-

бавила дендритам и силы, и скорости. Но всё же Сергей успел — тех секунд, пока два позёмка сливались воедино, ему хватило, чтоб оббежать дом, взлететь на крыльцо...

— Серёжа!

В последний миг он оглянулся. Люда сидела в машине, смотрела на него...

Потом одна из «голов» дракона упала на неё сверху. И Сергей захлопнул за собой дверь.

Он опустился на пол, стараясь унять колотящееся от бега и ужаса сердце. Не думать, не думать, что творится сейчас снаружи, у джипа. Он всё равно ничем не помог бы. Хорошо, хоть сам спасся. Эх, Сашка дурак! Не к сторожке бежать нужно было, сюда. Здесь ведь тоже телефон есть. Целых три телефона, по крайней мере! Осталось их найти и позвонить.

Первый он нашёл сразу — на тумбочке в коридоре. Скорее всего, аппарат принадлежал Вэвз, так как и цветом, и размером весьма напоминал хозяйский джип.

Телефон был выключен. Сергей потискал кнопки и так, и эдак — безрезультатно. Да что за напасть? Ладно, поищем городской.

За городским пришлось подняться на второй этаж. Пока Сергей обшаривал комнаты, мокрая штанина успела задубеть, пальцы ног потеряли чувствительность. Обморозиться не хватало...

Стационарный телефон стоял, как ему и положено, на письменном столе в кабинете. Новенький, дорогой, с беспроводной трубкой, сенсорным дисплеем. Он тоже был выключен. И включаться не желал.

Сергей повертел трубку в руках. Открыл крышку, извлёк аккумулятор. Источник энергии... Но как же так?!

Он знал ответ. «...Он и в доме вечно окна открывает...» Разумеется! Не может в доме — в этом доме! — быть так холодно. Если его не вымораживают.

За спиной тихо зашуршало. Сергей обернулся.

«Голова дракона» втягивалась в открытую дверь кабинета. Поднялась к потолку, растеклась, готовая атаковать.

— Нет, — просипел Сергей, — не надо...

Ясное дело, дендриты его не послушали.

Лежать в глубокой норе, вырытой под наваленным за сторожкой сугробом, было мягко и тепло. Ничем не хуже, чем на подстилке в вольере. И куда безопаснее. Снаружи давно начался день, светило Солнце, всё выглядело спокойным, обыденным. Но чутьё подсказывало — это ловушка, враг по-прежнему здесь. Враг, какого не напугаешь лаем и оскалом зубов, не укусишь. Слишком сильный, чтобы вступать с ним в драку, и слишком быстрый, чтобы пытаться убежать. Враг, от которого можно только спрятаться. Чутьё не подводило Рекса ни разу. Чутьё говорило — затаись и жди!

За забором громко просигналил автомобиль. Затем — снова, долго и требовательно. Но человек в чёрной куртке с надписью «ОХРАНА» на спине, что лежал в пяти шагах от сторожки, не шевельнулся. Зато ожил снег, собравшийся вокруг его головы. Сдвинулся, заструился, закружился искрящимся вихрем. Легко перепрыгнул через ворота. Ведь там появился ещё один источник тёплой энергии. Опасной, но совершенно необходимой, чтобы оторваться от негостеприимной, переполненной смертоносной жидкостью поверхности планеты. И рой вернётся туда, где на самой границе атмосферы и космоса живут ледяные скитальцы, занесённые в этот мир хвостатой кометой.

Серебристое облако спешило домой, к своим собратьям.

СЧЕТЧИК В СТАКАНЕ

СOLIDное здание банка — зеркальные стены, сияющие металлические конструкции, надежные скругленные очертания — возвышалось напротив школы. Не выше, подавляя, и не ниже — теряясь среди желтых корпусов. Вровень с третьим этажом. Ночью банк переливался синими огнями, днем из автоматических дверей пахло благополучием и достатком. Кофе бесплатно, булочки с корицей по двадцать копеек за штуку. Но для школьников вход разрешен только дважды в неделю — по средам и субботам. Если без родителей. С родителями, конечно, хоть каждый день приходи...

Паша не посещал банк уже два месяца. Полгода назад заказал футбольный мяч из модифицированной кожи носорога — тридцать рублей, однако не получил. Игровую приставку, которая была практически у каждого одноклассника, ему не выдали, хоть он и просил ее трижды. В пяти рублях на мелкие расходы отказали. Мрачно!

Дима Голубев первым выдвинул теорию, что Ложкин вырастет неудачником. А может, вообще не дорастет до кредитоспособного возраста. Не прислать себе игровую приставку? Отказать в мяче или пяти рублях? Нужно быть или полным жмотом, или психом, или законченным бедняком. Ведь известно, что и характер, и способности, и коммуникабельность человека определяется тем, насколько комфортно ему жилось в детстве. А какой душевный комфорт может быть без игровой приставки, которая есть у всех?

И, тем не менее, Паша собрался в банк опять. Вместе с Димой и Андреем — скромным отличником, который заказывал себе исключительно оборудование и реактивы для опытов по химии. И получал все сполна, даже больше.

Едва прозвенел последний звонок с уроков, мальчишки ринулись в банк — обогнать всех остальных и не стоять в очереди. Иногда ожидание занимало почти час. Можно было, конечно, прийти и ближе к вечеру, но что за удовольствие слоняться по улице или ждать вестей из банка дома?

* * *

У ячеек связи не было никого. День выдался пасмурным, большинство учеников, видимо, предпочли заняться другими делами. Или уже получили все, что им нужно.

Ребята зарегистрировались у электронного столбика на входе, получили коды доступа и отправились пить кофе. Взяли по стаканчику. Андрей морщился над чашкой и был похож на молодого енота. В школе его дразнили «Кроликом» за очки, но прозвище «Енот» подошло бы ему куда лучше. Голубев пил кофе жадно, будто боялся, что отберут. Или спешил получить вторую чашку.

Двадцати копеек на булочку у Паши, конечно, не оказалось. Андрей — ему вдруг пришла такая блажь — решил угостить Пашу. Дима захихикал.

— Не окупятся твои вложения, Андрюха.

— Никакие не вложения, — нахмурился Андрей. — Меня родители учат: всегда делись едой. Мы же не в каменном веке живем.

— Именно, что не в каменном, — хмыкнул Дима. — И уже ясно, что из кого выйдет. Вот из Ложкина выйдет или неудачник, или жлоб.

— Может, мне просто нельзя в приставку играть, — предположил Паша. — Или я на футболе ногу должен сломать. А теперь не сломаю.

— Да, как же, — фыркнул Дима. — Будущее не изменишь. Суждено сломать — ломаешь. А если мяч, который у тебя в детстве был, самому себе зажать, можно вообще в тартарары провалиться. Так говорят.

— Я в себя верю, — через силу улыбнулся Паша. — Значит, так надо.

Но на душе скребли кошки. Можно, конечно, сделать вид, что никакой мяч тебе не нужен, а чудесная приставка, которая ночами снится, совсем неинтересна. Детская вещь! И на ароматные, хрустящие, сладкие, пышущие жаром булочки с корицей аллергия. Но себя ведь не обманешь...

Двадцать копеек скатились в монетоприемник автомата. Шваркнуло, стукнуло, зашипело, зашуршало — и булочка на одноразовой тарелке опустилась в окошко раздачи.

— Спасибо, — поблагодарил Паша. — В следующий раз я угощаю, Андрюха!

Жаль, что в следующий раз в банк, скорее всего, придется идти одному...

Загорелся зеленый огонек над ячейками связи. На табло высветился код.

— Мое! — заявил Голубев. — Пошел!

Из ячейки Дима извлек зеленую бумагу с одобрением покупки. И положил туда еще одну — заказ на теннисную ракетку. Не то чтобы он увлекался теннисом, но решил проверить — а вдруг ракетка и правда ему необходима? Вдруг он станет кру-

тым теннисистом и будет зарабатывать сто тысяч за участие в турнире? Паша слышал рассказ о ракетке три раза. Сам он перестал делиться с приятелями своими мечтами. Футболист из него явно не получится — судя по мячу. Денег на оплату кредита нет.

— Что получил? — поинтересовался Андрей.

— Десять рублей, — ответил Дима. — Учись, Ложкин! Ничего для себя не жалею.

— Мне, может, для другого деньги нужны, — философски заметил Паша.

— Может быть, — поддержал товарища Андрей. Он хотел рассказать еще что-то, но тут вновь загорелся зеленый огонек, и Андрей отправился получать извещение. Голубев поглаживал свое извещение на кредит и довольно мурлыкал.

Андрей вернулся быстро. Письмо банка уведомляло, что он получил сертификат на получение палладиевых катализаторов для экспериментальной опреснительной установки.

— Круто, — заметил Андрей. — Я думал, не хватит кредитоспособности. Палладий нынче в цене. Катализаторы рублей на триста потянут.

— Стало быть, через десять лет ты за них не меньше тысячи отдашь, — усмехнулся Дима. — Но нужны — значит, нужны.

Паша отправился к ячейке без особых надежд. И точно, его запрос на интерактивную энциклопедию о животных удовлетворен не был. На всякий случай Паша сунул в ячейку просьбу о роликовых коньках. Может быть, он станет крутым уличным фристайлером? Ячейка равнодушно слопала написанную на листочке в клеточку записку...

* * *

Паша немного постоял перед комплексом обработки данных. Занятно, конечно, что в будущее можно отправить только бумажный носитель информации. Не проще ли ввести команду на терминале, которая спокойно будет храниться в системе десять, пятнадцать или двадцать лет? Но заказ требовали бумажный. Именно бумаги переправляли в хранилище. Именно на бумаги приходил электронный ответ.

Представить себе процесс обработки заказа было легко. Пневматическим импульсом записку подхватывает из ячейки, несет в центр обработки. Там она ложится в специальную папку, на которой, наверное, напечатано: «Павел Олегович Ложкин, 26.10.2012 года рождения». Папка возвращается на свое место. И лежит, лежит, лежит... Лишь время от времени принимаемая в себя новые записки.

Дальнейшее представить было труднее, но интереснее. Лет через десять или пятнадцать, когда Павел Олегович получит образование и стабильный заработок, он зайдет в банк. И здесь ему предъявят записки от себя самого. Какие-то записки деловой Ложкин выбросит, усмехнувшись... Записку с просьбой о мяче — точно. Какие-то заказы, напротив, безропотно оплатит по цене, в десять раз превышающей нынешнюю. И платежное поручение пойдет сквозь время назад, в его детство...

Не сомневаться можно в оплате тех заказов, о существовании которых он помнит. Ведь не бывает так, чтобы человек не заплатил за вещь, которая у него была! Противоречие, и противоречие опасное. Хотя наверняка ведь находились те, кто отказывался платить — в порядке эксперимента? Что с ними стало?

Но так выглядела оптимистичная картинка. Пессимистичная тоже имелась. Вот Паша Ложкин, повзрос-

левший, обрюзгший, одетый в рваные засаленные тряпки, валяется где-то под временной эстакадой на прессованных кипах изоляционного базальтового волокна. Рядом с ним останавливается полицейская машина. И Пашу волокут в банк люди в форме, морща носы и отворачиваясь..

— Позаботьтесь о своем детстве в рамках государственной ювенальной программы, — предлагает ему лощеный клерк в строгом костюме. Ему неприятно общаться с Ложкиным, и он смотрит в сторону. Клерку заранее известен ответ, но он выполняет свои обязанности. — Оплатите заказы себя самого. Вот, не угодно ли ознакомиться?

— Мне жрать нечего, — угрюмо отвечает Ложкин из будущего. — Я двадцать копеек за булочку с корицей до сих пор Андрею должен. Какие игровые приставки? Какие мячи?

— Тогда мы устроим вас на социальную работу, — предлагает клерк. — Будете жить в социальном жилье...

— Нет! Я не хочу в тюрьму! — отчаянно кричит Ложкин, отталкивает клерка и бросается в прозрачное, отливающее голубым окном банка. Ему не хочется работать, он знает, что из программ социальной помощи не выйти и что этим себе не поможешь...

* * *

— Что, опять облом? — хмыкнул Дима. — Ничего, Ложкин, надейся, что ты просто жмот. Тебе вредно играть в приставку. И футбол вреден. Надо больше зубрить.

— Буду зубрить, — вздохнул Паша. — Что мне остается?

— Вот именно, ничего, — захохотал Дима.

— Ты говоришь об учебе так, будто это что-то плохое, — заметил Андрей.

— Нет, — вздохнул Паша. — Просто беспокоюсь. Никакой весточки из будущего... Может, мне и правда недолго осталось? И мои кредиты оплатить просто некому?

— Тебя разве мать не застраховала? — поинтересовался Андрей. — Страховка покрывает все кредиты.

— Застраховала. И обязательной страховкой, и дополнительной, и ультра-обеспеченной.

— Чего тогда бояться?

— Тогда нечего. — Дима ответил Андрею вместо Паши. Глаза его почему-то бегали. — Ладно, я побегу... Мне нужно светящихся стикеров купить. К Хэллоуину.

Не дожидаясь приятелей, Голубев выскочил из банка. Причем спешил так, что чуть не влетел в самооткрывающуюся дверь. Фотоэлементы едва успели сработать.

Паша с грустью взглянул на автомат с булочками. Пусть говорят, что, кроме корицы, они напичканы усилителями вкуса. Раз в неделю можно! Если бы были деньги.

Андрей вздохнул. Наверное, булочку ему тоже хотелось, а двадцать копеек он потратил на друга. И ведь очереди нет, булочек полно, кофе — хоть залейся! Во всем операционном зале они только вдвоем.

— Злой все-таки Голубев, — заметил Паша, чтобы прервать неловкое молчание. Выходить на холодный ветер не хотелось.

— Он боится, — тихо ответил Андрей. Нос его вновь сморщился, как у енота.

— Боится? Чего?

— Того, что в его случае как раз-таки сработал случай страховки. Он специально всякую ерунду заказывает. А ему все приходит, приходит... Деньги наличны-

ми редко дают. А тут — пожалуйста! Он мне как-то признался, что думает — его счета оплачивают в будущем родители. Чтобы его здесь не огорчать.

— Как это? — не понял Паша. — То есть не будет он ни теннисистом, ни бизнесменом? Зачем же тогда деньги на ракетки тратить?

Андрей хмыкнул.

— Ну, ты даешь, Ложкин! Думаешь, твоя мать пожалела бы денег для тебя, если бы знала, что ты умрешь через полгода? Или через год? Через два?

Паша задумался.

— Не знаю... Нет, наверное. Но зачем ерунду всякую покупать? Да у матери и нет больших денег. Мы одни живем. Отец не помогает, пособия нет.

С улицы раздался отчетливо слышный даже через закрытые двери визг тормозов, потом завывала полицейская сирена. Мальчишки побледнели.

— Вот оно, — выдавил Андрей. — Бежим.

Бежать совсем не хотелось. Но они все же выскочили на улицу. На углу огромный лимузин врезался в яркий электромобильчик. Выбравшаяся из электромобиля симпатичная девушка возмущенно кричала на бритого наголо водителя лимузина. Из-под капота лимузина раздавалось шипение — наверное, повредилась газовая турбина.

— Не он, — констатировал Паша.

— Хорошо, — заметил Андрей.

— Еще бы! — Паша рассмеялся. — Хоть он и противный, а жалко.

— Ему тебя тоже жалко. Но он вида не подает.

— Меня-то что жалеть? — вздохнул Паша.

— Думаешь, я не понимаю, как это — жить без приставки? У меня-то есть. Только играю я редко. Хочешь — приходи на следующей неделе, погоняем вместе. Как раз каникулы.

— Обязательно, спасибо.

★ Андрей и Паша жили в соседних домах, поэтому по улице побрели вместе.

— Все-таки повезло нам, — заметил Андрей.

Паша вспомнил о Голубеве и кивнул.

— Повезло! А ты как считаешь, у меня тоже все получится?

— Получится, конечно, — наморщил нос Андрей. — Но я не об этом. Программу кредитования для тех, кто старше двенадцати, всего год назад открыли! Если бы не она, я бы свой опреснитель не построил.

— Думаешь, заработаешь на нем в будущем?

— Уверен! Иначе откуда бы деньги на палладий? Триста рублей! У меня отец столько за месяц зарабатывает!

— Моя мама вдвое меньше, — вздохнул Паша.

— Моя тоже, — попытался утешить товарища Андрей, но получилось как-то не очень утешительно.

Андрей свернул к двадцатичетырехэтажной башне, в подъезде которой сидел настоящий живой консерж. Паша повернул к своему девятиэтажному панельному дому, размышляя, починили ли освещение в подъезде. Датчик движения светильника на первом этаже в последнее время барахлил и никак не хотел замечать людей, входящих в дом. Без света в подъезде было неуютно...

* * *

Мама сидела на кухне и плакала.

— Что случилось? — взволновался Паша. — Мама, ты чего?

— Ничего, — сквозь слезы ответила мать.

— Что-то написали? Про меня?

— Ах, сынок... Про тебя, про меня... Анализы пришли. Все очень плохо.

— Но ведь они обещали вылечить!

— Куда там... Операция стоит пятьдесят пять тысяч. Ты представляешь, что это за деньги?

Паша всхлипнул. Сумма и правда впечатляла. Таких денег и у родителей Андрея нет. Электромобиль стоит втрое меньше...

— По льготной программе я договорилась. За половину цены. Но и двадцать семь с половиной тысяч нам никогда не дадут. Никогда!

Паша не выдержал и расплакался по-настоящему. Мать поднялась, прижала его к себе, прошептала дрожащим голосом:

— Ты не плачь. Может, еще все и обойдется. Все будет хорошо, сынок!

— Почему ты не застраховалась, мама?

— Когда молодая была, не думала над этим. А потом с моим диагнозом страховку не давали. Страхуют ведь не благотворительные организации.

— А какие?

— Коммерческие. Они деньги зарабатывают, а не тратят. Ладно, сынок, иди, уроки учи.

— Я сбегая сначала к Андрею? Он обещал мне для практикума марганца отсыпать. Ему родители три пакета купили.

Мать сильно сжала плечо Паши.

— Беги, сынок... Беги...

* * *

Паша выскочил из темного подъезда как ошпаренный. Зачем ему марганец? Зачем Андрей? Какие могут быть практикумы? Ерунда, все ерунда! Что он будет делать без матери? Как жить?

Банк еще не закрылся. Паша бежал по улице, не глядя по сторонам. У него теперь было только одно

желание: получить деньги на лечение мамы. Ведь он из будущего может помочь себе! Наверное, поэтому он и не давал самому себе денег на приставки, на мячи, на другую ерунду. Ведь он знал, что мать заболит! Точнее, будет знать там, в будущем. А пятьдесят пять тысяч — огромная сумма. И двадцать семь с половиной тоже. Лишь бы у него хватило сил столько заработать! Через десять лет или через двадцать! Да хоть до пенсии!

Вот и огромный хрустальный стакан банка. Двери открылись, у автомата с булочками Паша увидел нескольких ребят и девчонок из своей школы. Все они ждали очереди. Паша подошел к электронному столбику. Вроде бы не запрещалось заказывать обслуживание еще раз. Но главное не это... Ему некогда было ждать! Ему срочно нужны были деньги! И ведь он в будущем об этом знал! Но формальности банка все равно могли отнять у него три дня, или неделю, или десять дней...

Паша нажал сенсор вызова дежурного клерка.

— Здравствуйте! — дрожащим голосом проговорил он. — Мне срочно нужно обслуживание по самому быстрому тарифу.

— Вы не шутите, молодой человек? — отозвался импозантный мужчина — совсем такой, как представлялся Паше в его фантазиях о будущем. — Вы уверены в своем желании получить обслуживание по супертарифу с суперскоростью? В этом случае к сумме оплаты за кредит будет добавлен один процент, но не более двадцати пяти рублей.

— Да! Я согласен! — выдохнул Паша.

— Пожалуйста, пройдите к ячейке. Код доступа на экране. После того как вы сделаете заказ, вас обслужит специалист банка. О времени будет сообщено дополнительно.

Паша подошел к ячейке, вложил в нее записку самому себе. «Павел, маме совсем плохо. Давай ее лечить. Пусть она проживет хотя бы на год или на два больше. Нужно двадцать семь с половиной тысяч. Если ты не дашь денег, я сейчас пойду и с моста прыгну. И у тебя не будет никакого будущего Мне все равно, что у тебя за взрослые соображения! Плати!»

Ячейка пискнула, зашуршала. Табло сообщило, что к электронному столбику нужно будет подойти через пятнадцать минут. Паша вышел на улицу — освещаться. Лоб горел, в ушах стучало. Сейчас все решится... И почему в здешнем автомате только бесплатный кофе? Лучше бы поставили кулер с холодной водой!

* * *

Ветер дул порывами, бросал в лицо сухую пыль, гнал по тротуарной плитке коричневые засохшие листья. Паша думал. Вот он — момент истины. Если он в будущем не заплатит денег за лечение матери — значит, нужно и правда прыгнуть с моста. Но если он прыгнет с моста — в будущем наверняка некому будет заплатить за лечение матери! Замкнутый круг.

Допустим, он не заплатит и не прыгнет. С ним ничего не случится. Мама будет продолжать болеть и умрет. Он будет жить дальше, получать социальное пособие. Может быть, даже поступит в университет, как сирота. Но там, в будущем... Когда к нему придет собственная записка. Неужели он сможет отбросить ее в сторону? Неужели он станет такой сволочью? Тогда лучше и впрямь не жить!

Маршрутка промчалась мимо, заискрила на повороте — слетела с троллеи штанга. Рыжая девушка вы-

скочила на дорогу, стала подтягивать штангу к проводу. Паша вспомнил, что видел объявление: можно пойти водителем маршрутного такси с восемнадцати лет. А платят там двести рублей. Плюс премии. Лет за сорок можно погасить кредит... Особенно если начать в восемнадцать лет. Нет, не то! Двести рублей ему не помогут! Надо думать. Думать! И учиться.

Паша достал коммуникатор, начал просматривать объявления о работе. Служба по контракту... Что ж, это выход. Тяжело, опасно, но платят. Нужно хорошее здоровье и быстрая реакция. Еще... Юрист. Вообще отличное предложение. Но нужен опыт, нужно образование... Экономист. Деньги поменьше, вакансий побольше. Инженер-технолог. Есть интересные предложения, но такая работа лучше подойдет Андрею. Хотя тот метит выше...

Из банка вышла Даша Жарова, тронула Пашу за рукав.

— Чего тебе? — грубо бросил Паша.

Даша ему всегда нравилась, но какая сейчас Даша? Не до этого. Можно сказать, что девчонки остались в прошлом. Нужны деньги!

— Ты странный какой-то. Заболел? Может, «Скорую» вызвать?

— Нет. Все в порядке. Спасибо.

— Точно?

— Да точно, точно! Не мешай, пожалуйста!

— А чем ты занят?

— Думаю.

— Ну, думай, — обиделась девочка и пошла прочь. Каблучки красных сапожек сердито застучали по плитке.

Эх, если бы получить кредит! Можно бы Дашу в кино пригласить... Хотя какое кино? Каждая копейка на счету!

Паша едва не заплакал опять. Даже если маму удастся спасти, жизни у него уже не будет. Работать, работать и работать. А если нет — тогда вообще все. Вот и решай...

Через пятнадцать минут электронный столбик сообщил Паше, что за ответом он может прийти завтра, в пятнадцать часов. Совсем как взрослый... И называли его Павлом Олеговичем...

Собственно, он теперь и есть взрослый! Но почему же так долго ждать? Проклятые бюрократы!

* * *

Ночью Паша спал плохо. Вставал несколько раз, слушал, как дышит мама. Дышала мама хрипло, временами включала у себя в комнате свет и пила лекарство. Иногда плакала, потом заходила в комнату к Паше, поправляла одеяло. В это время Паша притворялся спящим. А вдруг завтра отказ? Что он тогда скажет матери? Извини, я не захотел тебе помочь? Собственная шкура, собственные удовольствия оказались мне дороже тебя? Я оказался слаб? Не таким его воспитывала мама...

На первом уроке было совсем не до учебы. Как можно учиться, когда нужно работать? Но, если разобраться, лучше все-таки учиться. Пусть Павел Олегович зарабатывает деньги. А Паша должен подготовить Павлу Олеговичу почву для хорошей работы. В тандеме они смогут помочь матери. Сами по себе — вряд ли. Поэтому — вперед! Только вперед!

Паша понимал, что ему нужна помощь взрослого человека. Но что может быть лучше, чем своя собственная помощь? Надо было ждать. Ждать и учиться.

На втором уроке Паша собрался и решил задачу по математике быстрее всех. На перемене выгучил параграф по биологии, которой не занимался вчера, и ответил на «отлично». Дима Голубев хохотал и показывал на Пашу пальцем — в «ботаники» решил переквалифицироваться. Паше было все равно. Обращать внимание на насмешки человека, которому в ближайшее время суждено умереть — по-детски. А он уже взрослый. На перемене Паша подошел и сказал Диме несколько добрых слов, отчего тот едва не бросился на него драться. Не поверил, что Паша серьезно.

В разговоре с Андреем Паша невзначай бросил, что в три часа ему идти в банк. Андрей, добрая душа, предложил проводить его. Но Паша только покачал головой. Андрей только помешает. Хорошо, если Павел Олегович из будущего согласится дать денег. А что, если отказ?

Час после окончания занятий Паша бродил по школьному двору. Собирал уже вымазанные, сморщенные каштаны. Загадал — если наберет за десять минут сто — получит кредит из будущего. Набрал сто два. Только под ногти забилося много грязи.

Каштаны Паша спрятал на цветочной клумбе. Если кредит дадут, можно будет пойти в рощу и все их посадить. Хорошее дело...

Звякнул коммуникатор. Без пятнадцати пятнадцать... Паша зашагал в банк.

* * *

У электронного столбика толпились серьезные люди, бизнесмены. На мальчишку, зашедшего в банк во внеурочное время, некоторые из них взглянули с интересом, но большинство просто не заметили. По-

вернули головы в его сторону только тогда, когда электронный диспетчер вызвал мальчика в обход других. Павел Олегович Ложкин, просим к ячейке!

Паша подошел. Медленно, задержав дыхание, открыл ящичек ячейки. Сейчас. Сейчас. Если там пусто — все. Если что-то есть... Только бы что-то было... Только бы...

Есть! Зеленый конверт показал уголок. Паша резким движением едва не вырвал ячейку. Схватил конверт. Отбежал в сторону. Дрожащими руками распечатал.

«Банком одобрен кредит на двадцать семь с половиной тысяч рублей».

Да!

Да!

Да!

Паша вновь заплакал. Он будет человеком! Он отдаст кредит! Он спасет свою мать!

«Для получения денег обратитесь к менеджеру Василию Потапову. Второй этаж, кабинет 24».

Эскалатор вознес Пашу на второй этаж — туда, где никто из ребят никогда не был. Молодой мужчина изучил содержимое конверта, покивал.

— Вы ведь пока некредитоспособны. Вы уверены в том, что в будущем подпишете все соответствующие обязательства?

— Я уверен. Я клянусь! Я обещаю! Конечно, подпишу.

— Кредитная история у вас хорошая... Точнее, ее нет. Обременений нет. Ограничений нет. Как вы желаете получить сумму? Наличными? На счет? Переводом на какую-то конкретную цель?

— Переводом, — выдохнул Паша. — Со скидкой по налогам за благотворительность. Только узнаю у мамы реквизиты.

— Отлично. Не спешите. Узнайте все точно.

— Мне надо спешить. Чем быстрее маме сделают операцию, тем лучше.

— Тогда поспешите! — улыбнулся мужчина. — Успехов!

* * *

Из банка Паша вылетел, словно у него выросли крылья. Увидеть бы сейчас Дашу, извиниться за вчерашнюю грубость, угостить мороженым. Рассказать Андрею, что у него все будет хорошо. Что ему выдали кредит в двадцать семь с половиной тысяч! Не каждому такой дадут! Но мама! Главное — мама! Теперь у мамы все будет хорошо!

Пусть у него нет денег на мороженое и плюшевого медвежонка для Даши. Пусть он не может угостить булочкой с корицей Андрея. Пусть, наконец, он ничего не купит себе. Самое главное дело в своей жизни он почти сделал!

Спасибо тебе, Павел Олегович Ложкин! Спасибо тебе, банк! Спасибо, великий изобретатель и банкир Нурье! Как без тебя банкиры узнали бы, что Ложкин из будущего будет платить? Как все здорово! Какие все замечательные! Ведь мама будет жить!

* * *

Младший менеджер Потапов зашел к директору отделения банка сразу после того, как от него, сияя от счастья, выбежал Ложкин.

— Приятно, конечно, помочь мальчику, Виктор Борисович, — заметил он. — Но вы так легко гарантировали его кредит своей подписью. Уверены, что деньги отобьются?

— Под двадцать процентов? Через пятнадцать лет? Отобьются, — усмехнулся директор. — Парень хороший. Сегодня, в такой тяжелой жизненной ситуации, — две пятерки. Умеет работать. Стойкий. Целеустремленный. Ну и анализ всей прочей деятельности показал — отдаст. Тем более, ситуация давно просчитана. На глупости ему тратиться не давали — знали, что с матерью проблемы.

— Гарантийного письма ведь нет, — заметил Потапов.

— В каком смысле? — удивился директор.

— Телеграфного. Из будущего. Я, когда дело оформлял, копии сообщения не обнаружил.

Виктор Борисович расхохотался.

— Кого к нам присылают! Вася! Ты же у нас целый месяц работаешь!

— И что? Я таких крупных кредитов еще не оформлял...

— Ты что, на самом деле верил в то, что мы показываем в рекламных роликах для привлечения клиентов?

— То есть? — не понял Потапов.

— Ты полагал, что мы имеем прямую связь с будущим?

— Ну... Наверное! Почему нет? Нурье...

— Да нет никакого Нурье! Заглянуть в будущее и получить оттуда информацию физически невозможно, дорогой!

— В самом деле?

— Представь себе! Все эти «одобрения из будущего» — рекламный трюк. Плюс мотивировка кредитополучателей. Каждому приятно осознать, что в будущем он будет обеспеченным и успешным. Особенно школьникам. Да и сделают ребята для того, чтобы быть преуспевающими, много. Поэтому программа и получила поддержку на государственном уровне.

— Но кредиты...

— Нужно только все правильно рассчитать, заручиться согласием родителей. И готово!

— Рассчитать? Каким образом?

— Математически! Наши компьютеры анализируют всю информацию о будущих заемщиках. Благо, она вся на виду и почти вся доступна. Какие оценки получает ребенок в школе? Как делает домашние задания? В какие игры играет? На какие сайты заходит? Что заказывает? Кто у него родители? Чем занимаются? Чем болеют? Склонны ли к труду? Мы знаем человека лучше, чем он сам! На основании всех полученных данных делается прогноз, будет ли человек платить по кредиту, сможет ли заработать нужную сумму. Только и всего. Несчастный случай покроет страховка. Ее стоимость включена в проценты по кредиту.

— То есть нет секретной машины, связывающей наш банк с нашим банком спустя десять или двадцать лет? Телеграфа во времени? Строчки из будущего?

— Нет. Есть суперкомпьютер, который предсказывает будущее с достаточной степенью надежности. Есть дела заемщиков. И интуиция. Опыт! В классе Ложкина — который, кстати, в ближайшее время начнет работать на нас, не покладая рук — учится Андрей Скоробогатов. Я лично открывал ему линию льготного кредитования. И без компьютера понятно, что с парня будет толк. Нужно только помочь!

— Но тогда... — Потапов начал и замолчал.

— Что?

— Когда я дежурил оператором по наблюдению за клиентами, я слышал разговор ребят... Ваш самый умный Андрей сказал, что их приятелю — Диме Голубеву — крышка. Ему все покупают родители, потому что сработала страховка. Он погиб в недалеком будущем...

Виктор Борисович с удивлением и даже некоторым разочарованием взглянул на подчиненного.

— Я же тебе все объяснил, Василий. Желаю Дмитрию Голубеву всяческих успехов и долгих лет жизни. Его родители балуют, оплачивают все траты сразу. Без оформления кредита. Не хотят вешать на парня ярмо. Банк берет только половину процента за обслуживание. Но мы и половине процента рады. Хороший мальчик Голубев, только раздражительный. Пусть больше заказывает.

— Наверное, надо сообщить Диме, что ему ничего не грозит! Он переживает...

— Школьные легенды часто бывают яркими и убедительными, — заметил директор. — Многие и привидений боятся. Что же дальше? Ты со всеми будешь беседы проводить?

— Нет. Спасибо... Я вас понял.

— Надеюсь, вы поняли и то, что развеивать миф о самокредитовании тоже не рекомендуется? — почти строго поинтересовался директор.

— Но что будет, когда правда всплывает наружу?

— Ах, Василий... Мы даем кредиты и проводим яркую рекламную кампанию. Читай мелкие строчки в конце каждого нашего буклета... Мы не нарушаем законы! В прошлом году Думой по многочисленным просьбам граждан принята финансовая ответственность с двенадцати лет, на чем и построена наша программа. А наши кредиты — безусловно доброе дело для детей. Но в первую очередь — для банка. Разве ты так не считаешь? Человек должен работать, и мы заставим его работать. За удовольствия надо платить. А теперь работать, Вася, работать! У тебя кредитов на пять тысяч? Вперед, счетчик тикает!

КРУГОСЧЁТ

На четвёртый день осьмины талой воды старому Рябиннику подошёл срок. Разменял Рябинник уже восемь полных кругов и три доли девятого, мало кто жил так долго.

Замужние дочери Рябинника с утра накрыли во дворе отцовского жилища столы. Натаскали снеди из погребов, выставили хмельную настойку из винной ягоды. Сельчане подходили один за другим, скромно угощались, кланялись недвижно сидящему на крыльце Рябиннику и убирались по своим делам. В какой час настанет срок и как он настанет, не знал никто, даже Видящая, срок этот назвавшая. Однако в том, что умрёт Рябинник именно сегодня до полуночи, сомнений не было. Видящие никогда не ошибались. И если сказано было «срок твой на четвёртый день осьмины талой воды» — ровно в этот день срок и наступал.

Кругосчёт пришёл проститься с Рябинником к полудню, когда светило преодолело уже половину пути от одного края земли до другого и водворилось по центру неба. Был Кругосчёт в движениях нескор, взглядом строг и речью немногословен, как и подобало второму человеку в селении после Видящей. Ещё был он сухопар, жилист и богат ростом. Спустившимся с неба и поселившимся на склоне заречного холма великанам доставал до пояса. А ещё был Кругосчёт бесстрашен и, единственный из сельчан, перед великанами не робел, а говорил с ними запросто и чуть ли не на равных. И, наконец, сроку отмерено

было ему вдоволь — целых девять кругов, из которых прожил неполных четыре.

Пригубив хмельной настойки из глиняной плошки, Кругосчёт, как и прочие, поклонился, затем отставил плошку в сторону и направился к Рябиннику.

— К ночи, видать, снег будет, — сощурившись на неспешно ползущие от южного края земли тучи, сказал тот. — Не забыть бы завтра...

Рябинник осёкся, зашёлся в кашле. Справившись, утёр рукавом выступившие на глазах слёзы.

— Оговорился, — глухо пояснил он. — Не хочется умирать.

— Никому не хочется. — Кругосчёт кивнул сочувственно. — Но что ж поделать, от срока не уйдёшь.

С минуту он постоял молча, повспоминал, как уйти пытались. Долю назад, в осьмину доброй охоты, Камень укрылся в яме, которую стал рыть в лесу за долго до срока и каждый день углублял. Когда срок настал, сыновья покрыли яму дощатым настилом и встали вокруг с копьями на изготовку. За три часа до полуночи Камень был жив и подавал голос, а потом враз замолчал. Когда настил откинули, нашли его лежащим навзничь с обвившей шею земляной змеей, гадиной ядовитой и беспощадной. Были и другие. Листопад заперся в хлеву, заколотил двери и окна, законопатил мхом щели в стенах. И задохнулся в дыму, когда вдруг загорелось сено. Старую Осоку убила небесная молния, её сноху придавило упавшим деревом, по-всякому бывало. А чаще всего срок настаивал сам по себе — падал человек, где стоял.

— Просьба к тебе есть. — Рябинник заглянул Кругосчёту в глаза, замялся. — Ива, младшенькая моя... Пятнадцатая доля ей пошла. На осеннее равноденствие... — Рябинник не договорил.

Была Ива поздняя, на семнадцать долей моложе младшей из сестёр. Мать её, Рябинника жена, скончалась родами, а теперь оставалась Ива полной сиротой. На осеннее равноденствие, девятнадцатый день осьмины палой листвы, Видящая назовёт ей срок, и день спустя нарядится Ива в белое на праздник невест. От женихов отбой не будет — ладной выросла Ива, весёлой и работающей.

— Я понял тебя, — кивнул Кругосчёт. — Я позабочусь о твоей дочери. Пригляжу, чтобы хорошему человеку досталась. Пойду теперь.

Вечером выпал снег, этой весной, по всему судя, последний. К полуночи он ослаб, а затем и прекратился вовсе. Кругосчёт выбрался на крыльцо. Было морозно, с реки задувал порывами колючий ветер, блуждал, посвистывая, между жилищ и уносился к лесной опушке. Селение спало, лишь в окне стоящего наособицу жилища Видящей мерцал огонёк.

Кругосчёт постоял недвижно, через прорехи в тучах разглядывая звёзды, затем поёжился и плечом толкнул входную дверь. Замер, услышав шорох за спиной. Обернулся медленно, взгляделся в темноту.

— Это я, Ива, — донёсся тихий девичий голос. — Отец умер. Он перед смертью сказал...

Ива замолчала. Кругосчёт, неловко потоптавшись на крыльце, настезь распахнул, наконец, входную дверь и пригласил:

— Входи. Есть хочешь?

* * *

Поднялся Кругосчёт, едва рассвело. Стараясь не шуметь, свернул брошенные на земляной пол звериные шкуры, на которых спал. Прибрал в сундук и, осто-

рожно ступая, двинулся на выход. В дверях остановился, обернулся через плечо. Ива, разметав длинные золотистые пряди, тихонько посапывала на его постели. Кругосчёт внезапно ощутил ноющую боль в груди, тряхнул головой, шагнул через порог и прикрыл за собой дверь. Девушка была хороша, чудо как хороша была девушка. Кругосчёт вздохнул, боль в груди улеглась. Не про него. Кругосчёты обречены на безбрачие, и быть с женщиной им положено дважды в жизни. Когда настанет первый срок, он придёт в жилище Видящей, и от их встречи родится на свет новый Кругосчёт. А потом наступит второй срок, они встретятся вновь и зачнут Видящую. Так было испокон веков, так есть и так будет. Быть Кругосчётом — большая честь. Быть Кругосчётом — большое несчастье.

Снег начал уже подтаивать, Кругосчёт, оскальзываясь, пошёл по селению, пересекая его с юга на север.

— Пятый день осьмины талой воды! — зычно выкрикивал Кругосчёт. — Пятый день осьмины талой воды!

Обход он совершал каждое утро, с того дня, когда настал срок его отцу. И будет совершать, пока не придёт срок ему самому, и тогда обходить селение по утрам станет новый Кругосчёт. Его ещё не рождённый от Видящей сын.

Селение просыпалось. Один за другим выбрались из жилищ и двинулись к лесу охотники. Земледельцы потянулись к кузнице — предстояло готовить плуги и бороны к наступлению осьмины новой травы. Жёны земледельцев заспешили на утреннюю дойку. И лишь дети, те, которым не сровнялось ещё пятнадцати долей, сладко досыпали в тепле.

Ива тоже ещё спала, когда Кругосчёт вернулся. Замерев в дверях, он смотрел на неё, только на этот раз ноющей боли в груди не было. А была вместо неё мрачная серая хмарь, словно забрался в Кругосчёта болот-

ный туман и теперь хозяйничал в нём, марал внутренности перепрелой и мутной взвесью.

— Поживёшь пока у меня, — распорядился Кругосчёт, когда уселись за стол. — Я сейчас уйду, вернусь к вечеру, эту ночь посплю на полу, новый топчан сколочу завтра.

— К великанам пойдёшь? — не поднимая глаз, тихо спросила Ива.

— К ним.

— Возьми меня к великанам.

Кругосчёт поперхнулся ячменным взваром. Великанов страшились даже самые храбрые охотники. Были те уродливы телами, страшны лицами и по-человечески говорить не умели. Говорила за них, косноязычно коверкая слова, железная коробка, и как она это проделывала, было неизвестно. Впрочем, Кругосчёт постепенно привык — мало ли чудес на свете. К примеру, как Видящие определяют сроки, тоже никому неизвестно. Видят, потому что видят. Так же как коробка говорит, потому что говорит.

— Нечего тебе делать у великанов, — нахмурился Кругосчёт. — Я думаю, что и мне у них делать нечего.

Душой он не покривил. Толку от бесед с великанами было немного. Рассказывали они о себе вдоволь, но что именно рассказывали, понять было невозможно. Зато вопросов задавали изрядно, а ответам явно не верили, потому что без усталости спрашивали одно и то же, словно стараясь поймать Кругосчёта на вранье.

Была, однако, причина, по которой он продолжал проделывать неблизкий путь к заречным холмам. Великаны считали круги не так, как обычные люди, и счёт их, называемый несуразным словом «календарь», был неизменно занятен. Великан с не менее несуразным именем «Григорьев» о «календаре» был готов рассуждать часами. Так же, как Кругосчёт часами был готов слушать.

* * *

Линарес навёл оптику на неспешно шагающего от опушки к станции аборигена, опознал и обернулся к напарнику:

— Принимай гостя.

Григорьев подошёл к окну. Лес обступал станцию со всех сторон. Григорьев вспомнил, как впервые подлетал на вертолёте, сразу после приземления посадочного модуля. С борта разбитая на склоне холма станция показалась ему выпученным бельмастым глазом на врытом в землю, посечонном пробившейся травой исполинском черепе.

Лес был строгим, величественным и непролазным. Сказочным. И аборигены статью походили на сказочных гномов, а в лицах их было нечто гордое, львиное и вместе с тем умиротворённое, благостное.

— Сказочная цивилизация, — озвучил мысли Григорьева Линарес. — Мы уже, считай, тут полтора местных года, а я всё не перестаю удивляться.

Григорьев кивнул и двинулся к выходу встречать гостя. И действительно, историки и социологи разводили руками, когда речь заходила о местной цивилизации. Ведущей отсчёт лет от некой Первой Видящей, до которой якобы был хаос.

Раса, не знающая войн. Не владеющая письменностью и, тем не менее, ведущая счёт годам, переваливший уже за десяток тысяч и с точностью передаваемый из уст в уста. Раса, не знающая даже религии, если не считать за таковую пиетет к видящим, судя по всему, аналогам земных колдуний и ведьм. Впрочем, в отличие от ведьм, врачеванием видящие не занимались, наговорами, порчами и приворотами — тоже. А занимались, с точки зрения станционного персона-

ла, сущей ерундой и цыганщиной — гаданием на кофейной гуще.

От приглашения посетить станцию гость, как обычно, отказался. От угощения тоже. В результате расположились, как всегда, в сотне метров от входа. Григорьев подключил транслятор и уселся, скрестив ноги, на траву. Аборигена интересовал именно он, физик и астроном. Линарес, этнолог, историк и лингвист, никакого любопытства у визитёра не вызывал. Впрочем, само понятие «любопытство» было к аборигенам, пожалуй, малоприменимо. Так же, как понятие «этика». Новая встреча начиналась, словно предыдущая завершилась минуту назад — лёгкий кивок, и никаких вербальных приветствий, рукопожатий или вопросов о здоровье. Которое аборигенов не интересовало тоже, а понятие «смертельные заболевания» так и вовсе отсутствовало в языке.

Несмотря ни на что, Григорьеву беседы с неторопливым и немногословным аборигеном нравились, и был симпатичен он сам. Спроси его, Григорьев не сказал бы почему.

— В прошлый раз ты говорил, что вы нас боитесь, — начал Григорьев. — Но не объяснил причину.

— Бояться не знать, — после полуминутного раздумья сообщил гость. — Знать не бояться.

Григорьев подавил желание выругаться. Линарес постоянно обновлял в трансляторе библиотеки и подгружал анализаторы данных. Качество перевода, однако оставалось скверным.

— Вы боитесь не узнать про нас? — уточнил Григорьев. — Если так, задавай любые вопросы, я отвечу.

— Нет вопросы. Нет будущее.

Следующие полчаса ушли на выяснение того, что означает «нет будущее».

— Ты хочешь сказать, — разобрался, наконец, в сути вещей Григорьев, — что ваши Видящие не спо-

собны раскинуть на нас карты, так? Прочешь линии руки или что они там у вас делают?

— Видящая не видит, — подтвердил абориген. — Круги нет. Доли нет. Осмины нет, есть дни, но другие.

— Ладно, — Григорьев махнул рукой. — Ты хочешь, чтобы я по новой рассказал тебе про календари?

Абориген закивал. Григорьев вздохнул и стал рассказывать, напроочь не веря, что его хоть на малую толику понимают. Да и как можно понять, к примеру, про фазы Луны, когда у этой планеты нет спутников. Или про знаки Зодиака, когда здесь другое звёздное небо. Тем не менее, он добросовестно принялся растолковывать системы летоисчисления, разжёвывать отличие юлианского календаря от григорианского, а шумерского — от славяно-арийского. Абориген с непроницаемым лицом слушал. Потом поднялся и, как обычно, не попрощавшись, пошёл прочь.

* * *

— Двенадцатый день осмины новой травы! — Кругосчёт привычно пересекал селение с юга на север. — Двенадцатый день осмины новой травы!

Закончив обход, он повернул к своему жилищу. Ива наверняка уже встала и теперь занята приготовлением пищи. Сразу повелось так, что она хозяйничала — стирала, готовила, наводила чистоту. Ждала вечерами. А после ужина устраивалась напротив, просила рассказать что-нибудь и жадно слушала, не отрывая глаз. Ива... Кругосчёт улыбнулся при мысли о ней, потом нахмурился. Остановился, утёр со лба внезапно пробившуюся испарину. Ива стала сниться ему по ночам. А наяву, стоило Кругосчёту посмотреть на неё, его окатывало жаркой волной, и закипала кровь, жже-

ной охрой крася щёки и заставляя твердеть плоть. То бесилась, бунтовала в нём мужская сила, та, которую Кругосчётам положено бережно хранить, чтобы дважды наполнить ею Видящую.

До осеннего равноденствия ещё без малого половина доли. Кругосчёт не знал, как проживёт этот срок под одной крышей с девушкой. С каждым днём желание в нём становилось всё сильнее, а скрывать и сдерживать его — тяжелее и мучительнее. Кругосчёт бранил себя за неосторожно данное покойному Рябиннику слово. А когда думал о дне равноденствия и предстоящем на следующий день празднике невест, сердце заходило болью, сами собою сжимались кулаки, и набухал, мешая видеть, перед глазами туман.

Ива успела собрать на стол, и Кругосчёт, стараясь не встречаться с ней взглядом, уселся завтракать.

— Расскажи мне про счёт кругов, — попросила Ива, когда он насытился.

Кругосчёт принялся рассказывать. О том, что отсчёт начался с Первой Видящей, до которой в мире царил хаос. О том, что в круге восемь долей, в каждой доле по восемь осьминок, и в каждой осьмишке по сорок пять дней. И о том, что раз на круг бывает ещё одна осьмишка — девятая, называемая осьмишкой пропавших дней. И о том, откуда кругосчёты знают, когда начинается девятая осьмишка и сколько длится.

— А что будет, если Кругосчёт ошибётся? — спросила Ива.

Кругосчёт ответил не сразу. Однажды ему довелось сделать ошибку. Круг и четыре доли назад он обсчитался — пропустил шестой день месяца доброй охоты. В этот день наступал срок старому Камышу. И — старик не умер, прожив лишние сутки. А Видящая тем же днём слегла с хворью и поправлялась потом долго

и мучительно, с укором глядя на Кругосчёта, не отходившего от её постели.

— Кругосчёты не ошибаются, — солгал он. — На точности счёта стоит мир.

— Почему?

Кругосчёт задумался. Такой же вопрос задавал недавно великан Григорьев. Кругосчёт тогда не сумел ответить. Почему светило восходит на востоке и закатывается на западе? Почему земля плоская и круглая, как тарелка? Почему тучи летом плачут дождём, а зимою рассыпаются снегом? Кругосчёт не знал. Он знал лишь, что так было, есть и будет. И что всему в мире приходят сроки, и мир этот стоит, пока есть видящие, которые знают, на какой день выпадет срок, и кругосчёты, которые знают, когда этот день наступит.

— Мир состоит из случайного и определённого, — попытался объяснить Кругосчёт. — Он тем прочнее, чем случайного меньше, а определённого больше...

* * *

— Ты нехорошо выглядишь, друг мой, — озабоченно сказал Григорьев, разглядывая гостя. — Не заболел, часом?

Визитёр и вправду выглядел не так, как обычно. Кожа обтянула щёки и словно посерела, а спокойные карие глаза глядели устало.

— Нет болеть, — ответил абориген. — Хотеть женщина. Плохо.

— Вот оно в чём дело, — понял Григорьев. — А она не хочет, да? Это не беда, дружище. Женщин много.

— Беда, — возразил гость. — Хотеть одна женщина. Долг другая.

— Тоже мне невидаль, — снисходительно усмехнулся Григорьев. — Я, если хочешь знать, в такой ситуации бывал неоднократно. И ничего, выкрутился. Главное, чтобы жена не узнала. Ну, или муж, по обстоятельствам. Как там у тебя насчёт этого?

Абориген не ответил, и расспрашивать о прочих подробностях Григорьев не стал.

— Мы здесь уже почти два местных года, — говорил он вечером Линаресу, — а знаем об этой расе всего ничего.

Линарес кивнул. Историки уверяли, что здешняя цивилизация чуть ли не абсолютно статична, а уклад за сотню последних веков практически не изменился. Характерная для мыслящих существ тяга к исследованию окружающего мира у аборигенов отсутствовала. Почему — выяснить не удалось.

— Мне сдаётся, есть что-то, коренным образом отличающее их от нас, — задумчиво поведал Линарес. — И это «что-то» мы попросту не видим, оно или слишком необычно, или чересчур эксцентрично для нашего менталитета. А для них — привычная вещь. К примеру, отсталым расам свойственно обожествлять наблюдателей с Земли. Здесь же к нам относятся, видимо, как к явлению природы. Побаиваются, осторожничают, но не более того.

— Насколько я понял нашего местного приятеля, тому причиной Видящие. Они якобы нас здесь чуть ли не ждали. Да и коллеги на других станциях считают, что дело в Видящих. Судя по всему, они поднапорели в манипуляциях с местными мифологическими представлениями и подгоняют их под реальность. Нечто вроде того, что на Земле проделывали астрологи, спекулировавшие на толковании гороскопов.

* * *

— Семнадцатый день осьмины палой листвы!

Закончив обход, Кругосчёт устало побрёл к своему жилищу. До равноденствия оставалось два дня. На третий будет праздник невест, и тогда... Холостые охотники и земледельцы ещё с весны зачастили в гости. Всяк спешил отдать положенную Кругосчёту делятину с охоты или с урожая. Прошлыми долями он такого рвения не замечал.

Кругосчёт присматривался. Обещание приглядеть, чтобы Ива досталась хорошему человеку, он дал, теперь предстояло его выполнять. Вопреки тому, что не давало ему покоя. Вопреки всему.

— Копьемёт знатный охотник, — говорил он Иве, выпроводив очередного гостя. — Сильный, ловкий, нетрусливый. Или Гречишник — справный хозяин, рачительный. Молодой Ландыш тоже надёжный и работающий, и нрав у него покладистый.

— Никого не хочу. — Ива отворачивалась к окну, розовела щеками.

— Хорошо. Может быть, один из Лесников, сын-вей старого Корня? Нет? Тогда Скорострел, Волкобой, Сеятель...

— Кругосчёт, — Ива отрицательно качала головой и глядела укоризненно, перебирая косу беспокойными пальцами, — не нравятся они мне, никто. Я бы...

Она не договаривала. У Кругосчёта замирало сердце, и от слабости в паху подламывались колени.

В ночь перед равноденствием он не лёг. Сидел на крыльце, механически пересчитывая звёзды. Ива неслышно отворила дверь, присела рядом, затем подавалась к нему, прижалась.

— Уйдём, — прошептала на ухо едва слышно.

— Как это «уйдём»? — ахнул Кругосчёт. — Куда?

— Куда хочешь. Пойдём на восток навстречу светилу. Или на запад за ним вслед. Будем идти долго, хоть до края земли.

У Кругосчёта закружилась голова, перехватило дыхание.

— М-мы не м-можем уйти, — запинаясь, пролептал он. — Б-без Кругосчёта н-нельзя, к-как они б-будут без Кругосчёта?

— Они справятся, — жарко шептала девушка. — Найдут другого.

— Г-где найдут? В каждом селении Кругосчёт т-только один. Так б-было испокон веков, и т-так будет. Мы не м-можем. Мы...

Он не договорил. Ива отшатнулась, вскочила, на мгновение замерла в дверях и метнулась вовнутрь.

— Тогда выбирай, кого хочешь, — донёсся до Кругосчёта сдавленный голос. — Ландыш, Гречишник, Сетьель — мне всё едино.

* * *

— Деятнадцатый день осьмины палой листвы! — глухим надтреснутым голосом выкрикивал Кругосчёт. — Равноденствие! Деятнадцатый день осьмины палой листвы! Равноденствие!

К полудню Видящая выбралась из своего, стоящего наособицу, жилища. Подслеповато щурясь на подмигивающее промеж облаков светило, двинулась к сельчанам, толпой окружившим двор. На полдороги остановилась.

Кругосчёт, не отрывая взгляда, смотрел на Видящую в упор. Тонкая в кости, с бледной, едва не прозрачной кожей, длинными до пояса волосами и огромными, в пол-лица, чёрными глазами без зрач-

ков. Его сестра и мать его будущих детей. Некрасивая, нелюбимая, чужая.

Видящая нашла его глазами в толпе, и взгляды их встретились. Кругосчёт едва не взвыл от горя. Он опустил голову, стиснул кулаки и заставил себя выкрикнуть:

— Ландыш, сын Огородника и Травницы!

Ландыш протиснулся через толпу и на нетвёрдых ногах двинулся к Видящей. Настал самый важный день его жизни — день срока.

Видящая шагнула навстречу. Тощие костлявые руки опустились Ландышу на плечи.

— Смотри в глаза, — хриплым надтреснутым голосом велела Видящая. — В глаза!

Толпа замерла. Потянулись, сменяя друг друга, ставшие вдруг долгими мгновения тишины.

— Пять кругов, доля, три осьмины и одиннадцать дней, — каркнула Видящая.

Она отпустила юношу и шагнула назад. Ландыша шатнуло, он едва устоял на ногах, затем обернулся, на бледном лице родилась несмелая улыбка.

— Долгой жизни! — радостно взревела толпа.

Ландыш двинулся от Видящей прочь. С каждым шагом улыбка на его лице становилась всё шире, радостнее и счастливее. Вечером он придёт к Кругосчёту, и тот пересчитает отпущенный срок, сложит круги, доли, осьмины и назовёт день срока. Нескорый — впереди у Ландыша долгая жизнь.

— Лесная Ягода, дочь Кречета и Земляники!

Светловолосая девушка выбралась из толпы и двинулась навстречу своей судьбе.

— Шесть кругов, три доли, пять осьмин и двадцать четыре дня.

— Долгой жизни! — ликовала толпа.

— Ива, дочь Рябинника и Полевой Фиалки!

Кругосчёт, закусив губу, исподлобья смотрел, как Ива приближается к Видящей. Шаг, ещё шаг, ещё. Кругосчёту казалось, что каждый из них вбивает заточенный клин ему под сердце. Вот Видящая уже кладёт руки Иве на плечи. Кругосчёт закрыл глаза.

— Осьмина и двадцать шесть дней, — услышал он.

Толпа ахнула, затем зашлась протяжным стоном. У Кругосчёта подломились колени, он осел наземь мешковатым ватным кулём.

— Осьмина и двадцать шесть дней, — повторила Видящая и отступила назад.

Ни жив ни мёртв, Кругосчёт оцепенело смотрел, как Ива с залитым слезами лицом бредёт, шатаясь, от Видящей прочь. Толпа расступилась, Ива шагнула в образовавшийся коридор, её подхватили под руки, не дали упасть. Кругосчёт, цепляясь за землю, встал на колени, затем поднялся. Он задышался, «осьмина и двадцать шесть дней», — билась в нём единственная, сдавившая горло спазмом мысль. На первый день новой доли Ива умрёт.

* * *

— На этот раз на тебе лица нет, — забеспокоился, глядя на гостя, Григорьев. — Краше в гроб кладут. Что случилось, дружище?

Следующие четыре часа, проклиная косноязычный транслятор и продираясь через лингвистические дебри, Григорьев выяснял, что случилось. Когда до него, наконец, дошло, он долго в ошеломлении молчал. Благость и гордость смыло у аборигена с лица, он теперь смотрел на Григорьева снизу вверх, умоляюще, по-собачьи.

— Значит, умрёт наверняка, так? — требовательно спросил Григорьев. — Видящие когда-нибудь ошибались?

— Видящие нет ошибаться. Срок есть смерть. Всегда.

— А если пропустить день? Или два? Осьмину? Ты ведь можешь пропустить? Забыть, наконец?

— Мочь пропустить день. Мочь забыть. Ива умирать следующий день, когда я вспомнить.

Григорьев вновь долго молчал, думал. Озарение случилось внезапно, он даже сначала не поверил, что нашёл выход. Если, конечно, это было выходом.

— Первый день осьмины снега, говоришь? — уточнил Григорьев.

— Снежной крупы, — поправил абориген.

— Я, кажется, знаю, что тебе делать, дружище, — выдохнул Григорьев. — Я только не знаю, сумеешь ли ты это сделать. Да и поможет ли, не знаю тоже.

* * *

— Допустим, Видящие умеют заглядывать в будущее, — говорил Григорьев вечером Линаресу. — Да, знаю, что звучит диковато, но допустим. Умеют предсказывать наиважнейшие события в жизни индивида и прогнозировать их для всего социума. Тогда всё встаёт на свои места, вот подумай. Видящая предсказывает наше появление задолго до того, как мы высаживаемся на планету. Аборигены готовы: для них мы — закономерное событие, они, скорее, были бы в ужасе, не появись мы в названный срок.

— Хм-м... — Линарес потёр подбородок. — И что дальше?

— Позволь, я продолжу. По мере взросления у аборигенов, видимо, образуется нечто вроде ауры,

которую Видящие способны сканировать. Каждому они определяют срок, и он непреложно сбывается. Любой знает: он умрёт ровно в срок, что бы он ни делал. Ему не страшны болезни, опасности, ему не нужны новые знания, он и так в курсе, что с ним станет и когда. И что станет с его детьми, если доживёт до их совершеннолетия. А теперь — самое главное. Для того чтобы предсказание сбылось, оно должно быть завязано на местный календарь — летоисчисление, которое поддерживают такие, как наш визитёр — кругосчёты. Вот почему календарь так важен для аборигенов — не будь его, предсказания Видящих не стоили бы ни гроша, они попросту не способны были бы назвать дату.

— Чем дальше, тем мистичнее, — скептически протянул Линарес. — Хотя, с другой стороны...

— Угу. — Григорьев энергично кивнул. — С другой стороны, чем дальше, тем логичнее, не так ли? Я полагаю, за многие века предсказания срослись со счётом кругов и стали его частью. Пара Видящая — Кругосчёт репродуцирует себя в следующее поколение, создавая эдакую замкнутую касту постоянной численности. Они, фактически, симбионты и поддерживают детерминизм, тем самым препятствуя эволюции и обеспечивая статичность мира.

Линарес ошарашенно поскрёб в затылке.

— Ну, допустим, — пробормотал он. — И что из этого всего следует?

— Через три дня наступает новый год по местному исчислению. Или, как они говорят, доля в круге из восьми лет. Если я прав, и если Кругосчёт найдёт в себе силы...

Григорьев не договорил. Он внезапно осознал, что через три дня решится, ни больше ни меньше, — что будет с его другом.

* * *

Кругосчёт выбрался из жилища затемно, притворил за собою дверь. Его колотило, корёжило. То, что предстояло сделать, было чудовищно, невыносимо, оно было против всего его естества.

Кругосчёт шагнул с крыльца. «Первый день осьмины снежной крупы», — сказал он про себя. Стоит произнести эти слова вслух, Ива умрёт. И тогда последние три дня, страшные, мучительные, перевернувшие его, перекроившие, обрушатся на него и задавят. Так он и доживёт свой долгий тягучий срок — прибитым, придавленным.

За спиной скрипнула дверь. Ива стояла в дверях — босая, истончавшая за последние дни, исплакавшаяся. Смирившаяся. Молча смотрела на него — прощалась.

В этот момент Кругосчёт решился. Повернувшись к Иве спиной, шагнул раз, другой и закричал, заголосил во всю силу своих лёгких:

— Первый день месяца января две тысячи триста сорок седьмого года от Рождества Христова! Первый день месяца января...

Он шёл по селению, пересекая его с юга на север, и исторгал, вышвыривал из себя эти слова, некогда бессмысленные, а ныне спасительные, единственные.

— От Рождества! От Рождества! От Рождества Христова!

Он голосил этими словами в лица перепуганных сельчан, кричал их стоящей на коленях и умоляюще тянущей к нему ладони Видящей, орал их, когда ему вязали руки, мычал их сквозь заткнувший рот кляп.

* * *

Срок Ивы, дочери Рябинника и Полевой Фиалки, не настал. Вместо неё на третий день умерла Видящая, сгорела в яростной лихорадке.

Кругосчёт женился на Иве, но прожили они в любви и счастье недолго. Жизнь Кругосчёта оборвала война, начавшаяся на третий год после введения календаря, в марте месяце две тысячи триста пятидесятого года от Рождества Христова.

Длилась война Календарей и Кругосчётов без малого двадцать лет. Календари одержали победу, и теперь счёту кругов положен конец — повсеместно и непреложно. Новое летоисчисление называется григорианским — говорят, что в честь великана с нездешним именем. Этот великан некогда оказал великую услугу Человеку, Изменившему Время. Какую, впрочем, не знает никто.

Новое летоисчисление путаное, в заменивших осьмины месяцах разное количество дней, и год, заменивший долю круга, длится дольше, чем положено. Подсчётом дней теперь занимаются великаны. По их словам, календарь станет стабильным когда-нибудь, но когда именно, великаны скрывают и секретами счёта ни с кем не делятся. Иначе, как утверждают великаны, опять перестанут происходить происшествия и случаться случайности, а люди забудут, что земля круглая, как яблоко, а вовсе не плоская, как тарелка.

А у Ивы от Человека, Изменившего Время остался сын. Которого мать зовёт по-старому — запрещённым именем, Кругосчётом. Зовёт так вопреки всему.

АНДРЕЙ ДАШКОВ

ОПТИМИЗАЦИЯ ОСТАНКОВ

Он поставил финальную точку в тексте своего нового романа, который, судя по двум предыдущим, вряд ли удастся продать, и выключил компьютер. Последними фразами его опуса были такие: «Возможно, их ждали лучшие дни или худшие ночи. Не узнают, пока не проживут. Они были близки к тому, чтобы узнать. И двинулись дальше».

Ему тоже предстояло двинуться дальше, но сейчас он находился в промежутке. Радости по поводу окончания восьмимесячного труда не было. Он испытывал только некоторое облегчение, освободившись от тягостного, абсурдного и, тем не менее, почти неотвязного ощущения, что он кому-то что-то должен. Ни хрена он никому не должен, разве что самому себе. И еще своей женщине — за понимание.

С женщиной ему на старости лет повезло. Иногда он думал, что ей следовало бы родиться лет на четверть века раньше. Несмотря на возраст (ей было всего двадцать семь), она любила бумажные книги, виниловые пластинки, джинсы «Levi Strauss», домашнюю еду, меланхоличных «Beefeaters» и менее меланхоличных, но не менее классных «Cuby & Blizzards». Правда, он приложил руку к тому, чтобы она полюбила это. Возможно, она отчасти заменяла ему ребенка.

Стоп, обрывал он себя, когда приходили подобные мысли. Чего же ты ей желаешь? Чтобы всей своей молодостью она влипла в «совок», где как раз был

большой напряг с хорошими книгами, нормальными виниловыми пластинками и особенно с джинсами «Levi's»? Хватит и того, что он там родился, угробил юность и хорошо запомнил ту действительность. Например, мужиков, игравших во дворе в домино все выходные напролет. Мечтательным выношей он смотрел на них и отчетливо понимал: это и его будущее, тупое и неизбежное. Больше деваться некуда. А еще он хорошо запомнил, как впервые прочитал «Двенадцать стульев». Ему было лет четырнадцать. Он не понял юмора. Та книга вызвала в нем тоскливое недоумение, малопонятное чувство тревоги, неуютя, почти стыда. Лишь намного позже он сформулировал для себя, что это было. Оказывается, просто-напросто самая антисоветская книга из всех. И удивлялся, что знаменитая строжайшая цензура не замечала этого на протяжении многих лет, во всяком случае, не реагировала запретом. Но он знал, что прав. И вот почему: Остап был *единственным* нормальным человеком в том романе. Все остальные — жалкие, убогие, нелепые недоноски. Рабское быдло из Страны Советов... Так изящно обосрать Страну Советов больше не сумел никто. Куда там Солженицыну или Буковскому! Правда, был еще Оруэлл, но его «1984» он прочитал позже, лет в двадцать. Результат: пару дней он ходил как больной. Роман Оруэлла проделал ему черную дыру в груди, которая всосала в себя и полностью поглотила веру в лучшее будущее. Сейчас он так не переживал бы. Восприятие притупилось, как старый перочинный нож. Книгами и рок-музыкой его уже не проймешь. Нужно средство посильнее. И он получил это средство по почте.

* * *

Предписание лежало в почтовом ящике. Он сразу понял, что это, по голубоватому цвету сложенного и склеенного бланка. Сначала ничего не почувствовал — наверное, давно готовился к чему-то подобному. Но разве черный день в воображении бывает настолько черным, как наяву? Тоска наваливалась постепенно, с задержкой, словно давая понять, что и изнасилование неизбежно, и прелюдии не миновать.

Он вышел из подъезда в сырой осенний день. Остановился под козырьком и распечатал послание. Развернул и прочитал:

Министерство труда и социальной политики

Департамент социальной оптимизации

Уважаемый гражданин Н***! По данным отдела работы с физическими лицами, Ваша социальная эффективность снизилась до критического минимума и в течение года не обнаруживала тенденции к повышению. В соответствии со статьей 6—17 Кодекса законов о труде Вам необходимо в течение трех суток со дня получения предписания явиться в отделение Депсоцопта по месту жительства для завершения процедуры изменения гражданского статуса с малоэффективного на социального банкрота с последующей оптимизацией.

Предупреждаем, что в случае неявки Ваш статус будет изменен автоматически, Вы будете объявлены в розыск и после окончания розыскных мероприятий подвергнуты принудительной оптимизации. Напоминаем, что уклонение от оптимизации является уголовным преступлением и карается в соответствии со статьями 203 и 204 Криминального кодекса.

С уважением,

Администрация Регионального
Управления Департамента социальной оптимизации.

В голове все еще мельтешили мелкие случайные мысли, когда он свернул бумажку, сунул ее в карман и поплелся к станции метро, чтобы встретить свою женщину. Она работала в библиотеке, но все шло к тому, что скоро и она получит предписание на голубом бланке. Кому нужны библиотеки в прекрасном цифровом мире? И кому нужны романы, написанные, мать его, человеком? Так что бланк на ее имя уже, можно считать, заполнен, но в отличие от него, пятидесятипятiletнего писателя, у нее еще был шанс сменить профессию и найти себе другую работу — нудную, отвратительную, монотонную, зато социально полезную. У него, возможно, тоже имелись шансы устроиться каким-нибудь ряженым посмешищем, открывающим двери в кабак, или мануальным рефлексологом в платный сортир, но он, представьте, не желал. Вот какая сука. После сорока он сделался не то чтобы законченным фаталистом, но ощущал такую усталость, будто лет четыреста водил кого-то по пустыне, да так никуда и не привел.

А чего ты хотел, спросил он себя со злостью. Тридцать лет сочинял истории с плохими концовками и думал, что самого пронесет? Нет, братец, жизнь тоже когда-нибудь кончается. И везунчиками можно считать тех, у кого конец жизни совпадает со смертью.

Он подошел к выходу из станции. Мимо двигались социально эффективные и озабоченные. Их лица выдавали, насколько они счастливы. В этой серой массе его женщина бросалась в глаза, как подсолнух среди старого бурьяна. И он молился, чтобы она бросалась в глаза только ему одному, чтобы это был дефект его восприятия. Когда он пытался взглянуть на нее объективно, он и впрямь не находил ничего особенного.

Худая, смазливое личико без косметики, неброская одежда, капюшон скрывает короткие волосы и наушники. Тихая, спокойная, в глазах: катастрофа неизбежна, но пока все терпимо. Поэтому... иди ко мне, детка.

Он обнял ее, прижался небритой щекой к прохладной щеке. Радуйся мелочам, старый хрен, пока еще есть возможность, посоветовал сидящий внутри писатель. Он честно пытался. Не получалось. Складывалось впечатление, что для этого нужны иллюзии и обозримое будущее. Первых у него давно не осталось (разве что иногда он тешил себя тем, что она его любит), а предписание на голубом бланке лишило его второго.

Они пошли домой под морозящим дождем. Он понимал, что это одно из его последних возвращений, но не спешил говорить ей. Зачем портить вечер. Хотя, судя по свернувшейся под сердцем змее, вечер уже был испорчен, а с ним и ночь, и все оставшиеся дни.

— Как дела?

— Закончил.

Она промолчала, зная, каким болезненным для него может стать продолжение этой темы — о перспективах. Перспектив и раньше было мало, хотя он рассылал свои тексты куда только можно и куда нельзя. Весь последний год — тщетно. Эти, из Депсоцопта, точно выразились: «ниже критического минимума». Какая-нибудь программа «Storyteller» плодила в тысячу раз больше текстов, да еще в параллель с играми, 3D-экранизациями, интерактивными примочками и прочим дерьмом, залепившим обывателям глаза, уши, ноздри и остаток мозгов. Кстати, он кое-что читал, чтобы не быть совсем уж голословным. Учитывая многоуровневую компиляцию, придраться было не

к чему. И сюжет в порядке, и стиль под кого угодно, или под всех сразу, или ни под кого — если задействовать опцию «Новый автор»; безукоризненное сэмплирование. Эмоции? Да на тебе, хоть задницей жри. Кто сказал, что машина не чувствует? Зато отлично работает миксером. В конце концов, виртуальные мартышки барабанят по клавишам в миллиарды раз быстрее, чем реальные, так что качественным чтивом теперь обеспечен всяк имеющий желание. Идеи? А вот этого не надо. Элоям идеи ни к чему.

— ...А как у тебя?

— Все так же. Медленно тонем. Сегодня еще десять тысяч пустили в печку.

— Брэдбери и не снилось.

— Да. А в те времена, наверное, еще и страшеньким казалось.

А теперь не казалось. Даже ему, хотя он помнил «те времена». Ползарплаты — на книги и пластинки. Изпод полы, у спекулянтов. Беготня от ментов. Беготня за какой-нибудь херней, которая теперь висит в бесплатном доступе — только руку протяни. Ожидание новой книги, почти вожделение. Приходилось отказывать себе во многом, даже в еде...

Ну и что в этом хорошего? В том-то и дело, что ничего. И прошлое, и настоящее выглядели убогими отчетами мастурбатора, ни разу не добравшегося до живой природы. На смену коммунякам пришли постиндустриалы, затем постреалы, и, если вдуматься, он все-таки предпочитал коммунистам постиндустриалов или даже постреалов. Правда, траханием мозгов ни в том ни в другом случае дело не ограничилось. Разница заключалась только в количестве жертв. Постреалы пока отставали. Но быстро наверстывали упущенное. У них все было впереди. Наступала новая эра.

Эра оптимизации.

* * *

Пужинав, они решили посмотреть запись концерта Ника Кейва, старую, конца прошлого века. Хороший концерт. Наилучшим образом доказывал, что всякое искусство «работает» только здесь и сейчас. Да и работает ли, кроме шуток? Пусть ты гениально спел, что всему п*здец, — ну и что дальше? Кого ты всерьез напугал? А кого ты всерьез предупредил? Уже через час мы об этом забыли. Мы хотим жрать. Нам снова скучно. Нам плохо. Нам хорошо. Мы есть. Нас нет.

Всё — в жопу. Есть только крик на мосту, соединяющем ничто с ничем. Даже кричавшего нет. Только крик. Иногда слышен.

...Пока Ник выплевывал слова сквозь сигаретный дым и запылы скрипки, сочинитель начал прикидывать, как подготовить женщину к дальнейшему. Срочное оформление брака? Или завещания? Окунуться в кафкианские кошмары, версия 2.0? Увольте. Тогда хотя бы снять остаток со счета. Это он может. На это у него хватит сил. И еще на то, чтобы удалить файл с новым романом и сжечь распечатку. Ему показалось, что он впервые понял тех сжигавших рукописи старых безумцев, которым грозило все, что угодно, кроме невозможности опубликовать свой шедевр или свой бред. Счастливые чудачки. Они жили в те времена, когда жест с приданием бумажек огню еще имел какое-то значение. Теперь бы их замыслам помешала пожарная сигнализация.

— Я опять поругалась с Сестрой Гнусен. — Сестрой Гнусен они между собой называли ее начальницу, вреднейшую бабу, рептилию в грудастом теле.

Что он мог сказать на это? Что она приближает день своего изгнания? Что надо покорно сносить все уни-

жения ради того, чтобы протянуть еще немного в этом долбаном хранилище пепла?

— А пошла она...

— Я так примерно и сказала.

— Ну и правильно.

— Я уволена.

— И я. Вот. — Он достал из кармана голубую бумажку.

— Черт. — Она замерла под его рукой, словно испуганный зверек, но не заплакала. — Что думаешь делать?

— Три дня. Три ночи. Что с этим сделаешь?

— А может?..

— Да нет, старый я уже, чтобы бегать.

— Подожди, надо подумать. Найти работу, любую.

— Поздно, устал. Если бы не ты, пошел бы прямо сегодня.

Она прижалась к нему так сильно, что заныло под ребрами. Прошла минута, другая.

— Я пойду с тобой.

— Еще чего. Да тебя и не пустят. «Процедура».

— Значит, до двери.

— Посмотрим.

* * *

Три дня и три ночи. Так как же их провести? Он много читал о так называемых *последних днях*. Книжная мудрость не помогала. Еще один аргумент в пользу того, что он прожил жизнь впустую. Да, они занимались любовью, да, он постоянно держал ее в объятиях, понимая, что уже потерял. Но в каждом слове и в каждом дыхании сквозила обреченность. Он пил; алкоголь его не брал.

Один раз он сходил к отделению Депсоцопта. Посмотреть издали. Бронированная дверь была усилена двумя мордovorотами в бронежилетах. На окнах решетки и жалюзи, ничего не разглядишь. Снаружи стояла короткая очередь. Очередь, мать их! И ты тоже скоро станешь одним из них, напомнил он себе. О господи, неужели он до такой степени быдло, что станет в эту очередь? А какая альтернатива? Прятаться по подвалам, пока не поймают, как давным-давно выловили всех бомжей, и не засадят за решетку, чтобы его перевоспитанием занялись уголовнички, находящиеся на специальном содержании у государства? Выходит, у него все-таки сохранилась одна подленькая иллюзия, которая нашептывала ему во внутреннее ухо: лучше думать, что имеешь свободу выбора, чем выбирать.

Он подошел ближе, чтобы получше разглядеть тех, кто стоял в очереди. В основном пожилые. Вспомнилась «316, пункт «В» Лимонова. Про узаконенное убийство всех, достигших определенного возраста. Еще один провидец, никого не напугавший и ничего не предотвративший. Но все ведь не так уж плохо! Слава богу, до убийства у нас еще не дошло. А может, дошло? Нет, вряд ли. Что-нибудь да попало бы в Сеть... Так что ему грозила всего лишь принудительная оптимизация. Кто знает, может, ему даже понравится. Если он окажется в психушке, то разве плохо сделаться счастливым идиотом? Отчего же ему так погано? И отчего у людей из очереди такие лица, будто они стоят перед воротами концлагеря?

Где-то глубоко внутри у него имелся ответ. И этот ответ ему не нравился. Ответ не сулил ничего хорошего и грозил окончательной потерей самоуважения.

В общем, он кое-как протянул те три дня. Провел их не лучше и не хуже многих предыдущих. Во всяком случае, о сочинительстве речи уже не было. Его

женщина постоянно находилась рядом. Вместе они обошли напоследок почти весь старый город. Неизвестно, куда его отправят после оптимизации, но то, что сюда он вернется не скоро, если вообще вернется, так это точно. Он никогда не встречал бывших «оптимизированных» после банкротства. Хотелось думать, что он задолжал обществу меньше, чем успеет отдать. И все же не давали покоя кое-какие зловещие слухи насчет того, как решается продовольственная проблема в Зомбиленде.

Кстати, во второй день они побывали и там. Вернее возле. Прогулялись вдоль двенадцатиметровой высоты бетонной стены, покрытой остроумными и просто красивыми граффити. Охранники на вышках несли свою социально значимую службу. Платные смотровые площадки, вознесенные над стеной и огражденные бронестеклом, пустовали. Зрелище уже давно всем надоело.

Аттракционы тоже.

* * *

Он попросил ее остаться дома. Дальше было проще. Уже ничто не имело особого значения. И, как это иногда бывает, сразу «поперло»: даже не оказалось очереди перед дверью отделения Депсоцпта. Он сплюнул в мусорную урну — в самый раз для оставленных у входа надежд, — и поймал на себе взгляды мордovorотов, обещавшие: еще немного — и мы тобой займемся.

За дверью начинались бюрократические кишки, язвы, шлаки. Ему назначили куратора — молодого самоуверенного хлыща, у которого социальная ответственность прямо-таки зашкаливала. Чувствуя себя хозяином чужой судьбы, хлыщ разговаривал с ним покровительственно. Хотелось дать ему в нос. А почему

бы нет? — спросил себя сочинитель ненужных историй. И после того, как услышал обращение «папаша» в третий раз, так и сделал.

Хлыщ заткнулся, но ненадолго. Казалось, от неожиданности он даже не сразу почувствовал боль. Однако боль пришла. Писатель с удовлетворением увидел юшку, хлынувшую из ноздрей. Впрочем, удовлетворение было кратковременным. Ну ты и дурак, сказал он себе. Стоило ради этого сюда ползти. Лучше бы сразу пустился в бега. Тогда, по крайней мере, выглядел бы мужчиной в ее глазах. А так что? Старый истерик, лишний раз подтвердивший свою асоциальность? Да нет, все намного проще. Ленивая тварь, вот он кто. Ему было лень бегать от них или пытаться задобрить их, но не лень заехать ублюдку в морду. И так всю жизнь. Может, потому его и ждал такой конец?

После того как хлыщу остановили кровь, умыли и почистили костюмчик, беседа с литератором продолжалась, только теперь он сидел с руками, скованными за спиной наручниками, а возле двери торчал мордovorот. Похоже, подобные срывы не были тут редкостью. Во всяком случае, хлыщ воспринял это с юмором.

— Зачем же так нервничать, *папаша*, — сказал он, нехорошо ухмыляясь и делая какие-то пометки в своем планшете, то бишь в личном деле сочинителя. А тот теперь тоже ухмылялся — кривенько и нехорошо. Ухмылялся, пока хлыщ мстительно зачитывал от корки до корки все предусмотренные законом документы и отчеты, призванные продемонстрировать тупоголовому господину писателю его несоответствие общественным стандартам и полнейшую никчемность.

Минут через двадцать он был официально объявлен социальным банкротом. Его даже отстегнули от спинки стула, чтобы он расписался в подсунутой бумаж-

ке, подтверждая, что ознакомлен и поставлен в известность. Сделалось даже как-то скучно. Скорее бы все закончилось, начал думать он, точно всякий порядочный приговоренный. Но как раз приговора-то он пока и не услышал. Хлыщ, похоже, решил растянуть удовольствие.

— Какие-нибудь пожелания имеются? — спросил он в полном соответствии с иезуитской логикой происходящего.

Писатель пожал плечами:

— Кофе. Сигарету. И такси, если можно.

— У-у, как у нас бедненько с фантазией. Неудивительно, папаша, что вы здесь оказались. У вас, вероятно, еще и профнепригодность. Но это ничего, мы все исправим.

— Звучит обнадеживающе.

— А выглядеть будет еще лучше. Вам, уважаемый, осталось пройти компьютерную диагностику.

— Зачем?

— Для выявления окончательного социального вектора.

— «Окончательного»? Что-то вроде направления «нах*й»?

— Юмор, папаша, это неплохо. В вашем положении — в самый раз.

Глупо было сопротивляться. Он прошел диагностику. Это заняло не больше получаса, некоторые вопросы были весьма интригующими. Хлыщ оказался настолько любезен, что дал ему ознакомиться с распечаткой, где был указан этот самый окончательный вектор. В бумажке, которая, по-видимому, и являлась приговором, значилось: «Оптимизация останков».

— Это еще что за дерьмо? — поинтересовался он.

— Дерьмо к дерьму. Прах к праху, — философски заметил хлыщ.

Писатель от него такого не ожидал.

— Вам повезло, — объявил хлыщ внезапно. — Недавно поступил запрос на сочинителя. Первый за три года.

— Да ну? Подскажи им, где лежит бесплатная версия «Сторителлера».

— Э нет, батенька. Просят живого. Писателя.

— Откуда запрос?

— Тс-с-с, не наглейте. Ладно, так и быть. Оттуда, где вас примут с распростертыми объятиями. Где вы с вашими байками, наконец, будете кому-то нужны. Поздравляю.

— Да пошел ты.

— Папаша, вы неисправимы. Лишний раз убеждаюсь, что компьютер никогда не ошибается. Будь моя воля, я бы вас все-таки на парашу отправил. Папашу — на парашу. Как видите, мы тут тоже сочинять умеем.

— А ты меня отправь.

— К сожалению, не могу. За невыполнение запроса в нашей конторе знаете, что бывает?

— Не знаю.

— И не надо. Лучше не знать. Вам уже точно не пригодится.

— Ну, хер с тобой. Говоришь, живого просят?

— Сам в шоке. Скажу по секрету, — хлыщ подмигнул, — пользователи из них никакие.

* * *

Его сопровождали в подземный гараж для «отправки». Посадили в фургон без боковых и задних окон. Он видел такие раньше, считал их инкассаторскими. На этом действительно имелась эмблема одного из го-

сударственных банков. Может, спонсора программы оптимизации. А может, хозяина.

В фургоне его везли довольно долго, он успел отбить себе задницу, скрючившись на твердом сиденье. Между ним и водителем было грязное стекло. Прочное, он прикладывал кулак и локтем. В ответ водитель показывал ему «фак». Когда открылась задняя дверца, он увидел, что находится в узком бетонном туннеле. Фургон заполнял почти все поперечное сечение, так что путь у писателя оставался один — в направлении стальных ворот, представлявших собой тяжеленную на вид плиту.

Она и в действительности оказалась мощной. Когда многотонная масса медленно отползла в сторону, за ней показалась сначала двойная решетка, затем старый растрескавшийся асфальт и, наконец, ноги. Босые и обутые, в джинсах «Levi's» и без, покрытые татуировками и ранами, которые давно не кровоточили и которыми брезговали даже мухи.

Потом он увидел лица существ, которые уже не были людьми и в каком-то смысле уже не были живыми. Тем не менее, они стояли и смотрели на него.

Как ему показалось, в ожидании.

ДАРЬЯ ЗАРУБИНА
ИГОРЬ МИНАКОВ

ИДУЩИЕ ЗА ТОБОЙ

Сосны высились по обеим сторонам дороги, так что казалось — путь наш лежит меж двух высоких стен. Густые кроны далеко вверху осветлил бледный рассветный луч, и на какое-то мгновение показалось мне,

что я, подобно Моисею, иду по дну меж грозно разошедшимися водами моря. За мной поспешает несчастный и немногочисленный мой народ. А там, за нашими спинами, красные стволы сосен сшибаются, подобно морским валам, и зеленая пена крон смыкается над головами серопузых, идущих по нашим следам.

Но хробов не было. Они все остались в поле, где воронье уже приступило к пиршеству. А мы бежали, захватив с собой только раненых. Бежали, пока враг не опомнился и не послал за нами более многочисленную армию. С нею мы бы уже не справились. Тридцать воинов, из которых треть искалечены, и полсотни женщин и детей, которым досталась нелегкая ноша — мужья и отцы, окровавленные, потерявшие силы. Раненые были нашей единственной ношей, если не считать оружия. До конца дня мы должны достичь берега Великой реки, через которую еще нужно как-то переправиться. Но если переправимся, мы спасены.

Мне все еще странно, что они называют ее Великой. У нас, на Земле, я видел Амур и Волгу и стоял, пораженный их величием, не в силах оторвать взгляд от лазурной брызжущей Солнцем синевы. Здешняя Великая река неглубока. Вода в ней желтая, как в Хуанхэ. И, побери меня все их демоны, я не дам напоить своей кровью эту лягушачью лужу. Потому что я — воин. И четверть века вел за собой людей, доверявших мне свою жизнь. Доверявших там, на Земле, где текут действительно великие реки. Доверивших сейчас, на пыльной дороге между вековых сосен, ровных, как столбы высоковольтной линии. И я верну их домой. Я буду грызть горло любому, кто захочет встать между нами и домом.

— Надо сделать привал, Урсус! — крикнул Батхал. В племени его все еще именовали «младшим братом вождя», хотя мне братом по крови он никогда не был.

Но за последние месяцы, дни и часы крови пролилось достаточно, чтобы связать оставшихся узами посильнее родственных. А Батхалу я доверял как правой руке. Я не стал бы вождем деланханов без него и...

— Они, — он указал мечом на плетущихся в арьергарде, — долго не выдержат.

Маленький наш отряд растянулся на добрую лигу. Если враги нападут сзади, в авангарде об этом узнают не сразу.

— Привал! — скомандовал я. — Батхал, поставь дозорных. Надо послать мальчишек, что покрепче и посмышленее, на разведку. Не хватало нам еще засады.

Батхал кивнул и кинулся отдавать приказы.

Самые слабые опустились прямо в дорожную пыль, но раненых отнесли под сосны. Правда, это были не совсем сосны. Просто я, как многие, вынужденных надолго остаться в чужом мире, не смог устоять перед искушением найти в этом чужом и странном мире хоть что-то, напоминающее о доме, и постараться закрепить это ускользающее сходство знакомыми именами. Здешние сосны издали были почти как земные. Но стоило приблизиться, как сразу становилось ясно: это даже не хвойные, а некая разновидность хвощей. Я не разбираюсь, я воин, а не биолог. Будь я биологом, возможно, восхитился бы этим миром, потратил годы на его исследование. Но мне были интересны не исполинские хвощи, меня интересовали люди. А люди здесь были почти такими же, как дома. Они лежали под соснами, и я смотрел на их искаженные страданием лица, а не на зеленеющие над их головами кроны. Биологи, геологи, этнографы, мало ли кто еще — все они могли бы найти в этом мире обильную пищу для своих сканеров и мозгов. Но здесь оказался лишь я. Воин, равнодушный к экзотической и дикой красоте этих мест.

Серьезные дядьки в строгих кабинетах, они сказали: мы можем послать лишь одного человека, без оборуования и оружия, практически — голым. И еще, сказали они, мы не знаем, что там происходит, так что принимать решения и действовать тебе придется в одиночку.

О, действовать я умею. За полгода в этом проклятом мире я действовал, действовал, действовал. Если они думали, что я буду тихо держаться в тени и наблюдать — они выбрали для экспедиции не того человека. Я не могу видеть, как умирают дети, я не могу видеть, как насилуют женщин на глазах их раненых мужей и отцов. Я же говорил, я воин — не политик.

Я опустился в пыль, чувствуя, как ноют от долгого перехода ноги, как жгут старые раны, как ноют от движения свежие.

— Нам нужно отдохнуть. — Батхал не смотрел мне в глаза, он сурово глядывался в темную стену леса. — Тебе нужно, старший брат. Без тебя мы все обречены.

Он указал глазами на мою левую руку. Края раны побелели, кожа вокруг них налилась бордовым. Только бы не чертова гангрена...

— Главное — добраться до Великой, — ответил я. — А потом с помощью богов... переправиться. Там до цитадели Ророха... рукой подать. В цитадели — знахари... Переправимся, отправим посланцев к князю... пусть вышлет своих воинов.

— Ты веришь Ророху? — удивился Батхал. — Если он пошлет своих воинов, то только для того, чтобы нас добить!

Я покачал головой, тяжелой, будто колокол обители Трех Праведников.

— Нет, — проговорил я, хотя с каждым мгновением слова давались мне все труднее. — Князь Ророх не предаст, он поклялся на алтарной книге...

— Слово князей — ветер в поле, — пробурчал младший брат и отошел к другим раненым.

Отошел, чтобы не спорить со старшим. Он прав, нас уже не раз предавали владетельные князья. Все они боятся наших врагов. И понять князей можно. Ведь наши враги — не люди. Черт их знает, кто они такие...

Я опустил на траву, казалось, только на мгновение прикрыл глаза, но когда снова открыл — обнаружил, что костры потушены, костровища забросаны землей, воины перевязаны и все готовы снова двинуться в путь.

Солнце жгло нещадно. Едва мы вышли из-под спасительной сени деревьев, лучи раскаленным металлом хлестнули руки и глаза. Лишь одно заставляло нас идти дальше — уже совсем недалеко, в километре-полтора, виднелась сияющая сталью лента Великой реки. За ней на далеком холме высился Рорх-Крайхен, замок великого князя Ророха, властителя Правого берега, Дола-эйдэ и Семи пустошей. Из темной зелени позади замка едва виднелись острые крыши обители.

Там, недалеко от обители, в пещере хранился мой передатчик и УАП (устройство аварийного переноса). Но думать о них я себе давно запретил. Во-первых, энергии в аккумуляторах осталось только на одну передачу, в которой я должен сообщить, что готов к возвращению, а во-вторых, я знал, что стоит мне оказаться на родной Земле, как неудержимо потянет обратно. Совесть потянет, и долг. А еще воспоминание о Миранде...

Вообще-то, ее звали Мирра-Анда — Умиротворяющая Взглядом, — но я сократил ее имя до Миранды, а она не возражала. Она была первым человеком, которого я увидел, открыв глаза в этом мире. И я знаю, что она будет последним человеком, который представит моему угасающему взору. Жаль только, что уже

не во плоти. Нет, слово «жаль» тут не уместно. Я бы отдал всю свою кровь по капле, если бы эти капли стали годами жизни Миранды. Жизни, ею не прожитой. Вот поэтому я не воспользуюсь ни передатчиком, ни тем более УАП. Пока жив хоть один человек из моего народа. Из ЕЕ народа. Пока смерть Миранды не будет отомщена.

Маленький отряд спускался к реке. Дорога между соснами превратилась в тропу. Тропка становилась все уже, и вскоре лишь один человек в ряду мог пройти между высокими глинистыми обрывами. Если враги устроили засаду, незамеченную нашими сопливыми разведчиками, лучшего места им не сыскать. Предчувствие засады было таким острым, что я поневоле вздрогнул, когда эхо под кронами разнесло пение одинокой трубы.

Не позади, где по нашим следам шли неутомимые чужаки. Впереди, со стороны реки, с той стороны, где, как мы надеялись, была помощь, оттуда, где ждали кров и пища, интриги и тайны, но главное — хоть какая-то защита для моих людей. За возможность их спасти я готов заплатить. И, как видно, при любом раскладе, придется платить жизнью. Будь я дома, рана на руке считалась бы легкой царапиной, любой недоучка в госпитале Сент-Винсента заштопал бы меня так, что не осталось следа, а если при нашей, земной технике, все-таки умудрился бы напортачить, то послал поваляться час-другой в камере восстановления. Дорого-вато, но платить-то не мне, а Службе.

А здесь, в забытом всеми богами мире, за эту царапину коновалы Рорх-Крайхена, как пить дать, откромсают мне руку. И если я еще буду жив после вмешательства здешней медицины, то не факт, что не умру от заражения крови. Я сильный человек, но мы идем слишком долго.

— Кто? — спросил я у запыхавшегося мальчишки, которого Батхал отправил вперед.

— Люди Ророха, старший брат, — ответил тот, стараясь выровнять дыхание, — три пальца рук.

Я, досадуя, что никак не привыкну к счету племени, мысленно перевел: трижды пять. Всего пятнадцать... Смешное воинство, учитывая, что за нами топает около полутора сотен чужаков.

Посланников князя надо встречать, как подобает вождю, приветливо, но не теряя чувства собственного достоинства. Я выпрямился, насколько смог, оперся на копье так, словно это скипетр, а не подпорка для ослабевшего. К счастью, воины Ророха, как и мы, шли пешком, — коннице не развернуться на этой тропке, — и мне не пришлось взирать на их предводителя снизу вверх. К еще большему счастью, предводителем оказался Герад, старый мой сослуживец. Мы оба были простыми наемниками в дружине химмерийского короля — властолюбивого, но слабого владыки, потерявшего в конце концов свое королевство.

— Урсус!

— Герад!

Мы обнялись. Я не сумел сдержать стона. Герад всегда был человеком-горой, годы не пощадил его шевелюры, но не отняли медвежьей силы. Вот кого надо было назвать Урсусом.

— Ранен? Вижу! — выпалил Герад в излюбленной своей манере. Задавая вопрос, он всегда сам на него отвечал. К этому трудно было привыкнуть, но я привык.

— Придется твоим воинам, Герад, послужить носильщиками, — проговорил я. — У нас много раненых, которых несут на себе женщины и дети.

Герад, не оглядываясь, щелкнул пальцами и показал своим людям на изнемогающих моих.

— Сильно вас потрепали? Изрядно! — откликнулся он. — Потерпите, река близко. Князь выслал паром, на нем знахари и милосердницы.

— Слава Ророху! — искренне воскликнул я.

— Слава, — буркнул Герад и добавил: — Обопрись-ка ты на мою руку, дружище. Не нести же тебя.

— Хорошо, — отозвался я. — Только учти, Герад, за нами может быть погоня... Не меньше тридцати пальцев... тьфу ты, ста пятидесяти хробов следуют за нами.

Герад усмехнулся в седые вислые усы.

— По-твоему, я новобранец? Нет! — возвестил он. — Сорок пальцев рук, если считать варварским вашим счетом, выслал я еще до встречи с тобой!

У меня подкосились ноги, так бывает, когда с плеч сваливается непосильная ноша.

Я был рад помощи, но еще больше — тому, что не один в этом диком мире. В Химмерии, на первом нашем общем задании, мы с треском провалились. «Химмерийского дурака», как мы за глаза именовали Юрдвана Четвертого Красивого, не смогли бы спасти и две сотни солдат-посланцев Союза Землян. Нас было четверо. Двоих мы потеряли. Заносчивая шкура Юрдван, ради того, чтобы получше выглядеть в летописях, «от горя упал на собственный меч». Нас дернули домой. После той операции я ничего не слышал о Гераде.

И вот теперь старый волк здесь.

Я привалился к его плечу, вцепился здоровой рукой в стальные мышцы предплечья. Герад едва заметно поддержал меня. Нам предстояло многое обговорить. Не сейчас, когда рядом, бок о бок, шагают его и мои воины. Но в крепости...

Естественно, солдаты, засланные во враждующие инопланетные лагеря, не могли по условиям контрактов разглашать свои задания. Но Ророх вот-вот договорится с племенем, а значит, можно было рискнуть

и выспросить у Герада, какого черта он делает в Рорх-Крайхенской дружине.

Мы пропустили наш нехитрый обоз вперед, а сами остались в арьергарде. Воины Герада окружили нас стальной стеной. Что ни говори, он командир толковый. Парни у него, все как на подбор, гренадерского роста. И где только набрал таких? Неужто среди малолетних племен Поречья?

Герад перехватил мой оценивающий взгляд, усмехнулся в усы.

— Где набрал, спрашиваешь? — сказал он, хотя ни о чем я его не спрашивал: по крайней мере, вслух. — В Зарайских горах, разумеется. Горцы во всех мирах самые лучшие воины... Тихо!

Он поднял руку. Мы остановились, прислушиваясь. О, сколько раз я в своей жизни слышал эти звуки! Такие мирные, когда доносятся издалека. Человеку несведущему может показаться, что в чаще леса пошвыстывают птицы, стучат топорами лесорубы, перекликаясь задорными голосами.

— Занять оборону! — гаркнул Герад, выхватывая из заплечных ножен кривые крайхенские клинки.

Тяжелая стрела вонзилась в сосну над его головой.

— Уходи, Урсус!

— Какого черта, Герад! — отозвался я. — Я еще солдат...

— А ну пригнись! — велел он.

Я повиновался. Клинок, вращаясь будто пропеллер, просвистел надо мною. Распрямив спину, я оглянулся. Хлынула кровь из перебитого горла — приземистый хроб опрокинулся на спину. Но за ним, будто из-под земли, возник другой. Мертвые белые глаза, казалось, со скрипом ворочались в глазницах, выискивая цель.

Н-на тебе!

Я поблагодарил судьбу за то, что ранен в левую руку. Правая, словно сама собою, выбросила вперед меч. Еще один хроб мешком рухнул на землю.

— Уводите детей! Ланес, Доран! — гаркнул Геррад. — Зарайцы, стройся в лесной капкан!

Кто-то из его воинов — то ли Ланес, то ли Доран — прикрикнул на женщин, заставляя оставить у дороги тяжелых раненых. Племя словно табун сбивали к реке в надежде успеть загнать тех, кто способен ходить, на паром. Чтобы воины могли не оглядываться в бою.

Зарайцы сжались полумесяцем, медленно отступая под натиском прибывающей волны хробов.

Я оглянулся: племя уходило быстро. Вдоль дороги лежали брошенные носилки, на которых из последних сил копошились раненые. Доставали ножи и бесполезные им мечи.

Н-на!

Еще один хроб повалился вперед, насаживаясь на мой меч серым брюхом. Чертову громадину развернуло в воздухе, так что меч вырвало из моей руки, а тяжелая туша хроба начала заваливаться прямо на меня. Я попытался увернуться, но в глазах потемнело от боли в раненой руке.

Почти ослепший от боли, я упал. И тут почувствовал, как рукоять меча — чьего-то чужого, непривычного меча — ткнулась мне в ладонь, и охрипший от жары и лихорадки голос шепнул:

— Дай им хорошую трепку, старший брат!

Я поднялся. Ну конечно же, рядом был Батхал. С головы до ног — в крови. В голубой крови хробов. Глаза веселые — младший брат любил битву. Из него вырастет великий воин, если выживет в этой схватке. Я знаю, серьезные дядьки в строгих кабинетах давно обсуждают предложение нанимать в нашу службу инопланетчиков. А что? Три месяца ускоренного обу-

чения в тренировочном центре, гипнопедическое усвоение элементарных знаний об устройстве Вселенной, идеологическая накачка, воспевающая благородную миссию Союза Землян в Галактике — и из такого вот дикаря получится профессионал не хуже меня или Герада. Хорошее предложение. Правильное. Мое...

Н-на! И тебе! А ты куда?! Получай...

Хробов оказалось не так много. Нам удалось уничтожить их до того, как серопузые добрались до носилок с ранеными. Видимо, не так много хробов прорвалось сквозь заслон, поставленный Герадом. Мы не стали пересчитывать трупы врагов. Бессмысленное это занятие. Хробы не люди. Они не рождаются от отца и матери. Я однажды видел, КАК они рождаются! Боюсь, это кошмарное видение будет сопровождать меня до конца моих дней.

Даже странно, как незаметно пролетело время. Я здесь уже слишком долго. Боюсь, по возвращении не миновать зеленого кабинета. Иногда, чтобы отвлечься от боли, представляю, какими добрыми глазами станут смотреть на меня наши мозгоправы, когда я буду рассказывать, что здесь было.

Видимо, бой дался мне тяжелее, чем всегда, потому как дорогу до реки я помню смутно. Кажется, сперва еще были вокруг люди, а потом только сосны. Зеленая накипь крон, красная стена стволов. Уже на пароме пришел в себя. На носилках, бок о бок с теми, кто сумел пережить атаку хробов. Тот, что лежал со мной рядом, придавил мою здоровую руку, и, сколько я не пытался выбраться, только барахтался как жук. И, наконец, услышал смех Герада. Что-то с этим смехе было непривычным, чужим, странным. Но в тот момент меня больше занимали попытки подняться.

В конце концов мне удалось высвободиться. Кто-то протянул руку и помог мне встать. Прежде всего, я пере-

считал своих. Из восьмидесяти человек осталось шестьдесят шесть. Остальных мы потеряли. В том числе и пятерых мальчишек, отправленных на разведку. Я взглянул на Батхала. Младший брат прочитал вопрос в моих глазах и отвел взгляд. Быть может, он прочел в них и укор, но мне некого было корить, кроме себя самого.

За моей спиной снова раздался странный смех Герада. Я оглянулся и едва сдержал стон. Стон бессильной ярости. Герад лежал на носилках среди других раненых, на губах его пузырилась кровавая пена, а из правой глазницы торчало оперенье хробовской стрелы. Знахари и милосердницы склонились над могучим воином. Самым могучим из всех, кого я когда-либо знал. Заклинаниями и бинтами они пытались остановить кровотечение. А Герад продолжал смеяться. И не понять, смеялся ли он, чтобы подбодрить своих людей, с отчаянием взирающих на поверженного командира, или потому, что грязная стрела хроба повредила ему мозг, и великий Герад сошел с ума.

Впрочем, оставалась еще надежда.

Превозмогая боль, я подошел к нему. Чертовы раны не позволяли наклониться, и мне пришлось встать на колени, чтобы заглянуть ему в лицо.

— Герад, — громко позвал я, стараясь перекрыть его сумасшедший смех. — Герад!

— Это ты, Урс? — хрипло спросил он. По телу Герада прошла волна судорог. Он судорожно схватил рукой воздух возле моего лица. — Где ты?

— Здесь. — Я положил руку на его горячую ладонь. — Ты справишься, друг. Ты сильный человек, мы с тобой проходили и не такое...

Я не успел договорить, как он перехватил мою руку, другой вцепился в мою шею и притянул мое лицо прямо к своим губам:

— Ты дурак, Урс, — просипел он, булькая кровью. — Как давно ты стал дураком?

Я попытался освободиться, но у него даже сейчас была стальная, медвежья хватка.

— Тебя ждет... подарок... в Рорх-Крайхене. Подарок от меня... Ты будешь... удивлен...

Он захохотал, захлебнулся кровавой пеной и затих. Знахари оттащили меня.

Я оттолкнул их, ушел к борту. Погано стало на душе. Не то чтобы слова умирающего обеспокоили меня. Мало ли, что скажет человек, одной ногой стоящий в могиле? Это только в фильмах о войне, которые я любил в детстве, солдаты умирали красиво, призывая товарищей не щадить врага и спасти Родину. В жизни все иначе. Эгул-Красавчик, когда топор эритрейца развалил его до пупка, на последнем издыхании проклинал собственную мать. Сергей рассказывал химмерийским костоправам русские анекдоты. Костоправы ни слова не понимали, но улыбались, отхватывая тупыми ножами куски его плоти. Плоть разлагалась буквально на глазах — не повезло парню, попал под плевок инсектоморфа. Порккала, при взятии Кингстоуна пробитый ядром навывлет, попросил закурить, но не успел сделать и единой затяжки. Разные люди и умирают по-разному. И не скажешь заранее, кто как поступит, когда безногая заглянет в глаза... И все-таки тяжело, когда старый боевой товарищ перед смертью называет тебя дураком и обещает подарок с таким злорадством, словно речь идет об отмщении.

Мог ли Герад затаить на меня смертельную обиду? Трудно сказать. На вечной нашей войне, театром боевых действий которой служат разные миры, бывает всякое. Не слишком напрягая извилины, я могу припомнить добрый десяток случаев, когда Герад мог на меня обидеться. Взять хотя бы ту историю на

Затмении-пять. Не позволил я тогда парням поразвлекаться с дриадой. Троим пришлось набить морды, двоим пригрозить трибуналом, прежде чем они оставили в покое пугливое, покрытое серо-зеленой чешуйчатой кожей создание, лишь отдаленно напоминающее земную женщину. Герад, как командир полевой разведки, поддержал меня, но в глазах его я заметил недобрый блеск. Так что все может быть...

Паром был уже совсем близко от пристани. В желтых водах Великой реки отражались коренастые башни Рорх-Крайхена. На берегу толпился народ. Словно знамя, развевался алый с черным подбоем плащ князя, неподвижно восседающего на гнедом дола-эйдэском жеребце. Ророх встречает нас собственной персоной. С чего бы такая честь?

Я постарался выпрямиться, сдержав стон, положил больную руку на эфес. Пусть старый лис Ророх не думает, что мы пришли за милостью. Это всего лишь союз равных в войне, где слишком много политики и мало чести.

Рядом, такой же прямой и суровый, встал Батхал. Сказал вполголоса:

— Не бери в голову то, что сказал Герад, старший брат. Боль забрала его разум раньше, чем оборвала жизнь.

Мне не нужно было смотреть на парня, чтобы понять: сам он не считал слова умирающего такой уж бессмыслицей. И от этой странной опаски в его тоне мне вновь стало не по себе. Все казалось, что паром везет нас не к спасению, а в хитроумно расставленную ловушку. Но другого пути не было. Я уговорил старейшин протянуть руку дружбы Ророху — и теперь, даже если в Рорх-Крайхене нас ждет засада, мало что можно изменить. Остается лишь быть на чеку. Из старейшин уже не осталось ни одного. Так

получилось, что судьбу племени теперь решал чужак. Земной солдат, по странной иронии фатума вставший во главе дикого, гордого, древнего народа.

Я неторопливо двинулся в сторону Ророха. Сзади на полшага следовал Батхал. Чуть оступившись, я почувствовал его руку, удержавшую меня за рубаху. Не пристало Старшему брату рухнуть лицом в илистый берег Великой перед старым Ророхом.

Мы остановились в десяти шагах. С минуту князь ждал, но после, поняв, что напрасно надеялся на легкую победу, спешился и, растянув полные губы в улыбке, двинулся нам навстречу, широко раскрыв объятия.

— Мои хорошие Братья, — громко воскликнул он, — я рад приветствовать народ деланханов на крайхенской земле. И заверяю вас, что здесь вы находитесь среди друзей. Войдите в мой город и мой дом по доброй воле и с чистым сердцем.

Ророх поднял вверх раскрытые ладони, и народ на пристани разразился приветственными возгласами и радостными криками. Ни один хитрец-правитель не смог бы заставить своих людей радоваться так искренне, приветствовать так открыто. Среди крайхенцев было немало тех, кто считал себя в тайне одним из нас, деланханов, тех, в чьих жилах текла кровь древнего племени. Сейчас они готовились встретиться с родными, из-за войны оказавшимися по другую сторону. На сердце стало легче: даже если Ророх задумал недоброе, всех деланханов ему не истребить — любой из его горожан, что стоят сейчас на площади, отыщет в своем доме темный погреб или потайной чулан, где найдется место для двоих-троих дальних родственников. Многие из тех, кто радуется сейчас прибытию паромы, знают, как выбраться из города, минуя стражу.

Кое-кто из женщин уже махал с парома крайхенцам. Ророх, довольный, что его речь встречена таким ликованием, крепко сжал мою руку в своих широких ладонях.

— Благодарю тебя, князь! — сказал я. — За честь. За помощь. Скорблю о воинах, павших ради нашего спасения, и о благородном Гераде!

Не оборачиваясь, я махнул рукой. Воины, двое из моего племени, двое — из людей Герада подняли носилки, и, утопая по колено в прибрежном иле, вынесли на берег тело одного из лучших солдат Союза Землян. Князь отпустил мою руку, шагнул к носилкам, заглянул в мертвое лицо. А я тем временем следил за его лицом. Лишь человек посторонний мог не разглядеть на нем ничего, кроме скорби. Я не был посторонним и потому распознал в поджатых губах Ророха недоумение, а в прищуренных глазах — гнев. На что мог гневаться светлейший князь? На жестокую судьбу, что вырвала из наших рядов могучего Герада? Князь не настолько глуп. Нет, гневаться Ророх мог лишь на того, чья неумелая рука послала тяжелую хроровскую стрелу не в ту голову.

И гнев, и недоумение князя были лишь промельком истинных чувств. Ророх, как хороший политик, быстро совладал с собой и повел меня и Батхала наверх, в гостевые комнаты, где нас ждала свежая одежда и чан еще горячей воды. По праву старшинства я вымылся первый, стараясь не медлить, чтобы вода не остыла. Хотя Батхал, как и все деланханы, наверняка предпочел бы ледяную воду ручья у родной деревни любимым душистым купальням высокородных «друзей на час».

Две шустрые смешливые девушки принесли нам чистое белье и нарочито медленно принялись раскладывать на кровати, давая возможность гостям подумать и о других желаниях. Одна, светленькая, явно робела

варварского вида гостей хозяина, а вот другая, темноволосая и черноглазая, юркая и обманчиво мягкая, как соболь, то и дело игриво поглядывала на купающегося Батхала.

— Не желают ли господа чего еще? — спросила она услужливо. Беленькая залилась краской и еще ниже опустила голову.

— Желают, красавицы, — бросил я служанкам. — Перед вами великий воин деланханского народа Батхал, сын Бетвала. Сей храбрый юноша более искусен в битвах, нежели в купании.

Девушки прыснули со смеху, Батхал сурово глянул на меня, но промолчал.

— Не соблаговолят ли достойный девы Рорх-Крайхена помочь воину омыть и перевязать его раны...

Невзирая на красноречивый протестующий взгляд Батхала, я вышел из комнаты и почти ощупью побрел вдоль темного коридора. Темнота обходилась дешевле. Только в дальнем конце перехода дрожало пламя одинокого факела. Я двинулся к нему.

И оторопело остановился. Сердце прыгнуло в горло и застучало оглушительно и скоро. Руки сами сжались в кулаки. И кровь, заторопившаяся по телу, бросила меня вперед, туда, где еще мгновение назад я видел ЕЁ.

Коридор, как и положено, то и дело искривлялся фортификационным зигзагом, и возле каждого поворота сердце мое подскакивало к горлу. Вот сейчас я увижу, что обознался, что это вовсе не ОНА, а всего лишь служанка или одна из многочисленных наложниц князя. Я отчетливо слышал легкую поступь и свист ткани, рассекающей сырой затхлый воздух. Проклятый коридор извивался, как исполинская змея, редкие факелы только сгущали тьму, я шел быстро, но не успевал за легконогой незнакомкой. Окликнуть? И услышать чужой голос. Нет уж, лучше догнать, схва-

тить за плечо, заглянуть в незнакомое лицо и только тогда обессиленно сползти на пол. Нелепая погоня за призраком прошлого выпила из меня последние капли былой мощи. Проклятая рана...

Увлеченный погоней, я не сразу услышал приближающиеся шаги. Кто-то стремительно двигался мне навстречу. Она? Нет. Судя по шагам — мужчина. Я остановился, прислонился к стене, дыша, словно загнанная лошадь. Из-за поворота вырвался луч света. Метнулся по влажному камню, воспламенил стайку мошек, уперся мне в лицо. Ослепленный, я попытался заслониться здоровой рукой, но тщетно. Незнакомец освещал себе путь отнюдь не факелом.

— Вот так встреча! — воскликнул он знакомым басом. — Не ожидал! Ей-богу, не ожидал...

— Сашка, — начал было я удивленно, но из-за спины моего старого, еще с Земли, друга выдвинулась пара хробов. Один из них ловко выбросил вперед крепкую серую руку, целя мне в висок.

В глазах потемнело.

Сильные и холодные — не руки, а стальные клещи — поволокли меня куда-то за угол, потом вниз, пятками о ступени, потом снова вправо и влево по извилистым коридорам. Мутило. Перед глазами мелькали круги, тени, адски болела рука. И от этой боли я, наконец, провалился в беспамятство, в серое марево, из которого постепенно вновь проступали камни стен, далекие пятна факелов. Ближе — деревянные перекрытия, бархатные занавеси. И вдруг — еще ближе — ее лицо.

— Миранда, — прошептал я, невероятным усилием протягивая руку, чтобы коснуться длинной темной пряди, поблескивающей в дрожащем факельном свете.

— Я не хотела, — шепнула она в ответ, — и я, и Батхал, мы правда не хотели, чтобы все так получилось...

— Ты призрак? — с замиранием сердца я всматривался в ее черты, знакомые, милые. — Если ты призрак, возьми меня с собой...

— Когда мы были вместе, ты не верил в призраков, — усмехнулась она, положила мне на голову ледяную ладонь.

— Я поверю во что угодно, если ты останешься со мной... — Она была так близко, живая, невредимая, без единого следа пыток, и я едва не плакал, продолжая тянуться к ней. Каждой клеткой тела переживая вновь все свое горе, всю свою боль, как в тот день, когда Батхал принес мне весть о ее смерти и ее предсмертных мучениях.

— Я не могу быть с тобой, — проговорила она, и слезы навернулись на ее глаза. — Мне правда жаль, что все получилось так. Я просила Батхала не слишком мучить тебя, рассказывая о моей смерти...

Она опустила голову, наклонилась, заскользила руками по моим плечам и бедрам, затягивая ремни, позвякивая цепями.

— Лживая тварь. — Это вырвалось само, против моей воли. Я рванулся, но ремни держали крепко.

— Да, — ответила она виновато, — я лгала тебе. Но я не хотела причинить тебе страдания. Мы просто должны были спасти племя.

— Странный способ... — начал было я, но она закрыла мне рот ладонью.

— Старейшины не могли договориться, — быстро, торопливо заговорила она, — только спорили. В таком племени, как наше, все давно друг другу родственники. И все старались в этой войне найти выгоду для своих. Нужен был кто-то чужой и сильный, как ты. Мы с Батхалом давно пытались уговорить совет старейшин попросить помощи у Ророха, но нас никто не слушал. А тебя... тебя они послушали. Я стала твоей

женой, Батхал твоим названным братом — и деланханы приняли тебя. Стали слушаться. А моя смерть и хробы, разорившие деревню, — это был лишь маленький щелчок кнута, чтобы подогнать вас в сторону Рорх-Крайхена.

— Подогнать? — прошипел я, чувствуя, как вся любовь, что жила в моем сердце, в одно мгновение перекипела в злость и разочарование. — Ты гнала свой народ, как скот? Ты позволила хробам убить старейшин и сильнейших воинов, чтобы перепуганные женщины и дети прибежали под крылышко Ророха?

— Зато теперь дни войны сочтены, — совсем тихо шепнула Миранда, едва не плача. — Все закончится. Они разделят земли, ваши возьмут свое, и наступит мир.

— Хватит болтать, Мира, — раздался рядом знакомый голос. — Давно пора заканчивать. Он свою работу сделал.

Сашка, странно неуместный в своем серебристом костюме среди серых камней и факелов, склонился надо мной, закрепляя на моей груди УАП.

— Батхал, — позвал он. — Ты или я?

— Может, я? — с ноткой жадной зависти пробормотал где-то рядом Ророх.

— Ты свое получил, — бросил Сашка.

Батхал отодвинул плачущую Миранду и молча ударил мечом мне в грудь.

Я умер.

— Вставай, парень, — подбодрил Сашка, помогая мне подняться из кресла, — Здорово ты. Ни один еще так теста не проходил. Полная совместимость. Тебя там начальство в большом кабинете дожидается.

— Иди ты, — буркнул я. — Не ожидал он...

— Чего ты? — изумился он. — Ведь все отлично прошло...

Я отпихнул его и пошел к выходу, сопровождаемый удивленными взглядами лаборантов. Наверняка кто-то уже держит палец на тревожной кнопке. Реагент не вышел из глубокого кондиционирования. Вернее — вышел, но не весь. Следовательно, вязать психа и в зеленый кабинет.

И ведь будут правы. Был реагент, да не весь вышел. Помнит еще обезумевшие от страсти глаза женщины, которая стала его женой по заданию. И крепкое рукопожатие младшего брата. И предсмертные слова умирающего друга. И хруст собственной груди под натиском варварского меча. Жмите-жмите свою кнопку, дорогие коллеги. Пока другие дорогие коллеги очухаются, я успею сказать пару ласковых Генералу.

Генерал стоял у окна во всю стену и любовался закатом. Прямая спина. Руки сложены за спиной. Пальцы поигрывают шариком из дымчатого стекла. Шарик напоминал планету. Сколько таких планет побывало в железных пальцах Генерала?

— Вызывали?

Генерал медленно отвернулся от окна, за которым до самого горизонта не было ничего, кроме океана зелени. Багровой полосы заката. Тускнеющего летнего неба.

— Вызывал, Гена, — сказал он. — Садись, поговорим.

Он толкнул в мою сторону кресло на антиграве. Роскошное, надо заметить, кресло. Не каждый чиновник может позволить в своем кабинете такое. Но я не стал садиться, только оперся кончиками пальцев о широкую, словно взлетно-посадочная полоса столешницу. Меня слегка пошатывало: глубокое кондиционирование — это не шутка, но если пришел ругаться, лучше делать это стоя.

— Ну что ж, Гена, — смиренно произнес Генерал. — Значит, будем разговаривать как на плацу.

В его глазах не было ни капли гнева, лишь бесконечная усталость. Почти такая же бесконечная, как Вселенная, которую он покорял уже сорок с лишним лет.

— Вот диаграмма твоих успехов, — сказал он, и провел ладонью над полированной поверхностью стола. В воздухе набухла голографическая проекция. — Пиковая совместимость семьдесят процентов! Больше, чем допускается нашими теоретиками. Ты уникам, Гена! Даже я в твои годы не добирал пять-шесть процентов до нормы. А норма во все времена была одна и та же. Фифти-фифти, ну и еще плюс-минус пять. Ты гордость не только своего отдела, но и всей нашей службы. Так какого же лешего тебе нужно?!

Я набрал полную грудь воздуха и произнес:

— Мне нужно, Виталий Георгиевич, чтобы меня...

Генерал прямо посмотрел мне в глаза, и от этого взгляда в один момент слова вылетели из головы, я сбился, но продолжал смотреть в переносицу старику. Если бы дело касалось только меня, я не рискнул бы так говорить с ним. Но...

— Виталий Георгиевич, верните меня в проект. Там остались мои люди. Я всегда старался быть хорошим командиром и не могу бросить своих в беде.

— Вы отличный командир, дружище. — Генерал обошел стол, надвинулся на меня, добродушно улыбаясь. — Вы прекрасный лидер, что отлично доказали проведенные тесты. Вы лучше многих адаптировались к обстановке и стопроцентно готовы выполнить задание. Одна беда, дружище... — Он похлопал меня по плечу, подбадривая, и я внутренне сгруппировался, готовясь к удару. — Задание, к которому вас готовили, больше не имеет смысла. Лучший реалигент не может выйти на задание, потому что группа, в которую вас хо-

тели внедрить, сама пошла на союз с нашими сторонниками в «Проекте 6». Деланханы больше не являются для нас проблемой.

— Я вас не понимаю, я...

— Ты не был там, Гена, — четко, с расстановкой, проговорил Генерал, сжав пальцами мое плечо. — Ты готовился работать с деланханами, проходил итоговый тест на симуляторе со стопроцентным погружением в реальность. Пока мы готовили тебя, ситуация изменилась, поэтому капитану Александрову пришлось принудительно вывести тебя из тестовой программы. Видимо, не без последствий. Сейчас тебе трудно это принять, но — тебя ТАМ НЕ БЫЛО!

— Я был там, — стараясь говорить уверенно, тихо ответил я.

— Нет, — рывкнул он и тряхнул меня за плечо. — Ты не покидал станции. И сейчас у тебя два пути — или ты берешь себя в руки и приходишь в норму, или тебя ждет зеленый кабинет!

Спорить было бессмысленно, и я отступил. Не этому ли вы учили нас, Генерал? Отступить, чтобы сохранить силы для контратаки.

— Простите, Виталий Георгиевич, — проговорил я. — Я просто немного устал.

— Конечно-конечно, Гена, — откликнулся он. — Отдыхай. Даю тебе отпуск. Когда придешь в норму — возвращайся.

Мы попрощались. Тепло, будто старые друзья. Я вышел из его кабинета и двинулся к выходу. Не хотелось никого больше видеть. Мне было необходимо остаться одному и все обдумать. И прежде всего — понять, почему Генерал попытался меня обмануть?

Мне удалось проскользнуть незамеченным никем из коллег. На выходе часовой откозырял мне. Я фа-

мильярно сделал ему ручкой, всем видом демонстрируя беззаботность.

Наконец-то я был на свободе...

Станцию окружал парк, но за парком расстилался девственный лес. Я решил, что не пойду в гостиницу. Не стану ловить сочувственные взгляды коллег и исповедоваться штатному психоаналитику. Я сделаю лучше. В лесу я могу жить сколь угодно долго, не встречаясь ни с кем из людей. Тем более что этот лес я знаю, как свои пять пальцев...

Я свернул с дорожки, ведущей к воротам, и кинулся к ограде. Перескочить через трехметровую стену тому, кто брал Ортзейский вал — пара пустяков. Я был уже наверху, когда меня окликнули.

— Салют рейнджерам! — крикнул Сашка, догоняя меня. — Что же ты и не зашел? Я надеялся поговорить... за рюмкой чая.

Я постарался улыбнуться, но, видимо, получилось не слишком искренне, потому что Сашка ускорил ход и в несколько шагов догнал меня.

— Послушай, Ген, — с тревогой в голосе продолжил он. — Я знаю, каково тебе сейчас. Ты уж прости, что с твоим выводом из программы такой косяк вышел. Ты никак выходить не хотел, пришлось... ну... пожестче. Подумал, Генка — парень крепкий, справится. Регенерационную велел приготовить, на всякий случай... Но видишь, цел-невредим, мальчик Вася Бородин...

Сашка усмехнулся, но улыбка тотчас растаяла на его губах. Он виновато заглянул мне в лицо.

— Ген, ну что молчишь-то. Знаю, что мне и на треть не понять, как из такого глубокого погружения в реальность в аварийном темпе выныривать. Я сам максимум на тридцать пять процентов адаптивен... Ну, прости. Ей-богу, не хотел. Сам знаешь, приказ есть приказ...

Я пристально посмотрел ему в голубые глаза, честные-честные, какими они бывали в детстве, когда Сашка задумывал очередную шалость. Ох, и мастер он был на разные кунштюки! Воспитатели в интернате с ума из-за него сходили...

Какого черта, подумал я. Нет у меня поводов сомневаться в Сашке. В конце концов, они ни разу меня не подводил. Не тот он человек...

— Слушай, Сашок, — сказал я, как говаривал, когда мы были пацанами. — Надо перетереть кое-что...

— Идем в общагу!

— Нет, — уперся я. — Там слишком тонкие стены, у которых наверняка есть уши.

— Тогда на наше место, — предложил он.

— Хорошо, — согласился я, — но порознь. И ты иди через ворота... Нам уже не тринадцать, чтобы дружно в самоволку удирать.

Он коротко хохотнул, хлопнул меня по плечу и соскользнул с ограды на территорию станции. А я — наоборот. Место было выбрано, как нельзя лучше. Здесь лес подступал к ограде вплотную. Густые кусты боярышника, шиповника, малины, кормившие не одно поколение юных курсантов, с упорством штурмовых отрядов атаковали неприступную стену и служили временным укрытием для перебежчиков с той стороны. Вероятно, персоналу станции ничего не стоило истребить зеленых захватчиков, но бесконечно мудрые наши Воспитатели понимали, что у будущих посланников Союза Землян, кроме муштры, ежедневных занятий, марш-бросков и пробных погружений, должно быть и нормальное человеческое детство. Насколько оно может быть нормальным у сирот.

Я бесшумно приземлился в малиннике, сорвал несколько ягод и на ходу забросил в рот. Это тоже был своего рода ритуал. Летом — ягоды. Зимой — снежки.

вместо мороженого. Разведчик должен подкрепиться, прежде чем проникнуть на неизвестную территорию. Лес не изменился с тех пор, когда я видел его в последний раз. Разве что ельник подрос. Ух, как здорово было таиться в его непроницаемой для враждебного глаза тени, чтобы напасть на ничего не подозревающего противника внезапно и сокрушительно.

Созданные для войны, мы в нее и играли, что, безусловно, поощрялось нашими наставниками, как и крепкая дружба между воспитанниками. Одна из заповедей нашей службы гласила: *«Помни, среди твоих боевых товарищей врагов нет!»* Разумеется, мальчишки, да и девчонки тоже, частенько дрались друг с другом. И Воспитатели не возражали, точно зная, что так закаляется бойцовский дух, выявляются лидерские качества и укрепляется дружба. Ведь Воспитатели, все до одного, тоже когда-то были воспитанниками «Передового Отряда Союза Землян», как официально именовалась наша служба.

Я миновал полосу ельника, одним прыжком пересек древнюю грунтовую дорогу, углубился в сосновый бор. Бор стоял на обрыве. А внизу плескалась холодная наша речка. Медленная, с неожиданно возникающими водоворотами и глубокими черными омутами.

Ох, некстати этот бор, да и речка — тоже. Хотя она совсем непохожа на Великую, но тем не менее...

Я остановился, ухватился за шершавый, смолистый ствол, борясь с приступом головокружения. Не хватало только возвратного инсайта... Как у Борислава... Тогда точно не миновать зеленой комнаты...

Протяжный, вынимающий душу вой вернул меня к действительности. Я посмотрел вверх. Над лесом стремительно выросло белое облако. Так, запуск. Значит, сейчас пойдет дождь. Успеть бы...

Я оттолкнулся от ствола, в несколько прыжков преодолел расстояние до обрыва и сиганул вниз. Летнее, горячее голубое небо распахнулось мне навстречу. Я сгруппировался, как учили когда-то на занятиях по парашютно-десантной подготовке, но на самых последних метрах резко выпрямился, протянул руки и...

Резкая боль ударила так, что я едва не вскрикнул. Правая рука приняла вес тела легко, как всегда, а вот левая... Я пощупал предплечье — внешне все было в норме: мышцы здоровы, кости целы. Так и должна выглядеть рука... после регенерации тканей.

— Регенерационную, говоришь, приготовил? — прошипел я, вскакивая и все еще невольно ощущывая «подштопанную» руку. — Не был я там?

— Что-то ты долго, — крикнул Сашка, поднимаясь мне навстречу. — Завалился в кресле, форму потерял.

Я не подошел к нему, присел в паре шагов на поваленное грозой дерево, постучал рукой по шершавой, царапающей ладонь коре и, словно не замечая этого, чуть сморщился и потерял левую руку. Сашка заметил этот жест, но промолчал. Только взгляд у него стал внимательнее, жестче. Взгляд хирурга перед операцией, а не друга. Друг-Сашка обязательно спросил бы, что болит, и посмеялся бы над пустяковостью раны. Этот, новый Сашка, не спросил, сел рядом, искоса поглядывая на мою руку.

— Саш, — начал я, — ты вот скажи мне, как так могло выйти, что я там вообще как будто по-настоящему был. Я же и раньше проходил тесты, но там все время было это ощущение нереальности. А здесь...

— Так чего ты хочешь, — отозвался он. — Ты уникал. Вон какой процент совместимости хапнул. Тебе вообще та реальность должна реальнее нашей казаться.

— Понимаешь... — продолжил я, стараясь не смотреть на друга. — Когда Генерал сказал, что меня не

было на планете, я не поверил. Вот ты мне скажешь еще раз, что не было, тогда я поверю. Тебе поверю.

Сашка приобнял меня, потрепал по плечу:

— Ген, я тебе говорю, как друг и врач, и как солдат, такой же, как ты, — это были не несколько месяцев на дикой планете, а трое суток на симуляторе в режиме экстренной подготовки и неплановый вывод из теста. Поэтому могу понять, тебе сейчас, наверное, фигово. Но это пройдет. И никакого зеленого кабинета не понадобится. Не будь я Сашка Александров.

Он ударил себя ладонью по коленке, оборачиваясь ко мне. И в то же мгновение я ударил его кулаком в переносицу. Он не ожидал удара — даже руки не поднял, чтобы защититься. На душе стало скверно. Я обшарил его карманы в поисках документов и пропусков, да хоть чего-нибудь, что могло помочь. И вдруг на голени, в узком кармашке, нащупал что-то странное. Хотя странное ли, учитывая Сашкину специализацию, — шприц и ампулу в ударопрочном контейнере. Прочитав название на ампуле, я склонился над Сашкой и начал трясти его за плечо. Трясти вовсе не дружески. Мой друг стал понемногу приходить в себя.

— Это что? — спросил я у него. — Это для меня?

Сашка молчал, прямо и жестко глядя мне в глаза.

— Лучше ответь мне по-хорошему, Сашка, — попросил я. — Ты же знаешь, я могу и по-плохому. Нас и к этому готовили. Помнишь спецкурс «Техника интенсивного допроса военнопленных», его еще Крокодил читал?.. И практические занятия...

Он продолжал молчать, но по еле уловимым признакам я понял: Александр Александрович Александров, военврач третьего ранга, знаток первобытной медицины и крупный специалист в области глубинного психокондиционирования, испугался. Интенсивного допроса испугался или чего-то другого?!

— Ну!

И для верности наотмашь врезал ему по губам. Не сильно, в общем.

— Дурак ты, Генка, — процедил он сквозь зубы, сплевывая кровь. — Думаешь, это сойдет тебе с рук? За такие дела, знаешь, что бывает?

— Нет, — ответил я вполне искренне.

Я знал, «что бывает за такие дела», хотя знать мне не положено. Прежнему Сашке я бы признался, этому — нет. А еще мне хотелось услышать об этом от него. Я уже догадывался, кто такой ААА на самом деле...

— Ссылка на планету за пределы сферы интересов Союза, — ответил он, кривя в усмешке разбитые губы. — На любую, по выбору бывшего реалигента. К счастью, пригодных для человека планет пруд пруди. Их каждый год открывают больше сотни...

— Ты мне зубы не заговаривай! — оборвал я его. — Ближе к телу, как говорил Ги де Мопассан.

— Да все просто, Геннадий Сергеевич, — сказал он. — Социодинамическое моделирование показало, что деланханам в будущем предстоит сыграть решающую роль в истории всего Левобережья. Говоря проще, они могли бы создать обширную империю, от Великой до Зарайских предгорий.

— Могли бы? — тупо переспросил я.

— Ну да, — отозвался Сашка. — При условии, что у них нашелся бы умный, энергичный вождь... В общем — он и нашелся... Ты слишком рьяно взялся за дело, Генка. Сначала начальству это нравилось. На всех летучках тебя ставили в пример. Было принято решение усилить «Проект 6»...

— Герад?

— Да. Он должен был создать из зарайских горцев ударную армию, которая выдвинулась бы на встречу деланханам, через левобережные княжества.

Воссоединение планировалось осуществить в Рорх-Крайхене, но...

— Что «но»?!

— Но тут вмешалась политика, и операцию было приказано свернуть, — продолжал откровенничать Сашка. — Однако ты так разогнался со своими дикарями, что остановить было почти невозможно...

Да, это так... Моя кожа еще помнила прикосновение горячего ветра Киликейских полей, а мышцы, натруженные многочасовой битвой, ныли до сих пор... И этот восторженный рев моих деланханов над трупами поверженных врагов...

— Почти?

— Да, — откликнулся Сашка, бывший друг, а ныне сотрудник секретного подразделения по ликвидации последствий неудачных операций. — Почти, потому что у нас, слава богу, есть спецсредства...

Я вскочил, сгреб его за грудки и выдохнул:

— Хробы?!

— А куда без них? — почти спокойно ответил Сашка. — Можно подумать, ты не догадывался?

Я не смог ответить, ни ему, ни себе. Догадывался или нет — не знаю. Просто с какого-то момента я перестал быть солдатом и стал вождем. И племя деланханов стало моим народом. Что кривить душой: я стал Старшим братом, когда Батхал назвал себя моим младшим, я стал вождем, когда Миранда назвала меня своим мужем.

Мой брат лгал, моя жена лгала — и это совершенно ничего не меняло во мне. Я уже был деланханом. И «Проект б» там, далеко, очень далеко, убивал моих людей.

— Саша, — тихо сказал я, — давай мы не будем про догадки. Давай вообще не будем создавать проблем. Ты просто забросишь меня обратно, а я обещаю не возвращаться. Теперь, когда я знаю, что я там был,

я знаю еще много чего. Например, что ты «вынырнул» на УАПе вместе со мной.

Сашка тяжело глянул на меня, и я понял, что угадал. Как-никак, УАП был «последним шансом», рассчитанным на то, чтобы «вытащить» любое количество человеческих единиц. Достаточно было просто создать правильную «сцепку». Вот и Сашка ухватился за умирающего друга и «вынырнул» заживо, без меча в груди. После такого скоростного прыжка не всякий быстро приходил в норму, видно, военврач Александров не слишком удачно «вошел в поворот», потому и носил с собой ампулу и шприц.

— Что, Сань, возвратняк тянет? — спросил я, подбрасывая на ладони ампулу. — А если я эту штуку сейчас выброшу, тебя привяжу к дереву и стану ждать, пока тебя обратно потянет — и будет все здорово. Я — в Рорх-Крайхене, а ты — в морге. Как тебе вариант?

— Геныч, мы ж друзьями были... — начал он, сглатывая. — И не знал, что ты такая тварь...

— Тварь, дружище, еще какая, — бросил я, поднимая его на ноги. — Ампула у меня. Сейчас ты начинаешь улыбаться и ведешь меня на резервный пункт. Поверь, дактилозамки я могу и твоей мертвой рукой открыть, но... — я помолчал, зло улыбаясь, — мы ведь были друзьями...

— Ладно, — сказал он. — Идем...

Но он не сдвинулся с места, просто пробормотал нечто вроде заклинания, и часть глинистого откоса поднялась, наподобие крокодильей пасти. Неопрятной такой пасти, с гнилыми клыками корней и кусками добычи в виде комков глины. В глубине «пасти» блеснула металлическая дверь с условным обозначением резервного пункта. И когда только успели соорудить? Ведь это НАШЕ место! Или резервный пункт построен здесь еще до нашего с Сашкой появления в Пере-

довом Отряде? Все может быть. Должны же ликвидаторы располагать собственными установками.

Сашка произнес другой код. Сезам отворился. Из длинного тоннеля, освещенного аварийными лампами, дохнуло прохладным ветерком с запахом озона. Мы пошли ему навстречу. Сашка впереди, я сзади, с ампулой во вспотевшей ладони. Если этот предатель рыпнется, я раздавлю ее. Пусть я не медик, но тоже кое-что соображаю. Если не принять стабилизатор вовремя, объект отправится обратно. Правда, в виде котлетного фарша...

Мы шли и шли. Сезамы отворялись перед нами один за другим. Я все опасался, что за очередной герметичной дверью притаится парочка хробов — биологических роботов Хвалынского: безмозглых и безжалостных тварей, но чрезвычайно эффективных в войне любого масштаба. Достаточно забросить в нужную точку воспроизводящий биореактор, и хробы начнут рождаться на свет, словно термиты. К счастью, при помощи хробов в нашем деле можно решить далеко не все проблемы...

— Мы пришли, — сказал Сашка, «отворив» очередную дверь.

Я оттер его в сторону и... замер с разинутым ртом.

Панель во всю стену состояла из сотни небольших экранов. В каждом квадратике копошились люди, шли повозки, кое-где между людьми и повозками появлялись хробы. Эти квадратики быстро становились красными. В левом нижнем углу сразу несколько квадратов показывали один и тот же город. Я узнал его сразу — Рорх-Крайхен.

И тотчас понял — дело плохо.

— Отсюда мы следили за тобой и твоими успехами, — примирительно сказал Сашка. — Поверь мне, друг, я был готов в любую минуту вытащить тебя...

Я не ответил. На маленьком, в две ладони, экранчике, появилось бледное женское лицо. Испуганные светлые глаза. Миранда. На мгновение показалось, что она видит меня. Смотрит на меня. Миранда молитвенно сложила руки и принялась говорить что-то быстро, торопливо, то и дело всхлипывая. Что она говорила, разобрать я не мог, но происходящее на других экранах подсказало. Ророх вырезал своих новых друзей-деланханов. Вырезал методично, как скот. И Миранда просила за свой народ всемогущих богов-землян. Тех, что посылают хрбов и солдат, тех, что правят мирами.

— Сашка, — почти умоляюще произнес я. — Саш, перебрось меня туда. Я должен спасти своих.

— Это бессмысленно, Геннадий! — сказал Генерал, появляясь из незаметной двери. — Деланханы уже в прошлом. Одно из бесчисленных вымирающих племен. Не они первые, не они последние. Мы ошиблись, когда поставили на них. Пришло время признать ошибку и исправить ее. Смотри!

Он указал твердой рукой на россыпь экранов. Я поглядел туда же. В Рорх-Крайхене кое-что изменилось. На первый взгляд там происходила та же резня, но убивали уже не деланханов, а коренных рорх-крайхенцев. Могучие зарайские горцы работали, словно жнецы на ржаном поле. Они мчались по узким улочкам и пожинали всех без разбору. И предводительствовал ими, разумеется, Герад. Живой и здоровый.

— «Проект 6» входит в решающую фазу, — торжественно возгласил Генерал. — Горцы Герада станут ядром армии, которая завоеует не только Левобережье, но и Правобережье, и все Поречье, и полуостров Дракона...

Я молчал и лишь, бессильно тискал в ладони ампулу, не замечая, что между пальцами сочится стабили-

затор. Генерал продолжал разглагольствовать, но Сашка уже все понял, потому что заорал, рванулся ко мне, вцепился, словно в спасательный круг. Стену с экранами и Виталия Георгиевича заволокло туманом. Тошнота подкатила к моему горлу. Возвратный инсайт... Я прижал Сашку к себе. Мне хотелось спасти его, уберечь от неизбежности, но было поздно...

Я пришел в себя в том самом подвале. Там, где получил в грудь меч своего Младшего братишки. Сашка был рядом. То, что от него осталось. Почувствовав приступ тошноты, я отвел взгляд, на ощупь вытащил из-под останков окровавленный меч. Для Сашки я уже больше ничего не мог сделать.

Оставались деланханы. Несколько десятков людей, которые доверились мне, признали своим вождем. Я бросился наверх по лестнице, надеясь, что в общей суматохе смогу выбраться на площадь.

Меня никто не остановил. Несколько крайхенцев попытались преградить мне дорогу, но отступили, заметив мою форму и кровь на мече. Видимо, в Рорх-Крайхене хорошо знали, на что способны земляне.

Колокол проснулся тотчас, едва я с усилием качнул его. И запел тяжело и гулко над улицами и замковыми башнями. После трех ударов, оставив его медленно качаться, я бросился вниз.

Вылетел на площадь, надеясь, что праздничный помост еще там. Ророх резал деланханов, Герад — крайхенцев, и ни тот ни другой не тронули сооруженного к праздничной встрече новых союзников помоста.

Вскочив на помост, сорвал форменную куртку и взмахнул ей в воздухе.

— Деланханы, я призываю вас! Я, Урсус, ваш вождь, призываю вас.

Голос сорвался, но я продолжал размахивать курткой и мечом, надеясь, что они поверят мне.

Худенький паренек, почти мальчик, вынырнул из-под помоста и вспрыгнул ко мне. Приставил к моей груди небольшой, легонький детский меч. Я узнал его. Этот мальчик был моим лучшим разведчиком, когда мы уходили от хробов.

— Ты был Урсусом. И бросил нас здесь. Почти все умерли... И теперь ты вернулся и хочешь, чтобы мы вышли на площадь под мечи Кровавого Герада, твоего друга...

Я мог одним движением выбить у него из руки этот кукольный меч. Но знал: на нас из щелей и темных закоулков смотрят люди. Те, кто еще не решил, стоит ли верить Урсусу, тому, кто когда-то был их вождем, а потом исчез, оставив в чужом городе на смерть.

— Я не бросал вас! — вскрикнул я. — Не нарушал клятв, данных перед советом старейшин. Я умер за вас. И воскрес, потому что не мог видеть с небес, как страдают мои деланханы!

Я разорвал рубаху, показывая гладкие мышцы без шрамов, без малейших следов ран.

— Я был взят в иной мир. Боги излечили мои раны и дали место у высшего престола, но я вернулся. Снова вернулся в мир боли и страдания. Вернулся, потому что я — ваш вождь!

Мальчик начал медленно опускать свой меч. Я выбил железку из его рук и обнял парнишку, едва не плача. Я вернулся. И тут, пропев, там, где он стоял, мелькнула стрела. Я прижал мальчишку к доскам помоста, оглянувшись, ища, откуда стреляли.

— Знал, что ты упертый как не знаю что. Не знал, что ты такой отменный лжец.

Герад захохотал, прыгивая с коня и обнажая меч. Несколько горцев последовали за ним, а остальные остались в седлах, направив на меня арбалеты.

— Он не лжет! — выкрикнул Батхал, выходя на свет.

Видимо, он тайлся вместе с остальными в какой-нибудь темной щели, а теперь, шатаясь, вышел на площадь. Я застонал, когда увидел его. На младшем братишке не было живого места. Безразлично, люди Ророха, Герада ли рубили его, словно мясники свиную тушу, но Батхал еще жил и неведомым чудом держался на ногах.

— Урсус не лжет, — повторил он тихо, но голос его был слышен всюду. — Я сам убил его...

Батхал умолк и рухнул как подкошенный.

Я спихнул мальчишку-разведчика на другую от помоста сторону, а сам прыгнул к названному брату. Я забыл об арбалетах, направленных на меня, и о мече Герада, в любое мгновение способного развалить меня пополам. Я опустил на колени, приподнял голову Батхала, прижал к себе. У меня были друзья, но никогда не было младшего брата. По крайней мере, там, на Земле.

— Встанешь, нет? Нет, не встанешь! — проговорил Герад в своей манере. — Хрен с тобой, умирай на коленях.

Воздух, рассекаемый занесенным мечом, взвизгнул надо мною. Я ждал последнего удара, но... не дождался.

— Бей горцев! — прозвучало над площадью. И в воздухе мгновенно стало тесно от стрел.

Яростно зарычал Герад. Закричали горцы. Заржали кони, тесня друг друга на маленьком пятачке у помоста. Я поднялся, и вовремя. На площади царила суматоха боя. Уцелевшие деланханы вперемышку с крайхенцами бросились на воинов Герада со всех сторон. Горцам приходилось худо. Они попали в ловушку. Они были слишком уверены в своем превосходстве, и не учли одного, что деланха-

ны и крайхенцы могут объединиться против общего врага.

Мне не дали добраться до Герада. Быстро, и явно с умыслом оттеснили в ближайший проулок. Меня берегли. Я рванулся было обратно, но сильные и нежные руки обвили мою шею.

— Миранда?

— Урсус!

Я сразу забыл обо всем, что нас разлучило. Она была рядом. Она была жива.

— Здесь опасно оставаться, — проговорил я. — Спрячься! Немедленно!

Она рассмеялась. И в это мгновение я понял, что она одета как воин. И что она вся в крови... В крови врагов?

— Если вождь далеко, а его младший брат убит, предводителем воинов да станет жена вождя, — произнесла Миранда древнюю заповедь.

— Но как, Миранда... как тебе удалось... Деланханы и крайхенцы... — Мне не хватало слов.

— Ты забыл, что мы в давнем родстве, — ответила она.

— Но... Ророх, он же приказал истребить деланханов?

— Ророх самозванец, — отрезала Миранда. — Все в Рорх-Крайхене знали это, но мало кто верил, пока он не приказал напасть на твой народ, Урсус.

Я пожал плечами. Усмехнулся криво. Сказал:

— Ророх не больше самозванец, чем я...

— Ты один из нас, — откликнулась она. — И ты доказал это...

— Прости, вождь! — крикнул кто-то. Я обернулся. В полумраке проулка, где верхние этажи домов почти смыкались над головой, трудно было разобрать, кто именно из воинов стоит передо мною.

— Говори! — приказал я.

— Мы победили, Урсус, — тяжело дыша, произнес он. — Горцы сдались...

— А Герад?! Герад тоже сдался?

Он замолчал. Да я и не ждал ответа. Герад не мог сдаться.

— Он ушел? — спросил я, уверенный в своей догадке. Герад наверняка отправился за подмогой. С минуты на минуту на площадь должна была ввалиться серая масса хробов.

— Да, прости нас, вождь, но мы не сумели взять его, — виновато ответили мне.

— Он великий воин. И нет вашей вины в том, что он не среди пленных. Виной тому его искусство. Теперь нам нужно уходить. Выводите из города всех, кто согласится идти. Мы будем ждать у обители.

Я крепче стиснул руку Миранды. Все-таки как хорошо быть наивным дураком. Потому что только наивный дурак мог позволить себе такую роскошь, как поверить предавшей женщине только потому, что любил ее. Только дурак мог рискнуть жизнью ради горстки дикарей, которые называли его вождем. И я благодарил всех деланханских богов за свою наивность.

Мы уходили темными переулками, лазами, сырыми подземными переходами. А когда ход, наконец, вынырнул на поверхность, мы были далеко за стеной, у самой кромки леса. До обители было совсем недалеко, минут десять-пятнадцать. Нужно было топориться, но я остановился и, что было сил, прижал к себе Миранду.

Я шептал ей что-то бессвязное, что-то наивное и дурацкое. Не важно было, что говорить. Лишь бы она знала, как я тосковал по ней. Как рвало мне серд-

це воспоминание, что ее больше нет, что я не смог защитить своей девочки. Своей смелой девочки.

Миранда уткнулась мне в плечо горячим лбом. А я целовал ее волосы. Гладил перепачканные плечи и не мог заставить себя оторваться. И только одна страшная мысль преследовала меня: а вдруг это не настоящему? Вдруг Миранда сейчас исчезнет, а вместо нее я увижу ухмыляющееся лицо Сашки?

Послышались голоса — радостные, взволнованные, еще не остывшие после боя. Я отстранил от себя Миранду, оглянулся. Из подземелья поднимались деланханы. Как же их было мало! Чертовски мало... Но они были не одни. Вместе с моими людьми шли и жители Рорх-Крайхена. Что это? Почему? Зачем они покидают замок?

Воины и дети, женщины и старики сгрудились неподалеку от нас с Мирандой. Смотрели выжидающе. Я понял: пора! Вышел вперед.

— Деланханы и... другие родичи! Нас мало, нас почти истребили, но мы еще существуем... Сейчас мы укроемся в обители Трех Праведников и там начнем все заново. Поречье будет принадлежать нам!

Они радостно закричали, повторяя мое имя. Я тоже орал что-то бессвязное, размахивая мечом. Наверное, я один понимал, что все не так радужно, как я им тут нарисовал... но моему обескровленному народу пока не надо думать об этом. И потом, я сильно надеялся на обитель. Слава Союзу, только я знал, ЧТО там спрятано! И это знание давало мне надежду и опору моему изрядно подточенному испытаниями духу...

Не составило труда найти то, что я искал. Хотя тем, кто не знал, где и как искать — наверняка пришлось

бы повозиться. УАП, целехонький, лежал в моем тайнике. Там, где я его оставил. Братья из обители уже накормили своих неожиданных гостей, и мои слегка повеселели.

Они радостно обступили меня, разглядывая приспособление в моих руках. Кто-то отважился ткнуть в УАП грязным пальцем, робея от собственной смелости.

Я поднял устройство над головой, показывая всем.

— Все вы помните, как я пришел к вам, — проговорил я, и мой голос гулким эхом раскатился по камню двора. — Я пришел из другого мира, чтобы принести в ваш зло. Я не знал, какая роль мне уготована. Но я стал вашим вождем и готов сделать все, что смогу, лишь бы дать вам мир, вернуть отнятую землю. Но, боюсь, в этом мире у нас слишком сильные соперники.

Я оглядел своих людей. И деланханов, и крайхенцев — теперь все они были моими. Они затихли, встревоженно переглядываясь.

— Я предлагаю вам другой мир. И вот... — я снова поднял над головой УАП, — дверь в него. Я не знаю, что вас ждет, но я верю, что вы сможете сделать тот мир лучше и прекраснее этого. Вы верите мне?

Одобрительный шум был ответом на мой вопрос. От сердца отлегло. Я стал объяснять, как строиться в большую сцепку.

Миранда тихо подошла ко мне, положила руку на плечо.

— Ты перепрограммировал его? — тихо спросила она.

— Да, — отозвался я, стараясь не смотреть ей в глаза. — Нас всех выбросит на одну далекую планету, где, к счастью, нет ничего, нужного землянам. И есть все, чтобы жить мирно и спокойно.

Миранда радостно вскрикнула, обняла меня за шею.
— Ты ведь останешься там со мной? Мы будем вместе?

Я хотел ответить, но тут у стен послышался шум. Крики. И через каких-то пару минут во двор ворвались хробы. Хробы под предводительством Герада.

— Скорее, — крикнул я торопливо строящимся в сцепку людям и протянул Миранде меч. — Ты знаешь, что делать.

Она дрожащей рукой приняла его, с сомнением глядя мне в глаза.

— Но ведь ты воскреснешь? Снова воскреснешь, чтобы быть там со мной?

— Нет, — крикнул ей Герад. — Не воскреснет, Мира. Он умрет от твоей руки. И станет первым мертвецом в вашем замечательном новом мире. Там не будет военврачей и регенерационной, чтобы вытащить его, чтобы уменьшить боль. Ему будет очень больно, Мира!

— Это правда? — спросила она, и я кивнул. Не хотел лгать ей.

— Это всего лишь я, Мира, — шепнул я, ласково улыбаясь, стараясь запомнить каждую черточку ее испуганного лица. — И ты уже прощалась со мной однажды. Ты — вождь племени деланханов. Сейчас подумай о своих людях. О наших людях.

Она засомневалась.

— Стреляй, Герад! Отпусти мой народ! — крикнул я через ее голову. — Надеюсь, ты не промахнешься...

Не успел договорить. Меч с хрустом вошел мне под ребра. Вселенная расступилась передо мной, как морские волны, и УАП тяжело потянул за собой через пространство полсотни человек в новый мир, которого мне не суждено было увидеть.

НИКОЛАЙ КАЛИНИЧЕНКО

ВЬЯХРА

*(Записи в старом блокноте, переданные
Парижскому музею естествознания
мистером Сайресом Смитом)*

Мы укрыли стальную лодку в прибрежной пещере и вошли в устье реки на маленьком пароходе «Гордость Бенгалии». Весь вечер Ахмед и рыжий матрос, имени которого я не знал, перегружали в трюм тяжелые ящики. Меня никто не просвещал насчет содержимого, однако почти наверняка наш груз составляло оружие. Это можно было заключить и по характерному запаху смазки, и по осторожности, с какой мужчины обращались со своей ношей. Из вежливости я вызвался помочь, но в моих услугах не нуждались. И слава богу! Люди умственного развития не должны опускаться до физического труда. Его монотонность усыпляет разум, а нагрузка на мышцы заставляет кровь оттекать от головы. Получив отворот, я спустился в каюту и взялся приводить в порядок свои записи. Большая часть бумаг осталась на «Наутилусе», но у меня были с собой несколько блокнотов в плотных черепаховых обложках. Часть записей относилась к раннему периоду пребывания на подводном судне, когда дух мой и разум были еще смятены, и стенография оставляла желать лучшего.

Некоторое время я восстанавливал в памяти давние события, начиная с той ночи, когда фрегат «Авраам Линкольн» столкнулся с железным нарвалом. Однако вскоре почувствовал усталость и, едва дойдя до койки, погрузился в сон.

По всей видимости, меня разбудил пушечный выстрел. Я наскоро привел себя в порядок и вышел на палубу. Как видно, пароходик плыл уже некоторое время и порядочно отдалился от моря. На правом берегу стеной вставали джунгли. На левом — из тумана выступал деревянный причал и чуть выше поднимались стены крепости. На причале подле маленькой пушки стоял солдат в форме колониальных войск. Вскоре подоспели еще несколько военных. Они погрузились в лодку и отплыли, очевидно, направляясь в нашу сторону.

— Ваш выход, господин профессор. — Ахмед, точно призрак, возник за моей спиной. — Надеюсь, вы всё помните.

Ещё бы мне не помнить! Перед отплытием мы тщательно обсудили с капитаном все детали. Не удостоив нахала ответом, я лишь кивнул.

Это и впрямь оказался патруль из крепости. Четыре суровых гуркха во главе с британским капитаном Джоном Макарти. Увидев, что имеет дело с цивилизованным человеком, Джон в одиночку поднялся на борт. Я представился и рассказал ему, что направляюсь в этнографическую экспедицию, слово в слово, как мы репетировали с месье Немо. Потом я велел Ахмеду принести бумаги. Кроме моего имени и учебного звания все в этих документах было поддельным: от вензелей на верительных грамотах до печатей Ост-Индской кампании. В разговорах с Немо я высказывал сомнения относительно этих липовых бумаг. Упрямец однако лишь махнул рукой. «Не беспокойтесь. Это работа профессионалов высочайшего класса!» Должен признать, что капитан оказался прав. Макарти бегло проглядел паспорта и пожелал нам счастливого пути, добавив, чтобы мы были осторожны — в окрестностях неспокойно. На мой вопрос, где мы могли бы остано-

виться и пополнить запасы, британец сказал, что самыми безопасными местами являются освобожденные форты на реке. Впереди их ждало целых шесть, а затем укрепленный город Пхараваджда, который в это самое время штурмовали части туземной пехоты, спешно переброшенные из лояльных областей, и небольшой десант британских ветеранов, прибывших из Крыма.

Углубляться в джунгли Макарти категорически не советовал. Местное население пребывало во власти противоречивых желаний и было совершенно непредсказуемо.

Тут Ахмед забеспокоился и подал мне знак заканчивать разговор. Поэтому от бокала шерри и приятной беседы мне пришлось отказаться. Ах, как я желал открыться этому внимательному молодому офицеру. Но, увы, мои товарищи находились во власти Немо, и я вынужден был притворяться, следуя за Ахмедом на незримой цепи обязательств. Мое мрачное настроение немного развеяла группа *Platanista gangetica*, беззаботно резвящихся в воде у борта парохода. Как я завидовал этим веселым и свободным созданиям!

Еще три дня мы поднимались вверх по течению, прежде чем узреть опаленные войной бастионы Пхараваджда. Едва эти мощные фортификации показались над прибрежным лесом, Ахмед схватил подозрную трубу и принялся изучать каменные зубцы. Похоже, увиденное его разочаровало. Он долго расхаживал по палубе мрачнее тучи, бормотал что-то себе под нос, ругался. Похоже, мой компаньон пытался, подобно античным кинестетикам, отыскать решение в ходьбе.

Между тем, мы приблизились к крепости. Здесь был устроен настоящий порт с каменными причала-

ми и защитными башнями. От реки акваторию порта отделял узкий проход в ширину корабельного корпуса. За стеной виднелись мачты больших судов.

Естественная бухта, углубленная по приказу махараджи, теперь служила стоянкой имперских судов. Позже я узнал, что именно огневая мощь кораблей позволила британцам взять Пхараваджбад.

В порту процедура проверки повторилась. Трюмы также осмотрели, но ничего не обнаружили. Как видно, пароход был с секретом. После того как солдаты покинули борт, Ахмед подошел ко мне и заявил, что намерен отправиться дальше вверх по реке. Мне же следовало оставаться в Пхараваджбаде и ждать возвращения «Гордости Бенгалии». Если через семь дней Ахмед не явится, я должен вернуться на берег и ждать спасательный отряд с «Наутилуса».

Что ж, я не стал особенно противиться.

Пхараваджбад, несомненно, знал лучшие времена. И дело здесь было не в осаде. Крепость и город обветшали. Тонкая резьба, украшавшая стены зданий, выщербилась и потемнела. Многие дома были разрушены давным давно, и к ним уже протянулись зеленые пальцы джунглей. Только дворец на холме выглядел достаточно свежим. Мимо меня промаршировал отряд стрелков. Все они были индусы, и я представил себе, как трудно было несчастным британским поселенцам, когда часть этого наемного войска вдруг взбунтовалась. Как распознать среди однотипных лиц предателя? Мимика у туземцев не отличалась богатством, а языческую азбуку жестов смог бы постичь разве что изоощренный акробат.

Я миновал площадь, украшенную статуей танцующего демона, под которой солдаты сжигали трупы. Ря-

дом несколько чумазных мальчишек увлеченно играли с маленькой обезьянкой. Примат кривлялся, подпрыгивал и выделял всякие штуки. Дети смеялись. Черный дым поднимался от горящих тел, и губы демона лоснились от копоти.

Сипаи, воинство Индии на службе Ост-Индской кампании. Кто бы мог подумать, что смесь свиного и говяжьего жира для защиты патронов от влаги станет причиной такого кровопролитного восстания! Это еще раз подтверждает, насколько дики и необузданны азиатские орды. Цивилизация не тронула их сердца. Они воспринимают только язык силы. Что ж, покауда они не усвоят урок, порку придется повторять.

Внезапно кто-то окликнул меня по имени. Я не ожидал этого и так растерялся, что не нашел ничего лучшего, как ответить на призыв. Ко мне от дома, на стене которого кто-то намалевал слово «Госпиталь», шел невысокий мужчина лет тридцати. Его щеки отмечала легкая небритость, на носу и на лбу виднелись пятна сажи. Из карманов его просторного костюма торчали листы плотной бумаги. Это был Морис Клерваль, делавший наши портреты для академии. Оказалось, что теперь он работает на колониальные газеты. Сейчас готовит для «Вестника Пенджаба» ряд изображений местной природы. Мой внешний вид сильно изменился с тех пор, как мы с Морисом виделись в последний раз, однако наметанный глаз художника обмануть не удалось. Что поделаешь? Мне пришлось наврать ему с три короба. Морис в ответ показал мне свои наброски. Мой бог! Они были просто прелестны! Солдаты у бивака, крестьяне, торгующие рыбой, усатый кавалерист, поднявший коня на дыбы — все выполнены с удивительным мастерством. Однако особенно хорошо смотрелись портреты. Выразительные, контраст-

ные, они отлично передавали эмоцию, скрытую аниму моделей.

Мы с Морисом добрались до жилой зоны, в которой был расквартирован британский десант. Здесь для меня нашлась свободная комната. Когда я разместился и привел себя в порядок, Морис предложил мне разделить с ним завтрак. За едой он сообщил, что сегодня идет зарисовывать осужденных повстанцев. Я изъявил желание пойти с ним.

Мы поднялись на каменное взлобье, обошли дворец и оказались на лугу. Верхушка скалы, царящая над рекой, была плоской и прекрасно подходила для прогулок. Зеленые лужайки и цветники, разбитые махараджей, завершались ровной смотровой площадкой. Теперь там выстроился ряд пушек. У каждого орудия сидел прикованный пленник.

— На рассвете их казнят, — сказал Морис.

Я спросил, зачем для этого нужны пушки, и художник объяснил, что казнь придумана Гектором Мунро для устрашения восставших. Дело в том, что холостой выстрел из пушки разрывает тело казненного на куски, которые хоронят в общей могиле независимо от кастовой принадлежности. Для верующего индуса это то же самое, что для набожного европейца умереть без покаяния или вовсе покончить с собой. Морис сказал, что такой способ казни прозвали «Дьявольским ветром». Вот так еще один первобытный предрассудок сыграл злую шутку с местными жителями.

Мы прошли вдоль рядов приговоренных. Некоторые из них спали, другие сидели недвижные и безучастные ко всему. Кто-то тихонько молился. Был среди них и плененный махараджа. Глубокий старик, он

отличался от прочих несчастных дорогой одеждой и горделивой осанкой. Даже в таком бедственном положении аристократ старался вести себя подобающе. Бессмысленная бравада. Морис попытался заговорить со стариком, но тот не удостоил сахибов словом и отвернулся.

Наше внимание привлек еще один заключенный. Он словно находился в зоне отчуждения. Мало того, что его пороховой эшафот стоял на особицу, так еще и товарищи по несчастью отползли от него настолько далеко, насколько позволяла цепь. Причем так вели себя и узники, расположенные через одну пушку от «зачумленного». Других пленных не охраняли, только рядом с махараджей скучал одинокий стрелок. Рядом же с загадочным заключенным находилось целых три стража. Но и они держали дистанцию. Я слышал шепотом произнесенные слова *ракшас (гемон)*, а затем еще тише *вьяхра (тигр)*. Морис приблизился к солдатам и обменялся с ними парой фраз на хинди.

— Послушать их, так это и вовсе не человек, — наконец сказал он. — Говорят, он сражался, как проклятый, и убил больше солдат, чем все повстанцы вместе взятые, но так и не был ранен. Его оглушило, когда фрегаты дали залп по бастиону, иначе бы он продолжил убивать. Ага.. еще интереснее... они клянутся, что даже в цепях он опасен. Вчера два конвоира заплатились за это жизнью. Говорят, его пушку зарядят освященным ядром, чтобы он не восстал из мертвых.

Признаться, меня покоробили эти слова. Неужели и просвещенные британцы верят в этот суеверный бред о демонах и оборотнях.

Я взглянул на прикованного к пушке человека. Это действительно была примечательная личность. Судя по характерным чертам лица и темной, почти черной коже, он принадлежал к дравидической расе. Эта

древняя доарийская культура правила Индостаном в давние времена. Современные дравиды были невысокого роста, щуплые и покладистые. Однако нашего заключенного отличал высокий рост и прекрасно развитая мускулатура. Он и вправду выглядел опасным. Амимичное лицо туземца казалось выточенным из камня, но глаза его, серые, окруженные тенями, пылали, точно огни преисподней. Длинные черные волосы разметались по плечам. Он был практически обнажен за исключением ветхой повязки, едва прикрывающей пах. И тут я понял, откуда взялось второе прозвище. Всё тело дравиды покрывали шрамы, которые и в самом деле походили на тигриные полосы.

— Удивительно! Если верить солдатам, этот молодец служил джемадарам и наибам всех захваченных крепостей от устья до Пхаравадждаба и каждый раз ускользал из окружения. Черт побери! Я просто обязан сделать его портрет! — Морис принялся готовить свой прибор, а я приблизился к заключенному. Стражи заволновались, но я проигнорировал их предупреждения.

Дравид посмотрел на меня. В его глазах не было ни подавленности, ни раболепной покорности. И тогда я понял: передо мной свободный человек. Как, скажите на милость, в закрепощенной феодальными предрассудками отсталой стране могла появиться такая вольная душа? Это было вызовом для меня, как для исследователя. Я сел перед ним по-турецки, размышляя, как обратиться к заключенному. И вдруг он сам заговорил со мной по-английски. Слышать язык Шекспира в его устах было так же странно, как если бы со мной вдруг заговорила одна из статуй во дворце махараджи. Он спросил, отчего я не пахну страхом, как все остальные. При этом дравид втягивал ноздрями воздух так, будто и вправду пытался учуять мой страх.

Я ответил ему, что свое уже отбоился и видывал такие вещи, перед которыми слабое сознание лопнет и расточится, однако остался в трезвом уме.

— Зачем ты здесь? — спросил он тогда.

— Обстоятельства вынудили меня задержаться в Пхаравадждаде.

— Обстоятельства? — Казалось, дравид примеряет это слово, точно новые ботинки. — Да, меня тоже можно назвать жертвой обстоятельств.

Далее я привожу рассказ дравиды так, как запомнил его. Ибо возможности записывать со слов у меня не было.

* * *

Я тигр и сын тигра, хотя и был рожден в человеческой семье. Я почти не помню тех лет. Кажется, мои родители были торговцы. Они переезжали с места на место. Часто ночевали под открытым небом. Мужчина постоянно жевал беттель и в свободное время играл на длинной черной флейте, женщина стряпала, и я ничего не помню о ней, кроме запаха молока и темного лица, парящего над дымным котлом.

Мне было семь или восемь лет, когда на звуки флейты из темноты к костру вышел тигр.

Это был мой отец. Настоящий раджа джунглей. Огромный и свирепый. Мужчина и женщина бросились бежать, а я остался на месте и напустил под себя лужу от ужаса. Тогда отец подошел ко мне и приготовился убить, так как запах страха издревле служит для хищников приглашением к столу. Однако отец не убил меня. В его большой голове родилась и окрепла интересная мысль. Дело в том, что он был уже не молод, да к тому же повредил лапу в бою с молодым

самцом. Он понимал, что тигр-калека долго не протянет в джунглях. Ему нужен был помощник, чтобы добывать пищу и держать в узде конкурентов.

Долго, очень долго горящие глаза хищника смотрели на меня, погружаясь в самую глубину. Сколько помню, отец не мигал и никогда первым не отводил глаз. Из всех жителей джунглей только двое могли выдержать мой взгляд. И он был один из них.

Итак, отец оглядел брошенного мальчишку и позвал за собой. Я не знаю, как это объяснить. Зов тигра состоит из особых движений, звуков и запахов. Его ни с чем не спутаешь. И я пошел за ним, как привязанный. Пошел, хотя страх терзал мой желудок железными когтями.

Я долго учился, и учеба была не из легких. Отец часто гневался, и мне пришлось пережить немало страшных моментов, прежде чем я начал понимать язык больших кошек и свободно изъясняться на нем. Потом я постиг науку засады и преследования, тонкую грамоту пахучих меток, которые разграничивали лес не хуже крепостных стен. У отца были самые большие владения в округе. От гремящих водопадов на востоке до мертвого города на западе ни одна тварь не могла подать голос без его ведома. Отец был велик даже для своего рода и чудовищно силен. Мало кто рискнул бы встретиться с ним в открытом бою. Когда он побеждал соперника, то отрывал ему голову и нес в пещеру. Там они и лежали, жуткие, зубастые и мертвые, а большие красные муравьи медленно объедали мясо с костей. Однако из-за поврежденной лапы отец уже не мог достаточно бесшумно подкрасться к добыче. И тут я оказывал ему большую помощь. Со временем я стал приносить достаточно пищи, чтобы прокормить нас обоих и не ждать, пока полосатый патриарх насытится.

Однажды вечером отец вошел в пещеру и сказал:

— Ты готов. Ложись на камень и закрой глаза.

Я не знал, что это значит, и, внутренне содрогаясь от страха, сделал так, как велели. Со временем я научился контролировать свой страх, и мне не стоит особых усилий скрывать этот запах, но тогда отец учуял предательский ток в воздухе.

— Если ты будешь дрожать, как больная крыса, я убью тебя, — взревел он. — Стань камнем! Стань древесным стволом!

Мне удалось совладать с собой, я успокоил сердце, подавил страх и дышал так ровно и медленно, что ваши глупые целители, окажись они в пещере, могли бы решить, что я умер.

Когда я успокоился, отец поставил мне на грудь свою тяжелую лапу, выпустил когти и провел ими кровавые борозды по моему туловищу, а затем по ногам. Боль терзала меня, но я лежал неподвижно, ибо знал: когти могут погрузиться глубже и тогда я умру. Вскоре отец велел повернуться на живот и страшная процедура повторилась. Я испытывал боль и все время ощущал запах отца. Тяжкий аромат его царской силы. После этого я должен был сам дойти до водопада и омыть свои раны. Обычно тигр убивает в мгновение ока, но в его когтях обитает и медленная смерть. Я полагал, что мне удалось прогнать ее омовением, но на следующий день пришел жар, красный, как перья попугая, и тяжелый, словно поступь разъяренного слона. Я лежал в забытьи, и смеющийся Мара вливал в мою голову каскад безумных видений. Мне снилось, что сквозь мою кожу, подобно желтой траве, прорастает шерсть, и только там, где прошли когти отца, шерсть была чернее грозовой полуночи. Во рту моем сделалось тесно от зубов, а ногти заострились и стали тверже камня. Покуда я бредил, отец кликнул своих слуг — шакалов. Те немедленно явились и, набрав

в пасти лечебной травы *ишмет*, принялись вылизывать мои раны. Все животные знают эту траву. Она любит расти вдоль охотничьих троп, у водопоя и там, где отгремела битва. Так постепенно смерть отпустила свою добычу. Когда я поднялся на ноги, то был очень удивлен. Ни шерсти, ни клыков не прибавилось. Отросли только волосы и ногти. Обычные, человеческие. Но внутри меня что-то изменилось. Это умер страх. Я больше не боялся никого в джунглях. Даже слонов, даже диких пчел... даже отца!

Хромец был доволен моей стойкостью и тут же отправил меня на границы своих владений, чтобы следить за нарушителями. За последнее время их стало немало. Однако наибольшее беспокойство нам доставляли волки. Стая, обитавшая в районе одинокой скалы, часто нарушала запреты отца. Открыто перейти границу они не решались, ведь нарушитель был бы тут же опознан ближайшим шакалом и вскоре жестоко наказан. В мире джунглей между двумя взрослыми хищниками есть только один вид разбирательства — бой до смерти. На моей памяти ни один, даже самый могучий волк не мог справиться с тигром. Вот почему они старались проскользнуть на богатую дичью территорию отца, используя небольшие ручьи или время, когда шел дождь.

Первый раз я столкнулся с нарушителями и едва не лишился жизни. Одно дело загонять глупого оленя или убивать буйвола, и совсем другое — сражаться с тремя взрослыми волками. Это умные, быстрые и свирепые звери. Особенно если они голодны. Что я мог противопоставить им? Ни клыков, ни когтей у меня не было. Двигался я немногим быстрее и был намного умнее, но сейчас разум был плохим советчиком. Зато клыки моих противников делали своё дело. Постепенно меня прижали к большому дереву. Бежать

было поздно, и я приготовился встретить смерть. Внезапно черная тень опустилась между мной и моими врагами. Стремительно заработали когтистые лапы. А затем раздался голос большой кошки, заявившей свои права на добычу. Так я познакомился с Багиром.

Обычно у зверей отсутствуют имена. Нет нужды. Каждое существо в джунглях обладает своим неповторимым запахом, и это куда удобнее, чем бессмысленное сочетание звуков, которое понравилось вашим родителям. Насколько мне известно, имена есть только у слонов и больших змей. Однако и те, и другие — особенные существа, и о них еще будет сказано.

Багир обладал именем, потому что прожил долгое время в зверинце одного раджи. Он также понимал человеческую речь. У Багира было странное отношение к людям. Он ненавидел их, но в то же время и любил. Позже, когда я подросток, он часто просил, чтобы я отхлестал его веткой, называя при этом «черным паршивцем» и «дрянной кошкой». Потом мне следовало гладить его и говорить разные ласковые слова. Кроме этой маленькой странности, черный кот был настоящим лесным хищником. Он научил меня многому, но прежде всего сражаться. Когда мы встретились, он спросил меня на кошачьем языке, кто я такой. «Я тигр! Я тигр, идущий своей тропой!» — воскликнул я тогда. «Если ты тигр, то должен уметь нападать», ответил Багир, а пока эта тропа чья угодно, но только не твоя». Кошки — прекрасные бойцы. Им ведома и ярость отваги, и мудрость отступления. А еще они способны в мгновение ока перейти от полного покоя к стремительной атаке. Ты никогда не узнаешь, что кот атакует, пока он сам этого не захочет. Я быстро постигал эти науки. Ведь у меня был человеческий

мозг. Люди куда умнее и могущественнее животных. Только глупец способен отрицать это!

Однако без когтей и клыков мне бы все равно пришлось трудно. Тогда я пошел в пещеру отца и выломал резцы у тигриных черепов. По пять на каждую руку. Затем я взял крепкие куски коры и при помощи камня укрепил свои «когти» в древесной основе. Я воспользовался крепкой лианой, чтобы примотать оружие к рукам. Вторая встреча с нарушителями прошла удачно. Вскоре в джунглях заговорили о чудовище, сторожащем владения хромого тигра. Меня называли то тигриной тенью, то черной обезьяной, и очень боялись. Когда мои когти пришли в негодность, Багир рассказал мне, где взять настоящее оружие людей. В мертвом городе я нашел длинный листовидный кинжал, выкованный из темной стали. Кожа белой кобры, что охраняла сокровища, пошла на обмотку для его рукоятки. Но как правильно применить этот острый железный клык? И тогда Багир повел меня в другую часть мертвого города. Там, на огромной стене, обвитые лианами смотрели в вечность древние барельефы. Воины с разнообразным оружием в руках были высечены в покое и в движении. Багир сказал, что это — раджпуты, великие охотники людского рода. Среди фигур были воины с клинками, подобными моему. Так я начал учиться владеть оружием людей, а в джунглях говорили, что черная обезьяна отрастила себе железный хвост.

Вскоре я понял, что хороший страж не тот, кто способен победить любого противника, а тот, кто умеет хорошо угрожать и побеждает, не начав сражения. У животных для этого есть целый набор уловок. Однако я не мог поднять шерсть дыбом или выделить запах предостережения. А мои короткие человеческие клыки не шли ни в какое сравнение даже с клыками

мелких хищников, не говоря уже о волках. Оставался голос. Я неплохо изъяснялся на кошачьем наречии, но большинство волков не понимали меня, то же самое можно было сказать о медведях, кабанах, птицах и змеях. Как угрожать кому-то, если тебя не понимают? И тогда Багир повел меня к старому дереву. Там, в сплетении могучих ветвей, обитал белый бандерлог. Это был одинокий старый самец. Времена его силы давно миновали, но он знал все наречья леса. Увидев меня, он засмеялся. «Черная обезьяна явилась к белой. Так должно было случиться! Йа-ха! Садись рядом, я стану учить тебя».

Прочие звери презирают обезьян за то, что те обитают на деревьях и питаются чем попало. Ненависть и презрение к непохожим свойственны и людскому роду. Однако обезьяны очень умны и легко постигают новое. Их недостатки — легкомысленность и трусоватость. Если бы не это, обезьяны давно захватили бы мир.

Седой самец научил меня восьми главным языкам леса. Теперь, обходя владения отца, я мог сказать любому нарушителю: «Остановись! Посмотри на этот железный клык, на эти полосы на моей коже. Я тигр! И эта тропа моя!»

Время шло, и вскоре тень тигра стала тигром, а могучий хищник, что некогда правил в этих краях, превратился в старую сказку. Большинство обитателей джунглей не могут похвастать долгим веком. Для некоторых из них десять лет — целая жизнь. Именно столько раз желтая река набухала от зимних дождей с тех пор, как тигр услышал в лесу флейту торговца. Он был жив и еще силен, мой полосатый отец. Но довольная сытая жизнь сделала его медлительным и ле-

нивным. Мои дела не слишком интересовали его, лишь бы приносил добычу. Иногда он капризничал и устраивал мне показательные скандалы с грозным ревом и оскаливанием клыков, но и только. Сам он тоже изредка охотился, но делал это, как махараджа-человек, для удовольствия. Он предпочитал гнать оленей по узкому каньону, ведущему к обрыву над водопадом. Там он останавливался и ждал. Если испуганное животное в исступлении бросалось на него, отец с удовольствием разрывал смельчака, а если олень, превозмогая страх высоты, прыгал вниз — подходил к краю пропасти и следил за падением тела.

Как-то раз особенно бойкому оленю удалось перепрыгнуть отца и скрыться в джунглях. В ярости Хромец вернулся в пещеру, где шакалы рассказали ему о моей очередной успешной охоте и о том, какой страх навел сын тигра на окрестности. С тех пор отношение ко мне изменилось. Я перестал быть слугой и превратился в соперника. До поры это почти никак не выражалось. Только умножились капризы. То ему не нравился зверь, которого я приносил, то вдруг тигр решал, что я потчую его мертвечиной. Я сдерживался, сколько мог, но однажды не выдержал и сказал ему, что он плачет, точно вшивый свиненок, которому не досталось материнского соска и что если он хочет, то может пойти охотиться со мной и посмотреть на мертвечину, которой я его потчую. Я едва успел уклониться от его удара. Тяжелая лапа прошла над моей головой, выщербив стену пещеры. Каскад искр ожег плечо. Я не стал медлить, перекатился, проскользнул мимо тигра и оказался у выхода из каменного мешка. Хромец повернулся ко мне. Обычному человеку показалось бы, что он сделал это очень быстро, но я-то видел, каким медлительным стал этот некогда стремительный хищник. Именно тогда у меня появилась

мысль, что в настоящей битве с отцом у меня, пожалуй, будет шанс.

Я ушел в джунгли, оставив Хромца клокотать от ярости. Еще долго неслись мне вслед его обиженные вопли. Но он даже не думал преследовать наглеца. Я не возвращался достаточно долго, чтобы голод тигра стал сильнее ярости, и тогда принес ему кабана. Это был роскошный жирный самец, нагулявший мясо в осенних лесах. Его кожа лоснилась, а шерсть была мягкой, как молодая трава, а клыки белели, точно мраморные колонны в мертвом городе. Отец тотчас вышел из пещеры и приступил к трапезе. Когда я принес еду в другой раз, он не притронулся к ней, но был ласков со мной и пригласил в знак примирения разделить скудную еду, которую он добыл своими слабыми лапами. Как правило, зверям чуждо коварство. Они недостаточно умны для этого. Но мой отец был непростым существом. В нем присутствовало многое от человека. Не удивлюсь, если в одном из недавних перерождений он правил, скажем, мертвым городом, а теперь этот могучий и недобрый дух обходил свои владения на четырех когтистых лапах. Мне не хотелось входить в пещеру. Я чувствовал запах добычи, доносящийся из отверстия входа. Но это был очень странный запах. И все же в надежде на примирение я шагнул под каменный свод. Посреди пещеры лежали двое людей. Мужчина и женщина. Они были уже не молоды, но еще и не дряхлые старики. Я не считал себя человеком, как не считаю и сейчас. Для меня мясо людей казалось ничем не хуже другого. Я приступил к трапезе, не зная, что вкушаю кровь и плоть тех, кто породил меня на свет. А Хромец довольный смотрел на меня, и ярость в желтых глазах хищника расширялась и опадала, точно змеиный клубок. Он открыл мне правду лишь в конце. Если ты думаешь, что я испытал ужас,

то ошибаешься. Я уже сказал, что не испытывал никаких чувств в отношении своих родителей-людей. Однако это все же была часть моей жизни, и я должен был сам решить, убить их или оставить жить. Но самое главное — большой тигр ожидал слабости, а значит, все еще считал меня человеком. Это было недопустимо. Теперь мое желание убить отца было вполне определенным. Я даже знал, где сделаю это.

В тот день Хромец загнал на утес трех молодых оленей. Он шел через теснину не торопясь, давая добыче понять, что выхода из ловушки нет. Тигр не знал, что происходит. Его слуги молчали, уstraшенные мной, а орлы, парящие в вышине, говорили на языке, которого старый кот не понимал. Я спустился по отвесной скале на площадку и одного за другим убил оленей, так, чтобы их кровь залила все вокруг. Затем я отрезал ломоть мяса и намазал себе губы.

Тут из теснины вышел отец. Он увидел меня, увидел убитых оленей и пришел в ярость.

— Это моя добыча! — взревел он. — Как ты посмел прикоснуться к ней?

— Пришла пора тебе доказать своё право на добычу, — ответил я.

— Я не должен доказывать свое право перед человеком! — прорычал Хромец.

— Тогда я просто убью тебя, как делают люди.

Хитрец! Он понял все сразу и говорил со мной лишь потому, что хотел занять лучшую позицию для атаки. Его задние лапы напряглись, готовые швырнуть в меня сгусток огненной ярости. В этот момент сзади неслышно появился Багир. Я не случайно проливал оленью кровь. Большой тигр не почуял запаха черной пантеры. Два стремительных удара — и задние лапы боль-

ше не слушались отца. Дальнейшее произошло очень быстро. Я не зря постигал искусство каменных рад-жпутов. Единственное, что беспокоило меня — длина клинка. Мне повезло. Сердце хищника перестало биться. Теперь в джунглях у водопада был только один тигр.

Я жил в пещере отца и во время зимних дождей укрывал плечи его шкурой. Ко мне часто заходил Багир, мы охотились вместе. Но друг мой быстро старел, а я все не менялся. Для прочих обитателей джунглей я превратился в легенду. Им казалось, что я пришел из глубокой древности или вовсе был всегда, ведь с тех пор, как черный бандерлог с железным хвостом встал на свою тропу, сменилось несколько поколений животных. Зверь бы успокоился, поддерживая такое существование, но внутри меня уже некоторое время поселился неутомный дикобраз. Его иголки то и дело царапали тигриную душу. И тогда я вырывался из пещеры и бежал сквозь джунгли, оглашая окрестности яростным ревом. Как-то раз я оказался рядом с большим деревом и решил проверить, что стало с его обитателем. Я ожидал увидеть его кости, но каково же было моё удивление, когда в черной пасти дупла вспыхнули кровавые светляки глаз альбиноса. Белый бандерлог был жив. Да, и среди зверей находятся старожилы.

— Знакомый запах, — проскрипел он, — я плохо вижу, но мой нос еще служит мне. Неужели могучий правитель этих лесов посетил старую больную обезьяну?

Я рассказал старику о своем непокое и просил разъяснить причину. Он засмеялся, а затем велел мне садиться и слушать.

— Я расскажу тебе легенду, которую услышал от самого Хатхи, могучего владыки слонов восточного

берега, прежде чем он ушел в долину смерти, — начал белый бандерлог, и я подался вперед весь внимание. Нет в джунглях более таинственных и замкнутых существ, чем слоны. Они могут двигаться бесшумно, словно туман просачиваясь меж стволов, а в бешенстве способны легко переламывать деревья. У слонов самый сложный в лесу язык, но за все время мне так и не удалось поговорить ни с одним из них. Услышать слоновью легенду — большая честь.

— Слоны рассказывают, — говорил между тем белый бандерлог, — что были времена, когда животные жили в мире и говорили на одном языке. Чтобы спокойно пройти к водопою, достаточно было простой фразы: «Мы с тобой одной крови!» (тут мы с бандерлогом долго и от души смеялись), а джунгли тогда были везде, и деревья подпирали кронами небо. Различных зверей тоже было множество. Но среди прочих выделялись красные слоны. Они были умнее и сильнее прочих животных. Вскоре слоны поняли, что смогут подчинить себе весь лес. Так они и сделали. Слоны стали указывать жителям джунглей, куда им следует идти и что делать. Постепенно разобщенные животные забыли единый язык, забыли, кто они, и начали пожирать друг друга. Те, что не имели клыков и когтей, стали добычей. Тревожные вести достигли Отца всех зверей. Он спустился с гор и увидел, что слухи верны. Тогда он позвал к себе красных слонов, и те вышли к нему, могучие и самодовольные.

«Зачем вы сотворили это?» — спросил Отец. Но слонам нечего было ответить. Они не знали причин своих поступков и принялись хвастаться перед Отцом. «Посмотри, как мы велики и прекрасны, — говорили они, — чего мы сумели добиться!»

«Вы разделили джунгли, и они уже не станут прежними. За этот проступок я так же разделю и вас. Отны-

не вам не стать полными и не знать покоя до скончания времен», — сказал Отец всех зверей. Он схватил красных слонов за хоботы, оторвал их и бросил на землю. Хоботы тотчас превратились в змей, и так появился змеиный народ.

Тут старый бандерлог хитро посмотрел на меня.

— Ты, конечно, хочешь узнать, что было дальше. Так же хотел и я, но Хатхи не желал рассказывать концовку. Старая обезьяна долго упрашивал его, и наконец слон с неохотой заговорил. Знай же, что красные слоны, лишённые своих хоботов, превратились в людей. Так появился человеческий род. Люди быстро размножились и расселились по земле. Им есть дело до каждой тропы, каждого источника и всякого живого создания, но нет покоя. Я думаю, твой внутренний дикобраз — это проклятие Отца. Его называют *желание перемен*.

— Что же мне делать? — спросил я у старика-бандерлога.

— Разве не ясно? Менять, — таков был ответ.

В глубокой задумчивости покинул я большое дерево. А слепые глаза обезьяньего старца в последний раз смотрели мне в спину.

Когда Хромец увел меня от костра торговца, местность вокруг на несколько дней пути была дикой и безлюдной. Однако со временем люди начали отвоевывать у джунглей милю за милей. Они расчищали площадки, строили здания и рыхлили землю там, где еще недавно был дикий лес и вились звериные тропы. Жители джунглей, обитавшие вокруг водопада, мало что знали об этом. Только орлы хорошо видели, что происходит. Слоновья легенда показала, что я связан с миром людей не только по рождению. Вместе с че-

ловеческой кровью я принял и проклятие перемен. Я решил пойти к людям и узнать, как же они справляются со своими дикобразами. Орлы вели меня, подсказывая верное направление. Всего через пару дней я достиг небольшой деревни. Это было тихое место, окруженное сонными полями. Здешние жители занимались земледелием и плели корзины из лиан. А еще все они панически боялись джунглей. От крестьян пахло страхом, когда они рубили дрова, расставляли ловушки для птиц или шли к роднику за водой. У источника я и встретил Шапти. Но сначала был запах, пьянящий аромат молодой самки. Я испытал возбуждение. Мой член начал набухать после сна с тех пор, как Хромец испустил дух. Я видел, что делают с этим обитатели леса, и даже поймал нескольких волчиц на пробу. Однако сексуальные опыты не вызвали у меня ни радости, ни удовольствия.

Я не стал таиться и вышел прямо к самке. Когда она увидела меня, то побледнела и выронила кувшин. Потом начала кричать, и мне пришлось ее немного придушить, как делал это с волчицами. Девушка потеряла сознание, и стало ясно, что люди не такие крепкие, как лесные жители. Я унес ее от источника на мягкую траву и там, разорвав глупые тряпки, которые люди надевают на себя, совокупился с самкой человека. Когда я проник в Шапти, она очнулась и, поняв, что происходит, хотела опять кричать. Тогда я легонько укусил ее в плечо, и она умолкла. Вскоре ритм захватил ее, и она стала отвечать на мои движения. Это продолжалось некоторое время. Наконец я оторвался от самки и хотел уйти, но она взяла меня за руку и хотела, чтоб я остался. Мы лежали так некоторое время, пока Шапти не уснула. Я поднялся и зачем-то накрыл ее остатками одежды. Потом скрылся в джунглях.

Я продолжал бродить вокруг поселка. Уходил охотиться и снова возвращался. Через пару дней я снова оказался у источника. Каково же было мое удивление, когда я снова увидел знакомую самку. Она набрала воды, но не спешила уходить, оглядываясь по сторонам. Потом сказала что-то, обращаясь к джунглям, потом еще раз, громче. Тогда я вышел к ней, и на сей раз она не закричала. Мы отправились на поляну, и самка без принуждения сняла свои тряпки. Так начались наши встречи у источника. Шакти научила меня более мягкому совокуплению, а в моменты, когда мы, устав от ласк, лежали на траве, начала рассказывать значение человеческих слов. Постепенно мир людей стал открываться мне. Я узнал множество новых понятий. Шакти была вдова. Ее мужа убил местный джемадар за отказ выплачивать неурочный оброк с полей. Рам, так звали этого крестьянина, был умерщвлен не по обычаю и закопан где-то в джунглях. Шакти была уверена, что муж восстал из мертвых и воплотился в ракшаса-оборотня, то есть в меня. Встречи с демоном во плоти были для нее бунтом против традиции, и она понимала это. Люди обожают окружать свою жизнь придуманными преградами. Они рисуют на лбу разные знаки и по тому, какой символ нарисован, судят, можно ли им общаться или совокупляться друг с другом. Еще они верят в богов. Если в жизни человеку сопутствует удача, говорят «будь благодарен богам». Если же происходят разные напасти, утверждают «нам неизвестен божественный промысел, все это для великой цели». Тяготясь нашей связью, Шакти пошла к служителю богов. Этот человек прекрасно устроился, получая дары от жителей деревни за то, что объяснял им веления владык.

Услышав историю Шакти, он принялся страшить ее посмертными карами и говорил, что меня нужно

немедленно изловить. Женщина недолго противилась и уже через два дня пригласила меня на праздник, еще один смешной человеческий обычай, когда по улицам на помосте носят многорукую статую из крашеного дерева, танцуют, смеются, пьют перебродивший сок растений и вдыхают дым от горящей травы. От всего этого люди становятся очень довольны и долго вспоминают, как хорошо провели время. Шакти сказала, что мне нужно прийти на праздник, и просила надеть маску. Это был Равана — предводитель демонов. Маска показалась мне очень тесной, неудобной и глупой. Я бы отказался, но мне все еще хотелось узнать, как люди борются с желанием перемен. Вечером я пришел в деревню, нацепив дурацкую маску. В ней почти ничего не было видно. А дымы курилен и резкий запах человеческого пота мешали мне видеть носом. Так, полуслепой, задыхающийся, я вышел на площадь. Там меня уже ждал джемадар в маске Шивы и его солдаты в масках воинов-обезьян. Они разом накинулись на меня и почувствовали на себе, что значит гнев тигра. Однако им все же удалось скрутить меня. Дальнейшие несколько дней я помню очень смутно. Едва я приходил в себя после побоев — немедленно бросался на обидчиков, и меня били снова. Один раз появилась Шакти. Кажется, она плакала, просила прощения, но я не знал, что это за штука.

Меня не убили, поскольку брахман не был уверен, что я снова не вернусь в деревню. Как уничтожить того, кто и так восстал из мертвых? Ни один из способов не казался им достаточно надежным. Они думали три дня. И наконец решили выбрать изгнание. Люди здраво рассудили, что чем дальше я окажусь от деревни, тем труднее мне будет найти дорогу назад. Меня связали по рукам и ногам, приторочили на спину дю-

жего мула и повезли прочь из деревни. А на улицах опять был праздник.

Меня передали торговцам. Это были смелые и неглупые люди, знавшие дороги и нравы разных народов.

На шестой или седьмой день пути я перестал запоминать запахи мест, хотя сначала был уверен, что скоро вернусь в деревню и поохочусь на джемадара и брахмана, может быть, еще разок повидаюсь с Шакти. Через две недели торговцы выбрались на широкую дорогу. Там, под защитой большой омшелой скалы, их ждал караван. Несколько слонов, лошади и буйволы. Из пестрого шатра вышел человек с необычным золотисто-коричневым цветом кожи и тонкими чертами лица. Он долго смотрел на меня, а торговцы на разные голоса рассказывали о своих приключениях в деревне. Наконец человек велел им освободить меня. Торговцы испуганно принялись отговаривать его. Он подошел ко мне, спросил, знаю ли я язык. Я кивнул. Тогда человек с золотистой кожей достал нож и принялся разрезать веревки. Мое тело долго было сдавлено веревками, движения давались с огромным трудом. Я даже всерьез боялся, что так и не смогу восстановить силы. Мне принесли воды, но я выронил кувшин. Тогда Золотокожий сам взялся поить меня. Потом он сказал:

— Я Али абу Марух, мастер каравана. Ты достался мне даром. Значит, ты — плохой раб. Таких я убиваю. Но за тебя еще дали прекрасного мула. Значит ты очень плохой раб. А вот это уже интересно. Я отвезу тебя в Нанпур и получу двойную выгоду. Но прежде ты узнаешь от меня дорогу к тем, кто связал тебя. Если ты таков, как мне кажется, найдешь способ отомстить.

Так сказал Али абу Марух, сохранивший мне жизнь из-за мула, к которому я был привязан. Караванщик

не стал сковывать меня, позволив свободно бродить по лагерю. Мудрый Али знал силу невидимых стен и умел пользоваться ею.

Наш путь к Нанпуру длился месяц. Когда я впервые увидел город, мне он показался очень тесным и многолюдным. На самом деле это был небольшой и довольно тихий городок. Он процветал благодаря рынку, разбитому за стенами. Здесь продавали рабов и зверей. Я видел обезьян и пантер, ястребов и волков, и множество молодых слонов, и корзины со змеиным народом. Сановники, держатели зверинцев в белых одеждах с веерами из петушиных перьев, не способные сжать пальцы в кулак из-за обилия золотых перстней; полуобнаженные, покрытые страшными татуировками ловчие с яростным темным взглядом, тяжелыми круглыми серьгами и длинными ножами, заткнутыми за богатые кушаки; и, конечно, работоторговцы всех мастей — вот кто правил этим пространством, отнятым у джунглей сотню лет назад.

— Ты должен притвориться, — сказал абу Марух, — иначе тебя не купит хороший человек. Непокорных рабов ждут каменоломни. Там люди умирают слишком быстро. А теперь запоминай, я буду говорить только один раз.

И он рассказал мне, как найти деревню Шакти.

Меня вывели на помост, и Али принялся расписывать мои достоинства. Рядом со мной стояли два чужих раба: огромный черный человек с большими вывернутыми ноздрями и толстыми губами, с ногами и руками, похожими на стволы деревьев, и худой индус, ничем особенно не примечательный, кроме отвратительного запаха изо рта. Рядом его хозяин кричал, какой это спокойный и неприхотливый раб. Черно-

кожий также выглядел спокойным и отстраненным. Но мой нос было не обмануть. От этого человека пахло яростью. Запах становился все сильнее. Я пригляделся и увидел причину — едва заметные буторки на оливковой коже могучего раба. Перед торгом гиганта избивали, завернув в плотное одеяло. Али поступил так с двумя невольниками, решившими устроить драку. Способ был очень удобен: он позволял наказывать раба, не попортив шкуры. И теперь негр был словно улей, полный рассерженных пчел. Я напрягся, готовый ко всему. Между тем на спокойного раба нашелся покупатель. Он начал продвигаться через толпу к помосту. Возникла заминка, другие торговцы на мгновение умолкли. И тут чернокожий напал. Очень быстро для человека. На помосте наши руки связывала утлая веревка. Делать путы надежнее было невыгодно. Товар могли счесть опасным и не купить. Вместо этого у помоста всегда дежурили могучие охранники с ошейниками и веревками наготове. Однако они не успели. Гигант в мгновение ока разорвал путы, очутился рядом со своим мучителем и сжал его в смертельных объятиях. Все на площади услышали страшный хруст — это ломались ребра. Работорговец забился в руках чернокожего, испражнился и затих. Мститель отбросил тело в сторону, и мертвец сбил с ног безучастного раба, который так и стоял, не повернув головы. А затем гигант устремился к Али, который был ближе всего к нему. Должно быть, ярость ослепила чернокожего, и он готов был растерзать любого, кто был рядом. Я действовал, не раздумывая, одним движением вскочил на плечи негра и свернул ему шею. Так я охотился на оленей, пока не появился железный клык. Черный человек рухнул на помост, проломив подгнившие бревна. Охранники, наконец, добрались до нас, но делать им было уже нечего, и они

решили было отыграться на мне, но Абу Марух остановил их властным окриком. Потом подошел ко мне.

— Я недооценил тебя, — сказал он наконец. — Пойдем, торг на сегодня закончен.

В толпе слышались громкие голоса. За меня давали большие деньги. Но Али не реагировал на предложения.

Мы провели остаток дня в лагере каравана. Мне была предложена необычно обильная трапеза. По мере приближения к Нанпуру наши порции увеличивались, но это был настоящий пир. Я не заставил себя упрашивать и быстро расправился с едой. Вечером к шатру абу Маруха явилась чрезвычайно толстая женщина. Она была так обильно умащена ароматными маслами, что ее собственный запах был почти неразличим даже для моего чувствительного носа. Это была вдова работорговца, убитого черным человеком. Звеня золотыми браслетами, она принялась требовать от Али компенсации, упирая на то, что потеряла кормильца и одного из лучших рабов, потерпев двойной убыток. Пахучая толстуха желала в качестве компенсации забрать меня. Абу Марух мягко говорил с жирной самкой и пригласил её в шатер. Там они еще некоторое время спорили. Наконец женщина ушла. По дороге она что-то ворчала себе под нос.

Я полагал, что Али рассердится на меня, но торговец вышел из шатра довольный и сказал:

— Теперь ты хороший раб. Я заплатил за тебя изрядную цену, — в глазах торговца при этом плескалось веселье, и я понял, что вдова продешевила.

Али оставил меня при себе и принялся обучать различным людским уловкам. Среди прочего меня учили владеть разным оружием, от большой пушки до метательного диска, что вмиг может отсечь голову взросло-

му мужчине. Были учителя, которые отказывались работать с дикарем, но Али платил, и они смирялись. Мне запомнился щедушный старичок, учитель английского. Он входил ко мне, точно в клетку к дикому зверю, бледнел, лепетал и тряс своими сединами. Зато по окончании урока имел вид горделивый и надменный, будто великий полководец, одержавший значительную победу.

Как бы то ни было, я постиг язык сахибов и довольно быстро превзошел своих преподавателей боевых искусств. Дело в том, что я двигаюсь много быстрее обычного человека, а мой чувствительный нос позволяет предупреждать атаку врага. При этом я прекрасно понял всю убийственную мощь оружия сахибов. Ведь от летящей пули не смог бы уклониться даже самый стремительный хищник.

Четыре года я учился и странствовал вместе с Али. Пожалуй, это было счастливое время. Мне довелось увидеть большие города с их неумолчным шумом и многолюдьем, с огромными белыми домами и мощными крепостными стенами. Я видел зверинцы и чудных созданий, языка которых не знал. Я видел океан и грозные корабли сахибов. Я видел огромные величественные горы в шапках вечного льда и могучий Ганг, влекущий лодки и тела умерших к далекому морю. Время от времени я слушал запах окружающих земель, но ни разу не испытал чувства узнавания. Позже я понял, что хитрец абу Марух намеренно избегал нужного направления. По этой же причине в разговорах он старался не поминать мое прошлое и не рассказывал ничего о себе.

Однажды в дом Абу Маруха в Нанпуре явился сахиб по фамилии Шолто. Он был одет в гражданский костюм, но выправка и манера разговора недвусмыслен-

но указывала, на бывшего военного. Позже я узнал, что Шолто бежал со службы из-за карточных долгов и теперь скрывался от кредиторов. Он принес старую карту, на которой были обозначены города и крепости древнего княжества, погибшего много лет назад. Шолто утверждал, что сможет отыскать путь к столице княжества и дальше, к сокровищам древних махарадж. Уже некоторое время я был посвящен в дела Али и ходил при нем как телохранитель. Я увидел край карты, и вдруг меня сотряс мгновенный озноб узнавания. Небольшой выцветший рисунок изображал памятный мне барельеф с раджпутами в мертвом городе. В былое время я бы тут же рассказал о своей находке, но жизнь среди людей научила меня приберегать слова. Я промолчал. Шолто-сахиб и Али некоторое время обсуждали возможность похода к мертвому городу и пришли к соглашению. Али давал снаряжение и животных, а взамен получал равную долю в предприятии. У Шолто было еще трое подельников-сикхов и британец по фамилии Смолл. В итоге все богатства мертвого города были поделены на шесть частей. Невольно я прикоснулся к рукояти кинжала на поясе. Он был родом из тех мест. Али вернул мне стальной клык, как только я стал охранять его. Жители деревни не пожелали оставить клинок себе, полагая, что все мои вещи прокляты, и отдали кинжал торговцам.

Конец зимних дождей ознаменовал наш выход из Нанпура. Два слона, пять мулов и лошади, на которых ехали Шолто и компания, бодро дробили копытами подсохшую грязь на дороге. Вместе с сахибом явились четверо компаньонов, кули и несколько наемных работников. Смолл привел с собой низкорослого дикаря, больше похожего на ребенка, чем на взросло-

го. Увидев меня, он издал громкий вопль, бухнулся на колени и, выпростав из кармана разрисованную узором кость, принялся чертить в пыли какие-то знаки.

— Тонго боится вашего пса. — Смолл подошел к Али, попыхивая трубкой.

— Ваш друг мудр, — усмехнулся торговец. — Будь я на его месте, тоже боялся бы.

Дорога до мертвого города заняла два месяца. Изначально у Али и Шолто было равное количество людей, но нам не повезло. Двое индусов из нашего лагеря умерли от лихорадки, и мы остались в меньшинстве.

Шолто постоянно сверялся с картой, которую держал в потрепанном кожаном несессере. Попытки помочь ему разобрать маршрут всегда отвергались. «Слишком много душ на этом куске кожи» — так он говорил. Как-то раз один носильщик нечаянно дотронулся до заветного хранилища, желая как видно помочь британцу. Шолто избил его до полусмерти, и только вмешательство Смолла спасло незадачливого кули.

Когда до руин оставалась неделя пути, я стал различать знакомые запахи. Кое-кто из старых знакомых был еще жив и охотился в окрестных джунглях. Я окликнул орла, парящего над нами, и он спустился ко мне. Орел был молод, но в высоких гнездах продолжали рассказывать легенды о Тени тигра. Птица почтительно говорила со мной и обещала передать весть тем, кто умеет слышать.

Шолто и остальные с удивлением наблюдали за этим, а потом поинтересовались у Али, что за фокусы я показываю. Торговец невозмутимо отвечал, что в местах, откуда я родом, люди умеют заклинать птиц так же, как факиры заклинают змей. Все как будто

удовлетворились ответом, и только подозрительный Джонатан Смолл прорычал: «Черта с два! Ваши факиры вырывают змеям клыки и бьют по голове флейтой, пока тварь не уясняет, что нужно лезть из корзины, когда снята крышка. А я не видел, чтобы вы держали эту птичку взаперти».

Али ничего не сказал на это, но я удивился не меньше остальных. Вечером на биваке торговец долго и пристально разглядывал меня сквозь пламя костра.

— Возможно, я ошибался, а в словах моих людей есть доля правды, — сказал Али после долгого молчания. — И все же я не верю в демонов. Кто ты, раб?

Я промолчал, а он не требовал ответа.

— Ты в самом деле разговаривал с той птицей? — наконец спросил абу Марух.

Я кивнул. Не было смысла отрицать очевидное

— И что же она сказала?

— Пожелала мне здоровья.

Правда может обидеть или шокировать человека. Али она рассмешила.

— Что ж, заклинатель птиц, храни свои тайны, лишь бы ты охранял мою спину.

Город открылся перед нами внезапно. Из сплетения ветвей вдруг возник гранитный портал, увенчанный каменной головой слона, а за ним показались руины зданий.

Уже вечерело, поэтому обследовать город решили на следующий день. Мы разбили лагерь. Из темных проемов, с оплетенных лианами фасадов и мраморных постаментов взирали на нас каменные глаза богов и демонов. От щелей и расселин доносились голоса змеиного народа. «Пришельцы! Пришельцы! Черный бандерлог! Убийца матери!» У змей долгая память.

После ужина Али достал из кармана свернутый в трубку лист плотной бумаги и отдал мне.

— Это твоя купчая, — сказал торговец. — Ты больше не раб и волен идти либо остаться.

— Почему освобождаешь меня? — спросил я тогда.

— Тому есть несколько причин. И первая из них — опасность. Люди становятся непредсказуемыми, когда речь идет о больших деньгах. Если мы схлестнемся с сахибом и его головорезами, я хочу, чтобы мою спину прикрывал свободный человек. Ты получишь от меня равную долю сокровищ, как компаньон, а значит, будешь сражаться за награду, — он заглянул мне в глаза, но я сохранял спокойствие. — Есть еще одна причина. Твоя мать.

Здесь я не смог сдержать удивления. Тогда абу Марух показал мне медальон, сделанный из красного дерева. Я и раньше видел эту вещицу у него на шее. Под крышкой в овальном багете обнаружился портрет молодой женщины. Я не узнал ее, но в этом не было ничего удивительного.

— Она предпочла мне этого флейтиста. Беззаботного и бедного, точно дервиш, — грустно сказал торговец. — Мать едва разрешилась тобой и тут же отправилась с мужем в дальнюю поездку. Когда через семь лет ты пропал в джунглях, она явилась ко мне и со слезами просила помощи. Я не мог отказать. Тебя искали. А потом она сама исчезла в тех же местах. Я продолжал водить караваны в этом направлении. Рассылал людей по деревням с вопросами о ней. Все было бесполезно. И вот, когда я совсем отчаялся, я нашел тебя. Поначалу я не понял, кто ты, но чем дальше, тем больше сквозь звериную личину проступали знакомые черты. И тогда я подумал, что она, возможно, не лгала, когда, рыдая на полу моей гостиной, взывала ко мне, утверждая, что ты — мой сын. Так

кто же ты, человек или дух, посланный Аллахом мне в назидание?

Я не ждал таких откровений и долго не мог прийти в себя. Вместо ответа я взял Али за руку и повел его во тьму, которая была открыта для меня и непостижима для него. Мы пересекли площадь, обогнули колоннаду и оказались перед мраморным барельефом. Невозмутимые раджупуты разили своих каменных врагов. Листья плюща блестели вечерней влагой. Я раздвинул корни, и проход открылся передо мной. Я потащил Али вниз. Он покорно пошел за мной, старый негоциант, робкий и маленький, точно дитя, ведомое тигром. Только чуть слышно зашептал что-то о змеях. Змеи... ха! Они никогда бы не посмели напасть на меня.

Мы спустились по ступеням в гнилую грудь мертвого города. Там я достал промасленную тряпицу и поджег захваченный факел. Когда пламя разгорелось, я поднял светоч повыше, и Али ахнул, разглядев груды сокровищ, устилающих пол. Ткани истлели от времени, влага уничтожила медь и дерево, почернело серебро. Но золото не подвластно тлению. Желтый металл. Его было много в той комнате.

На некоторое время торговца охватила эйфория. Он ходил, ухмыляясь, точно пьяный, меж груд наваленного добра, брал в руки отдельные предметы, тер их рукавом и жадно разглядывал свое отражение в золотых глубинах кубков и блюд.

Мне же хотелось одного: чтобы он забрал назад те откровения, что доверил мне сегодня. Чужая история, из которой выростала моя собственная, жгла тигриную кожу. Делала из меня кого-то другого. Отягощала долгами и ненужной виной.

Между тем торговец оторвался от созерцания богатства и, как видно, задумался о практической стороне дела.

Он сказал, что нам нужно начать паковать сокровища в мешки, но делать это медленно и скрытно, чтобы Шолто и его подельники ничего не заподозрили. Затем нам следовало перепрятать основную часть сокровищ, оставив лишь немного для наших компаньонов. Я сказал, что вход в подземелье можно завалить — стена над нами была непрочной. Али согласился, что это разумно.

Мы поднялись наверх и при свете молодой луны двинулись к лагерю. Наше отсутствие было кратковременным и как будто не привлекло особого внимания. Мы сели к костру и взялись за похлёбку. Шолто был весел и оживлён больше обычного. Жадно пил из своей походной фляги. Похоже, ему не терпелось приступить к поискам золота. Сахиб принялся рассуждать о том, что сделает, когда обретет свою часть сокровищ. Затем неожиданно обратился с тем же вопросом к Али, и торговец отвечал, что планирует купить плантацию индиго, так как странствия ему порядком надоели. Смолл, казалось, дремал, и только клубы дыма от его старой трубки показывали, что британец бодрствует. Тонго сидел на корточках дальше всех от огня и сверлил меня неприязненным пристальным взглядом. Один раз я посмотрел на него в ответ, и дикарь в ужасе отпрянул, еще глубже отступая во тьму.

— Демон, — проскрипел Смолл, — малыш считает тебя лесным демоном.

Демон, человек или тигр? Тогда я не знал ответа. Мало мне было рассказов слепого бандерлога. Мир, такой простой вначале, рос, изгибаясь, точно тело большой змеи, и в этих блестящих боках дробилось и плыло мое отражение. Из темноты медленно возникло лицо Али и вдруг сменилось на оскаленную пасть Хромца.

Я открыл глаза и увидел, что настало утро. Напротив, привалившись к стволу, сидел абу Марух, связанный по рукам и ногам. Он еще спал или был без сознания. Меня также плотно охватывала веревка.

Надо мной склонился Смолл.

— Ты гляди, очнулся. Сколько ж тебе нужно снотворного, парень? Меня уверили в Калькутте, что зелье утихомирит и слона, как минимум, до ланча.

Я прохрипел что-то вопросительное в ответ.

— Что происходит? — Смолл ухмыльнулся. — Тонго выследил вас вчера. Вот что. Он, знаешь ли, умеет подкрадываться, маленький дьявол. Это не раз спасало мою шкуру на Андаманских островах. Ну все, мне пора к сокровищнице, а то наш душка-командир того и гляди прикарманит себе лишнее. Обыщи их, а потом кончай, — эти слова были, очевидно, обращены к одному из подельников. Меня обшарили ловкие пальцы.

— У этого ничего нет, — прохрипел невидимый человек, — только кинжал и какая-то бумага.

— Бумага? — уже издали отозвался Смолл. — Дайка глянуть.

Какое-то время они молчали, а потом раздался приглушенный смех.

— Небогатое приданое, — прокаркал Смолл. — Бледная Леди будет разочарована.

Он ушел, а индус принялся обыскивать Абу Маруха. Извлек несколько монет и, воровато оглянувшись, сунул в карман. Затем деловито запрокинул Али голову и одним движением перерезал горло. Замешкался, стряхивая кровь с рукава, и лишь затем повернулся ко мне. От него пахло страхом, и нож в дрожащей руке ронял багровые капли в остывшие угли. Связанный по рукам и ногам, беспомощный, я все равно пугал его. И тут я уловил запах, который уже не рассчитывал услышать. Тогда я оскалил зубы и зарычал. Мужчина от-

прянул и чуть не обделался со страху. Он и подумать не мог, что я приветствую старого друга. А через мгновение мой неудачливый палач уже не мог ни о чем думать, потому что ему на плечи опустилась смерть. Ломая шею, разрывая горло, терзая когтями тело.

— Опять я спасаю тебе жизнь, полосатый. — Багир оторвался от своей жертвы, и я увидел, как изменился мой единственный друг. По человеческим меркам он был глубокий старик, а по звериным — давно пережил свой век. Он приблизился ко мне и принялся перегрызать узлы на путях. Вскоре я был свободен. Я гладил и чесал старого кота, называя его глупым мешком с костями и неповоротливым увальнем, а он просил еще.

Багир спросил, что я собираюсь делать. И я сказал: «Сегодня тигр будет охотиться на человека». Мы собрались уходить, и тут мне на глаза попала купчая, брошенная Смоллом. Я читал не слишком хорошо и все же сумел разобраться, что к чему. Бумага не была заполнена. Подпись внизу отсутствовала. Али обманул меня.

Что ж, я сталкивался с человеческим коварством не впервые. Трогательная история про любовь к моей матери также была фальшивкой. Похоже, торговец и в самом деле встречал моих родителей. Иначе откуда бы он узнал подробности? Но все остальное Али скорее всего придумал. Теперь я не мог спросить его, и это приводило меня в ярость.

Мы с Багиром подкрались к стене и наблюдали, как Смолл и Шолто командуют подъемом сокровищ. Среди работников были и люди, нанятые Али. Они без тени сомнения переметнулись на сторону сахиба.

— Желтый камень не принесет им радости, — сказал Багир. — Те люди, что охотятся за ним, находят лишь смерть.

«И они найдут ее быстро», — подумал я.

Рядом с нами на камне грелась большая черная змея. Я позвал ее, и она повернула ко мне голову. Язык змей очень сложный, к тому же они слышат кожей, поэтому слова нужно произносить у самой земли. И все же кобра прислушалась ко мне. Уроки старого бандерлога не прошли даром. Она спросила, что нужно Убийце матери, и я сказал, что хочу защитить сокровища города от двуногих и взываю к гордости змеиного народа. Она встала на хвосте, расправляя капюшон, и я был уже готов отразить атаку, но устрашающая демонстрация продолжалась лишь мгновение, затем кобра скрылась в камнях. Я терпеливо ждал, а когда уже перестал надеяться, из подземелья донеслись первые крики укушенных. Змеи встали на защиту сокровищ мертвого города.

Я осторожно подполз к краю стены. На площади творилось что-то невообразимое: укушенные работники катались по земле. Как видно, их атаковали не раз, и яд уже начал действовать. Один пытался вскрыть ранки ножом и выпустить кровь, другой с воплем кинулся на британцев. Прозвучал выстрел, и безумец распластался на земле. Шолто не утратил самообладания, хоть и был растерян таким поворотом событий. И только Смолл с револьвером в руке внимательно осматривал джунгли, словно искал что-то. Этот человек обладал звериным чутьем и, кажется, уже понял, кого следует винить за внезапную атаку змей.

Я решил не разочаровывать сахиба, опустился к середине стены и навалился на нее изо всех сил. Древние камни сопротивлялись недолго. С протяжным воем кладка обрушилась вперед. Каменные раджпуты

ринулись в последнюю атаку. Они погребли под собой двух индусов и запечатали вход в подземелье.

Я вспрыгнул на остатки стены и зарычал так, как рычал отец «Это моя добыча!!» Наверное, тогда я и правда походил: на демона. Весь белый от каменной пыли, с яростью в глазах и сверкающим кинжалом в руке.

Впрочем, я дал им посмотреть всего мгновение, а затем скрылся в руинах, избегая выпущенных в меня пуль.

Мне было бы несдобровать, если бы они поднялись по камням наверх, но тут появился Багир. Мы действовали так же, как тогда, у водопада. Я привлекал внимание, черный кот нападал с тыла. Он ворвался на площадь, раздавая удары. Никто не избежал ранений. Смолл рухнул на колени с разорванной лодыжкой. Шолто держался за голову. Тонго шипел и катался в пыли, зажимая рану на животе. Багир пересек площадь, вспрыгнул на остатки стены и скрылся из виду. Я пробрался к нему и увидел, что мой друг ранен. Пуля попала в ногу и застряла в мягких тканях, другая прошла вскользь, слегка задев правое ухо. Это была не смертельная рана, но тут я увидел, что вся морда и усы Багира в крови. Пока мой друг атаковал наших врагов, другой противник подкрался к нему. Старость. Против нее не было средства. Черный кот потратил последние силы на этот рывок, и теперь я мог лишь беспомощно следить, как угасает огонь в его желтых глазах. Вскоре все было кончено. Я завыл, оплакивая единственное существо в мире, которое искренне любило меня. Слова волчьего языка как нельзя лучше подходили для этого.

Моя поминальная песня, очевидно, стала последней каплей для Шолто и подельников. Первым не выдержал Тонго. Я не мог видеть его, но почувствовал, как слабеет запах маленького человека. Следом за ним устремились и остальные.

В последний раз я взглянул на мертвого кота и отправился за ними. Я не подумал хоронить Багира. Только люди, жадные до всего, прячут своих покойников под землю, словно те могут им пригодиться. Я оставлял своего друга джунглям, частью которых он был.

Пятнадцать мужчин направились за сокровищами мертвого города, и лишь четверо еще дышали. А пятый... пятый никогда не был человеком. Я преследовал их, гнал через лес, появляясь и исчезая, как призрак. Их пули летели мимо. Скудные запасы иссякли. Они не могли остановиться, поесть или поохотиться. Джунгли хотели их крови, шептались, стонали и рычали. Страх стал их постоянным спутником. Вскоре рана на ноге Смолла загноилась, он стал кричать во сне, а через пару дней велел отрубить больную конечность. Чернобородый Мухаммед Сингх выполнил просьбу компаньона. Травма не помешала ему продолжать движение. Воистину этот человек был сделан из железа.

А что же сокровища? Небольшой ларец — вот все, что Шолто и компании удалось забрать из подземелья. Но и этого было довольно. Проклятие желтого камня уже довлело над ними. Когда они достигли обжитых земель, то походили на мертвецов, да, в сущности, и были мертвы. Страх и голод сделали свое дело. Я смотрел, как они бредут через поле к отдаленным домам поселка, и смеялся, а джунгли вторили мне на разные голоса.

* * *

Пленник закончил свой рассказ и снова смотрел на меня своими страшными звериными глазами.

— Отчего же вы не остались в джунглях? — спросил я тогда.

— О нет! — засмеялся он. — Я всегда пребываю в них. Я нахожу здешнюю охоту крайне увлекательной. Люди куда интереснее зверей. Это — моя добыча!

— Но убийство — ужасно! Неужели жизнь среди людей больше ничем вас не привлекает?

— Жизнь людей — это непрерывная охота за желтым камнем. Тигру он ни к чему.

Мне стало обидно за человечество. и я воскликнул, забывая, в какой опасности нахожусь:

— Неправда! Вы считаете, что весь мир одинаковый. И, может быть, эта страна в самом деле похожа на дикий лес. Но вы не видели, каких успехов достигла западная цивилизация.

Я ожидал, что он бросится на меня, но пленник лишь грустно покачал головой.

— Ты ошибаешься, человек. Если б ты знал, как ошибаешься.

* * *

Спал я плохо. Мне снились тигры, крадущиеся в тенях. На утро Клерваль разбудил меня и после чашки крепкого кофе снова повлек ко дворцу.

— Скоро казнь, — объяснял он по дороге. — Вы никогда не видели человеческую голову, подлетающую вверх на двадцать футов? Сегодня вам представится такая возможность. Зрелище не из приятных, но такого вы больше нигде не встретите.

Я думал отказаться, но не сделал этого. Мне хотелось еще раз взглянуть на пленника, прежде чем «Дьявольский ветер» растерзает его тело.

В этот день у расстрельной батареи собралась целая толпа. Здесь был новый губернатор Пхараваджабада, британские офицеры, а также немногие ев-

ропейцы, волею судеб оказавшиеся в городе. Одетый в черное англиканский священник то и дело снимал шляпу, промокая платком, потеющую лысину. Правую руку его стеснял увесистый томик Писания, и от этого простое действие выглядело комично. За оцеплением из солдат расположились местные жители. Люди оживленно переговаривались, торговцы засахаренными фруктами громко предлагали свой товар. Три дня назад они приветствовали повстанцев, а сегодня с той же благосклонностью ждали их казни. Серая масса, равнодушная ко всему, кроме развлечений — вот главный соучастник всех преступлений от начала времен! В то время как деятельные индивидуумы находятся в постоянном поиске, пытаются достичь новых высот: рискуют жизнью в джунглях Южной Америки, умиряют дикие африканские племена и бросают вызов полярным льдам в поисках Северо-западного прохода — эти довольные потребители жуют свои сладкие финики, ожидая, когда же их начнут веселить.

Пока я предавался размышлениям о гнилой сущности обывателей, худощавые, смуглые до черноты погонщики привели трех больших слонов с подпиленными бивнями. Животные вели себя беспокойно — слишком шумно и людно было вокруг. Я подумал, насколько проще жилось этим серым громадинам раздели они судьбу *Orcinus orca* или *Physeter macrocephalus*. В водах морей чудовищный вес не так досаждал бы им.

Напряжение между тем нарастало. Толпа за оцеплением все увеличивалась. Некоторые смельчаки умудрились вскарабкаться на большие статуи и теперь сидели там, подобием огромных бескрылых птиц. Вдруг со стороны батареи раздался громкий высокий голос. Это кричал махараджа. Я тут же обратился к художнику за разъяснением.

— Он просит о справедливой смерти, — нахмурившись, сказал Клерваль.

— Просит? Кого же? Британцев?

— Не представляю. Своих богов, должно быть.

У меня была странная гипотеза на этот счет. Однако я не стал делиться с художником.

Наконец горнисты дали сигнал к началу экзекуции. Сначала из дворца вывели скованных пленников. Как видно, это были рядовые солдаты. Сипаев вытолкали в центр площадки, где дюжий кузнец принялся сбивать с них кандалы.

Губернатор взял слово и обратился к жителям города. Он говорил по-английски, а чернобородый сикх в форме колониальных войск переводил слова британца жителям города. Губернатор сказал, что уважает местные обычаи, поэтому первые десять пленников будут казнены в духе старого Пхараваджбада и похоронены согласно обрядам. Остальных ждала виселица и общая могила.

Десять «счастливицков» были отобраны и подведены к приземистым каменным плахам, которые я сперва принял за остатки какого-то строения. Пленников положили спиной на плахи и приковали при помощи особых зажимов. Я не приветствую казней, но любопытство исследователя толкнуло меня подойти поближе, благо этому никто не препятствовал.

По команде погонщиков слоны двинулись вперед. Их столпообразные ноги поднялись над обреченными и рухнули вниз, проламывая грудные клетки. Этот жуткий хруст до сих пор преследует меня ночами.

Едва раздался последний предсмертный хрип, обслуга плах бросилась к телам казненных. Проявив удивительную сноровку, палачи в несколько минут убрали трупы и приторочили к возвышениям новую тройку несчастных. Казнь повторилась. Я увидел до-

статочно и отошел к группе европейцев. Пока я наблюдал за казнью, Клерваль успел сделать два прекрасных наброска, ухватив самую суть «слоновьей кары». И я еще раз поразился животной наготе этого страшного действия, подчеркнутой искусством рисовальщика.

Ничего удивительного, что Азия пребывает в таком застое и невежестве. Вместо того чтобы развивать науку и врачевать душу искусством, эти древние упрямцы лелеют свои первобытные традиции. Зачем, зачем губернатор пошел в поводу у толпы и не ограничился гуманным повешением?

Вскоре пленных солдат увели. Очевидно, их казнь должна была пройти в другом месте. Теперь настал черед узников пушек.

Я отыскал глазами Вяхру. Тот поднялся на ноги и стоял неподвижно. Высокий, худой демон с растрепанной гривой смоляных волос. Солдаты охранения казались рядом с ним детьми, облаченными в яркие костюмы.

Прозвучала команда, и первая пушка окуталась дымом. Все, что сказал Клерваль насчет механики экзекуции, оказалось правдой. Голова сипайского офицера подлетела вверх на добрых пятнадцать футов. При этом она бешено вращалась. А тело... что тут говорить, орудийная казнь не зря получила свое название.

Пушки стреляли одна за другой. Подробности страшного действия скрылись в пороховом дыму. Однако медленно ползло к трибуне. Вот и черная фигура дравида стала расплывчатой, словно предрассветная тень. Сейчас канонир поднесет огонь к запалу, и я стану единственным обладателем страшной истории тигра в человеческой шкуре. Я едва различал Вяхру, когда он запрокинул голову, исторгая чудовищный вопль. Это не было похоже на рык тигра, но также,

как и голос хищника, шло откуда-то из темных глубин звериного бытия. Пленник закричал снова. В этом долгом вибрирующем вопле мне почудились слова, тяжелые и древние, как этот проклятый край. Англичанин уронил книгу в пыль, подобрал ее и принялся то-ропливо креститься. Офицеры схватились за оружие.

Третий крик был протяжнее, громче. И он звучал не от пушек! Слоны, стряхнув с себя погонщиков, вмиг смяли оцепление. Точно огромные серые глыбы, гиганты прокатились по полю и принялись крушить орудия. Я видел, как серый исполин в ярости оторвал пушку от лафета и швырнул ее в толпу, калеча нерасторопных зевак. Повсюду слышались крики раненых и редкие выстрелы. Сикхи сомкнулись вокруг губернатора. Невозмутимые, как всегда. Мы с Клервалем оказались предоставлены сами себе и, не дожидаясь пока гиганты доберутся до нас, стали прокладывать себе дорогу к выходу из дворца. Удача сопутствовала нам. Вскоре мы оказались в нижнем городе. А над нами все еще слышались выстрелы и трубили слоны.

Вскоре стали известны подробности утренних событий. Ценой внезапного бешенства, охватившего слонов, стали сорок жизней. Среди них были несколько солдат оцепления, обслуга пушек, горожане и приговоренные. В том числе и старый махараджа. Офицер колониальных войск, принесший невеселые вести, был давним партнером Клерваля по покеру и охотно делился подробностями.

— Хотите верьте, хотите нет, но старика закололи штыком, — рассказывал он за бокалом сидра, — я сам видел. Страшный удар, прямо в сердце. Эти новые «Энфилды» сделаны на славу. Хорошая сталь, если хотите знать. Должно быть, кто-то из солдат сочувствовал старому прохвосту. Теперь он в их языческом раю.

— А узник в шрамах, что стало с ним? — я наклонился над столом, пристально глядя на военного.

— Его пушка была сломана одной из первых. — Британец сделал большой глоток из своего бокала. — Тело не нашли. Несколько несчастных рухнули со скалы в реку. Видимо, он был среди них.

Этот ответ не мог полностью удовлетворить меня. Но больше ничего не было.

Через два дня «Гордость Бенгалии» вернулась в порт. Мрачный, как всегда, Ахмед принял меня на борт. Наши дела в Индии были окончены.

На прощание Клерваль преподнес мне портрет узника. С бумаги на меня вновь взглянули глаза хищника. Что-то с ним случилось? Я много размышлял об этом странном существе, пока наш пароход стремился к океану. Иногда он виделся мне, идущим сквозь пороховой дым. На черном лице яростно горели тигриные глаза, в покрытой шрамами руке — винтовка с обращенным к земле окровавленным штыком. В другом видении он был мертв и медленно плыл за нами, влекомый течением большой реки, а юркие рыбы объедали его лицо. Как бы то ни было, мне казалось, что теперь я стал лучше понимать Вьяхру. Он мог быть человеком, но выбрал зверя. Потому что большие и малые владыки, которым он служил, находили прекрасное применение хищнику и не знали, что делать с человеком... Мои мысли невольно обратились к далекой родине. Я представил Вьяхру, облаченного в европейский костюм, охраняющего спину крупного промышленника, шагающего по Сите, или политика меряющего шагами коридоры Лувра, и к своему ужасу не нашел противоречий. Джунгли везде...

Сегодня утром мы достигли устья. Движение парохода замедлилось. Матросы бросали лот, выискивая надежный фарватер. Я вышел на палубу с блокнотом в руках и вновь развернул портрет тигра. Внезапно огромный орел опустился на поручень прямо передо мной. От неожиданности я выронил бумагу. Хищная птица с удивительной легкостью подхватила лист и устремилась в небо. Еще некоторое время я мог видеть его, летящего в глубь материка. Черную точку над изумрудным океаном леса...

ВЛАДИМИР АРЕНЕВ

ЗАЛОГ СТАБИЛЬНОСТИ

Андрею Куркову

Ну, оживили они меня. Лысюк, говорят, восстаньте из криованны, спасайте, говорят, страну. Секретаришко там один у них — так и вертится, в глаза заглядывает.

Я им:

— А кто сейчас у власти?

Даже подумал на минутку: вдруг наши?! И что, что полпроцента брали на выборах? Зато свои, честные, без этого вот!.. А за полвека, пока я леденел душой и телом, многое могло переиграться.

Ну, оно и переигралось. Я услышал — хотел обратно в ванну лечь. Фиг: лёд растопили, воду выпустили — живи, Лысюк, наслаждайся. Спасай страну.

— А у власти —?..

— А у власти, — объясняет секретарик, — президент. Гарант, хранитель, столп.

— А в оппозиции?

— А вот как раз мы вас для этого и потревожили. Будете лидером? Возглавите?

— Своих, — спрашиваю, — нет? Местных... в смысле, современных.

Секретарик глазки отвёл:

— Не справляются, — говорит, — свои. Вы, — говорит, — многое проспали, Платон Эдуардыч.

— Инопланетяне прилетели в братских объятьях душисть? Нефть закончилась? Интернет отключили?

Смотрю в окно — в окне осень. Дождь, грязь, листья облетают. Катастрофой не пахнет.

— Обошлось без инопланетян, — говорит секретарик. — Японцы создали машину. Точней, сначала закономерность вычислили, по которым функционирует отсталое государство, а потом уже принялись за машину: чтобы моделировала наиболее оптимальные решения для такого государства. Опробовали на своём отсталом округе. Прописали машину в качестве «консультанта»... и через год уволили к японским чертям губернатора, или кто там у них был. Лет через десять начали предлагать на экспорт, делали под заказ: не конвеерное производство, штучная калибровка. Наши подсчитали прибыли и закупили. Результат превзошёл. Хотя не без потерь: пару раз едва не свинтили корпус, на драгметаллы. В итоге от машин отказались и вернулись к обычной форме.

— А на самом деле?

— К обычной форме, — повторил секретарик. — Форме, понимаете? Две ноги, две руки, два уха, голова одна. — Он зачем-то постучал себя по лбу.

Тут меня как обухом.

— Столп? — шепчу. — Гарант-хранитель?

Он кивает.

— Взбунтовался? Ввёл машинную тиранию, японский передовой?!

— Да нет, зачем? Отлично и мудро управляет на законных основаниях. Ровно до выборов.

— Погоди, — соображаю, — ты из этих... которые в Средние века машины громили? Из луддитов?

Он даже обиделся:

— Да что вы понимаете!.. Да он!.. Да я!..

— А тогда зачем оппозиция?

Оказалось: для балансу и чтоб карась не дремал. Он — столп и хранитель — вообще без оппозиции не функционирует. Тонкие настройки, глобальные закономерности.

— А раньше кто выполнял, — спрашиваю, — эту почётную роль?

— Пять лет назад он и выполнял.

— А правил?..

— Нынешний глава оппозиции. В этом, — чуть не плачет секретарик, — и просчёт. Или коварная восточная хитрость, не знаю. В общем, когда доходит дело до выборов, ныне действующий честно на них идёт — и честно проигрывает. Потому что противник его, сука, всегда пользуется большей любовью у народа. Как сторона страдательная. Вот такие качели: то один, то другой.

— Ну так чем плохо?

— А у них, — говорит, — программы разные. В смысле: по развитию страны. И они их, главное, выполнять начинают.

— А я?..

— А ты вернёшь стране долгосрочную стабильность. — И, гадёныш, улыбается.

Я почти согласился. Потом осенило.

— Но нынешний-то, — говорю, — заметит подмену. Он робот, но не дурак. Мозгами-то шевелить...

А секретарик качает головой:

— Никаких мозгов, сплошные алгоритмы, простейшие. Этикет, речи, принятие решений на основе анализа входящих данных. Плюс штат таких же, но рангом поменьше, в областях.

Тут я совсем растерялся.

— А как же оно всё?.. И никто не замечает? И — работает?

Он пожал плечами и ухмыльнулся:

— А в ваше время — не работало?

Тут в нём что-то клацнуло, замигало под рубашкой, металлически так зазвенело. Он извинился, вытащил из внутреннего кармана удлинитель и воткнул в розетку.

И мы ударили по рукам.

А теперь вопрос к собравшимся: кому ещё неясно, почему мосты, телеграф и телефон — в последнюю очередь; почему сперва — электростанции?!

КРИСТИНА КАРИМОВА

ЛИЧНЫЕ ЖЕЛАНИЯ

Поворот, отскок, обманное движение. Гризли, недовольный прыгучестью жертвы, взревел. Ну и голосина! Дюймовые когти метнулись вперед. Я ловко увернулась и резко двинула ногой. Попала во что-то мягкое. Все. Можно со спокойной совестью сушить весла. Будем считать, что это был удар в селезенку, то есть быстрая смерть.

Я с чувством выполненного долга шагнула к выходу. И... не тут-то было! Поймав краем глаза тень дви-

жения, я инстинктивно шарахнулась прочь, и острые зубы клацнули, промахнувшись всего лишь на какой-то сантиметр от моего уха. Ничего себе!!! Я такого не планировала!

Уходя от столкновения с многопудовой тушей, я кувырком прокатилась по полу и врезалась в стену. Черт! Больно! Но думать об этом было некогда, потому что чудовище уже вновь летело на меня. Я, как была на четвереньках, метнулась прочь. Никогда не подозревала, что способна к скоростному способу передвижения таким образом. Вылетела на середину комнаты, вскочила на ноги. Монстр был уже тут как тут. «Да что ж это такое! — возмутилась я, кружа по небольшому пятачку. — Он же должен был упасть замертво!» Зверь, снова поднявшись на задние лапы и не подозревая о своих обязанностях по умертвлению, взрыкивая, следовал за мной. С оскаленной пасти на пол капала слюна.

«Так, — лихорадочно соображала я. — Какие у него еще слабые места? Селезенка? Не сработало. Нос? Только разозлится... Черепушку не пробить... Попробовать ножом? Ох как рискованно!..»

Я, не отводя от противника настороженного взгляда, вытащила из-за голенища нож. Ну же, нападай! Но волосатая образина, чуя подвох, выжидала. «Надо раздражить». — Я закружила быстрее. Шажок вперед, взмах ножом, отскок вправо. Шаг, взмах, отскок назад. Зверь, не успевая сосредоточиться для удара, злился все больше, и его маленькие глазки постепенно наливались кровью. Наконец, не выдержав, он коротко рывкнул и метнулся вперед. Я извернулась, пропустила его мимо и, когда он приостановился, чтобы отыскать исчезнувшего из поля зрения противника, прыжком взлетела ему на спину. Оседланный монстр взревел и закружился на задних лапах. Я, вцепившись

в густой мех левой рукой, взмахнула правой с ножом, метя в щель у основания черепа. «Ну, дай боже по-пасть туда, куда надо!»

Я кое-как вытащила придавленную тушей ногу и, потирая ушибленный при падении бок, побрела к фиксатору результатов. «Отлично», — гласила надпись на экране. Ну, еще бы! После такого надо не «пять», а «десять» ставить!

Стягивая костюм и наскоро ополаскиваясь в душе, я размышляла о том, какая все-таки крутая штука — имитатор. Все происходит как в реале. Только вот почему не сработала корректировка? Ведь вчера, взломав код, я заложила в программу смерть от первого удара. А тут — нате вам! — пришлось круто побегать... Ладно, неисповедимы пути господни, а компьютерные иже с ними.

Посвежевшая, похорошевшая с вновь наложенным макияжем я вышла из тренажерного зала. Сержик, большая надежда современной науки, аспирант нашего Института, а еще мой безуспешный ухажер уже был тут как тут. Невысокий, пухленький и от этого какой-то очень уютный и домашний. Такому, наверное, хорошо поплакаться в жилетку. Да вот беда, не люблю я плакаться. Мир — такое странное место, где каждый сам по себе.

— Привет, Серенький, — бросила я и улыбнулась. Настроение у меня было хорошее, так чего же не побаловать человека.

Маленькие глазки за толстыми стеклами круглых очков радостно вспыхнули. Губы растянулись в ответную улыбку:

— Как сдала?

— Отлично! — И вдруг решила поделиться: — Только, представляешь, я вчера полночи корректировала

программу тренажера, а этот монстр, вместо того чтобы сгинуть от первого удара, еще и погонял меня хорошенько.

— Мила, у тебя же способности, а ты все время стараешься увильнуть...

Нет, так-то Серега парень неплохой. И даже где-то хороший. Но вот это его занудство!.. А я терпеть этого не могу. Ненавижу, когда мне указывают, что я должна делать, а что не должна. Неужели я сама не смогу решить, что мне нужно? Да, в перечне моих предметов есть физподготовка. Но лично я считаю ее полной ерундой. Чего ради я должна драться с пещерным медведем голыми руками, если на это есть парализатор? И тут у меня мелькнула ужасная мысль.

— Серый! Признавайся немедленно! Это ты сделал?! Ты снял с имитатора мои метки?!!

Этот поросенок потупил глазки и скромно сообщил:

— Я.

— Ну знаешь! — Я задохнулась от возмущения. — Как ты мог меня так подставить?! А если бы я не сда-ла?!

— Но я же в тебя верил! — гордо сообщил он.

— Ну ты и жук! Никогда тебе этого не прощу!

Развернулась и пошла прочь.

— Но у тебя же «отлично»! И совершенно честно, без подтасовки! Сейчас ты можешь гордиться собой!

Я даже не оглянулась. Друг называется!

— Милена, подожди! — безнадежно воззвал он мне вслед. — У меня новость! Хорошая!

Я удалялась все дальше.

— Я выписал тебе пропуск! Как ты просила!

И вот тут я остановилась. Это уже было серьезно. За право выхода в прошлое не то что мы, студенты Института времени, но даже преподаватели готовы

цепляться зубами и ногтями. Разрешения выписываются редко и с большим скрипом.

— Палеозой, — подобострастно сообщил Серый, аккуратно подбираясь ко мне. — Тема: «Перемещения велоцераторов в юрский период». Я сказал, что мне нужен помощник для фиксации результатов.

Здорово. Конечно, было бы еще круче попасть в человеческую эпоху, но они с самого открытия путешествий во времени под запретом. Перестраховщики! Начитались Брэдбери с его бабочкой. Хотя лично я придерживаюсь теории профессора Лебедева, что время эластично. Думаю, что любые изменения, которое мы попытаемся внести в прошлое, будут сглажены и никак не отразятся на нашем, уже сложившемся мире. Кое-какие доказательства уже имеются, но на примере древних эпох. А вот появляться во времени, где уже имеются разумные люди, все еще считается рискованным. Вроде как, повлиять на историю через человека гораздо легче, чем через динозавров-птичек-бабочек.

— Ты уже свободна? Можем пойти прямо сейчас — я тебя специально ждал.

— О-о-о, сейчас не получится... — огорченно потянула я. — У меня еще один зачет.

— Нормально. За мной сегодня лаборатория на целый день закреплена. А по какому зачет?

— История двадцатого века. У ректора.

— А, у Михеева? Тогда обязательно повтори все про Романовых. У него на царскую фамилию пунктик. Значешь, что он ведь Председатель Монархического союза?

— Да-а-а?! — удивилась я. — Этого сборища древних кротов?

Политикой я не увлекаюсь, но кое-что об этой партии слышала.

— Совсем даже не кротов, у них довольно сильная позиция, — возразил Серега. — И большой шанс на победу на выборах. Они бы и сейчас провели референдум по возвращению монархии, но побаиваются — нет однозначного претендента на престол. Ведь прямых потомков Романовых не осталось, все какая-то седьмая вода на киселе.

— Да зачем это надо? — возмутилась я. — Для чего возвращать то, без чего мы прекрасно обходимся уже почти двести лет?

— Как символ. Типа, сплочение нации. А еще, я думаю, это сам Михеев рвется к власти. Серый кардинал за плечами подставного монарха.

— Так рвался бы в Президенты.

— Э, нет. Президент — это ответственность. А делаешь не так — еще и по шее получишь. А монарх что бы ни натворил — все к месту.

— Бред какой! — Я покрутила головой. — Монархия! Они бы еще племенное право вернули!

— Может, и бред, но только Михееву так не скажи — он за это дело горой. Так что, если ляпнешь чего не то — сразу срежет.

— Ладно, как-нибудь... — легкомысленно махнула я рукой и отправилась на зачет.

— После революционных событий в Петрограде, перед новой властью встал вопрос что делать с отрекшимся царем. Временное правительство арестовывает Николая II и его семью. Местом их заключения становится Александровский дворец в Царском селе, — старательно излагала я факты. Михеев, постукивая карандашом по журналу, благосклонно кивал. — Первого августа тысяча девятьсот семнадцатого года цар-

скую семью переводят в Тобольск. Позже — в Екатеринбург.

Не дополнительный вопрос, а целый билет достался мне по царской фамилии. Что ж, может, и к лучшему. Расскажу сразу все, что знаю.

— Уральский областной совет вынес постановление о казни императорской семьи. После объявления постановления император Николай II, императрица Александра Федоровна, их дети: Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия, Алексей были расстреляны.

Я завершила рассказ и вопросительно посмотрела на преподавателя. Он, задумавшись, молчал, а я, воспользовавшись моментом, исподтишка разглядывала его. Все еще густая, хоть и полностью седая шевелюра, упрямый подбородок и твердый взор — вполне подходящая внешность для политика, ничего не скажешь.

— М-да... — Михеев наконец поднял голову, вздохнул и изрек. — Да, семь человек были расстреляны. Семь лучших людей эпохи! В том числе и дети. Представляете?

Ну да. Семь человек. Но в тот период — кровавейший! — погибли не только эти семь человек. Тогда погибло множество. Детей, стариков. Так чем эти лучше остальных? Этим хотя бы было за что гибнуть. Привилегии, власть, сила. А остальные просто попали в молох времени. А ведь в отличие от большинства царская семья имела возможность избежать такой участи. Они могли бежать и из Царского Села с необременительной охраной, и из Тобольска, где к ним достаточно лояльно относились. А они сидели и ждали, как курицы, когда их пустят в суп. Церковь называет это смирением, а я — глупостью. Уехали бы за границу. Или хотя бы отправили детей. Другьям, пытающимся им помочь, Николай II поставил условие: семья должна быть вместе и остаться в России.

Вот и дотянули до того, что оказались в Екатеринбурге, в слишком хорошо охраняемом Ипатьевском доме. Сами виноваты. Однако сказать это Михееву я считала нецелесообразным и потому, будто продолжая его мысль, добавила:

— Да, семь человек царской фамилии, в том числе и дети, погибли. А также врач Боткин, повар Харитонов, лакей Трупп и комнатная девушка Анна Демидова. А еще погибли собачки, принадлежащие Марии Федоровне и великим княжнам Марии и Анастасии. Спаниелю Джою, принадлежащему наследнику Алексею, повезло. Он остался жив — его забрал один из членов расстрельной команды.

Михеев подозрительно покосился на меня, будто сомневаясь, не смеюсь ли я. Но лицо мое было совершенно серьезным.

— Вы хорошо подготовились, — выговорил преподаватель, раскрывая зачетку. — Просто великолепно. Побольше бы таких студентов.

Черкнул отметку, полюбовался и вдруг с интересом поднял глаза:

— А кстати, а как вы относитесь к возрождению династии Романовых?

По уму, конечно, следовало бы промолчать или ответить обтекаемо, но, как говорится, язык мой — враг мой. Да и отметка уже в зачетке...

— Простите, профессор, но я не считаю это целесообразным. Все хорошо в свое время. Романовы сделали Россию сильной, они же привели ее к падению. Их время кончилось. — Я посмотрела на обалдевшее лицо Михеева, чуть помедлила, решая, говорить или нет, и все-таки добавила: — К тому же в настоящий момент нет потомков этой династии, которые могли бы продолжить правление. Так что, к счастью, прошлого не вернешь.

И замолчала. Пораженный моей наглостью, некоторое время молчал и Председатель Монархического союза. Наконец, процедил:

— М-да... Вот оно как... Вот не подумал бы: такое знание фактического материала и такое отношение...

Он с сожалением посмотрел на зачетку. С каким бы удовольствием он, наверное, вlepил «неуд», если бы строчка уже не была занята другой записью.

— Что ж, держите. — Холеная рука брезгливо подтолкнула ко мне плотную книжицу. — Однако, девушка, хотел бы заметить, что вы слишком категоричны. Не все в жизни так однозначно.

— Спасибо, профессор. Я подумаю над вашими словами. — Решив, что не стоит обострять обстановку, я подхватила зачетку с четко выведенным «отлично» и ретировалась прочь.

С Сержиком мы встретились прямо в Лаборатории. Лаборатория — это только так называется. На самом деле машина перемещения — в простонародье «машина времени» — занимает несколько больших залов, заставленных аппаратурой. Так, наверное, раньше выглядели помещения, заполненные блоками электронно-вычислительной машины, до того, как компьютер превратился в персональный и компактный. Думаю, и с машиной перемещения во времени в конце концов произойдет то же самое: она станет портативной и удобной. А пока — залы заполненные техникой и малюсенькая комнатка — три на три метра — для самих перемещений. Ну, еще сам пульт управления в соседней комнате — на случай внештатных ситуаций. А за все остальное отвечает автоматика.

Лаборант выдал нам легкие костюмы, проводил в раздевалку. Когда мы, облаченные в них, встретили-

лись вновь, Серегины глаза при виде меня смущенно забегали, а щеки заалели. Ну, еще бы. Материал тонкий, облегающий, не скрывает ничего, а, наоборот, демонстрирует все, что надо. Надеюсь, Серенькому нравится. А что касается его самого, то он, переодевшись, стал подозрительно смахивать на Карлсона: маленький, толстенький, с короткими ручками и ножками. Вот только пропеллера нет. Мне очень хотелось захихикать, но я, мужественно сдержавшись, сообщила:

— Отлично выглядишь!

— Гхм, — произнес он невразумительно. — А ты...
Тоже в общем... отлично выглядишь.

— Пошли? — предложила я и первой двинулась по коридору.

Вот интересно, почему большинство умных парней — такие недотепы по жизни? Не знают, ни как сказать, ни как сделать. Потому и остаются в стороне — девицы кидаются на ярких красавцев, не замечая того, кто на все готов ради них. А вот такие, как Серега, они надежные. И позаботиться умеют. Представляю, каких трудов ему стоило получить на меня разрешение. Я с благодарностью оглянулась на следующего за мной кавалера, и тот немедленно залился краской, будто юная девица, ибо в этот момент разглядывал мою попу. «Нет, смешной он, ей-богу! — подумала я, улыбаясь. — Но если я когда-нибудь все-таки соберусь замуж, то выберу такого, как он, а не красавца с куриными мозгами».

Лаборант тщательно проследил, как мы подписываемся под бумажками: «В моей смерти прошу винить меня самого». Это мы, студенты, их так называем. Перемещение — дело рискованное, и коль уж идешь на это, то бери ответственность на себя. Потом была выдана аппаратура: Сереге — парализатор, записывающая камера и браслет перемещения,

связанный напрямую с пультом управления машиной. Мне также достался браслет и звукозаписывающее устройство. Парализатора студенту-сопровождающему не полагалось. Ну и ладно. Чего там может случиться? Нападающего динозавра выстрелом не завалишь. Легче будет воспользоваться кнопкой экстренного возврата на браслете.

Наконец, все формальности были закончены.

— Ну, ни пуха ни пера, — кивнул нам лаборант. — И привезите мне оттуда ребрышко динозавра.

Шутка, конечно, так себе, но Серега серьезно кивнул:

— Постараемся. И — к черту!

Дверь хлопнула, закрываясь.

— Отсчет секунд, — сообщили динамики. — Десять... девять... восемь...

— Не бойся, — тихонько шепнул Серега. — Все будет хорошо.

И осторожно, успокаивая, коснулся моих пальцев.

— А когда я боялась? — усмехнулась я, посмотрев на его метр шестьдесят с высоты своих метра семидесяти.

Он немедленно залился краской и отдернул руку — ну прямо детство какое-то! Я обреченно вздохнула и сама взяла его ладонь. Должны же у человека быть счастливые моменты в жизни?

— Три... Два... Один... Пуск! — донеслось из динамиков.

Вот так рука об руку мы отправились в прошлое. К динозаврам.

Яркая белая вспышка, и сразу же за ней непроницаемая тьма, а следом — удар по барабанным перепонкам, будто при резкой смене высоты. Так организм реагирует на перемещение во времени.

Сейчас самый опасный момент: ведь мы не знаем, что или кто окажется рядом с нами. Автоматика успешно отслеживает, чтобы путешественник во времени не совместился с каким-либо предметом или существом. Но вот насколько близко он окажется от одного — предсказать невозможно. Потому и приходится выкручиваться на месте. Самый известный из курьезных случаев — темпонавт оказался нос к носу с тропической анакондой, уже разинувшей пасть для заглатывания какого-то более мелкого существа. Представляю, как была шокирована анаконда. Но еще больше был шокирован сам темпонавт. Однако прежде чем змеиная пасть сомкнулась на его голове, он успел так-таки нажать кнопку аварийного возврата на браслете. Бедная анаконда! Сначала неожиданное появление из ниоткуда вкусного обеда, а потом его мгновенное исчезновение прямо из пасти.

Ну, как бы то ни было, в первые секунды пребывания в чужом периоде нужно очень быстро сориентироваться в обстановке. Я резко закрыла и открыла глаза, заставляя их скорее адаптироваться и... в первый момент не поверила тому, что вижу. Вместо буйной тропической зелени палеозоя вокруг были стены. Обыкновенные стены. Рассеянный свет электрической лампы освещал деревянную дверь, коврик перед ней. На коврике — кирзовые сапоги. Голеннице одного стоит, будто часовой, а у второго устало повисло, будто ухо взгрустнувшей собаки. Слева — еще дверь; в полуоткрытую щель видна часть побеленной стены комнаты.

— Где это мы? — спросила я, больше удивившись, чем испугавшись.

— Закрытая эпоха. — Глаза у Серого, то ли от испуга, то ли от изумления стали большие, словно у разбуженной днем совы. — Возвращаемся!

— О-о-о!.. — восхищенно протянула я, лихорадочно пытаюсь найти лазейку в инструкции, которая четко и однозначно гласила: при попадании в закрытую эпоху, агент должен, избегая любых контактов, немедленно вернуться назад. Но как жалко уходить, если случайно подвернулась такая неожиданная удача!

— Д-д-давай первая! — срывающимся шепотом потребовал Сергей, заметив мои колебания.

Эх, неизвестно, выпадет ли еще такая оказия. Да и непонятно, когда вообще будет возможен следующий вояж в прошлое: ведь сейчас техники начнут долго и нудно проверять и перепроверять аппаратуру, выискивая причину ошибочного выхода... «Эх!» — еще раз огорченно вздохнула я и нажала на браслете кнопку экстренной эвакуации. Зажмурилась, ожидая: говорят принудительное возвращение — штука не из приятных; слишком большой стресс для организма. Секунда, две, три и... ничего! Я открыла глаза и подняла удивленный взор на Сергея. Он бесцеремонно схватил меня за руку. От его усилий надавить на кнопку браслет больно врезался в запястье, но реакция снова оказалась нулевой.

— Системный сбой! — Он выпустил мою руку и принялся лихорадочно набивать цепь команд на своем браслете руководителя группы. — Попробуем через оператора...

Сергея был бледен, и казалось, что даже его пухленький нос заострился. Вот ведь мужчины! Слабовато у них все-таки со стрессоустойчивостью. Я же не впадаю в панику. Хотя... Хотя он ведь тоже не в панике. Просто он изо всех сил старается вытащить из нештатной ситуации нас обоих.

— Господи! — пробормотал он в этот момент, буд-то отвечая на мои мысли. — И я умудрился втянуть в это тебя...

Неожиданно послышались голоса — откуда-то позади нас приближались люди. Недолго думая, я пихнула сосредоточенного на браслете Серегу в открытую дверь соседней комнаты. Мысль о том, что там тоже может кто-нибудь быть, пришла с опозданием. К счастью, небольшое помещение размером примерно пять на семь метров оказалось пустым: ни людей, ни мебели. Белые стены, зарешеченное окно, за которым тьма, — видимо, сейчас ночь, и еще одна полуоткрытая дверь.

Люди приближались, и по звукам шагов, по производимому шуму было понятно, что их довольно много. Деваться было некуда, и потому мы просто нырнули во вторую дверь. И оказались в темной тесной кладовке. В неярком свете, падающем из соседней комнаты, было видно, что она заполнена коробками, тюками, какой-то рухлядью. Небольшое окно утыкалось в глухой забор, но решетка на нем ясно давала понять, что выбраться на улицу не удастся.

— Куда?! — заметалась я.

— Тихо! — шепотом одернул меня Сергей, одновременно прикрывая дверь. — Сигнал ушел, нас запеленгуют и выдернут обратно. — Это звучало бы очень хорошо, если бы он не добавил: — Надеюсь.

— А если люди пойдут сюда?!

— Тогда воспользуемся этим. — Серега хладнокровно вытащил парализатор.

И тут нам пришлось резко замолчать, так как в соседнюю комнату начали входить люди. Оставаясь невидимой для них в темной кладовке, я жадно разглядывала людей прошлого сквозь небольшую щель, оставшуюся между косяком и закрытой дверью.

Первым вошел мужчина, несущий на руках довольно взрослого мальчика. «Инвалид? Болеет?» Следующей вошла женщина с властным лицом. За ней девоч-

ка-подросток. Потом одна за другой еще три девушки, каждая чуть постарше другой. Маленькая комната, заполняясь, стала казаться еще меньше. Еще девушка. Мужчина. Еще один. Входя, каждый недоуменно озираясь, будто пытаюсь понять, куда он попал. Последним через порог шагнул человек с уверенным взглядом, и по тому, как он держался, сразу стало ясно, кто здесь хозяин положения.

— Даже нет стульев! — возмущилась, вошедшая одной из первых женщина. — Как мы будем здесь ждать?

— Принесут, — уверенно сообщил мужчина, шагнул обратно за порог, отдавая соответствующее приказание.

И вот именно в этот момент, когда был задан вопрос про стулья, на меня вдруг обрушилось понимание: Ипатьевский дом... расстрел царской семьи и их приближенных... А вышедший человек — Юровский, тюремщик и палач Романовых. Боже, как нас угораздило оказаться именно здесь?!

Передо мной ярко встали строчки учебника: «Расстрел был назначен на двенадцать ночи, но на полтора часа опоздал грузовик для вывоза трупов. Успевших уснуть людей пришлось будить, и еще минут тридцать-сорок они одевались и собирались. Им сказали, что в городе неспокойно и нужно спуститься вниз. Полуподвальную комнату выбрали для расстрела заранее и потому из нее вынесли всю мебель». Сейчас по требованию Александры Федоровны принесут стулья, потом Юровский сообщит о расстреле и... И что?! Все произойдет у нас на глазах?! И мы будем просто смотреть?!

Я в отчаянии обернулась к Сергею, но он, тоже все поняв, замотал головой, беззвучно произнося:

— Нельзя!!!

Я отвернулась, сжала зубы, вцепилась в косяк двери так, что побелели пальцы: нельзя! Все, что мы видим, уже история. Все это уже случилось. Нельзя ничего менять! Но... Но как же так?! Быть рядом, знать, что будет, иметь возможность спасти и не сделать этого?! Ведь это же люди, живые люди, которые пока еще есть, а через несколько мгновений их уже не будет. Всех. И четырнадцатилетнего Алексея с его болячками. И решительной Ольги, и красавицы Татьяны. И Марии. И хохотушки Анастасии, которая сейчас стоит почти рядом со мной. Совсем еще девочка, несмотря на свой месяц назад исполнившиеся семнадцать. Не родись она в царской семье, прожила бы длинную жизнь. Стала бы актрисой, может быть, даже известной — у нее были... ох, есть способности. Но — вот ведь судьба — все для нее закончится сейчас и здесь, в этой комнате.

Внесли три стула. Николай II осторожно усадил сына, дождался, пока сядет жена, и аккуратно присел сам. Остальные остались стоять. Анастасия прижалась к плечу матери, пальцы крепко вцепились в изогнутую спинку стула.

— Мы собрали вас здесь, чтобы сказать... — заговорил Юровский. За его спиной — частично в комнате, а частично в коридоре, так как не хватало места, столпилась красноармейцы — расстрельная команда. Конец приближался. Сейчас будет сказано последнее слово, и начнется бойня — деваться в малюсеньком помещении жертвам некуда. Я стиснула зубы и зажмурила глаза.

— Есть! — шепотом воскликнул Серега, хватая меня за руку. — Пеленг!

В переводе на человеческий язык это означало, что наше местонахождение зафиксировали и через мгно-

вение произойдет принудительная экстренная эвакуация, отданная командой с основного пульта.

— Ваши друзья пытались вам помочь, но у них ничего не вышло. Вы приговариваетесь к расстрелу, — выговорил в этот момент Юровский.

— Что? Повторите? — В голосе Николая было изумление. Он не понял, не поверил. Решил, что ослышался. А в ответ — беспорядочная револьверная стрельба. Красноармейцы стреляли от двери, стреляли прямо из коридора. Стреляли, мешая другу: жертвы не были распределены. Упал Николай Александрович, упала Александра Федоровна. Загородившись подушкой, визжала, пятясь в угол, Анна Демидова. Падая, пронзительно закричала Анастасия. «В корсет великой княжны были зашиты драгоценности, и потому пули только сбили ее с ног, — снова вспомнился текст учебника. — Она дольше всех оставалась в живых, и расстрельная команда добивала ее штыками». И вот тут, увидев лежащую девушку в шаге от себя, я не выдержала. Раз — распахнула дверь! Два — рванула Анастасию в кладовку! Три — сработал браслет!

Мгновенная тьма, свет, головокружение, удар, мир, вставший с ног на голову, и крик Анастасии, бьющейся птицей отлетающий от стен комнаты перехода. «Сработало!» — подумала я потрясенно и потеряла сознание.

Из коридора слышался негромкий разговор медсестер и приглушенный звон бутылочек с лекарствами. За окном палаты вставало легкое розовое утро, и больница начинала свой обычный день. Еще один в череде таких же одинаковых дней.

Я уже давно пришла в себя и чувствовала себя прекрасно, но лечащий врач — обладатель бородки клинышком и холодных неласковых пальцев — на мои

вопросы о сроках выписки только недовольно поджимал тонкие губы. Впрочем, на любые другие вопросы он тоже отвечал через раз и очень неохотно. Видимо, больница была не только местом излечения, но и местом домашнего ареста. Вероятно, сейчас чрезвычайная комиссия принимала решение, что делать со мной, нарушившей все правила и притащившей из прошлого не вещь и даже не животное, а человека. Да еще и значимого для своей эпохи.

Запертая в палате, не имеющая иных занятий, кроме как думать и вспоминать, я вновь и вновь прокручивала в голове происшедшее. Все случилось так вдруг: мы очутились в самой гуще событий, рядом умирали люди, и я поддалась порыву... Нет, конечно же, если бы это был подготовленный визит, то я, готовая к предстоящим событиям, действовала бы по правилам! Хмм... Наверное, действовала бы по правилам. Если бы смогла... Если бы удержалась... Ох, это все так сложно! Может быть, я выбрала не ту профессию?.. Что же мне делать? И долго ли еще придется оставаться в больнице? Может быть, мне стоит просто сбежать?..

Я задумчиво посмотрела на дверь палаты, и она, будто ожидая именно этого момента, распахнулась. На пороге вместо привычного медперсонала стоял профессор Михеев. Чувствуя себя будто узник, пойманный за руку с отмычкой, я сползла глубже в подушки и машинально натянула одеяло почти до носа. Вот уж чьего визита я никак не ожидала...

Посетитель шагнул в палату, аккуратно поддернул штанины наглаженных брюк и присел на стул около кровати. Несколько мгновений длилось молчание, в течение которого Павел Александрович внимательно разглядывал меня, а я — его.

— Как вы себя чувствуете? — наконец выговорил он дежурную фразу.

— Спасибо, хорошо, — машинально выдала я традиционный ответ. — А как...

И замялась, не зная, с какого вопроса из имеющегося у меня вороха начать. Как дела у остальных? Как Сергей? Что с княжной Анастасией? И что вообще сейчас будет?..

— Вы, надеюсь, понимаете, что вы натворили? — Несмотря на вопросительную интонацию, визитер не спрашивал, он утверждал. — Вы, забыв все правила, поддались минутному порыву и тем самым подвергли риску наш мир. Как вы могли? О чем вы думали? Вы вели себя как безответственная глупая девица, а не серьезный ученый!

Все фразы и слова были правильными, но я ненавижу, когда со мной говорят таким тоном. Виновата — наказывайте, но не надо читать мне нравоучения, как нашкодившему ребенку!

— Зато, благодаря мне, теория профессора Лебедева об эластичности времени подтвердилась — ведь с нашей эпохой все в порядке. И темпорология получила новую бесценную информацию, — заявила я решительно и села на постели. Не желаю общаться, глядя на собеседника снизу вверх!

— Ах, во-о-от даже как! — протянул Михеев. Я внутренне сжалась — ну, сейчас он мне выдаст по первое число! Но взгляда не опустила. Однако вместо ожидаемой отповеди вдруг услышала неожиданное:

— Самое забавное, что именно этот аргумент я привел, защищая вас перед чрезвычайной комиссией.

— Спасибо... — пораженно пробормотала я. С чего это, интересно, такая поддержка? Особенно после моего демарша на зачете...

— Вот что, девушка. — Михеев вдруг резко подался ко мне, тон его стал жестким, а в голосе прорезались металлические нотки. — Давайте-ка не будем ходить

вокруг да около. С моей точки зрения, вы, безусловно, преступница и заслуживаете самого сурового наказания. И, будь моя воля, я бы его обязательно добился. Но вам несказанно повезло, ибо вы проделали фортель в очень удачное время. Ведь появление княжны Анастасии, как законной наследницы российского престола, даст большой перевес голосов в пользу Монархического союза. Публика любит слезливые истории: студентка Института времени, искренне преданная российской монархии, рискуя собой, спасает княжну из-под пуль в критической ситуации. Неплохо, а?

Он явно издевался. А я непонимающе захлопала глазами.

— Вижу, что вы счастливы, — съехидничал Михеев. — Однако как бы вы к этому ни относились, советую вам не опровергать официальную версию. И вообще, вести себя тише воды ниже травы. В этом случае ваше дело будет спущено на тормозах. Вас даже не исключат из Института.

— О-о-о... — протянула я, не зная, что сказать.

— И еще одно, — продолжил Михеев. — Вам придется вступить в Монархический союз.

— Что-о-о?! — Я в изумлении разинула рот. — Но я не хочу в союз! Я не интересуюсь политикой!

— Это ваши проблемы. Но для целей пропаганды нам надо, чтобы вы были членом Монархической партии. И вы им станете. Иначе... — Он понизил голос и с угрозой посмотрел мне в глаза. — Помните, ничего еще не кончилось. Обсуждение вашего вопроса не закрыто, а приостановлено. И мир еще может обернуться к вам далеко не радужной стороной.

Михеев решительно встал, и лицо его, будто картинка-перевертыш, перелилось в невозмутимо-спокойную маску.

— Итак, я жду вашего решения, — светски произнес он. — Надеюсь, оно будет положительным.

Я лежала ни жива, ни мертва. Боже мой, во что же я вляпалась! Я не хочу ни в какую партию! Я не хочу возвращения монархии! И я своими руками дала козырную карту монархистам, притащив из прошлого прямого потомка Романовых. Господи, мне надо прийти в себя, сориентироваться! Поговорить с кем-нибудь. Серенький! Вот кто мне нужен!

— Профессор, — осторожно, стараясь не выдать бушующие чувства, спросила я. — Могу я встретиться с аспирантом Самойловым?

Михеев, чуть склонил голову и с непонятым выражением, будто изучая мерзкое насекомое, посмотрел на меня. А я изо всех сил старалась сохранить лицо. Не закричать! Не нахамить! Мне нужно время и очень-очень нужен Серенький.

— Аспирант Самойлов, — Михеев сделал паузу, и его усмешка вдруг неожиданным образом напомнила волчий оскал, — погиб. От пули, предназначенной, вероятно, вам. Ведь это именно вы в момент перестрелки так неосторожно распахнули дверь.

Шагнул к выходу, оглянулся на меня, хватющую воздух, и сардонически добавил:

— Можете считать это божьим наказанием. Коль уж вы так счастливо избежали людского.

И прикрыл за собой дверь.

— Готова? — спросила я, входя в раздевалку. Чтобы не привлекать внимания, мы зажгли только дежурное освещение, и большая часть Лаборатории скрывалась в полутьме.

— Ой! — Настя, копавшаяся в своей сумке и, видимо, не ожидавшая моего скорого возвращения, сдела-

да неловкое движение, и содержимое посыпалось на пол. Блокнот, ручка и...

— Ого, — произнесла я глубокомысленно, глядя на три тускло поблескивающих темпоральных браслета. Как обыкновенной студентке удалось достать их? Ведь на каждом код. Способная, однако, девочка... — Помнится, речь шла только о Джимми... Значит, мать... отец... и? Кто?

С момента нашего скандального возвращения из прошлого оборудование было модифицировано. Один браслет — один перемещаемый человек. Ну, плюс какая-нибудь мелочь, составляющая не больше одной десятой его веса. Дабы не было возможности повторить фортель, проделанный мной. А у Насти, стоящей сейчас с опущенной головой, всего три браслета.

— Мария? — предположила я.

— Алексей, — прошептала девушка после паузы. И вдруг вскинула заблестевшие глаза. — Ну и что! Я все равно это сделаю! Если я здесь, то они тоже имеют право! Они тоже могут жить!

Настя, подошедшая ко мне несколько дней назад, долго мялась, ходила вокруг да около и, наконец, решилась. Она очень благодарна мне, что оказалась здесь, что жива. И, конечно же, она понимает, что спасти ее родных нельзя, но... В той прошлой жизни у нее был пес, Джимми, и его также застрелили. А ведь он был просто собакой, доброй и ласковой, которая никогда и никому не причинила вреда. И... может... Может быть, я могу ей помочь с Джимми? Она была бы так рада, если бы он был здесь. Гибель ее семьи — исторический факт, который нельзя менять. Но, может быть, хотя бы Джимми... Ведь он никак не повлияет на историю...

Что, интересно, она думала, обращаясь ко мне с такой просьбой? Она получила свое «да», но неужели

она всерьез могла надеяться, что я поверю в ложь про собаку?

Великая княжна вдруг схватила меня за руки. Глаза ее лихорадочно блестели:

— Мила, отправь меня туда! Одну! Я хочу быть с ними! Отправь! Ты можешь!

Да, могу. Доступ к информации, доступ к кодам, доступ к машине перемещений. Кто бы знал, чего мне это стоило. Целый год я была паинькой. Идеальная студентка, общественный деятель и замечательная рекламная картинка для Монархического союза. «Я не могла поступить иначе. А ты?» — гласила надпись на плакатах под моей приукрашенной стилистами физиономией. Сначала просто член партии, потом активный деятель, потом руководитель пятерки. Потом секции. Михеев, сначала настороженно присматривающийся ко мне, начинал все больше и больше напоминать довольного кота. «Вот видите, — говорил он, приглашая меня на беседы. — Все не так однозначно, как вы утверждали. Все в мире меняется, в том числе взгляды и убеждения». И я, скромно улыбаясь, признавала свои бывшие ошибки. Пик карьеры настал, когда я стала личным помощником и любимым аспирантом Председателя Монархического союза, его доверенным лицом, получившим доступ ко всем ресурсам Института времени.

— Я не могу!.. Я не хочу здесь... без них! — Княжна Анастасия уже кричала. Как бы не перебудила весь Институт.

— Тише, — жестко произнесла я, высвобождая руки. — Криком не поможешь.

На что, интересно, она рассчитывала, если бы все, чего я добилась, было бы правдой?

— Ну и пускай! Я все равно не буду править! И не хочу жить здесь!

М-да. Я бы на ее месте тоже не хотела.

«Великая княжна Анастасия, счастливо избежав гибели, нашла свое место в нашем мире», — наперебой распевали средства массовой информации, основательно задобренные денежными вливаниями Монархического союза. Статьи, интервью, фотографии. Вот Анастасия — примерная студентка Института времени. Вот она, смеющаяся, в кругу новых подруг. Вот в короткой юбочке на теннисном корте. Вот на прогулке в городе. Красивая рекламная картинка. А на деле — все по-другому. Институт времени — комфортабельная темница для узницы, которой некуда деться. Подруги — только лично одобренные Михеевым. Прогулки только с санкции Председателя Монархического союза. Легко держать под контролем молоденькую девушку, не разбирающейся в ситуации и не имеющей защиты в виде родных и близких.

Я запустила руку в свою сумку. Лицо Насти, увидевшей то, что я вытаскала, застыло белой маской:

— Это?.. Что это?.. — заикаясь и боясь поверить, выговорила она. — Сколько их?.. Сколько браслетов?

— На всех, — просто сообщила я. Благо у меня-то возможностей было побольше, чем у подконтрольной великой княжны.

— Мила!.. — Настя закусила костяшки пальцев. — Мила!..

— Ну, тише, тише. Это ведь не все. Мы еще должны уйти и вернуться. Так что слушай внимательно.

Анастасия быстро-быстро закивала.

— Я настрою автоматику, и она выбросит нас в прошлое. Поскольку и ты, и я там уже были, а повторение нас в одной и той же точке пространства-времени невозможно, то тела нас тамошних и нас нынешних должны совместиться. Раз мы более поздний вариант, то память, знания и все, что мы с собой

принесем — я имею в виду браслеты — будет при нас, — по крайней мере, я очень рассчитываю на это. Это еще одна непроверенная теория профессора Лебедева. Но если он угадал с первой, то почему бы ему не угадать и со второй? Во всяком случае, я готова рискнуть. — Твоя задача — раздать браслеты всем, кто находится в комнате.

— А охрана? — робко спросила Настя.

— За нее не волнуйся, это я беру на себя. — Я показала парализатор. Бедный Серега, придется вырубить и его, иначе он, со своей верой в правила, все испортит. — Мы появимся за несколько минут до расстрела...

Раньше никак нельзя, иначе темпоральная волна от вносимых изменений может оказаться слишком сильной. А так, извлечение людей, чья гибель predetermined, не окажет сильного влияния на последующие временные периоды. А то, что они были яркими фигурами своей эпохи, не так уж и важно — ведь свою роль они уже сыграли. Вокруг гибели царской семьи всегда существовало множество легенд: что расстрел был инсценировкой; что расстреляны были двойники; что часть семьи погибла, а часть спаслась. Одной сказкой больше, одной меньше... В моей сумке уже лежит пузырек маскирующей краски, и прошедшие в себя после парализатора красноармейцы увидят комнату, залитую кровью, хотя и не обнаружат трупов. Удивление, непонимание, страх. Может, и возникнет еще одна легенда о бегстве узников, но, поскольку они так никогда и не объявятся, в конце концов, их признают умершими.

— Твоя задача заставить всех быстро надеть браслеты, — продолжала я инструктировать Настю. — На это у тебя будет несколько секунд. По-

сле чего нас выдернет обратно. Ах, да. Собак надо будет взять на руки. Ясно?

Анастасия прерывисто вздохнула и кивнула.

Та же темпоральная комната, что и год назад. Автомат, ведущий отсчет:

— Десять... Девять... Восемь...

Все почти как в первый раз. Только сейчас я изначально знаю, что иду на преступление, в основе которого всего лишь личные желания. Но, видит бог, не я одна такая! Весь мир и история в нем строятся на личных желаниях. Большевики желали смерти царя и его семьи. Настя желает спасти близких. Михеев пожелал быть серым кардиналом за спиной неопытной императрицы. Что касается меня, то я хочу, чтобы Серенький был жив. А еще — предотвратить возвращение монархии. По крайней мере, под кураторством Монархического союза.

Серого я спасу во что бы то ни стало. А вот по поводу второго желания... Я, конечно, не знаю, выполнимо ли оно в целом и общем, но, по крайней мере, тщательно выстроенная Михеевым схема рассыплется. Ведь в нашем времени появится не только беззащитная Анастасия, но и ее родители, а также брат и старшие сестры, имеющие большие права на престол. А раз так, то Председателю Монархического союза придется ориентироваться не только на собственные нужды, но и на мнение новых игроков.

— Два... Три... Один. Пуск! — скомандовал автомат, и мы шагнули в прошлое.

Я верю, у нас с Настей все получится. Ведь если чего-то очень хочешь, то обязательно этого добьешься. Вопрос лишь в том, насколько сильно твое желание.

РОЗОВЫЙ И ПУШИСТЫЙ

«Я не куст! Не куст!»

Из окна дома снова доносились крики. Последнее время они всё чаще выясняли отношения и всё чаще говорили о нём:

— Я хочу знать, что ты с ним сделала! Хочу знать, кто он! Это чудовище в нашем саду...

— Он всего лишь розовый куст!

«Я не куст! Не куст!»

Крики становились всё громче:

— Кусты не нападают на детей!

— Уверена, это вышло случайно! Миша просто поранился.

— Ты видела его шипы?! Это тоже случайно?! Он отрастил их себе длиной с палец.

— О чём ты говоришь?! Он растение. Он не мог по своей воле отрастить!

«Я могу! Многие могу! Я не растение!»

Когда-то они были вдвоём: девчонка лет двадцати и ещё совсем юный «розовый друг». На мгновение его лепестки снова почувствовали её прикосновение (кажется, люди называют это воспоминанием). Совсем рядом звучал знакомый голос: «Расти, мой розовый друг. Расти большим и сильным. Мы всегда будем вместе. Только ты и я. Понимаешь!?»

— Просто признай. Признай, что это твоих рук дело. Это генетика, так? Волновая?

Ракель без сил рухнула в кресло. Похоже, скрыть больше не удастся. Она боялась, что, узнав правду, муж просто выкорчует близкое ей создание:

— Да. Ты прав.

— На чьё ДНК были настроены волны?

Она в нерешительности молчала.

— Ну же! На чьё?! Я хочу знать!

— ДНК... человека.

— Что?! — Теперь уже Андрей рухнул в соседнее кресло, не веря в происходящее. — Ты в своём уме?!

— У меня не было друзей. Я любила цветы... — оправдание вышло несуразным, и Ракель зарыдала.

«Я тоже люблю тебя! Я люблю! Но ты предала! Теперь ты узнаешь, что я не куст. Это должен был быть наш малыш...»

В сознании Андрея фрагменты мозаики стремительно выстраивались в одну общую картину. Да, он и прежде замечал, что куст недолюбливает его. Это розовое чудовище начинало смердеть помойкой при каждом появлении Андрея в саду. Ракель же беспрестанно дивилась его чудесному аромату. Видимо, аромат был не для всех... К тому же куст всегда увядал, если Ракель надолго уезжала к родственникам. Надо было что-то делать... Куст и раньше казался Андрею жутким. Он не станет терпеть этого уroda в собственном доме. Андрей заметался в поисках топора, пилы, садовых ножниц — да чего угодно...

«Вот так. Молодец. Идём сюда. — Невообразимый аромат звал к себе, манил, проникал всё глубже в мозг, застилая сознание. — Идём. Ещё чуть-чуть. Топ-топ».

Ракель пыталась остановить мужа. Хватала за руки, за ноги, рыдала, уговаривала:

— Этот куст нравится Мишеньке. Оставь его. Он нравится Мише.

Андрей замер с топором в руках: а где сейчас Миша? Их двухлетний сын был в кресле с перебинтованной ногой. Поцарапался о шипы, но кресло было свободным, когда он сам сел в него.

— Миша... Миша...

«Я не куст. Не куст. Я вырос большим и сильным. Теперь они увидят... Пусть срубят, пусть убьют, но будут знать, кто я...»

Андрей в панике вбежал в сад. Топор выскользнул из его рук. Рядом послышался крик жены. Куст крепко сжимал маленькое тельце. Шипы, как клыки вампира, впивались куда-то глубоко в шею ребёнка.

«Кажется, хватит. Он больше не живой. — Ветки плавно ослабили хватку. Кровь захлестнула лежащее на земле тело. — Я не куст. Не куст».

К. А. ТЕРИНА

ОЛОВЯННЫЙ ЛЁТЧИК

В приглашении было написано, что охота на голема состоится в пятницу. За семь лет существования Машины Ной ни разу не участвовал в охоте, но приглашения получал исправно — в канцелярии братства помнили каждого. Обычно Ной с лёгким раздражением выбрасывал эти серые бумажки и тотчас забывал о них. Но теперь был особый случай, о чём секретарь сообщил отдельной дважды подчёркнутой строчкой. Этот голем — последний. Сам Председатель — фратер Яков — обещал быть.

Беспокойство пришло в понедельник утром. Вот как это бывает: ты принимаешь душ, или чистишь

зубы, или уже завариваешь кофе. Шальная, непрощенная мысль зигзагом прорезает сонное твоё сознание, от одного полюса к другому, и ты замираешь, будто ужаленный. Роняешь мочалку, недоумённо смотришь на зубную щётку, льёшь молоко мимо чашки прямо на кота.

В этот самый момент из-за одной глупой мысли ты становишься другим. Ты ещё не осознаёшь, но обратной дороги нет.

Ной смотрел, как кот, строя обиженную морду, но на самом деле довольный, вылизывает мокро-молочный хвост. Ной не видел кота, не видел кухню. В черноте, где-то внутри головы, между глазами и затылком, между правым ухом и левым — в том самом месте, где слышим мы обычно внутренний голос и видим картинки из прошлого, — билась, пойманная за хвост, а скорее — поймавшая самого Ноя, скользкая и противная шальная мысль.

«Что, если...» — всё, что есть плохого в этом мире, начиналось именно с этих слов. Впрочем, немало хорошего тоже.

Кот Негодяй, характер которого полностью соответствовал имени, долизал свой хвост и принялся орать — мяуканьем эти звуки не назовёшь: ещё, ещё, ещё. Не способный думать ни о чём, кроме гипнотического «что, если...», Ной вылил остатки молока в Негодяево блюдо.

На кухню вошла Машка, завёрнутая в своё любимое синее полотенце. Кожа у Машки была бледная, с блёклыми веснушками. Волосы тоже бледные — не то пепельные, не то вообще бесцветные. И глаза — серые. Потому Машку Ной звал мышкой. Мысленно.

— Что ж ты делаешь! — всплеснула руками Машка, сурово глядя на кота, который с её появлением

стал лакать молоко с удвоенной скоростью, не без оснований подозревая, что неумолимая Машка молоко реквизирует: у Негодяя была непереносимость лактозы. — Конечно, убирать-то мне!

Она забрала у кота почти пустое уже блюдо.

Ной мотнул головой, сбрасывая оцепенение и прогоняя, наконец, нелепую мысль. Автоматически поцеловал Машку, одним глотком выпил кофе — невкусный без молока и сахара, и ушёл в комнату — одеваться. Машка взяла кота и пошла следом.

— Ты эмоциональный девиант, — сообщила она. Без злости, а как-то даже нежно и ласково. Так любящая мать говорит про хулигана-сына: а мой-то сорванец!..

Машка остановилась в дверях, правой рукой прижимала к себе кота, левой перехватив сползающее полотенце. Ной залюбовался ею. Машка была чудо как хороша.

— Поставь Негодяя на пол, — сказал Ной.

— Это ещё зачем? — возмутилась Машка.

— Поставь.

Понятливый Негодяй вырвался из Машкиных объятий и сбежал на кухню искать остатки молока в посудной раковине.

Ной сам не заметил, как они с Машкой оказались в постели, переплелись, смешались, рассыпались. Мысли исчезли, вышли из тёмной комнаты, которая зовётся человеческим сознанием, и вежливо прикрыли за собой дверь.

Одна непрощенная притаилась где-то прямо за дверью, у замочной скважины, и тихо-тихо жужжала свою назойливую мелодию.

«А что, если этот голем — я?»

Вот такая простая мысль.

* * *

Сначала Ной завидовал големам. Ему было семнадцать, когда закончилась война, он пропустил всё самое интересное и ужасно от этого страдал. За год до того и за два он рвался в военкомат, требуя взять его в пилоты и бросить в самую гущу сражений. Конечно, ему отказали. Вежливо, но твёрдо. Конечно, он пробовал ещё, он был уверен, что сделается славным лётчиком и вернётся с войны героем.

Ною в голову не приходило, что он может остаться там, как остались все наши мужчины — в небе, в космосе, в лунных кратерах. Вместо них войну закончили големы. И големы вернулись назад — с медалями, песнями и страшной памятью о войне. Мир, который мы получили, был искалеченным и никчёмным. Но мы были живы, пускай и под стать миру: искалеченные и никчёмные. Наши женщины, отравленные радиацией, разучились рожать детей и жить. Наши лучшие мужчины погибли на войне, и строить будущее предстояло тем, кто похуже, и тем, кто не успел.

Ной не хотел строить будущее, он хотел быть героем, хотел, как в старом кино, идти по улице в мундире с медалями и улыбаться девчонкам. Хотел приехать к отцу на могилу, налить ему рюмку и выпить тоже, с достоинством, молча. (Ной ездил бы к нему и без мундира, но отец был похоронен с тысячами таких же пехотинцев в риголитовой пыли на недоступной и навсегда мёртвой Луне.)

Големов Ной видел только в хронике и на записи парада победы — стройные, одетые в военную форму мужчины и женщины, лица скрыты забралами шлемов. Наши герои. Интернат Ноя прятался в промышленном спутнике, где счётчик радиации не переставал тревожно трещать и небо даже днём никогда не дела-

лось хотя бы серым, а было густо-чёрным — от дыма заводских труб. Такие места не для героев.

Однажды Ной набрался нахальства заглянуть в вечерний бар, прятавшийся в подвале ветхой жёлтой двухэтажки и казавшийся вместилищем тайн и приключений. Там сидели суровые сорокалетние старики и хмуρο пили водку — стопка за стопкой. Ной сперва принял их за големов, обрадовался. Нашёл в кармане какие-то гроши, заказал себе минералки и под неодобрительным взглядом старухи-бармена стал цедить воду короткими воробьиными глотками — медленно, насколько это было вообще возможно. Он смотрел на стариков, надеясь распознать в их морщинах, в спокойной их мужской повадке, в редких репликах намёки на искусственное происхождение или военное прошлое. Но вскоре разочаровался — из подслушанной неторопливой беседы стало ясно — это заводские, хоть и бригадиры, а всё равно — обыкновенные люди. Не герои, нет — всю войну пересидели в цеху. В те времена Ной был ужасным максималистом и осуждал всякого, кто, имея возможность, не отправился воевать.

В бар зашёл бродяга неопределённого возраста. Был он грязен, но не опустился ещё на самое дно: пах человеком, а не псиной. Неаккуратная редкая борода, острый нос, длинный латаный плащ. Бродяга осмотрелся, заметил ошестинившуюся старуху, готовую выставить его при первой же возможности. Горько усмехнулся беззубым ртом, спросил:

— Шта, сто граммов ветерану Лунной облезешь поставить?

Умолкли заводские. Медленно повернули головы к барной стойке. Бродяга заметно приободрился, получив такое внимание.

— Да! — сказал он с вызовом. — Да, я голем. Што, рылом не вышел, а?

Ответа не было, но тишина — даже Ной это почувствовал — сделалась густой и душной. А бродяга продолжал, будто не умел остановиться, будто где-то внутри него раскручивалась тугая пружина:

— Я ж, ебшмать, воевал! За вас лил свою големскую кровь. За тебя, за тебя, за тебя! — Ной был одним из тех, на кого бродяга указал грязным пальцем, и от этого жеста сердце его раскалилось. Останься у Ноя ещё хоть грош, отдал бы.

На заводских искренняя и горькая эта речь произвела иное впечатление.

Молча поднялись бригадиры, окружили бродягу и так же молча стали его бить. Били без гнева, без эмоций, а выполняя какую-то надоевшую, но важную обязанность. Бродяга отчего-то не сопротивлялся и молчал им в унисон, и было в этом молчании какое-то обоюдное понимание, что-то вроде уговора. Потом они выбросили его на улицу.

Ной тогда ещё ничего не знал об амнистической поправке.

* * *

«А что, если этот голем — я?»

В четверг Ной проснулся разбитым и уставшим. Он не помнил сна, но помнил, что сон был страшен и жесток. Возможно, там была Луна, подумал Ной неотчётливо и обнаружил себя в ванной. Он внимательно смотрел в зеркало, будто пытался разглядеть в синем своём взгляде божественную искру.

Реальность наступала Ноя рывками. Такое с ним случалось в университетские годы, когда несколько ночей подряд он не спал (а утром были лекции, а потом работа в бригаде уборщиков, дружные ежедневные

субботники по лечению мёртвого города — с песнями и юным задором, а вечером — костёр из военных топливных брикетов, спирт и снова песни), и начинались галлюцинации, и мир кружился непредсказуемо и опасно. Так и теперь. Только что Ной был в душе и намыливал голову, и вот он уже на кухне, голый, сидит на табуретке и смотрит на свою левую ладонь, которую сам же порезал ножом. Неглубоко, но больно. Кровь собралась на границе пореза в большую деловитую каплю, струйкой потекла на запястье. Это была обыкновенная человеческая кровь, другой Ной никогда не видел. Если бы големов можно было отличить так просто, последнего убили бы ещё семь лет назад.

Но всё же. Всё же.

Так же рывком материализовалась рядом Машка с аптечкой. Молча брызнула на Ноеву ладонь перекиси, с полминуты скептически наблюдала, как пузырится прозрачная жидкость, смешиваясь с кровью; потом ловко забинтовала. Ушла. И кто здесь эмоциональный девиант?

Слушая тишину и боль в порезанной ладони, Ной вспомнил, что Машка перестала смотреть ему в глаза.

Грозный и игривый, пронёсся мимо Негодяй. Лапами, неуловимо похожий на хоккеиста, гнал он по полу что-то маленькое и лёгкое. Что-то очень знакомое.

Ной нашёл Негодяя в кухне. Кот устроился под табуреткой и, обняв свою игрушку, самозабвенно её грыз. Тяжёлый взгляд, которым он поделился с Ноем, говорил: не отдам. Ной не стал спорить, а просто налил молока в Негодяево блюдце. Кот мгновенно оставил поле боя и свою жертву на милость победителю.

Оловянный солдатик.

Этот солдатик был с Ноем всегда, сколько он себя помнил. Игрушку подарил ему отец, прежде чем отправиться на Луну. Отцу солдатик достался от деда,

который получил его от своего отца. Лётчик. Некогда зелёная форма давно потеряла цвет, а на плоском лице появились выбоины, сделавшие его неожиданно живым и почти настоящим.

Думая о големах, Ной всегда представлял их лица такими же.

* * *

Как они позволили сделать с собой такое? В газетах писали что-то о добровольном выборе. Ной не верил.

Иногда он пытался представить: вот они вернулись с войны. В их глазах пепел, а в снах — пожары. Големов не встречают матери — потому что у них никогда не было матерей. Впрочем, к этому моменту матерей нет почти ни у кого. Лунная радиация жестока к женщинам и старикам.

Вряд ли им сказали правду. Кто согласится добровольно отрезать руку? А память — это больше, чем рука. Это не просто ящерицын хвост, который можно отбросить и оставить гнить под камнем. Память — это ты сам.

Наверное, объявили что-то вроде плановой послевоенной диспансеризации. Они шумели в коридорах, ожидая очереди. Заигрывали с медсёстрами, курили в окошко, смеялись белозубо, затихали, вспоминая погибших товарищей.

Входили в комнату по одному, чтобы выйти через другую дверь и никогда больше не вспомнить: как лунная пыль оживает под тяжёлыми магнитными подошвами; как слева вспышка, и сразу боль в плече, но ты мгновенно забываешь о ней, реакции отработаны до автоматизма, и ты успеваешь выстрелить раньше, чем твой враг поправит прицел; как сорок первый ле-

жит с пробитым шлемом и на лице его выражение блаженства, а на губах кипит, пузырится слюна; как вечером в блиндаже вы смеётесь, а потом умолкаете и пьёте сто грамм, и дальше тишина.

Амнистическую поправку сначала приняли на ура.

Мы были калеками. Мужчины, спрятавшиеся от войны; мальчики, не успевшие вовремя вырасти, чтобы стать солдатами; женщины, состарившиеся до срока; девочки, которые никогда не будут матерями, — изувеченное, едва выжившее человечество. Мы привыкли к тяжести и беспросветности войны, и первые послевоенные годы — после избавления от этой тяжести и беспросветности — были пропитаны какой-то особенной лёгкостью и радостью. Мир был трудным, но честным и правильным, и амнистическая поправка казалась такой же.

Мы хотели быть сильными и снисходительными. Мы представляли, как они появятся среди нас — почти люди, но не совсем. Без памяти, без прошлого, без умения жить.

Давайте же, давайте, приводите наших героев, сказали мы, когда газеты обтекаемыми осторожными буквами написали о конверсии големов. Мы станем заботиться о них, будем им старшими братьями. (И, возможно, почувствуем себя полноценными.)

Мы получили ответ: всё хорошо, они уже среди вас.

* * *

Ещё неделю назад Ной помнил об этом и даже в воскресенье помнил. А потом память, подавленная бессонницей, стала сбивать.

Уже поднимаясь по лестнице, чувствуя запах краски и удивляясь непривычно свежему цвету стен и от-

сутствию сигаретных бычков по углам, Ной вспомнил, что сегодня за день, и почему в лабе нужно было появиться ещё час назад.

На своём этаже Ной осторожно выглянул с лестничной площадки в коридор, пытаясь сообразить, где теперь Председатель. Слева — пусто, справа — тишина. Возможно, враг притаился в одной из биохимических лаб этажом выше. Уверенно и без спешки Ной двинулся по коридору. Меньше всего он хотел, чтобы его застали здесь в метаниях и с виноватым выражением лица. Обстановку Ной контролировал автоматически: в триста первой лабе никого, дверь заперта; триста вторая — потенциально опасна... нет, тишина; триста пятая — скрипнула дверь. Ага, коллега Ян ждёт, выглядывает — значит, Председателя на этаже ещё не было.

Кивнув Яну, Ной юркнул в свою лабу — триста седьмую — и мгновенно успокоился. Здесь он был в безопасности.

Визит Председателя в институт назначен был едва ли не три месяца назад. Сейчас фратера Якова водили по лабораториям перспективным и эффективным внешне. Там, где жужжали центрифуги, росли узорчатые бактерии в чашках Петри, переливались многоцветными датчиками серверы.

В тихой, пустой и идеально чистой комнате Ноя Председателю делать было нечего.

Ной огляделся, нахмурился. Теперь лаборатория казалась ему слишком чистой — подозрительно чистой. Ной поставил на стол своего лётчика — разбавить эту пугающую стерильность. В мире, где прошлое было стёрто войной, этот оловянный солдат был самой большой ценностью. Доказательство, что Ной — настоящий. И что память его не фальшивка.

Но всё же. Всё же.

* * *

Големы растворились среди нас, смешались с толпой — живые, мягкие, тёплые, настоящие. Это показало правду лучше любых агиток: они такие же, как мы. Невозможно найти голема в последнем полуживом городе, куда отовсюду собрались после войны одиночки — без прошлого, без родных и друзей. Невозможно отличить. Да и зачем? Пусть големы не вполне люди, пусть в их синтетических жилах течёт искусственная кровь, но если они не заслужили право жить на этой сожжённой земле, то у нас этого права нет и подавно.

Всякий раз, слыша подобные речи, Ной удивлялся: если всё так очевидно и просто, зачем повторять снова и снова?

Ему было восемнадцать, когда он перебрался в столицу, сдал экзамены в университет и заодно вступил в братство — тогда ещё неформальное, ещё молодёжное. В восемнадцать невозможно без эпатажа и протеста. Ной был равнодушен к музыке, слишком стеснителен для промискуитета. Оставалась политика.

Только что обнаружена была амнистическая поправка, и нюансы её, и сами големы обсуждались со всех сторон. Големов ещё считали героями — пусть невидимыми и анонимными. Но теперь к народной любви примешивалась какая-то особая, неуловимая интонация. Ной слышал её, измерял своим юношеским барометром — тонким и чувствительным, но не умел оценить.

В этом помог фратер Яков, человек чрезвычайно мудрый и знающий жизнь.

Големы, говорил он, это наши дети. Мы сделали их, чтобы победить войну. Но война завершилась, война — вчерашний день. А они остались. Они, рождённые, чтобы умереть на войне и рассыпаться прахом,

вернулись в наш мир, не готовый их принять. Рано или поздно семя войны проснётся в них, прорастёт через их искалеченную память, и мы окажемся в окружении тысяч сломленных героев, не готовых к новому чистому миру. Мы должны помочь им. Спасти от них самих.

Тогда Ной ещё плохо понимал, в чём состоит эта мощь.

* * *

Ной проснулся от странного кошмара: будто воздуха не осталось вовсе и теперь придётся учиться жить без него. Он открыл глаза и обнаружил, что спит, сидя за столом. Рядом стоял Председатель. Ной почему-то сразу понял, что это он, даже не поворачивая головы. У фратера Якова был особенный запах — запах прошлого. Он взял со стола Ноева лётчика и с улыбкой его рассматривал.

— Вот и мы так во время войны спали прямо у станков, — добродушно сказал фратер Яков и вернул солдата на стол.

Председательская свита была здесь же. Ной вообразил, как должны были они сюда зайти — осторожно на цыпочках, чтобы его, Ноя, не разбудить. Таков был фратер Яков, любил хорошую шутку, умел нравиться.

Ему было уже за сорок — возраст в наше время крайне редкий и показательный. Ровесники Якова остались в лунных кратерах или сгнили на оборонных заводах. По легенде председатель всю войну провёл в цеху по изготовлению снарядов для «матрёшек». Это, конечно, была ложь. Фратер Яков выглядел настоящим стариком, но был жив и бодр. А все, кто

имел дело с внутренним миром «матрёшек», загнулись от лучевой болезни ещё десять лет назад.

Будто компенсируя свой стыдный возраст, фратер Яков окружил себя молодыми улыбчивыми лицами. Помощники его были юны и деятельны. Один из них — высокий, чернокудрый, смотрел на Ноя с особенным вниманием, словно оценивая. Это был фратер Павел. Семь лет назад, вскоре после Стеклоанной ночи, прямо из университетской аудитории он шагнул в собственный кабинет подде фратера Якова. Тот самый фратер Павел, который изобрёл Машину и убедительно — с формулами, графиками и многостраничными таблицами — доказал Председателю её ценность.

Фратер Яков говорил ещё что-то смешное, и все дружно смеялись, а Ной чувствовал, как накрывает его новой волной сомнения. Зачем он пришёл сюда, в эту тихую, тёмную и никому не интересную комнату? Фратер Яков, который ничего не делал без умысла, который семь лет назад сотнями и тысячами големов расплатился за одну свою политическую вершину?

Неужели, — подумал Ной, когда остался один, — они приходили только затем, чтобы посмотреть на последнего пока ещё живого голема?

* * *

Семь лет назад, Стеклоанной ночью Ной был в общезитии. В комнате он жил один. Его товарищ — Пётр — окончательно разочаровался в новом мире и в себе, бросил университет и отправился на побережье — изучать замёрзший океан.

В ту ночь, слушая топот и крики, выглядывая на улицу, где от карбидных ламп в руках фратеров было

совсем светло, Ной искренне сожалел, что не поехал с Петром к океану. Он никак не мог поверить своим глазам, хотя ждал этого — с того момента, когда осознал, наконец, вектор движения мысли фратера Якова.

Ной давно уже не ходил на собрания братства, и многие его товарищи перестали там бывать. А те, кто остался, шли по улицам с карбидками и счётчиками. Они искали големов, полагая, что легко опознают их по следам лунной радиации.

Уже после полуночи откуда-то из эпицентра криков и топота появился человек, забрался через окно. Человек не был Ною знаком и меньше всего походил на голема — тощий, нелепый, длинный, двигался так, будто со всех сторон у него коленки и локти, которыми задевает он всё вокруг, в любой порядок внося разрушение и хаос. Человек шептал и плакал, размазывая по лицу грязь, и был совершенно жалок. Он не мог быть солдатом, он и человеком-то не был. Больше всего походил он на трусливого подземника, что где-то в норе пересидел войну, питаясь червями и мхом. Ной спросил, ожидая яростного отрицания, но человек поспешно закивал и, брызгая слюной, принялся шептать подробности. Про тоннели давно уже мёртвого метро, где радиации едва ли не больше, чем на Луне. Про невероятных чудовищ — трёхголовых крыс и сороконожек размером с собаку. Про то, как только что, считай, вчера, не веря ещё в окончание войны, готовые в любой момент уползти обратно, выбрались они — человек и его товарищи-подземники — в город, и, конечно, ими можно освещать улицу, и всякий счётчик трещит пулемётно при их приближении.

В дверь настойчиво застучали, и человек тотчас приник к полу. Ной скривился презрительно и указал ему на шкаф.

Сам вышел в коридор, задрав подбородок и расправив плечи, он считал секунды, и сердце сделалось таким огромным, что заполнило его всего своими оглушительными ударами. Пришельцы были из братства, некоторых Ной узнал: не студенты, а люди постарше — неопытный Ной когда-то считал их рабочими, пока не разглядел бандитские повадки. Он подумал вдруг о своём недалёком детстве, проведённом в промышленном сателлите на востоке, где наелся радиации досыта. Он сказал: вы безумцы чешуекрылые, и фратер Яков такой же, можете стрелять. Воздух сделался необычайно сладким и полновесным после этих слов, и ненадолго, примерно на четверть минуты, Ной уверился, что живёт по-настоящему. Потом всё хотел вспомнить это чувство и повторить — не выходило.

Безумцы чешуекрылые провели счётчиками, которые почти не трещали, мельком заглянули в комнату и ушли прочь.

Утром Ной выгнал подземника и порвал своё фратерское удостоверение.

Из речи фратера Якова — убедительной и внятной, в отличие от пережёванных слов, которыми разговаривал тогдашний Председатель, — все узнали, что виновники погромов и убийств — големы, чьи искусственные разумы взбунтовались и жаждали войны и крови. Что это големы ходили с карбидками и убивали ни в чём не повинных людей. Слова его подтвердили многочисленные свидетели, среди которых Ной с удивлением узнал и давешнего подземника.

Фратеру Якову верили, ему невозможно было не верить. Из лидера никому неизвестного братства он быстро, лихо и уверенно сделался лидером всего нашего маленького человечества. Големы в один день стали врагами, и мы приняли это. Некоторым проще было поверить в производственный брак искусственных

людей, чем жить с мыслью о полном и окончательном равенстве с ними. Другие — среди них был Ной — просто молчали, оглушённые нелепостью происходящего, не смея и не умея ничего изменить. Именно тогда Ной понял: хорошо, что он не попал на войну, нечего ему, трусу, на войне делать. Недостойн.

* * *

В пятницу Ной проснулся от боли. Он крепко сжимал в забинтованной руке оловянного лётчика. Кровь пропитала бинт, и лётчик тоже сделался кроваво-красным.

Спиной он почувствовал, что мышка не спит и смотрит на него.

Ной повернулся к ней. Машка лежала на боку, волосы её были помяты подушкой, глаза чуть припухли. Ной нежно провёл пальцем по её молочно-белому животу. Машку этот жест как будто обрадовал, она крепко прижала руку Ноя своей маленькой тёплой ладошкой.

Что с ней будет, если выяснится, что Ной — голем? Ной не хотел об этом думать. Только не теперь.

В последние дни Машка стала далёкой, холодной и чужой. Но сейчас, лёжа рядом с ней и молча глядя в её серые глаза, Ной чувствовал себя счастливым.

* * *

Бывают дни, когда можно всё.

Утром пятницы Ной уверен был, что идёт на работу, пока не обнаружил себя в восточном пригороде, на маленькой кривой улочке, неподалёку от интерната, где провёл детство.

★

Погода была хороша. Выпал свежий снег, и старые Ноевы ботинки приятно хрустели по чёрной колючей крошке. Ной не был здесь десять лет. Эти места ему часто снились, но во сне они давно обзавелись несуществующими деталями, запахами, звуками.

Сейчас, настоящие, были эти улицы как будто серее и бледнее, чем помнил их Ной. И, кроме того, — абсолютно пусты. Как и все промышленные городки, созданные для войны, район медленно и одиноко умирал, укрытый чёрным снегом и скованный радиацией.

И всё равно это путешествие было невероятно похоже на сон. Ной испытывал такой же беспричинный подъём, ту же лёгкость и уверенность в себе. Ему в голову приходили те же мысли, что снились в снах про детство, и он убеждён был, будто знает наперёд, что случится с ним за следующим поворотом.

За поворотом его ждал интернат. Некогда кирпично-красные, стены почернели, и здание нельзя было узнать. Нет, не сон. Во сне всё всегда было прежним. Глядя на эту безнадежную черноту, Ной понял вдруг, что и сам он за эти годы изменился безвозвратно, и далеко не в лучшую сторону. Двадцать восемь. Глубокий старик с точки зрения того юнца, который искал приключения и тайны в подвальном баре. И такой же никчемный, как те заводские, что били несчастного бродягу, наивно притворившегося големом. Заводских наверняка давно свела в могилу радиация и прочая дрянь из грязных цехов. Нет, в их существовании определённо было больше смысла. Пусть не так, как отец Ноя, но они положили свои жизни за нашу победу.

Чем мог похвастаться Ной? Пустыми университетскими годами и позорным вступлением в братство? Рутинной и самому ему не очень понятной работой в лаборатории, о смысле которой знал разве что науч-

ный руководитель, да и то — не придумал ли он себе этот смысл?

Кризисом среднего возраста, который жестокой кувалдой стучал по Ноевой голове прямо сейчас, когда он стоял здесь же, где семнадцатилетним начинал, полный надежд, свой путь великого человека, оказавшийся в результате таким бессмысленным. Если пришлось бы давать отчёт себе семнадцатилетнему, Ной сгорел бы со стыда.

И всё же. Всё же.

Однажды он видел Солнце — всего пять минут, всего несколько лучей. Но, говорят, это было результатом работы в том числе и его лаборатории, и, значит, один из этих лучей принадлежал Ною.

У него случилась любовь — такая, что все прежние увлечения он не то чтобы вычеркнул, но вспоминал с усмешкой, как вспоминают на войне детские игры в солдатики.

Он не стал героем, не стал лётчиком, но был человеком. И о серой, никчемной и пустой жизни у него была память. То, чего не было у големов.

Ной перебрался через забор и оказался на огромной залитой бетоном площадке, которая окружала чёрное здание интерната.

Окна были забиты, широкие дверные ручки обмотаны толстой цепью с замком. Ной вспомнил, что это ему уже снилось. Во сне он легко рвал цепь и хозяином заходил внутрь. Ной осторожно подёргал дверь, услышал, как унылым эхом что-то отзывается из-за неё.

Тогда он обошёл здание кругом. Слева от чёрного хода имелось особое окошко, через которое Ной частенько выбирался наружу в своих снах.

Окошко было на месте, заколоченное крест-накрест неаккуратными досками. Ной оторвал доски и ногой

выбил стекло. Проём был слишком маленьким для взрослого, но Ной, царапая руки и оставляя клочки ткани на рамах, пробрался внутрь. Ладонь его снова стала кровоточить.

Ной щёлкнул зажигалкой и обнаружил, что подвал мало похож на тот, который он помнил и который часто ему снился. Как будто здесь случилась своя собственная война, маленькая, но жестокая. Голые бетонные стены обгорели, пол был усыпан щепками и мусором, ржавый котёл в углу разрублен трещиной на две части. Всюду пыль. Откуда здесь пыль? Ной не видел её много лет. После войны пыль исчезла куда-то, окончательно и бесповоротно.

Ной поднялся по лестнице. Наверху было ещё больше пыли, она щекотала нос и будила в памяти какие-то неясные образы.

Ной шёл по коридору, чёрному, мёртвому, пытаясь вспомнить, как ходил здесь подростком, как здоровался с товарищами, как договаривались они об очередной хулиганской выходке или обменивались найденными за забором сокровищами.

Ничего такого. Пусто. Память предъявляла Ною знакомые картинки, но картинки эти никак не совмещались с тем, что он видел наяву, точно в одной коробке собраны были детали от разных головоломок.

Наконец, пыль сделала своё дело: Ной чихнул. Заскрипела под ногой половица, и этот скрип, знакомый, тонкий, процарапал память — ножом по стеклу.

Вспышка слева — и Ной увидел девятого, которому там, на Луне, оторвало руку по локоть. Новая рука висела плетью и ужасно раздражала девятого. Вот он учится держать в ней сигарету.

Двадцать второй идёт навстречу, опираясь на стариковскую палочку, приволакивает ногу — ещё чужую, непослушную. Ему нужно ходить, двигаться, чтобы

мёртвая искусственная нога сделалась живой и настоящей. У окна курит тринадцатый, капитан. У него печальный взгляд, он смотрит на заводской дым в окне, и будто что-то понимает такое, чего не понимает никто другой.

Все они юны, им по семнадцать, не больше. Все они старики, вернувшиеся с войны, на которую два года назад уходили детьми. Пусть и не настоящими, оловянными.

Следующая дверь — в его палату. Над кроватью у окна должна быть надпись, сделанная неверным раненым почерком: «Мы вернёмся домой». Так и есть.

Вот здесь — под этой кроватью, под этой надписью — он, тогда ещё не Ной, тогда ещё номер седьмой, нашёл маленького оловянного солдатика, лётчика, которого оставил когда-то другой солдат. Настоящий человек.

* * *

Собрание братства традиционно проходило в китайской комнате музея искусств. Музей был почти полностью разрушен во время войны, а эта комната чудом уцелела. Ной бывал здесь всего пару раз — почти десять лет назад. Китайское искусство осталось прежним — мёртвым и прекрасным. Каллиграфии пели ему со стен какие-то абсолюты. Иногда Ной думал, что стоит изучить китайский язык, и смысл жизни откроется ему, многогранный и всеохватный.

Ной пришёл сюда, потому что у него не было выбора. Выйдя из госпиталя, который он десять лет помнил интернатом, Ной зачерпнул чёрного снега раненой ладонью и смотрел, как снежинки тают в его крови. Он представлял, как появится здесь, в китайской комна-

те. Как посмотрит всем им в глаза. Чтобы увидеть в их глазах страх. Человек, которым Ной был ещё утром, мог бежать. К мёртвому океану, в подземные лабиринты метро. Человек мог, но не голем.

После Стекло́нной ночи фратеры ворвались в научный архив, где надеялись раздобыть личные дела големов и их имена, но ничего не нашли. Ной часто думал: чем закончилось бы всё это, не появись фратер Павел с чертежами Машины — адского механизма, который, по словам создателя, умел отличать големов от людей? Что было в голове у этого юного ещё человека, когда он изобрёл своё коварное устройство? Что должно быть в голове у человека, чтобы придумать охоту? Наверное, голему этого не понять.

Об охоте Ной слышал немало. Обрывки чужих разговоров, сплетни, выдумки. Но было и одно достоверное свидетельство — восторженный рассказ коллеги Наума, убеждённого фратера, который, к слову, сам оказался големом и сделался однажды жертвой Машины.

Он, Наум, рассказывал: раздадут карты. Действительно, раздали. Ною выпала трефовая десятка. Ничего примечательного, на первый взгляд. Но сегодня это была Самая Главная Карта. Почему десятка? Почему трефовая? Даже в такой вечер не дали шанса побыть королём.

Дальше, говорил Наум, бери вино, беседуй с умными людьми, радуйся жизни. Тарталетки непременно попробуй — с укропной начинкой. Тарталетки принесли, но пробовать их Ной не стал. Весь он был пружиной, электроном, требующим движения, ему невозможно было жевать, или пить, или стоять. Он ходил, ходил по комнате, заглядывая в лица. Он искал в них неприятные черты, хотел ненавидеть.

Это были обыкновенные лица, случались даже знакомые. Открытые, ясные, простые. Никакого злодейства, никакого страха. Большинство, как Ной, были здесь впервые или не бывали давно. Они озирались, надеясь увидеть Машину.

Ной тоже озирался. Прячется ли она под полом или в соседнем помещении? Говорили, Машина была такой же неудобной в использовании, какой неудобной была идея равенства людей и големов. Слишком большая, чтобы сделать её передвижной. Слишком капризная, чтобы работать с большой толпой. Слишком чувствительная, чтобы не сбоить от экстремальных эмоций.

Именно поэтому Председателю особенно остроумной казалась придумка фратера Павла, чтобы големы сами приходили сюда. И да, они приходили. Всякий раз уверенные, что големом окажется другой. Ной мог понять их уверенность: его память ещё утром была памятью человека, настоящей и неоспоримой. Но он не мог понять их желания смотреть, как гибнет в ловушке живое существо — пусть даже и голем. Фратер Яков — понимал. Он никогда не разбирался в науке, но человеческую природу знал очень хорошо.

Как работала машина? Что она измеряла? Ходили слухи, будто машина определяет наличие души. Которая, конечно, есть у человека и которой, разумеется, нет у голема. Фратер Павел, создатель Машины, не подтверждал эти слухи, но и не опровергал их.

К кафедре подошёл фратер Яков. Раздвинули занавес, и за кафедрой обнаружилась ниша, в которой, огромная как орган и такая же величественная, помещалась Машина.

Увидев её, Ной отступил на шаг. Ему сделалось хорошо. Он всё ждал, когда вернётся то самое чувство жизни, которое испытал он Стеклойной ночью. Ждал,

что воздух делается сладким и настоящим, и он, Ной, вдохнёт полной грудью, прежде чем умереть. Но вместо этого он чувствовал тошноту и жар.

Не зная, куда деть руки, Ной спрятал их в карманы. В левом нащупал своего оловянного лётчика с лицом голема. Достал его и сжал в кулаке. Стало легче.

Фратер Яков жестом призвал к тишине.

— Ну что ж, друзья, начнём. Сегодня особый вечер. С этой точки, с этого вечера начинается наше с вами будущее. Будущее настоящего человечества. Будущее без големов. Ты, последний голем, я обращаюсь к тебе. — Фратер Яков сделал паузу, окинул взглядом комнату. Почти секунду он смотрел прямо на Ноя. — Ты не знаешь ещё своей судьбы, и мне тебя жаль. Но ты должен умереть, чтобы мы навсегда простились с прошлым. С войной. С болью. Будь крепок и держись достойно, солдат.

Полился из стен тоненький — на грани восприятия — свист. Затрещала, заработала за спиной у фратера Якова машина.

Ною показалось, что слыша этот свист, фратеры расступились, как бы освобождая пространство между Ноем и Машиной. Это было не так. Все замерли без движения.

Свист прервался так же резко, как и начался. Из маленькой прорези в деревянном корпусе Машина звонко выплонула карту, которую фратер Яков взял не глядя. Он делал так уже много раз. И — да, он получал от этого удовольствие.

Фратер Яков усмехнулся лукаво, затягивая паузу. Ни дать ни взять — конферансье из старых шоу. Наконец он перевернул карту, нахмурился. Достал очки, нарочито медленно надел их — они тут же съехали на кончик носа, так что Якову пришлось задрать голову вверх, чтобы посмотреть на карту сквозь окуляры.

Происходящее ужасно раздражало Ноя. Из его смерти проклятый старик делал какую-то клоунаду. Ной собрался уже выступить вперёд и прекратить это представление, когда к Якову подошли двое младших фратеров. Один из них забрал карту из рук фратера Якова и вторую, такую же, из его нагрудного кармана. Это был пиковый король.

Две одинаковые карты. А значит: последним големом машина назвала Председателя. Невозможно. Нонсенс. Единственный из присутствующих, а может — и во всём городе, кто големом быть никак не мог. Слишком стар, слишком человек.

— Тут какая-то ошибка, — сказал фратер Яков и принуждённо улыбнулся. — Где Павел? Позовите его.

Тотчас рядом появился фратер Павел, вездесущий, ловкий, чернокудрый.

— Никакой ошибки, — сказал он почтительным тоном, каким всегда разговаривал с Председателем. — Машина не ошибается.

Председатель оглянулся в поисках своих помощников, те были здесь, но смотрели равнодушно, с места не двигались.

— Что ты несёшь? Какой из меня голем? Я и на войне-то не был!

— Все так говорят. Абсолютно все. Держитесь достойно, Председатель.

— Арестуйте его! Я прекращаю этот балаган!

Председателя никто не слушал. Ему скрутили руки, его невежливо встряхнули, ему помяли пиджак, его увели. Фратер Павел развёл руками, как бы сообщая, что представление окончено. В комнате было шумно, и в шуме этом почти не было недоумения, точно все только и ждали такого исхода.

Фратер Павел встретился взглядом с Ноем, кивнул, улыбаясь тепло и дружески. И покалеченная Ноева память неожиданно отозвалась на эту улыбку: Ной узнал его: Фратера Павла. Капитана своего лётного звена. Номер тринадцатый стал старше, лоб его рассекли морщины, в чёрных кудрях спряталась седина, но взгляд был прежним — будто он знает что-то, чего не знают другие.

Ещё ничего толком не понимая, Ной улыбнулся в ответ. Он сделал глубокий вдох — воздух был сладкий, настоящий.

Ной подумал о мышке. Он запретил себе о ней думать, когда шёл сюда, но теперь всё было иначе. И разум, освобождённый от оков ложной памяти, собрал, наконец, нехитрую мозаику. Мышка, то, как она изменилась в последнее время, какой неуверенной и далёкой стала. Она не была первой, Ной слышал уже о таком, но это были только разговоры. Подруга коллеги бывшего соседа по общежитию; жена молодого рабочего, которого лично знает сотрудница бухгалтерии; какие-то другие женщины — безымянные и чужие, но наверняка очень красивые в своём неожиданном счастье.

Пусть это будет мальчик, подумал Ной. Я отдам ему лётчика, чтобы он когда-нибудь подарил его своему сыну.

АНТОН ПЕРВУШИН

ВЫБОР ТВОРЦА

Опытную станцию «Заря-Рокша» пытались поджечь четыре раза. Но лишь последняя, четвертая, попытка завершилась частичным успехом.

Если поначалу поджигатели действовали неумело, посылая на территорию подвыпивших люмпенов, которых институтские практиканты легко выловили, то теперь за нападением чувствовалась крепкая направляющая рука. В пять утра, когда охрана расслабилась, а практиканты сладко спали в жилом корпусе, к станции по главной трассе прорвалась целая группа на квадроциклах и устроила гонки между корпусами, разбрасывая бутылки с «коктейлем Молотова». Нападавшие хорошо знали назначение сооружений и пользовались приборами ночного видения, поэтому атаковали только те здания, в которых заведомо не было людей: лаборатория полного цикла, хранилище биоматериалов, склад, энергоблок и зверинец. Избегали случайных жертв, ведь гибель кого-то из сотрудников станции или практикантов неизбежно выводила расследование дела на федеральный уровень, что организаторам безобразия было невыгодно.

Вторжение кадроциклов, работавших на бесшумных электродвигателях, дежурный из вневедомственной охраны успешно проморгал и спохватился лишь в тот момент, когда густая августовская тьма озарилась первыми быстрыми всполохами. Он включил прожектор, но от склада, который размещался в большом деревянном амбаре, доставшемся в наследство от разорившегося колхоза, уже всюду валил дым, и ничего толком разглядеть не получилось. Дежурный окончательно проснулся и врубил сирену. Практиканты голышом высыпали на улицу. Бросились к гидрантам, кто-то поволок к складу порошковые огнетушители. В неразберихе чуть не забыли о главном. Но тут протяжно и громко, перекрывая вой сирены, затрубил Рони. Оставшийся на ферме за начальника Сталинович крикнул: «Мамонт!» — бестолковая суета прекра-

тилась, и все, кто был на ногах, включая охранников, побежали к зверинцу.

Директор Семен Корнев примчался на ведомственном джипе из поселка сотрудников через полчаса после нападения. К тому времени практиканты, возглавляемые изрядно прокоптившимся Сталиновичем, успешно побороли очаги у зверинца, лаборатории и энергоблока. Склад польхал с веселым яростным треском, салютуя снопами искр. Хранилище горело неохотно, но ядовито — самые отчаянные из тушителей наглотались вонючего дыма и сидели в сторонке, дожидаясь врачебной помощи. Еще через двадцать минут появились профессионалы — два пожарных расчета из Рязанцево. Однако им оставалось лишь залить тлеющие головешки, отчитать охрану за халатность и подписать акт. Пострадавших при тушении хранилища увезли в военный санаторий на Рокше, остальные приходили в себя, умывались у главного гидранта, возбужденно переговаривались.

К восьми утра заявила делегация из старшего следователя, пожарного дознавателя и эксперта-криминалиста. Был с ними и сумрачный молчаливый тип, представившийся «агентом госназора» — скорее всего, офицер Федеральной службы безопасности. Корнев, навестивший Рони и только после этого немного успокоившийся, сопровождал делегацию в мучительно медленном обходе пожарища. Вроде бы факт злого умысла не вызывал сомнений, но следователь искал мотив.

— Вам угрожали, Семен Кириллович? — спрашивал он.

— Нет, — вполне искренне отвечал Корнев. — Никто прямо не угрожал. А сетевую белиберду я не читаю.

— Ходят слухи, что это не первая попытка поджога. Есть основания?

Тут Корневу пришлось слукавить:

— Не понимаю, откуда такие слухи. Однажды к нам забрели бомжи. Наверное, хотели поживиться тем, что плохо лежит. Охрана прогнала. А в остальном все было нормально...

Долго составляли протокол осмотра, эксперт-криминалист снимал происходящее на видеокамеру. Конспирирующий фээсбэшник незаметно отстал, пропав из поля зрения. Позже Корнев увидел его беседующим с чумазыми практикантами. Те что-то рассказывали, энергично жестикулируя. У Корнева от плохих предчувствий разболелся желудок.

Впрочем, неприятности только начинались. Едва удалось выпроводить следователя с сопровождающими, из военного санатория на мобильник позвонил Сталинович и сразу огорошил:

— Мы в новостях, Семен!

— Дьявол, — тихо ругнулся Корнев. — В местных, надеюсь?

— Хуже. Рейтер! Первый и второй каналы уже ссылаются. Несут полную хрень. Поджог взяла на себя экстремистская организация. «Биоджихад». Слышал о такой?

— Нет, не слышал.

— А сегодня комиссия, между прочим...

— Я помню, млин! — бросил Корнев зло, но тут же спохватился: — Извини, Виссарион, задержали меня тут совсем.

— Я сейчас приеду, — твердо сказал Сталинович.

— Ты уверен? Какой диагноз поставили?

— Да нормально всё! Мне уже прокапали гемодез, вкололи глюкозу и витамины, подышал кислородом. Скоро буду. Без меня не начинайте!

Он дал отбой, а Корнев остановился и задумался. Таких совпадений, конечно, не бывает. Пресловутые «споры хозяйствующих субъектов», из-за которых случается половина бед в «глубинке», были успешно разрешены еще до появления Рони. Стенания зоозащитников и алармистов никогда не выливаются в нечто более серьезное, чем одноразовые писульки в блогах — не зря современную молодежь называют поколением «лайка». Экстремисты? «Биоджихад»? Даже не смешно! С другой стороны, нападение было спланировано грамотно. И информация сразу ушла в агентство Рейтер, которое на мелочи не разменивается. Значит, в игру вступил кто-то серьезный. И этот кто-то крайне заинтересован в сворачивании проекта «Мамонт».

Корнев направился в административную пристройку жилого корпуса. Навстречу метнулся завхоз Андрейченко. С утра по территории не ходят, а мечутся или перебегают. Погорельцы. Корнев терпеливо выслушал скороговорку завхоза о причиненном ущербе, хотя при оформлении протокола успел сам оценить масштабы. Приказал мобилизовать всех практикантов и сотрудников на разгребание завалов. Дал свое согласие на вызов тяжелой техники из Переславль-Залесского. Страховка покрывает расходы.

В административной пристройке работал центральный климатизатор, оборудованный очистителями воздуха — здесь было свежо и почти не пахло гарью. У кабинета маялась зоотехник Егорова. В тушении пожара она не участвовала: когда собирались в поселке, женщин решили не брать.

— Что нужно, Мила? — спросил Корнев.

— Рони плох, — сообщила зоотехник. — Лёг. Как раньше, в детстве. Дыхание затрудненное. Вдыхает протяжно... Словно жалуется. И хобот засовыва-

ет в рот, кончик прикусывает. Никогда такого не видела...

— Думаю, ничего страшного, — сказал Корнев. — Дым и стресс. Померяй температуру, посмотри кожу на высыпания. Подумай о диете. Если возникнут затруднения, звони Поликарпову. У меня сегодня комиссия после обеда, ты знаешь. Вечером присоединюсь.

Егорова ушла. Хотя Корнев и не выказал своего беспокойства при зоотехнике, в действительности он был не на шутку встревожен. Понятно, что ночная кутерьма и пожар должны были сказаться на Рони. Хорошо еще, что тот повел себя сравнительно смирно, не пытался биться о металлический барьер, не вставал на дыбы. Но теперь Рони догнала реакция, и не было определенности, как он ее перенесет. Хуже того, скоро придет комиссия из ФАНО, и впечатление, надо думать, станция произведет неизгладимое. Беда не приходит одна!

Корнев включил компьютер. Операционная система загрузилась под незатейливую мелодию, позаимствованную из старого советского мультика «Мама для мамонтенка». Тут же на экране появился и сам мамонтенок — тамагочи, слепленный одним из практикантов года три назад. Корнев собирался вывести на виртуальный образ параметры, собираемые датчиками, вживленными в Рони, чтобы по поведению тамагочи сразу видеть, в каком состоянии находится реальное животное. Потом погряз в рутине и отбросил эту идею: она показалась по-детски пошлой. А вот мамонтенок остался.

Корнев хотел просмотреть почту. Однако почти сразу зажегся зеленым индикатор вызова. Корнев ткнул пальцем в экран, раскрывая окно видеочата. На связи был Черниховский — членкор Академии наук, директор Института биологии и биотехнологии. Он сидел

в знакомом кресле с высокой спинкой и презрительно шурился.

— Приветствую, Семён Степанович, — сказал Черниковский. — Что у тебя за бардак? Меня с утра журналюги атакуют.

Корнев описал ситуацию.

— Совершенно ясно, что поджигатели ориентировались на приезд комиссии, — подытожил он. — Виктор Анатольевич, нельзя ли как-то перенести визит? Хотя бы на неделю?..

— Увы, я не всемогущ, — отозвался Черниковский. — Только что разговаривал с этой... как ее?... с Вероникой Леонидовной... Тему порешали в Агентстве, с генеральным. Так что они уже на пути к тебе. Готовься к вздрючке.

— Всегда готов, — пробурчал Корнев. — Кто такая Вероника Леонидовна?

— Не доложили? — удивился Черниковский. — Учти тогда: от ее слова многое зависит. Она представляет нашего нового инвестора — «ГенСимс». Канадцы. О них-то ты знаешь?

— Знаю.

— Короче, обрати на эту... как ее?... Веронику Леонидовну особое внимание. Если «ГенСимс» проект не поддержит, придется твою ферму оптимизировать.

Черниковский вышел из чата. Корнев некоторое время сидел без движения, глядя в опустевший экран. На душе было муторно. И опять крутило желудок.

О канадской корпорации «GenSims» писали много. В основном, конечно, пустые статейки, не раскрывающие суть работ. Поэтому Корнев, чтобы составить собственное мнение, обычно заказывал открытые материалы симпозиумов, которые корпорация устраивала в стенах Университета Западного Онтарио. Поначалу ему было интересно, ведь сотрудники «GenSims»

взялись за совершенно новое направление в биоинженерии — маг-технологии. Словечко происходило от Multiplex-Automated Genomic Engineering и подразумевало создание искусственных существ, называемых синтеморфами, геном которых спроектирован от первого до последнего кодона. Корпорация попыталась взять на себя функции Господа Бога, что любили всячески подчеркивать журналисты, склонные выкапывать сенсации даже в навозных кучах. Однако специалист умеет сравнивать, и Корнев быстро убедился, что синтеморфы — надувательство. Каждый из них был сборной конструкцией, согласованность работы которой обеспечивали надстройки — вживляемый компьютер с искусственной нейросетью. Получалось, что «GenSims» выпускает тех же роботов, но куда менее эффективных и более дорогих, чем сделанные из металлов, пластиков и полупроводников. Вскоре определилась и сфера применения синтеморфов — развлечение: живые игрушки, экзотические парки, рекламные акции. Показуха! Впрочем, отдельные модели удалось приспособить к более серьезному делу — оперативной утилизации твердых отходов. Корпорация всего лишь за год и за «спасибо» справилась с Восточным мусорным континентом, загрязнявшим Тихий океан, в то время как экологи просили пять лет и сумасшедший бюджет. Понятно, что после столь впечатляющей демонстрации возможностей «GenSims» обрела неоспоримый авторитет, и спрос на ее продукцию резко возрос. Хотя игрушки все равно остаются игрушками, какими бы наукообразными псевдолатинскими терминами их не обзови.

Когда-то Семен Корнев не воспринимал «GenSims» в качестве конкурента или инвестора. Слишком разными путями в познании живого они продвигались. В отличие от канадцев, конструирующих принци-

пиально новых существ, фирма «Заря», учрежденная в рамках специальной программы Федерального агентства научных организаций, занималась технологией «de-extinction» — клонированием вымерших животных. Нельзя сказать, что группа Корнева, который восемь лет совмещал должности директора фирмы и руководителя научных работ, была лидером в этой области. Первый зачин еще в 2009 году сделали испанские коллеги, сумевшие клонировать вымершего пиренейского козерога. Затем американцы возродили к жизни каролинского попугая и странствующего голубя, а японцы — тилацина, тасманийского сумчатого волка. Однако всё это были краткосрочные проекты, и результат их оказался неоднозначным. Козленок козерога скончался сразу после рождения. Попугай нормально прижился в неволе, а голуби так и не вывели птенцов. Больше всего возни было с тилацином, ведь, несмотря на обилие генетического материала, на Земле не осталось близкородственных видов, и нельзя было использовать готовую яйцеклетку. В итоге был применен метод химеризации — внедрения участков генома тилацина в геном тасманийского дьявола с анализом последствий. На свет появилось множество уродцев, ни один из которых не протянул и года.

Задача, которую поставил перед собой Семен Корнев, казалась намного масштабнее, чем воскрешение сумчатого волка, который вымер сравнительно недавно — в 1930-е годы. Но, как ни парадоксально, решить ее было намного проще. Корнев взялся вернуть к жизни мамонтов, которые, как хорошо известно, полностью исчезли с лица планеты в период от десяти до пяти тысяч лет назад. До того Семен мало интересовался палеонтологией, никогда не увлекался мамонтами — его, человека достаточно тщеславного, захватили перспективы, открывающиеся в случае успеха.

Всеобщее признание, собственная научная школа, работа на всю жизнь — можно ли мечтать о большем? Ко времени старта проекта, который поначалу финансировали те же японцы, задел по мамонтам был высок: расшифрованы последовательности митохондриальной и ядерной ДНК, на молекулярном уровне доказана родственная связь мамонтов с азиатскими слонами, проведены первые эксперименты по модификации эмбрионов слонов. Главной проблемой оставалась высокая травматичность тонких операций с геномом — в развитии модифицированного плода появлялись аномалии, и эмбрионы погибали на ранних стадиях. Семен Корнев предложил оригинальный подход к проблеме. Чем меньше изменений мы вносим в геном, тем меньше аномалий, тем лучше работает химерный вариант ДНК. Следовательно, нужно найти такой подвид азиатского слона, который был бы самым ближайшим родственником мамонту — даже доли процента в различии геномов могут иметь принципиальное значение. Для выявления такого подвида провели отдельное и дорогое исследование, которым руководил опытный зоолог Виссарион Сталинович, присоединившийся к проекту. Он объездил Индию, Таиланд, Шри-Ланку, Вьетнам, Лаос, Камбоджу, Бorneo. Собрал бесчисленное количество образцов для секвенирования. Их изучением и сравнением занимались генетики из Университета штата Пенсильвания, составившие и запатентовавшие «золотой стандарт» генома мамонта. Они же вынесли вердикт: ближе всех на древе эволюции к вымершим гигантам находится небольшое стадо крупноголовых слонов, обитающее в лесах Северного Непала. Геномы отличались на полпроцента — то есть требовалось заменить всего лишь Авести тысяч спаренных оснований нуклеотидов из трех с лишним миллиардов, что современная техноло-

гия вполне позволяла сделать. И все же фирме «Заря», которую пришлось учредить для дальнейшей работы, потребовалось еще три года на то, чтобы освоить клонирование с химеризацией, доставить слониху Шанти из Непала, оборудовать опытную станцию на речке Рокша и приступить к уникальному эксперименту. Что интересно, у группы Корнева получилось с первого захода, без гибели эмбрионов и отбраковки. Наверное, просто повезло. Так появился Рони — самый настоящий мамонт, воскрешенный из небытия.

Поначалу все выглядело радужно. Рони стал сенсацией. Семен Корнев в одночасье превратился из скромного кандидата наук в звезду международных конференций и телевизионных ток-шоу. Многие от его славы перепадало Институту биологии и биотехнологии, чиновникам ФАНО и прочим прихлебателям. Заказы на «живого мамонта» посыпались из самых известных зоопарков. Турагентства пытались договориться об экскурсиях. На станции «Заря-Рокша» побывали посланцы Голливуда. И тут, в самый неподходящий момент, начались проблемы. Шанти не только отказалась кормить мамонтенка, но и дважды попыталась убить его — ее пришлось отселить, а потом она подхватила кишечную инфекцию и, несмотря на усилия ветеринаров, пала. Сам мамонтенок рос чрезвычайно болезненным, ему требовался постоянный уход. Как мрачно шутил Сталинович: «Не понос, так золотуха». Жизнь сотрудников опытной станции свелась к бесконечной беготне вокруг вольера. Корнев устраивал постоянные консилиумы с привлечением светил биологии и палеонтологии, но светила только разводили руками. Расходы непомерно возросли, и планы по рождению второго мамонтенка пришлось отложить. Рони все-таки справился с болячками и вырос до молодого слона, хотя и отставал по габаритам от своих

азиатских сородичей. Однако общественный интерес к проекту все эти годы неуклонно падал, ручеек инвестиций пересыхал, а перспективы разведения мамонтов на просторах Сибири, которые увлеченно расписывал Корнев на конференциях и ток-шоу, становились все более туманными.

И вот на горизонте появилась корпорация «GenSims». И ее деятельность отнимала у «Зари» последние источники для развития. Если Семен Корнев еще только рассуждал о «Плейстоценовом заповеднике», то канадцы открывали один за другим готовые «Парки Юрского периода», населяя их динозавроподобными синтеморфами. Понятно, что появление «парков» сопровождалось агрессивной рекламой, и на ее фоне о мамонтенке, живущем в российской «глубинке», просто-напросто забыли. Ситуация бесила Корнева, ведь он хорошо видел, что его направление исследований намного перспективнее той показухи, которой занимаются канадцы, только поделаться ничего не мог. Оставалось сдаться на милость победителя. Членкор Черниковский был безусловно прав: если сама «GenSims» хочет вложиться в проект, то сопротивление бесполезно, ибо сожрут, а вот польза от дополнительного финансирования очевидна. Другой вопрос: что канадцы попросят взамен? Но это другой вопрос...

Комиссия из ФАНО прибыла даже раньше, чем планировалось: шесть человек на «минивэне» в однотипных деловых костюмах, словно только что из офиса. Однако Корнев сразу выделил двоих: рыхлого красно-мордого толстяка и высокую рыжеволосую даму. Наметанный глаз не подвел: толстяк по фамилии Огородников оказался председателем комиссии, дама была той самой Вероникой Леонидовной, на которую Черниковский советовал обратить особое внимание. По-

сле обмена рукопожатиями она сняла Солнцезащитные очки и спросила Корнева:

— Узнал меня, Семен?

Корнев напрягся. В последние годы он познакомился с тысячами новых людей, и многие не задерживались в памяти. Он покачал головой. Вероника Леонидовна поджала губы.

— Кафедра экспериментальной биологии, — раздельно произнесла она. — Лаборатория. Студенты пятого курса.

— Веруня! — воскликнул Корнев.

— Рада, что признал, — сказала Вероника Леонидовна без малейшего одобрения и вновь нацепила очки. — Показывай свое хозяйство.

Признать ее было мудрено — от юной особы, с которой некогда общался — и довольно плотно! — осталось немного: ярко-рыжая шевелюра, изгиб рта, цвет глаз. Остальное изменилось: она стала стройнее, светла веснушки, выправила горбинку на носу. И держалась увереннее, с большим достоинством облеченного властью человека. Кто бы мог предположить, что из скромной, пугливой Веруни вырастет полноценная бизнесвумен?..

— Какие-то проблемы? — поинтересовался председатель Огородников, поморщившись от запаха гари.

Корнев еще раз описал детали ночного нападения. Про «Биоджихад» говорить не стал — члены комиссии и без него скоро все узнают, но к тому времени ситуация с «экстремистами» должна хоть немного проясниться.

К процессии присоединился Сталинович. Он успел принять душ и нарядился в свою нелепую колониальную форму, прикупленную по случаю в лавке на Шри-Ланке, нацепил пробковый шлем, под мышкой держал стек — вылитый Аллан Квотермейн на прогулке.

Он сразу завладел всеобщим вниманием и повел комиссию к административному корпусу, намереваясь устроить экскурсию по музею опытной станции. Однако Веронику было не так-то легко обмануть.

— Покажите мамонта, — решительно потребовала она.

Сталинович и Корнев обменялись выразительными взглядами. Делать нечего — направились к зверинцу. По пути Сталинович рассказывал об условиях содержания Рони:

— У нас два вольера. Зимний и летний, с выходом к реке. Мамонт сейчас живет в зимнем. Вольер разделен на экспозиционную часть и внутреннюю. Кроме того, есть небольшое помещение для средств мониторинга. Пол в зимнем вольере отапливаемый. В экспозиционной части есть смотровая зона, она отгорожена решеткой и отжимным барьером. Обычно мы не пускаем гостей за барьер, но для вас сделаем исключение...

— Чем кормите мамонта? — спросила Вероника.

— Обычная диета. Как в зоопарках. В основном овощи. Огурцы, кабачки, репа, картофель. Любимые лакомства — яблоки, арбузы и молодые березовые ветки с листвой. Зимой с удовольствием ест кашу, сено и овсяную солому.

— Я тут как-то читал, — глубокомысленно сообщил председатель Огородников, — что мамонты ели мхи и бруснику.

Сталинович не стал глумиться, а ответил с серьезным видом:

— Если бы они питались только мхами и ягодами, то были бы худенькие и маленькие. В действительности взрослый мамонт съедал до трех центнеров в день и ничем не брезговал. В желудках находят побеги ивы, ольхи, лиственницы, березы. Еще — осоку, пушицу,

злаки, тростник, камыш, разнотравье. И мох тоже, конечно, но в меньших количествах.

— Почему тогда вы кормите мамонта яблоками, арбузами и кашей? — удивился Огородников.

— Мы ж не изверги! — сказал Сталинович с легкой усмешкой. — Мы предлагаем ему разное, а он сам выбирает, что нравится, а что нет.

— Вы так говорите, будто ваш мамонт — человек.

— Слоны — вообще очень сообразительные животные, а Рони воспитывался не слонами, а людьми. Он умен и наблюдателен, может пользоваться простейшими орудиями типа метлы, играет с автомобильной шиной, пытался разобрать деревянную кормушку...

У входа в зверинец, рядом с информационным стендом, стояла зоотехник Егорова — бледная, покусывающая губу и решительная.

— К Рони сегодня нельзя! — заявила она.

Председатель Огородников набычился:

— Кто вы такая?

— Что случилось? — вмешался Корнев.

— Рони плохо, — объяснила Егорова. — После пожара. Температура повысилась. И он... стонет.

— Но не помирает же? — Огородников отстранил Егорову: было видно, что он из тех, кто привык добиваться своего и воспринимает любое препятствие как личное оскорбление.

— Ничего страшного, — тихо сказал Корнев, проходя мимо зоотехника. — Это все стресс. Мы быстро.

Войдя в павильон зверинца, Сталинович свернул в неприметный коридор, отпер своей карточкой дверь и через пункт мониторинга провел комиссию в обширное помещение зимнего вольера. Рони действительно лежал на правом боку, как в раннем детстве, и косил карим глазом. При появлении людей он издал полувздых-полувсхлип и шевельнул передними нога-

ми. Клочки бурой шерсти неприглядно топорщились. Мокрый живот казался вздутым, как при обострении гастрита.

Председатель Огородников в изумлении остановился.

— Это мамонт?! — спросил он громко.

— Да, — подтвердил Сталинович и добавил с ноткой родительской гордости в голосе: — Наш Рони.

— Но он совсем не похож на мамонта... — Огородников беспомощно оглянулся на Веронику. — Шерсти почти нет... Где шерсть?! И бивни мелкие...

— Генетически Рони — мамонт, — заверил Корнев. — Вида *Mammuthus primigenius*. Но выносила его самка непальского слона. Естественная фенотипическая коррекция. К тому же он еще очень молод.

— И кто на это клюнет? — саркастически осведомился Огородников. — Вы собираетесь каждому, что ли, рассказывать об этой вашей... коррекции?

— Если понадобится, расскажем.

— Черт те что! И он у вас больной! Едва дышит. И воняет! Как его показывать, объясните!

Корнев вдруг понял, что председатель Огородников боится. Сдерживает рвущийся страх, психологически закрывается от него, но боится. Оставалось загадкой, что его напугало — обстановка вольера или возможный гнев начальников.

— Он не предназначен для показов, — сказал Корнев. — Он наш первый уникальный образец, первый опыт. Если вы хотите увидеть взрослых и полноценных мамонтов, проект необходимо продолжить.

Рони вновь тяжело вздохнул. Изогнул хобот, засунув кончик в приоткрытый рот.

— Пойдемте отсюда, — призвал Огородников. — И соберите персонал. Буду выступать...

Небольшой конференц-зал жилого корпуса был рассчитан на три десятка человек, но по присутство-

вать на внеплановом собрании пришли почти все сотрудники станции и практиканты, заметно превысив лимит. Из столовой принесли дополнительные стулья. В президиуме расселись члены комиссии, Корнев пристроился сбоку. Сталинович занял кресло по центру в первом ряду, закинул ногу на ногу, небрежно постукивая шлепком стека по коленке. Смотрел он исключительно на Огородникова — буравил взглядом.

Председатель Огородников встал и с минуту молчал, дожидаясь тишины. Потом похлопал себя по карманам, словно искал заготовленные тезисы, и сбивчиво начал:

— Дамы и господа! Будущее... э-э-э... фундаментальной науки... э-э-э... скрыто во мраке будущего... и подчинено... э-э-э... неизгладимым... разносторонним... э-э-э... вариантам... Но мы всегда видим свет в конце... Да!.. Наша задача — сделать науку... э-э-э... продуктом конкурентоспособности!

Тут, по-видимому, он оседлал любимого конька, речь его оформилась и потекла плавно, хотя и состояла в основном из модных заклинаний: «прогрессивные инновации», «модернизационная стимуляция», «драйверы доходности», «инфляция монетарности», «хеджирование рисков», «креативное мышление», «критерии сальдирования», «аутстаффинг персонала», «делегирование статусности».

Корнев быстро потерял нить рассуждений и перестал слушать. Но было ясно, что председатель разочарован осмотром вольера и прямо-таки жаждет свое разочарование выплеснуть на людей, которые от него зависят. Дело плохо, одна надежда — на Веронику. На Веруню. Но стоит ли на нее надеяться?

Когда невыспавшиеся практиканты начали открыто позевывать, Огородников закрутился:

— Мы должны объединить... э-э-э... продуктивную деятельность, чтобы достойно отвечать... э-э-э... особым вызовам времени.

Сталинович сразу поднял руку.

— Вопросы? — удивился Огородников; под взглядом Сталиновича он немного робел.

— Вы тут рассказывали про конкурентоспособность, — напомнил Сталинович, продолжая постукивать стеклом. — У вас где-то есть еще один мамонт?

Огородников замешкался.

— Позвольте, как вас по фамилии? — уточнил он.

— Сталинович.

— Не по отчеству... По фамилии.

— Сталинович.

— А по имени-отчеству?

— Виссарион Иосифович.

В зале раздались смешки. Огородников окончательно онемел. Он никак не мог сообразить, издеваются над ним или нет. Все же справился с собой и сказал:

— Уважаемый, наличие... э-э-э... мамонта или его же отсутствие ничего не говорит о конкурентоспособности...

— Значит, наша фирма — монополист? — перебил Сталинович.

— В некотором смысле...

— Тогда мы можем требовать особые условия для себя, не так ли?

— Мы стремимся к эффективному менеджменту и оптимальной доходности, поэтому... — завел было Огородников привычную шарманку.

— Нет-нет-нет! — прервал его Сталинович, поднявшись из кресла и сурово помахивая стеклом. — Об эффективности можно рассуждать, если есть с чем сравнивать. А если нет, то извините...

Корнев почувствовал, что дело идет к скандалу, и вмешался:

— Спасибо за познавательное выступление и интересные вопросы. Коллеги, не нужно сегодня обсуждать аспекты дальнейшего развития проекта. Мы ведь только познакомились с членами комиссии, нам еще предстоит обсудить формат сотрудничества. Мы учтем все пожелания, претензии и решим проблемы. Главное — проект живет. Наш мамонт до сих пор остается уникальным опытом, который служит научным и образовательным целям. Нас поддерживает Институт биологии и биотехнологии. Не думаю, что в агентстве захотят резать курицу, несущую золотые яйца. Сейчас я предлагаю сделать перерыв на обед, угостить наших гостей, а затем продолжим экскурсию по станции. Спасибо за внимание!..

Пока сотрудники шумно покидали конференц-зал, Вероника подошла к Корневу:

— Можно тебя на пару слов?

— Конечно, пойдём ко мне.

Они разместились в кабинете, и Корнев дал Веронике время осмотреться.

— Я ожидала большего, — сказала она после затянувшейся паузы. — А у тебя только картина Голобокова. «НИИ генетики» — так, кажется, называется? Кстати, подлинник?

— Подлинник, — отозвался Корнев, бросив взгляд на картину, изображавшую парочку плакатных ученых в белых халатах на фоне панорамного окна, за которым среди сугробов паслись мамонты. — Геннадий Голобоков не слишком популярен сегодня. Хватило и моей зарплаты. Но разыскать ее было целой проблемой... А чего именно ты ожидала?

— Какие-нибудь черепа, бивни, копии наскальных рисунков.

— Я не палеонтолог, Веруня, мне больше импонирует футурология Голобокова.

— Не называй меня Веруней, — потребовала Вероника строго. — Все в прошлом. В далеком прошлом. Обойдемся без романтических воспоминаний, о'кей?

— Хорошо. Тогда говори прямо, что вы там замышляете? Я уже понял, вокруг проекта началась подковерная возня. И пожар перед вашим визитом — часть большой интриги. Вопрос: зачем всё это? ФАНО при желании способно прихлопнуть нас в один момент.

— Буду откровенна, Семен, нам не нужны ни проект, ни мамонт. Нам нужен ты. Разумеется, не сам по себе, а вместе с твоими патентами, твоим коллективом и твоей станцией. Корпорация «ГенСимс» берется купить «Зарю» и обеспечить дальнейшее финансирование. Серьезное предложение.

Корнев покивал.

— Рад слышать, что вы переходите от игрушек к делу. Тогда переформулирую вопрос. Зачем я «ГенСимс» без Рони?

— Твоя технология комбинирования селекции и химизации эмбриона сэкономит нам года три. В условиях обострения конкуренции она даст ценное преимущество в области создания искусственных биосфер. Так что не волнуйся — обеспечение ты получишь по высшему классу, могу лично гарантировать.

— А что с Рони?

— От него лучше избавиться. Мы не возьмем на баланс проблемный проект, который подрывает репутацию. В пресс-релизе напишем, что Рони отравился на пожаре, плохо себя чувствовал, издох...

Корнев нахмурился и наклонился вперед, положив руки на стол.

— Вы там совсем садисты — в своем «ГенСимс»? Рони — не синтеморф, не имитация. Он — живое су-

щество. И весьма разумное, если сравнивать с некоторыми сапиенсами.

Вероника потеряла щеку тыльной стороной ладони. Корнев опознал этот жест — им Веруня предваряла высказывание, которое сама считала «дерзким».

— Мы садисты? — тихо спросила она, потом повысила голос: — Ты настоящий садист, Семен! Ты думаешь, я не читала твои закрытые отчеты? Читала! Знаю, что ваш Рони не вылезает из болячек. Он и ходит-то у вас через силу. А что будет, когда он дорастет до муста? Как будете справляться? Ты вообще подумал, что производишь на свет урода? Инвалида? Что мать захочет его убить? Что у него не будет семьи? Что он будет страдать? Ради чего, Семен? Ты говоришь, что не палеонтолог, что нацелен в будущее, а сам возишься с отжившим. Мамонты вымерли, Семен!

— Рони не вымер. Он есть.

— Ты всегда был рохлей, — бросила Вероника зло. — Крыса не смог убить!

Корнев чуть улыбнулся, вспомнив историю о крысе. Он был тогда аспирантом на кафедре, а ему прислали под надзор стайку студентов с пятого курса, среди них и Веруню. Старшая лаборантка как-то обнаружила, что один из крысиных самцов вышел из «подопытного возраста», и велела взять у него кровь на анализ, после чего ликвидировать. Крыс просто так не дался: одну студентку укусил, от другой чуть не сбежал. Его все-таки засунули в контейнер и забросали тряпками с формалином. Вроде бы крыс откинул лапы, но стоило коснуться его иглой, он сразу очнулся и заметался по контейнеру. На шум заглянул Корнев. Студентки взмолились о помощи. Корнев взял ножницы, посмотрел на крыса. Тот посмотрел на Корнева красными бусинками глаз. «Заберу себе, — сказал Корнев. —

Такую волю к жизни надо уважать». И действительно забрал и держал дома, пока крыс не умер от старости.

— Мы же договорились, что обойдемся без романтических воспоминаний, — заметил Корнев. — Возможно, я рохля. Возможно, я занимаюсь ерундой. Но пожертвовать Рони не могу. Он мое творение. И я в ответе за него.

— Кем ты себя вообразил?! — воскликнула Вероника. — Творцом? Ты не творец, ты бездарный копировщик. Творцы — это мы! Мы создаем новые формы, мы проектируем животных, каких не видел мир. Мы заселим космос, а ты так и будешь рыться в старых гнилых костях.

— Самая большая ошибка для менеджера, — наставительно сказал Корнев, — это начать верить собственной рекламе.

— Ладно! — Вероника встала. — Я вижу, ты не склонен сегодня к диалогу. Что ж, у тебя есть время подумать. Но с решением не тяни: «ГенСимс» не любит ждать. И как решишь, звони или пиши.

Она бросила на стол визитку и хлопнула дверью.

Корнев чувствовал опустошение. Словно этот короткий резкий разговор заставил его вывернуться наизнанку. Кольнуло в желудке. Рони. Несчастный Рони. Тебе не дадут покоя в мире хищников, даже если хищники иногда позволяют себе выгладеть людьми. Может быть, правы те из палеонтологов, кто утверждает, что мамонтов истребили наши предки. История всегда повторяется. И всегда найдется оправдание.

Корнев посмотрел на картину Голобокова, потом — на экран компьютера, где меланхолично жевал траву мамонтенок-тамагочи. Одно движение, и открылось окно смс-агента. Взяв визитку, Корнев вбил номер телефона в соответствующее поле и начал писать:

«Дорогая Веруня! Я давно сделал выбор. И вряд ли ты в силах меня переубедить. Рони — не только мое творение, он значит для меня гораздо больше. Позволив ему родиться, я постиг таинство, важнее и выше которого нет ничего на свете. Можно ли постигнуть его до конца? Можно ли вычерпать океан? Вопрос риторический. И все же любой новый день жизни Рони дает мне шанс сделать еще один маленький шаг, взглянуть шире, познать глубже. Наверное, ты права, когда говоришь, что я простой копировщик. Но и вы не смейте называть себя творцами. Потому что истинный Творец любит Сотворенное».

Корнев перечитал послание и отправил его в сеть. Мамонтенок на экране подмигнул и широко улыбнулся. Совсем по-человечески.

ВЛАДИМИР МАРЫШЕВ

СУД

Я слышал, что прирожденного убийцу можно угадать по особым приметам. Например, по своеобразным «бесовским» чертам лица. Или по цепенящему взгляду — наподобие того, которым удав гипнотизирует обреченного кролика. Если же внешность не дает распознать душегуба, то его выдает тяжелая аура: соприкоснувшись с ней, теряешь волю, вязнешь в эманации бездушного разума, как муха в паутине.

Может, кто-то и верит в подобные приметы, но я не из их числа. Если бы все было так просто... Вот и Игорь Нахабин нисколько не походил на исчадие ада. Обычный двадцатипятилетний парень, светло-ру-

рый, гладко выбритый, с полноватыми лоснящимися щеками. Он непринужденно, чуть ли не развалясь, сидел на скамье подсудимых и, улыбаясь краешками губ, разглядывал зал из-за стеклянной перегородки. Так, словно это все мы угодили за нее. Притихли там, жалкие, подавленные, утратившие надежду, и с завистью смотрим на него — единственного свободного человека...

Я почувствовал, что меня вот-вот начнет мутить, и опустил голову, уткнувшись взглядом в пол. Глядеть на торжествующего нелюдя не было сил.

17 апреля 2021 года в «Охотном ряду» прогремел взрыв. Он унес жизни ста двенадцати человек, в том числе двадцати семи детей. Около двухсот жертв теракта получили ранения, более полусотни из них остались инвалидами. Нахабин все хорошо рассчитал — идеально выбрал и место закладки заряда, и время. Это был башковитый малый — неспроста его еще в школе называли «живым компьютером». Ему даже почти удалось улизнуть — задержали только в Домодедово, за полчаса до посадки на самолет. Он не оказал никакого сопротивления полиции. Более того — спокойно вытянул вперед руки и, когда на его запястьях защелкнулись наручники, улыбнулся. Потому что знал — при любом раскладе будет жить.

Гуманизация системы наказаний шла полным ходом. Прежде всего, было решено всем преступникам, даже самым жестоким и циничным убийцам, сохранять жизнь. Смертная казнь продолжала существовать на бумаге, но полностью вышла из практики. Все к этому привыкли, а потому, когда ее наконец-то отменили законодательно, народ практически не возмутился. Время от времени, правда, в СМИ по этому поводу разгорались споры. Но побеждали всегда ученые дяденьки с благостными лицами: надергав ци-

тат из умных книг, они неопровержимо доказывали, что отнимать жизнь у человека — непростительный грех. Мало ли, каким чудовищем был подсудимый. Мало ли, скольким жертвам он вышиб мозги из снайперской винтовки, скольких изнасиловал и задушил, забил бейсбольной битой, зарезал, расчленил и съел. Надо быть выше всех этих серийных маньяков, киллеров, живодеров и людоедов. Не уподобляться им, а проявлять милосердие!

Как-то незаметно полемика приняла другой оборот. О возврате к смертной казни уже и речи не шло — теперь подкованные в этических вопросах дяденьки подготавливали общество к отмене пожизненного заключения. И в самом деле: как можно лишать человека последней надежды? Мы же не звери какие-нибудь! Наверху к дяденькам прислушивались, на их мнение ссылались. Неудивительно, что в один прекрасный день были приняты поправки к Уголовному кодексу, и высшей мерой наказания за любое скотство стал двадцатилетний срок...

— Подсудимому предоставляется последнее слово, — важно объявил судья. Он явно гордился ролью, которую ему довелось сыграть в историческом процессе. Не каждому выпадает такой шанс!

— Благодарю. — Нахабин кивнул и, поднявшись, скрестил руки на груди.

— М-да, — изрек он с видом аристократа, который вынужден распинаться перед безмозгой чернью. — Ну и публика тут собралась... Впрочем, чего еще ожидать в эпоху полного вырождения нации? Наши предки вздернули бы меня на первом суку. Без всяких разбирательств — и правильно бы сделали. Но то предки, это не нынешняя размазня. Россия тонет в дерьме, ее захлестывают орды инородцев, а вы тупо на это смотрите. Я устроил взрыв, чтобы всколыхнуть, наконец, ваше зло-

вонное болото. Во времена упадка обычные меры не действуют — нужны жесткие решения, шоковая терапия. Думал, хоть теперь-то пошлете подальше свой чертов гуманизм и вспомните, что существуют веревка и мыло.

Он сделал паузу.

— Бесплезно, таких слизняков ничто не исправит. Даже отомстить по-настоящему не способны. Век толерантности и гуманизма! А раз так, надо этим пользоваться. Отсидеть в приличных условиях двадцать лет — это не вышку получить, верно? Я бы и на больший срок согласился, да вот беда — закон не позволяет. Когда выйду, буду еще очень даже ничего. Первым делом женюсь, детишек наделаю. Стану жить-поживать да вино попивать. За упокой душ — и тех, которые сам отправил на тот свет, да и ваших заодно. Ведь из вас к тому времени половина уже загнетса. А может, и больше. Ничего не попишешь, каждому свое...

Мой сосед слева, глубокий старик, трясущимися руками достал пластмассовый флакончик, вытряхнул на ладонь таблетку и сунул ее в рот. Видимо, это был нитроглицерин.

— Господи... — Сидящая впереди женщина в черном платке всхлипнула и провела рукой по лицу, утирая слезы. — Да заставьте же его замолчать, ирода!

— Прекратите реплики из зала! — внушительно сказал судья. — Последнее слово прерывать нельзя. Продолжайте, подсудимый.

Нахабин бросил взгляд на женщину в платке и ухмыльнулся. Затем легким кивком поблагодарил судью.

— Спасибо, ваша честь. Я хочу добавить...

Он вздрогнул и замолчал, словно подавился этим своим непрерываемым последним словом. На его хленном лице впервые за все время процесса появилась растерянность.

Никто из сидящих в зале не понял, что произошло, да и не мог понять. Кроме меня.

За секунду до того, как Нахабин запнулся, я незаметно направил на него маленький приборчик, похожий на диктофон. Над этой изящной серебристой штучкой я работал, как одержимый, шесть лет. Моя тема считалась в НИИ одной из самых перспективных. Я практически не вылезал из лаборатории, постоянно засиживался допоздна, бывало, что там и ночевал. Все мечтал ошастливить человечество: аппаратура, способная переносить эмоции из мозга в мозг, нашла бы самое широкое применение. Не мог представить только одного: что чудо-прибор, еще не пройдя всех положенных испытаний, послужит мне для сведения счетов.

Среди тех, кто 17 апреля оказался в «Охотном ряду», была и моя мать. После взрыва она прожила ровно неделю. Семь дней изуродованное тело цеплялось за жизнь, и все это время я на что-то надеялся. Но врачи вынесли приговор сразу, немного разойдясь лишь в дате летального исхода. И чуда не случилось.

Всю неделю я провел у ее постели. Наблюдал за агонией и, корчась от невозможности помочь, записывал предсмертные муки матери на свой чудо-прибор. Затем, чтобы потом одним импульсом переслать сгусток боли и ужаса в голову убийцы. Сгусток, который никуда не исчезнет, не рассосется — до последнего часа того, кому достался...

Приговор неожиданностей не принес. Игорь Нахабин получил свои двадцать лет и был помещен в камеру-одиночку, которая сделала бы честь любому цивилизованному государству. К услугам заключенного были телевизор, компьютер, набор тренажеров и небольшая библиотека, не говоря уже о комфортном туалете.

Трижды в день после приема пищи он прогуливался во дворике, центр которого занимала большая цветочная клумба. Однажды я видел этот дворик по ТВ. Камера крупным планом показывала розовые махровые астры, оранжевые колпачки настурций и ярко-желтые шарики бархатцев. Чувствовалось, что ухаживающие за ними тюремщики относятся к порученному делу любовно.

Миллиарды людей по всей планете, ютящиеся в лачугах и бараках, не говоря уже о бездомных, могли искренне позавидовать самому известному здешнему сидельцу. Казалось бы, он должен благодарить судьбу. Но, как пронюхали вездесущие журналисты, вскоре у заключенного началась депрессия, переходящая в жуткие нервные припадки. Они повторялись все чаще, и в конце концов медики настояли, чтобы Нахабина перевели в психиатрическую больницу. Где он спустя месяц и покончил с собой, спрятавшись от камер наблюдения под одеяло и перерезав горло обломком ножовочного полотна.

Кто и когда ухитрился отправить ему с передачей орудие самоубийства, так и осталось загадкой. Но не для меня.

*ИГОРЬ МИНАКОВ
МАКСИМ ХОРСУН*

СТОЛПОТВОРЕНИЕ

Требовалась всего одна минута пятнадцать секунд, чтобы радиосигнал с поверхности Вавилона прошел через квантовые врата и достиг ретрансляторов на

орбите Земли. Задержка была ощутимой, но в НАСА посчитали, что без прямого эфира не обойтись. Каждый, кто желает стать сопричастным к главному космическому событию года, должен получить такую возможность.

Команда «Преимущества» тяготилась своей миссией. Дело в том, что на Вавилон уже дважды приземлялись корабли землян. И их экипажи были истинными первопроходцами. К сожалению, имена людей, на своем опыте убедившихся в том, что вавилонские аборигены безобидны и неприятных сюрпризов во время прямого эфира не преподнесут, надолго останутся в секретных файлах. Формально, первыми людьми, ступившими на Вавилон, станут астронавты с «Преимущества», — а с ними и миллионы зрителей, следящих за видеотрансляцией.

Вавилон — единственная планета в системе тесной пары красных карликов — была миром вулканических скал, каменистых пустынь и суровых океанов, в которых и зимой, и летом дрейфовали айсберги. Вавилон населяла раса гуманоидов с невыясненным еще самоназванием. В своих технологиях аборигены не продвинулись дальше бронзового века. Феодалные отношения сложиться не успели; несколько городов-государств расположились вдоль русла полноводной реки, пересекающей бесплодную пустошь. Остальные же аборигены вели первобытный образ жизни, либо кочуя, либо прозябая в пещерах.

— Посадочный модуль готов к отделению, — объявил командир «Преимущества» Эд Хилл, стараясь не думать о том, что за каждым его движением следят миллионы землян, включая высокопоставленных чиновников из НАСА, Государственного департамента, Министерства обороны, и, скорее всего, из самого Белого дома.

— Все огни — «зеленые», — отчитался пилот посадочного модуля Сэм Бэринджер.

Хилл проверил ремни, которыми был пристегнут к ложементу. Затем вывел на внутреннюю часть щитка шлема проекцию приборной панели и глобус Вавилона, пересеченный параболами траекторий космических аппаратов на его орбите.

— Приближаемся к расчетной точке, — сообщил штурман из рубки «Преимущества». — Минутная готовность.

— Вас поняли, — отозвался Хилл.

— При счете ноль, расстыковка... Десять, девять, восемь... — слова, которые произносил Бэринджер нарочито мужественным голосом, падали в напряженную тишину, как камни в глубокую воду, — ...четыре, три, два, один... Ноль! Есть расстыковка!

Посадочный модуль вздрогнул, словно застоявшаяся лошадь. Бэринджер несколько раз «пшикнул» движками ориентации. Модуль отошел от «Преимущества». Хилл проводил взглядом серо-зеленую громаду корабля-матки, ускользящую от своего отпрыска.

— Вывожу на посадочную траекторию, — продолжал межзвездное шоу штурман. — Приготовиться к перегрузкам.

Спектакль, предназначенный для налогоплательщиков и начальства, продолжался. На самом деле посадкой руководили бортовые компьютеры, а экипаж вполне мог без дела валяться в ложементах или раскладывать пасьянсы. Настоящая работа начнется там, под грязно-желтым покровом вавилонской атмосферы. А пока шоу должно было продолжаться. И извольте деловито прищуриваться и сурово поигрывать желваками, майор Хилл.

Судя по показаниям приборов, модуль вошел в атмосферу планеты по идеальной кривой. Если и даль-

ше так пойдет, промах составит не более километра. Вот только за многолетнюю службу Эда Хилла в Военно-Космических силах, ни разу еще удавалось сесть там, где рассчитывали. Как любил говаривать однокашник майора по Академии Серж Каховски: на два лаптя по карте.

В атмосфере связь с кораблем-маткой прервалась. Плазма облизывала линзовидное днище модуля, от тряски расплывались очертания приборов, перегрузка оттягивала щеки к ушам. Эд Хилл закрыл глаза и расслабился, насколько это возможно при четырех «g». Майор был абсолютно спокоен. На этом участке полета от него ровным счетом ничего не зависело. Наконец ударило снизу. Падение замедлилось. Щитки теплозащиты открылись, сквозь иллюминаторы полился дневной свет.

Эд Хилл увидел ослепительно-рыжее небо и зеленоватую перину облаков. Посадочные двигатели пожирали тонны горючего, бережно приближая модуль к поверхности чужой планеты.

— Триста пятьдесят метров, двести девяносто пять метров, двести шестьдесят три метра, — вещал охрипшим голосом Бэринджер. — Двести...

— Заткнись, Сэм! — рявкнул майор. — Они нас не слышат.

— Знаю, командир, — откликнулся пилот. — Просто валяю дурака, чтоб не выйти из образа.

— Разговоры!

Локатор показывал, что площадка внизу вполне пригодна для посадки, но пилот модуля имел право, в случае чего, отменить решение бортового компьютера. Это была процедура, освященная традицией еще со времен легендарной посадки Нила Армстронга на Луну.

— Есть касание! — доложил Бэринджер уже не для публики, а для командира. — Гравитация — норма. Вертикаль — норма. Ваше решение, командир?

— Стоп машина!

— Есть, стоп машина!

Грохот двигателей как отрезало. Ватная тишина мгновенно заложила уши. Вздохнули амортизаторы ложементов. Сила тяжести на Вавилоне была всего 0,7 «g». Удивительно легкой после четырехкратной перегрузки рукой Эд Хилл освободился от ремней безопасности.

По закрытому каналу на связь вышел руководитель полета:

— Поздравляю, ребята, мы вами гордимся. Все получилось красиво. Когда закончатся заявленные «семь минут кошмара», и пройдет блок рекламы, мы возобновим трансляцию. Рейтинг потрясающий, начальство в восторге. У вас есть немного времени перевести дух. На всякий случай, будьте осторожны с аборигенами.

«Первый контакт» должен был длиться не более пяти минут. Аборигены, конечно, миролюбивы, но черт знает, что творится в их головах. Произнести речь, вручить подарки, установить флаг, видеокамеры, оборудование, затем с достоинством подняться на борт модуля. Камеры снимут зрелищный взлет.

— Эд, не забудь сказать, что у них здесь — тоже демократия, — продолжил руководитель полета. — И вообще, веди линию, что местные жители — наши будущие союзники в освоении Космоса, а Вавилон — важнейший форпост землян. Пиарь межзвездную программу всеми возможными средствами. Я понимаю, ты знаешь, что нужно сказать, просто мы все страшно беспокоимся. Мне вот только что сообщили, — первая леди с сыном тоже смотрят трансляцию. Не подкачайте, а? Да, и не смущайтесь, что не вы пер-

вами высадились на Вавилон. Какая, к чертям, разница: первая или третья высадка? Вы на чужой планете за двести световых лет от Земли. Вы все равно герои. Ладно! Эд, Сэм! Еще пять минут, затем начнется прямой эфир. Конец связи.

— Вас понял, — ответил Хилл. — Мы готовимся к выходу на поверхность. На западе видим сооружения аборигенов.

Составители программы полета выбрали местом посадки базальтовое плато недалеко от окраины крупнейшего города. Тут находилась обширная «промышленная зона»: несколько карьеров, в которых местные жители добывали гранит. Обработанные блоки разных размеров лежали, ожидая, пока их переволокут к месту строительства.

С натурой руководители полета не прогадали. В свете двух карликовых Солнц казалось, что глинобитная городская стена выточена из красного дерева. Сторожевые башни были окружены строительными лесами. В проеме ворот и на стенах виднелись фигурки аборигенов: любопытные по своей природе, местные жители с разумной осторожностью наблюдали за небесной ладьей, спустившейся на огненных столбах.

Неподалеку от городской стены темнел загадочный котлован, чья форма — квадрат со стороной в двести десять метров — говорила о том, что он не мог образоваться сам собой. Скорее всего, здесь было начато грандиозное, пока еще непосильное для цивилизации этого уровня, строительство.

— Эфир через пять... четыре... три...

Миллионы зрителей увидели, как отъехала в сторону тяжелая створка люка. На грунт, напоминающий рыхлый цемент, упала тень командира.

— Здесь сухо и довольно холодно, — слышался сосредоточенный голос командира, — что ж, я делаю

этот шаг во имя человечества... Соединенные Штаты Америки снова оказались локомотивом, движущим науку Земли к новым захватывающим горизонтам. Да хранит их господь!

Хилл ступил на поверхность Вавилона. Земляне могли бы обойтись здесь без систем жизнеобеспечения, — давление и состав атмосферы позволяли. Тем не менее, на голове у капитана был глухой шлем: во-первых, в него было вмонтировано множество камер и датчиков, во-вторых, шлем бы уберег череп командира от стрелы или от топора в случае, если «первый» контакт пойдет не так, как предполагалось.

Командир осмотрел посадочный модуль, который вписался точно между остроконечными скалами, нагромождениями каменных блоков и отвалами земли. Затем двинулся в сторону котлована. Следом за ним шел Бэринджер, не выпуская командира из поля зрения камер на своем шлеме. Отойдя от посадочного модуля метров на сто, Хилл снял со спины свернутый флаг, неторопливо расправил полотнище, посадил древко титановым наконечником в грунт. Вавилонский морозный ветерок распрямил ткань, и она пошла звездно-полосатыми волнами, заколыхалась, заиграла, отражаясь в зеркальном забрале шлема.

— Государственный флаг Соединенных Штатов установлен, — с искренней гордостью в голосе проговорил Хилл. — Уверен, что эта серая планета еще не ведала столь ярких цветов. Продолжаю движение. Направляюсь к котловану.

Ботинки утопали в мягкой пыли. Тут повсюду были следы: и узкие, похожие на человеческие, и глубокие отпечатки копыт, и отпечатки когтистых пятипалых лап, которые могли бы принадлежать рептилиям размером с небольшого крокодила.

— Похоже, наша птичка здорово напугала дикарей, — усмехнулся Хилл. — Думаю, это не страшно. У нас есть чем заплатить за беспокойство. С приходом человека в этом мире все изменится. Несомненно — в лучшую сторону. Во время наблюдений с орбиты мы увидели, что в городах с определенной регулярностью проводятся собрания местных жителей, поэтому можно предположить, что здесь царит народовластие в его первозданной форме. Я всем сердцем надеюсь, что...

Хилл осекся: он стоял на краю котлована и смотрел вниз. Мягкий грунт был вынут, скальное основание — обнажено. Зрители на Земле увидели яму внушительных размеров, вдоль ее стен тянулись деревянные пандусы. На пандусах остались блоки, которые бросили строители, испугавшись посадочного модуля. На дне котлована, вплотную друг к другу лежали гигантские плиты. Осталось совсем немного, чтобы прикрыть ими скальную поверхность. У дикарей получалось очень ровно и аккуратно.

— Командир! — раздался голос Бэринджера. — Наблюдаю аборигена в непосредственной близости от посадочного модуля.

— Принято, — задумчиво отозвался Хилл. — Возвращаюсь к модулю.

Долгий, знойный день подходил к концу, когда за городом опустилась огненная колесница. Старый Хо, который раньше работал каменщиком на закладке фундамента, покуда сорвавшийся с лебедки груз не перебил ему голени, едва успел отползти в тень росшей у пересохшего колодца сикиморы. Струи раскаленного воздуха взметнули пыль, сделав и без того жаркий вечер еще жарче, и колесница утвердилась на полусогнутых паучьих лапах.

Старый Хо прокашлялся, протер заскорузлыми пальцами забитые пылью глаза, и, отгаливаясь ладонями от земли, пополз к колеснице. Силуэты в серебристых одеждах он увидел не сразу. Они были полупрозрачными, а временами исчезали вовсе, превращаясь в вытянутые темные пятна. Хо быстро смекнул, что перед ним — владельцы огненной колесницы. Ни одно живое существо в Баби Лу не излучало так мало тепла.

Калека ощутил любопытство. Местные подавали ему нехотя, в основном потчевали обидными словечками и пинками. А вот эти, из небесной ладьи, его совсем не знали. Быть может, они не пожалеют для старика мелкой монеты?

Хо приободрился и протянул к силуэтам миску для подаяний.

— Спаси, господин! — занял нищий и легонько встряхнул миской.

Силуэты что-то произнесли громовыми голосами на неведомом Хо наречии. Это прозвучало, как «отименивсегочеловечествапланетыземляприветствуювас». Впрочем, Старому Хо все наречия были неведомы, кроме песьего языка Окраины, на котором, правда, побрезгует гавкать даже собака, если она родилась и выросла в Висячих Садах.

Владельцы огненной колесницы отвернулись от недостойного. И Старый Хо понял, почему. Их внимание привлекла процессия жрецов, выступившая из города. Жрецы были облачены в праздничные черные одеяния. Они несли в руках зеленые ветви, нефритовые чаши с чистой водой и опахала из разноцветных птичьих перьев. Старый Хо проворно отполз к колодцу и постарался втиснуться в глинобитную стенку, не желая попадаться на глаза городской страже, которая сопровождала процессию. Калека слишком хорошо знал, как тверды палки в руках стражников.

Процессия приблизилась к владельцам огненной колесницы, обступила их полукругом. Старший жрец обратился к пришельцам с длинной речью, в которой он рассказал, что обычно в этот час они с братьями гуляют под стенами города, наблюдая за возведением Столпа, что у них есть опухшая из красивых птичьих перьев и нефритовые чаши, что зеленые ветви они добыли в Висячих Садах, ведь там таких много.

Владелец огненной колесницы терпеливо выслушал Старшего жреца, затем указал рукой сначала в медленно тускнеющее небо, потом — в пыль под своими ногами. А потом — ткнул пальцем в сторону торчащей из земли палки, на конце которой болталось нечто несуразное, напоминающее фартук каменщика, но раскрашенный, как подол храмовой шлюхи.

— Мыпришлисмиротвсегочеловества! — прогрехотал пришелец.

И в это время шелудивый пес, который порой отнимал у Старого Хо пищу, подобрался к палке с юбкой, поднял заднюю лапу и...

«Это же — прямой эфир, — лихорадочно думал Хилл, глядя, как похожая на крокодила тварь метит флашток. Чувство, что произошло непоправимое, на миг парализовало командира. Уж лучше авария в открытом космосе, лучше перегрузки и сложнейшие маневры — в таких ситуациях он знал, что делать. — Через минуту на Земле это увидят все-все-все! Как остановить время?»

Но время было не остановить. Через одну минуту и пятнадцать секунд руководитель полета вышел на связь по закрытому каналу.

— Летим домой, Эд, — сказал он печально. — Черт с ним — с бюджетом на следующую экспедицию. Мы сюда еще вернемся. Мы всегда возвращаемся.

2

Бутон корабля вцепился корнями в мерзлую сухую землю. Его верхние лепестки раскрылись, впитывая скудное тепло восходящих Солнц. Пестики внешних рецепторов понюхали воздух. Рубка наполнилась запахами пыли, сырой глины, сукровицы, кожного эпителия и нечистот. Растительностью и не пахло, по крайней мере — живой. Флоран поморщился, чихнул и велел кораблю проветрить рубку.

— Где ты, трепетный мой? — завибрировали фитомембраны нежнейшим голосом супруги, которая еще не покидала спальной каюты.

Флоран поспешил к жене.

Сладко потягиваясь на лепестковом ложе, Флора устала сонными глазами на озабоченную физиологию мужа.

— Что случилось, бутончик? Мы уже прилетели?

— Да, фиалка моя, — отозвался Флоран. — Это может показаться смешным, но квантовые устьяца, созданные древними, функционируют.

Флора сморщила очаровательный носик.

— Ты неисправим, лепесточек мой, — проговорила она. — Как ты можешь верить в эту невероятную чепуху, не понимаю...

— Что ты называешь чепухой? — сухо осведомился Флоран.

— Теорию, с которой вы в Оранжеее Древностей занимаетесь мейозом. Будто бы ископаемые белковые

шовинисты достигли искусства выращивания квантовых устьиц.

— Теперь это не теория, — терпеливо объяснил Флоран. — Пока ты видела свои зеленые сны, я провёл наш корабль через одно из них.

— Хорошо, хорошо, не буду спорить, стебелек, — сквозь зевок проговорила супруга. — Я приму ороситель, а ты пока приготовь завтрак. Потом мы прогуляем.

Флоран проводил взглядом жену, невольно любуясь ее зеленой, шероховатой, покрытой белыми ворсинками кожей. Затем вздохнул и отправился на камбуз.

Смешивая минеральный коктейль, Флоран думал о том, что женщины порой излишне категоричны в своих рассуждениях. Флора прекрасный специалист по разведению хоморассады, но в науке постижения древней цивилизации она полный профан. Однако попробуй, скажи ей об этом, увянет на целую неделю. Тогда с опылением и не суйся. А он еще слишком молод, пыльца созревает быстро, и ее всегда с избытком.

В глубине души Флоран прекрасно понимал супругу. Белковый шовинизм, склонность к насилию, фиторабовладение — отличительные черты цивилизации зооморфов, владевшей Почвой в давние времена, ужасали любого нормального хлорофилоида. Но если бы древние зооморфы не достигли определенной стадии развития, хлорофилоиды вообще бы не проросли под Солнцем! Древние очистили атмосферу Почвы от излишнего кислорода. Древние довели производство минеральных удобрений до критического уровня. В конце концов, древние спровоцировали Великую Генетическую Революцию. И не следует забывать, что хлорофилоиды тоже на сорок процентов состоят из животного белка. Конечно, об этом говорить не принято. В порядочном обществе за такие речи можно

и стеблем схлопотать по бутону, но истина от этого не становится ложной.

Шорох оросителя стих. Флора, напевая, показалась на пороге камбуза. Флоран поспешил выбросить из головы лишние мысли. Нет, ну как он мог подумать, что его прелестная супруга может быть хоть в чем-то несовершенна?!

— Ты обворожительна, фиалка моя! — простонал он.

За ночь на сухой, истоптанной тягловыми животными, почве вырос огромный цветок. Высотой он мог поспорить с дворцом правителя города. Утром тень цветка достигла основания Столпа, и Старый Хо с удовольствием перебрался под него из-под дряхлой сикиморы. Это жалкое деревце совсем не давало тени. Открылись городские ворота. На стройку потянулись рабочие во главе с хмурыми от недосыпа сотниками. Побирушка протянул к работягам пустую миску, однако кроме пары плевков, ничего не добыл. Старый Хо сунулся было к сотникам, но добыл еще меньше, если не считать пинка под ребра. Слегка приуныв от такой щедрости, калека отполз к цветку, от которого исходила прохлада и ароматы Висячих Садов.

День разгорался, тени укорачивались. Старый Хо начал опасаться, что в знойный полдень, когда с багряных, как зев печи, небес польется жар двух Солнц, даже у самого стебля не будет прохлады. Но нынешний день не исчерпал всех своих даров. Нижние лепестки в цветочном бутоне разошлись, и перед подслеповатыми глазами нищего появились еще два цветка. Они были гораздо меньше своего собрата. Цветы повертели нежно-розовыми бутонами, и, неуклюже представляя белесые корни, двинулись к стройке. Ста-

рому Хо стало любопытно, что могли забыть среди нагромождения блоков и строительных лесов, среди пыли и глины эти субтильные создания, и он пополз следом.

Цветки поднялись на пандус, по которому рабочие втягивали самые тяжелые блоки, и замерли, подставив солнечному свету лепестки. Старый Хо терпеливо ждал, что же бродячие цветки предпримут дальше. Он даже отогнал шелудивого пса, примерившегося было полить корни того цветка, который был крупнее. Пес оскалил желтые клыки и угрожающе зашипел. Тогда Старый Хо метнул в него обломок гранита. Не успел затихнуть вдали обиженный клекот, как цветки отмерли. Более крупный спустился с пандуса и склонился над попрошайкой. Две капли росы, похожие на глаза с крохотными ярко-желтыми зрачками, отразили сморщенное лицо Старого Хо, его встопорщившиеся усики и мелко подрагивающий хоботок.

— Несчастный зооморф... — пробормотал Флоран. — Посмотри, благоуханная, как изуродовали его собратья!

Флора приблизилась к мужу и тоже наклонилась над аборигеном.

— Вот видишь, цветущий мой, — сказала она тоном, которым привыкла разговаривать у себя в хоморассаднике, — здешние зооморфы ничуть не лучше тех, что удобряли когда-то нашу Почву! Они такие же насильники и фитофобы.

— Я полагаю, Флора, мы должны показать этому погрязшему в бессмысленной жестокости миру, что такое милосердие хлорофилоидов. Может быть, тем самым мы спасем несчастную планету, растительность которой находится в унижительном рабстве.

— Совершенно с тобой согласна, Флоран. Мы должны подать пример милосердия... Но как?

— Видишь, фиалка моя, нижние конечности этого аборигена изуродованы? Мы дадим ему новые, более совершенные.

— Корни! — догадалась супруга.

— Да, — важно ответил Флоран. — Упругие, могучие корни, взамен неуклюжих, малоподвижных приспособлений из белка и кальция.

— Отличная мысль, но ведь его придется заманить на корабль.

— Разумеется... Фитореактор из корабля не вынести.

— Но он же... на нем же паразиты, а вдруг они опасны?

— Стыдись, благоуханная, — укорил жену Флоран. — Вспомни начальный курс ботаники! Паразиты зооморфов не могут причинить вред хлорофилоидам. На животных не водятся ни древоточцы, ни всякого рода фитофтора...

— Хорошо, — сказала Флора, — но как мы объясним несчастному наши намерения?

— Очень просто, фиалка моя, — откликнулся супруг. — Точно так же, как ты в хоморассаднике объясняешь несмышленишам, еще не освоившим акустическую речь, элементарные вещи.

— Языком запахов...

— Вот именно, саженец мой! Тем более, этот абориген весьма чувствителен к ним. Видишь, как подрагивает его хоботок?

Цветы благоухали. Старый Хо никогда не ощущал такого запаха. Всю долгую жизнь его сопровождала только вонь. Самые разнообразные виды вони. Лишь

изредка, когда ветер менял направление, до хоботка нищего доносились ароматы Висячих Садов. Но и они не могли сравниться с тем, как пахли эти странные бродячие цветы.

Фонтанируя запахами, они сошли с пандуса и направились к большому цветку. Калека невольно потянулся следом. Цветы время от времени останавливались и поворачивали к нему росистые бутоны, будто поджидали. Но стоило калеке приблизиться, и они продолжали путь.

У подножия Столпа дорогу им преградила процессия жрецов. Жрецы несли свитки с изречениями, бронзовые зеркала и нефритовые иглы. Сопровождающие их служки играли на костяных флейтах. Поравнявшись с цветами, жрецы запели о том, как прекрасны ледяные горы, дрейфующие в океане, как ласковы шлюхи в притонах, как беспощадны медные очи неба. Старший жрец жестом оборвал пение и заговорил, обращаясь к цветам. Ко всем — трем. Он пенял им за то, что они выросли возле Столпа, а не во дворике его любимой дочери, что они украсили собой строительную грязь, а не балкон его старой матери, что они источают аромат для нищего бездельника, а не для прелестного хоботка его супруги.

В знак скорби разорвав на груди праздничный хитон, Старший жрец приказал флейтистам играть, и процессия двинулась дальше. Стенания жреца оставили цветы равнодушными. Пение флейт еще не стихло вдали, когда разошлись нижние лепестки в бутоне большого цветка, и его малые собратья проникли внутрь. А вслед за ними — и побирушка. Он сам не заметил, как оказался в просторных, влажных, пронизанных золотистым свечением недрах цветочного бутона. Малые цветки куда-то пропали, а Старого Хо мгновенно оплели мириады клейких полупрозрач-

ных нитей. Калека не сопротивлялся. Он приготовился к боли, но боли не было. Нити держали его на весу и слегка раскачивали, будто младенца в зыбке.

Легкое жжение, которое появилось в искалеченных ступнях, было почти приятным. Старый Хо даже не испугался, когда почувствовал одеревенение в мышцах. Из матовой и ворсистой стенки бутона высушились мохнатые рыльца, напоминающие тычинки. Рыльца присосались к ступням калеки и принялись их мягко покусывать. От этих укусов прошел паралич. Немошные ноги нищего стали наливаться давно утраченной силой. Старому Хо захотелось немедленно утвердиться на них и, как в дни молодости, помчаться вприпрыжку среди рыжих скал и сикимор.

Но клейкие нити его не отпускали.

Флоран и Флора покоились на лепестковом ложе, довольные друг другом. Опыление прошло восхитительно. Флора даже призналась супругу, что ощущает в себе новые завязи. Известие не столько обрадовало Флорана, сколько огорчило. Ведь это означало, что им придется возвращаться на Почву. Юные побеги должны быть вовремя высажены в хоморассадник, тогда из них вырастут настоящие хлорофиллоиды. Флорану же хотелось остаться на этой странной планете еще ненадолго. Его заинтересовало возводимое аборигенами сооружение.

В отделе ископаемой культуры в Оранжеее Древностей Флоран изучал ветхую книгу. Как и все книги зооморфов, она была результатом чудовищного насилия над живыми. Нельзя было без содрогания прикасаться к заскорузлым, грубо сшитым листам из мертвой целлюлозы. Флоран терпел, кропотливо переводя на язык хлорофиллоидов древние письма.

«И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели расеемся по лицу всей земли...» — эти строчки казались Флорану самой квинтэссенцией цивилизации зооморфов: кичливой, жестокой и обреченной. Здешние аборигены воздвигали нечто похожее, и ему хотелось посмотреть, что у них из этой затеи выйдет. Если подтвердится, что и местные обитатели склонны к грандиозным и бессмысленным проектам, можно будет сделать вполне обоснованный вывод, что таков путь всех зооморфов Всецветной без исключения.

Разумеется, корабль не может бесконечно долго находиться на скудном грунте холодной планеты, да и будущие хлорофилоиды, которые так некстати завязались в прекрасном цветоложе благоуханной Флоры, требуют скорейшего возвращения, но Флоран не мог отказаться от своей мечты — собрать доказательства общности всех зооморфных цивилизаций. И его осенила мысль: он оставит вместо себя помощника из числа аборигенов.

Кстати, один из них сейчас проходит курс исцеления в фитореакторе.

Не будет ничего дурного, если этот страдалец вместе с гибкими и сильными корнями обретет неутолимую тягу к познанию. Вернее, к сбору и запоминанию всего, что касается столпообразного сооружения, которое воздвигают его сородичи. Достаточно ввести в стандартную программу фитореактора соответствующие коррективы.

Вдохновленный новой идеей, Флоран укрыл задремавшую супругу пушистым лепестком, и выскользнул из спальной каюты.

В тамбуре, соединяющем отсек фитореактора с жилым модулем корабля, Флоран обнаружил царапину.

Видимо, нищий не удержал равновесия и упал, оставив на лепестке глубокую сокоточащую рану.

— Тля! — выругался Флоран и тотчас обернулся, надеясь, что жена не услышала.

Старый Хо выбрался из большого цветка и, не оглядываясь, помчался к стройке. Новые ноги хоть и напоминали узловатые корни сикиморы, но оказались лучше прежних. Швырнув миску в шелудивого пса, нищий начал взбираться на строительные леса, окружающие Столп. Ему отчего-то невыносимо захотелось выяснить, что они тут без него нагородили?

3

Крис пришел в себя. Он лежал, зарывшись брюхом в пыль и мелкий гравий. Каких-либо повреждений не ощущал, сознание работало безукоризненно.

Вокруг были острые гранитные скалы и глыбы в форме параллелепипедов. В трехстах шестидесяти метрах возвышалось ступенчатое строение неизвестного назначения.

Меньше секунды понадобилось Крису, чтобы выйти на связь с Вездесущим — искином высшего порядка, которому подчинялись все квантовые порталы в этом спиральном рукаве Галактики. Вездесущий подтвердил мягкую посадку Криса и сообщил, что сигнал с планеты дойдет до Руды всего за одну минуту пятнадцать секунд. Искин порекомендовал Крису обновить прошивку.

Крис давно не бывал на Руде. Большую часть жизни он провел в далеком космосе, инвентаризируя и классифицируя планеты, к которым выводили построенные, а затем заброшенные хлорофилоидами

квантовые порталы. За это время Крису пришлось столкнуться с неисправимыми за счет собственных ресурсов системными ошибками. Поэтому он тотчас послал запрос на пакет обновлений.

Ожидая ответ, Крис выпустил из себя АОСы — автономные охранные системы, и те сразу приступили к созданию защитного периметра. Вокруг Криса генерировалась сложное переплетение пассивных и активных полей, способных при необходимости расщепить на атомы любой приближающийся к исследователю объект.

Вышла на связь Руда. Искин Центральный сообщил Крису, что тот отыскал Первопричину, и что теперь Крис должен ожидать на месте дальнейших указаний. Обновилась тактическая информация. Крис узнал, что паладины Чистоты разрушили квантовые порталы в секторе Тау Скарабея, и что в пространстве Омикрона Колобуса идет сражение. Соотношение контролируемых систем в пользу человечества Руды, но паладины не собираются сдаваться, а продолжают войну с упорством и нелогичностью фанатиков.

Затем начали загружаться обновления. Скорость была низкой — около двух килобит в секунду, лучшую древний портал этой звездной системы обеспечить не мог.

Чтобы не простаивать, Крис решил собрать сведения о планете. Сначала он просканировал окрестности радаром, затем выпустил пару дронов. Летающие автоматы передали изображение нескольких карьеров, в которых аборигены добывали гранит, и примитивного города, имеющего сотовую структуру. Крис приказал дронам осмотреть сооружение, которое возвышалось неподалеку от места посадки. Получив изображение, Крис сделал вывод, что сооружение еще не завершено. Скорее всего, практического значения

оно не имело. Это была не крепость, не производственная постройка, не склад, не дворец. «Культовое строение», — выбрал Крис из списка, развернувшегося в дополнительном окне. Подсчитал вероятность: семьдесят два процента. Значит, предположение можно было брать за основу.

На этом этапе строительства сооружение выглядело ступенчатой пирамидой с усеченной вершиной. На ее террасах копошились тысячи рабочих: мелких и хрупких на вид существ, облаченных в юбки или набедренные повязки. Некоторые носили фартуки. Одна сторона пирамиды скрывалась под слоем гравия, по этой насыпи аборигены волокли к вершине гранитные блоки.

Крис поднялся на ноги: сначала на переднюю пару, затем на заднюю. Двинулся в сторону стройки.

Вскоре стали попадаться аборигены. Они держались на почтительном расстоянии, указывали на Криса пальцем и повторяли:

— Кынчи амбу!

Крис решил поймать одного аборигена и дешифровать местный язык. Он пошарил тепловизором вокруг себя и обнаружил, что за отвалом строительного мусора кто-то прячется. Поля АОСов перешли в режим стазиса, лишив дикаря возможности сбежать. Пленник заныл, захныкал, заслоняясь от кружащих перед ним дронов пустой миской. Крис понял, что подключиться удаленно к центральной нервной системе аборигена нет технической возможности. Тогда он приказал дрону взломать мозг дикаря через глазной нерв.

Дрон выпростал щупальце, оканчивающееся мечевидным нейросенсором. Прицелился и вонзил устройство в глазницу аборигена.

★

Старому Хо довелось поработать каменщиком при закладке второй ступени Столпа, однако сорвавшийся с волокуши блок расплющил ротозею его чудесные, не знающие усталости ноги. Поэтому Хо вернулся к привычному существованию в нищете и праздности. Год за годом он жил в тени Столпа, наблюдая, как эта тень становится длиннее из-за того, что Столп поднимался все выше над землей. К Хо привыкли. Никто не гнал его прочь, когда он пристраивался в очередь к общему котлу, где варилась рыбная похлебка. Старый Хо ел вместе с рабочими, и даже строгие сотники, бывало, садились рядом, чтобы послушать истории, рассказанные на песьем языке Окраины: о первых людях, появившихся из речного ила, и о том, как они решили возвести Столп, а перед этим — города, чтобы было где жить рабочим и мастерам, а также тем, кто будет стряпать для них еду, шить одежду и услаждать чресла. Одни работяги удивлялись всезнайству калеки, другие считали, что он врет, но и первые, и вторые слушали побасенки Старого Хо с неизменным удовольствием.

В тот день Хо разбудил гулкий удар. Земля содрогнулась, словно от отвращения. С сикиморы, под которой дремал Хо, посыпались сухие чешуйки коры. Что-то большое свалилось с небес, пронзив зеленые облака. Сотники не стали прерывать работы, как это было прежде, потому, что все поняли: незваные гости безобидны; пробыв в Баби Лу непродолжительное время, они вернутся в небеса.

А потом рабочие закричали:

— Крылатый Бык! Крылатый Бык!

Хо стало любопытно. Он выглянул из-за кучи, в которую сваливали блоки с изъянами, и увидел, что к нему летят два медных горшка, окруженные красивым ореолом теплого свечения.

На фоне скал горделиво шагало невиданное существо. Телом оно на самом деле походило на быка, только не было хвоста с костяной колотушкой. Из могучих боков росли жесткие треугольные крылья, как у таракана-помойника. А вот голова походила на человеческую, разве что без осязательных усиков и хоботка.

Летающие горшки лезли в лицо, словно назойливый гнус. Старый Хо прикрылся миской и пополз обратно, собираясь вздремнуть еще. Неожиданно он почувствовал, что какая-то сила держит его на месте.

Крылатый Бык остановился. Повернул железное лицо к Хо. Калека понял, что невидимая рука, прижавшая его к камням, принадлежит пришельцу. И в это мгновение проклятый летающий горшок воткнул в глаз старика стеклянную спицу.

За всю жизнь люди причинили Хо столько боли, что он давно перестал придавать ей значение. Он даже не обижался на городских стражников и молодых рабочих, которые временами били его, били жестоко, чем попадетса под руку. Старый Хо знал, что боль пройдет, обида пройдет, разочарование — в себе и в других людях — тоже пройдет. Все пройдет, но останется жизнь, которую нужно жить. И Хо жил, покуда два Солнца скользили друг за дружкой по небосклону, а Столп рос. И никакие пришельцы не могли этому помешать.

Летающий горшок втянул в себя стеклянную спицу, и тотчас к Хо вернулась способность двигаться. Он пополз под сикимору, все еще надеясь вздремнуть, но тут из городских ворот вышла процессия жрецов в сопровождении городской стражи. На жрецах были праздничные черные одежды, которые, вобрав тепло Солнца, излучали жемчужное сияние. Жрецы несли нефритовые скипетры, морские раковины с мороженым и высушенные, ломкие рыбы пузыри.

Хо поспешил втиснуться в щель между бракованными блоками. Со жрецами, а тем более — со стражниками, ему встречаться не хотелось. Из щели наружу торчали только осязательные усики, которыми Хо улавливал колебания воздуха, и благодаря этому слышал, о чем говорят окрест.

Старший жрец обратился к Крылатому Быку с речью, в которой рассказал, что они с братьями пришли измерить тень Столпа. Что на сей раз, проходя через квартал ремесленников, они купили красивые скипетры и раковины с луковым мороженым. И спросил, что Крылатый Бык думает о рыбьих пузырях в их руках?

Крылатый Бык ответил, что рыбы пузыри представляются ему законченной формой, и рассказал, что камни шероховатые и что прошлой ночью ему снился ветер.

После этого жрецы со стражниками пошли своей дорогой, а Крылатый Бык — своей. И привела она пришельца почему-то к тому месту, где прятался Хо.

Старик выполз из щели между блоками, протянул Крылатому Быку миску для подаяний.

— Мне нужна собака, — сказал Крылатый Бык мягким голосом.

— Господин? — не понял Хо.

Тогда в воздухе перед лицом Крылатого Быка появился светящийся призрак — точная копия того самого шелудивого пса, той беспородной гадины, что часто отбирала у Хо еду.

«Задание принято», — отправил Крис в ответ на новое сообщение Центрального. И первым делом обратился к кластерам глубинной памяти.

Давным-давно, еще до Генетической революции и рассвета хлорофилоидов, на Руде существовало единое государство — Объединенная Федерация. Оно основывалось на принципах демократической диктатуры и либерально-тоталитарной идеологии. Как-то раз, во время просмотра секретного архива видеоматериалов, президенту-падишаху ОФ попался ролик, в котором было запечатлено чудовищное святотатство: некое животное прилюдно изливало на Стяг Свободы и Любви нечистоты. Президент-падишах пришел в неистовство: он посчитал, что столь глубокое оскорбление не должно остаться безнаказанным даже по истечении веков. На планету, где совершилось святотатство, отправили миротворческий штурмовой флот. Боевыми машинами управляли пилоты с интегрированными в нервную систему компьютерными интерфейсами. Однако экспериментальный и пока еще ненадежный квантовый портал выбросил военные корабли не в систему двух красных карликов, а во внегалактическое пространство. Флот был вынужден возвращаться к Солнцу на релятивистской скорости. За тысячи лет пути на борту кораблей появилась новая раса. Экипажи обрели бессмертие, став единым целым со своими машинами. И когда они вернулись, то нашли Руду в запустении. Изменились очертания континентов, вода и ветер стерли руины городов в пыль, повсюду простирались непролазные джунгли. Человеческие машины приступили к прополке. Год за годом, век за веком строили они свою цивилизацию, замещая мутировавшее и одичавшее наследие хлорофилоидов высокотехнологичными кибернетическими системами и искинами. То же самое происходило и в космических колониях Руды. Сеть квантовых порталов перешла в подчинение Вездесущему. Оказалось, что хлорофилоиды успели построить выходы более чем к десяти

тысячам звездных систем. Среди множества планет скрывалась Первопричина — мир, благодаря которому на просторах космоса возникла раса человекомашин.

И на Первопричине находилось существо, чья физиологическая потребность положила всему начало.

— Я ищу собаку, — пояснил Крис.

Абориген соображал туго. Несколько секунд он в полном недоумении пялился на Крису уцелевшим глазом, затем все-таки сморщил хоботок и издал сильную трель.

Из-за отвала земли выбралась рептилоидная тварь на четырех лапах, с длинным сегментированным хвостом и двумя рядами зубцов вдоль хребта. Она вялительно приблизилась к аборигену, сунула рыло в миску и, не найдя там ничего, рассерженно зашипела.

Крис определил последовательность задач:

- просканировать объект в трех измерениях;
- поместить биологический объект в стазис;
- транспортировать объект на Руду.

Искин Центральный проинформировал Крису, что «собака» имеет важную историческую ценность и что она должна быть погружена в анабиоз и сохранена для последующих поколений человекомашин.

Крис захватил тварь стазисом, но сработал какой-то неучтенный протокол защитной программы, и периметр, созданный АОСами, разложил «собаку» на атомы.

Это произошло так неожиданно, что Крис не поверил своей оптике. Он несколько раз ткнул в то место, где только что стояла «собака», лучом лидара. Осмотрел землю перед собой в инфракрасных, ультрафиолетовых и рентгеновских лучах.

Пыль, в которую превратилась тварь, развеял ветер.

«Критическая ошибка», — отправил Крис сообщение на Руду.

«Выслать отчет для анализа и поиска возможных путей решения», — ответил Центральный.

Скорость связи с Рудой и так была низка, а еще канал занимали загружающиеся обновления прошивки.

Центральный порекомендовал Крису перейти в режим ожидания.

Крис послушался, как поступал всегда, получая рекомендации искинов высшего порядка.

Крылатый Бык устроился возле Столпа, подобрав под себя лапы и прижав к бокам крылья. На железном лице, которое так походило на человеческое, застыло выражение безмятежности. И сотня рабочих, хакая и кричтя, потащила мимо него волокушу с гранитным блоком, скрыв на время уснувшего пришельца от единственного глаза Старого Хо.

4

Вспоминая деяния праведные и греховные, совершенные братством в пору окончания священной войны со Скверной, я, сэр Зигфрид, прозванный Воином Омеги, непременно переносусь в мыслях на далекую и дикую планету, жители которой усердно возводили Идола, нечестивым величием своим дерзко затмевающего соборы и дворцы Святой Тверди. Стар и немощен я сейчас, и руки мои уже не в силах совладать с Карающим Пламенем, которым наделил Господь каждого паладина Чистоты. Но рассудок мой ясен, и уста способны изрекать слова, дабы послужили они назиданием для юношей и молодых воинов, стоящих на страже пространств Святой Тверди и нашей веры. Волею Господа, не увижу я братьев у моего

смертного одра, и лишь раб, родом из Скверны, здесь и сейчас со мной, запоминает мои слова.

Шел год две тысячи шестьдесят восьмой от осознания Чистоты. Корабль-храм, принадлежащий па-ладинам ордена перфекционистов, проделал долгий путь от Звезды святого Антония к Звездам великомучеников Николая и Анастасия, одолев дюжину Небесных Лестниц, пока, наконец, не оказался у цели. И возрадовался каждый из братьев, и вместе с ними я — в те годы юный оруженосец славного и честно-го сэра Рутгера. Закончилось время молитв и поста, в которых проходил наш полет, и настала пора про-лить свет истины в души безбожников, обитающих на планете, столь серой и пустынной, что напоминала она нам чистилище из видений апостола Якова, жи-вым закопанного Скверной в метановый снег Без-мольной луны Ирода-4.

Получив благословление настоятеля, доброго отца Аврелия, мы приступили к посадке. Натужно гуде-ли гравитронные машины, скользил, словно в танце, корабль-храм по лиловым облакам чужого мира.

Внизу мы увидели желтую реку, цвет которой был как у потоков серы, текущих по кругам ада. На ее бе-регах раскинулся город, похожий на пустые, бесплод-ные соты, и у нас возникла уверенность, будто кара Господня уже свершилась и обитавшие здесь варвары исчезли с лица этой безрадостной земли.

Сэр Рутгер, обозревавший варварский город и его окрестности через око увеличения, сообщил, что без-божники кишат, подобно грязным насекомым, на склонах ступенчатой горы, которая извитым рогом вздымалась над пыльной пустошью, бросая вызов не-бесам. И вопль изумления сорвался с наших уст, когда мы поняли, что гора эта — рукотворна. Мы не могли

поверить, что дикари, живущие в глинобитных хижинах, способны сотворить такое сами.

— Колдовство и происки дьявола, — высказал мнение сэр Роланд, и слова его повисли в тревожной тиши.

— А быть может, и Скверна, — добавил сэр Рутгер.

В тот же миг сердца наши преисполнились решимости вступить в схватку со злом, ибо это есть долг и цель каждого паладина Чистоты. И трудно найти зло более могущественное, чем Скверна. Дьявол, живущий в иных пространственных измерениях, поджидает пропащие души, он может влиять на события в нашей Вселенной, вкладывая людям в головы дурные мысли, но Скверна — она повсюду. Она из плоти и металла. Дьявол не появится из черноты пространства, дабы испепелить мир праведников убийственными лучами энергий, как это может сделать Скверна.

Корабль-храм медленно приближался к зараженной грехом земле. Паладины же облачились в стеганные доспехи, поверх которых надели силовую броню. Перчатки на руках братьев светились; Карающее Пламя, дремлющее в них, просыпалось. Я не имел права носить боевое облачение братства, на мне была лишь кевларовая кираса, стеганные брюки, кольчужная юбка; легкий Источник окружил меня слабым силовым полем. Шлемами паладины пренебрегали.

Стоя у дверей, я истово молился. «Господи, — шептал я, — благодарю Тебя за живую душу, которую Ты подарил беспомощным творениям Скверны. Благодарю Тебя за то, что открыл нам глаза, за то, что призвал нести Чистоту мирам, поработанным Скверной, за то, что даровал нам Карающее Пламя. Господи, Ты не оставлял нас всю эту долгую и кровопролитную войну, и вот Галактика почти очищена от Скверны, — мы это сделали во имя Тебя, Господи! Осталась гор-

стка миров, погрязших во грехе, планет, на которых Скверна все еще сильна. Не оставь нас сейчас, дай нам силы пройти путь до конца и выполнить миссию во имя Твое. Да свершится воля Твоя в безграничной Вселенной. В зоны эонов, аминь!»

Двери корабля-храма распахнулись, внутрь ворвался морозный воздух. Даже сквозь невидимую прослойку силового поля я ощущал, как он холоден.

Паладины вышли наружу и построились. Сэр Рутгер, сэр Роланд, сэр Ламберт и сэр Эрик. Мое место было за их спинами, а в обязанности входило нести запасные Источники жизни для силовой брони сэра Рутгера. В бою я должен был поддерживать паладина: подзаряжать броню и восстанавливать сэру Рутгеру здоровье.

Лиловые тучи, озаренные клонящимися к закату Солнцами, сеяли хлопья снега. Вокруг того места, где приземлился корабль-храм, возвышались нагромождения блоков из грубо обработанного гранита. Выветренные скалы походили на гнилые зубы. А дальше темнела глинобитная стена, окружающая город порока.

— Скверна! — воскликнул зычным голосом сэр Роланд, и паладины приготовились к бою.

Я выглянул из-за их широких спин. Мне хотелось увидеть чудовище до того, как Карающее Пламя превратит его в груды обломков.

Скверна не походила на тех врагов Чистоты, с которыми перфекционистам доводилось сталкиваться прежде. Эта машина была очень стара, и, вероятно, даже мертва. Туловище скрывалось под настом серого песка. Виднелись лишь голова, крылья и передние лапы. Огромное человеческое лицо безмятежно смотрело вдаль, туда, где текла расплавленная медь желтой реки.

— Клянусь небесами, оно мертво! — произнес сэру Рутгер.

— Мы должны быть уверены, брат, — сказал сэру Роланд. — Скверну очень тяжело изничтожить.

— Тогда поступи так, как велит тебе Господь! — сказали сэру Роланду остальные паладины.

Сэру Роланд протянул руку к Скверне, и с указательного перста рыцаря сорвался луч энергии. В безмятежном лице возникло отверстие; края его расширялись, крепчайший металл таял, испаряясь. Луч цвета крови вошел внутрь Скверны и вскоре прожег машину насквозь, ибо нет преград для Карающего Пламени, и даровано оно нам Господом, чтобы справлялись мы с врагами человечества, неся добро, справедливость и слова веры Галактике.

Наблюдая за разрушением Скверны, я размышлял о том, что машина эта, наверное, видела времена, когда люди были созданы из древнего праха. Машины прилетели на Святую Твердь из глубин космоса. Обосновавшись на планете, Скверна нарекла себя человечеством. А истинных, Чистых людей, возродила из костей и пыли в богомерзких целях. Для Скверны мы, Чистые, были чем-то средним между домашними животными и музейными уродцами. Но Господь дал нам понимание и силу...

Я возвел очи горе, поглядел на вершину ступенчатого исполина, что возвышался над нами. И было мне видение, будто сияет там свет, образуя пятно в форме перевернутой лиры или буквы «омега», и что нимб над этой лирой. Стало мне радостно и приятно. Пал я на колени и вознес хвалу Господу. Обратили на меня паладины недоумевающий взор.

— Наш путь завершен! — пояснил я суть видения. — Война закончилась! Мы достигли мира Омеги, как и предрекал Господь в проповеди на Углеродной

Арке! Эта машина была последней! Отныне воцарится в Галактике мир!

И радость, и недоверие читал я на мужественных лицах паладинов. Сэр Рутгер, казалось, испытывал сомнения: не тронулся ли рассудком его верный оруженосец во время долгого поста. И тут мы увидели, что со стороны города к нам направляется процессия аборигенов. Все они были одеты в лохмотья грязно-серого цвета. В руках безбожники несли весы, песочные часы и нефритовые фаллосы. Сразу пришло на ум, что Скверна пропитала этот мир своими миазмами, и что души здешних жителей уже не спасти.

Дикари приблизились. Один из них обратился к нам с речью, звучащей, как отвратительное бульканье и похрюкивание.

Паладины поглядели на сэра Эрика, который был знатоком всех языков и наречий в Галактике.

— Они хулят Господа! — заключил сэр Эрик.

Сэр Роланд, в ладонях которого металось не насытившееся беспомощной Скверной Карающее Пламя, вскинул руку и разрубил богохульника от левого плеча до правого бедра. Остальные паладины дали волю праведному гневу, следуя примеру сэра Роланда. Серая, каменистая земля всласть напилась кровью безбожников.

Когда кара свершилось, мы выяснили, что за нами наблюдает еще один язычник.

Дикарь стоял на четвереньках у дыры в земле, обнесенной оградой, и смотрел на нас единственным глазом.

— Он преклонил колени пред именем Господним! — с искренним восхищением проговорил сэр Роланд.

Возрадовались братья, потому как поняли, что не все потеряно для этого похожего на чистилище мира.

Паладины обступили дикаря, обратились к нему ласково, спросили, верует ли тот в Господа.

Дикарь подхватил миску, которая до последнего момента валялась у него под брюхом, и протянул ее сэру Роланду. Снова послышалась тошнотворная булькающая речь.

— Что он сказал? — спросили паладины у сэра Эрика.

— Сказал, что до нашего появления его жизнь была пуста и лишена смысла, как эта миска, — ответил сэр Эрик. — Но, уверовав в Господа, он сможет наполнить ее.

— Посмотрите, братья, — сказал вдруг сэр Ламберт, обходи дикаря. — У язычника нет ступней. Не колена он преклонил пред именем Господним, а подавания просит у нас.

— Жаль, — сэр Роланд сокрушенно качнул головой, а затем поднял руку, намереваясь покарать дикаря.

— Не стоит, брат, — сэр Рутгер положил руку на плечо сэра Роланда. — Он — юродивый. Для него — Царствие Небесное.

— Я думаю, что он такой же богохульник, как и все его племя, — возразил сэр Роланд.

— А я говорю, что он уверовал в Господа, — настаивал на своем сэр Эрик.

Я же смотрел в серое, поддерживающееся лицо этого существа, и в мою душу прокрадывалась жалость. В пустой глазнице дикаря копошились черви, ноги его были искалечены, бока худы, а плечи и шея покрыты омертвевшей, похожей на древесную кору, кожей.

— Он — мутант, — сообщил сэр Ламберт. — В слабые его сущности были внесены изменения. Он нечист.

— Скверна, — просипел сквозь зубы сэр Роланд.

— Поощадем же, братья, — высказался мой мягко-сердечный наставник. — Его жизнь — это карта боли и страданий.

— Хорошо, — согласился сэр Роланд. — Пусть Господь решит его судьбу. Если перед нами праведник, произойдет чудо, и луч энергии не причинит вреда.

И сэр Роланд высвободил дарованное ему Карающее Пламя.

Калека завизжал, забился в корчах, а потом пополз от паладинов, волоча по земле дымящиеся кишки. Я не смог удержать вздох удивления: мне не приходилось видеть, чтобы существо, получившее столь ужасные раны, способно было передвигаться с такой прытью.

А дальше...

Дальше произошло то, что до сих пор приходит ко мне, стоит только закрыть глаза.

Калека встал на изуродованные ноги, и на нем не оказалось ни царапины. Не считая старых увечий и шрамов.

И упали мы на колени пред святым праведником, взмолились о прощении, поползли к нему, чтобы припасть губами к огрубевшим культам. Ибо Господь услышал слова сэра Роланда и сотворил чудо из чудес. Оживил невинно убиенного, как воскресил Он Фому Благоверующего, которого Скверна вышвырнула в ледяную пустоту космоса без силового доспеха.

В знак раскаяния сэр Роланд поклялся, что поднимется на рукотворную гору и останется на ее вершине до тех пор, пока Господь не простит его. Сэр Эрик сказал, что пойдет с сэром Роландом и будет молиться вместе с ним.

Сэр Рутгер, сэр Ламберт и я в ответ принесли клятву ждать возвращения братьев, распространяя слово Господне среди дикарей.

Так мы расстались. Вскоре усоп отец Аврелий — настоятель корабля-храма. Сэр Рутгер сказал, что ему больше нечему учить своего оруженосца и на правах нового главы братства перфекционистов посвятил меня в рыцари.

Шли годы, мы исправно несли слово Господне дикарям, подавали им пример праведности и аскетизма. Мы поняли, что местные жители не веруют в богов, что живут они в скромности, и их обществу неведом один из самых страшных грехов, названных Господом, — грех потребительства. Дикари самоотверженно трудились, возводя колоссальную башню, и со временем стало ясно, что башня — и есть их идол. Идол порыва созидания, которым преисполнены их бесхитростные души.

А затем зло, что осталось в обломках Скверны, прокралось в наши умы. Из корабля-храма мы переселились в город дикарей, во дворец, окруженный зарослями похожих на колючую проволоку растений, вызывающих у дикарей восхищение. Мы убили избранного правителя города и стали здесь царями и повелителями. Мы поддались греху, взяв себе в жены местных женщин. Мы ели хлеб разврата, запивая его вином безнаказанности. Позднее, раздор пожрал то, что осталось от нашего братства. Сэр Ламберт ушел в соседний город, там он собрал войско, завоевал все остальные города и кочевые племена пустоши. А затем обрушил мощь первой в истории серого мира империи на наш город.

Мы с сэром Рутгером стояли плечом к плечу, отражая нападение варваров. Вместе мы одолели отступника, но мой бывший наставник получил тяжелую рану и в конце концов умер.

Я понял, что этот пыльный мир съедает меня. Я метался по узким улочкам похожего на соты города,

словно зверь в клетке, убивая и калеча ни в чем не повинных дикарей. Нужно было покинуть планету, и как можно скорее. Там, среди звезд, я бы вернулся на путь Чистоты и снова обрел себя. Но я был все еще связан клятвой, данной братьям — сэру Роланду и сэру Эрику, которые жили в отшельничестве на вершине рукотворной горы.

Почему же Господь до сих пор их не простил?

В один из дней ледяной зимы я поднялся на борт корабля-храма, оживил око увеличения и навел его на вершину идола, возводимого самоотверженными дикарями. То, что мне довелось увидеть, убило всякое желание следовать клятве. Сэр Роланд и сэр Эрик жили во грехе, куда более страшном и гнусном, чем мы, разделяющие ложе с дикарками и обagrившие руки в крови.

Тогда я усомнился: действительно ли свят юродивый, из-за которого мы остались на планете? Совершил ли чудо Господь? Или же то были козни его извечного соперника?

Первым моим порывом было найти калеку и вновь подвергнуть его испытанию Карающим Пламенем. Но, поразмыслив, я оставил этот замысел. Мне не хотелось бросать вызов сверхъестественным силам, какую бы природу они не имели.

Я поднял корабль-храм в небеса и покинул планету, отобравшую у меня треть жизни.

Затем я вернулся в Чистоту. Сражался с варварами Иерихона и мутантами Земли Кеми, посвятив ратному делу последнюю часть жизни. Теперь я — на смертном одре, и единственное существо, способное меня выслушать — это раб из Скверны.

Да, когда-то Скверна воскресила из праха людей, теперь люди воскресили Скверну, потому что нам были нужны рабы, много рабов: сильных, ловких, ум-

ных. Людей слишком мало, а космос — безграничен. Чем больше планет оказывается под властью Чистоты, тем меньше Господа остается в наших душах. Настанет день, и круг замкнется. Проклятая Скверна снова поглотит нас. И, клянусь Небесами, я рад, что не доживу до этого скорбного часа.

Раб, ты выслушал мою историю. Скажи, как на духу, — ты ненавидишь меня?

Проклятая лживая Скверна! Твой господин умирает, как смеешь врать? Ненависть к хозяину — это чувство, обыденное для каждого раба. И ты наверняка так привык к нему, что перестал замечать.

Любишь меня? Лжец...

Почему светятся красным твои глаза?

Как те два Солнца планеты-чистилища, куда предстоит вернуться мне после смерти.

5

Они вышли из складки пространства-времени.

Окутанные то ли жидкостью, то ли газом, долго не могли определиться с формой, пока, наконец, на пыльном и каменистом плато не появились двое мужчин одинакового роста и облика, с белыми гладкими волосами до плеч. Оба в длинных, ниспадающих до земли одеждах цвета маренго.

— Взгляни, отец: сикиморы, — сказал Первый.

— Чему удивляться, сын? — отозвался Второй. — Обыкновенные сикиморы... Сорняки, в изобилии произрастающие в смысловых ущельях.

— Мне известно, — продолжал Первый, — что сикиморы — это все, что осталось от предыдущего Спазма.

— Если не считать реликтовую темную материю...

Они замолчали, глядя равнодушными прозрачными глазами на окружающее пространство.

Их взору предстал каменный город с осыпающимися стенами. Среди полуразрушенных сот гулял ледяной ветер. Над городом и всей местностью господствовала башня — многоступенчатое сооружение, опоясанное деревянными настилами, словно дряхлый неопрятный змей обвивал гору.

— Столпотворение, — констатировал Первый.

— И построим мы город и башню, высотой до небес, — неспешно проговорил Второй, — и сделаем себе имя...

В его словах, произнесенных безразличным голосом, проскользнула ироническая нотка.

— Они еще не закончили, — заметил Первый.

На вершине башни кипела работа. Трудолюбивые люди-муравьи волокли туда кирпичи и раствор. Прimitивные лебедки передавали с помоста на помост тяжелые блоки. В воздухе висела каменная пыль. Слышалось нестройное пение каменщиков, ругань надсмотрщиков и скрип деревянных конструкций.

Не касаясь босыми ступнями грязи, пришельцы подошли к древнему, полузасыпанному колодцу. Возле колодца, прячась в тени призрачной сикиморы, сидел нищий калека.

— Подай, господин! — прорыл попрошайка, протягивая глиняную миску с отбитым краем.

— Он нас видит, отец? — спросил Первый.

— Разумеется, сын. Ведь это же Старый Хо, который сидит у безводного колодца с начала времен.

Второй взмахнул рукой, в которой ничего не было, и в миску калеки упал золотой брусок. Старик охнул, выронил миску и затряс ушибленной рукой. Потом опомнился, подхватил неслышанно щедрое подаяние и сунул за щеку.

— На это золото старик мог бы купить дом, вола и жену, — прокомментировал Первый.

— Да, — отозвался Второй, — но он сунется с ним в притон, где попытается купить вино и шлюху. В конце концов слиток у него отнимут, а самого изобьют и выбросят на улицу.

— Так может, не стоило давать ему золота, отец?

— Ты прав, сын!

Второй небрежным жестом превратил свое подаяние в ничто. Нищий испуганно схватился за грязную щеку, будто у него вдруг заболел зуб. Со скорбью посмотрел единственным глазом на господина, сыгравшего с ним столь злую шутку. Хоботок его обиженно задрожал.

Никто и никогда не давал Старому Хо золото. Во всем Баби Лу не было такого богача, который мог оделить нищего калеку даже крохотной крупицей драгоценного металла. Золото добывали на перекатах горных рек, низвергающихся с вершин исполинских северных гор. Чтобы добыть несколько крупиц, старатели промывали груды золотоносного песка. От холодной воды их руки преждевременно старели и отказывались служить. Старому Хо приходилось видеть этих ни к чему не пригодных стариков с молодыми лицами. Кто станет кормить работягу, не способного даже развязать пояс женской туники?

Поэтому, когда на него нежданно-негаданно свалилось такое богатство, калека потерял дар речи. В его ушах зазвучали тимпаны, хоботок уловил аромат сладкого вина и жареного мяса, а руки ощутили теплую, шелковистую кожу... нет, не женщины, как думали эти обманщики — вола! Собственного вола! Но щедрость пришельцев, которые способны ходить, не касаясь хо-

леными ступнями пыли и каменных осколков, обернулась обманом. Так же мгновенно, как и разбогатец, Старый Хо снова превратился в нищего. Ничего, кроме разочарования, досады, да еще боли в ушибленной руке, не осталось попрошайке. Подхватив чудом не разбившуюся миску, он пополз обратно в жидкую тень сикиморы.

И вовремя, ибо из города показалась жреческая процессия, сопровождаемая, как водится, стражниками. Служки несли лохани с мыльной водой. Жрецы на ходу погружали в нее нефритовые палочки с медными кольцами и выдували огромные радужные пузыри. Пузыри подхватывал южный ветер, веющий океанской прохладой, и уносил к Столпу. Строители встречали пузыри радостными криками. Двое Обманщиков тоже обратили внимание на процессию. Они прервали свой разговор и со снисходительной скукой наблюдали за приближением жрецов.

Старший жрец поравнялся с Обманщиками, вздыбил приветливо усики и выдул самый большой и красивый пузырь. Переливаясь всеми красками мира, он поплыл было к Столпу, но тот Обманщик, который сначала одарил Старого Хо, а затем ограбил, повелительным жестом заставил пузырь вернуться. Разведя ладони, Обманщик вынудил пузырь вращаться между ними. Нищий с изумлением увидел, что радужные разводы на его поверхности меняют очертания, утрачивают прозрачность, застывают уродливыми силуэтами. Обманщик, кивая на пузырь, заговорил, обращаясь к Старшему жрецу. Старый Хо мало что понял.

Обманщик утверждал, что Баби Лу — не плоский диск, а шар, вроде этого пузыря; что возводить Столп бессмысленное и опасное занятие, что в конце концов Столп рухнет под собственной тяжестью на город. Старший жрец благосклонно выслушал Обманщика,

а потом резонно заметил, что будь Баби Лу шаром, опоясывающий его океан и великая река давным-давно стекли бы в мировую бездну, и все обитатели этого якобы шара погибли бы от жажды. Что же касается Столпа, то возводится он со всеми приличествующими предосторожностями, о чем чужеземец знать не может, ибо они держаться в строжайшей тайне от посторонних. В завершение своих слов, Старший жрец призвал Обманщиков не терзаться бесплодными измышлениями, а взяться за нефритовые палочки с медными кольцами и выдувать радужные пузыри.

— Пустая трата времени, отец, — заметил Первый. — Дикари подобны муравьям, которые знают, что следует тащить хвоинки и листики в муравейник, но не ведают, зачем это нужно.

— Я вижу, сын, с каждым мгновением оружие твоей мысли становится все острее, — сказал Второй. — Это несказанно радует меня. Во Вселенной нет ничего более совершенного, чем холодная, отточенная мысль. Еще два миллиона миров, и образование твое можно будет считать оконченным. Ты предстанешь перед Ареопагом, а я, наконец, смогу уйти на покой.

— Зачем, отец?

— Это жизнь, сын. Каждый геосиец рано или поздно должен задуматься о том, где ему провести остаток своих дней. Многослойная пространственно-временная структура Геоса давно заселена. По счастью, существует великое множество необитаемых миров, где можно со вкусом предаться любимому делу. Ты же знаешь, я мечтаю разводить селлантических котов. Этим и займусь, как только подыщу подходящую планету. Когда-то, еще до тво-

его выявления из невыявленного, я увлекался историей цивилизаций, населяющих Геос в доразумную эру. Очень поучительно, хочу тебе сказать... Первые сорок-пятьдесят тысяч лет на Геосе обитали примитивные зооморфы... Наподобие этих. — Второй показал на побирушку, скорчившегося в тени незримого дерева. — Первобытные обожали металлы. Из них они создавали так называемые машины. Машины исполняли малейшую прихоть зооморфов, но убивали естественную среду. Высшим достижением расы зооморфов стали квантовые врата, через которые они научились проникать к звездам. Кончилось это тем, что зооморфы вымерли, а на месте их примитивной культуры выросла цивилизация хлорофилоидов. В отличие от зооморфов, хлорофилоиды были скорее растениями, нежели животными. Они тоже создавали машины, но машины живые. Хлорофилоиды расширили сеть врат, которые они именовали квантовыми устьицами, но и сами, спустя сто тысяч лет, зашли в тупик. Стремясь изжить в себе животное начало, они так увлеклись процессом, что и впрямь превратились в растения — бездумные и неподвижные. По иронии судьбы, часть зооморфов выжила в далеком космосе. Чтобы спастись, они вынуждены были соединить себя со своими машинами. Так возникла раса киборгов. Киборги вернулись на Геос и обнаружили там цивилизацию хлорофилоидов, которая умудрилась окончательно слиться с природой. Киборгам были без надобности беспредельные рожи, и они безжалостно их истребили, заменив естественную среду обитания искусственной. Так был сделан первый шаг на пути к чистому абстрактному разуму. Но это была попытка с негодными средствами. Киборги не учли, что любой материальный носитель сильно ограничивает

возможности разума. Подобно своим далеким предкам, киборги тоже стремились к бесконечной экспансии во Вселенную. Сеть врат, которые они имели квантовыми порталами, стала еще более разветвленной. Кончилось тем, что киборги сошлись в смертельном противостоянии с паладинами Чистоты, — нашими непосредственными предками. Война длилась больше двадцати веков, и, как тебе известно, паладины победили!

— Откуда же взялись наши предки, если они не были ни зооморфами, ни хлорофилоидами, ни киборгами? — флегматично поинтересовался Первый.

— Детский вопрос, — отозвался Второй. — Разумеется — из Чистоты.

Поводя усиками, Старый Хо прислушивался к разговору Обманщиков. Как ни странно, он понимал их. Нет, пришельцы не говорили на песьем языке Окраины, да и на язык Висячих Садов их речь походила мало, и все-таки нищему было понятно каждое слово. Это понимание не радовало калеку. Чуждое знание втискивалось в мозг, словно стеклянная спица, выпущенная летающим горшком. Старому Хо хотелось бы убраться подальше от новых мучителей, но проклятая жажда знания, которая поселилась в нем после того, как он побывал в чудесном цветке, приковывала старика к месту.

Услышав о паладинах Чистоты, Старый Хо содрогнулся от давнего ужаса. Внутреннему зору калеки предстали пришельцы, закованные в огонь и мечущие пламя во все, что движется. Его перерезали пополам, словно дождевого червя — лопатой, и лишь благодатная, хотя и редкая тень сикиморы уберегла старика от неминуемой гибели. Неудивительно, что

Обманщики сыграли с ним столь жестокую шутку. С них станется, коль такие предки! Непонятно только, что им всем занудобилось в Баби Лу? Появляются, лопочут о непонятом, требуют странного, насмеваются над несчастным нищим. Дали ноги, зато отняли глаз. Привили невыносимое любопытство и порезали, как свинью. Одарили золотом и тут же его отобрали.

И пожаловаться некому. Кто будет слушать калеку? Когда же это все кончится...

— Я понял твою притчу, отец, — сказал Первый. — Мы, адепты абстрактного чистого разума, наследовали Вселенную. Мы вновь населили Геос. Открыли множество многослойных миров. Нам известно все. Нам подвластны материя и энергия. Но что-то заставило нас прибыть в этот дикий мир, населенный первобытными зооморфами, не продвинувшимися дальше примитивной обработки металла и камня. Ради чего мы здесь, отец?

— Посмотри, сын! — потребовал Второй. — Что ты видишь?

Первый взглянул на уступчатое сооружение, вздымающееся под облака. Заходящие Солнца посылали багровые лучи через бесплодную каменистую равнину. Тень башни накрывала город и тянулась все дальше и дальше. Казалось, она способна опоясать планету и даже затмить звезды. У подножия башни зажгли факелы. В их неверном свете рабочие принялись разбирать леса.

— Что я вижу, — проговорил Первый. — Я вижу дерзкую попытку дикарей достичь неба.

— Да, но с какой целью?

— Вероятно, они намереваются взывать с вершины башни к своим примитивным богам...

— Или озирать окрестности в поисках неведомого врага, — подхватил Второй. — Или сделать себе имя, покуда не рассеялись, или... можно придумать много всяких «или»... В том-то и дело, сын мой, что при всем своем всеведении, мы не знаем этого! Теперь ты понимаешь, зачем я тебя сюда привел?

— Чтобы я воочию увидел предел познания? — предположил Первый. — А не проще ли спросить у него? — Он кивнул в сторону затаившегося попрошайки. — Ведь этот дикарь давно здесь сидит, отец, и наверняка знает правильный ответ! Калека, конечно, обиделся на нас за фокус с золотом, но если ему дать что-нибудь... Мяса, например...

Второй покачал головой.

— Древнее изречение гласит: не спрашивай ни о чем льва в пустыне, рыбу в океане, звезду в небе, и так же не спрашивай старого нищего, что сидит у пересохшего колодца в тени невидимого дерева.

Эпилог

Полированный гранит Столпа потускнел и потрескался. Ползучие растения оплели основание. Ступени, опоясывающие его спиралью, были истерты тысячами ног. А однажды, бурной зимней ночью, острая верхушка Столпа обрушилась на город. Она пробила крышу ночлежного дома и убила множество его обитателей. Назначение и смысл Столпа утратили власть над душами жителей Баби Лу. В щелях проросли побеги сикиморы, которые не видел никто, кроме Старого Хо. Да еще, пожалуй, пса, который вновь объявился в окрестностях, чтобы ме-

тить все, что торчит из земли и отнимать пищу у несчастного попрошайки.

Нищий калека по-прежнему сидел возле бывшего колодца, от которого остался едва заметный след на земле. Его излюбленная сикимора, хоть совсем поникла и скукожилась, но все еще давала тень. Голод порой сгонял Старого Хо с места, и он выползал со своей миской на торную дорогу, по которой день-деньской шли работяги, упряжки волов тащили свежевытесанные гранитные блоки, и иногда проходили жреческие процессии. Жрецы плясали и пели, выдували радужные пузыри и лакомились луковым мороженым.

Всего в тысяче локтей от старого Столпа возводился новый. Калека не мог поработать на стройке каменщиком, как в былые времена. Он мог лишь рассчитывать на щедрость кашеваров и на доброе расположение сотников. И действительно, иногда его подзывали к общему столу, с горкой накладывали в оббитую миску горячей каши и просили рассказать о давних временах.

И Хо рассказывал. О первых людях, появившихся из речного ила, и о том, как они решили возвести первый Столп, а перед этим — города, чтобы было где жить рабочим и мастерам, а также тем, кто будет стряпать для них еду, шить одежду и услаждать чресла. Одни работяги удивлялись всезнайству нищего, другие считали, что он врет, но и первые и вторые слушали побасенки Старого Хо с неизменным удовольствием.

Лишь об одном умалчивал калека — о пришельцах. Он боялся и ждал их. Однако годы шли, новый Столп медленно, но неуклонно подбирался к небесам, но никто с них больше не спускался.

ГЕННАДИЙ ТИЩЕНКО

ТОРЖЕСТВО ЖИЗНИ

Смерти, конечно, всё живое боится и бежит от неё. Но когда надо постоять за такое, что больше себя (есть это!) — человек, схваченный смертью, говорит: помирать собрался — рожь сей! И сеет её для тех, кто будет после него, и так подаёт руку другим, и по мостику как по кладям над смертью потом перейдёт в жизнь будущего.

Михаил Пришвин

Её звали Эль. Она была тонкой и хрупкой, как силиколовый цветок Антона, виденный мною на его выставке. Лишь увидев её, я понял, почему Антон назвал свою композицию так коротко и странно: «Эль».

Я в то время работал в «Марспроекте», проектировал северный район Ареограда. Работа была довольно скучной, поскольку приходилось думать, прежде всего, о функциональной стороне проекта. О создании действительно значительного произведения архитектуры приходилось лишь мечтать.

И вот однажды мне позвонил Антон. Я не знаю, откуда он узнал о моём увлечении монументализмом и голографией. До этого звонка мы с ним знакомы не были.

Пробьса скульптора показалась мне странной, но на следующий день я дал согласие на своё участие в его необычном проекте.

Именно в этот день я познакомился с Эль...

Когда я пришёл к Антону, дома его не было. Личный андроид скульптора сверил мои антропометрические показатели с данными, заложенными в его оперативную память, и пригласил меня в мастерскую.

Признаться, в юности я тоже пытался лепить. И мои пластиковые скульптурки были даже премированы на общегородском конкурсе школьников. Но позднее, когда я побывал на Земле и увидел работы Фидия и Микеланджело, Родена и Майоля, Коненкова и Эрзы, я понял, что могу быть лишь архитектором при скульпторе-творце.

Конечно, я и раньше видел стереоскопические ролики о шедеврах ваяния прошлого, но они всё-таки не передавали чего-то самого главного. В Центральном музее Ареограда я видел большие голографии Дискобола, Венеры Милосской и даже Давида, но они тоже не произвели на меня особого впечатления.

А вот работы Антона — произвели. Несмотря на то что они были нерукотворны. То есть они были созданы в чреве компьютера и лишь потом материализованы посредством 3D-принтера.

Я вовремя понял, что мне не хватало страстности и одержимости в моих скульптурных пробах. Я всегда руководствовался разумом, а не эмоциями, расчётом, а не интуицией. Короче, я сделал совершенно правильный выбор между ваянием и зодчеством. В конце концов, правильно организовать пространство для жилья и работы или, к примеру, вокруг монумента — это тоже не комар чихнул.

Некоторые работы Антона я понимал и принимал не сразу. Но они очаровывали и без понимания того, что ими хотел сказать скульптор. О чём, к примеру, говорит красивый морской ландшафт или горный водопад?.. Или почему нам нравятся олени, розы, лилии?..

Я уже собирался уходить от Антона и набирал шифр своего вездехода, когда из шлюзовой камеры послышалась тихая мелодия, словно зазвенели росинки на волшебных утренних цветах. Затем внутренняя дверь апартаментов Антона засияла нежным сиреневым светом и откатилась в сторону.

В проёме возвышался огромный дог лунной породы.

Я в ужасе отпрянул. Пёс показался мне воплощением ночных кошмаров. Прежде всего из-за размеров. Собака Баскервилей выглядела бы щенком рядом с ним.

Остановившись посреди мастерской, дог внимательно осмотрел меня и спросил приятным женским голосом:

— Антона ещё нет? — Вопросив, пёс уставился на входящего из другой двери Антона.

Лишь теперь я заметил на лбу дога крохотный телепередатчик и почти незаметный плоский динамик.

— Не только пришёл, но и дал согласие, — сказал Антон мгновенно потеплевшим голосом.

— Я тоже сейчас буду, — пропел голосок из передатчика. — А пока послушайте мою новую мелодию. Возможно, она нам пригодится...

Комната вновь наполнилась перезвоном невесомых хрустальных колокольчиков. Звуки были непередаваемо тонки и чисты. Не верилось, что раздавались они из электронной фичи, закреплённой на лбу огромного пса.

Постепенно хрустальный перезвон стих, и из завораживающей бесконечной дали полилась тихая печальная мелодия.

Это был голос Эль. Именно такой, с таким голосом я её и представлял по рассказу Антона. Не верилось, что одним голосом, одной лишь мелодией мож-

но столько передать и без единого слова так выразить светлую печаль.

— Постарайтесь ничему не удивляться, — сказал Антон, когда мелодия стихла. — Эль вообще странная... Она всегда присылает Зевса, когда опаздывает.

Услышав своё имя, дог, дремавший посреди мастерской, открыл глаза и вопросительно посмотрел на Антона.

Скульптор хотел ещё что-то сказать, но в это время пёс повёл ушами, прислушиваясь к чему-то. Затем он вскочил на свои длинные лапы и, покачиваясь из стороны в сторону, побежал к двери.

И в это же мгновение в комнату вошла Эль...

Я провожал Эль через весь Ареоград.

Мы шли пешком, несмотря на то что приближалась морозная марсианская ночь и редкие прохожие торопились в свои тёплые дома.

Зевс бежал впереди нас, и его лохматые лапы, привыкшие на Луне и не к таким перепадам температур, оставляли глубокие следы в оранжевом песке, нанесённом на мостовую недавней пылевой бурей. Небо в тот памятный вечер было особенно розовым от ещё не осевших после бури песчинок.

По дороге я узнал, что Эль всего неделю назад прибыла с Весты и остановилась в отеле, близ космодрома.

Здесь, на Марсе, она ещё никого не знала, кроме Антона.

Когда мы добрались до космопорта, крохотное Солнце уже приближалось к близкому горизонту и на розовом небосклоне тускло сияли Фобос с Деймосом.

Сняв опостылевшие комбинезоны и кислородные маски, мы долго гуляли по центральной оранжерее

космопорта. Откуда-то доносился плеск воды и смех купающихся в бассейне детей. Пение птиц, собранных здесь почти со всех земных континентов, навело воспоминания о Земле.

Мы молча шли, пока не забрели в зону деревьев средней климатической зоны Земли. Здесь было прохладнее, чем в центре оранжереи, под палящими лучами светильников, имитирующих излучение земного Солнца. Опавшие лепестки цветов и прелые листья распространяли неповторимый аромат земной осени. Не хватало лишь курлыканья журавлей, летящих клином в жаркие страны, да голубизны земного неба с пушистыми облаками, чтобы окончательно забыть о том, что всё окружающее — лишь крошечный земной оазис, воссозданный в ледяной марсианской пустыне. Не верилось, что всего в нескольких метрах отсюда в это самое время свирепствует стоградусный марсианский мороз и завывает буря, по сравнению с которой любой земной тайфун показался бы лёгким ветерком.

Потом мы сидели на скамейке перед плакучей ивой, и Эль рассказывала о рождении своего замысла. Она говорила тихо, но я почти дословно запомнил её рассказ. Позднее я восстановил его с помощью мнемографа.

Вот эта запись...

...Однажды я увидела сон. Не удивляйтесь тому, что я расскажу, ведь во сне всякое может случиться.

Я шла по пустынному берегу моря, и душу мою сжимала печаль. Такая вселенская печаль может быть лишь, когда потеряешь самых близких людей.

Мне не хотелось жить, слёзы теснили волю к жизни...

И вдруг я увидела на берегу белого моря группу ребяташек. Не знаю, возможно, это было Белое море севера России, но оно и впрямь было белым от пенящихся волн, накатывающих на берег. К тому же над морем стелился белый туман, непроницаемый уже в каких-нибудь десяти метрах от берега.

Именно там, на границе видимой зоны и тумана, плавали огромные шары, вроде курортных снарядов, в которых бегают по волнам. С той лишь разницей, что диаметром эти шары были намного больше. К тому же они были не прозрачные, а белые. Я почему-то очень отчётливо запомнила каждую деталь окружающего меня странного пейзажа.

Неожиданно от играющих детей отделился маленький светловолосый мальчик. На вид ему было лет десять, но глаза у него были мудрые и усталые. Словно он прожил сотню лет. И ещё мне показалось, что волосы у него седые.

Мальчик подошёл ко мне и улыбнулся. Его серые глаза были полны печали, но он улыбнулся так светло, что я, глядя на эту улыбку, не могла не улыбнуться в ответ. И это несмотря на всю боль неведомой мне потери.

И после этой улыбки мне вдруг стало легко. Я смотрела на мальчика, и его глаза становились всё более живыми и весёлыми. Он уже не улыбался, а хохотал. Он смотрел на меня, и что-то во мне, видимо, так смешило его, что он, несмотря на всю несуразность этого, не мог удержаться от смеха.

И, глядя на него, я не могла не смеяться.

И постепенно боль моя ушла. Она растворилась в том странном тумане и в улыбке мальчика...

Помню, потом мы долго бродили по пустынному берегу и странный мальчик рассказывал мне свою необычную историю...

Это произошло незадолго до моего появления на этом пустынном берегу. Был ясный летний день, и дети играли на берегу спокойного лазурного моря. Поначалу они бегали и плескались друг в друга водой, а потом начали плавать на тех странных белых шарах, что я видела в море.

Я не представляю, как дети могли играть на этих шарах, как они вообще могли на них удержаться, но когда светлый мальчик рассказывал мне об этом, я ничему не удивлялась.

Некоторое время спустя ребята, и мой светлый мальчик в их числе, отплыли на белых шарах далеко от берега.

И в это время разразилась буря.

Дети, как могли, пытались приблизиться к берегу. Они звали на помощь, плакали, но поблизости никого не было, и их в конце концов унесло в бушующее море.

Бесконечно долго ураганные ветры носили шары с детьми по морю. Испуганные ребята, окоченевшие от холода, жались друг к другу, изо всех сил пытаясь удержаться на шарах.

Лишь много дней спустя один из шаров с детьми нашли у берегов Африки.

Только один шар. Тот самый, на котором находился светлый мальчик.

Дети были едва живы, и их с трудом удалось вылечить.

— Как же вам удалось перенести все эти испытания? — удивлённо спросила я, когда мальчик закончил свой рассказ.

Ведь я, та, что жила во сне, не знала, что всё происходит во сне. Поэтому моё удивление было вполне естественным.

В ответ на мой вопрос странный мальчик долго смотрел на меня, словно сомневаясь, стоит ли доверять мне тайну. Пойму ли... Видимо, я внушала ему доверие. Во всяком случае, он в конце концов вздохнул и сказал:

— Просто все эти дни, что мы были в море, я... смеялся...

Слова мальчика настолько потрясли меня, такой вес и смысл они имели во всём этом странном сне, что я проснулась...

Конечно, сейчас это может показаться странным и даже глупым, но этот сон тогда потряс меня и стал руководством к действию...

После этих слов Эль долго и внимательно разглядывала моё лицо и лишь вслед за длительной паузой, которую я так и не посмел прервать, продолжила свой рассказ.

Я, признаться, тоже был потрясён. Эль, видимо, обладала неким гипнотическим даром. Даже самые обыкновенные слова из её уст звучали воистину магически. Но скорее всего, имело место и невербальное воздействие. Может быть, поэтому я и воспринял рассказ Эль сразу и серьёзно.

Как и важнейший подтекст её сна...

— После этого сна я и задумала комплекс «Реквием», — продолжила Эль свой рассказ. — Я не успела поведать вам о причинах своего подавленного состояния. Дело в том, что я тогда потеряла сразу всех близких людей, и порою мне не хотелось жить. Мне казалось, что жизнь моя больше не имеет смысла и я... Впрочем не стоит об этом. Всё уже прошло... Этот сон дал мне понять, что даже из собственной боли чело-

век может и должен выплавлять оптимизм и поддержку для окружающих. Сеять вокруг пессимизм, апатию и нытьё легче. Но это недостойно сильных. А я себя считала... — Эль на мгновение замолчала, потом упрямо вскинула подбородок и с вызовом посмотрела мне в глаза. — Я себя считаю сильным человеком! Поэтому я и задумала этот комплекс...

Прошло достаточно много времени прежде, чем я осознал всю глубину замысла Эль. Но ещё больше времени мне понадобилось, чтобы я понял истоки этого замысла и его значение в жизни самой Эль.

Позднее я узнал, что во время катастрофы на спутнике Юпитера Амальтее погибли почти все сотрудники станции, то есть все люди, окружавшие Эль с самого рождения.

Да, Эль родилась на Амальтее, в условиях ничтожной гравитации. Это произошло из-за аварии и опоздания рейсового планетолёта, который должен был доставить мать Эль на Марс.

Почти всю жизнь Эль провела в системе Юпитера. Лишь один раз она была на Земле, но земное тяготение было для неё невыносимо. Даже на Марсе она с трудом выносила цепи его поля тяготения. Эль стала одной из тех, кто, родившись по разным причинам в условиях малой гравитации, оказались навечно оторванными от Земли.

Родители Эль ради дочери навсегда остались в системе Юпитера. Девочка была единственным ребёнком, растущим в этом суровом ещё необжитом мире, и неудивительно, что она стала объектом внимания и любви всех работников станции на Амальтее.

К пятнадцати годам Эль побывала на Ио, где любовалась самыми грандиозными в Солнечной системе

извержениями вулканов, плавала подо льдами Европы. Один раз она побывала даже на спутнике Сатурна Титане и любовалась его горами, реками и озёрами, которые издали напоминали земные ландшафты.

Эль не представляла себе жизни вне этого мира. Она любила, конечно, и Землю, на которой побывала лишь раз, но родиной её была Амальтея с огромным диском Юпитера, вечно плывущего по чёрному небосклону. И небо без этого полосатого диска казалось ей чужим, как кажутся землянам чужими небеса иных планет.

И вот весь её мир исчез. Погибло всё её человечество. Эль сама чудом осталась живой. Всего из обитателей станции на Амальтее спаслось пятеро. Именно они и поддержали Эль в трудные дни.

Более трёх месяцев Эль странствовала в системе Юпитера, но вид полосатого гиганта теперь навевал слишком много воспоминаний.

Ещё три месяца заняли поиски новой родины по всей Солнечной системе, пока она не поселилась в поясе астероидов, на Весте. За это время Эль окрепла духом и задумала свой «Реквием».

Для реализации замысла она прибыла на Марс...

Мы втроем много говорили об идеологии будущего ритуального комплекса. И меня поражала глубина знаний Эль. Ведь ей было всего двадцать лет! Однако всё прочувствованное и передуманное ею за полгода, прошедшие после гибели близких, а главное — страшное знание неотвратимости собственной участи, ускорили взросление Эль.

На протяжении десятков веков уход человека из жизни сопровождался разными обрядами. Вера в загробную жизнь нужна была для оправдания серой

и в большинстве своём рабской жизни. Терпи, раб, и на небесах тебе воздастся! Да, многие верили, что за все муки и терпение их ждёт награда в потустороннем мире. И эта вера, в какой-то мере, поддерживала их в трудные минуты. Но наука развеяла веру в рай и ад. Во всяком случае, в том примитивном изначальном понимании.

И слабые духом впали в отчаяние. Религиозные ортодоксы обвинили науку в том, что она источник песимизма и опустошения людских душ. Верой в заслуженное воздаяние после смерти они подменяли веру в Человека. Но ведь именно эта вера в награду или наказание после смерти и являлась растлителем душ! Особенно растлевала возможность купить индульгенцию за свои грехи. Получалось, что можно грешить, а потом откупаться от наказания, после смерти! Человек низок по природе своей, внушали жрецы. Лишь боязнь наказания после смерти может спасти его от окончательного падения.

Таково, в общем-то, содержание всех основных религий.

Да, человек пока несовершенен, но всё худшее в нём постепенно отмирает и отомрёт окончательно рано или поздно. Такова, к счастью, реальность. Конечно, совершенствование человека и морально-нравственных основ общества медленный и трудный процесс. Но он идёт! И главное — этот процесс необратим. Иначе человечество просто не выживет! Изменение системы политического устройства общества, развитие наук, особенно гуманитарных, новый уровень воспитания личности — вот основы расцвета мира Человека!

В пору работы над «Реквиемом» Эль не раз повторяла нам слова Пришвина: «Самое удивительное в жизни, что не только человек, но и все животные и рас-

тения, обречённые на короткое, иногда до мгновения, существование, живут, не думая об этом, живут, как бессмертные боги, и это несомненный факт, а дальше идёт разделение мнений: одни понимают жизнь как обман, другие — как личное свидетельство бессмертия».

В молодости мы редко задумываемся над вопросом о неизбежности смерти. К чему? Ведь старость и смерть ещё так далеки! А в зрелые годы нам и во все некогда думать об этом, ведь всё время занимают работа, семья, дети... Лишь тяжёлая болезнь, а в ещё большей степени потеря близких заставляет нас вспоминать об общем для всех нас конце.

Это самые трудные минуты жизни. И надо иметь силу, чтобы пережить эти минуты и переплавить их горечь в веру. Но веру во что?! В красоту и высшую гармонию жизни? В важность самой борьбы за жизнь? Наверное, всё-таки так...

Целью погребальных обрядов и являлось укрепление веры в жизнь. Он, человек, умер, а мы, его близкие, сидим и поминаем его. И жизнь продолжается, наперекор всему! Вот главный смысл ритуала погребальных обрядов!..

Да, знание жестоко: нет загробной жизни и невозможно абсолютное личное бессмертие. Ведь всё имеет начало и конец. Возможно, в будущем удастся продлить жизнь человека на тысячи лет, но конец неизбежен, и никто не минует его. Во всяком случае, — в обозримом будущем.

И Эль, эта хрупкая девочка, оказалась сильной. Во время катастрофы на Амальтее она тоже была облучена. Она знала, что её смерть неизбежна, и отдала последние месяцы своей короткой жизни тому, чтобы в труднейшие минуты жизни слабые могли укрепиться духом.

А ведь слабость нередка, ибо лишь по контрасту с ней чувствуется сила.

Как по контрасту с невзгодами чувствуется счастье...

Как-то Эль спросила у меня, почему я стал архитектором.

Мы сидели у меня в мастерской, и я показывал ей свои проекты. За окнами розовел марсианский закат, окрасивший стены моей обители в сиреневый цвет, в камине неярко шелестел неяркий псевдоогонь, а я рассказывал Эль о Растрелли и Пашкове, Корбюзье и Леонидове...

Уверен: у каждого архитектора есть, хотя бы в задумке, нечто такое, что в его время ещё трудно, а часто просто невозможно реализовать. Проекты и прогнозы Корбюзье и Леонидова овладели умами зодчих лишь через десятки лет после их появления. Технологии первых лет двадцатого века просто не позволяли возводить среди нетронутого окружающего ландшафта километровые стеклянные небоскрёбы с междуэтажными садами.

Архитектор по природе своей должен быть футурологом, ведь он формирует будущий лик планет. Часто реализация проектов затягивается на годы и десятилетия, и нередко проекты, ещё даже не будучи претворены в жизнь, морально устаревают. А ведь технические возможности и эстетические воззрения меняются всё быстрее. На Земле выход был найден в мобильной, трансформирующейся архитектуре. Но то на Земле. На других планетах человечество пока не может позволить себе такой роскоши.

Вне Земли мы, архитекторы, вынуждены думать, прежде всего, об экономии и функциональности.

Здесь, на Марсе, к примеру, мы обязаны, прежде всего, обеспечить комфортные условия в условиях низкого давления, стоградусных морозов и смертоносного облучения космическими лучами. И всё это при ограниченных пока ещё технических возможностях и скудости сырьевых ресурсов. Потому нам и остаётся лишь художественно и функционально организовать искусственную среду, созданную в марсианских кратерах и каньонах.

Конечно, каждый из нас мечтает об уникальных сооружениях, которые благодаря малой силе тяжести могли бы выглядеть весьма необычно, а главное — не походить на традиционную архитектуру Земли. Но обычно увы приходится заниматься текучкой.

Может быть, поэтому меня так заинтересовала задумка Эль...

Мы очень торопились, но всё равно работа над проектом заняла почти три месяца. В первые дни я, признаться, не верил, что за такой короткий срок можно создать что-то значительное. Скорее всего, мы с Антоном вовсе не справились бы с этой задачей, если бы не Эль. Она была нашей музой, катализатором и самым строгим критиком. Эль могла создавать атмосферу, в которой мы буквально фонтанировали идеями.

— Надо использовать все средства воздействия на человека, — говорила нам Эль. — Не только зодчество и ваяние, но и живопись, и музыку... и, может быть, даже литературу, стихи, прежде всего. Сам ритуал должен быть разработан с учётом знаний психологии и драматургии. Кроме того, можно применить голографию и 3D-моделирование... Короче, — все новейшие достижения! Ведь в этот час скорби мы должны показать человеку всё величие и бессмертие жизни,

её преемственности, не умаляя при этом трагизма момента. Одним из главных средств воздействия должна быть музыка. Я уже подобрала кое-что из Моцарта, Баха и Бетховена, но я чувствую, что это не должно быть обычное воспроизведение записей их гениальных творений. Было бы замечательно, если бы это была цветомузыка, льющаяся с неба...

— Цветомузыка с неба... — задумчиво пробормотал Антон. — Сполохи, аналогичные полярным сияниям, и могучие аккорды органа из поднебесья...

— Жаль, что пока здесь ещё нет облаков, — сказала Эль. — На них можно было бы проецировать изображение лазерами...

— Старо. — Антон скептически ухмыльнулся. По его лицу было видно, что его вот-вот осенит гениальная идея.

— Будем размышлять вслух, — предложил я. — Итак, вариант под девизом «Полярное сияние»!..

— Именно! — перебил меня Антон. — Что такое полярное сияние?! Это свечение определённых слоёв атмосферы под влиянием частиц космического излучения...

— А любое излучение, к примеру, со спутника, можно модулировать, — подхватил я.

— Следовательно, можно модулировать и свечение небес. — Антон гордо обвёл взором притихшую аудиторию, то есть меня и Эль.

— А магнитное поле? — Эль насмешливо сощурила свои огромные глаза. — Ведь Марс не Земля...

— Именно! — воскликнул Антон. — Создать локальное электромагнитное поле для современной техники — пустяк! — Антон победоносно взглянул на меня. — По этому принципу можно генерировать и небесную музыку! У меня есть приятель-физик, он додумает детали...

— А ведь и правда, — проговорила Эль, — определённый слой атмосферы, взаимодействуя с модулированным излучением, может служить своего рода гигантской мембраной, преобразующей в акустические колебания пульсации силового поля!

— Вы представляете, что это такое?! — спросил Антон зычным голосом. — Со спутников можно облучать атмосферу хоть всей планеты! И тогда небеса будут низвергать музыку Чайковского, Рахманинова, Скрябина... Цветомузыкальная симфония небес!..

Вот так примерно и рождались наши идеи. Конечно, иногда эмоции, сопровождавшие появление идей, во много раз превосходили ценность самих идей, но, как бы то ни было, почти половину наших замыслов реализовать удалось. Может быть, сыграло роль то, что мы оба были влюблены в Эль и форсировали работу своих нейронов до предела? Возможно. Но, в любом случае это была заслуга Эль...

И вот я вновь иду по дороге, высоко вознесённой над ржавой пустыней, к Реквиему.

Вечер. Небо из розового стало тёмно-фиолетовым, и уже всю светят Фобос с Деймосом.

Когда мне трудно, я прихожу сюда. Это место скорби и душевной боли является для меня духовным чистилищем. Здесь я черпаю силы.

И не один я.

Перевалив через склоны «Кратера Бессмертия», дорога устремляется к чаше Крематория. Но это здание ещё не весь «Реквием», а лишь его материально-вещественная основа. Сам комплекс, фактически, виртуален, ведь его основная функция чисто духовная и возводит гигантские конструкции и обелиски из камня и бетона было необязательно. Видения «Реквиема» по-

являются автоматически, лишь с приходом в эту пустыню человека.

По широкой лестнице, выложенной плитами чёрного родонита, я поднимаюсь на гребень кратера, и постепенно впереди, из-за скал вырастают центральные голографические обелиски комплекса.

Я знаю, что это голография, включённая автоматами при моём приближении, но эмоциональное воздействие от этого знания нисколько не меньше.

Конечно, если бы не помощь компьютеров, на которых мы просчитали масштаб, композицию и все курсы комплекса, фальшь подмены чувствовал бы кто угодно.

Но надежды Эль оправдались: наша работа увенчалась успехом. И изваяния Антона, и мои архитектурные макеты, увеличившись в размерах в сотни раз, во много раз усилили и своё воздействие на всех приходящих сюда. Если бы мы с Антоном были скованы заботами об экономии материалов и трудовых затрат, мы никогда бы не смогли настолько раскрепостить своё воображение.

И в этом тоже заслуга Эль, ведь именно она предложила возвести из натуральных материалов лишь то, что будет чуть выше человеческого роста, а остальное создать средствами голографии.

Здесь на гребне кратера тихий внизу ветерок более ощутим. Возможно, это предвестник пылевой бури. Во всяком случае, когда я, сойдя с дороги начал спускаться по каменистому склону в глубь кратера, ветерок набрал силу и поднял в атмосферу столбы песка, неведомого здесь, на Марсе.

Рыжие клубы ярко вспыхивают в лучах лазеров, но я уже не замечаю ни хлещущего с всё большей силой

ветра, ни поднятых к небу кристаллов льда и замёрзшего углекислого газа, поскольку всё небо начинает светиться, и в такт с мерцающим небосводом пульсируют далёкие звуковые каскады.

Постепенно возникает таинственная мелодия, она нарастает, становится торжественной, могучей, и вот уже волны красок и звуков, устремляющихся на меня с небес, возносят меня над болью тоски и утраты. Надежды и стремления, поражения и победы — всё есть в этой музыке, созданной и завещанной нам Эль.

Но разве можно пересказать или описать музыку?! А тем более — цветомузыку, заполнившую всё пространство от горизонта до горизонта!.. Слово весь мир заполнился скорбью, состраданием, надеждой и гордостью Человека.

Да, всё происходит именно так, как мы когда-то задумали. Возносящийся всё выше конус «Реквиема» олицетворяет мятущийся человеческий дух, устремлённый к новым высотам. Творения рук Человека, мир его мыслей и чувств, видения Земли и иных далёких миров возникают то ли наяву, то ли в потрясённом сознании моём.

Я возношусь к вершине конуса, к скульптуре женщины. Эль так и не суждено было стать матерью, но в лице женщины, созданной Антоном, я вижу Эль, породившую весь этот архитектурно-духовный комплекс, ставший овеществлённым гимном бессмертию человеческого духа...

Когда я возвращаюсь домой, меня встречает дочь.

По просьбе Эль, за несколько месяцев до смерти, у неё изъяли две яйцеклетки. И вскоре у нас с Антоном появились дочери, похожие на Эль. Рождённые в искусственных плацентах методом экстракорпораль-

ного оплодотворения девочки похожи не только на Эль, но и на нас. То есть моя дочь похожа на меня, а дочь Антона — на него.

Однако моя доченька, по-моему, всё-таки больше похожа на Эль...

ДАРЬЯ ЗАРУБИНА

ЗОЛОТАЯ И АЛАЯ

Вот амазонок ряды со щитами, как
серб новолунья,

Пентесилея ведет, охвачена ярост-
ным пылом,

Груды нагие она золотой повязкой
стянула,

Дева-воин, вступить не боится
в битву с мужами.

Вергилий. Энеида

— Э, Голди! Тебе больше нигде не сидится? — буркнул Ган. — Дылда лупоглазая.

Она не пошевелилась, и в какое-то мгновение я испытал нечто похожее на страх. Лицо Золотой было настолько бледным, что в полумраке комнаты казалось меловым, мертвым. Снова где-то внутри шевельнулась мысль, что она не может быть живой женщиной.

— Поймите, мистер Ган, у этой девушки такая работа...

Он откинулся в кресле, закурил и уставился на Золотую:

— Она, брат, ни хрена не девчонка. Она чучело убогое... Да, Голди?

Она не ответила, так и сидела, прямая и тихая, разложив на коленях свой старый штопанный рюкзак, и, методично поводя иглой, пришивала очередную пуговицу.

Я пересел к ней, на самый край дивана, так, чтобы она не восприняла меня как источник опасности. Это странное чувство, что она не человек, а робот-охранник, заставляло меня быть все время настороже. Я старался не пренебрегать базовыми правилами работы с напарником-нечеловеком. Однако проблема была в том, что Золотая — живая или только подобная живой — не считала меня напарником. Мы были просто две отдельных охранно-боевых единицы.

Я не чувствовал себя охранником. Я хотел вернуться на фронт. Наверняка найдутся те, кто пожелал бы поменяться со мной местами: удрать с передовой — куда угодно, в самые отдаленные уголки вселенной, лишь бы только вернуть свою спокойную, тихую, обыденную жизнь. И я любил ее всем сердцем, до сих пор люблю — эту тихую жизнь. За нее и воюю. Точнее, воевал, пока сердце не подвело. Не выдержало. Из космофлота с таким диагнозом одна дорога — в полицию. А какой из меня полицейский? Хотя, пожалуй, это даже можно назвать везением. В мирное время мне светило бы спокойное местечко для инвалидов. Что-нибудь с бумажками и канцелярскими скрепками. Но сейчас, когда любой моложе пятидесяти, при полном комплекте рук и ног и не имеющий инвалидности в медкарте, считался годным к службе на передовой, таким как я находились вполне приемлемые варианты среди мирных профессий. Мне тридцать пять лет. Все свою жизнь я летал и дрался. Теперь я хожу по земле и — благодаря тому, что иногда прижимает слева — хожу, как по мне, чертовски медленно. Одно хорошо: все остальное служит исправно. Так получи-

лось, что я стал полицейским. И среди человеческого лома, что по военным меркам вполне подходил для служения порядку, я оказался самым крепким и подготовленным для космических перелетов. Государство решило, что слегка подштопать мне миокард дешевле, чем нанять для этой работы профессионалов. После операции сердце держалось неплохо. Не так хорошо, чтобы обеспечить мне обратный билет на передовую, но вполне уверенно для заданий вроде того, на котором я находился сейчас.

Так я оказался в службе охраны свидетелей. На первый взгляд странная замена армии. Уже почти год я стреляю в основном в тире и мотаюсь по всей вселенной в челноках с разномастными крысами, улетающими от тех, кого они заложили федералам, чтобы сохранить скудный мех на собственной шкурке.

Ган и был и не был одним из них. Такой же, как остальные, — невысокий, крепкий, с цепким и холодным взглядом стрелка, пальцами игрока и носом большого любителя выпить. Чуть за сорок, с намечающимся брюшком. Как и остальные, Ган пел как по нотам. Бывших дружков он топил десятками, но было в нем то, чего не видел в других. Все, кого я раньше охранял, бравируя своим крысятничеством или скромно и жалостливо выпрашивая себе защиту — все боялись. Боялись до намокания штанов. Только Ган был не таким.

Ган был падальщиком, и не от тяжелой жизни, а по зову души. Он с радостью трусил за любой стаей, жадно подбирая самые грязные, самые завонявшиеся объедки. И находил во всем этом гадкое, ненасытимое удовольствие. А потом — когда удовольствие кормиться при стае начинало слишком напоминать работу, Ган с легкостью находил другую, охотно скармливая своих недавних друзей новым.

Кто-то, не знавший Гана, глянув на него, сказал бы, что эта крыса бежит с тонущего корабля. Но нет — эта толстая, сытая, садистская тварь всего лишь искала другой корабль, ждала случая, чтобы впиться гнилыми зубами в новый, еще полнокровный и живой мир.

Его настоящего имени я не знал. Он просил звать его Ганом. Хотя, рассказывая о себе, он частенько говорил «И он ответил мне: «Послушай, Дикки, сынок...» или «И я сказал себе: «Чарли, пришло время сматывать удочки...» — и много чего еще. И по-моему, единственное, что было правдой из всех этих историй: Ган, как бы его ни звали, был редкостной мразью.

Возможно, поэтому, для того чтобы спасти его жизнь, властям пришлось раскошелиться на Золотую.

— Голди, — крикнул он, хотя девушка сидела всего в паре шагов, — Голди, крошка. Не принесешь ли папочке баночку холодного пива?

Золотая молча отложила рукоделие, поднялась, принесла из холодильника пару банок, поставила на столик. Ган откинулся на спинку дивана, открыл пиво и, ловко выбросив руку, ущипнул девушку за бедро. Я видел, как инстинктивно дернулась ее рука, чтобы предупредить это движение, но Золотая безупречно контролировала свое тело. Она не подала виду, что задела его фамильярностью, спокойно отправилась на свое место, но не успела сесть.

— Хорошая девочка, — бросил Ган, потягивая пиво. — Жаль, что ты такая страшенькая. Хотя...

Он почесал подбородок, отчего хрустнула отрастающая пегая щетина. В волосах Гана не было седины, а в усах и бороде проглядывали белые нити. То ли из-за этих седых усов, то ли из-за похотливой складки в углу его рта, а может — из-за желтоватого света в салоне, он выглядел старше, чем обычно. Он казался

не крысой, а старым блудливым котом, который следил за попавшей в его лапы мышкой.

Мышка подняла на него пустой, лишенный выражения взгляд и взяла с дивана свое нелепое рукоделие.

— Может, ты станцуеть для меня и моего друга офицера Дэни, — не спросил, приказал Ган, поднимая с дивана пульт. Зазвучала музыка. Тино Альбо. Я всегда считал итальянскую попсу слащавой, но Ган прикрыл глаза от удовольствия и начал в такт покачивать зажатой между пальцами сигаретой.

Я хотел возразить, но Золотая уже вышла на середину салона и медленно тряхнула волосами. Сперва это не было похоже на танец. Она только покачивалась, словно прислушиваясь к медленному, тягучему напеву. Я чувствовал, что с языка Гана готова сорваться очередная гадость, но Золотая неторопливо подняла руки, выгнула спину, склонила голову.

В ее движениях было что-то лебединое. Трудно было ожидать от ее нескладной фигуры такой удивительной, нечеловеческой пластики. Крепкие руки, излишне, на мой взгляд, крепкие. Выпуклые мышцы, вздувшиеся вены — она походила на пловца, борющегося с течением полноводной реки, и одновременно была этой рекой. Сколько природной, первозданной, немислимой силы таилось в ее изуродованном упражнении и тренировками теле. Эта дикая, варварская пляска завораживала. Так танцует подброшенный вверх клинок перед тем, как лечь в руку. Я затаил дыхание. Даже Ган засмотрелся на нее, выронил сигарету. И тотчас взвизгнул как ошпаренный, вскочил, стараясь сбросить на пол упавший за отворот брючины окурок.

— Смотри, что наделала, дурында, — взвился он, подскакивая на одной ноге. — Вот я твоему начальству доложу, как ты клиента защищаешь. Какая ты,

к язве, Золотая, если у тебя перед носом человек едва не загорелся? Разжалуют полы мыть...

Голди в одно молниеносное движение оказалась рядом, вынула окурочек и растерла в пальцах.

Признаться, я не знал, как реагировать. Парень, что сдал мне эту парочку на прошлой станции, намекнул, что «старикан любит покуражиться», но забыл упомянуть, что весь этот кураж достается не полиции, а девчонке-охраннице. Я привык к крысам, но она... Хотя бы знать, живая или робот. Инструкция четко предписывала: суп отдельно, мухи — отдельно. Золотая работает с клиентом, полиция не вмешивается. Но спокойно смотреть, как старая жаба унижает эту странную девушку, я не мог. Если бы точно знать, что она робот, можно было бы успокоить постоянно точившую совесть и не вмешиваться.

Золотая механическим движением осмотрела ткань брюк, на которой не осталось даже следа от упавшей сигареты, подняла брючину и принялась ощупывать ногу Гана. Тот прямо уставился в расстегнутый ворот ее рубашки.

— А ты что, Голди, и спишь с этой золотой тряпкой? — Ган повертел руками перед грудью, показывая, где обычно Золотые носили свою повязку.

— Да, это знак доблести, — бесцветным голосом отозвалась девушка.

— А если клиент попросит — снимешь? — глухо, растягивая слова, почти прошептал Ган, правой рукой начиная расстегивать пуговицы не ее рубашке.

— В вашем договоре прописаны «любые услуги». Орден получит очень щедрую компенсацию за сохранность вашей жизни. В рамках договора вы вольны потребовать, и ваше требование будет выполнено без оценки необходимости данного действия для обеспечения вашей безопасности и сохранения жизни.

— У, чертова машина, — прервал ее Ган. — Так снимешь этот бесов золотой лифчик, если я скажу?

Золотая холодно кивнула и отправилась на свое место на стуле.

— Куда, Голди? — рявкнул раскрасневшийся клиент и тотчас расплылся в ухмылке. — Я собрался вздремнуть. И, пока я сплю, мне совершенно точно понадобится охрана.

Видимо, Ган был слишком хорошего мнения о собственной персоне, потому как Золотая вернулась скоро, через полчаса без малого. С безразличным видом обошла все отсеки, прислушиваясь к чему-то, потом уселась на свое место и снова взялась за иглу.

— Можно? — спросил я тихо, указывая глазами на ее работу. Голди молча подала мне сумку, усеянную разномастными пуговицами. Они не образовывали ни силуэта, ни орнамента. Эта была пестрая мешанина, будто смотришь сверху на людей, в час пик стремящихся попасть в вагон метро.

— Долго? — спросил я. Странное желание заговорить с ней боролось со столь же сильным желанием говорить как можно меньше.

— Долго, — отозвалась она.

Мы помолчали. Она методично поводила иглой.

— Почему ты все это терпишь, Голди? — спросил я наконец, надеясь, что успею отреагировать, если она ударит.

— Розин, — ответила она, не поднимая головы.

— Что?

— Не Голди, Розин. Так меня называли при рождении. Голди называют всех Золотых.

Ее голос был другим. Не таким, которым она выдавала Гану информацию про договор. Это был не го-

лос охранника-андроида. Слегка хриловатый, немного резкий, но очень человеческий голос.

— Почему ты терпишь все это, Розин? — переспросил я, не надеясь на ответ. Но она ответила:

— Потому что это моя работа. И моя жизнь. Мы не спрашиваем нож, хочет ли он вскрывать банку консервов или глотку чужака, желает ли он вырезать на скамье имя твоей женщины. Мы просто направляем его — и он одинаково входит в железо, плоть и дерево. Орден — это мой дом и моя семья. Они научили меня всему, что я знаю. И мое послушание и хорошее выполнение заданий — смешная плата за все, что дали мне Золотые. И пока я выполняю договор, я — часть Ордена. Я не причиню вреда клиенту.

— А когда срок договора истечет?

— Он не истекает, — спокойно отозвалась она. — Орден всегда заботится о том, чтобы в пункте прибытия ждал новый договор. А разве в полиции не так?

— Нет, — я не удивился. Кое-что знал о Золотых по долгу службы.

— Тогда почему вы не убиваете тех, кто с вами плохо обращается? — доверчиво хлопая глазами, спросила она.

— Потому что... — Я не нашелся, что ответить. Золотая ждала, внимательно, чуть наклонив голову набок.

— Ну... потому что нельзя.

— А если бы было можно? — Спокойная логичность ее вопроса заставила меня опешить. Ее действительно интересовал мой ответ. Чуть выпуклые глаза девушки внимательно смотрели на меня. Под этим взглядом я почувствовал себя неудобно.

Ответить не успел. Взгляд Золотой стал невидящим, она замерла, прислушиваясь. Я невольно прислушался вслед за ней, но ничего не услышал. Скорее по-

чувствовал. В глубине челнока что-то едва заметно вибрировало, подстукивало, и от этого становилось тревожно.

— Вы сообщите Земле о неполадках? Или я? — наконец четким механическим шепотом проговорила Золотая.

— Это челнок, — в тон ей прошептал я. — Самый медленный, но самый безопасный транспорт во всей галактике. И самый автоматизированный. Постучит, сам себя подлатает, и долетим.

— Может, и так, — сказала девушка, глядя на меня пристально. — Побьемся — расстроиться не успеем, а на Землю сообщите — премию срежут.

Она нехорошо, по-свойски улыбнулась. И я пошел к пульту — докладывать о неполадке. Покорно скопировал данные в почтовую программу, даже не пытаюсь вдумываться, могу ли что-нибудь сделать. Я не техник, а охранник ценного федерального свидетеля. Вот если бы нас захватили пираты — это было бы моей проблемой. А так...

Но едва я нажал «отправить данные» — челнок так трякнуло, что в салоне зазвенели бокалы в баре.

Через пару минут из каюты появился заспанный Ган, злой и помятый.

— Голди, — проревел он, — тварь тупая! Какого хрена тут творится? Я чуть башку не проломил о стенку. Голди, твою!..

— Мистер Ган, — холодно сказал я. — Будьте добры сдерживать свой характер. Насколько мне известно, девушка, что нанята для вашей охраны, — один из лучших бойцов в Ордене Золотых.

— Бабыя шарашка... — вполголоса буркнул Ган, все еще петушась. Только перед ним стоял офицер полиции, а не девочка, связанная по рукам дурацким дого-

вором, и потому он с каждым мгновением становился все спокойнее.

— Она боец, который обошелся правительству в очень значительную сумму...

— И вы, дружище, уверены, что я не стою таких затрат? — развязно спросил Ган, перебивая. — Так вот — открою вам глаза... сэр. Я стою каждого цента. Потому что я единственный могу дать информацию по делу номер... — он выдержал театральную паузу... — четырнадцать-восемь-а-девянсто пять.

Победоносно ухмыляясь, Ган потянулся за коробкой сигар. И я понял, на чем основано его самодовольство. Эта толстая, гадкая крыса могла помочь перекрыть самый широкий оружейный трафик в нашем секторе галактики. Спасти тысячи жизней наших солдат. Я видел, как умирают ребята из моего отряда. Они снились мне по ночам. И живые, и мертвые. И если для того, чтобы дать шанс еще живым, нужно было защитить дряблую задницу мистера Гана — я согласен встать на ее защиту.

Видимо, он прочитал все по моему лицу, потому как ухмыльнулся еще гаже, достал из ящика гильотинку для сигар, плюхнулся на диван и похлопал ладонью рядом с собой: садись, друг, закуривай.

— А вы не думали, что может случиться, если вы окажетесь рядом, когда у нее закончится договор?

Ган отложил сигару, задумчиво почесал переносицу. Но тут же рассмеялся собственному страху:

— Не парься, дружище, — небрежно ответил он. — В том-то и фишка, что договоры у Золотых не заканчиваются. Эти тупые девки — не люди, а оружие. Такое оружие, которое нельзя оставлять без присмотра. Мои прежние друзья иногда нанимали Золотых. И поверь мне, Дэни, все было в полном ажуре, что бы они ни делали, а мои старые приятели — мужики

с фантазией. В общем, при любом раскладе, если после задания девка жива и способна передвигаться без посторонней помощи — за пару часов до окончания договора появляется юркий мужичок в черной паре и проносит новый договор. И нас с тобой будет ждать на космодроме такой сурьезный дядька.

Ган усмехнулся, показал для убедительности желтый от табака большой палец.

— Все в порядке, офицер Дэни. Все в полном порядке.

Словно в ответ его словам челнок снова трянуло, еще и еще раз. Моргнул свет. Ган испуганно всхрюкнул.

— Вот черт, — пробормотал он и снова взялся за коробку с сигарами.

— Извините, — быстро и твердо проговорила стоящая в дверях Розин, — я должна проверить каждую.

Она вынула из пальцев Гана сигару и принялась обнюхивать и ощупывать ее.

— Ты что, вообще дура? — взревел он. — Это же чертова сигара. Ее сто раз проверили и перепроверили, пока на борт доставили.

Золотая продолжала возиться, бормоча про «работу» и откладывая в сторону подозрительные на ее взгляд сигары.

— Да, чтоб тебя... — огрызнулся Ган, схватил ту, что лежала поближе, зло откусил кончик, сплюнул, чиркнул зажигалкой, закуривая. И тотчас, чертыхаясь, едва не рухнул с дивана. Золотая молниеносным движением выдернула сигару у него изо рта и бросила в угол каюты. Грохнуло. Настенные декоративные панели разнесло в щепки. Я бросился к Гану, но Золотая успела раньше. Розин ловко перепрыгнула через столик и закрыла собой клиента. Осколки и щепы

дождем посыпались вокруг нее, из множества ранок засочилась кровь.

Я почувствовал, как один из осколков глубоко вошел в мое плечо. Зажал ладонью царапину, направился к месту взрыва: оценить степень опасности, которой мы, слава богу и тем, кто учил нашу Розин, только что избежали. Ган охал и похныкивал в углу каюты, непрерывно икая и бормоча: «Мать твою... Мать твою...» Голди легко, без усилия ударила его по щеке, но голова клиента мотнулась так, словно он был тряпичной куклой.

— Ма-ать твою... — уже медленнее и тише проговорил Ган и заморгал, приходя в себя.

— Именно, — как-то само вырвалось у меня. — Розин...

Она не стала переспрашивать, просто подошла.

— Розин, ты хоть что-то понимаешь в челноках такого типа? — шепотом спросил я.

— Немного, — отозвалась она.

— Тогда попробуй нас спасти.

У нее получилось. Не знаю, каким образом. В какой-то момент швыряло так, что мы бились о стены как кегли. Я старался, насколько это было возможно, прикрыть собой Гана, не особенно заботясь о том, чтобы защитить собственное тело. Казалось, вся хваленая электронная начинка челнока как по мановению волшебной палочки дала дуба. Красноватый полумрак аварийного освещения вперемежку с кромешной темнотой, жара, от которой в голове шумело молотом, а перед глазами плавали круги. Штопаное сердце щемило нещадно. Я оказался не на высоте. Вырубился. К чести моей, вырубился, думая о том, как спасти клиента. Как спасти крысиную

шкуру, цена которой — тысячи жизней солдат. Таких же, каким был я.

А когда пришел в сознание, сперва не понял, где нахожусь.

Потому что надо мной было небо. Синее-синее, и такое высокое и прозрачное, какое бывает в полдень над пустыней. Пахло травой и дымом. Я попытался приподняться, огляделся. От челнока почти ничего не осталось.

Ган?...

Я завертел головой. И с облегчением выдохнул. Крысятина был жив. Он скромно сидел на траве, дожидаясь, пока Золотая разведет костер. Розин, в черной от копоти и крови рубашке, отточенными движениями ломала в руках ветки.

— О, офицер Дэни! Добро пожаловать на планету Мля! Полное название «Мля, приземлились!» — крикнул Ган, размахивая рукой. — Как здорово, что вы очнулись, дружище. Чертовски не хотелось хоронить. Не люблю похороны.

Золотая подошла, потрогала повязку на моей руке, бесцеремонно осмотрела зрачки, посчитала пульс.

— Где мы? — спросил я, стараясь не шевелиться. Голди невесомыми движениями сняла повязку и осмотрела рану.

— Планета Джи-884—11, Черная Циния. Сектор пять. А ты крепкий парень, офицер Дэни, — бросила она снисходительно. — Много тренируешься?

— Как все. — Мне не нравилось, что она смотрит на меня свысока. Просто некрасивая лупоглазая девчонка, выдрессированная в Ордене до потери самоуважения.

— А почему не в армии? — прямо спросила она. — Ты в слишком хорошей форме для полицейского.

— Сердце, — легко бросил я, стараясь не выдать ей, как тяжело мне дается эта легкость.

Она склонила голову, заглядывая мне в глаза.

— Сердце? Как романтика или как диагноз? — Она явно дразнила меня.

— Романтика — диагноз, а сердце — орган. Просто чертов не вполне исправный орган...

Она сощурилась, улыбаясь, и от этого стала почти красивой, как красива любая здоровая молодость, улыбающаяся Солнцу. И как я мог думать, что она андроид?! Очень высокая девушка, худая и гибкая. И совсем молоденькая.

— Хватит флиртовать, верста коломенская, — раздалось от костра. — Тебе деньги платят не за то, чтобы ты с господами полицейскими любезничала. Клиенту жрать охота так, что пузо подвело. Того гляди коньки отброшу, а ты там нашего доблестного офицера тискаешь...

Может, это было просто последствием аварии. Или природа Черной Цинии так действовала на меня своей девственной чистотой, но мне вдруг очень, просто нестерпимо, захотелось двинуть подзащитного по уху.

Золотая снова замкнулась, солнечный детский взгляд стал ледяным. Она помогла мне подняться и зашагала к костру, на ходу развязывая рюкзак. Еды там не было. Нужна ли еда настоящей Золотой? Только оружие.

— Присмотрите за ним, — тихо ответила она, рассовывая по телу разнокалиберные ножи, трубки, металлические крюки и прочие странные вещи, обращаться с которыми не учат на ускоренных курсах в школе полиции. — Я что-нибудь раздобуду.

Она бесшумно скрылась в зеленом море листьев. Я прислушался, надеясь уловить звук ее шагов, но не сумел. Не зря за Розин платили такие сумасшед-

шие деньги. Лес шумел, шептал, изредка вскрикивая на разные голоса. И я, грешным делом, подумал, что Черная Циния — это не самый плохой вариант. Нам вполне по силам продержаться пару дней и дожждаться помощи. В секторе пять не было никаких войн, на планетах почти не было аборигенов, которых можно было бы счесть достойными противниками. Дикая племена, все еще добывающие огонь при помощи палки.

— Отлить мне надо... сэр, — издевательски заявил Ган, — а то не опозориться бы перед доблестными органами.

— Санузел, совмещенный с жизнью. — Я широко обвел рукой кусты, демонстрируя богатство выбора сортира. — Будут проблемы, кричите.

Ган торопливо зашагал в сторону от черного остова челнока, на ходу расстегивая брюки. Я вполглаза следил за ним, больше думая о том, как бы Розин не попала на обед местным хищникам, добывая еду для этой жирной крысы. Хотя, пожалуй, скорее я и мистер Ган, горожане до мозга костей, окажемся закуской на этом пиршестве природы. А Золотая выживет. Как выживает сильный и осторожный зверь. Я невольно вспомнил, как она танцевала прошлой ночью в салоне. Ее сильные руки.

— Го-олди, Дэ-эн, — завопил совсем рядом скрытый за ветвями Ган. — Мать... Мать... ва...

Я вскочил, бросился со всех ног к нему, проклиная чертову природу с ее благодушной расслабленной тишиной. Перемахнул через оставленный Голди рюкзак, чиркнув по нему сапогом. Из кармашка в траву посыпались пуговицы, и я успел подумать, что Розин расстроится. Но Ган продолжал истошно вопить, и я пустился к нему.

— Там... Там... мать... — лепетал он, путаясь в кустах, цепляясь за ветки полами пиджака.

Я приготовился к бою, шагнул и... остановился, думая, как это понимать.

На траве под деревом лежал человек. Точнее, человек. Пигмей. Черный и головастый. С круглым рыхитичным брюшком, на котором алела россыпь бус. Рядом валялась разрисованная духовая трубка. Горло бедняги было перерезано, и перерезано на редкость профессионально. Один быстрый удар. Может, он даже не успел понять, что происходит.

— Кто это его? Кто... ему... — спросил Ган, заглядывая мне через плечо.

— Ему перерезали горло. Явно, человек, — ответил я ровно. — Вы же гангстер, Ган? Убивали людей, наверное. Неужели вы так боитесь?

— Нет... — отозвался он, — то есть да... гангстер. Но... я больше по финансам... Я стрелял, но, насколько помню, не убил. А его... кто?

Пройдоха заглянул мне в лицо тоскливым взглядом нашкодившего кота.

— Я.

Розин возникла словно ниоткуда. Бесшумно выросла за спиной? Сунула мне в руку какую-то мертвую птицу с безвольно болтающейся головой и пошла обратно к костру.

— Я нашла источник, так что без воды не останемся.

Бросила на траву полную фляжку. Заметила рассыпанные пуговицы, присела, стала собирать.

— Кто это? Там, в кустах? — спросил я, садясь рядом и подавая ей собранные пуговицы. — Местный? Они опасны?

— Пуговиц жаль, — отозвалась она. — Мне вечером понадобится много. А может, и нет...

Голди поднялась, сняла рубашку, оставшись только в брюках и широкой золотой повязке на груди. Встала на колени.

— Нашла время молиться, упыриха, — взвился Ган. — Может, эти недомерки уже готовятся напасть на нас. Они нам всем глотки раскроют, пока ты тут лбом в землю тычешь!

Но Золотая не отвечала, только мерно раскачивалась, шепча незнакомые молитвы и кивая в такт неслышной музыке.

— Поторопитесь с едой, — наконец произнесла она, — у нас не много времени. Я устранила разведчика, но они уже собираются. Вы все еще хотите есть, мистер Ган? Если нет, то я советую офицеру Дэни приготовиться к обороне.

Они появились отовсюду. Маленькие, темнокожие, злые, как осы. Я быстро расстрелял две обоймы. На мгновение замешкался с третьей. Обернулся, бросил взгляд на Розин и Гана. Он распластался на земле, прикрыв руками голову. Весь залитый кровью. Пигмеи бросались снова и снова, падая замертво вокруг неподвижного тела моего подопечного. И над всем этим парила она. Золотая и алая. С растрепанными светлыми волосами. С блистающими на Солнце ножами в крепких, слишком крепких руках. Она напоминала монету, танцующую на краю стола. Скорость и хрупкое равновесие. И брызги крови. Много, очень много крови. Те, что бросались на нее с длинными кривыми ножами, тотчас падали. Те, что стреляли из трубок, выбивались из сил, но сверкающие лезвия легко отражали атаки маленьких, пестро оперенных стрел. Меня спасала толстая форменная куртка, ее — нечеловеческая ловкость и скорость.

Ган пошевелился — мертвый пигмей свалился совсем рядом с его лицом, и Крыса занервничал. Заметив его движение, Золотая на мгновение замерла в своем смертоносном порхании. И один из нападавших воспользовался этой долей секунды, замахнувшись топориком. Я выстрелил. Снова и снова, пока не расстрелял остатки подчистую. И подумал, что конец. Их все еще было слишком много. Живых.

И тут я понял, что что-то изменилось. Ган все так же лежал ничком. Розин стояла над ним, готовая к бою. Но боя не было. Пигмеи побросали свое оружие и повалились перед ней на землю, громко причитая на своем варварском языке.

Золотая что-то коротко бросила им в ответ. Двое или трое побежали и тотчас скрылись в зелени. Другие остались лежать и не двинулись, даже когда она медленно пошла между ними, легким отработанным движением перерезая оставшимся горло.

Когда последний упал лицом в траву, Розин кивнула мне, чтобы я поднял с земли ее полумертвого от страха клиента, а сама принялась стаскивать в кучу трупы.

— Пойдем, прогуляем нашего мистера, — полушепотом бросила она, глядя, как Ган на подгибающихся ногах тащится к костру и долго стоит на четвереньках, пережидая бурю в желудке, — думаю, обедать он сейчас не станет. А пока гуляем, они успеют забрать своих мертвецов.

— Что они тебе сказали? Что это за язык?

— Дьявела, только ты все равно не говоришь, — ответила она, методично складывая трупики аборигенов на краю поляны. Я помогал ей. — Похож на один из диалектов дари. Я говорю совсем немного. Но хватило.

— Что они говорили? Они хотят убить нас? — Я старался, чтобы мой голос звучал спокойнее, но воз-

буждение от пережитого давало о себе знать. Голос дрогнул, я смущенно отвел глаза, а Золотая хмыкнула.

— Они хотели, чтобы я стала их... воительницей, — усмехнулась она. — Чтобы я подарила им высшее наслаждение обучаться моему искусству. Я предложила тем, кто хочет жить, убираться восвояси. Эти, — она поудобнее перехватила одного из мертвецов, которого буднично несла под мышкой, — выбрали смерть от руки великого воина...

Снова хмыкнула, сваливая на кучу тел последние два.

— Тут недалеко есть источник. Мне нужно... — Она не стала договаривать, указала глазами на свои руки и одежду, покрытую коркой подсыхающей крови. — Потом я отпущу тебя умыться и приглажу за ним. Но сейчас... я испачкана больше.

Голди ушла, растворилась в лесной зелени. А я все еще смотрел туда, где она только что стояла. Сияющая в лучах Солнца, алая от крови. Языческое божество в облике женщины. Я отчасти понимал этих пигмеев. И не желал бы никому оказаться на пути монеты, танцующей на краю стола.

— Офицер... Дэни, — Ган вцепился мне в руку, с ужасом и гадливостью глядя на гору тел, — я боюсь.

— Перестаньте, мистер Ган, — отозвался я, стряхивая с руки его цепкие пальцы. — Все уже позади, и пока с нами ваша Голди, они не сунутся.

— Я знаю, — торопливо сказал он, снова вцепляясь в меня. — Но нас ведь найдут уже сегодня? Или завтра? Да, офицер?

Его голос дрожал, язык заплетался от страха.

— Возможно, — ответил я, все еще не понимая, к чему он клонит. — Но, возможно, что помощь придет не раньше чем через сутки-двое.

— Это никак нельзя, — затараторил он. — Никак только завтра. Нас ведь спасут завтра?

— Вы так боитесь этой планеты? — Мне становилось жалко беднягу. Он трясся как осиновый лист, так что зубы лязгали при каждом слове.

— Я боюсь ее. — Он поднял было руку, но тотчас опустил, опасливо указал движением глаз в ту сторону, где скрылась Золотая. — Завтра в полночь заканчивается срок ее договора. И, поверьте мне, офицеря не стану спать. И вы не спите. Потому что если вы уснете, то...

И он вновь перевел затравленный взгляд на сваленные в груду тела пигмеев и кротко чиркнул пальцем поперек горла.

— Не говорите ерунды, мистер Ганн. — Я старался не глядеть на него: на трясущиеся дряблые щеки в пегой щетине, полубезумные от страха глаза. — Раз вы такой ценный свидетель, в договоре должны быть предусмотрены все возможные накладки. В том числе и непредвиденная задержка в пути. Наверняка в каждом договоре Золотых прописано несколько «запасных» дней на экстренный случай. Если бы эти деvuшки убивали своих клиентов, они бы не стоили так дорого.

— Вот именно, — зашлепал трясущимися губами Ганн, — дорого. Если бы я платил им из своего кармана — не стал бы жаться и считать чертовы гроши. Не ваши дураки из службы, зацикленные на этой песей войне, пожалели бабла. Обойтись вообще без временного запаса не позволили правила Золотых, так они взяли самый... — Крыса гадливо сморщился, подбирая слово, — самый экономичный вариант. Сорок восемь часов. Поэтому нас должны спасти завтра. Иначе... амба.

— Не переживайте, — ответил я, стараясь успокоить его, но чувствовал, как по спине поднимается нехороший холодок. — Нас найдут завтра. Еще дотемна.

Вечером мы молча сидели у костра, жарили мясо. Розин, тихо напевая, пришивала пуговицы.

— Может, хватит стонать, — наконец не выдержал Ган. Он дергался как на иголках. — Хоть бы спела чего повеселей. И брось эти чертовы пуговицы...

На мгновение забыв о своих обязанностях, я едва не вступился за нее. Еще час или два назад она смывала с себя кровь его врагов. Каждый справляется со стрессом, как может. И если ей легче от пуговиц — пусть себе пришивает.

— Мне жаль, что я их рассыпал, — примирительно сказал я, стараясь не обращать внимания на обиженную возню подопечного. — Если тебе нужно, возьми мои.

Я взял нож и хотел отрезать пару пуговиц с форменной куртки, но Розин остановила меня.

— Двадцать четыре... Твои не подойдут, — с трудом подбирая слова, отозвалась она, — не нужны. Не такие. И... у меня есть это...

Она достала из кармана россыпь красных туземных бус.

— Это для них даже лучше пуговиц, — со странной грустью сказала она, продевая иголку в алый шарик. — Так я запомню их. Будет проще молиться.

Я непонимающе посмотрел на ее рюкзак, усыпанный десятками пуговиц.

— Мы не забываем тех, кто ушел по нашей вине, — отозвалась она, не дожидаясь моего вопроса. — Каждая жизнь бесценна. Каждый достоин памяти и молитвы. На задании мне трудно молиться. Клиенты часто не любят смотреть, как я молюсь. Поэтому я пришиваю пуговицы, чтобы не забыть никого...

Она замолчала, откусила нитку, вдела в иголку новую.

— А вы, офицер Дэни, вы в полиции молитесь за тех, кто ушел по вашей вине?

— Мы просто стараемся не доводить до этого, — отозвался я, чувствуя, как просыпается чувство вины. — А если не получается, пишем рапорты.

— Тогда, если вы не против, я помолюсь и за ваших.

Она отложила в сторону еще шесть бусин. Ни одна жизнь не может быть забыта.

— Это так грустно, что вы не молитесь. Я думаю, поэтому болит ваше сердце...

— Да что ты знаешь, дылда лупоглазая, — бросил я, поднимаясь. Вина в одно мгновение сменилось яростью. Видимо, эта планета, настолько непохожая на нашу, действовала так: самообладание летело ко всем чертям. Пусть эта помешанная сколько угодно толкует о мировой справедливости и бьет поклоны — она не имеет права совать свой нос в дела, которые не касаются никого, кроме меня. Она знает, почему болит мое сердце! Чертова дура не знает ничего. Мастерски режет глотки и ни беса не понимает в человеческой душе.

Да если бы я мог отмолить всех, кого не сумел защитить там, на войне. Если бы я мог заставить свое сердце снова работать как надо, я первым делом бросил бы эту службу и вернулся туда, где мое место. С радостью подставил бы свое исправно работающее сердце, чтобы спасти мальчишек, умирающих во всех секторах галактики за счастье землян.

— Простите, офицер, — бросила она мне вслед. — Простите, если я причинила вам боль.

Я уселся у костра. Ган спал, свернувшись на траве, укрытый пиджаком. Бедняга так вымотался, что уже

никакой страх не мог заставить его проснуться. Я поднял голову и уставился в пестро усеянное звездами небо, надеясь, что завтра нас найдут.

Но за день ничего не изменилось. Никто не прилетел. Пигмеи время от времени появлялись то тут, то там, осторожно выглядывали из густой зелени, восхищенно смотрели на Золотую, неторопливо ухаживавшую за своим оружием.

Я молчал. Она не заговаривала со мной. Снова холодная и точная, как безупречный механизм. Ган то жался ко мне, то вновь, словно устав бояться, начинал покрикивать на девушку и раз даже хотел ударить ее. Но не стал. Голди так глянула на его занесенную для удара руку, что стало ясно — она хорошо помнит, когда заканчивается договор.

А ночью она исчезла. Просто растворилась, оставив нам еду и питье, захватив с собой только пестрый рюкзак.

Я ждал, что она бросится, своим ловким быстрым движением проведет ножом по горлу своего бывшего клиента. И потому я старался все время быть между ней и Ганом. Но она ничем не выдала себя. Просто сидела у костра, тихо напевая. Смотрела на огонь. И вдруг — исчезла. Растворилась в ночной тишине. Даже ветка не хрустнула.

Ган трясся до самого утра. Я ждал. И, наконец, поверил, что она уже не вернется. Утро забрезжило над вершинами леса. Сырая трава пахла свежестью. И первый луч, навывлет прошивший каплю росы в паутине, сверкал золотом.

С первыми лучами Солнца из леса появились они. Низкорослые воины этой земли. И среди их темных, коротких, крепких тел — высокая бледная фигура с рассыпавшимися по плечам светлыми волосами. Я едва узнал ее без привычной золотой повязки.

Крупные красные бусы спускались по ее обнаженной груди. Розин помахала мне рукой, приветствуя.

— Доброе утро, офицер! — крикнула она высоким девичьим голосом.

Ган едва не плакал. Я помахал ей в ответ:

— Доброе утро, Розин!

— Вы отдадите мне мистера Гана, Дэни? — крикнула она весело.

— Нет, — в тон ответил я, стараясь улыбнуться.

Я передал Гану оружие и начал спускаться с холма навстречу ее маленькой армии. Она тоже пошла ко мне. Мягкая и плавная, как молодая тигрица. В ней не осталось ни следа прежней холодности. Она казалась счастливой. Такой счастливой, что я невольно почувствовал, как в груди заворочалась совесть. Я увидел ее — настоящую Розин. Розин без золотой повязки, Розин, не скованную договором. Розин без доспехов своего страшного искусства.

Если бы я раньше знал, какая она там, в глубине, внутри, я не позволил бы ни одной блудливой крысе унижать ее. Если бы я раньше знал... Кто я сам. Что я могу, оправдываясь договорами и требованиями профессии, спокойно смотреть, как кто-то бьет женщину, вынуждает ее ложиться с собой в постель... потому что она сама выбрала такую работу. И получает за нее хорошие деньги.

Сейчас, когда я увидел ее, я понял, что она ничего не выбирала. За нее выбрали другие: воспитатели, наниматели, клиенты. И теперь она хотела сама сделать свой выбор: она хотела убить того, кто мучил ее. И я не мог не признать ее право на месть.

— Решайте, офицер, — мягко сказала она. — Мистер Ган все равно умрет. Если вы отойдете в сторону, я обещаю, что он умрет легко, без страданий. Но если нет — я заставлю его почувствовать всю мою боль. Я спрошу с него за каждую ночь, за каждый удар, за

каждое грубое слово и за вашу смерть тоже, потому что мне будет жаль убить вас, Дэни. Вы хороший человек и старались защитить меня, насколько позволяет вам ваш договор. Поэтому я предлагаю вам — уйдите в сторону. Скоро вас найдут, и никто не спросит с вас за смерть этой гадины.

Я молчал, глядя в ее сверкающие глаза. Живые, умные, красивые глаза.

— Дэни, послушайте меня, Дэни, — почти вскрикнула она, — я не хочу вас убивать. Послушайте свое сердце. Послушайте сердцем то, что я скажу. Загляните в будущее, которому вы служите. Будущее, в котором Ган жив. Где он под новым именем, с новым чистеньким паспортом и чужими деньгами бьет в своем доме проституток. Девочек, которые не могут защитить себя. Он будет пить пиво, есть барбекю в саду своих соседей, поглядывая на их подростков-дочерей. Он организует собачьи бои или тараканы бега... Он снова станет тем же, кем был. И вы хотите его спасти?!

Я представил.

Представил то, что она говорила. И почувствовал, как ледяной озноб рванул когтями по позвоночнику. И в тот же миг всколыхнулось где-то в глубине, там, где было больше всего, другое воспоминание. Мертвые ребята, которых я оставил на чужой земле, взрывающиеся на моих глазах корабли друзей. И лица тех, кому я принес весть об их смерти. И против всего этого на весах была жизнь гнусной, дрянной крысы.

Я неторопливо взял руку Розин, она улыбнулась широко и светло, видимо, радуясь, что не придется меня убивать.

Я приложил другую руку к груди, ухватил пальцами пуговицу форменной куртки, рванул что есть силы. И вложил блестящий золотом кружок в ее бледную широкую ладонь.

ПИКАПЕР

Город потемнел, канавы улиц родили тени. Вечерело. Косматое Солнце пылающей кляксой тонуло в багровой мгле. ГАВ, господа. Городская Антропогенная Взвесь. Дышим через дюдечко. Давление — в норме. Новый баллон, VID-X, вторая категория. Минус тридцать маней со счета. Ничего, переживем. Перетерпим. Главное — день прошел. Отец рассказывал, что раньше, в Стране, Которой Не Было, он служил в армии. Тогда всех пацанов брали в армию. Так вот, там, в этой самой ужасной армии, какие-то ужасные деды кричали им, солдатам, перед сном: «Духи, день прошел!» А отец и его сослуживцы хором отвечали: «Хорошо, что не убили!»

День прошел. Меня не убили. Хотя могли. И вправду — хорошо...

* * *

Началось всё в метро, по дороге на работу. Душное чрево старинного, десятых годов постройки, вагона, за окнами посверкивают огоньки. Люди, люди, люди...

Ввинтившись в набитый хмурыми, невыспавшимися согражданами вагон, я протиснулся подальше от входных дверей, намереваясь подремать, повиснув на засаленном поручне. Нет, сном это состояние назвать, конечно же, никак нельзя, но некая иллюзия досыпания возникает. Ты едешь, держишься, висишь, со всех сторон тебя подпирают спины, плечи, животы и задни-

цы, глаза твои закрыты, а мысли относительно спокойны — чем не отдых?

Но добраться до вожделенных поручней мне не удалось. Трое мужиков пролетарского вида и соответствующего запаха Великой Китайской стеной встали на пути. После нескольких неудачных попыток проникнуть за эту стену меня оттеснили в торец вагона, прижав к двум девушкам лет восемнадцати.

Увешанные кулонами, разнокалиберными крестами и цепочками девчонки отрешенно смотрели в проносящуюся за окнами вагона темноту, ритмично подергивая головами в такт звучащей в наушниках музыки. МР-3-пластыри на голых животиках, «пальмы» на худых пальчиках. Покрытые «хамелеоном» волосы, закрученные в «птичьи гнезда». Тяжелый запах модных духов — смесь нафталина, пряностей и физиологии. Обильная косметика, выдержанная в цветовой гамме блэк-энд-уйат. Типичные студенточки из спальных районов, одна повыше, симпатичная, смугленькая и мускулистая, вторая попроще — рыхловатая и лупоглазая.

Исподволь я рассматривал их, точнее, ее — ту, что повыше. Она легонько притоптывала остроносыми сапожками на металлических шпильках. Сапожки были покрытые остренькими крохотными шипиками, отчето напоминали собой диковинные черно-серебряные кактусы. Забавно — какие у нее ноги? Небось тоже смуглые, с маленькими аккуратными пальцами...

Тут вагон ощутимо качнуло. Сдавленно охнув, пассажиры навалились друг на друга. Кто-то задущенно матернулся, взвизгнула женщина, заготовали школьники, веселой стайкой толкающиеся у входных дверей.

Обладательница сапожек-кактусов, пытаясь устоять, схватилась рукой за соседку. Широкий рукав ее пла-

ща съехал, и на бледной руке вспыхнула вязь блинк-татуировки.

Я успел прочитать заплетенные в узор готические буквы — что-то про темноту, жизнь и смерть. Вагон вновь качнуло. Девицы переглянулись, отключили плееры, и между ними состоялся короткий диалог:

— Как этот быдык достал!

— Ага. Столько времени впорожняк париться приходится...

— И молчелов нормальных тут нет.

— Не, ну бывают иногда. Сейчас на тачках никто почти не ездит — пробки.

— Ой... Смотри!

Это свистящим шепотом произнесла лупоглазая. Высокая напряглась:

— Что, что?

— У тебя за спиной стоит... такой... весь клевый. Не поворачивайся! Ты что, дура?

«Клевый — это я. Интересно, как бы они заговорили, если бы знали, что их слышно?» — усмехнувшись, подумал я.

Тут у высокой на запястье вспыхнул лиловым дешевенький «комок» на биокolloидах. Я скосил глаза — по экранчику бежали строки новостных заголовков: «Температура Гольфстрима упала еще на градус. Холодные арктические воды, хлынувшие в Северную Атлантику...»; «В лаборатории компании Интел создан новый сверх производительный процессор с рабочей частотой...», «Газоконденсатное месторождение «Полюс» будут разрабатывать только российские компании», — заявил на заседании ВТО президент России Владимир Пу...», «Сто восемь человек погибло в ходе подавления властями беспорядков в штате Нью-Мексико...», «Британ-

ские ученые доказали: секс — лучшее лекарство от болезни Паркинсона...».

Она увидела, что я читаю ее коммуникатор и улыбнулась:

— Интересно?

Я улыбнулся в ответ:

— Ты гораздо интереснее.

— Да-а? И что же во мне такого интересного?

— Сапожки вот. Блинка. А если честно, то у тебя очень красивые глаза.

— Только глаза?

— Глаза — красивые. А фигура — бесподобная.

Ее подружка прислушивалась к нашему разговору. Пора было делать ход конем.

— Девчонки, может, познакомимся?

Они переглянулись, прыснули. Лупоглазая важно заявила:

— Я в метро не знаколюсь.

— А давайте представим, что мы не в метро, а в клубе, — не сдавался я. — Ну так как? Мой номер...

Поезд начал тормозить, подъезжая к «Площади Свободы», бывшей «Октябрьской».

— Ой, нам выходить! — Девушки засуетились. Высокая одарила меня улыбкой и сунула в руку розовый стикер. Я глянул — строчка цифр и имя. Ура!

Вагон встал. Народ снова лег друг на друга. Девчонки опять захихикали и толкаясь, принялись пробираться к выходу. Двери зашипели, и состав тронулся, набирая ход. Ко мне протиснулась необъятных размеров тетка с огромным букетом роз. Естественно, для начала она ткнула мокрыми розами мне в лицо, а потом всем своим бегемочьим весом наступила на ногу.

Я взвыл от боли, и случайно «зацепленная» девчонка на время вылетела у меня из головы...

Вспомнил о ней я лишь после обеда. Шеф уехал встречаться с китайцами, а поскольку их офис находился на другом конце города, ясно было, что сегодня он больше не вернется. Народ, прикрываясь различными отмазками, начал потихонечку линять, и я не остался в стороне.

Впереди было еще полдня, и это время я собирался провести с максимальной пользой. Выйдя на улицу, я первым делом вытащил «комок» и нырнул на нашу комьюшку — поглядеть, чем дышит народ.

Народ дышал в полный рост. Singer выложил отчет с фотками о том, как покувыркался с двумя сестричками, снятыми вчера вечером в клубе, извращенец King-kong в своей обычной краткой манере изложил, как трахнул пьяную матюру-продавщицу, а разборчивый Losik отписал, что познакомился с моделькой и сегодня вечером «сделает» ее.

Да, мы такие. Пикаперы. Члены клуба имени господина Гедона. Мы ценим жизнь и спешим урвать от нее как можно больше. И я не собираюсь отставать от остальных. Где там номерок моей спортсменочки-смугляночки? Ага, вот он...

— Алло, привет! Это Олег (мое дежурное пикаперское имя). Помнишь, метро, вагон...

— Привет, помню.

— Как дела? Какие планы на вечер?

— Да никаких... А что?

«Ага, — подумал я. — Ключет...»

— Тогда я приглашаю тебя в одно приличное местечко. Полумрак, музыка, коктейльчики, свежий алтайский воздух. Поговорим, познакомимся поближе.

— Ну... ну давай. Только не поздно...

— В смысле?

— В смысле — я вот сейчас свободна, а после десяти мне нужно будет домой.

«О-па! — в груди сладко заныло. — Есть! Теперь осторожно, осторожненько, чтобы не сорвалось...»

— Договорились! Ты где?

— «Таганка».

Я не поверил собственному уху — во везет!

— Прикинь, и я на «Таганке».

— Класс! — В ее голосе послышалась улыбка...

Через пять минут мы встретились. Еще через пять решили, что в клуб не поедем — чего мы там не видели? А еще через десять минут непринужденной беседы она согласилась пойти ко мне — оказывается, она еще не видела «Поедающий плоть-5», а кроме того, я обещал ей потрясающую панораму города, открывающуюся с моего шестьдесят девятого этажа.

Как говаривал бородатый мужик из старинной сказки: «Ага, золотой ключик сам идет ко мне в руки!»

* * *

...Мы как-то уж очень быстро оказались в кровати. Сперва дурачились, потом целовались. Она сама стянула с меня футболку. Я в ответ легонько сжал ее грудь — реакция адекватная.

Очень скоро мы остались в чем мать родила. Впрочем, нет, на ней была узкая черная полоска новомодной «ленточки», заменявшая трусики. Я приступил к тому, что на сайтах для онанистов зовется предварительными ласками, но она остановила меня, поднялась, вся такая гибкая, стройная, сунула руку в сумочку и что-то вытащила.

— Что это? — спросил я.

— Токс.

И она тонкими пальцами вынула из зажатого в руке пенальчика две черные горошины.

— Будешь?

— Нет. — Я скривился.

Токс — это как ложка дегтя в бочку меда. Хотя — плевать. Я свое все равно получу, а остальное мне не важно.

Напылив презервативный спрей на своего принявшего боевое положение младшего братишку, я провел рукой по ее бедру. Ее уже повело — глаза закатились, длинные трехцветные ресницы задрожали, дыхание стало прерывистым.

— Дава-ай! — прошептала она, с треском сдернув «ленточку», и откинулась на подушку. Я навалился сверху, попытался поцеловать, но ей не нужны были прелюдии. Токс унес ее в страну дримландию. Не знаю, какие видения проносились в ее голове, кем она себя видела — похотливой домохозяйкой, лежащей под электриком, уличной девчонкой, отдающей за деньги, учительницей, совратившей ученика?

Обхватив меня ногами, она сама задала ритм, обжигая горячим дыханием, потом, по этой новой, «бурильной» моде, ухватилась за ступни, притянув свои колени к плечам.

Я старался вовсю, но, как мне показалось, будь на моем месте «Ред Айван», секс-робот «онли форовуманс» — моя партнерша не почувствовала бы разницу.

Глядя на ее закушенную губу, на подергивающиеся в так движениям соски, я внутренне усмехнулся — да здравствует пикап!

— А-а-а-а... — Она выгнулась, протяжный полустон-полувздых оповестил меня о свершившемся.

Теперь, согласно неписаным правилам пикаперов, я могу получить удовольствие так, как мне нравится.

Обняв худые плечи, я притянул ее к себе, ощутив твердые пуговицы сосков и влажные губы на шее. Несколько движений — смена позиций. Подушка под живот, руки назад... Еще несколько движений — и новая поза. И так раз восемь, пока я не насытился ею. Наконец, закинув ее ноги себе на плечи, я пошел в финальную атаку — и вот он, отстрел. Уф-ф...

Я лежал на диване, бездумно глядя на потолочную панель работающего без звука телевизора. Она тихонько сопела рядом — токс после гормонального выброса, связанного с оргазмом, перестает действовать, и человек обычно засыпает минут на двадцать-тридцать.

И тут случилось. Точнее, сейчас я могу сказать — случилось-то все гораздо раньше, еще там, в вагоне, в квартире был уже финал этой маленькой трагикомедии. Но я тогда не обратил внимания на крючки и ловушки, которым эта маленькая стерва, должно быть, выучилась на курсах «Клуба одиноких сердец сержанта Джейн». Как там бишь у них называется вводный курс лекций? «Как заставить мужчину добровольно удовлетворять вас в любой ситуации»? Да, кажется, так.

В глубине квартиры хлопнула дверь. «Замок размагнитился, что ли? — вяло подумал я. — Эх, встать неохота...»

Раздались торопливые шаги, громынуло отодвинутое кресло. Ого, у меня гости! Я привстал, инстинктивно ища глазами одежду. Но мне не суждено было дотянуться до брюк — в комнату ворвались три девушки в черных топиках. Прически-«астры», на ногах раздувшиеся штаны-«клапана», лица покрыты «напыленной», в руках — изящные дамские разрядники.

«Попал», — мелькнуло в мозгу. Я попытался подняться, прикрывая руками наготу, но одна из девиц, с тремя «патронами» в правом ухе, уткнув ствол ик разрядника мне в ногу, прошипела:

— Не дергайся!

Две другие занялись моим барахлом. Одна потрошила карманы, другая вытряхнула на кровать содержимое сумки-«калитки». Документы, ключи, пластинка коммуникатора, веером разлетевшиеся по покрывалу карточки...

— Девчонки... — облизнув пересохшие губы, прохрипел я. — Ну вы чего. Я заплачу... Мне не жалко! Зачем...

— Заткнись! — рявкнула пирсингованная. И я заткнулся.

Тут «вернулась» в себя моя партнерша. Иронично выгнув бровь, она подмигнула мне, встала, раздвинув ноги, наклеила свежую «ленточку» и принялась одеваться.

— Сука ты, — прошептал я, но она услышала и уже откровенно рассмеялась:

— Ничего личного. Всего лишь полоска скотча на магнитную пластину — и заходи кто хочешь, бери что хочешь. Что, не нравится, пи-ка-пер?

Последнее слово она произнесла с издевкой, растягивая буквы. Тем временем остальные закончили обыск и рассовали добычу по карманам своих необъятных «клапанов».

Они стояли надо мной, все четверо. Пирсингованная, которая, видимо, была тут основной, цедила через губу:

— Запомни сам и передай своим дружкам-дебилам: халява не пройдет. Мы отслеживаем ваши логи, вашу комьюшку, мы следим за вашей перепиской. Хочешь большой и чистой любви? Плати, как

всем. Дур, готовых «за так», больше нет. Пикап закрыт, все ушли на фронт. Ты понял?

— Ну погодите, — совершенно обалдев от такого наезда, взмолился я. — Она ведь тоже получила удовольствие! Это же... это не честно!

— Удовольствие? — ощетибилась моя случайная подружка. — Да что ты знаешь об удовольствиях?! Бегаешь со своим дрючком, ищешь, как бы воткнуть его во что-нибудь не очень жесткое. Так что захлопни пасть. Высший кайф доступен только женщине. Правда, девочки?

И девочки дружно закивали, оскалив белые зубки.

— А чтобы ты лучше запомнил... — Пирсингованная, погасив улыбку, щелкнула предохранителем, ее рука с разрядником дернулась вниз, и я только успел крикнуть:

— Не-е-ет!!!

А потом судорога скрутила меня в бараний рог. Сознание отключилось.

* * *

...Очнулся я вечером. Налетчицы не только перевернули вверх дном квартиру, не только расписали все стены, мебель и меня самого молекулярной краской, они еще и открыли настежь окна во всех комнатах. Вечерний ГАВ затопил мое жилище — пришлось, кашляя и задыхаясь, доставать баллон.

Закрыв окна и включив фильтр-конд на полную, я рухнул в кресло, захватил губами дюдечку баллона, вдохнул... За окном косматое Солнце пылающей кляксой тонуло в багровой мгле.

Мыслей в голове не было.

Ни-ка-ких...

СОКРАЩЁННАЯ ОЛИМПИАДА

*Лучше представлять это себе
как мультфильм*

(Вначале говорит диктор телевидения из центральной студии.)

— Ввиду неожиданных обстоятельств, организаторы летних Олимпийских игр, за неделю до их открытия, сложили с себя полномочия. ВОК сразу же объявил конкурс для желающих принять Олимпиаду у себя. На этот раз наши российские спортивные функционеры оказались на высоте, и нынешняя летняя Олимпиада была перенесена в Сочи. Ну да, как раз туда, где и зимняя. Так сказать, для комплекта. На следующий день весь мир потрясла следующая неслыханная новость: организаторы пообещали так уплотнить, ужать и ускорить всю программу, что она уместится в один день. Мало того, все соревнования пройдут на одном стадионе. Так что... Слушайте репортаж с Олимпиады. Почему слушайте? Да потому, что ни у одной телекомпании не нашлось столько денег для оплаты просмотра прямой трансляции. Даже в складчину не получилось. Только радиокомментаторы получили аккредитации. Передачу ведёт... Ужас! Олимпиада уже началась! Слушайте все!

(Резко кадр из студии сменяется на кадр, где в тесном помещении сидит огромный комментатор. Он бойко и захлёб тараторит.)

— ...а наши спортсмены разогрелись заблаговременно и на парад, бегом по стадиону, вышли уже готовыми сразу вступить в борьбу за высшие олимпийские награды!

Ещё продолжается, сжатая, как пружина, церемония открытия, а все колонны спортсменов практически сразу сворачивают на поле и прямо на бегу разбирают инвентарь и занимают очередь к своим спортивным снарядам. Только те, кто должен переодеться и влиться в рутину соревнований чуть позже, продолжают бежать строем в раздевалки.

Итак, Олимпиада началась. На трибунах, по заверениям организаторов, присутствует триста пятьдесят тысяч зрителей. И это там, где обычно помещается не более восьмидесяти! Невероятно — но факт. А как такое могло произойти, я попытаюсь вам рассказать чуть позже... Если сам пойму.

Радиовещание ведётся почти во все страны мира. Мне отлично видны рабочие места моих коллег, которые без остановки зачитывают длинные списки стран представительниц и пытаются успеть рассказать где, что и как. Ха! Только кому это интересно? Всё равно они со мной не сравнятся в правильности поданного материала! А некоторые тощие комментаторы сумели втиснуться в кабинки по двое, а то и по трое, настолько велик интерес во всём мире к сочинской Олимпиаде. Правда, как они там поместились, непонятно! Мне вон самому тесно, но чего не сделает порой истинный поклонник микрофона и наушников. Тем более, когда рядом сотни таких очаровательных и прекрасных спортсменок.

Я не буду зачитывать никаких бумаг, а вести репортаж вживую. Как говорится: что увижу, то вам и спою! Ха-ха! Разве что мои коллеги из центральных студий нашего славянского мира будут помогать мне вести трансляцию и подсказывать самые ключевые моменты.

Начнём с того, что ближе всего! Прямо под нашими трибунами на линии старта выстроилось сразу две группы бегунов. В первой не менее ста человек, во второй чуть больше. Те, что впереди, собрались побороться за звание чемпиона Олимпийских игр на дистанции в три тысячи метров, а те, что сзади, — на полуторакилометровом отрезке. Ага, ну вот и первое изменение в программе: забег на полторушку откладывается на целый час... и тут же спортсмены со второй линии быстро вливаются во впереди стоящую группу. Ну естественно: забег только один и победитель сразу получает награды. Выстрел! И две с лишним сотни человек побежали за наградами. Всё правильно, на полуторке можно посоревноваться чуть позже... хм!.. если успеют! Потому что тут же ещё одно изменение: забег состоится в положенное время. И к линии старта выходит наш знаменитый и прославленный бегун Лёня Ангелков. Лёня немного прихрамывает на обе ноги после вчерашней разминки в сочинском ресторане «Прибой» и придерживается за большой желудок, но воля к победе так и горит у него в глазах. И зрители дружным рёвом приветствуют волеустремлённого бегуна. Ну, ещё бы: ведь бежать после невероятной тяжёлой разминки накануне довольно трудно и вряд ли сегодня в этой дисциплине мы увидим новый рекорд. Нашему спортсмену просто не на кого будет ориентироваться.

Выстрел, и Лёня Ангелков, уверенно набирая скорость, в гордом одиночестве устремляется к финишу. Замечательный он спортсмен, должен вам заметить, мы с ним вчера очень долго беседовали... хм, во время разминки, о жизни, о взаимоуважении и ещё об очень многих и важных вещах нашего бытия. Как оказалось, Ангелков прекрасный семьянин и даже бывшие жёны от него до сих пор сходят с ума. А многочисленным детям заботливый отец всегда после своих выступлений привозит какой-нибудь сувенир на память. Будем надеяться, что и сейчас он не останется без наивысшей награды и какого-нибудь сувенира.

Немного оставим наших бегунов в покое и посмотрим, что же творится на самом стадионе. Футбольные матчи уже начались, и сразу восемь команд, которым повезло вытянуть жребий, начали борьбу за выход в полуфинал. Для этого еще и поперёк поля установили проволочную разметку и разграничили пространство на небольшие участки. И по трое ворот поставили вдоль боковой линии. То есть сразу проводится четыре матча — первой четвёркой судей... ага! Ой! А сколько боковых суде-е-ей... Четыре матча — на восемь ворот. Ор-р-р-ригинально! Но почему в каждом воротах стоят по два вратаря??!!! Тут мне подсказывают, что гандбол тоже олимпийский вид спорта. Именно поэтому все игроки одеты в футболки разных цветов радуги. И как они отчаянно сражаются за каждый мяч... порой не рассмотрев правильно нужный оттенок крутого любимца из кожзаменителя. Поразительно, как только судьи успевают отличить гандболистов от футболистов? Один ловит мяч руками, а второй со всего маху вколачивает этот же мяч в сетку ворот! Ух! Гол! Гол! Ещё один! Ещё два! И всё в одни ворота! Но вот и в другие забили! Го-о-о-ол!.. Ну и так далее...

Сразу за воротами начали свои поединки боксёры, борцы и волейболисты. Между ними ловко разгоняются прыгуны в длину и в высоту. Кстати, для последних планки держат на поднятых руках волонтеры, каждый под два метра ростом, и они же ловят приземляющихся спиной на землю прыгунов. Сами понимаете, что раскидывать маты по беговой дорожке — кощунство и откровенное наплевательство по отношению к другим участникам Олимпиады. Поэтому планка в руках наиболее мобильна и удобна. Вот, например, прыгает в высоту известный где-то там в Америке канадский спортсмен... И! Даже не задев планку, пролетает... под ней снизу. Наши волонтеры невинножимают плечами и сочувственно кивают головами: в первой попытке канадца подхватить не удалось. Его тут же выносят на носилках со стадиона, и волонтеры еле успевают взять планку в руки, когда её с невероятным изяществом перелетает наш спортсмен. Планка даже не шелохнулась, одновременно поднимаясь вверх на отметку нового рекорда мира. Вот так-то! Знай наших! Ура, дамы и господа! Ура!

Прыжки в длину тоже совмещены с прыжками... дайте присмотреться... с трамплина. Яма не засыпана песком, как обычно, а первые её шесть метров залиты водой. Ведь всё равно истинный олимпиец должен прыгать дальше! И вот именно в это голубое оконце с шестиметровой глубиной, прямо с выдвинутой лестницы пожарного автомобиля, который стоит в проходе между трибунами, отчаянные прыгуны виртуозно выполняют сложнейшие акробатические прыжки. И каковы результаты? Как мне подсказывают мои коллеги из студии, наши ребята и девчата в явных лидерах... просто по той причине, что им чаще удаётся попасть в яму с водой. Осо-

бенно чаще метких попаданий достигают прыгунцы именно с трехметровой отметки.. ибо лестница раскачивается... Нет! Она раскачивается не от ветра. Это её раскачивают ползущие сзади коллеги, убирают, так сказать, конкурентов. К тому же часто в яму сваливаются слабые или неудачливые прыгуны в длину, их порой так и не могут выловить... По крайней мере, сразу.

Вот разгоняется наш спортсмен, толчок, прыжок, полёт нормальный... но короткий. Упал в воду... Наверное, много выпил соков... вчера. Но зато как легко поплыл! А вот разгоняется зигзагами английский спортсмэн, чемпион, говорят мира по прыжкам в длину. Повезло! Добежал! Толчок!.. Взлёт!.. Что-то он долго летит... не иначе как для реактивной тяги использовал запрещённые стимуляторы в виде гороха!.. И сала!.. Вон как далеко залетел, чуть группу судей не зашиб... Ха! Прыгает он, радуется! А судьи-то недовольны: даже не извинился! Тоже мне, западное воспитание... И вот результат: заступ! Ха! А как вы думали, господа пэры, сэры и ваши высочества?! Справедливость всегда торжествует на сочинской Олимпиаде!!! Да и в любом случае дисквалифицировали бы англичанина за применение запрещённых стимуляторов.

Но вернёмся к беговой дорожке! Те, кто бегут на три тысячи метров, уже пробежали большую часть своего нелёгкого пути. Сейчас они продолжают лавировать между лучниками, конными наездниками и борцами вольного стиля. Кстати, именно поэтому во всех забегах победителям будет вручаться и вторая медаль на этой же дистанции: за бег с барьерами и препятствиями. И, кажется, легендарный кений-

ский бегун Агаммба сразу вырвался в единоличные лидеры. Несётся так, словно за ним носорог гонится. Хотя это никакой не носорог, а наш татарский спортсмен Зюзя Шарамыжко. Он долгое время держался за трусы чернокожего спортсмена, но потом, когда менял руку, остутился и сразу безнадёжно отстал. А ведь мы на него так надеялись...

Вообще-то, блистательная карьера этого спортсмена просто уникальна, и я не могу не сказать хоть несколько слов об этом феномене. Шарамыжко долго, практически с самого детства, всегда сидел по тюрьмам, но каждый раз умудрялся оттуда сбежать самым первым. Именно в местах, так сказать, весьма отдалённых от города Сочи, его и заметил главный тренер нашей сборной, тоже имевший в своей бурной молодости несколько удачных побегов. Он сразу раскусил в бойком черноглазом паренёчке неистовую волю к победе и желание любой ценой прийти первому. Вот и сейчас, глазам своим не верю! Вроде бы безнадёжно отставший от своей группы бегунов Шарамыжко ловко увернулся от разгоняющегося прыгуна с шестом, резко свернул в сторону, змейкой просочился между двух пар боксёров, обвёл с десяток футболистов и выскочил с другой стороны поля. Тут же молниеносно сориентировался и правильно побежал к финишу в нужную сторону. Оказавшийся сзади него чернокожий атлет Агаммба смахнул пот с глаз, удивлённо оглянулся назад, явно не понимая, когда его умудрились обогнать. Ха-ха! А вот — и умудрились! Надо было раньше пот вытирать! Тоже мне, лидер... Вдруг кениец взъярился и ещё больше ускорил свой бег. Неужели надеется догнать нашего спортсмена на таком коротком оставшемся отрезке? Ух!.. Ох!.. А-а-ах!.. Догнал...

И даже перегнал! Надо же... Стадион разочарованно гудит, но что поделаешь: это спорт! Каких только трагедий здесь не происходит.

Правда, сразу хочу сказать, что наш знаменитый атлет Лёня Ангелков, завершающий дистанцию в полтора километра, всё-таки пересёк финишную черту на пару секунд раньше взбешённого Агаммбы и с достоинством протащил за собой белую ленту... Ага, и тут же её ловко смотал и спрятал на бурно вздымающейся груди. Будет деткам сувенир с Олимпиады, будет! И ведь посмотрите только — прихрамывая и с большим желудком, но наш Лёня не сломался и всё-таки завоевал золото!.. А также и серебро с бронзой на полуторакилометровой дистанции. Вернее, сразу два комплекта наград! Второй — за бег с препятствиями! Мо-ло-дец!

Примерно так же отчаянно сражаются за награды и все остальные наши герои. Мне кажется, у наших гостей практически нет никаких шансов. Спортсмены нашей Российской Федерации буквально зубами, когтями и чем там у них осталось вырывают нужные секунды, наносят решающие удары и забивают победные голы! Какая экспрессия!!! Какая воля к победе!! И взаимовыручка — потому что наши спортсмены единственные, кто уступает дорогу друг другу на этом великолепном празднике спорта. А вот зарубежные гости явно не сыграны: лбы трещат!.. И кости тоже.

— Вот по трибунам пошла знаменитая волна зрителей. Это великолепное зрелище, уверяю вас, дорогие радиослушатели. Правда, кое-где она почему-то в два раза выше, но сейчас я попытаюсь присмотреться более внимательно к зрителям на трибунах... Где же мой

бинокль?.. Невероятно! Что я вижу!!! Там, где волна зрителей выше, там просто с огромным усилием встают те, кто держит своих коллег, любителей спорта, на плечах. Фен-н-номенально! Правда, при этом у них с колен падают ещё по двое зрителей, порой бурно при этом возмущаясь. Ну ещё бы — ведь тем тоже хочется сидеть за свои кровные рубрики. Но как же всё-таки умело и грандиозно распорядились местами на стадионе устроители Олимпиады! Вот вам и разгадка рекордной посещаемости: ведь на каждое место они умудрились посадить сразу по четыре полноценных зрителя. Я говорю полноценных, потому что детей до двадцати одного года всего лишь за полцены можно держать в руках. Грандиозно!!!! Голливуд отдыхает!!!

— А мы продолжаем репортаж! Так... к чему здесь можно в этом мелькании присмотреться? Чесслово, вавилонское столпотворение! Уже только этим сочинская Олимпиада войдёт во все Книги рекордов Гиннеса. Ага, вот я присмотрелся к более свободному кружку... И что мы видим в нём? Это метатель молота сумел таки раскрутить свой снаряд в самой гуще коллег и теперь готовится его метнуть. По номеру вижу, что это наш знаменитый чемпион Абхазии Слава Бабайкин. Теперь для него главное — не промахнуться и попасть на поле... Ну! Давай! Есть! Вот это бросок! И всё-таки как развита сегодня интуиция у спортсменов: футболисты и регбисты успели разбежаться в стороны, по свисту падающего молота, а баскетболистам вообще повезло: побежали за мячиком на трибуны. Но самое главное — рекорд Олимпиады состоялся! Потому что вряд ли кто ещё сумеет раскрутить свой снаряд и швырнуть его так, как сделал это наш Бабайкин. Ура! Слава Славе Славкину!.. Тьфу! Я хотел сказать Бабайкину.

— А сейчас мы быстренько заглянем в сектор по толканию ядра. Этим несравненным, блестящим... от пота гигантам всё-таки удаётся время от времени толкнуть ядро в нужном направлении. А не менее блестящим судьям тут же отыскать место падения снаряда. Ага... пока не затоптали... Тех самых судей. Итак, что мы имеем? Вот наш тяжелоатлет Петя Ваничкин мощнейшим броском отправляет ядро за невероятную отметку в де-вят-надцать метров. О! Это, я вам скажу... рекорд. Личный жизненный рекорд нашего Ваничкина. Каков молодец, дорогие товарищи, дамы и господа, каков молодец. А вот вслед за ним бросает свой снаряд и американский спортсмен, и тот летит как-то вяло и неуверенно... так и есть — всего лишь двадцать шесть метров. А ведь я помню, как на вчерашней разминке тот же самый американец швырнул ядро гораздо дальше... сантиметров на шесть. Что ни говори — слабеют наши соперники от одного вида наших ребят, явно слабеют. Да и заступил американец за белую линию... Явно заступил! Хоть и пытается доказать, что это — разметка штрафной площадки. Но справедливые судьи строги и непреклонны. Мало того, как мне рассказал вчера по большому секрету Лёня Ангелков — судьи ещё и совершенно неподкупны. Да и зачем им деньги, когда каждому из них уже сегодня председатель нашего Олимпийского комитета вручит ключи от трёхэтажных вилл на золотом побережье Испании. В комплекте с машинами, бассейнами и обворожительными болельщицами-фанатками из нашей страны.

Поэтому судейство сегодня в Сочи — на самой умопомрачительной высоте. Не в пример будь сказано другим Олимпиадам, где наших спортсменов заведомо ставили в самой неудобной позиции.

— Итак, огласим результаты футбольных матчей, которые только что завершились: Россия – Ватикан 9: 8, Уверенная победа наших всенародных любимцев. Беларусь, Бразилия 12:0, (бразильцы, как всегда, показали прям цирковую артистичность, но... удача сегодня от них отвернулась, и спортсмены Белоруссии празднуют истерическую победу) Молдова – Германия 1:0, (крепка у немцев оказалась оборона, крепка!!!) и последний матч четверть финалов: Куба – Украина, завершился со счётом 0:0. По пенальти тоже сухая ничья, и только жребий вышиб пинком братскую команду Кубы за пределы сочинского стадиона.

— Нет, дорогие товарищи! Это не подтасовка фактов! Это — великий и несравненный олимпийский спорт! То есть, кто слаб, тот выбывает с дистанции. ...Ага, точно, олимпийская система. Вот именно поэтому впервые в истории Олимпийских игр в полуфинале будут выступать четыре славянские команды: России, Украины, Казахстана и Эстонии. Стоп, кажется, я ошибся, что в этом перечне славян делает команда Украины? Ага... Вот тут мне коллеги из студии в Москве подсказывают, что украинцы, оказывается, тоже славяне. Недавно, говорят, стали... Надо же! А кто же тогда казахи и эстонцы? И откуда они взялись на поле? Ах, они вышли на замену?! Вот не знал... что так можно...

Теперь по поводу замен. Дорогие радиослушатели, оказывается, команда Казахстана заменила сильно приболевшую команду Беларуси, присевшую после поздравления своего батьки-президента, да так и не вставшую, а эстонские футболисты играют вместо команды Молдовы, которую срочно отозвали на уборку урожая. И по всем прогнозам букмекеров,

именно футболисты Эстонии, со своей феноменальной скоростью передвижения и филигранным розыгрышем мяча, имеют все шансы стать олимпийскими чемпионами. Но как бы там ни было, всё равно — золото — останется у славян! И серебро с бронзой тоже! Вот так-то!!!

Сейчас я вижу, что команды, полуфиналисты ушли в раздевалку на полутораминутный отдых, а с поля тем временем уносят сразу три пары ворот! О! И ещё одни?! Оригинально, я вам скажу! Неужели?.. Да, так и есть! Мне снова подсказывают мои коллеги из студии в Киеве, где такое действо очень популярно, что игра будет идти в одни ворота! О-о-о-о-о!!! Такого ещё не было в анналах спорта! Или в аналогах? Тут мне подсказывают: что нигде не было.

Тем не менее, интересно посмотреть, как судьи намерены определять офсайды и тех игроков, которые будут забивать голы в свои ворота. Помню, в детстве мы тоже так играли, но тогда каждая атака была обязана начинаться с центра поля...

А что мы сейчас видим в центре поля? Наконец-то! Там сотни спортсменов и спортсменов начали соревнования по акробатической гимнастике. Столько юных талантов в одном месте, а вернее, на один квадратный метр, мир ещё не видел. А как вы знаете, акробатика и художественная гимнастика — это такой вид спорта, где год от году всё молодеют. Даже ушедшие на пенсию! Вот наше пристальное внимание к себе привлекла яркая группа пионеров... Хотя откуда они тут взялись в наше время? Что? Да подскажите же быстрей... А-а! Это, оказывается, не

пионеры, а большая группа гимнасток, выступающих в синхронном танце. А красное у них — так это ленты... на шеях... и флажки... и булавы с обручами. Ну да, кто ж им ещё раз уступит место на травяном ковре? Тем более что они ещё почти дети, а летающие снаряды настроенных на решительные победы более старших спортсменов так и продолжают вспахивать зелёное покрытие сочинского стадиона. Хотя зелёным его уже назвать трудно, из-за того немислимого количества золотых и серебряных наград, которые завоевали наши выдающиеся спортсмены. Практически каждый, кто нашёл в себе силы, здоровье, наглость и ловкость оставаться в олимпийской чаше стадиона, имеет сейчас на своей шее по пять, десять, а то и тридцать наград наивысшего и прочего достоинства. И среди них — большинство — наши земляки. Правильно говорят — дома и стена помогают...

Правда, не всегда и не всем. Потому что очередная волна среди зрителей так и не сумела вписаться в поворот и выплеснулась за верхнюю кромку огромной чаши стадиона, снеся при этом стойки с прожекторами для вечернего освещения. Но это не страшно. Да и кому она нужна, тем более что так была последняя — остальные три уже давно рухнули, обвешанные гроздьями истинных фанатов спорта.

Вдобавок мне кажется: Олимпиада триумфально успеет завершиться ещё при свете дня, потому что накал спортивных страстей уже давно достиг своего апогея и теперь на всей скорости мчится к праздничному финалу. Организаторы Олимпиады и здесь решил немного сократить время торжественной церемони

закрытия и начали её намного раньше, и теперь тысячи салютов одновременно взмыли к склоняющемуся к западу Солнцу.

Однако... Вот это — бабахнуло...

Эй! Вы меня слышите?! Э-гей! Совсем пропал звук! Ага, мне что-то показывают жестами мои коллеги из других стран, сейчас попробуем разобраться... Они хлопают себя по ушам... Ну конечно! Это же мы все оглохли от грохота единовременного салюта. Зато я очень рад, что меня продолжают слышать во всём нашем славянском мире. Так, а что это ещё показывают мои зарубежные коллеги? Ага, вроде как поднимают вверх указательный палец? Восторги свои выражают от увиденного праздника? Ну, ещё бы!!! От такого умиления и глаза повылазить могут... Хотя постойте, теперь я присмотрелся лучше: они поднимают вверх средний палец! Хм? Где-то я такой жест уже видел... Вспомнил! Так они показывают свой наивысший восторг от увиденного. Ну что с них взять, совсем отупели на своём растрившемся Западе, да и медали их пресловутые спортсмены ни одной не выиграли. Даже шустрого Агаммбу дисквалифицировали за применение бананового концентрата. И обе золотые медали на дистанции в три тысячи метров достались-таки нашему татарскому спортсмену Зюзе Шарамыжко. Ха-а-а-а-а!!!

(Взгляд комментатора падает на часы.)

Ну что ж, мне осталось всего десять секунд вести репортаж, время для прямого эфира заканчивается.

Прямую радиотрансляцию подготовили и вели: дирекция Росрылгадбахтраххрюкшмякатовтио супер и радио!!!!

До следующей Олимпиады в Нью-Васюках!

КРОВЬ НА СНЕГУ

Беда пришла на Дятловы горы в самом начале зимы, когда выпал первый снег.

Шолох в тот день собрался на охоту, и за околицей, у тропки, что ведет в лес по краю поля, обнаружил волчьи следы — необычайно крупные, петлявшие так, словно зверь что-то вынюхивал.

Тогда он не придавал этому значения, и только вечером, вернувшись с добычей, узнал, что пропал младший сын вдовы Зорицы.

— Не так просто дело, — сказал Олег, всей весью признававшийся за старшего, когда Шолох рассказал о следах. — Отрок крепкий, двенадцать зим, обычно му зверю бы не дался. Пойдем, посмотрим.

Очень давно, будучи молодым, Олег служил князю Владимиру, плавал за моря, видел чудеса Царьграда.

Именно по его слову речку, протекавшую рядом с местом, выбранным для поселения, называли Почайной. «На Киев немного похоже», — сказал он почти двадцать пять лет назад, когда они только что прибыли на Дятловы горы.

А бежали они от того же князя Владимира, прозванного Отступником, отринувшего отеческих богов, предавшего их огню, мечу и речным волнам. Ушли из Ростова Великого, вниз по Оке, в земли дикие, чтобы скрыться от тиунов и наместников, от жрецов греческих в черных одеждах.

Десять семей, решивших держаться старой веры — достаточно, чтобы создать новую весь.

Шолоху тогда не было и двадцати, но он помнил все так, словно произошло это вчера. И еще бы не помнить, из родного города отправиться неведомо куда, в чащобы, где редко-редко встречаются поселения волжской чуди, а властвуют медведи с лешими и мавками, а то и кто похуже.

С чудью удалось поладить, отстроились, обжились...

— Пойдем, — согласился Шолох, и они вдвоем зашагали туда, где он утром видел следы.

Растревоженная исчезновением весь осталась позади.

Олег следы умел читать чуть хуже Шолоха, зато с оружием управлялся ловчее, будь то лук, топор или рогатина, а дома хранил настоящий меч из царьградской стали, память о княжьей службе.

Судя по отпечаткам, хищник был чуть не с теленка и бежал следом за отлучившимся за околицу пареньком.

— Ящер его заberi, куда он поперся-то? Зачем? — спросил Олег, когда стало ясно, что они движутся через лес точно на юг.

В той стороне сейчас, зимней порой, делать нечего.

— Словно его на веревке тащили, — шагавший впереди Шолох остановился, приняхался.

Пахло кровью, причем свежей, пролитой только что, и впереди, на небольшой поляне все было в красных брызгах — стволы деревьев, спустившиеся к самой земле ветки молодой елочки, и свежий снег.

Тут след обрывался, и человеческий, и звериный.

Они облазили все, чуть ли не носами вскопали каждый вершок, но не отыскали ничего — словно огромный волк загрыз отрока, а после этого улетел

вместе с ним, не оставив ни костей, ни обрывков одежды.

— Оборони нас Перун, — пробормотал Олег, когда стало ясно, что они ничего не найдут.

— Его помощь не помешает. — Шолох вздохнул, осенил себя знаком Рода.

В этих лесах, что тянутся на тысячи верст, можно встретить кого угодно, отродья Чернобога выползают из тайных берлог, крадутся в чащобе лесные духи, древние и кровожадные. Только мудрейший из волхвов разберет, что за тварь погубила отрока из их веси, да только где взять такого волхва?

Остается надеяться на богов.

Следующим утром принесли жертву — на Перуновой горке, что по другую сторону Почайны. Зарезали теленка, обрызгали кровью идол Владыки Молний а губы его намазали сладким жиром.

— Услышь нас, владыка! — возгласил Ясень, старейший из мужчин веси, кому по обычаю и положено приносить жертвы богам, и вскинул к небесам окровавленный нож.

Пусть осень на дворе, и двери Ирия закрыты до весны, но молитвы все равно должны доходить...

Ведь как же иначе?

* * *

То, что жертва не помогла, стало ясно через седмицу, когда чуть ли не все жители веси увидели стоящую на опушке женскую фигуру, громадную и темную, внушающую страх. А тем же вечером прямо за околицей нашли труп Ясеня — белый-белый и вес высушенный, совершенно обескровленный.

На морщинистом лице застыл ужас, а пальцы рук были обгрызены.

— Вот так пакость, — сказал мрачный, как грозовая туча, Олег. — Что делать будем?

— Это все чужь проклятая! — завопила одна из баб, сбежавшихся туда, где нашли тело. — Лесовики! Они против нас злоумышляют давно! Завистники проклятые! Напасть на них, дома сжечь!

— Отомстить! Отомстить! — заорали с разных сторон.

— Цыц! — прикрикнул Олег, и толпа затихла. — Нечего болтать, а ну разошлись! Останься ты, Шолох, и ты, Горазд...

Этот мало того, что кузнец, и силой поспорит с велетом, так еще и умом не обижен.

— Всякий глотку драть готов, да только не верю я, что к этому чужь причастна, — сказал Олег, когда они остались втроем.

«И то верно, — подумал Шолох. — Если бы хотели лесовики нас извести, давно бы это сделали, а не стали бы ждать двадцать лет. Да и без колдовства обошлись бы, навалились всем племенем... сколько их там народу? Это в ближайшем поселке не больше, чем нас, а всего с тысячу выйдет, не меньше. Задавили бы числом, и все дела».

— А то, — прогудел кузнец. — Если война, то все здесь и ляжем...

— Но к чуди сходить стоит, — подал голос Шолох. — Они тут испокон веку живут. Всякую тварь знают. У нас-то волхва нет, а у них колдун есть, может он чего посоветует. Как мыслите?

— Боги помогают тем, кто сам себе помогает, — решительно сказал Олег. — Завтра. Ты же, Горазд, посмотри, что там у тебя в кузнице из железа есть, и по хатам надо будет поискать.

Всякому известно, что нечисть, даже самая могучая, бежит благородного металла.

— Посмотрю... подковы, все прочее над дверьми развесим. — Горазд огладил бороду. — Еще это, можно баб в плут... борозду вокруг веси...

Мысль здравая, да только снег уже лег, и земля промерзла, вряд ли что выйдет.

Но Шолох сомнений высказывать не стал — говорунов и без него хватает, а вот на дело немногие способны.

В гости к чуди отправились следующим утром, едва рассвело — вдоль Волги, но не спускаясь к реке, туда где ниже по течению прячется в чащобе деревушке рода Дятла. Именно от обитавших тут издавна лесовиков холмы при устье Оки и получили свое название.

Олег для солидности опоясался мечом, и прихватил Шолоха.

Хозяева встретили чужаков версты за две до своих жилищ — скрипнул снег под ногой, качнулись еловые лапы, и между двумя деревьями, где только что никого не было, встал мужчина.

Высокий, плечистый, хоть и не молодой, блестя быстрые, внимательные глаза. Одежда из шку украшена бисером, до земли свисает плащ из медведя, в руке — рогатина, на поясе длинный нож.

— Мир тебе, — сказал Олег на языке чуди.

Если хочешь выжить в этих местах, ты должен знать это наречие.

— Мир тебе, — повторил Шолох, гадая, с какой стати сам глава рода Дятла вышел к ним?

Согласно законам вежества он должен ждать гостей в поселке, а навстречу отправить одного из молодых охотников.

— Здравствуйте, — ответил вождь, откликавшийся на имя Девай.

Он использовал, как и положено, речь гостей, и сейчас должен спросить о том, легок ли был их путь, как обстоят дела в веси, здоровы ли жены и дети, доброй ли была осенняя охота...

Но беседа пошла совсем не так.

— Отец велел передать, что вам незачем ходить к нему, — заявил Девай мрачно.

«Отцом» у чуди называется колдун, он же жрец лесных богов.

— Незачем? — На лице Олега поднялись русые брови.

— Да, — сказал вождь. — Он велел передать, что проснулась Вирь-ава, Лесная Мать. Он велел передать, что не хочет привлекать ее внимание к нам, и ничем не может помочь. Велел передать, что чарами убить ее невозможно, что...

Девай говорил спокойно, но непреклонно и холодно.

Шолоха его речи не радовали, но колдуна чуди он вполне понимал — своя хата с краю, а рубаха ближе к телу; а если беда пришла к соседям, так радуйся и благодари богов. Только вот боги почему-то редко воздают за подобное, и беда рано или поздно является уже к тебе.

Забыл об этом Отец рода Дятла или решил, что его это не касается?

Вождь замолчал.

«Наверняка ждет, что мы примемся спорить, а то и на колени упадем, в ноги поклонимся, — подумал Шолох. — Вот только шиш тебе, рожа чудская... не на тех напал, видит Род!»

— Хорошо, попробуем справиться сами, — сказал Олег, и они пошли обратно.

* * *

Весь обвели бороздой в день Ярилы Зимнего, когда прославляется в небесах сын Сварога, победивший чудовищного змея...

Твердая земля сопротивлялась плугу, и потратили целый день, а он в это время года короток. Над входами в дома развесили подковы, куски старого железа, что нашлись в кузнице у Горазда, а тропинки перегородили накрест положенными друг на друга вилами.

Человек перешагнет и не заметит, а нечисти пути нет.

В лес по одному не ходили, даже опытные охотники, сильные мужики, всегда по двое, по трое. Детей все время держали под приглядом, да и бабы друг за другом присматривали — всякому известно, что женскую душу заморочить куда легче, особенно если оставить ее без поддержки.

Вирь-ава была рядом, кружила около веси, всех мучили тяжелые, дурные сны. Вместе с ночным мраком накатывала дурнота, хотелось бросить все и брести куда глаза глядят.

Темная женщина больше не появлялась, но Шолох однажды видел огромную россомаху с черной как уголь шкурой. Дважды натыкался на следы, сначала вновь на волчьи, а затем и вовсе не понял на чьи — вроде как лесной кот, да только никогда не видывали в волжских лесах котов таких размеров!

Никому не рассказал, кроме Олега, — нечего народ пугать, и так все трясутся.

Про то, чем кончился их поход к соседям, они тоже промолчали, сообщили только, что помощи не будет.

Бушевали метели, то усиливались, то слабели морозы, изредка приходили оттепели. День катился за днем, и вот уже седмица осталась до Таусеня, а там,

глядишь, и новое Солнце родится, свет начнет прибывать по зернышку, повернет на весну, и станет полегче.

И как-то притерпелись вроде, привыкли... человек такая тварь, живучая.

В тот день Шолох вышел из хаты поздно — возился с новыми лыжами, подгонял под ногу. А когда выбрался на свет, то увидел, как мимо — а он жил на самой околице — бредет Уйка, молодуха из семьи Горазда.

Хоть и холодно, а полушубок расстегнут, а лицо мечтательное, словно на свиданку собралась.

— Ты куда? — окликнул Шолох, но баба его словно не услышала.

Он шагнул с крыльца, и тут она побежала...

— Стой! — крикнул Шолох и рванул следом — схватить, удержать глупую, поддавшуюся чарам Лесной Матери!

Молодуха танцующим шагом переступила валявшиеся на снегу скрещенные вилы, и в этот момент Шолох догнал ее. Схватил за ворот, но тут в уши грянул издевательский хохот, в лицо ударил неведомо откуда взявшийся снежный вихрь.

Проморгался и обнаружил, что в руке ничего, а к лесу удирает гривастый волчина и несет Уйку в пасти так легко, словно она вовсе ничего не весит!

— Стой, падаль! — Шолох побежал вперед, забыв о том, что у него нет оружия, что он один.

Но споткнулся на ровном месте, затем провалился в сугроб, а когда вылез, то зверя и след простыл. А сзади, из веси уже понесся надрывный плач — бабы сообразили, что недоглядели, что молодуху, поддавшуюся темным чарам, никто не остановил.

И Вирь-ава получила новую жертву.

Прибежали запыхавшиеся мужики, все с оружием, они двинулись по следу, но нашли то же самое, что

и в первый раз — пятна крови на снегу, и более ничего, ни одежды, ни костей, будто Лесная Мать проглотила Уйку целиком.

— Так она всех перетаскает, — сказал Шолох, когда зашагали обратно.

Чувствовал себя виноватым — выйди на крыльцо чуть раньше, мог бы перехватить бабу, задержать.

— Не дадим, — отозвался Олег, мрачно сжимавший кулаки. — Поймаем мы ее...

— Но как? Как? — воскликнул Заяц, мелкий и сутелливый мужичонка, но большой мастер во всяком ремесле.

— А как медведя ловят? В капкан. На приманку.

* * *

Западно начали готовить на следующий же день.

Пусть никто не ведает, что такое и откуда взялась Вирь-ава, но о повадках хищника любой охотник все знает, ну а нечисть, несмотря на ум и колдовское умение, все же не больше чем кровожадный зверь.

Выбрали место для засады — на самом берегу Почайны, где с одной стороны крутой склон, а с другой река. Затем Горазд из того серебра, что нашли в веси, изготовил наконечники для стрел.

— Всего два вышло, — сказал он, вручая их Олегу. — Не промахнитесь.

— Не промахнемся, — пообещал бывший дружинник.

Серебро против нечисти еще лучше, чем добрая сталь, оно для всех детей Чернобога что сильнейший яд, хотя обычная отравка, смертельная для человека, на них не подействует.

После этого стало ясно, что идти придется вдвоем, не больше, но оно и к лучшему — много народу спрятать трудно, а лишние только спугнут нечисть и вообще будут под ногами мешаться.

Шолох выстругал древки для стрел, насадил перья, выбирая те, что с правого крыла селезня — известно, что стрела с такими перьями летит дальше, бьет точнее и сильнее. Осмотрел луки — свой и Олега, и каждый смазал заново, отобрал по две надежных тетивы.

Определили лежки, где засесть самим, чтобы остаться незамеченными.

Вирь-ава не должна быть всемогущей, и ее можно обвести вокруг пальца... ну а если же нет, то только и остается, что спрятаться в домах и молиться богам, чтобы напасть отступила.

Настала пора решить насчет приманки.

Несколько дней думали и колебались, даже спорили, собравшись втроем в кузнице Горазда, где никто не помешает, просто так не сунется, и в конце концов Олег предложил Искрена, собственного младшего сына.

— Если кем и рисковать, то моей кровью, — сказал он. — Если что, Род благословил меня множеством детей, еще на развод останется... Ну и парень он шустрый, крепкий, если что, не растеряется... дадим ему все амулеты, что есть в веси, глядишь, помогут не податься чарам.

Говорил бывший дружинник без привычной уверенности, и видно было, что слова даются ему тяжело.

— Если ты порешил, то так и быть, — сказал Шолох, с содроганием думая, что могли выбрать и его Ратмира. — Но надо бы и самого отрока спросить, плохо в таком деле неволить, пусть даже недоросля.

Олег нахмурился, наверняка хотел напомнить, что волен в собственной крови, но смолчал.

Ну а Искрен, когда его привели в кузницу и объяснили, что от него хотят, отца не подвел. Серые глаза отрока загорелись, щеки разрумянились, и он воскликнул, радостно улыбаясь и сжимая кулаки:

— Я готов! Готов, видит Род!

— Вот и славно, — пробормотал Олег, за показной бодростью скрывая тревогу.

* * *

«Охоту» назначили на канун Таусеня.

Самый короткий день в году, за ним — длинная ночь, а со следующего утра свет уже прибывает, почти незаметно, на воробьиный скок, а сила зимней тьмы умалится. Вечером начнется праздник, на столы поставят все лучшее, что есть в хате, и обязательно круглые пироги, изображающие Солнце, что сегодня родится в небесах...

Все знают этот день, все его отмечают: варяги, чьи ладьи изредка появляются на Волге, называют его Йолем, черные жрецы с крестами, пришедшие из Царьграда, именуют Рождеством.

И в веси на Дятловых горах он будет либо веселым, если они преуспеют, либо...

Но о неудаче Шолоху даже думать не хотелось.

Он покинул дом ранним утром, поцеловав на прощание жену — так крепко, как давно не целовал. Двинулся в чащу один, прихватив лыжи, лук и все прочее, что нужно для охоты, и положив в тул стрелу с серебряным наконечником.

Другую возьмет Олег.

Пошел, не таясь, все равно Вирь-ава его заметит, но вот напасть вряд ли рискнет — мужик сильный, здоровый, ей не по зубам. За самой околицей почувство-

вал, как навалилось темное одурение, но стоило взяться за рукоять висевшего на поясе железного ножа, как стало легче.

А затем Лесная Мать и вовсе потеряла к Шолоху интерес, осталась караулить более легкую добычу.

Он же дал здорovenного крюка и вышел к Почайне только к полудню, причем в нескольких верстах от веси. Зашагал обратно очень медленно, останавливаясь после каждого шага — спешить некуда, а на шуметь нельзя.

Показался знакомый спуск от веси к речке, где все бегали за водой, и тут Шолох вообще замер. Простоял неподвижно долгое время, вслушиваясь в каждый птичий крик, во всякий шорох, а уж к месту засады и во все добрался едва не ползком... слава богам, Вирь-авы рядом, похоже, нет.

Олега не видно, но тот должен занять место с другой стороны от тропинки, ближе к Оке.

Ясное с утра небо затянуло тучами, повалил снег, не особенно густой, но большими хлопьями. А когда начало темнеть, Шолох уловил шаги, а затем и увидел спускающегося к Почайне Искрена.

Шел отрок спокойно, по сторонам не глядел, страха не показывал.

Шолох глубоко вздохнул и торопливо натянул тетиву на лук — раньше держал в мешочке на поясе, чтобы не отсырела. Вытащил стрелу, ту самую, с серебряным наконечником, уловил еле заметное колыхание ветвей там, где должен прятаться Олег... отлично, тот на месте.

Искрен спустился к воде, нагнулся к проруби, чтобы обмакнуть в нее ведро.

Столб из снега закрутился рядом с ним, из него выступила черная женская фигура. Выставила необычай-

но длинные руки, человеческая голова начала меняться, превращаться в волчью...

Шолох отвел руку с тетивой к плечу, прицелился.

Вирь-ава дотронулась до Искрена, и тут выпущенная Олегом стрела ударила ее в плечо. Вонзилась на несколько вершков, нечисть развернуло боком, полный ярости вой пронесся над Почайной.

Шолох спустил тетиву.

Он попал туда, куда хотел — прямо под вскинутую руку, чтобы стрела пробила легкое, застряла в ребрах. Освободившийся от чар Искрен колобком откатился в сторону, в ладони его блеснул нож.

Затрещали ветви, из засады выскочил Олег с мечом в руке.

Отбросивший лук и схватившийся за рогатину Шолох отстал от него всего на мгновение.

Вирь-ава корчилась, пытаясь обеими руками выдернуть первую стрелу, но стояла на месте, и в сгущающихся сумерках ее было хорошо видно — высокая, с длинными темными волосами, в платье до земли и в странной, увенчанной капюшоном накидке из тысяч белесых камушков.

Подбежав ближе, Шолох понял, что это кости — фаланги пальцев, кусочки черепов мужчин и женщин, всех, кто стал жертвой Лесной Матери за... неведомо сколько лет.

— Назад! Уходи! — крикнул Олег сыну, и Вирь-ава повернулась в их сторону.

Зашипела бешеной кошкой, выгибая спину, распахнула по-нелюдски огромный рот. Но ни напасть, ни сменить облик не подумала — вонзившееся в плоть се ребро лишало нечисть сил, — а обратилась в бегство.

Перескочила Почайну и устремилась к Оке, глубоко проваливаясь в снег.

«Сколько же она весит?» — успел подумать Шолох.

Под ногами затрещал лед, выругался поскользнувшийся Олег, и они помчались следом. Нужно догнать Вирь-аву сейчас, пока она слаба и уязвима, догнать и убить... другого шанса они не получат.

Что-то кричавший вслед Искрен остался далеко позади, впереди открылась скованная льдом Ока, но нечисть не захотела выскочить на берег, свернула вверх по течению.

Шолох хрипел, пот тек по лицу, но он видел, что по-немногу настигает Лесную Мать, и это придавало сил. Хрустел под ногами снег, мимо проносились деревья, норовили ткнуть ветками в глаза, зацепить за плечо.

Вылетели на поляну, в центре которой высилась громадная ель с темной хвоей.

Вирь-ава замешкалась на миг, точно решая, куда направиться дальше, и Олег добавил хода. Вытянулся в прыжке, кончик меча чиркнул по костяной накидке, та с мерзостным шорохом соскользнула с плеч нечисти... но наземь не упала, а взлетела, подобно диковинной птице.

Закружилась вокруг исполинского дерева, встряхивая лапами, точно крыльями.

Вирь-ава замерла, глядя вверх, а Олег ударил еще раз, прямо в спину, чтобы поразить сердце, если оно есть у такой твари. Железный меч вспорол плоть нечисти так же легко, как и человеческую, кровь брызнула во все стороны, Шолох ощутил, как на лицо падают теплые капли.

Лесная Мать рухнула навзничь, разбросав руки.

Накидка спикировала к ней, повисла невысоко, и над телом встала облаченная в нее темная женская фигура — тень, душа Вирь-авы. Вспыхнули синим огнем глаза, открылся черный провал рта, и раздался странно произносивший слова чудского языка, не совсем человеческий голос.

— Глупые смертные! Так просто меня не одолеть! Через год придет такой же темный день, и я вернусь!.. Снова восстану, и буду делать это тысячу лет, до тех пор, пока потомки ваши останутся на этой земле!

Облик тени постоянно менялся, она становилась то дряхлой старухой, то девчонкой с огромными глазами, то зрелой женщиной в длинном платье.

Труп истлевал на глазах, гниющая плоть отваливалась от скелета, превращалась в вонючую слизь. Та пузырилась и шипела, как жир на огне, а обнажившийся костяк темнел и с треском разваливался на куски... вот распался на части череп, вот на снегу осталась горстка черного пепла.

К этому моменту голос Вирь-авы ослабел, превратился в неразборчивый шепот.

— Сгинь, разрази тебя Перун! — воскликнул Шолох и ткнул рогатиной в горло тени.

Понимал, что делает глупость, что вряд ли повредит душе лесной нечисти, но удержаться не смог.

Громогласный стон пронесся среди деревьев, горевшие злым огнем глаза погасли. Огромная ель закричала, засучила ветвями, будто собираясь сойти с места, полетел с них снег, а в следующий момент Вирь-ава сгинула.

Остались на сугробах пятна крови, в вечерних сумерках казавшиеся черными.

— Неужели все? — проговорил Шолох, вытирая с лица пот и кровь. — Что она там?.. Тысячу лет пообещала? В самую длинную ночь?

— Это не страшно, лишь бы не так, как было, — сказал Олег, убирая меч в ножны. — Кроме того, сыновей мы крепких породили, и внуки, глядишь, тоже не оплошают.

— И за тьмой всегда приходит свет, — добавил Шолох, и они зашагали вдоль берега Оки, обратно к Почайне, к деревне, где все ждут их возвращения и где скоро начнут отмечать великий праздник Таусень.

МИЛОСЛАВ КНЯЗЕВ

ПЯТАЯ МЕДАЛЬ

Светка Белова сидела на жёсткой металлической скамье перед кабинетом директора. Не в первый раз, между прочим, да наверняка и не в последний. Нет, девочка она хорошая, не хулиганка и не двоечница, однако как-то само так всё время получалось. Но на этот раз было и отличие от всех предыдущих, причём весьма существенное. Если во всех прошлых случаях Света мысленно готовила речь о том, что раскаивается, признаёт вину и больше не будет (всегда совершенно искренне, во всяком случае, на момент произведения действительно верила в то, что говорила), то сейчас не собиралась делать ничего подобного. Наверное, впервые в жизни девочка чувствовала такую страшную несправедливость и была готова повторить до последнего слова всё то, за что её вызвали к директору школы. Да что там перед директором, перед кем угодно была готова повторить!

А всё началось неделю назад, когда классная руководительница, учительница русского языка и литературы, Марья Петровна дала необычное задание для следующего классного часа.

— Тема: «Герои среди нас», — объявила она.

Дети какое-то время молчали, пытаясь осмыслить услышанное. Уж слишком широкой получалась тема. Привыкли, что обычно Марья Ивановна на уроках литературы давала более конкретные задания.

— Про первое место на соревнованиях за приз школы подойдёт? — наконец спросил Пашка Гарин.

В классе зашептались. Тут было о чём рассказать. И о подготовке, и о самих соревнованиях, и о том, как выиграли буквально в самый последний момент...

— Соревнования — это, конечно, хорошо, но не нужно понимать так буквально, — ответила учительница. — «Среди нас» не означает именно в нашем классе. У некоторых из вас есть родственники — настоящие герои. Вот о них и нужно подготовить короткие доклады.

— А оценки ставить будете? — спросил всё тот же Пашка.

— Обязательно.

— Чем подвиг лучше, тем выше?

— Нет, Паша, не за подвиги, а за то, как будут сделаны доклады.

Герои, конечно же, были, но... Тема оказалась не такой простой, как поначалу ожидали дети. Это для большинства оставшихся на Земле все они, «марсиане» — герои. Но для них самих, прилетевших сюда вместе с родителями ещё совсем маленькими или даже родившихся и выросших уже под куполами красной планеты — ничего особенного. Тут все такие! Нет, были и те, кого и по меркам Марса можно назвать настоящими героями, но совсем немного.

У того же Пашки Гарина отец не дал сошедшему с орбиты транспортнику обрушиться на восьмой купол. Капитан Андрей Гарин совершил самый настоящий подвиг. Катапультировал экипаж и увёл корабль в сторону. После чего сам разбился вдребезги! Все ду-

мали, что погиб, но спасатели нашли тело в скафандре, а медики смогли собрать буквально по кусочкам. Летать капитан больше не мог, но до сих пор работает в космопорте восьмого купола диспетчером.

Эту историю и так все на Марсе знали, как, впрочем, и на Земле. Аварии такого рода случаются крайне редко. Да и сам Пашка уже сто раз хвастался. Но все выслушали, как он рассказал об отце-герое ещё раз. Тем более с некоторыми неизвестными подробностями. Павел Гарин вышел к доске (обычно дети отвечали со своих мест, но по такому случаю было сделано исключение) и во время доклада перебрасывал на неё из своего учебного планшета фотографии папы, грузового транспортного корабля и его обломков. Даже кусок обшивки пустил по классу. О его существовании тоже многие знали, но в руках довелось подержать далеко не всем.

Потом Наташа Воронова рассказала про свою маму. Она, в отличие от Пашки, никогда не хвасталась, но эту историю тоже все знали. Да и трудно утаить такую историю. Людмила Воронова остановила великую марсианскую эпидемию.

Биологи из третьего купола исследовали найденные на красной планете микроорганизмы и случайно заразились. Вообще-то, это считалось невозможным по причине полной несовместимости марсианской и земной жизни, но природа оказалась хитрее и коварнее, чем предполагал человек, и вирус каким-то образом мутировал. Хуже всего было то, что этого не заметили сразу, опасный микроб покинул стены лаборатории, и на карантин пришлось закрывать весь купол.

Паники не возникло. Марс — не Земля. Сюда прилетают не все подряд, да и никуда не денешься из-под куполов. Люди жили и работали так же, как и раньше. И умирали. Жертвами эпидемии, несмотря на все

усилия медиков, стали тридцать восемь человек. Для небольшой марсианской колонии довольно ощутимая потеря.

Врач Людмила Воронова нарушила карантин. Вошла внутрь третьего купола и заразилась вместе с остальными. И успела разработать сыворотку. Все дети в классе прекрасно помнили тот случай, но всё равно выслушали доклад Наташи о её героической маме.

— А ведь твоя мама совершила ещё один подвиг, ничуть не менее важный, — вдруг сказала Марья Петровна.

— Какой? — не поняла Наташа.

Другие ребята в классе тоже заинтересовались. Ожидали, что услышат нечто новое, ещё неизвестное. От Наташки такое вполне могли ожидать, она никогда ничего не рассказывала.

— Вывела «Аэлиту», сорт яблок, способный расти в марсианском грунте. Без куполов! — объяснила учительница.

Класс даже несколько разочаровался. Об «Аэлите» все прекрасно знали и не считали чем-то особенным. Ну, яблони? Ну, растут на красном грунте недалеко от куполов? И что? Все их не раз видели. Те яблоки даже есть нельзя.

— Они маленькие и горькие, я пробовал, — вставил Пашка Гарин.

Учительница строго на него посмотрела.

— Раз уж на то пошло, они пока вообще несъедобные, — напомнила она. — Но дело не в этом, а в символе. Теперь на поверхности Марса ежегодно цветут яблони. А это многого стоит!

Дети, конечно же, спорить не стали. Ту песню они все слышали, хотя и не понимали, что в этом особенного. На Марсе цветут не только яблони.

Ещё имелся один герой, которого все в классе знали лично. Ничего удивительного: во-первых, старший брат одноклассника Жени Маркина, а во-вторых, ученик этой же школы (под восьмым куполом она пока всего одна). Три года назад, когда ему было столько же, сколько и им, вездеход с пятым «А» потерялся в пустыне. И если бы только «потерялся». Назад, хоть по навигатору, хоть по собственным следам, вернуться можно всегда. Да и вызвать спасателей тоже. К несчастью, вездеход ещё и сломался, и, как назло, отказали не только двигатели, но и рация. И чёрт бы с ней, вещь, по сути, совершенно ненужная, пережиток устаревших инструкций, так как у любого при себе имелся планшет с выходом в планетарную сеть, которая, благодаря спутникам, покрывала уже весь Марс. Вот только, как назло, застряли прямо посреди аномалии, мощная рация оттуда пробилась бы без проблем, а планшеты никак. Хорошо хоть реактор и очиститель воздуха продолжали работать.

Из взрослых в той экскурсии присутствовали только водитель да учительница. Первый был ранен ещё во время аварии, а вторая подвернула ногу, когда попыталась пойти за помощью. Ещё повезло, что совсем недалеко от места крушения, поэтому смогла вернуться к вездеходу. Тогда Павел Маркин надел взрослый скафандр (в детском на такой путь не хватило бы воздуха даже с парой запасных баллонов, а на большее количество ранец не рассчитан, и их пришлось бы тащить в руках, что нереально и для куда более старшего), нацепил дополнительные баллоны и отправился за помощью.

Сначала его поступок сочли вовсе не героическим, а глупым, к тому же нарушающим инструкции. Мол, кто мешал просто спокойно посидеть сутки в вездеходе? Да и это самый крайний из всех возможных сроков,

потом бы их обязательно хватились и нашли. На самом деле раньше. Но уже ранним следующим утром началась песчаная буря. А они на Марсе могут бушевать неделями, а то и месяцами. Если бы не Павел, детям пришлось бы две недели сидеть в сломанной машине. С ранеными взрослыми и без еды! Нет, их бы обязательно бросились спасать. Несмотря ни на какую бурю. И обязательно бы спасли! Но ценой каких усилий и, возможно, даже жертв?

Об этом поступке мальчика тоже знали все. Детям его рассказывали, всегда особо подчёркивая, что инструкции, конечно, необходимо соблюдать, но не человек служит правилам, а правила человеку. И всегда могут возникнуть исключительные обстоятельства. Главное, быть умным, хорошо учиться и тогда можно будет вовремя понять, что это именно такая ситуация.

Если первые три героя были прекрасно известны всему классу, то о четвёртом не знал никто. О нём рассказал Серёжка Коржиков. Его дядя жил и работал в Лунограде. Это на Марсе атмосфера хоть очень разреженная, но всё же есть, и метеориты почти не беспокоят, во всяком случае, попаданий в купола не было ни одного, за всё время их существования. Хотя на поверхности красной планеты их находили в немалом количестве. У того же Пашки Гарина даже целая коллекция имелась. Да и не у него одного. Луна — совсем другое дело.

Очередной метеоритный дождь нарушил герметичность. Кроме главного купола, который так просто не пробить, и основного города под поверхностью, которому вообще ничего не страшно, там есть немало дополнительных объектов снаружи. Как правило, технические помещения, где люди бывают нечасто, но именно в тот момент в разгерметезированном отсеке находилась целая бригада. Дядя Сергея, не задумыва-

ясь, прикрыл отверстие голой рукой и держал, пока ремонтники не восстановили целостность обшивки. Таким образом, спас своих товарищей, а руку ему потом новую вырастили.

Если не у всех, то у многих дедушки, а то и бабушки участвовали в Третьей Мировой. Войне Судного дня, как её называли на западе, и Войне за Спасение, как она называлась на самом деле. В 2022 году Россия, Белоруссия, Украина и Казахстан после всенародных референдумов объявили о восстановлении СССР. И почти сразу на него напали фашистские страны НАТО, объявив референдумы незаконными и недемократическими. Там всегда объявляют выборы недемократическими, если результаты не нравятся. У многих ребят из класса были родственники, участвовавшие в той войне. Одни погибли, другие вернулись с наградами. Но никто из детей не сделал доклада в их честь. Они жили в мирное время, и трудовой подвиг ценился куда выше ратного.

Светлана Белова оказалась единственной, кто думал иначе. Девочка вышла к доске, но посылать туда изображение из своего планшета не спешила. В руках она держала массивную металлическую шкатулку, подёрнутую каким-то тусклым налётом, а то и намекающей ржавчиной. Всё так же молча передала предмет первой парте.

— Ой! Тяжёлая! — воскликнул Пашка, чуть не уронив.

— Конечно, — с гордостью ответила Светка. — Сварена из обшивки потопленного авианосца американских фашистов «Барака Хусейна Обамы». Крышка вырезана из бронестекла «раптора» какого-то там поколения, сбитого лично моей бабушкой.

Под стеклом, на красном бархате, лежало четыре одинаковых медали «За отвагу». Во всяком случае, на первый взгляд. Присмотревшись внимательней, можно было понять, что одна из них слегка отличается, и не только отсутствием внизу надписи СССР, но и диаметром.

— Первую медаль получил мой пра-пра-пра-прадед при обороне Москвы, — начала рассказывать Света.

Тяжёлая шкатулка пошла по рукам, а на доске появилась первая, потускневшая от времени фотография.

— Белов Пётр Иванович. Начал войну ополченцем под Москвой, закончил старшим лейтенантом при штурме Берлина. Там и погиб, не дожив до победы всего нескольких дней.

— Вторую медаль получил его внук, мой прапрадед. Лейтенант Белов Андрей Владимирович. За выполнение интернационального долга в Афганистане.

Света сделала паузу и поменяла изображение на экране планшета, соответственно и на доске. Второе фото тоже было старым, но всё равно замечалось, что между ними прошла целая эпоха.

— А почему третья медаль какая-то не такая? — раздался вопрос из класса.

— Да, ненастоящая! — поддержал его другой голос.

— Она настоящая! — возмущённо ответила девочка. — Меньшего размера и без СССР, но всё равно настоящая. Такие делали в те страшные времена, когда одни предатели развалили Советский Союз, а другие их молча поддержали. Её получил мой прадед Белов Евгений Андреевич, когда боролся с такими предателями и бандитами в Чечне. Было очень трудно, потому что их открыто поддерживали деньгами и оружием фашисты стран НАТО и продажные чиновники несоветской России.

На доске сменилось ещё несколько старых фотографий, на этот раз уже цветных, и девочка продолжила:

— А теперь про последнюю, четвёртую медаль. Я никогда об этом не рассказывала, но вы все и так знаете.

— Не знаем, — тут же ответил Пашка.

Мальчик вообще не понимал, как это можно не рассказать друзьям о чём-то интересном? Наташка ладно, но от Светки он такого точно не ожидал.

— Неужели? — хитро сощурилась девочка. — Может, скажешь, что и этого никогда не видел?

Света нажала заранее подготовленный файл у себя в планшете, и на доске появилась знаменитая, имеющаяся в любом учебнике истории, фотография. Имена героев, изображённых на ней, были известны всем в классе, просто Светке запрещалось хвастать, и все думали, что однофамильцы. Однако сегодня имелся законный повод рассказать семейную легенду, и девочка не могла им не воспользоваться.

Светкину бабушку, тогда ещё лейтенанта ВВС, сбили в небе над Вашингтоном. Как она оказалась в отряде, который поднимал красное знамя над американским Рейхстагом, Наталья Белова и сама не сумела ответить. Но факт оставался фактом, и фото семи бойцов на крыше Капитолия имеются не только в учебниках истории. Его видел весь мир! Шестеро мужчин в форме ВДВ и совсем ещё девчонка с косичками в порванном лётном комбинезоне.

За тот случай лейтенант Наталья Белова и получила свою первую медаль. И не только её. Звёзды Героев Советского Союза им всем тогда тоже дали.

Дети смотрели на одноклассницу и не могли поверить. Нет, не самому факту, в нём-то как раз никто не сомневался. Как?! Как они сразу не догадались?! Ведь

сходство с бабушкой на фотографии было абсолютно очевидно. Почти одно лицо!

— А почему тут одно пустое место? — спросил всё тот же Пашка, когда стальная шкатулка вернулась к нему.

— Для пятой медали, — ответила девочка.

— И где она?

— Пока нет. Когда мы улетали на Марс, бабушка подарила мне эту шкатулку. Назначила хранительницей семейной традиции и ещё взяла обещание, что следующая медаль будет моей.

Затем ученица отложила в сторону свой планшет, встала перед классом, подняла руку в приветствии и очень серьёзно произнесла:

— Я, юная пионерка Светлана Белова, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь выполнить данное бабушке обещание. Когда закончу школу, поступлю в военно-космический флот СССР и сделаю всё от меня зависящее, чтобы не посрамить славных предков и заслужить такую же медаль.

Класс замер в молчании. Такими клятвами просто так не разбрасывались. А уж Светка в особенности. Она всегда выполняла любые обещания. Затянувшуюся паузу нарушила учительница:

— Белова! У СССР нет военно-космического флота.

— Марья Петровна, я учусь только в пятом классе, — чуть ли ни со снисхождением ко взрослой, не понимающей простейших вещей, ответила девочка. — До окончания школы — целая вечность. Конечно же, к тому времени построят.

— Но у СССР нет врагов, для защиты от которых нужно строить космический флот, — попыталась убедить свою ученицу классная руководительница.

— Враги будут всегда! — твёрдо ответила девочка. — И отвага будет всегда! — Потом задумалась

и добавила: — Я читала историю. Когда в прошлый раз разваливали Советский Союз, тоже рассказывали, что у него нет врагов. Чем это закончилось, знают все.

Светка тогда много чего ещё наговорила и теперь сидела перед кабинетом директора. Но на этот раз не собиралась ни раскаиваться, ни брать своих слов обратно. А уж клятву тем более. Девочка твёрдо верила в светлое будущее и была готова за него сражаться. Значит, у будущего имелись неплохие шансы.

АЛЕКСЕЙ КОРЕПАНОВ

ЧАСЫ ДЭВИСА

Сьюзен Хэтчер заметила что-то непонятное в бледно-голубом весеннем небе, когда ехала по мосту через реку Чарльз, соединявшему Бостон с Кембриджем. Одинокое белое облачко парило где-то над зданием Массачусетского технологического института. Но слишком низко для обычных облаков. Кто-то из студентов решил с утра пораньше поразвлечься запуском воздушного змея?

«С них станется, — подумала Сьюзен, держа одной рукой руль электромобиля, а другой поднося зажигалку к сигарете. — Вроде и взрослые уже, а ведут себя иногда как малые дети...»

Впрочем, на воздушного змея странный объект не очень походил.

«Летающая тарелка», — мысленно усмехнулась Сьюзен и посмотрела на часы.

Утром она провозилась на десять минут дольше из-за проблем с аккумулятором и теперь имела все шансы опоздать в лабораторию к началу рабочего дня.

Летающие тарелки были уже не актуальны. Их затмили криттеры — якобы эфирные формы жизни, проникающие сюда из параллельного пространства, и загадочная аномалия на Фобосе, совсем недавно обнаруженная участниками Первой марсианской экспедиции.

Сьюзен перестала глазеть на небо и, съехав с моста, полностью сосредоточилась на управлении своей вызывающе оранжевой крошкой-«апельсинчиком».

Но, уже подъезжая к институту, вынуждена была вновь устремить взор в утреннюю лазурь. На дорожках и лужайках, задрав головы, группками стояли студенты, оживленно жестикулировали, что-то кричали в небо. Белое подобие облачка отсюда было видно гораздо лучше, чем с моста, и Сьюзен Хэтчер мысленно охнула.

То, что медленно кружило над институтскими корпусами и только-только оперившимися деревьями, очень напоминало человеческую фигуру. Фигуру в белом просторном одеянии, с двумя неподвижно распростертыми крыльями за спиной, похожими на лебединые. В руке этого создания что-то сверкало золотом в солнечных лучах. Что-то тонкое, длинное, похожее на...

«И я видел семь Ангелов, которые стояли пред Богом; и дано им семь труб...» — сами собой всплыли в памяти строки Откровения Иоанна Богослова.

Труба. Это, кажется, была труба.

Сьюзен усомнилась, действительно ли она проснулась сегодня или до сих пор продолжает спать. Наверное, так думала не только она.

Постоянно переводя взгляд с дороги на небо, вверх-вниз, словно котенок, следящий за скачущим мячиком, она доехала до стоянки и выбралась из «апельсинчика». Любопытство заставляло ее оставаться здесь, а долг тянул на рабочее место. Долг перевесил — рассматривать непонятное явление можно будет и из окон лаборатории, — и Сьюзен направилась к своему биофаку, то и дело оглядываясь и слыша приближающиеся трели сирен полицейских машин. И у входа чуть не наткнулась на Брайана Джонсона. Стриженный наголо бородатый сослуживец, как и другие, паялся в небо. Лицо его было таким же белым, как одеяние и крылья того, кто продолжал совершать круги над Массачусетским технологическим институтом, мировым лидером в области науки и техники, одним своим видом бросая вызов этой самой науке.

— От нас вылетел, — мертвенно сообщил Джонсон. — Разбил окно и... — Он слабо взмахнул рукой.

— Что?! — Сьюзен чуть не села на ступени.

— Да, — кивнул Брайан и вновь уставился на белую фигуру с золотой трубой. — Стрелять бы надо, пока не затрубил...

— Дэвис... — Сьюзен казалось, что она выкрикнула это во весь голос, а на самом деле ее шепота никто не услышал.

Чуть не оттолкнув сослуживца, она бросилась к дверям.

Коридоры... лестницы... коридоры...

Сьюзен, задыхаясь, ворвалась в лабораторию, сделала еще несколько шагов — и застыла, вперившись в пол.

Осколки стекла... Нет, не оконного, те лежали дальше. Осколки банки в лужице воды. Обыкновенная банка. Обыкновенная вода.

Сьюзен Хэтчер подошла ближе, взглядываясь в лужицу. Ничего. Ни одной детали. Она перевела взгляд на белую фигуру, парящую за окном. Приложила ладони к пылающим щекам. Если бы Джо Дэвис увидел это, он, без сомнения, отказался бы от своих давних слов.

Джо Дэвис...¹ Художник, дизайнер, исследователь... Когда-то он работал здесь, в этой лаборатории, у Александра Рича...²

Этой истории было уже много-много лет. Как-то раз Дэвис разобрал свои часы и положил все детали в банку с водой³. В ту самую банку, осколки которой сейчас валялись на полу. «Часы-зародыш» — так назвал он свой опыт. Опыт — насмешку над теорией о самозарождении жизни из первичного бульона.

«Хаотичное перемещение молекул когда-то привело к сборке более сложных соединений», — заявляли сторонники этой теории.

«Часы намного проще биологических молекул, но никакой самосборки в банке что-то не наблюдается», — заявил через несколько лет после начала своего опыта Джо Дэвис.

И вот...

Сьюзен Хэтчер вновь посмотрела в разбитое окно.

И вот.

Самосборка все-таки произошла. Но получились отнюдь не часы.

---

¹ Джо Дэвис — сотрудник лаборатории молекулярных структур Массачусетского технологического института. На основе изысканий в области молекулярной биологии, микробиологии и биоинформатики осуществил ряд проектов с использованием генетических баз данных и новых биологических художественных форм.

² Александр Рич — американский ученый, открыл Z-ДНК с левой стороны структуры.

³ Это не выдумка автора.

Ангел... Ангел в белом одеянии с золотой трубой. Безгрешный служитель Господа, радеющий о вразумлении людей и даровании мира на земле.

Ведь так?

Или это совсем о других ангелах?

Существо в белом приставило к губам трубу.

— Стреляйте! Стреляйте в него! — донесся до Сьюзен истошный вопль Брайана Джонсона.

Словно невидимая волна прокатилась в воздухе, искажая очертания деревьев и зданий. И в наступившей вдруг невероятной тишине прогремели выстрелы полицейских «глоков». Белая фигура дернулась, как рыба на невидимом крючке. Выпавшая из рук труба сверкающим росчерком устремилась к земле. А вслед за ней Денницей низверглось с высот существо, сотворенное опытом Джо Дэвиса.

Но Сьюзен уже не смотрела туда. Выстрелы не прекращались — полицейские, словно обезумев, перенесли огонь на толпу.

Кричали... Падали, обливаясь кровью... Убегали, с треском продираясь сквозь кусты...

А потом...

Сьюзен, не веря своим глазам, уперлась дрожащими ладонями в подоконник.

Люди перестали разбегаться и с пронзительными криками набросились друг на друга. Визги, стоны, рычание, хруст ломающихся костей, перекошенные лица, звериные взгляды... Огромный грузовик с ревом вылетел на лужайку и начал давить, давить, давить, носясь по кругу... Где-то за деревьями грохнуло, потом еще раз...

Сьюзен зажмурилась, почувствовала, как рот наполняется солоноватой кровью из прокушенной губы. Какофония страшных звуков под окном становилась все громче. Ревели, завывали моторы. Вопли удалялись.

Открыв глаза, она увидела, что остатки толпы бегут прочь, а навстречу им несется другая толпа. Ветер донес еще чьи-то далекие крики. Отовсюду... отовсюду... Брайан Джонсон с залитым кровью лицом лежал у ступеней.

Черный фонтан ярости и ненависти взметнулся внутри ее существа. Сьюзен жаждала, Сьюзен безумно хотела убивать... убивать... убивать!.. Добраться до «апельсинчика», помчаться в школу, ворваться в класс — и растерзать сына... И всех! Всех!

— Н-нет... — простонала она и обеими руками оттолкнулась от подоконника. — Нет!..

Ее трясло от ярости.

Она на негнущихся ногах сделала два шага от окна, наклонилась и подняла с пола осколок стекла. Черный фонтан бил и бил, не переставая.

— Не-еет... — выдохнула она и полоснула себя по горлу.

За рекой, над бостонскими крышами, поднимался дым. И виднелась в траве втоптанная в землю золотая труба, залитая кровью.

ДЖОРДЖ ЛОКХАР

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ЗЕМЛЮ

-4000

Эгга стоял у своей перевернутой лодки и глядел на большое серое яйцо, которого вчера — он был почти уверен — здесь не было.

— Драться будешь? — с тревогой спросила жена. Эгга покачал большой лохматой головой и жестом приказал женщине вернуться в чум. Но Укка с рождения была непослушной. Она вошла в дом и сразу вернулась, таща по снегу боевую дубину Эгги. Мужчина нахмурил брови.

— Ты первая будешь! — рявкнул он на жену. Теперь Укка послушалась и скрылась в чуме. Эгга, недовольно заворчав, поднял дубину и направился к яйцу.

Подойдя поближе, он остановился и почесал в затылке. Яйцо было очень большое — в два раза выше чума. Скорлупа тускло блестела на Солнце, словно тюленья кожа, и снега на ней совсем не было. Но ночью шёл снег. А здесь снега не было. Эгга озадаченно нахмурился.

Немного подумав, он решил обойти яйцо. Со стороны моря в скорлупе обнаружилась большая дыра, она слабо светилась, и над ней был нарисован олень. Хорошо нарисован, правильно. Эгга улыбнулся.

«Олень», — подумал он. Раз олень — значит, яйцо уже нашёл Чучун. Больше никто в кепеше не умел рисовать оленей. Но Чучун трус. Если Чучун был здесь и нарисовал оленя — значит, совсем ничего страшного в яйце не осталось.

«Следы», — подумал Эгга. Сюда ходил Чучун, значит, должны быть следы. Но следов нет. И снега нет. Значит, вечером, ещё до снега, сюда ходил Чучун, залез в яйцо, всю ночь сидел, утром вышел, убрал снег с яйца, бросил его в море, нарисовал оленя, снова вошёл в яйцо и сейчас там сидит.

Поняв это, Эгга топнул ногой и потряс дубиной, вызывая Чучуна наружу.

— Яйцо ближе моему чуму, чем твоему, оно моё! — крикнул он.

Но вместо Чучуна из яйца вышел маленький человек — как ребёнок, только зелёный. От удивления Эгга чуть не уронил дубину.

— А где Чучун? — спросил он, когда опомнился.

Зелёный маленький человек похлопал себя по голове и сказал:

— Абориген, я посланник великой империи Аддар. Ваша планета, Земля, так далеко от нашей, что я летел сюда целую тысячу ваших лет. Империя желает захватить Землю, но для этого нам нужно добровольное согласие хотя бы одного её жителя, иначе галактический совет не одобрит нашу операцию и у империи будут неприятности. Скажи, что приглашаешь нас — и я исполню любое твоё желание.

Из всей речи Эгга понял только одно: зелёный человек пришёл сюда, чтобы захватить его чум. Прежде, чем в голове родились другие мысли, Эгга громко закричал и со всего маху ударил пришельца дубиной по затылку. Зелёный маленький человек молча свалился в снег.

— Никто! Не! Тронет! Мой чум! — проревел Эгга, потрясая дубиной. Потом он подумал, зачем нужен его чум этому человеку, когда у него уже есть такое хорошее яйцо? Совсем не нужен, правильно. Значит, Чучун, когда ходил сюда, подговорил зелёного человека отнять чум Эгги и дать ему, а за это нарисовал на яйце оленя.

Поняв это, Эгга зарычал от злости и бросился бежать, размахивая дубиной. Теперь он сам отнимет чум у Чучуна! И пусть знает, как посылать к нему зелёных маленьких людей!

Тем временем зелёный маленький человек с трудом встал и потряс головой.

— Не получилось, — заключил он печально. — Попробую через две тысячи лет.

Когда вечером покрытые синяками Эгга и Чучун вместе пришли бить наглого пришельца, яйца уже не было. Чучун решил, что Эгга над ним посмеялся, и они ещё раз подрались, а Укка, жена Эгги, тем временем трепала волосы Чаки, жены Чучуна.

Утром они помирились и вместе поплыли на рыбалку. Спустя месяц они начисто забыли о ссоре.

— 2000

Когда в самом центре солнечного Сибариса, посреди роскошного парка Триквиния, торговца пряностями в четвёртом поколении, за одну ночь выросло уродливое серое яйцо, почти никто в городе не удивился. Вражда Триквиния со скульптором Алкменом уже успела всем надоест, и лишь несколько престарелых геронтов явились поглядеть на очередное творение мстительного гения.

— На этот раз он перешёл все границы, — сухо заметил Эфрисфей, недавно пышно проводивший семидесятый десяток. Его друг, пожилой художник Клеон, с отвращением оглядел серое яйцо.

— Алкмен, разумеется, сделал вид, что он тут ни причём.

— Разумеется, — фыркнул самый старший из геронтов, престарелый Патрокл, в юности сумевший даже в Сибарисе прославиться распущенностью. О тунике Патрокла ходили легенды по всей Элладе; говорили, что он отдал за неё двадцать серебряных талантов и ждал семь лет, пока вышьют узоры.

— А что должен означать этот символ? — любопытно спросил юноша, проходивший мимо. Он спешил в театр, где сегодня великий актёр Пелопс разыгры-

вал трагедию Латоны, и спросил лишь из уважения к возрасту геронтов.

Эфрисфей поджал губы.

— Откровенно говоря, молодой человек, спрашивать надо Алкмена, создателя этого безобразия.

— Отчего же безобразия? — Клеон улыбнулся. — Определённые образы сие творение, несомненно, вызывает...

Под ухающий смех стариков юноша поспешил дальше. А к геронтам, тяжело дыша, подошёл хозяин парка Триквиний.

— Я сыт по горло, — изрёк он, мрачно воззрившись на яйцо. — В прошлый раз Алкмен изобразил меня в виде химеры с туловищем козла, змеями вместо ног и... кхм...

— Действительно, не стоит упоминать о хвосте, — поспешил Патрокл. Триквиний покраснел.

— Но это... это... Почтенные, до каких пор нам терпеть его выходки? Этот отвратительный, уродливый камень испортил мне весь парк! И как, скажите на милость, он его сюда приволок?

Клеон задумчиво огладил бороду.

— Действительно, интересная задача... — приблизившись к яйцу, он постучал по его поверхности и улыбнулся.

— А вот и ответ. Это не камень, почтенный Триквиний. Это полый деревянный каркас, обшитый тканью. Следует признать, что искусство Алкмена возросло, обмана не видно даже вбли...

Договорить он не успел, поскольку в яйце бесшумно открылась квадратная дверь и оттуда вылез ребёнок, окрашенный зелёной краской с ног до головы. Окрашенный краской! В Сибарисе, чья чистота, роскошь и богатство прославились по всему миру, от хмурых

пирамид Египта до диких лесов северных варваров. От возмущения геронты лишись дара речи.

— Аборигены, я посланник великой империи Аддар, — сказал ребёнок. — Моя планета желает захватить власть на Земле, но для этого нам нужно добровольное согласие аборигенов. Пригласите нас, и я исполню любое ваше желание.

Патрокл так побагровел, что Эфрисфей, опасаясь, что его хватит удар, похлопал старика по спине. Престарелый геронт с шумом перевёл дыхание.

— Это... это неслыханно!!! — возопил он.

Мальчик в зелёном удивлённо моргнул.

— Вы меня не расслышали? Я — посланник империи Аддар...

— Вон отсюда!!! — взвизгнул Триквиний. — Вон!!! Я сегодня же, нет, сейчас же потребую изгнания Алкмена!

— Мы поддержим вас, — с чувством ответил Клеон. — Это неслыханно, так оскорбить самых почтенных граждан города!

Эфрисфей покачал головой.

— Подумать только, какая дерзость... И цвет, вы взгляните на этот омерзительный цвет!

Посланник империи Аддар украдкой себя оглядел.

— А что не так с моим цветом? — спросил он робко.

Это превысило меру терпения геронтов. Схватив мальчишку на руки, Клеон поднял его над головой и гневно потряс.

— Вернись к Алкмену и скажи, чтобы готовился покинуть город! Передай — мы этого так не оставим! И немедленно, слышишь, немедленно помойся!

Оставив перепуганного мальчика возле отвратительного яйца, возмущённые геронты устремились к дому

Алкмена, стоявшему на другом конце города. Посланник империи Аддар проводил их грустным взглядом.

— Опять не получилось, — сказал он, чуть не плача. — Что ж, попытаюсь через две тысячи лет.

Когда возмущённые горожане приволокли Алкмена в парк, яйца и след простыл. Скульптор яростно отрицал свою причастность к этой глупой шутке, и за неимением доказательств, его пришлось отпустить. Но Триквиний запомнил насмешку. Спустя месяц Алкмен обнаружил у себя в мегароне дохлую, измазанную грязью собаку. В отместку он ночью покрыл двери дома Триквиния неприличным узором. Спустя четыре тысячи лет эта дверь позволила археологам сделать заключение о царившем в Сиба-рисе разврате.

0

Иосиф был пьян. Сегодня его жена рожала ребёнка, зачатого в блуде, и он ничего не мог с этим поделаться. Ещё семь месяцев назад раввин предупредил, что если с плодом случится несчастье, с самим Иосифом случится нечто похуже.

— Не горюй, друг... — В траву рядом с ним опустился какой-то оборванец. Иосиф поднял мутные глаза.

— Ты ещё кт... кт... кто? — выдохнул он.

— Забыл уже? — Оборванец усмехнулся. — Я главопоющего в пустыне!

Сквозь винный туман наконец проник зрительный образ, и Иосиф растянул губы в улыбке.

— Ваня!

— Иоанн.

— Ваня, Ваня... — Он потерябил курчавые волосы друга. — Зачем пить в пустыне, Ваня?.. Выпей со мной. Вот...

Дрожащей рукой он наполнил чару золотистым вином и протянул Иоанну.

— Пей до дна.

— Я не пью...

— В такой день, и не п... п... пьёшь?

Иоанн задумался.

— А ты прав. Сегодня можно и выпить.

Выдохнув, он опорожнил чару до дна и причмокнул.

— Однако какое вино! Где достал?

— Эти принесли... как их... волхвы.

Иоанн чуть не подавился.

— Дьявольское пойло! — прошипел он.

— Кончай, Иван... — Иосиф блаженно улыбнулся. — Дай хоть раз в жизни волю своему д... д... дьяволу. Пей, пей. Когда ещё такой п... п... повод будет...

Иоанн не ответил. Белый как мел, он смотрел куда-то за спину Иосифа. Там что-то тяжело бумкнуло.

— Говорил я... — прошептал бледный Иоанн. — Дьявольское пойло...

Иосиф с трудом обернулся. То, что он увидел, заставило его икнуть и широко раскрыть глаза. На траве стояло громадное серое яйцо.

— Ни... ни... ни фигу себе, — выдохнул Иосиф. Тем временем в яйце раскрылась квадратная дверца, и оттуда выбрался самый натуральный, ярко-красный чёртик. Иоанн упал в обморок, его друг уронил чару с вином.

— Скажите, с моим цветом сейчас всё в порядке? — тревожно спросил дьяволёнок. Иосиф потрясённо кивнул.

— Хана мне... — прошептал он. — До чёртиков допился...

— В прошлый раз цвет не понравился, — пожаловался дьяволёнок.

Иосиф, помотав головой, машинально ответил:

— Да ничего, красный в самую точку.

— Отлично! — обрадовался чёртик. — Тогда слушайте. Я посланник великой империи Аддар...

«Из Ада, прямиком!» — понял Иосиф. Эта мысль так его потрясла, что пока он опомнился, дьяволёнок уже заканчивал речь:

— ...пригласите нас добровольно, и я исполню любое ваше желание.

Иосиф задохнулся.

«Как пить дать, искушает!»

Пить. Пить! Вспомнив о вине, он принялся судорожно искать свою чару. Дьяволёнок молча наблюдал.

— Кончилось... — в отчаянии прошептал Иосиф. — Вино кончилось!

Чёртик, казалось, задумался.

— Пригласите нас, и я дам вам много вина, — сказал он хитро. Иосиф побледнел.

«Знает, как искушать, падло...» — И тут в его затуманенном мозгу мелькнула блестящая, гениальная, спасительная, восхитительная, невероятная и потрясающая мысль. Спеша, чтобы её не упустить, Иосиф поднял голову.

— Выпьешь со мной — п... п... приглашу!

«Я его опою! Все черти и равнины на вино падки!»

Чёртик растерялся.

— Но... но я не пью ваше вино!

— Так пей св... св... своё, — невозмутимо ответил Иосиф. Протянув руку, он потеревил неподвижного Иоанна. — Ваня, проснись...

Иоанн поднял голову. Его лицо было белее мрамора.

— Улетел?... — прошептал он.

— Кто?

— Сатана!!!

Иосиф задумался.

— Сейчас спрошу... — сказал он неуверенно. — Эй, чёрт, тебя как кличут-то?

Красный дьяволёнок присел на траву рядом с Иосифом.

— Вас интересует моё имя?

— А... а... ага.

— Меня зовут Нехкцьлитшьлепмур.

Иоанн снова упал в обморок. Иосиф почесал в затылке.

— Не... Тебя будут зв... зв... звать Иисус.

— О грешник! — возопил Иоанн, на миг придя в себя, и вновь потерял сознание — на этот раз от возмущения. Иосиф довольно улыбнулся.

— Точно... Так ей, бабе моей, и надо... Чтоб не гуляла, стерва... А ты, ты пить-то бу... бу... будешь, Изя? Чертёнок обреченно вздохнул.

— Буду. — Он похлопал себя по голове. — Всё равно и здесь ничего не выйдет.

Дьяволёнок заглянул в своё яйцо и вытащил оттуда два больших кувшина, а сам вернулся, как он сказал, за «бокалами». Иосиф тем временем растолкал Иоанна и поспешно налил ему полную чару.

— Пей, а то вернётся — ты опять вы... вы... вырубишься.

Иоанн послушно выпил. Внезапно у него выпучились глаза, а из ушей повалил дым. Иосиф почесал в затылке.

— Кувшин п... п... перепутал, что ли?..

Неожиданно Иоанн упал на колени.

— Откровения!!! — завопил он. — Слышу глас божий! Грядёт звезда Полярная! Левиафан, огнём облачён, и шествует! Престол небесный!!!

Чертёнок, как раз выбиравшийся из яйца, уронил бокалы.

— Что с ним?! — спросил он в страхе.

— Перепил, — со знанием дела ответил Иосиф. — Бывает.

— ...и шестикрылый серафим на перепутье мне явился!!! — продолжал орать Иоанн. Внезапно он обернулся и схватил чертёнка за горло. — Я тебя крестить буду, водой, понял?! Я всех вас крестить буду! Хотите, не хотите! Сейчас тебя крестить буду!!!

Дьяволёнок завопил:

— Не надо!!! — вырвавшись, он шмыгнул в своё яйцо. Дверь закрылась, и дьявольская повозка взмыла в небо, быстро превратившись в яркую звезду. Иоанн пустился бежать к реке, выкрикивая что-то об «Откровениях».

Иосиф почесал в затылке.

— Ну, дела...

В этот момент к нему подбежали несколько старцев в странных одеяниях. «Волхвы...» — вспомнил он смутно.

— Ты видел?! — старейшина схватил Иосифа за плечи. — Видел звезду?! Мессия родился!!! Твоя жена принесла сына, и в миг его рождения вспыхнула звезда! Пришёл мессия!!!

— Да?... — только и сумел выдать счастливый отец.

— Дурак! — мгновенно забыв про него, волхвы бросились прочь, крича о приходе мессии. Иосиф почесал в затылке.

— Звезда?.. Мессия?...

Вдали, на реке, слышались дикие крики Иоанна. От места, где возбуждённые волхвы разлили вино дьяволёнка, поднимался слабый дымок.

— Мне надо выпить, — твёрдо сказал Иосиф. — Да и момент подходящий.

С трудом встав, он, пошатываясь, побрёл к пещере. На небе одна за другой гасли звёзды.

+2000

— Я посланник великой империи Аддар...

— Мальчик, кинопробы берут в павильоне номер двенадцать! — бросив на пришельца яростный взгляд, оператор продолжил бег по коридору, толкая перед собой тележку с кассетами.

Огненно-красный инопланетянин покрутился на месте и пристал к уборщице, стиравшей пыль с телевизора.

— Пожалуйста, выслушайте меня. Я посланник великой империи...

— Комната двенадцать, — не повернув головы, сказала уборщица.

Вздохнув, посланник империи Аддар отправился искать павильон номер 12. Поиски продлились довольно долго, но наконец уставший и запыханный пришелец подошёл к громадному бородатому человеку в буром свитере и дёрнул его за рукав.

— Это павильон номер 12? — спросил он робко.

Мужчина смерил гостя пронзительным взглядом.

— Инопланетянин?

Пришелец подпрыгнул.

— Да! Я посланник великой империи Аддар... — Захлёбываясь от волнения, он повторил формулу. — ...Пригласите нас, и я исполню любое ваше желание!

Чернобородый человек задумчиво почесал в затылке.

— Н-да. Кто писал текст?

— А?... — растерялся пришелец.

— Спрашиваю, кто писал этот вшивый сценарий.

Инопланетянин поник.

— Я писал.

— Так я и думал, — заметил чернобородый. — Ты студент, наверно?

Посланник содрогнулся.

— Как... как вы поняли?

— Опыт, — вздохнул чернобородый. — Вот что, парень: играешь ты сносно, но текст никуда не годится. Да и грим, уж прости, дрянной — где ты сегодня видел инопланетника-гуманоида?

— Гуманоидная форма очень распространена в секторе ТТК! — запротестовал пришелец.

— Ты сейчас в секторе ДТВ, а не ТТК, — фыркнул человек.

— Что?!

Инопланетянин попятился.

— Нет... — пробормотал он. — Я не мог так сбиться с курса. Вы ошибаетесь, — попытался он объяснить. — В секторе ДТВ гуманоиды не живут, там доминируют крылатые рептилии с рогами.

Чернобородый расхохотался.

— Вот тут ты прав, парень! — утирая слёзы, он встал с высокого стула. — У нас и вправду одни рептилии на телевидении. Пошли, я придумаю для тебя что-нибудь.

Посланник застыл.

— Вы... вы приглашаете нас? Приглашаете?!

Человек почесал в бороде.

— Вас? А много вас?

— О, да! — пришелец просиял. — Миллионы!

— Нет, миллионы тут не нужны, — вздохнул чернобородый. — Впрочем... ОК, валите все, сколько вас там есть. На шоу Тимати не хватает массовки.

— Спасибо!!! — пришелец упал к ногам человека. — Спасибо! Теперь говорите, какое желание вам исполнить?!

— Желание? — Чернобородый рассмеялся. — Подними рейтинг моей программы хоть на один балл, и я тебя вечно помнить буду.

Посланник встал и важно поклонился.

— Считайте, что ваше желание исполнилось, абориген. Позовите сюда оператора.

— Хм-м-м... — Человек почесал в затылке. — Эй, Попеску! Иди-ка сюда.

— Да, босс? — Длинноногий и худой парень с камерой выскочил из дверей.

Чернобородый кивнул на пришельца.

— Снимай его.

Оператор пожал плечами и направил на гостя камеру.

Много позже, в мемуарах, он писал, что не уронил её лишь потому, что оцепенел от страха. У чернобородого все волосы встали дыбом, проходившая по коридору уборщица упала в обморок. А пришелец тем временем, встряхнув крыльями, посмотрел на людей с высоты трёх метров и широко улыбнулся.

— Ещё раз спасибо вам, абориген, за согласие подвергнуть Землю вторжению нашей победоносной Империи. Ваш памятник будет установлен в главном зале музея Захваченных Миров.

Он расплыл стену взглядом, и с неба, в облаке пламени, спустился сверкающий как алмаз звездолёт, чем-то напоминавший яйцо размером с дом.

— Прощайте, земляне, но не расслабляйтесь! — прокричал инопланетянин. — Не пройдёт и двух тысяч ваших лет, как мы вернёмся и захватим эту планету!

Зловеще рассмеявшись, он ступил в луч света, и корабль сам втянул его ввысь. Взревели двигатели, потемнело Солнце. Посланник империи Аддар улетел.

Чернобородый человек вернул на место челюсть и почесал в затылке. Четыре раза.

— Ты снял это? — спросил он хрипло.

Оператор судорожно кивнул.

— Первое место в рейтингах всей планеты, — прошептал чернобородый.

— Да нет, на первое не потянет...

— Потянет, ещё как! — Человек потёр руки. — Звуковую дорожку заменим, конечно, на такую дешёвку никто в наше время не купится. Но блеск! Корабль! Крылья! Держу пари, в первый же день после эфира мне позвонит Спилберг и попросит дать лицензию на внешность монстра!

Оператор с сомнением покачал головой.

— Брось, это существо совсем не походило на монстра.

— А я, по-твоему, похожу? — фыркнул чернобородый. — Дело не во внешности, дело как её подать! Поверь мне, друг — я сделаю монстра из кого угодно.

— Верю, — помолчав, ответил оператор.

Подняв камеру, он с размаху швырнул её в пролом, и долго следил, как аппарат падает вдоль стен стоэтажного небоскрёба.

Удара он уже не увидел.

+4000

Эгга стоял у входа в пещеру и глядел на сотни, тысячи сверкающих алмазных кораблей, плавно спускавшихся с неба. Сзади тихо подошла Укка.

— Это ты видел во сне? — спросила она.

— Ещё со времён большого огня, когда Солнце спустилось на землю, все в нашем клане один раз в жизни видят этот сон, — ответил он негромко.

— Но теперь его видят все...

— Да, — сказал Эгга. — И это уже не сон.

Один из прекрасных кораблей опустился совсем рядом с ними. Оттуда выбралось большое крылатое существо и направилось к пещере.

— Где люди? — спросило оно.

— Мы здесь, гость, — ответил Эгга.

Существо обвело пещеру растерянным взглядом.

— Но... но вы были другие!

Эгга взъерошил перья и весело подмигнул жене.

— Других не осталось, о гость. — Он распахнул крылья и поклонился пришельцу. — Добро пожаловать на Землю.

ТИМУР АЛИЕВ

КАК ВСЕ

— Эй, мистер, купите газету! Пять рублей.

Неуместное «мистер» резануло слух. Артур поморщился и отрицательно покачал головой, даже не посмотрев на то, что настойчиво совал ему в руку чумазый подросток лет двенадцати.

— Всего пять рублей! — настаивал тот, не отставая от мужчины, стоящего с сыном на оживленном перекрестке. — Купите!

Светофор вспыхнул зеленым, пешеходы, словно рабочие муравьи, двинулись по «зебре» двумя встречными цепочками, но подросток продолжал тащиться

следом, вытянув вверх голову и канюча свое «ну, купите».

Трехлетний Эдик, до того норовивший вырваться вперед Артура и с торжествующим хохотом заявлявший: «Папа, я — первый», засмуцавшись маленького продавца, ухватил отца за палец и спрятался за его ногу.

Сам факт наличия на улице мальчишки Артура, конечно, слегка удивил. Он давно уже не встречал в городе детей до четырнадцати лет. Подростки возвращались сюда только с наступлением возраста полноценности. По всей видимости, так же обстояло дело и с этим — видимо, он просто был слишком subtilen для подростка. Придя к такой мысли, Артур успокоился, как вдруг приставучий мальчишка оказался впереди него, и мужчина едва не полетел носом вниз, запнувшись за его ногу. «Чертов ребенок», — раздраженно отозвался он. Очень тихо, почти про себя. Но регистратор уловил. Тоненький пластиковый браслет на запястье сына полыхнул красным и по-комариному пискнул. Однако побледневшему отцу едва слышимый звук перекрыл гомон большого города. При чем тут его сын? Да, он произнес запретное слово, но ведь в адрес не своего ребенка!

Артур прочертил взглядом по предплечьям продавца и не увидел на них браслета. Ну, правильно, он ведь уже вышел за пределы мальчишеского возраста и не обязан носить регистратор. Вот и сработало единственное устройство в пределах слышимости! Артур сам виноват, нужно правильное выбирать слова...

Мужчина с трудом сдержался, чтобы не влечь продавца подзатыльник — все-таки из-за этого шалопута пострадал его сын! — но на полпути остановил занесенную руку — кто знает, как отреагирует регистратор Эдика. К счастью, приборчик на руке снова

светился спокойным розовым цветом, и это означало, что ничего непоправимого пока не случилось.

В любом случае лучше побыстрее отвязаться от прилипчивого попрошайки. Артур вслепую вытянул из кармана первую попавшуюся купюру — это оказалась десятка, и протянул ее мальчишке. В ответ тот всунул в руку мужчины туго свернутый газетный лист без сдачи и переключился на идущих по «зебре» навстречу. Через пару секунд «куупите газету» раздавалось далеко за спиной.

Артур хмыкнул и развернул покупку. Ну, конечно, мысленно усмехнулся он, а утверждают, что дети не врут. Или так говорят только про младенцев?.. В руках у него находился кондовый официоз — правительственный «Гражданин Р» — предназначенный для бесплатной раздачи. Кроме того, номер еще и устарел — дата выпуска на две недели отставала от сегодняшнего дня. Артур чертыхнулся, смял газету и, тщетно поискав взглядом урну, сунул скомканный лист в карман пиджака.

* * *

В подъезд зашли, словно семейство слонов на прогулке: высокий стройный отец — впереди, сын — чуть сзади, держась за полу пиджака. «Пойдешь первым?» — привычно (за год наработал рефлекс) поинтересовался Артур. В знакомой обстановке мальчик осмелел. С криком «я — первый» он бросился штурмовать лестницу, напоминая Гагарина, впервые поднимающегося по трапу ракеты. На шум выглянула соседка с первого этажа. Сколько раз Артур выходил или заходил в подъезд, столько раз он сталкивался с этой теткой с криво приклеенной улыбкой.

— Вот молодец, сам идет, папа на руках уже не носит, — одобрила она. Заметив напряженный взгляд Артура, тут же сама себя испуганно оборвала, посмотрела на мальчика. — Это же твое решение, верно, маленький гражданин?

Эдик важно кивнул и затопал вверх по лестнице. Отец последовал за ним...

Прихожая встретила вошедших запахом обеда.

— Мама, мама! — позвал Эдик. Он сел на стульчик и вытянул ноги в зашнурованных сандалетах — снимайте, родители!

Луиза выскочила из кухни и склонилась над сыном:

— А вот и мамин Эдичек! Что так долго? Гуляли в парке?

— Я не Эдик! Я — чек-паук! — обиженно засопел мальчик.

Женщина вопросительно посмотрела на мужа.

— Человек-паук, — расшифровал тот.

— Хорошо. Будешь сегодня человеком-пауком, — легко согласилась Луиза. Заметив пятно на еще утром белоснежной кепке, озабоченно потерла его пальцем.

— Что, замарался?

Лицо мальчика скривилось в плаксивой гримасе.

— Нет, не замарался! Не замарался!

Луиза поспешила исправиться:

— Ничего страшного, почистим...

Однако мальчика это не успокоило. Он спрыгнул с табурета, забился в угол, сев прямо на пол и скрестив руки на груди, и зло поблескивал глазами, словно Маугли в стае волков.

— Нет! Нет! Не замарался!

Артур подошел к всхлипывающему сыну, погладил его по голове, озабоченно глянул на запястье. Индикатор не мигал, по-прежнему светясь розовым. Артур с облегчением выдохнул и мягко попрекнул жену:

— Забыла, какой завтра день?.. Зачем ты так с ним?

— А что я сделала? — искренне удивилась Луиза.

— Его Адам испачкал, когда они боролись в парке.

Он мне по дороге уже все рассказал.

— Ну а я что сказала? Какая разница — испачкал или...

Она осеклась, глядя на прижавшего палец к губам мужа.

— Есть разница. Он и так пострадавший. А ты, нет чтобы пожалеть, еще упрекаешь. Любому обидно будет, — пояснил Артур, раздевая сына.

— Сложно с вами, мужчинами, — Луиза пожала плечами, вернулась на кухню.

Артур проследил, чтобы мальчик зашел в свою комнату, и двинулся за женой.

Та возилась у кухонной плиты. Пахло одуряюще — жареная печень была ее коронным блюдом. Артур втянул ноздрями аромат, остановился в дверях:

— Прости. Устал сегодня, переживаю, вот и сорвалось, сама понимаешь...

— Я не обиделась.

Прямая спина Луизы говорила об обратном.

— Ты же знаешь, мы не имеем права давить на него. Никаких понуждений, никаких оценочных суждений.

Спина не дрогнула:

— Хочешь сказать, я люблю его меньше, чем ты?

Артур разозлился:

— Нет, просто мы по-разному понимаем, что такое любовь.

Еще не закончив фразу, он уже понял, что перегнул, и попытался перевести разговор на другую тему:

— Сегодня у одного мальчишки газету купил, а она оказалась двухнедельной давности. Паршивец...

Оскорбленная Луиза сдержанно пожала плечами:

— А что такого, пускай работает...

— Да под видом продажи он милостыню просил! Разве это работа?

— Приносит деньги, значит, работа. Самостоятельный опять же... — Она достала из шкафчика стопку тарелок, пошла к обеденному столу. — Эдик! Иди кушать!

— Не «иди кушать», а «будешь кушать»? — поправил жену Артур. — Неужели сложно запомнить?

Луиза грохнула о стол тарелку, взорвалась сама:

— О-ох, как ты меня уже достал! Скорее бы завтра! Чтобы все закончилось...

* * *

После ужина Луиза осталась на кухне — гремела тарелками в мойке. Эдик что-то черкал красным карандашом в альбоме.

Сам Артур присел на диван в зале и напряженно следил за сыном. Осознав в какой-то момент, что его колено непроизвольно танцует самбу, решил успокоиться — вытащил из кармана пиджака «Гражданин Р». Всю верхнюю половину первой страницы занимала речь премьера о важности гражданской позиции каждого жителя страны. В подвале «кирпичом» торчал огромный репортаж из местного Центра развития личности с дурацким названием «От Урала до Церала». Только такого чтения ему сейчас не хватало! Он поморщился и развернул газету, чтобы не видеть ненавистного названия.

Его внимание привлекла большая таблица на второй странице: рейтинг стран мира по уровню терпимости в обществе. Артур поискал Россию, оказавшуюся примерно в середине списка. Растем, подумал мужчина,

разглядывая данные на соседней — Китай, Польшу, Израиль и Турцию. Затем опустил взгляд в низ страницы. В зоне так называемой «нулевой толерантности» привычно чернела Северная Корея...

Хрумс! Газетный лист вдруг треснул посередине и зазмеился разрывом — сквозь него показалось довольное лицо Эдика, державшего в вытянутой руке карандаш:

— Папа, рисовать! Давай!

Артур скривился — с такими нервами, как у него сейчас, не до «рисовать». Но детские психологи советовали: в беседе с ребенком нельзя ничего запрещать, лучше перевести разговор на другую тему. Обычно помогало. Иногда Артур пытался задействовать этот принцип и в общении с женой, но здесь срабатывало гораздо реже.

— Эдуард, скажи, сколько тебе лет?

Мальчик вытянул вперед ладошку с растопыренными пальцами и, напряженно глядя на них, с некоторым сомнением произнес:

— Три.

Артур одобрительно кивнул:

— Молодец. А ты в курсе, что завтра у тебя день рождения?

— Куда?

— Не куда, а когда... Завтра... День рождения — это такой праздник.

— Новый год? — обрадовался мальчик. Пока в его памяти отложился только один праздник. — Снег будет?

— Нет, не Новый год. Но тоже праздник, — объяснил отец. — А снег зимой будет.

— Праздник! — радостно повторил за отцом Эдик. — Подарок будет? Елка? Мал Мороз?

— Дед Мороз, — поправил его Артур. — Он будет зимой. И подарки обязательно будут.

— Ура! Ура! Спасибо, папа! — ошчастливленный мальчик вприпрыжку бросился в свою комнату, и вскоре оттуда раздался пронзительный шепот — Эдик делился радостной вестью с любимыми игрушками...

Артур вновь открыл газету, но чтения не получалось — мысли, занятые сыном, не давали сосредоточиться. Резкий звонок в дверь буквально сбросил мужчину на пол.

— Кого это принесло на ночь глядя? — удивился он и пошел открывать.

* * *

На пороге стоял мужчина лет пятидесяти — худощавый, седой, с короткой щеточкой усов. И в сером плаще.

По плащу Артур и узнал его.

— Мы ожидали вас только завтра, господин инспектор, — обреченно заметил он.

Мужчина пожал плечами:

— Инновация в работе... Так эффективнее, как установили. Снижается риск возможных последствий. И так далее... Поймите правильно.

— Каких еще последствий? — сухо отозвался Артур. Он не предложил гостю ни войти, ни сесть, и тот так и торчал в дверях. — Кто установил?

— Поймите правильно, — снова повторил инспектор. — Это ради вашей пользы. Нужно предупредить — чтобы чего не натворили за ночь. По нашей статистике, самый опасный период... Сами понимаете, тех, кто пробует бежать, ждет наказание.

Артур досадливо дернул плечом.

— А что, есть такие?

— К сожалению, случаются подобные антиобщественные поступки, — сокрушенно отозвался инспек-

тор. Артур невольно обратил внимание — гость оперировал только неопределенной формой глаголов.

— И куда бегут? — Артур старательно изобразил незаинтересованный взгляд.

Инспектор улыбнулся одними губами.

— Сами понимаете, информация закрытая. Но вам скажу... За границу бегут, в сельскую местность. Просто в бомжи... Глупые люди... Таких отлавливают с вероятностью в девяносто восемь процентов.

Ага, значит, двум процентам все же удастся скрыться, подумал Артур. Но инспектор словно подсмотрел его мысли:

— Остальные просто гибнут. Во время задержания... Разрешите, я сяду.

Артур молча развел руками — кто вам может запретить? Инспектор опустил на табуретку и теперь смотрел на хозяина квартиры как бы снизу вверх. Впрочем, увереннее Артур себя не почувствовал. Он переступил с ноги на ногу.

— Инспектор, послушайте. Вы ведь правозащитник и...

Мужчина перебил его, замахав руками:

— Ну что вы, что вы. Нет, конечно. Я сотрудник Офиса по защите прав личности.

— Я так и говорю. Ваш офис ведь раньше назывался аппаратом уполномоченного по правам ребенка?

— Нет-нет-нет, это совсем другая организация... — открестился инспектор. — Хотя некоторые люди откуда действительно работают у нас. Но это говорит лишь об универсальности механизма защиты прав в целом. Вне зависимости от того, чьи права мы защищаем... — Инспектор явно не впервые отвечал на подобные вопросы — чувствовалась сноровка. — И вообще, не пытайтесь подловить или переубедить меня. Моя личная позиция, если бы она даже отступала от общей, ни-

какого значения не имеет. Я — только часть системы. Оставьте глупые мысли, что если из нее вынуть винтик, то она развалится. У нас не та система.

— Так, значит, у вас есть личная позиция?

— Я же сказал: «если бы»... Моя позиция совпадает с общественной. Потому я и работаю в Офисе. И свою работу, между прочим, люблю...

Повисла пауза. Атмосфера в прихожей сгустилась настолько, что казалось — воздух между хозяином и гостем превратился в прозрачное желе.

— Ладно, — вздохнул, наконец, инспектор. — Беседу я провел, предупредил, и так далее. Так что, смотрите, не вздумайте дать деру. Бессмысленно, сами понимаете... А мне пора идти. Мой рабочий день давно окончен. Я к вам и так внеурочно забежал. Чтобы по-человечески, так сказать... Теперь ждите утром.

Сердце Артура радостно екнуло.

— Завтра?! — не веря своему счастью, спросил он. — Значит, у нас есть еще день?

— Половина суток примерно. — Отвечая, инспектор даже не посмотрел на часы. — Готовьтесь, короче. Утром прибудет машина...

Он поднялся, неловко махнул рукой, прощаясь, и вышел, сам прикрыв за собой дверь.

* * *

Артур снова зашел на кухню. Луиза елозила тряпкой по полу.

— Кто приходил? — спросила она, не прерывая работу и пятясь спиной к стоящему в дверях мужу.

— Инспектор. Они забирают Эдика.

— Как? Почему сегодня?! Я же не собрала его вещи! — возмутилась женщина, распрямляясь.

— Не сегодня. Завтра.

— А, ну тогда ладно, — сразу успокоилась она.

— Как ладно? — взорвался Артур. — Ты что, не понимаешь, мы его теряем. Навсегда.

— Что ты несешь? — удивилась женщина. — Мальчику нужна социализация. Нужны сверстники. Мы ему всего этого дать не сможем.

— Ага. А ты в курсе, что мы больше не увидим его?!

— Не драматизируй. Сам же говорил, что встречал сегодня на улице самостоятельного мальчишку... Вот и наш вернется сформировавшейся личностью... У нас в детстве почти так же было. Мы родителей только на каникулах видели. И ничего, выросли...

Артур вздохнул. Вроде они с женой ровесники, а отношение к жизни совсем разное. Она — плоть от плоти общества, а он будто выродок какой-то, неприспособленный к современности маргинал. А ведь было время, даже думали в унисон...

— Все время забываю, что ты сама интернатская, — горько заметил он.

— И что? — с вызовом спросила жена. — Это была хорошая школа жизни.

— Да иди ты! — психанул он и выскочил из кухни, изо всех сил хлопнув дверью. В кухонном шкафчике задрожала посуда. Луиза крутнула пальцем у виска и вернулась к уборке.

* * *

На шум из своей комнаты выскочил Эдик. Не рассчитав скорости, поскользнулся на ламинате, врезался прямо в стоящего посреди зала отца. Тот подхватил его на руки, усадил на диван, сам присел рядом.

— Ты не хотел бы поговорить с дядей Германом? — спросил он сына.

Эдик несколько секунд посопел, как бы размышляя, затем протянул отцу руку с браслетом. Аккуратно взяв ее за кисть, Артур несколько раз в определенной последовательности надавил на индикатор. Браслет отозвался длинными гудками. Минут пять никто не отвечал, и Артур уже потерял всякое терпение, когда послышался недовольный голос:

— Алло!

— Герман, вы должны мне помочь! — Артур слегка наклонился над браслетом, хотя никакой необходимости в этом не было — чувствительности микрофона могла бы позавидовать летучая мышь.

— Кто это?

— Это Артур... Отец Эдика... Вспомнили? Мы уже почти год ваши подопечные, — попытался напомнить Артур.

— Государство обязало меня консультировать вашу семью, но это не означает, что вы должны беспокоить меня в любое время дня и ночи, — сварливо отозвался Герман. — Ладно. Что у вас стряслось?

— У нас хотят забрать сына. Только что приходил инспектор. Он сказал, что вернется завтра утром. Времени почти не осталось. Что нам делать?

Повисла пауза.

— А в чем, собственно, проблема? — наконец откликнулся Герман. За это время он, видимо, заглянул в досье Эдика, потому как сразу приступил к делу. — Дополнительный год, что, согласно заявлению, вам выделило государство, истек. Мальчик должен отправляться в Центр развития личности, как все его сверстники...

— Но ведь индикатор горит пока только розовым! А не оранжевым! И не красным! — перебил его Артур.

— Совершенно верно. По имеющимся у меня данным, ваш уровень нетерпимости не превышает семидесяти процентов. Весьма неплохой показатель, уж поверьте. — Герман, похоже, снова сверился с какими-то показаниями. — Но какое отношение это имеет к вашему сыну? Регистратор предназначен для вашего контроля, а не его.

— Что за чушь? — возмутился Артур. — Тогда какого черта мы таскали эту хрень? За последний год я ни разу не вошел в комнату сына без разрешения, ни разу не приказал ему сделать то-то и то-то, всегда обязательно спрашивал, каким будет его желание, лишний раз боялся назвать его «ребенком» (на последнем слове индикатор мигнул красным). И все ради чего?!

— Очень правильное поведение, — похвалил его голос в браслете. — Граждане младшего возраста — потенциально дискриминируемая группа, постоянно находятся в зоне риска, потому за их окружением нужен постоянный контроль... И зря вы так возмущаетесь! Между прочим, эта, как вы сказали, «хрень», позволила вашему сыну остаться в семье до наступления трехлетнего возраста. Если бы уровень индикации достиг порогового значения, мальчика забрали бы у вас на следующий день. Уж поверьте... И не говорите мне, что не знали этого.

Артур уронил голову в ладони, с натугой потеряв лицо. Конечно, он знал. Но почему-то словно забыл, вбил себе в мозги, что, если они с Луизой будут предупредительны с сыном, если не станут давить на него, если не позволят зажечься оранжевому («как апельсин, папа, да?») цветку у него на запястье, то их мальчик останется с ними... Откуда он вообще это взял?! Или в природе человека так изначально заложено — голову в песок постоянно закапывать?..

Воспользовавшись тем, что отец отвлекся от разговора, Эдик, не привыкший долго сидеть на одном месте, заерзал на диване и потянулся к карандашам.

— Эдик, можно мы еще с дядей Германом пообщаемся? — тут же встрепенулся Артур. Мальчик нехотя кивнул.

— Зря вы ему имя дали, — неодобрительно отреагировал консультант. — Уж поверьте.

Артур отреагировал болезненно:

— И как я должен был называть его все эти годы? Эй?

— Нет, конечно. Нужно было подождать, пока он выберет себе имя. Самоидентификация очень важна для развития личности... Он как-то называет себя сам?

— Человеком-пауком, — неохотно признал Артур.

— Вот видите, — удовлетворенно заметил Герман.

— В его возрасте половина мальчишек называет себя точно так же, — возразил Артур. — Влияние массовой культуры приводит к потере индивидуальности. А разве бывает личность без индивидуальности?

— Бывает. Вы знаете, бывает. Главное, что они выбирают себе имя осознанно. А поступок и делает человека личностью.

— Осознанно становиться частью толпы — это поступок? — горько спросил Артур.

— Не считайте людей глупее себя! — возмутился консультант. — Они не толпа, они — общество... Вообще, ваша семья вызывает у меня недоумение. Почему вы не желаете счастья своему сыну?

— Жить в лагере — счастье? Не видеть до четырнадцати лет родных отца и мать — тоже счастье? — зло выкрикнул Артур. — Что за бред?.. Почему в мире исчезли понятия «дети» и «взрослые»? Откуда взялись эти уродские «полноценные личности» и «развиваю-

щиеся личности»? Почему я просто-напросто не могу назвать ребенка ребенком?

Индикатор на запястье Эдика трижды пискнул, сработав на слова «дети» и «ребенок», и загорелся чуть более ярко. Артур испуганно моргнул, прервал сам себя.

— Мне прочитать вам лекцию? — По голосу Германа чувствовалось, что он раздражен. — Вы же прекрасно знаете, что человек становится личностью уже в два года. Но родители, пускай бессознательно, привыкли давить на своих... — консультант замолчал, подбирая «правильное» слово, — чад, ломая их психику и нарушая права, которых у него не меньше, если не больше, чем у граждан старшего возраста.

— И какое же право я нарушу, назвав его, — Артур посмотрел на сына, внимательно слушавшего разговор отца с «дядей Германом», — ребенком?

— Использованием данного термина вы дискриминируете его по возрастному признаку. Очень серьезное нарушение.

Артур всплеснул руками в раздражении. С букведами что в лоб, что по лбу. За целый год общения с бесплотным голосом из браслета Артуру не удалось ни на миллиметр пробить его обманчиво мягкую броню из запретов и нормативов. Иногда мужчине казалось, что никакого консультанта Германа не существует вовсе, а он общается с автоответчиком.

— Разве это нормально?

— Что именно?

— Отрывать двухлетних малышей от собственных родителей. Запрещать им видаться до определенного возраста. Нормально, да?

— Конечно. Норма — это то, что происходит чаще всего и принято всеми, — терпеливо заметил консультант. — А в наше время все люди в возрасте от

двух до четырнадцати лет живут в Центрах развития личности. Там они общаются только со сверстниками. Никто из людей старшего возраста не может оказать на них давления. В итоге человек вырастает в *полноценную самостоятельную личность*. Чем это нехорошо?

— Во времена моего детства ничего подобного не делалось...

— Все меняется. То, что было когда-то нормой, сейчас недопустимо. И наоборот. Нужно просто уметь соответствовать эпохе, — мягко попенял ему голос. — Между прочим, закон об охране детства был принят на всенародном референдуме, и за него проголосовало девяносто пять процентов населения нашей страны.

— Значит, я был в числе пяти процентов! — зло отозвался Артур.

Герман тут же отреагировал:

— Держите свои эмоции при себе... И учтите, я ваш консультант только до момента исполнения трех лет вашему сыну. А этот день наступает уже завтра в ноль часов ноль-ноль минут. Значит, у нас осталось... около получаса.

— Герман, Герман, подождите! — взмолился Артур. Он вдруг вспомнил маленького продавца газет. — А вы уверены, что все дети обязательно помещаются в Цералы? Может, бывают исключения?!

— Нет, не бывают! — отрезал консультант. Его голос вдруг напрягся — волнение Артура было слишком явным. — Или у вас есть другая информация?

Артур смутился: как бы не подставить паренька.

— Нет-нет, — замотал он головой, словно консультант мог увидеть его. — Я просто подумал — а вдруг?.. До свидания. Спасибо вам. — Он торопливо нажал на отбой. Последние слова уже упали в пустоту.

* * *

Несколько минут после разговора Артур не мог прийти в себя. От раздумий его отвлек Эдик, заказавший «хочу рисовать». Тогда он отправил сына в его комнату, подсунув цветные карандаши и чистый альбом, а сам тем временем подсел за компьютер и вошел в Интернет. На экране высветился установленный в качестве домашнего сайт форума deti.ru.

Артур зашел мышкой, перелистывая страницы в поисках нужной темы. Наконец увидел. Ссылка «Как спрятать вашего ребенка от инспектора Центра развития личности» отличалась от прочих своим цветом — Артур не впервые посещал эту тему. Под текстом от пользователя с ником «Крысолов» было накидано с десяток комментариев. В основном все они адресовались автору первоначального сообщения. Артур не стал перечитывать его. Строчки и так отпечатались в его голове, словно выжженные клеймом. «Крысолов» предлагал родителям, не желавшим отдавать своего ребенка в Церал, спрятать его от инспекторов за умеренную плату. Гарантию он давал стопроцентную.

Артур крутанул колесико мышки, нашел свое последнее сообщение. Под ним, подсвеченный красным, мигал новый ответ от «Крысолова»: «Сегодня, в час ночи, на театральной площади, у третьего столба справа».

Артур нажал кнопку «ответить», коротко написал: «Мы готовы». Несколько минут поскучал в ожидании ответа, получив «Ок», сразу вышел из форума...

Заглянул в комнату сына. Эдик возился с фигуркой человека-паука, укладывая его спать в картонную коробку.

— Чек-паук, гулять пойдешь?

- Куда?
- На улицу.
- На улицу?.. Пойду.
- Тогда давай одеваться. Сам оденешься или помочь?..

* * *

В подъезде уже горел свет — на улице совсем стемнело. Соседка с первого этажа опять «караулила» в подъезде.

— Куда это вы, на ночь глядя? — спросила она, не отрывая взгляда от объемной сумки в руках мужчины.

— Прогуляться перед сном, — коротко бросил Артур, пытаясь проскочить мимо соседки. Но ее внушительный бюст перекрыл выход.

— Хорошее дело. — Она как бы одобрительно улыбнулась, но глаза ее не изменили бдительного выражения.

«Меня не обманешь», — подумал Артур, ответно раздвинув губы. Соседка перевела взгляд на мальчика.

— Что-то долго он у вас задержался... Сколько ему уже?

Внутри Артур весь полыхнул — «ты-то куда лезешь, старая крыса», но сдержался, ответил невпопад, имея в виду инспекторов из Церала:

— Им виднее.

— Ну да, ну да. — Она чуть сдвинулась в сторону. В образовавшуюся между ее корпусом и перилами щель уже можно протиснуться.

Внезапно Артуру стало интересно.

— А ваши дети где?

Соседка растерялась:

— К-какие дети?

— Ну, ваши. Вы же женщина, мать... У вас были дети?

— Конечно. Двое. Мальчик и девочка, — гордо выпрямилась соседка.

— И где они сейчас?

— Переехали в другие города. Устроились. Иногда имэйлы шлют.

— То есть вы их в детдом не сдавали?

— Почему детдом? — Брови соседки полезли еще выше на лоб. — Они у меня в школу ходили. При коммуне... А... Вы про Центры развития личности говорите? Странно вы их как-то называете... Так в то время их еще не существовало.

— А если были бы... отдали?

— Конечно. Ведь так все делают.

Артуру стало зябко. Еще несколько секунд он смотрел на полуоткрытый рот недоумевающей соседки, а в голове стучало молоточками — «все делают, все делают, все...». Из оцепенения его вывел Эдик, дернув за руку и заканючив: «На улицу хочу».

Они вышли из подъезда, стуча каблуками по тротуарной плитке, двинулись темными проулками в сторону центрального проспекта. Звук их шагов далеко разлетался по ночному городу... Мальчик что-то бубнил себе под нос. Артур не слушал его, уйдя в свои мысли.

За полчаса они добрались до ярко освещенной театральной площади. На залитом белым светом фонарей прямоугольнике не было ни души. Только длинные тени от разбросанных по плоскости цилиндрических стелл Героев — за примитивную форму в городе их прозвали «столбами». Артур присмотрелся — третий «столб» справа отбрасывал сразу две тени. При появлении мужчины с мальчиком одна из них отделилась от другой и обернулась человеческим силуэтом. Выйдя из-за столба, фигура слегка развернулась в их сторо-

ну, приветственно махнула рукой. Артур кивнул в ответ, двинулся наперерез через перекресток...

Навстречу вдруг выскочил давешний подросток — продавец газет. «Дяденька, спасите!» — прокричал он, хватая Артура за рукав. Эдик испуганно отшатнулся.

— Что случилось? — Артур с трудом оторвал цепкую руку, поставил попрошайку перед собой, насупил сурово брови, подозревая новую разводку. — Чего ты хочешь, а?

— За мной гонятся! Не отдавайте меня! — Мальчишка дрожал как лист на ветру. Артур удивился — продавец газет действительно был сильно напуган.

Из-за угла, визжа тормозами, вывернула темная «Ауди» с опущенными стеклами. Двое сидящих спереди парней осмотрелись по сторонам и, заметив мужчину с детьми, переглянулись. Машина снова рванула, резко затормозив прямо у ног Артура.

— Я тебя знаю? — Сидящий за рулем смутно знакомый толстяк в белой майке попыхивал сигареткой.

Артур пожал плечами, стараясь сделать это как можно нейтральнее. Больше всего он опасался сейчас, что парни в машине связаны с инспекцией Церала.

— Твой малец? — Толстяк указал на подростка.

— Нет, — отстранился от попрошайки Артур. — А вы кто? Полиция?

Толстяк хохотнул, толкая своего товарища в бок.

— Слышь, Гас, мы на копов, по ходу, смахиваем... А ну-ка, гражданин, — он подмигнул Артуру, — ответь нам, что такое гражданское общество?

— Что?

— Что-что? — передразнил его толстяк. — Ты не тупи давай, говори, что такое гражданское общество. И без зауми всякой, своими словами...

На миг Артуру показалось, что он вернулся в детство и два школьных хулигана поймали его в безлюдном переулке.

— Ну... это общество равнодушных...

— Во-о! — уважительно протянул толстяк. — Четко сказал, хвалю... Так вот, мы и есть равнодушные люди. Не можем проехать мимо, когда видим, как кто-то тянет наше общество в болото...

В этот момент Артур вспомнил, где видел демагога — на оптовом рынке. Буквально вчера он покупал у него картошку с лафета.

— В болото? — недоуменно переспросил он. От газетного канцелярита толстяка Артура буквально зашло.

— Ага! — радостно заржал толстяк. — В болото равнодушия и антигражданственности... Слушал последнюю речь президента?.. Тогда почему преступника укрываешь, гнида? — вдруг гаркнул он.

— К-какого? — побелел Артур.

— Вот этого. — Похожий на сардельку палец уставился на продавца газет. — Бегунка.

— Это неправда! — завизжал попрошайка. — Никакой я не бегунок. И уже вышел из Церала... Мне еще в марте четырнадцать лет исполнилось... Дяденька, я не вру!

Он попытался уйти за спину Артура. Тот шагнул в сторону, не давая ему спрятаться.

— Ага, — засмеялся толстяк. — А паспорта нет... Если тебе бояться нечего, езжай с нами... — Он доверительно свесился из окна машины и поделился с Артуром: — Бегунок, ясное дело. Не хочет полноценной личностью становиться... Ну да мы поможем!

Артур промолчал, стискивая в руке ладошку сына. Попрошайка отчаянно вскрикнул и бросился бежать вдоль дороги. Иномарка с ночными охотниками азар-

тно рванула следом. Но прежде чем сорваться с места, толстяк выразительно посмотрел на мужчину с мальчиком и погрозил им пальцем:

— Будьте бдительны, граждане! Это я вам от имени общества говорю...

* * *

Голосящий на всю улицу попрошайка скрылся за углом, машина ушла следом. Артур огляделся. Фигура спряталась за стелу, но, судя по раздвоенности тени, никуда не исчезла.

Артур сделал шаг по направлению к площади и вдруг резко остановился. По инерции Эдик забежал вперед, но, увидев, что отец стоит на месте, вернулся.

— Пап, куда? — пропищал мальчик. — Домой?.. А Мал Мороз будет?

— Будет, — бросил мужчина, хватая сына за руку. — Завтра утром придет!

Индикатор на запястье снова моргнул, реагируя на резкий жест, — в который раз за вечер. Артур, не обращая на него внимания, потащил ребенка за собой. Когда свернули за угол, отпустил. Уставший мальчик и сам рвался домой. Возвращались молча.

* * *

Свет в квартире не горел. Не дождавшаяся возвращения мужа и сына, Луиза уже спала. Рюкзачок с вещами Эдика белел в углу прихожей — Луиза была хорошей матерью и женой. Артур мягко подтолкнул ребенка к его комнате, шепнув-таки привычное — «пойдешь спать, сынок?» — и ушел в спальню, не дожидаясь ответа.

Скинул одежду, присел на угол кровати. Луиза лежала на своей стороне, повернувшись спиной к мужу. Артур наклонился над ней, прислушался к ровному дыханию — кажется, спит, — аккуратно лег рядом, вытянулся во весь рост, заложив руки за голову. Было слышно, как, укладываясь, бубнит в своей комнате Эдик. Наконец и он затих. Артур ворочался еще с полчаса после этого, с трудом забылся...

Спал он плохо, часто просыпался, смотрел на часы — утро приближалось медленно, рывками. Подушка пропиталась потом, ее дважды пришлось переворачивать в поисках сухих мест. К утру Артур перегорел — вырубился на пару часов. Около семи открыл глаза — показалось, что стучат в дверь. Полежал, ожидая продолжения. Стук не повторился. Но и заснуть больше не удалось.

Дотерпел до восьми. Встал. Долго плескался в душе, потом пил крепкий чай. Голова была совершенно пустой. В девять он подошел к зеркалу в прихожей. Черные круги под глазами, стиснутые до ломоты в зубах челюсти. Он вздохнул. Пора будить остальных.

* * *

Звонок прозвенел без четверти десять — когда вся семья умылась и уже даже позавтракала. Эдик битых полчаса ерзал на стульчике, маясь в ожидании «Мал Мороза»...

Открывать пошел Артур. На пороге стоял вчерашний инспектор. Гладко выбритый, благоухающий туалетной водой. Острым взглядом он зацепился за рюкзак в прихожей, похвалил:

— Готовы? Молодцы!

Затем внимательно посмотрел на Артура:

— Плохо спали? Понимаю... Ну, где наш герой?

Луиза подвела к нему сына, подала сумку с вещами. Инспектор взял Эдика за руку, в другой зажал рюкзачок.

— Папа, пока! Мама, пока! — Эдик, вырвав у «Мал Мороза» ладошку, весело помахал ей родителям и побежал вниз, считая ступеньки: — Один, два, три, семь, восемь, тринадцать...

Инспектор с той мерзкой улыбкой, что в дамских романах иногда именуют «лукавой», взглянул на Артура:

— Когда сообразили?

— Что, простите? — не понял Артур.

— Говорю, когда догадались, что «Крысолов» — наш человек?

Артур тупо посмотрел на инспектора. Тот взял его под локоть, вывел на лестничную площадку, прощаясь, махнул головой Луизе в закрывающуюся дверь, двинулся вниз.

— Удивлены? Я ж говорил, инновации... Но вы поступили совершенно правильно... Пускай не сразу, но главное, что сами... Мальчика все равно отправили бы в Центр развития личности, оставив вас в ложной уверенности его «чудесного спасения». А вы не получили бы морального удовлетворения от осознания правильности своего поступка. Мучились бы неизвестностью — как там сынок, где скитается? И при этом считали бы свой поступок антиобщественным, непатриотичным и так далее...

Они стояли уже на улице перед подъездом — здесь инспектора ждал служебный УАЗ. Эдик с восторгом разглядывал большие колеса, осторожно щупая протекторы.

— Вы на работу сейчас? Вас подвезти? — спросил инспектор у Артура.

— Не стоит.

— Ну что ж, вы молодец! Еще раз спасибо. — Инспектор снова подал руку мужчине.

— Не за что. Я как все. — Артур вяло пожал протянутую ладонь, махнул сыну на прощание и двинулся в сторону автобусной остановки, не оглядываясь и слегка сутулясь.

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

АВТОРСКАЯ КОРРЕКТУРА 45-ГО КАЛИБРА

Еще до пробуждения Эдвард Роу знал, что новый день станет по-настоящему знаменательным. За несколько минут до того, как домашний секретарь начал тревожить хозяина нарастающими музыкальными ритмами, тот распахнул карие глаза. И сразу понял — когда такие дни приходят, нужно быть готовым. Ко всему. И ни в коем случае не упустить шанса на нечто глобальное, если таковой представится.

Повторно ощущение знаменательности пришло в ванной комнате, где Тед промывал рот новой маркой стоматологического геля, придававшего зубам отенок отборного океанского жемчуга. Чувство нахлынуло, приятно перехватило контроль над дыханием, приподняло волосы на загривке.

Тед улыбнулся собственному отражению, растянул губы в акульей улыбке. Зарычал, продолжая скалиться до боли в скулах, и удовлетворенно подмигнул крепкому парню в зеркале. Это придавало сил, это заряжало

энергией. Завершая ритуал суггестического программирования, Роу прочел короткую агрессивную мантру офисных менеджеров высшего звена.

Предчувствия не обманули Эдварда. День действительно стал знаменательным. Вошел в историю, налип на зубы членов правления фирмы так, что те еще не скоро избавились от послевкуся. Однако в эту утреннюю минуту до момента, когда началась стрельба, было еще довольно далеко...

Предельно собранный, заряженный позитивом и готовый к пожиранию любой рыбешки, осмелившейся заплывать в опасные воды «Саймон, Шустер и Усманов», Роу покинул дорогие апартаменты. Спустился с предпоследнего этажа кондоминиума в прохладный подвальный гараж.

Еще из машины подтвердил выход на рабочую линию, устраиваясь на заднем сиденье и застегивая на левом запястье браслет сенсокомма. Рабочие очки (новейшая модель от «Самсунг-Лотте», шесть дисплеев неслыханной четкости и разрешения, работа без подзарядки в течение 72 часов, чудовищной производительности процессор) положил рядом так, чтобы была видна вся поступающая на линзы информация.

Почта, почта... Отчеты отделов маркетинга, несколько личных писем романтического характера, официальные ответы юридического цеха касательно актуальных тяжб с авторами, жалкие пресс-релизы конкурентов, а также мольбы и несколько угроз...

Закапав глаза специальным средством, смягчающим последствия многочасового контакта с киберглассом, Роу проморгался и надел главный рабочий инструмент офисной акулы XXI века. Очки плотно угнездились на лице, и Тед приступил к разбору утренней корреспонденции.

Закончить не успел — через восемнадцать минут приземистый «Мерседес Галлей» припарковался у центрального входа в громаду «Миллениум Плазы», где кровожадные представители делового океана сосуществовали на десятках просторных ультрасовременных этажей.

Запрограммировав машину на парковочную операцию, Тед выбрался под бледные лучи сентябрьского Солнца. Вдохнул запах бетонной вселенной, в которой не без оснований считал себя далеко не последним звеном пищевой цепочки.

Крутанувшись на шарообразных колесах, умный «Мерседес» укатил за угол. Вклинился в автоматизированную систему парковочного лифта, занимавшего восточную стену массивного небоскреба. Уплыл в поднебесье.

Пробежавшись пальцами правой руки по едва выпуклому диску сенсокомма, Роу сгреб рабочие окна в правый верхний угол очков. До максимума увеличил прозрачность кибергласса, по-хозяйски оглядев проспект.

За его спиной к «Плазе» продолжали беспрерывно подкатывать блестящие, выполненные из лучшего армированного пластика машины. Выплывали хозяев, как один обряженных в лучшие деловые упаковки, и покорно удалялись на отдых. Процесс был настолько прекрасен в своей монотонности и четкости, что Тед разрешил себе несколько лишних секунд созерцания.

Решив, что довольно напился шумной энергией тысяч менеджеров, безостановочно втекающих в коралловый риф, где к вечеру определено сожрут не одного бедолагу, Роу позволил потоку подхватить себя и рванулся внутрь.

Чуткие сканеры системы корпоративной безопасности ощупывали входивших жадными взглядами, вос-

принимая двуногих хищников, как это делает сама Мать-Природа: без искусственной пиджачно-галстучной маскировки, обнаженными и просвеченными насквозь в поисках вшитой под кожу взрывчатки.

Холл был охвачен утренней лихорадкой распределения живых ручейков по рабочим местам. Многочисленные лифты не справлялись. Кое-где уже образовались очереди, и самые шустрые пытались их миновать, участвуя в шумных, но беззлобных перепалках.

Те, кто успел отметить прибытие в центральном терминале, наверх уже могли не спешить. Спрятав верхние половины лиц под мобильными киберглассами (конечно же, не такими современными и производительными, как у Роу или других топ-менеджеров «Саймон, Шустер и Усманов») они приступили к работе прямо из холла, заключая и расторгая сделки, покупая, продавая, обманывая, попадая в ловушки и не переставая мечтать о наиболее теплых водах рифа...

Со скукой осматривая этаж, сверкающий хромом и зеркальным стеклом, Эдвард неспешно двинулся к северному крылу. Похожие на вымерший вид огромных черепах, в толпе шныряли роботы-уборщики. Распластавшись по полу, они выискивали грязь и мусор, наперегонки подчищая за людьми.

За машинами оставались широкие блестящие следы, на которых до полного высыхания моющих средств читалась надпись «Осторожно, влажный пол!». Предостережение, разумеется, чередовалось с рекламными объявлениями, вроде «Артропульсар 3000: ваше сердце прослужит еще сто лет» или «Забудьте о дурных снах с «Морфополом».

Кибергласс присел на трижды защищенную сеть «СШиУ», и на его обладателя тут же посыпались запросы от робкой офисной фауны, подчинявшейся непосредственно Роу. Тот взялся отвечать, рассылая еще

в дороге заготовленные задания и расписания совещаний.

Секретарша личной приемной попыталась пробиться на приватный разговор, но мужчина с легким раздражением оборвал вызов. Если девчонка не усвоит, что по утрам не существует тем, которые нельзя обсудить через сеть или корпоративные формуляры, ее работа на 47-м этаже не будет долгой...

Обнаружив, что у необходимых ему лифтов скопилось слишком много желающих наверх, Тед свернул к стойке с газетами. Позволив торговой системе вычесть с его счета нужную сумму, выдернул из раздатчика три тонких листка электронной бумаги.

Первый — воскресный выпуск «Нью-Йорк пост», просмотрел мельком и без интереса. Дернул специальный перфоключ в правом нижнем углу единственной страницы, уронил гибкий лист под ноги; взялся за «Уолл-стрит джорнел». Освобожденные из крохотного резервуара, прожорливые синтокислоты бросились истончать обреченный листок, лишь отдаленно напомилавший бумагу в ее устаревшем понимании.

Через несколько секунд не стало ни пожирателей, ни биорекурсионной материи, на которой цивилизованный мир печатал новости и сенсации. К кучке серой кашицы подкатил чистильщик, всасывая останки «Поста» и боязливо пятясь от столкновения с Тедом.

«Уолл-стрит» привлек внимание Роу в гораздо большей степени. С интересом проглотив оглавление, он упер указательный палец в прохладную псевдотрехмерную поверхность газеты, торопливо листая сенсорные страницы.

Нашел искомое. Впился взглядом.

Сегодня утром представители «Всемирной авторской гильдии» вынесли окончательный вердикт — повесть «Пурпурные очки Питера Рокуэлла» действительно принадлежит перу великого американского фантаста Рея Брэдбери. Данный факт подтвержден серией глубоких лингвистических и почерковедческих анализов, проведенных специальными компьютерами «Гильдии», а также рядом независимых экспертов и литературоведов. Всего на изучение подлинности рукописи ушло почти два месяца.

Напомним, что ранее не публиковавшееся произведение было выкуплено европейским издательством «Аксель Шпрингер АГ» у анонимного коллекционера на условиях, подробности которых не разглашаются. Условия, на которых родственники мэтра отечественной фантастики согласились на публикацию и передачу авторских прав, также держатся в строгом секрете.

Однако ряд специалистов продолжает настаивать, что обнаруженная повесть является суррогатным продуктом. В частности, профессор английского языка Кентского Университета Джереми Леннерхайд заявил нашему изданию: «В мире, где фрагмент ногтя великого автора стоит дороже сотен человеческих жизней, которыми издатели жертвуют в поисках останков, никоим образом нельзя принимать на веру появление так называемых «утерянных сокровищ», заполонивших современный рынок художественной литературы».

Каждый текст, якобы обнаруженный родственниками автора или иными приближенными лицами, достоин досконального, многолетнего изучения. Поспешный вердикт вредит литературе, как влажность — хорошей книге. Только взгляните, сколько «внезапно обнаруженных шедевров» было опубликовано за последние

одинадцать лет! Неоконченный роман Достоевского, очерки Дюма, рассказы Чапека и Лема. И ведь половина этих произведений впоследствии была признана суррогатным продуктом, попирающим не только нормы закона, но и нравственности!»

В случае, если «Пурпурные очки» все же будут признаны суррогатом, корпорации «Аксель Шпрингер АГ» предстоит понести материальную ответственность сразу по нескольким статьям Общеευропейского уголовного кодекса. Одновременно, по мнению экспертов, это даст толчок к куда более масштабному скандалу.

Согласно прошлогоднему постановлению ООН «О морально-этической составляющей корпоративного бизнеса», компании «Шпрингер» придется в обязательной форме ответить на ряд тяжелых обвинений, а также позволить Интерполу провести полноценное расследование по выявлению возможных лабораторий по клонированию человека, запрещенному мировым сообществом.

Публикация не удивила Теда.

Его скрытые источники в «Аксель Шпрингер» еще в начале августа предсказали, что «Гильдия» даст «находке» зеленый свет. Причем без дополнительных вложений, взяток и тонких дипломатических манипуляций. На языке Эдварда и ему подобных это означало, что продукт был чистым, а его создатели постарались на славу.

Вздыхнув, он сжег выпуск «Уолл-стрит джорнела» новой порцией умной кислоты, наконец сворачивая к лифтам.

Роу не испытывал к европейцам зависти или злости — эти пустяковые эмоции ребят из отдела кон-

курентных преимуществ стали пережитком времен, когда он еще не занимал шикарный кабинет первого заместителя редактора. А вот азарт и предвкушение новой битвы испытывались в полной мере. Когда «Аксель Шпрингер» выпустят «Пурпурные очки», «СШиУ» придется ответить. Чем именно — решить предстояло именно заместителю редактора — главной тягловой силе 47-го этажа.

Он снова оскалился, с вызовом уставившись на огромную голографическую эмблему главного конкурирующего издательства, висящую над холлом в обманчиво-мирном соседстве с логотипом «Саймон, Шустер и Усманов». Непримиримые соперники книготоргового рынка наводняли один небоскреб, разделенные восьмизэтажной прослойкой безымянного человеческого мусора, и лично Теда такое соседство заводило пуще адреналиновой инъекции.

Развернув на одном из окон забрала журнал заметок (почти незаметный на фоне максимальной прозрачности кибергласса, с нагло просвечивающими сквозь файлы лифтами), Эдвард оформил запрос на вечернюю встречу с Хьюго Парксом, замом начальника службы контрконкурентных действий.

Мучить противника штрафами, конечно, подло и низко. Но таковы правила игры, и если Роу не натравит на «Шпрингер» юристов и спецов по генетической безопасности, в совете директоров удивятся. А тяжелый нрав этих парней на верхних этажах «Миллениум Плазы» знали все, вплоть до операторов роботов-уборщиков.

— Кусай, царапай и жаль врага всем, на что способен, — как говаривал первый наставник Теда, открывавший вчерашнему студенту мир книготоргового бизнеса в далекие времена медленного угасания бумажных носителей.

Эдвард фыркнул. Часть толпы перед лифтами, не погруженная в виртуальность киберглассов, покосилась на статного менеджера с настороженным интересом, с каким гиены подчас разглядывают льва, стоит тому подать голос.

Предстоит понести материальную ответственность...

Господи, какая наивность! Неужели в многочисленных христианских (и не только, если говорить откровенно) комитетах и коллегиях, давящих на ООН с упорством сушильного пресса, всерьез считают, что таким способом способны повредить гигантам, вроде «СШУ» или «Аксель Шпрингер»?

Прибыль, получаемая за новый вид книгоиздания, неустанно росла уже шестой год, многократно окупая и выплаты по санкциям, и судебные издержки, и последствия рейдов военизированных христиан с их фанатичным Орденом Генетической Чистоты.

Одурманенные псалмами и обвешанные автоматами безумцы — заказав виски и сев за уютный столик джентльменского клуба, именно так Роу характеризовал коллегам ярых противников клонирования. Нашел слепцами, бросившими якоря сознания в темных безднах отсталого XX века. Наивными простаками, отказывающимися признать, что технический прогресс есть дар Божий во всех его проявлениях: от полетов на Марс до воспроизводства отжившей свое ДНК.

Штраф — понятие, связанное с преступной деятельностью. Эдвард Роу не считал преступником ни себя, ни членов совета директоров, ни ребят из лабораторных команд, жертвовавших полным стиранием личности во благо конспирации и ради сверхвысоких надбавок к зарплате. Более того — он видел весь многотысячный коллектив «Саймон, Шустер и Усманов»

ником иным, как героями, возродившими настоящую литературу.

Не виртуальную, десятками гигабайт закачиваемую в домашние системы или киберглассы. А настоящую, с уютным шуршанием страниц, дружеским теплом качественного переплета, добротным весом томика в руке.

Что с литературой сделала всемирная паутина? Убила. Причем не сразу, а мучительно, изобретательно, с отсрочкой приговора. Загнала в хранилища, где прозябают в ожидании неизбежного финала лишь упертые приверженцы библиотечного дела.

— У меня богатая библиотека, — говорил гостям английский лорд, хвастаясь сотнями томов, украшавших дубовые полки.

— У меня богатая библиотека, — стал говорить гостям заурядный американский подросток, включая на киберглассе проекционный режим и вываливая на ближайшую стену список из тысячи произведений.

Литературу, как таковую, в итоге не спасла даже система сарафанного радио, которой любители чтения пользовались в социальных сетях, помогая друг другу фильтровать тонны графоманского шлама и выискивать достойных авторов. Тех становилось все больше, планка качества скакала, как пульс скаковой лошади, поток свободного сетевого творчества набирал напор с каждым годом, и вдруг...

В один прекрасный день книгоиздатели поняли, что не в состоянии платить по счетам. Пузырь лопнул, рынок охватили тоска и хаос.

До тех пор, пока на сцене не появились они — герои утраченных шедевров, спасители бумажной книги, пусть и не совсем откровенные в заявлениях для прессы. Но искренние в желании помочь человечеству вернуться к высокому искусству чтения. Они, и,

безусловно, Константин Мазурак, осужденный на четырнадцать пожизненных заключений после пробного запуска (по большей части кроваво-неудачного) программы «Сын Адамов».

Спустившись из заоблачных краев, где правили грезы и свободные измышления, Тед Роу вернулся на землю, которую после талантливых открытий Мазурака стали считать еще более грешной...

Вместе со стайкой счастливичиков вошел в кабину, через кибергласс отдал распоряжение на пульт лифта. Но едва створки успели сомкнуться, в них совершенно варварским способом вклинилась чья-то нога. И одного взгляда на дорогой кожаный ботинок, намеренно состаренный так, чтобы казался историческим артефактом, Роу хватило догадаться о его хозяине.

Манфред Бирнбахер дождался, пока послушные двери расползутся.

Игнорируя хмурые взгляды остальных пассажиров, широко улыбнулся Теду, входя внутрь и чуть не загнав капсулу с людьми в сектор перегруза. На него зашикали еще настойчивее, но открыто конфликтовать с одним из старших менеджеров «Рэндом Хаус Паблшинг» не решился никто.

Увеличив прозрачность линз кибергласса («Нокиа Корп», 70 часов работы батареи, эргономичный дизайн по индивидуальному заказу, уменьшенный вес, повышенная производительность), Манфред позволил Роу взглянуть в свои лучащиеся счастьем глаза.

— Доброе утро, коллега.

— Доброе утро.

Привычный оскал растянул губы Эдварда. Невольные свидетели встречи раздались в стороны, физически ощутив скопившееся в кабине напряжение. Одна акула встретила другую. Грозил пролиться холодная

акуля кровь, а бедным рыбам-клоунам и океанским окуням было совсем некуда бежать...

Лифт рванул к вершинам «Миллениум Плазы». А на мониторе Теда поступил отчет от Такзути, возглавлявшего азиатское отделение коммуникаций с черным рынком. Мельком просмотрев запрос на финансирование по приобретению Гао Синцзяня, Роу свернул документ, напомнив себе вернуться к вопросу позже.

Против воли рабочее настроение угасало, как угли под осенней моросью, и причиной этого явления стало появление Манфреда. Жизнерадостного. Чему-то радующегося. И определенно искавшего встречи с Роу.

Бирнбахер встал к конкуренту спиной, нахально подключаясь к клинч-линии и выводя изображение Теда на центральный дисплей кибергласса. Тот предложение к диалогу принял, хоть и не спешил начинать.

— Европейцы заполучили рукопись Брэдбери, — издала начал Манфред, непрерывно улыбаясь.

— И это все, что ты имеешь сообщить? — даже не стараясь разыграть покладистость и дружелюбие, парировал Тед. — Зачем ты меня ловил, верткий немецкий прохвост?

— Я же знаю, что вы будете отвечать, — без промедления ответил тот. — Не поделишься, чем именно? Изнываю от любопытства.

— Что получу взамен?

Уже задавая встречный вопрос, Роу понял, что инициатива безнадежно проиграна. Манфред сиял, как неоновая лампа, готовая взорваться от излишнего напряжения. Что же он затевал?

При этом Теду было, что продемонстрировать. Один из американских (да что там лукавить? Местных, Нью-Йоркских!) проектов, наконец-то, принес результаты. Однако босс Роу еще не давал зеленого света к вбросу

информации, а потому заместитель редактора решил проявить осторожность.

— Так что это будет?

— Сенсация, старик! — Если бы Бирнбахер стоял к Теду лицом, непременно бы хлопнул по плечу. Или, во всяком случае, попытался. — Настоящая сенсация, о чем не могли мечтать самые дотошные поклонники одного небезызвестного английского писателя.

— Сучий ты сын, — выдохнул Тед, отказываясь верить. — Этого не может быть...

— Я могу доказать. — Манфред подмигнул, а затем отстранился, выпуская трех недовольных его выходкой корейнок. — Но сначала, по старой доброй традиции, покажи мне что-то интересное. То, чем вы будете крыть Брэбери, например...

На несколько секунд Тед застыл.

Не говорил, почти не двигался, полностью абстрагировался от окружающей действительности. Только указательный палец правой руки безостановочно поглаживал сенсокомм на левом запястье, а через киберглас по «СШиУ» разлетались десятки приказов и срочных распоряжений.

Спустя еще два этажа начальник Роу согласовал дозирванный вброс по Нью-Йоркскому проекту, квартал назад окрылившего боссов издательства великолепными результатами. Манфред, переминаясь с ноги на ногу, терпеливо ждал.

— Хорошо. Вот, взгляни и постарайся не треснуть от зависти. — Эдвард вложил во фразу весь свой профессионализм, но выпущенные с мастерской жесткостью слова разбились о радужный ореол счастья, окружавший Бирнбахера. — Говорят, что медбрат, приглядывавший за Хемингуэем в последние годы жизни, завещал рукопись своему внуку. Тот решился опубликовать.

— Не может быть?! — притворно охнул Манфред, выпуская из лифта еще двоих офисных травоядных. В его голосе сквозила неприкрытая насмешка. — До чего же чудесная находка! Поздравляю.

Поймав на клинч-линии зашифрованный документ, он активировал криптографическую программу, с помощью которой конкуренты вели войну информационного подавления и ненароком слитых друг другу документов.

Однако едва начав читать, Бирнбахер мгновенно посерьезнел, Роу ощутил это по напряжению его плеч. Хищно прищурившись, Тед представил, как, скрывшись под массивными линзами кибергласса, его злейший конкурент хмурится, вчитываясь в выданный к ознакомлению фрагмент.

— *Идите за стол, — сказала Джейн, и впервые по-настоящему поглядела на Майкла.*

Он был высокий, не такой пепельный, как Марк, с фигурой марафонского бегуна. Обветренное лицо было серьезным. Армейский френч обгорел на Солнце, на его фоне ярко выделялись свежие нашивки. Левый рукав, заправленный за пояс, был пустым. На левой груди блестела пятиконечная звезда «Медали почета» в бронзовом венке.

Марк поднялся со стула. Он сидел на нем, пока готовился ужин, все время глядя в окно. В противомоскитную сетку бился москит.

— *Выпьете чего-нибудь? — спросила Джейн.*

— *Я, право, не знаю, — сказал Марк. Он не улыбался весь вечер, не смотрел на брата.*

Джейн понимала его смущение. Одновременно коря мужа, она переживала за его спокойствие. Неловкости не испытывал только Майкл, сидящий на дива-

не так, что брат хорошо видел новую награду на его груди.

— Я выпью виски, — сказал Майкл.

— Виски нет. Есть джин, — сказала Джейн. — Его гонит старый Томас, он живет в трех милях к северо-востоку.

— Хорошо, пусть будет джин, — сказал Майкл.

— Я тоже выпью, — сказал Марк. Он сел за стол, не дожидаясь старшего брата.

Джейн поставила на стол бутылку. Единственной рукой Майкл вынул деревянную пробку.

— Четыре дня назад Марк узнал, что его представили к «Медали свободы», — сказала Джейн, расставляя тарелки и стаканы. — Пришло письмо из Сакраменто.

— Это награда для гражданских, — твердо сказал Майкл. — Для тех, кто не осмелился пересечь океан.

«Он что, собирается унижить своего брата и моего мужа прямо так, едва переступив порог нашего дома?» — с обидой подумала Джейн. Марк сидел прямо, глядя в пустую тарелку перед собой. Он молчал.

— Мы все побывали на этой войне, — сказала Джейн. — Я работала на фабрике, где делали бинты. Марк был начальником цеха по сборке выхлопных коллекторов на заводе «Солар». Это для истребителей «Мустанг».

— Садись за стол, — сказал Марк. Он не смотрел на брата. Его бледное от природы лицо стало еще блее.

— Война на расстоянии похожа на охоту на тигров в зоопарке, — сказал Майкл, наливая джин. Налил сначала себе, потом брату.

Он двигался хорошо, увечье почти не мешало. Джейн было жалко его. Еще больше она жалела мужа. Она не была жесткой женщиной, покорно соглашаясь с любым

суждением Марка, тоже не самого властного человека на свете. Джейн любила Марка и не осуждала его решения. Она поддержала его и намеревалась поддерживать впредь.

Джейн постаралась не расплакаться от обиды и досады. Она не так представляла встречу с братом мужа, которого они не видели почти три года.

— Мужество и патриотизм не всегда измеряют в выпущенных пулях, — вежливо сказала Джейн. Она поставила на стол кастрюлю с рагу, раскладывая еду по тарелкам.

Мужчины выпили. Майкл потянулся к тарелке несуществующей рукой, и когда с запоздалым пониманием обнаружил ее отсутствие, смутился и закашлялся.

— Если угодно, Джейн, я могу рассказать о патриотизме, — сказал Майкл. — И о мужестве тоже рассказать могу.

Дочитав, Манфред глубоко и нарочито шумно вздохнул.

Плечи Бирнбахера обмякли, на дисплее клинч-линии опять появилось его лицо. Роу был готов поклясться, что отрывок врезал противнику, как молот по темени. Но отчего-то в этом коротком вздохе ему все равно послышалось и облегчение. Неужели «Рэндом Хаус Пабблишинг» на самом деле совершил невозможное?

— Похвально. — Бирнбахер медленно покивал. Из лифта вышли четверо последних пассажиров, оставив книгоделов наедине. — Как вы достали рассаду?

Вопрос, конечно же, был бестактным. Но корпорации вроде «Рэндом Хаус» или «Саймон, Шустер и Усманов» так старательно заматали за собой до-

рожки, что вставшие на остывший след конкуренты не могли даже надеяться на повторение результата или обнаружение улик. Потому Роу ответил, постаравшись наполнить голос превосходством и скрытой издевкой:

— Домашний халат. О том, что с 1961 года его не стирали, говорить излишне.

— Коллекционеры?

— Правнук агента ФБР, занимавшегося расследованием. Семейный сувенир, так сказать. Стоил немалых денег.

— Мы тоже искали его...

— Я знаю.

Роу победно улыбнулся и в ту же секунду осознал, что окончательно угодил в ловушку. Бирнбахер дотянулся до пульта ручного управления лифтом, принудительно притормаживая кабину перед тридцать четвертым этажом.

По такому случаю он даже повернулся к Эдварду лицом, хоть клинч-линию и не разорвал, продолжая изучать коллегу-конкурента сквозь полупрозрачное забрало кибергласса.

— Моя очередь, Тед. Мы ведь заключили уговор? — вкрадчиво поинтересовался он, сбрасывая Роу ответный фрагмент. — Изучи. Заголовка пока нет, но автора ты узнаешь сразу.

Раздираемый страхом и жгучим любопытством, тот принялся читать, все еще гадая, не блефовал ли ненавистный Манфред, собираясь покрыть самую свежую из свежайших карт «СШиУ».

На первых строчках пылливость и сомнения улетучились, словно спирт из смеси с оливковым маслом, оставив после себя клейкое ощущение приближающейся катастрофы...

Воодушевленный, Фелан Турлоу поспешил вниз по Ричардсон-стрит, стараясь не упустить из виду сочно-зеленый сюртук мистера Киллиана. С каждым новым шагом юношу пронизывали все более острые волны воодушевления и азарта, наиболее присущие страстным поклонникам охоты, лошадиных бегов и карточных игр. «Вот так удача, вот так удача!» — все твердил он едва слышно. Лицо его покраснелось, а шелковый шарф грозил размотаться, этой крохотной деталью выдавая охватившее Турлоу возбуждение.

На углу с куцей и немало тошнотворной Гай-стрит Фелан был вынужден застопориться. Остановившись за лавкой торговца жухлым редисом — деревянными ящичками, составленными пирамидой, — Турлоу напустил на себя вид праздный, вовсе не связанный с преследованием и выслеживанием, постаравшись восстановить дыхание и придать лицу привычный розовый оттенок.

Петлять по Лондону за мистером Киллианом оказалось многим проще, чем юноша возомнил себе в кабинетах «Треснувшего лука»; впрочем, он не позволял ликованию затуманить рассудок. Едва чувства были побеждены и страсть утихла, уступив привычному состоянию, на молодого человека обрушились запахи плесени, отбросов и содержимого выплеснутых на улицы ночных горшков; грязь под ногами показалась еще чернее и отвратительнее.

Оборванец, гордо владевший прилавком из ящичков, ставших временным укрытием юноши, предложил купить овощей, похожих на выложенные в ряд мышинные трупики. Фелан отказался, как мог вежливо и учтиво, жадно высматривая, как на другой стороне улочки цель его наблюдения беседует о чем-то с подозрительным господином средних лет, облаченным в коричневый плащ.

Такого верзилу Турлоу красочно представлял себе восседающим в дальнем углу заведения, куда заказан вход добропорядочным людям. Выпростав из-под полы руку в потертой перчатке, он тайком передал мистеру Киллиану нечто, завернутое в толстую бумагу и перевязанное шпагатом. Пакет не был большим и легко скрылся за отворотом зеленого сюртука.

— Для такого дела господину стоило купить услуги мальчишек Колченогого Уолли, — раздалось совсем близко от Фелана, вызвав невольную грюжь.

Обернувшись, он уставился на женщину неопределенного возраста, с равной легкостью способную оказаться и прачкой на выходном дне, и представительницей того рода профессии, одно существование которого отрицается благовоспитанными женатыми мужчинами.

— Это ты мне? — вспыхнул Фелан, уже зная, к кому именно обращается женщина.

— Кому же еще, господин, — сказала она, приближаясь и придерживая юбки так, чтобы не касались жижи. — Уличная слежка — тонкое ремесло, и ежели нужда заставляет прибегнуть к нему, лучше обратиться за помощью к прирожденным мастакам.

— С чего ты взяла, что я за кем-то слежу? — возмущился Турлоу, замечая, что мистер Киллиан уже попрощался с таинственным собеседником, направившись вбок. — Сущий вздор, Господь свидетель!

— Да и слепой бы заметил, господин, — смиренно, но твердо заявила она, останавливаясь рядом и буравя его глазами. — Ставлю шиллинг, вся улица это видит, вы уж не сомневайтесь.

Несмотря на потертый вид одежды и несвежий дух кислого пива, Фелан отметил, что женщина еще весьма привлекательна — в случае, разумеется, если созерцатель относился к разряду господ, не брезговавших

изучать лица женщин данного сословья, — а в глазах ее еще светилось что-то живое, лучезарное; улыбка, которой она огадила молодого человека, была необычайно мила.

— Смекаю, что в услугах определенного рода господин не нуждается, — просто сказала она, опередив возмущение Фелана. — Но за скромную плату найду ему мальчишек, погрядив выполнить слежку. Чтобы господину не пачкать туфли в грязи Нью-Вестон-стрит.

Турлоу поспешно обернулся, заметив, как зеленый сюртук мистера Куллиана действительно исчезает на соседней улице. Он сжал кулаки, лихорадочно соображая, будет ли вправе принять отнюдь не самое благородное предложение незнакомой уличной женщины.

Погоня, начавшаяся так легко и азартно, грозила полнейшим провалом; а если субъект удалится из его поля зрения, Фелан собственными руками оборвет последнюю нить, ведущую к утраченной подвеске Салах ад-Дина!

— Господин в зеленом, — почти вскричал он, заставив торговца редисом с интересом покоситься через плечо. — Я желаю знать, куда он направляется и какого рода сверток несет с собой!

— Сучий ты сын, — ошеломленно повторил Тед Роу, успев лишь фрагментарно взломать и сохранить в памяти кибергласса продемонстрированный отрывок. — Как вы этого добились?

Он уже просматривал поступающие от ассистентов отчеты.

Вестминстерское аббатство находилось под вооруженной охраной с момента первого прецедента по по-

хищению рассады, спровоцированного «Сыном Адама». А в последние несколько лет там стали нести службу еще и военизированные отряды Союза писателей и литераторов Великобритании. Да еще вездесущие христиане.

А вот лондонский дом-музей на Доути-стрит, 48, взломанный почти полтора года назад...

— Личные вещи? — метко предположил Роу, наблюдая за скотской усмешкой Бирнбахера, которую он бы с удовольствием стер с его холеного менеджерского лица. — И всего восемнадцать месяцев на возвращение?.. Англичане вам не простят.

— Это забота адвокатов.

Манфред дотянулся до пульта, приводя кабину в движение.

Роу знал, что его угроза пуста. Если Бирнбахер открыто хвастает фрагментом неопубликованного произведения великого британца, игра давно перестала быть подковой — «Рэндом Хаус Пабблишинг» готов к официальной публикации. Защищен юридически и физически, провел все тесты и анализы, разглаживает последние складки триумфального королевского платья.

Озадаченный, смущенный и сбитый с толку, Тед затемнил кибергласс, чтобы даже невольный взгляд со стороны не смог прочесть эмоций на его лице.

На всякий случай отправил запрос в отдел, занимавшийся разработкой Мураками. Получил скорый ответ, еще больше испортивший настроение — два последних образца показали отрицательные результаты. А после начавшегося процесса физической деградации в теплицы пришлось вызывать ликвидаторов...

— Когда роман выйдет, пришлю тебе экземпляр, — на прощание бросил Манфред, выходя в охранный шлюз своего этажа. — Если хочешь, с автографом...

Махнул рукой, небрежно и покровительственно, и оборвал клинч-линию, не дожидаясь реакции Эдварда.

— Высокомерный ублюдок... — прошептал тот ему вслед, после чего лифт понес его дальше — одинокого и уже не настолько уверенного в великолепии наступившего дня.

Члены совета директоров, перед которыми он обязан выступить с докладом об анализе фрагмента из нового романа Диккенса, будут недовольны. Да что там говорить?! Они будут в ярости! Закрутят гайки. Многим надают по шее. В том числе, и Роу. В этот момент, неспособный заглянуть в будущее, он полагал, что это худшее из случившихся за утро бед...

Тед вышел на верхний из этажей «Саймон, Шустер и Усманов». Миновал охранную зону, пройдя короткую процедуру регистрации и сканирования, переместился в большой приемный холл.

Стайка длинноногих секретарш за стойкой приветливо защебетала, улыбаясь и кивая. Роу помахал им, свернув налево, к личному угловому кабинету за анфиладой рабочих помещений. Направо от стойки, где поселился его непосредственный шеф, ему тоже предстояло прогуляться, но позже...

Рассеянно просматривая отчеты и полуофициальные донесения агентуры, Эдвард брел через сквозные офисы издательства, почти не замечая приветствий со стороны подчиненных. Гадающие, что за настроение скрыто на лице под модным прилизанным киберглассом, те робко здоровались и на всякий случай обходили начальника стороной.

Самые смелые отваживались приблизиться на дистанцию клинч-линии. Подключались, торопливо передавали свежие сводки или данные прогнозистов, после чего ретировались на рабочие места.

Радость от победы в Нью-Йоркском проекте уже не грела Теда. Да и перевозбужденный Манфред, упивавшийся достижением собственных отделов возвращивания, после прочтения набросков нового романа не высказал столь дорогих сердцу Роу зависти или недоверия. А еще предстояло придумать название рукописи, уже на казавшейся столь сенсационной на фоне приключений проклятого Фелана Турлоу...

Он вошел в приемную, с недоумением уставившись на новую секретаршу. Очевидно растерянная и взбодраженная, та встретила его взглядом огромных, щедро подкрашенных глаз.

— Мистер Роу... Доброе утро... Я пыталась дозвониться до вас... Ситуация несколько нестандартна... — залепетала она, опуская ухоженные пальцы на сенсорный стол.

— В чем дело? — не скрывая раздражения, поинтересовался ее босс, останавливаясь перед богатыми двустворчатыми дверьми в личный кабинет.

— У вас посетитель, — выдавила девушка, растерявшись пуще прежнего.

Подчиненная прекрасно понимала количество нарушенных субординационных правил, уже высчитывая размеры штрафов, но все равно была не в силах удерживать обиду.

— Я понимаю, что так не положено, но...

— Посетитель?

Впервые за утро Эдвард удивился. По-настоящему, без прикрытия маской делового равнодушия. Чего не смог сделать Манфред Бирнбахер, с легкостью удалось девчонке, неделю назад переведенной из отдела работы с корпоративными клиентами. Удалось выбить его из рабочей колеи.

— Что значит — посетитель? — Машинально снимающая кибергласс, он требовательно воззрился на секре-

таршу, ожидая внятного ответа. Приемная была пуста, что означало грубейшее нарушение этикета незваным посетителем. — У меня не запланировано встреч. Каким образом он попал в кабинет?

— Мистер Роу... — Казалось, девушка сейчас расплачется от бессилия. — Я и сама не успела ничего предпринять... Он заявил, что является вашим старым другом. Близким другом... Он был так напорист, что сразу прошел в кабинет... Двадцать минут назад, мистер Роу. Сказал, что дождетя вас внутри. Я планировала вызвать охрану, но вы не отвечали на мои запросы, и я не смогла решиться...

— Кто он? — грозно спросил Тед, перебирая в уме немногочисленных смельчаков, кому хватило бы наглости назвать себя его близким другом. — Предоставьте отчет!

— Но... — Пальцы секретарши заскользили по сенсокомму, вмонтированному в прозрачную столешницу, переворачивая файлы журнала посещений так, чтобы было видно стоящему у двери начальнику. — Проблема в том, что регистратор не смог установить личность вашего... друга...

Но теперь Роу видел все и сам. Неидентифицированная личность, не внесенная ни в один из известных реестров, прошла через входные сканеры так, словно никогда не существовала на свете.

Такое, и об этом отлично знали на всех четырех этажах редакции, было под силу только посланцам теневых структур, альтер-эго любой корпорации, ее незримым покровителям и помощникам в деле взращивания. С неприязнью Роу почувствовал, что потеет, а ноги стали увесисто-непослушными. Какого дьявола мафии понадобилось совершать ему личный визит?!

Впрочем, не оставлять следов умели не только mafioso. Возможно, в кабинете его ждет агент Интер-

пола, нагрывший заботливо предупредить о внеплановой проверке или намекнуть на скорое повышение размеров взяток...

— Скорректируйте мое расписание, — глубоко вдохнув, распорядился Эдвард Роу, свободной от кибергласса рукой приоткрывая дверь. Добавил тихо, чтобы не разобрали внутри: — Полчаса меня ни для кого нет. Группу быстрого реагирования службы безопасности сюда по моему первому распоряжению.

— Будет сделано, мистер Роу, — торопливо закивала девушка.

Но топ-менеджер уже не слушал ее бормотаний, входя в штаб, откуда вел неустанное наступление на сознание примитивных и доверчивых потребителей.

Несмотря на умную программу управления офисом, портьеры на окнах были задернуты. Скорее всего, вручную, вопреки распоряжению системы, отчего просторный кабинет остался погружен в таинственный вечерний полумрак. Настолько, что Тед едва узнал его, на долю мгновения представив, что угодил в сердце диких амазонских джунглей, наполненных призрачными тенями и опасностями.

Закрыв за спиной створку, он двинулся к столу у противоположной стены.

И только теперь заметил посетителя.

Скрываясь во тьме, тот сидел прямо на его рабочем месте, в удобном ортопедическом кресле штучной работы! От наглости у Роу перехватило дыхание, и он рывком поднял кибергласс, намереваясь отдать приказ охране. Но в следующее мгновение визитер включил настольную лампу (антиквариат, фарфор и дуб, начало XX века, стилизация под керосиновые образцы XIX века), и Тед замер на месте, не донеся очки до лица.

Первое, что бросилось в глаза — посетитель курил. Пепельница, припасенная для визита высокопоставленных гостей, плевавших на здоровье, была полна; однако все затушенные в ней сигареты не выглядели выкуренными и наполовину. Система кондиционирования исправно шуршала, вытягивая насыщенный дымом воздух.

— Никогда не был рабом этой дряни, — поднимаюсь на ноги, доверительно сообщил незнакомец, перехватив взгляд Роу. — Считал, что она портит обоняние, а охотнику без него никуда.

— Отчего же решились? — осторожно, еще не представляя, с кем имеет дело, спросил Тед тихим голосом.

Вторая деталь, выхваченная его зрением из общей картины, оказалась пистолетом — блестящей компактной моделью из керамопластики, сжатой в руке посетителя. Такими обычно оснащают полицейских, работающих на опасных улицах. Еще агентов Интерпола. Безопасников на транснациональных авиарейсах. И силовиков из прикрытия селекционных команд корпорации...

— А не все ли равно? — пожал плечами вооруженный незнакомец за столом Эдварда Роу. — Теперь, полагаю, все равно. Присаживайтесь, Роу. Мы еще успеем поговорить.

На негнущихся ногах Тед сделал несколько шагов вперед, внимательно рассматривая опасного визитера. Тот казался смутно знакомым, но менеджер «СШиУ» мог поклясться, что никогда не встречал его прежде.

Темные волосы, высокий лоб, квадратный тяжелый подбородок, часто называемый волевым. Ни усов, ни бороды мужчина не носил, но Роу предположил, что та очень гармонично смотрелась бы на этих широких скулах. Когда незнакомец говорил, брови его актив-

но двигались, придавая лицу чуть страдальческое или ироничное выражение.

Очередной сумасшедший, вообразивший себя инкарнацией великого писателя или носителем вселенского знания, о котором нужно срочно написать книгу? Вымогатель? Нашедшийся родственник Шекспира?

Одет он был в хлопчатобумажную рубашку бежевого цвета с отпоротой на кармане биркой, чуть великоватые по размеру штаны и куртку из искусственной кожи. Куртку, фасон которой был отлично знаком Теду. Такую, например, носил бессердечный Паркс и его мордovorоты из уличных подразделений.

Тень догадки промелькнула на лице Роу, заставив руку с киберглассом предательски приподняться. Но незнакомец качнул пистолетом.

— Не стоит. Этим вы усугубите положение.

— Кто вы такой? Что вам нужно?

Еще раз оценив происходящее, Тед взял себя в руки. Он, менеджер высшего класса, птица высочайшего полета, не имел права терять самообладание даже в такой нелепой ситуации. И он его не потеряет. Вооруженный безумец ничем не опаснее зубастой своры совета директоров, каждую неделю жаждущих кусить его мускулистой плоти.

— Неужели вы не узнали? — улыбнулся незнакомец, отчего на щеках проявились ямочки, выдающие жизнерадостного, или, по крайней мере, любящего посмеяться человека. — Наверное, дело в отсутствии бороды...

Эдвард нахмурился, еще не понимая, к чему клонит сумасшедший, отсутствующий в регистрах переписи населения. Тот, качнув стволом пистолета, указал на кресло для посетителей.

— Присядайте, мистер Роу. Я хочу задать несколько вопросов.

— Не раньше, чем узнаю, в чем суть дела! — хладнокровно ответил Тед, одновременно раздумывая, успеет ли добежать до двери.

— Хорошо. Называйте меня Эрнест, — согласился человек с пистолетом. — Но все же садитесь. Я настаиваю. И помните: если в двери ворвутся легавые, нажать на спусковой крючок я успею. Обещаю.

Эдварда Роу прошиб холодный пот.

Сначала он подумал, что имеет дело с какой-то нелепой шуткой. Может быть, с розыгрышем кого-то из равных по статусу менеджеров. Или намеренно-жестоким сюрпризом перед повышением.

Но затем вспомнил черно-белые фотографии; представил мужчину перед собой носящим седую окладистую бороду; и ноги его подкосились. Дорогим и безупречно парфюмированным кулем Роу упал в кресло, не сводя взгляда с керамического дульного среза. Кибергласс безвольно выскользнул из его пальцев на мягкое покрытие пола.

— Вы знаете, что делали с гробокопателями во времена моего детства? — с иронией, маскирующей глущую злость, спросил Эрнест, снова опускаясь в недра ортопедического трона и упирая оружие рукояткой в стол.

Ответил сам, не дожидаясь реакции офисного хищника:

— Казнили. Но когда мужчины ловили мерзавца на месте преступления... Его забивали лопатой.

— Мы не тревожили вашу могилу, — прошептал Роу, стыдясь того, как тихо и бесцветно прозвучал его обыкновенно сильный и властный голос. — Клянусь.

— В самом деле? Как же иначе?

— Халат, — импульсивно вырвалось из Теда, заставив побледнеть. — Под воротником и в материи остались частички ДНК. Халат, в котором вы...

— Отстрелил себе голову, — с неестественным спокойствием закончил за него Эрнест, поиграв желваками. — За прошедшие годы мир создал много интересных новинок. Например, всемирную паутину. Из нее я узнал, как окончил мирской путь.

— Это ужасно... мистер Хемингуэй... — с надрывной искренностью выдавил Роу. — Воистину ужасно...

— Мой отец был мистер Хемингуэй. — Мужчина за столом прищурился, качнув стволом пистолета. — Я просил называть меня Эрнест. Что дальше? Вы скажете мне соболезнования?

Хаотичные фрагменты мозаики, движимые в голове Эдварда паникой и растерянностью, деловито устремились на свои места. Если бы визитер хотел пристрелить его, обманув сканеры и пронеся в здание оружие, сделал бы еще на пороге. Иначе, к чему все эти разговоры?

— Эрнест! — уже тверже произнес Тед, медленно поднимая перед собой руки, будто грелся у огромного костра. Его голос креп с каждым новым словом. — Никакими сожалениями делу не поможешь, мы оба признаем это, как взрослые здравомыслящие люди. Но позвольте мне, пусть мельком и в такой необычной обстановке, засвидетельствовать свое почтение от знакомства со столь великим человеком...

Мертвый писатель скривился, словно намеревался хорошенько фыркнуть, но сдержался. Убедившись, что его не собираются перебивать, Роу продолжил с растущим напором:

— Это просто великолепно, что вы пришли сразу ко мне! Эрнест, вы даже не представляете, какие перед нами теперь откроются горизонты! — Он подал-

ся вперед, позволяя эмоциям управлять телом. Ствол предупреждающе качнулся. Роу послушно обмяк, при этом не позволяя себе упустить темп. — Пусть не всё мы сможем сделать достоянием прессы, но это не помешает вам стать сказочно богатым человеком. Ваш новый роман — тот, про Марка и его брата-инвалида, вернувшегося с фронтов Европы, — просто шедевр... Он обязан стать бестселлером! Но предоставьте это мне и моей компании. Мы гарантируем, что...

— Мой воскрешенный мозг помнит странные штуки, мистер Роу.

— Что, простите?.. — Тед запнулся на полуслове, выведенный из равновесия этой простой и негромкой ремаркой.

— В Оук-Парк, где прошло мое детство, редко заглядывали коммивояжеры, — продолжал Хемингуэй, задумчиво щурясь. — Но иные прорывались сквозь лоск пригорода. Обивали пороги. Предлагали купить ненужные вещи. По прошествии более чем ста лет, мистер Роу, я снова вижу перед собой обыкновенного чикагского коммивояжера. Торгаша, который больше ничего не умеет. Человека, готового торговаться на краю собственной могилы.

Тед оцепенел, однако последняя фраза была произнесена почти без угрозы. Скорее — устало, подавленно и разочарованно. И все же пальцы Роу вцепились в подлокотники, а зубы мелко стукнули. Великолепные акульи зубы оттенка отборного океанского жемчуга...

— Что вы собираетесь делать дальше, Эрнест?

Та часть мозга Теда, что не была охвачена ужасом, продолжала изворачиваться утрем, выискивая лазейки и пути к выживанию. Он уже многократно проклял себя, что запретил секретарше тревожить его целых тридцать минут. Главное, не сдаваться и не панико-

вать. В крайнем случае, остается возможность подать сигнал бедствия через сенсокомм, даже не видя экранов. И Роу обязательно сделал бы это, если бы был точно уверен, что широкоплечий мужчина напротив не разгадает его намерений. Про всемирную сеть же он как-то узнал...

— Всегда мечтал взять на мушку своего издателя, — ответил человек, однажды уже покинувший мир живых. — Посмотреть при этом в глаза. Что вы испытываете, мистер Роу, воскрешая мертвецов и зарабатывая на этом деньги?

Вопрос был риторическим, но Эдвард едва не выдал заготовленную тираду о сострадании и новых шансах. Закрыв рот, догадавшись, что ледяной взгляд выдал его — ничего Роу не чувствовал, ровным счетом ничего, ты, продукт ведения издательского бизнеса, объект взращивания, инструмент получения дохода!

— Развитие прогресса в руках Божьих, я всегда так считал, — торопливо пробормотал он взамен, страшась реакции вооруженного собеседника. — В том числе и в вопросах... воспроизводства, клонирования, прошу прощения... Если Создатель не хотел допустить очередного научного рывка, почему не послал кары небесные на Константина Мазурака и его последователей?

— Не трогайте Господа, Роу. Это беседе не поможет.

— Неужели вы не задумывались, Эрнест, что, по сути, проект по воспроизводству фактически дарует бессмертие? — Роу содрогнулся от холода, прозвучавшего в предупреждении писателя, но капитулировать перед его силой по-прежнему не собирался. — Матрицы накопленных в первой жизни опыта и памяти искусственно переносятся в новое тело! Отныне великие люди могут творить вечно!

— Расскажите это моим предыдущим версиям, — пугающе-спокойно посоветовал Эрнест, отодвигая пепельницу и подаваясь вперед. — Такие, как я, не могут не писать, да? Это в крови, в генах, в накопленном жизненном опыте. Этим принципом вы руководствовались, чтобы вернуть меня с того света и еще раз усадить за печатную машинку?

Тед потерял дар речи, глядя на Хемингуэя влажными глазами обреченной добычи.

Акула заплыла слишком глубоко. Тут, на самом дне рифа, ее поджидала тварь, сжирающая таких, как Роу, заживо и с костями. Когда заместитель редактора «Саймон, Шустер и Усманов» осознал это, он едва не обмочил дорожные деловые брюки.

— Что вы делали с моими предыдущими версиями? — тем же ледяным тоном поинтересовался улыбчивый человек на другом конце стола. — С теми, кто был не столь плодovit и продуктивен в литературном плане? Что делали с теми, кто впустую изводил бумагу? Кто не был в состоянии самостоятельно подтереть зад?

— Откуда?.. — Эдвард просипел это неосознанно, даже не отдавая себе отчета, что отвечает на чудовищные вопросы Хемингуэя. — Откуда вам все это известно?

Тот откинулся на удобную спинку кресла.

Резко, одним движением, чуть не заставив Роу вскрикнуть. Многозначительно посмотрел на пистолет в правой руке. Покачал оружием, словно призывая Теда самостоятельно решить ребус, опираясь на эту незамысловатую подсказку.

— Владелец этого странного пистолета оказался весьма многословен, мистер Роу. Это он поведал мне про программирование памяти. И про процедуру взращивания. Про мохито со стероидами, которые

ми вы пичкаете эмбрионы, пока те не вырастают до нужных размеров в рекордные сроки. И фамилию вашу он мне сообщил. И адрес. И поделился одеждой. А еще — пропуском...

Он вдруг усмехнулся, напугав хозяина кабинета еще сильнее, хотя тот полагал, что это невозможно.

— Знаете, Роу, а ведь вы воплотили в жизнь самые смелые домыслы фантастов моего времени...

Палец писателя опустился на спусковой крючок.

— Отпустите меня? — вдруг попросил Эдвард. — Пожалуйста. Я могу сделать вам новую личность. Вы отправитесь в теплую страну и больше никогда не услышите про наше издательство...

— Я не хочу в теплые страны. Не хочу парней из Бюро, докучавших мне последние годы. Не хочу славы, и деньги мне тоже не нужны. Думаете, я мечтал вернуться после того, что сделал сам с собой?

— Что же вам нужно? Мы можем дать все, что угодно!

— Справедливость, может быть?

— Вам не покинуть здание, мистер Хемингуэй. — Тед предпринял последнюю попытку контратаковать, заранее предполагая, что она обречена на провал. Уж слишком усталые глаза были у человека, державшего его на мушке. — Вы даже с этажа спуститься не успеете. Опустите оружие, и давайте выясним, как сможем распутать этот нелепый клубок?

На какое-то время ему показалось, что предложение угодило в цель.

Эрнест молчал, задумчиво изучая его лицо поверх пистолетного затвора. Затем покачал головой, и в этом жесте Роу увидел собственное будущее.

— Знаете, в чем ваша главная ошибка, мистер Роу? — спросил писатель, поднимаясь на ноги. И когда Тед затравленно потряс головой, непривычно не-

весомой без тяжести кибергласса, ответил сам: — Вы выбрали не того сукиного сына. Нужно было остановиться, скажем, на Джеке Лондоне. Парень был не робкого десятка, но готов спорить, ни разу в жизни не наставлял оружие на человека. Сомневаюсь, что мистер Чейни смог бы самовольно покинуть лабораторию, ухлопав троих вооруженных.

Он улыбнулся и вышел из-за стола. В нарочито мягком свете антикварной лампы Эрнест казался призраком. Пистолет поблескивал гладким пластиковым боксом, обманчиво напоминая игрушку.

— Что же дальше? — простонал Роу, страшась ответа.

— Для вас, Эдвард, ничего. — Хемингуэй пожал плечами. — Разве что ваши боссы захотят вернуть вас из мертвых, как это было проделано со мной. Скажите, мистер Роу, вы сделали в своей жизни нечто ценное, ради чего вас можно было бы воскрешать?

И не успел Эдвард Роу ответить одному из самых перспективных в текущем году проектов корпорации, как тот выстрелил ему в голову, убив на месте.

Забрав со стола ополовиненную пачку сигарет, в которых так и не нашел ничего привлекательного, усталый мужчина опустился в соседнее гостевое кресло. Девчонка в приемной, может, и не блистала сообразительностью, но охрану вызовет мгновенно, сама в кабинет не сунувшись. Значит, есть еще несколько минут.

Пять? Две? Разницы не было никакой.

Покосившись на мертвого топ-менеджера «СШиУ» справа от себя, мертвый писатель уставился на обтекаемый пистолет в руке. Закурил, раздумывая о чем-то личном и глубоком, стряхнул пепел в вогнутую маску кибергласса на полу. Оружие, прихваченное у разговорчивого охранника лаборатории

взращивания, совсем не походило на верный «Винченцо Бернарделли» (12 калибр, два горизонтальных ствола холоднойковки, ореховое дерево, инкрустации), но с поставленными задачами справлялось не хуже.

— Сама по себе смерть ничего не значит, не так ли, мистер Роу? — негромко спросил Эрнест у пустого кабинета, уже слыша снаружи крики и топот тяжелых ботинок. — Умереть неудачником, вот что противно...

НИНА ЦЮРУПА

ОШЕЙНИК

— Уберите свою низку, молодой господин! — выверилась бабка в лиловом капоре. — Может, она у вас бешеная! А вы ее без намордника выводите!

— Во-первых, не «низку», а сабу. Во-вторых, все прививки сделаны.

Солнце еще не встало, но небо уже налилось си-невой, а месяц побледнел. Бабка вывела своего шпица в сквер, которым как раз шли к автостоянке Лев Ильич и Олюшка. Шпиц надрывался, исходил хрипом, скакал вокруг них, пытался прикусить за ноги. Олюшка отмахнулась — за это и получила ушат дерьма.

— Собаку свою уберите, — посоветовал Лев Ильич, взяв Олюшку за руку. — Пока я ее не прибил.

Бабка со стуком захлопнула рот.

Мело поземкой, топорщилась замерзшая трава, Олюшка зарылась поглубже в меховой воротник и прижалась ко Льву Ильичу.

— В мое время, — бросила им вслед бабка, подхватив спица на руки, — старшим не хамили! И низом на поводке водили, если бешеные!

— Не обращай внимания, — шепнул Лев Ильич, — у нее нарушения на фоне одиночества.

— Я и не обращаю. Хотя, может, она такая и была

— У нее Хозяин умер два года назад. Осталась одна — и съехала.

— Тебе ее жалко, Лев Ильич?

— Ни капли.

Сторож высунулся из будки, узнал их, кивнул приветливо. Машину на ночь присыпало снегом, Лев Ильич поставил ее прогреваться, достал щетку и принялся чистить. Олюшка забралась в салон, вытащила из «бардачка» флешку с музыкой, вставила в разъем магнитолы.

— Кстати, про жалость и отклонения. — Лев Ильич подобрал полы пальто, сел на водительское место и захлопнул дверь. — Много у тебя сегодня на приеме?

— Вот на утро совсем — Макарова Вика, потом на обед — Савченко.

— Опять? — Лев Ильич мягко вырулил с парковочного места. — Сам пришел?

— Нет, снова жена привела. Ее не поймешь: хочет чтобы работал, чтобы «мужчиной был», а сама же его ломает.

— Пролетариат, — выругался Лев Ильич. — Хотя Олюшка, ты к ней несправедлива. Этого Савченка даже ты задоминируешь. Он же — тряпка. Лишайник. А при жене худо-бедно хоть живет, небо коптит

На выезде на кольцевую подсвеченный и очень яркий рекламный щит приглашал на «Парад ЗСРБ» держались за руки длинноволосые андрогины, украшенные цветами, а над их головами нарочито стро-

гие буквы складывались в лозунг: «Свобода! Равенство! Братство! Шествие за права ЗСРБ 21 декабря».

— Ровняшки, — заметила Олюшка. — Надо же, и не стесняются же.

Лев Ильич едва заметно пожал плечами, не отвлекаясь от дороги. Олюшка прибавила громкость — играла одна из самых любимых ее песен — и постукивала пальцами по колену, стараясь попадать в ритм.

До «Нижнего космоса» ехали полчаса, не дольше.

Лев Ильич припарковался у подъезда. Вышли в мороз и ветер. В двухэтажном доме центра кое-где горел свет, дверь была открыта, и курила на крыльце, кутаясь в пуховый платок, дежурная санитарка, Галя. На ногах у Гали были толстые гамашы серой шерсти и войлочные тапки. Из-под платка виднелся синий форменный халат.

— Здравствуйте! — крикнула Галя и отбросила сигарету. — Лев Ильич, какими судьбами?

— Доброе утро, Галя. Вот, буду консультировать сегодня.

— Савченко?

— Дался вам всем Савченко! Этот ошейник не снимет. Я Оле уже объяснял: жена ему необходима. Макарова просила о юридической консультации.

— Ой, Лев Ильич, бросьте! Макарова эта никогда не разведется, она и не собирается. Она только...

— Галя, не стыдно о пациентах сплетничать? — Олюшка поднялась по крыльцу, чмокнула Галю в красную холодную щеку и поспешила внутрь, в тепло.

— Лев Ильич все понимает, — добавила она, не оборачиваясь.

Холл «Нижнего космоса», освещенный только торшером у стойки регистрации, оформляли прежде всего как уютное и безопасное место: акварели на стенах, пастельные тона, толстый бежевый ковер, уютные ди-

ваны, аквариум в полстены. Олюшка сняла пальто, пристроила на вешалку в углу, размотала шарф.

— Кофе будете? — спросила Галина. — На кухне пока никого, но я чайник недавно вскипятила.

— Будем, — решил Лев Ильич. — Работайте, девочки. Оля, занесешь мне кофе в кабинет?

На ковре остались следы от его ботинок.

— Суров, — заметила Галя и осторожно опустилась в кресло. — Оля, я — жертва доминантного насилия.

— С чего это?

— Да, блин, выпорол — сидеть не могу...

— За дело или удовольствия для?

— Ты же меня знаешь... За дело. За курение опять попало. А я не могу, понимаешь? Ладно бы запретил — я бы тут же и бросила, а то не запрещает же. Вот и дымлю. Дымлю — и считаю. Вчера полпачки. Сегодня сидеть не могу.

— Ну не сиди. Или бутылочку найти. Это — не насилые...

— Ты чего такая серьезная?

Галя подалась вперед, положив на стойку пухлые руки, и улыбнулась. Сверкнула золотая «фикса» — Галя утверждала, что это придает ей шик, и потому не делала нормальную керамику. Однако весь персонал «Нижнего космоса» знал: золотой зуб Галя носит в память о первом Хозяине, психе, каких мало, избившем ее семь лет назад до потери сознания и реанимации. Тогда Галя оказалась в «Нижнем космосе» — сначала в качестве пациентки, а затем — в качестве служащей. Здесь же, в приюте, она нашла нынешнего мужа — коллегу Льва Ильича.

— Сама не знаю, — Оля придвинула к себе регистрационный журнал и листала его, — утром бабка сумасшедшая обхамила. Потом еще «ровняшек» плакат

видела. И как-то мне все это вместе... Вот они, Галь, за равные права борются.

— Извращенцы, — с готовностью кивнула Галя.

— Ну да... Наверное. Они за права борются, а меня бабка обхамила.

— А за тебя Верх борется.

— Ага... Пойду я к себе в кабинет. Ты Макарову сначала ко мне направь, а потом уже ко Льву Ильичу, хорошо?

Галя вздохнула и кивнула.

— Счастливая ты, Олюшка. И дело у тебя свое, и муж — лучше некуда. Знаешь, что я тебе скажу? Я намного тебя старше, ты уж послушай. Детишек вам надо. Тебе и Льву Ильичу. Он — мужчина уже в возрасте... А тебе в самый раз.

— Да у меня полон приют детишек, — с кривой улыбкой отшутилась Олюшка. — Что Савченко, что Макарова, что Данишкина с ее двойней... За всеми и не уследишь.

Она развернулась, чтобы идти, но спохватилась:

— Кофе! Кофе-то Шорохову!

* * *

— Можно?

Нет, это была не Вика Макарова, приглашенная на девять утра. В дверной проем протиснулась Елена Геннадьевна Савченко, верхняя и законная хозяйка пресловутого Савченко.

— Входите, Елена Геннадьевна. Анатолий где?

— В холле сидит, упырь.

Елена Геннадьевна прошествовала к кушетке и рухнула на нее, ломая руки. Крупная, с обвисшими щеками и ярко-рыжей химической завивкой, в кольцах

и ожерелье, она страдала с излишней театральностью. Елена Геннадьевна держала бельевого магазинчик, была занята круглосуточно, и с двумя ее детишками сидел муж.

— Оля, помогите мне! Мне нужна психологическая помощь!

— Но у нас центр помощи сабам...

— Да я с ним скоро свихнусь! Я с ним скоро низкой... Прости, Оля, сабой стану! Я с ним скоро в дурку загремлю! Ничего не хочет, скотина! Ни-че-го. Сидит сиднем, работать не идет, дети об него ноги вытирают. А тут еще сын. Дочка-то в меня, домина. А сын? Низок. Как папаня, никчемный. Его же никто не возьмет, кому такое несчастье кроме меня нужно?!

Олюшка потеряла переносицу.

Елена Геннадьевна откинулась на подушки, устремила в потолок измученный взгляд. Она тараторила без роздыху, бросая на Олю короткие взгляды.

— Нет, Оля, ты не понимаешь! Я же за него, дурака, отвечаю! Я же за всех за них отвечаю! Одна! Надорвусь же!

— Но Анатолий — саб, и естественно, что он не несет ответственности даже за себя, тем более он не может отвечать за вас, Елена Геннадьевна.

Елена Геннадьевна издала протяжный стон, подалась вперед и вцепилась в свои волосы.

— Оооо! Но вот ты, Оля, помогаешь же Верху. Делом занята! А этот?! Ирод! Кровопийца! Бездельник!!!

Скрипнула дверь, и «кровопийца» сунулся в кабинет. Оле он только кивнул, подмигнув, сразу сосредоточился на супруге. На тощей, грязноватой шее с плохо выбритым кадыком болтался «тактический» ошейник — брезентовый, цвета хаки.

— Еленочка? Заечка, что ты плачешь, кто обидел мою хозяйшку?!

— Вон! Во-он отсюда!

Елена Геннадьевна вскочила и кинулась на саба с кулаками. Оля отвернулась.

— Вон отсюда! Дай с доктором хоть!

— Еленочка, а ты бы мне двадцатку дала, я бы пока за пивком... Похмелиться бы...

— Пивко?! Ах, пива тебе?! Я тебе сейчас покажу пивко!

Она ухватила саба за шкварник, выволокла в коридор. Олюшка вздохнула, потянулась к телефону и вызвала охрану. Семейные разборки — дело верха и саба, но крики Елены Геннадьевны могли травмировать пациентов «Нижнего космоса». Следовало со спокойной настойчивостью препроводить пару на улицу.

Галя принесла Оле кофе и личное дело Макаровой. К первой странице была пришпилена записка от Льва Ильича: «Олюшка! Она к нам не за помощью ходит, а мозги поклевать! Разрешаю послать нафиг!»

Олюшка улыбнулась, аккуратно закрыла папку и отодвинула ее на край стола.

Макарова пришла через пятнадцать минут, опоздав на полчаса.

— Оля, доброе утро, извини, пробки.

Вика, по обыкновению, смотрела снизу вверх и видела замученный. Она не стала присаживаться, засеменила по кабинету, теребя кончик длинного шарфа. У Вики была одна серьезная проблема: отталкивающая внешность. Если в Елене Геннадьевне осталось еще что-то от стройной симпатичной девушки, но длинноногая, с фигурой гусеницы, Вика никогда привлекательной не была, а с возрастом и вовсе подурнела.

Подведенные синим глаза, аквамариновая тушь, осыпающаяся на мешки под глазами, ярко-розовая помада на тонких губах, безжизненные, абсолютно прямые волосы — сизоватый блонд.

Оля крутила в пальцах карандаш. Вика семенила взад-вперед, вздыхая.

— Он — извращенец, извращенец! Все кончено! Ты не представляешь, что он со мной творит! Один раз по попе шлепнул — и в постель. Три минуты фрикций — и спать. А это первый секс за два месяца. А уж сессия...

— Вика, ты хочешь ошейник снять?

— Нет! Нет, нет, ты что! Я хочу знать, что мне делать. Я хочу экшна. Хочу секса.

Оля мотнула головой. Набрала в грудь побольше воздуха.

— Послушай, Вика. Ты не думала, что дело в тебе?

— Как это может быть, что ты такое говоришь, Оля? Он же — извращенец, он не учитывает мои потребности, это же — жестокое обращение с собой. Оля, если бы ты знала, как это тяжело!

Карандаш сломался с треском. Вика ойкнула и замолчала, уставившись на Олю. Оля поднялась, оперлась руками о стол. Глаз у нее слегка дергался.

— Значит, так. — Очень тихо начала психотерапевт. — Ты, Вика, ходишь ко мне месяц. Ты ходила на консультацию ко Льву Ильичу. Ты что-нибудь делала из того, что рекомендовали? Ты на фитнес записалась? Ты собой занялась?

Вика открыла рот, Оля яростно замотала головой.

— Молчи! Можешь не говорить! Твой верх просто не может тебя бросить. Он за тебя отвечает. Но это не значит, что он хочет тебя трахать. Или экшны проводить. У него, может, не стоит уже на тебя. У него, может, в твоей заднице ротанг вязнет!

Она разревелась: губы расплзлись оладьями, слезы покатались по выпуклым щекам, оставляя синие от туши дорожки.

Оля перевела дыхание. С силой ткнула кнопку громкой связи. Раздались гудки.

— Мы, Вика, отказываемся с тобой работать. Это — решение Шорохова. А как Лев Ильич сказал, так и будет. Если надумаешь прийти за помощью, а не повампирить эмоционально — приходи. Но пока десять кило не скинешь, мы с тобой разговаривать не будем.

— Слушаю, — сказала по громкой связи Галина.

— Галя, тут Макарова хочет уйти. Проводи ее, пожалуйста.

— Сейчас, Оля. И тут посетительница.

— Пусть подождет, у меня перерыв.

— Оля, ты лучше сама посмотри.

Оля подошла к взхлеб рыдающей Макаровой, взяла ее под локоть и вывела из кабинета.

Гали за стойкой в холле не оказалось: она сидела на диване рядом с худенькой незнакомой девочкой. Посетительница смотрела прямо перед собой и покачивалась. Губы у нее растрескались в кровь, а под глазом наливался фиолетовым «бланш». Галя поглаживала девочку по плечу.

— Что случилось? — Оля присела перед диваном на корточки, заглянула в лицо посетительнице. — Что с вами?

Худую шею охватывал дорогой ошейник — черная замша, узор из стразов. Одета посетительница была в толстый свитер домашней вязки, джинсы и пляжные тапочки-вьетнамки.

— Он меня убьет. Не говорите ему, что я здесь. Он меня убьет.

— Зови Шорохова! — приказала Оля Галине. — Тебя никто не тронет, милая. Ты в безопасности. В «Нижнем космосе» тебе обязательно помогут.

* * *

Содранная кожа на запястьях — то ли потертости от слишком жесткой веревки, то ли следы от кандалов; синяк под глазом; черно-фиолетовая гематома на правом боку — врач сказал, что у пациентки сломано ребро; истощение. Новая клиентка «Нижнего космоса» на все вопросы только мотала головой и повторяла: он меня убьет, не говорите ему, он меня убьет.

Шорохов хмурился, порывался обратиться в полицию, пытался разговаривать, но саба замыкалась, от верха отшатывалась, и Шорохов ушел к себе, оставив Олюшку наедине с новенькой.

В палате, обставленной под крохотную квартирку, пахло дезинфекцией и йодом.

— Мне нужно хотя бы знать твое имя, — сказала Оля и открыла папку с личным делом — пока практически пустую, не считая медицинского заключения. — Не волнуйся, без твоего согласия мы никому и ничего не скажем. Но мне нужно хотя бы твое имя. Ты сейчас взволнована, тебе нужна помощь, и я готова тебе помочь. Но если ты не расскажешь, не доверишься, я не буду знать, как это сделать. Ты же уже решилась, пришла в «Нижний космос», теперь ты в безопасности.

Девушку колотило ознобом, аж зубы клацали. На журнальном столике стыл чай, но пациентка не могла даже взять чашку... Гербера в похожей на колбу вазе, тюлевые занавески, полка с книгами и дисками, музыкальный центр, маленький телевизор, вместо больничной койки — раскладной диван. Ковер. Два кресла. В углу, у окна — компьютерный стол, правда, без компьютера. Есть санузел.

Полное уединение, почувствуйте себя как дома — «Нижний космос», здесь вам помогут.

— Я... М-меня з-зовут Аня.

Оля подвинула к ней чашку с чаем и вазочку с печеньем.

— М-мне дев-вятнадцать.

Аня согнулась, скорчилась, сунула руку в рот, вгрызлась в ногти. Через несколько секунд попыталась сесть прямо, убрала пальцы от лица. Она не смотрела на Олю, ковыряла заусеницы и молчала.

— Давно ты с ним? — спросила Оля.

Аня кивнула.

— Год? Два?

— Три. С шестнадцати. Я... Мне надо рассказать. Не могу.

— Не спеши. Говори, когда будешь готова. — Оля потянулась через стол и коснулась тонкой израненной руки. — Попробуй попить чаю. Пожевать. Это успокаивает. Как давно ты не ела?

— Я ела... Просто... ну, мало. Нервы.

Оля записала в карту: «Систематическое недоедание». Аня глубоко вдохнула, запрокинула голову и начала говорить, глядя в потолок, едва слышно, без интонаций, ровным, немного хриплым голосом:

— Он намного старше. У него деньги. Связи. Я его имя не могу сказать. Когда школу закончила — пошла к нему под ошейник. Почти даже не встречались. Он сразу как-то... Он умеет быть убедительным. Он меня просто загипнотизировал. Подчинил полностью.

Оля завистливо вздохнула, поерзала.

— Под себя... Родителей нет, я одна. Поступила в институт. А потом он начал. Все табу... Все запреты... Если я боялась — он делал. Если я не могла — он делал. Если я умоляла — он не слушал. Он ре-

шил, я плохая. И стал воспитывать. Это через год. Мне семнадцать было. Запер дома. Я сначала раскаивалась.

Она резко выдохнула, взяла чашку и залпом выпила чай.

— Сначала раскаивалась. А потом поняла: я неправильно выбрала. Не его. Я неправильно выбрала себя. Я не могу настолько подчиняться. Мои желания и мои возможности имеют значения. Меня нельзя ломать, я человек.

Оля вздрогнула, отвела взгляд. Сцепила руки на колене.

— И он начал меня... Он меня начал пичкать лекарствами. Чтобы — покорная. На цепь, на хлеб и воду. И бить, бить, бить. Не пороть. Бить. Он меня мучил постоянно. Чтобы я прогнулась. Два года. Я пыталась. Но я — не саба.

— Ты ему говорила?

— Ты меня осуждаешь?

Оля встала, прошла по комнате, остановилась у окна — спиной к Ане. Обняла себя за плечи.

— Нет. Я не представляю, как жить не на своем месте. Я не представляю... Ты ЗСРБ?

— Я просто человек. Что такое «зэсээрбэ»?

— За свободу, равенство, братство. Такое... движение. Объединение. Их еще «ровняшками» называют.

— Не слышала... У меня не было Интернета. Я не общалась с людьми. Кроме него.

— Почему ты не сняла ошейник?

Оля обернулась. Аня коснулась ошейника.

— Я... не могу. Я очень зависимая. И очень боюсь. Он меня найдет и убьет. Если сниму... нет, он мне не даст.

Оля пожевала губу, пристально посмотрела на Аню. Посетительница поднялась, приблизилась к ней, заглянула в лицо, тронула за плечо:

— Пожалуйста. Ты же не осуждаешь меня?

— Нет, что ты! — Оля будто очнулась, обняла девушку, прижала к себе. — Что ты! Просто такая жуткая история. Мы тебе поможем. Мы — твои друзья. Теперь ты в безопасности, Аня, честное слово, в безопасности.

Аня плакала у нее на плече.

* * *

— Лев Ильич?

Шорохов отвлекся от компьютера, обернулся к сабе. Олюшка сидела на краю разобранной постели, расчесывала длинные волосы и улыбалась. На ней были коротенькая ночнушка и ошейник.

— Сегодня вечером шла из магазина. А там ровняшки устроили агитацию. Диски раздавали: мы научим вас получать удовольствие без боли.

— И? Продолжай, продолжай, я тебя внимательно слушаю. — Лев Ильич встал из-за компьютера, подошел к Олюшке и навис над ней, сунув руки в карманы домашних брюк.

Олюшка потупилась.

— И я взяла диск. Может, посмотрим?

— Порнушку? Ровняшек?

— Ну... Ну да... Интересно же.

— Хорошо. Где диск?

— У меня в сумочке.

Лев Ильич вышел в коридор и вернулся уже с диском — держал двумя пальцами, улыбался иронично.

— Надеюсь, вирусов не наловим. Ну, извращенка моя, давай смотреть.

Олюшка соскользнула с кровати и устроилась у ног хозяина перед телевизором. На экране показалась молодая дама без ошейника на фоне все того же плаката.

— Мы привыкли жить в мире, лишенном равноправия. Мы привыкли делегировать права на себя... Сперва за «низку» или «низка» отвечают родители, потом — хозяин. Всех устраивает такое положение дел. Спросите себя, хотелось ли вам бороться за свои права? Если вы верх, вы — рассмеетесь. Низ, или, как принято писать в документах, саб, пожмет плечами: а зачем? Какие права кроме неотчуждаемых конституционных права на жизнь и права снять ошейник могут быть у саба? Мы грабим сами себя. Подчинение, унижение, боль — основа нашей жизни...

— Перемотаю, — поморщился Лев Ильич. — Если это и про секс, то исключительно в мозг.

Губы диктора зашевелились беззвучно. Прошла нарезка из знакомых Олюшке и Льву Ильичу по работе кадров — изувеченные тела, как сабов, замученных неадекватными садистами, так и верхов, нарвавшихся на бессмысленный и жестокий бунт... Снова появилась диктор, на этот раз она была не одна, а с юношей (тоже — без ошейника), и обстановку студии сменил интерьер вполне цивилизованной, хоть и несколько глянцево-спальни.

— Ого! — оживился Лев Ильич. — Сейчас нам покажут и расскажут!

Он включил воспроизведение.

Играла легкая музыка, девушка и юноша, улыбаясь, раздевали друг друга. Оля отвела взгляд.

— Ты смотри, смотри, стеснительная моя! — смеясь, приказал Лев Ильич. — Ты смотри, что они делают!

На экране двое легли в постель и обменивались влажными нежными поцелуями.

— Хочешь так же, Олюшка?

— Но, Хозяин, это же... Лев Ильич, но я так не пробовала... Я не знаю...

— И не любопытно? Равноправие, уважение, как они его видят. И никакой боли.

— Если ты приказываешь...

— Нет, я предлагаю. Решай сама, любимая.

Олюшка поднялась, глянула на телевизор (юноша медленно и ласково любил девушку в миссионерской позе).

— Хорошо, Лев Ильич. Давай попробуем. Интересно.

— Ошейник тольконими. Ну ты чего? Расстроилась? Это же на время. Игра. Разнообразие в личной жизни.

Оля всхлипнула, завела руки за затылок и расстегнула ошейник.

Она слегка дрожала.

Лев Ильич шагнул к жене, на секунду замер в нерешительности, потом положил руки на плечи и поцеловал. Олюшка ответила на поцелуй. Ошейник упал на пол.

Они оторвались друг от друга и смущенно рассмеялись.

— Если будет перебор, скажи, — предупредил Лев Ильич. — Или если что пойдет не так.

Он поднял Олюшку на руки, отнес к кровати, положил. Стянул футболку. Олюшка смотрела на него, глаза ее поблескивали. Лев Ильич, нервно улыбаясь,

забрался в постель. Погладил Олины бедра, коснулся груди. Оля сняла ночнушку.

Лев Ильич целовал ее: веки, нос, щеки, шею, губы скользнули ниже: ключицы, грудь, впалый гладкий живот, бедра (следы от «кошки» еще не поджили), колени, пальцы ног. Оля застонала. Лев Ильич развел ее ноги в стороны, Оля попыталась закрыться, слезы выступили на глазах:

— Нет, не надо, это перебор уже...

— Тогда... — Он покосился на экран. — Смотри. Ты посмотри, давай так, а?

Пара ровняшек лежала «валетом».

— Ой. — Оля села. — А как это они? А зачем?

— Потому что равенство.

— А... А, ну да. Лев Ильич, может, ну его, эти извращения?

— Нет уж. Начали — надо закончить, — твердо произнес он. — Что-то я только не пойму, как они так приладились?..

* * *

Олюшка взбежала по ступенькам, запыхавшись, влетела в холл «Нижнего космоса».

— Опаздываешь, — заметила санитарка Галя, — тебя Савченко ждет.

— Опять?!

Она расстегнула пальто, размотала шарф. Взгляд дежурной задержался на Оле. Галя шумно сглотнула, зажмурилась, мотнула головой.

— Галь, ты чего? Из-за Савченко? Да ладно, при му... А как там Аня? Которая вчера поступила?

— Оль... Я понимаю... Забыться в работе. Но ты бы хоть намекнула. У вас же еще вчера все внешне хорошо было.

Санитарка вышла из-за конторки, прислонилась к ней, скрестив руки на груди. Цветастый теплый платок поверх вечного халата, гамаш и тапочки, короткие темные, с проседью волосы. Уголки губ скорбно опущены.

— Я думала, мы подруги, Олюшка. Конечно, разница в возрасте... Но почему ты не намекнула? Не хочешь об этом разговаривать?

— Галь, ты о чем?!

Дежурная покачала головой.

— Я понимаю, тебя травмирует. Сапожник без сапог... врач с редким заболеванием...

Оля кинулась к ней, схватила за плечи, встряхнула. Губы у нее дрожали.

— Галя, Галя, о чем ты, что случилось?!

Галя сгребла ее в охапку, прижала к груди, покачала из стороны в сторону:

— Ты поплачь, если хочешь. Ты пойми, нельзя в себе держать. Из-за чего, Оля, чем ты Шорохову не угодила? Из-за чего он с тебя ошейник снял?

Олюшка вывернулась из объятий санитарки, ощупала шею.

— Черт. Забыла надеть. Галь, Шорохов с меня ошейник не снимал, я просто вчера сняла, а утром забыла надеть.

На лице санитарки появилась робкая, недоверчивая улыбка.

— Ну правда же, Галя! Правда!

— Ты хоть шарф тогда обратно наматай, а то люди же подумают, слухи пойдут... И тебе неприятно, и Лев Ильич разозлится.

— Не буду я шарф наматывать, — возмутилась Оля, — что я за психолог такой буду — в шарфе? Ничего, Галь, никто и не заметит. А если заметят — спросят, я объясню.

— Ты, конечно, Олюшка, смотри сама. Но могла бы и послушать, я все-таки старше, опытнее.

Оля дернула плечом, чмокнула дежурную в щеку, забрала со стойки личные дела и отправилась на утренний обход.

Центр «Нижний космос» занимал три этажа: на первом — холл, столовая, кухня; на втором — кабинеты Олюшки и Шорохова, медсестры, массажная комната и маленький спортзал — несколько тренажеров, беговая дорожка; на третьем — жилые помещения.

Олюшка заглянула на кухню, открыла свой кабинет, сгрузила на стол папки с личными делами и поднялась на третий этаж. В общей гостиной, перед телевизором, маялся Савченко: переключал каналы, вздыхал, ерзал. Услышав Олины шаги, он вскочил, задержал кадыком.

— Оля, я вот к тебе...

— Давай попозже чуть-чуть, я с обходом закончу.

— Я, в смысле, я хочу... У тебя десятки не будет?

— Не будет, Анатолий. А будете себя так вести, я вас в наркологичку сдам. Елене Геннадьевне позвоню. Уяснили?

— Нечуткая ты, Оленька... Ой. Извини. Я не знал.

— О чем ты не знал? О том, что у нас центр помощи пострадавшим от произвола Верхов, а не кредитный союз?

— О том, что ты... Что ошейник...

— Забыла. Надеть. Утром, — отчеканила Оля. — Извини, у меня обход. Через полчаса я готова принять тебя в своем кабинете.

Развернулась на каблуках и пошла по коридору к жилым комнатам. Сейчас заняты были только две: в одной — новенькая, Аня, в другой — Данишкина с новорожденными сыновьями. Данишкина, тихая, мышлеобразная, почти не выходила и ни с кем не общалась. Когда Галя помогала с малышами, молодая мама спускалась что-нибудь перекусить. Шорохов собирался нанять ей няню, но Данишкина противилась: «Не нужно, я сама, не хочу обременять, счастлива материнством».

Ее Верх о близнецах, похоже, и слышать не хотел.

Лев Ильич представлял в суде интересы Данишкиной и детей, но брать с непутевого мужа было нечего — пил он, и пил крепко. А когда напьется, избивал сабу. И во время беременности тоже — чудо, что Данишкина выносила мальчишек.

Оля глубоко вдохнула и постучалась к ней.

— Войдите! — раздался слабый голос.

Тут же заплакал один мальчик, а через секунду присоединился второй.

В комнате пахло присыпкой и детским кремом, на пеленальном столике была навалена куча детской одежды, а в двух кроватках надрывались совершенно одинаковые младенцы. Данишкина метнулась к сыновьям:

— Чшшш! Чшшш! — Она обеими руками покачивала кроватки. — Тихо-тихо-тихо!

— Давайте, помогу. — Оля взяла одного младенца, Данишкина — другого. — Как у вас дела? Почему гулять не ходите?

— Холодно, Оля... Чшшш! Тихо, маленький! Доктор говорит, это нормально, что они такие беспокойные. А я думаю — это из-за того, что я нервничала. И стул у них, знаете, такой зернистый, боюсь, дисбактериоз...

Оля поморщилась. Она мерно покачивала вопящего младенца, мальчик выгибался, сучил ножками. Данишкина смотрела на сына в чужих руках, лицо ее застыло плаксивой гримасой.

— Доктор говорит, я слишком над ними трясусь. Но они — смысл моей жизни! У меня ничего нет, кроме мальчиков, я обременяю собой вас, я всем надела, никому не нужна...

— Вы нужны детям, Лида. И вы нас не обременяете — «Нижний космос» был создан, чтобы помогать сабам, попавшим в беду. Все наладится. Попросить Галю посидеть с малышами? Вы бы позавтракали, на массаж сходили.

Нечесаная, в байковом халате, Данишкина не отреагировала. Она по-прежнему не отрываясь смотрела на мальчика:

— Вы так мне помогаете, так помогаете! А что я? Зачем я? Иногда, Оля, я думаю: ну за что? Чем я такая плохая? Что необразованная, что не того выбрала? А может, я сама его доводила, а? Провоцировала?

— Не говорите ерунды. Он — совершенно невменяемый человек, и мы это скоро докажем. Он не соблюдал ни одного основополагающего принципа нашего общества. А вы ни в чем не виноваты.

Данишкина убаюкала малыша, опустила его в кроватку и забрала второго у Оли. Мальчик зачмокал завертел головой, Данишкина присела на диван, оголила грудь, дала сыну.

— Молока, кажется, не хватает, а смеси не хочу. Не могу я так, Оля. Вот хоть вы мне скажите, как правильно! Или Лев Ильич пусть скажет. Я не знаю как жить.

— Просто жить. Радоваться сыновьям, получить образование, искать работу.

— Я не умею. Я... Олечка, я же брошенная! Раньше хоть он за меня все решал, раньше хоть ничего от меня не зависело, а теперь в свободном плавании, как ровняшка. Я так не умею!

Оля присела рядом, сложив руки на коленях.

— Лида, вы сейчас придете в себя, мальчики чуть подрастут — и обязательно найдется верх, который наденет на вас ошейник. И все снова будет хорошо. А пока вам нужно просто отдохнуть.

— Ох, Оля... Вы не представляете, как это. Вы такая благополучная. За Львом Ильичом — как за каменной стеной. — Данишкина взглянула на нее и осеклась. — Оля! А что?..

— Забыла. Надеть. Просто забыла надеть. У нас все хорошо. И у вас, Лида, обязательно будет. Знаете, мы так толком не поговорим. Зайдите ко мне сегодня после обеда, Галя с ребятами побудет. Договорились?

— Договорились. Если вам это удобно...

— Это — моя работа, и это удобно. Я пойду, Лида. Если что, помните, вы здесь не одна. Всегда можно позвать меня, Галю, Анастасию Михайловну, Розочку. Просто поговорить, посидеть с малышами, пока вы отдыхаете. Понимаете?

— Понимаю. — Лида опустила голову, на засыпающего у ее груди малыша закапали слезы. — Спасибо, спасибо вам большое!

Оля поднялась, постояла несколько секунд, переминаясь, и вышла.

Савченко теперь торчал в коридоре, прямо под дверью, Оля чуть не сбила его.

— Ой. Анатолий, ты подслушиваешь? Я тебе сказала: позже. У меня в кабинете.

— Так я пока жду, за пивком бы, а? Олюшка, ну плохо же мне, совсем плохо! — Савченко взял ее за

рукав. — Она же меня, змея, со свету сживает! Ну Олюшка!

Оля вырвалась.

— Анатолий, ты что себе позволяешь? Ты вообще соображаешь, где находишься? Я охрану сейчас позову!

— Понял, понял! — Анатолий поднял руки вверх. — Все, угомонился, отстал! Я уже ушел!

* * *

Аня лежала на неразобранном диване, свернувшись калачиком, лицом к спинке. Когда Оля вошла и окликнула ее, девушка даже не пошевелилась. Она не спала — спина подрагивала, как от рыданий.

— Я не вовремя? Мне уйти?

Аня всхлипнула, повернулась и села, прижав колени к груди и спрятав лицо.

— Вовремя... Простите...

— Ты пила успокоительные? Которые доктор прописал?

— Нашло вот. На меня нашло. Можно рассказать, Оля?

— Конечно, — она придвинула кресло поближе к дивану и уселась. — Это моя работа — слушать.

Аня сходила в ванную, умылась и, когда вернулась, была уже совершенно спокойна.

— Понимаешь... Я начну издалека. Мы привыкли судить о человеке по ошейнику. Есть ошейник — это не самостоятельный человек, а придаток верха. Нет ошейника — верх, личность сильная, ответственная. Просто человека мы не видим. Ведь сколько неадекватных верхов? Не зря же вы открыли свой центр.

Понимаешь? Верхи — не всегда сильные. Мы люди. Мы не ошейники. Понимаешь?

Оля кивнула.

Ее собеседница вскочила, обошла комнату, присела на подоконник.

— Ты сегодня без ошейника.

— Забыла надеть.

— И как? Они все смотрят на тебя, да?

— Но ты свой не сняла.

— Да. Я не сняла. Не могу. Он меня убьет. Он узнает и меня убьет. Я от него завишу. Я не могу. Когда я о нем вспоминаю — так страшно. И все равно я даже не скучаю. Я не живу. Мне нужно от этого избавиться.

— Конечно-конечно, — Оля нахмурилась, покусала костяшку пальца. — Конечно. Знаешь, ты во многом права. Да. Они действительно на меня смотрели, как на пострадавшую. А ведь я не изменилась. Я просто забыла аксессуар дома.

Аня просветлела лицом:

— Да! Ты понимаешь! Мы — люди! Просто люди! А это — это не правильно! Не по ошейнику надо! Не по роли в постели! Все навязывается! Ты свободная! Я — свободная! Но нам внушили рабство, и мы сидим, понимаешь? И мы не можем вырваться из рабства! Ломаем себя, калечим, лишь бы верхам. А ведь верхи не лучше.

— Я знала одного саба, — медленно сказала Оля, — руководителя крупной корпорации. Одного из руководителей.

— Но он был недееспособный, да? И подписывала его домина, да?

— Да, конечно, как же иначе.

— Иначе? Иначе — просто! Человек. Он — человек. Ты. Я. Мы сильные. Часто сильнее верхов. И мы сами себя держим. В рабстве. Так?

— Наверное, так.

В дверь постучали и тут же, не дожидаясь ответа, открыли ее. На пороге мялся Савченко.

— Девчата, а девчата? Соседка? У тебя десятки до завтра не будет?

* * *

Давки в метро уже не было — схлынул поток спешащих домой офисных служащих. Оля задержалась на работе на час — возилась с документами.

Она стояла, уцепившись за поручень, прикрыв глаза. Прямо перед ней сидела пара: девушка в строгом ошейнике и ее хозяин.

Верх за что-то отчитывал сабу, строго, вполголоса. Губы сабы уже дрожали.

Он глянул на Олю и похлопал свою нижнюю по коленке:

— Уступи место госпоже.

Девушка поднялась, сделала короткий жест в сторону Оли:

— Садитесь, госпожа!

Оля замерла. Медленно кивнула и с достоинством опустилась на нагретое сиденье. Верх улыбнулся ей, подмигнул:

— Воспитывать и воспитывать.

— Да-да, — вежливо откликнулась Оля.

Достала из сумочки книжку и погрузилась в чтение. Щеки ее пылали.

Через две остановки пара вышла, Оля закрыла книжку и откинулась на спинку сиденья. Напротив

на стене висела реклама дизайнерских ошейников: «В ошейнике мне удобно. В ошейнике я свободна. В ошейнике я — Его».

Объявили следующую остановку, Оля вышла, у эскалатора — ей надо было на другую ветку — влипла в пробку, потолкалась, орудуя локтями, чтобы не задавили.

— Госпожа!

Рядом оказался совсем молодой мальчик, лет двадцати, в короткой замшевой куртке и пушистом шарфе.

— Госпожа! — Он дотронулся до Олиной руки. — Почему вы грустите? Вы такая красивая, Госпожа. Извините наглость, но вы свободны?

— Нет.

— У вас есть саб? Госпожа, я просто хочу познакомиться с вами. Вы прекрасны.

— Я замужем.

— А разве это препятствие? Закон разрешает держать нескольких сабов. А сессионно... Госпожа, не отвергайте меня сразу!

— Ты пьян?

— Нет... Немного, — он улыбнулся белозубо, — сессию закрыл, «хвост» досдал.

— Я не буду с тобой знакомиться, — Оля улыбнулась в ответ. — Извини. Я люблю своего мужа. Мне не нужен саб.

Она ввинтилась в толпу, протиснулась к эскалатору и побежала вверх, слегка задыхаясь. На ходу позвонила, вызвала такси до дома. Серо-черные по зимнему времени люди вокруг посматривали на Олю с любопытством. Кто-то — алчно, кто-то — в недоумении, кто-то хихикал. Ее оранжевое пальто казалось костром, а русые с рыжеватым оттенком вьющиеся волосы вспыхивали искрами. Оля, стремительная, раскрасневшаяся, выбежала на улицу.

Машина подъехала через пять минут, все это время Оля стояла на месте, слегка притоптывая и дыша на пальцы.

Таксист распахнул перед ней дверь, помог усесться.

— На метро быстрее бы добрались, — предупредил он.

— Там люди. Надоело. Сегодня уже общалась, больше не хочу.

— Расстроили они вас?

— Мальчишка пристал...

— Никакого уважения у низов в наше время.

Ему было за пятьдесят, усы щеточкой, пиджак поверх водолазки, запах дезодоранта и сигарет.

— Курите? — Оля помотала головой. — Не будете возражать, если я закурю?

— На здоровье.

— Раньше было строже, а сейчас распоясались. За равенство все. Сегодня не пори — настроения нет, иголки утери — синяки остаются, о подвесах забудь — суставы будут болеть, в попу не дам — по телевизору сказали, что это вредно. Еще одна низка? Куда там! Скандал, слезы, тарелки бьет. Представляете? Тарелки. В хлам, в осколки. Целую стопку. А потом — сердечный приступ, «скорая», ах, я умираю, довел, садист, обращаюсь в центр помощи! Тьфу!

— И не говорите, — деревянным голосом отозвалась Оля.

— Вот. Вы меня понимаете. Тоже проблемы с низком? Небось: я в доме хозяйин? Я — мужик? Слышал недавно такое. Посиделки, и один низок как завел: да я больше ее зарабатываю, да я мужчина, да все ее доминирование — только меня отшлепать, а так я все решаю. Я на него смотрю так, думаю: а не ровняшка ли ты часом? Не, ведь не ровняшка. На митинги не ходит. А хозяйку доминировать порывается.

Они ползли в «тянучке», Оля смотрела в окно, таксист продолжал:

— И дальше что? На что он рассчитывает, такой доминатор? Что ошейник на хозяйку наденет? И у всех, у всех одни и те же проблемы. Хоть ты дворник, хоть президент. А почему? А потому что пропаганда.

Город украсили к Новому году: светящиеся гирлянды на деревьях и над проспектом, елочные базары, лотки с украшениями, киоски с глинтвейном и медовухой, с блинами и пончиками, с сувенирами и всякой всячиной, сделанной, конечно же, в Китае. Огни машин и окна домов — часть праздничной иллюминации. Прохожие никуда не спешат, несмотря на мороз, и улыбаются чаще.

И — рекламная растяжка.

Улыбающиеся парень и девушка.

Цветы.

Свобода. Равенство. Братство.

Оля коснулась шеи под шарфом.

* * *

Пока Олюшка искала в сумочке ключи, Лев Ильич услышал шебуршание и открыл дверь.

— Проходи, любимая, проходи, — ласково позвал Лев Ильич и посторонился.

Олюшка проскользнула в квартиру, чуть задев Льва Ильича плечом. В руках у Верха была кастрюля с прозрачной крышкой. Под крышкой что-то белело.

— Разувайся, раздевайся, не спеши, — продолжил Шорохов. — Проходи. Я тебе, любовь моя, устрою сеанс бытового доминирования.

— За что, Лев Ильч? — игриво поинтересовалась Олюшка.

Всмотрелась в его лицо и умолкла. Уши у нее покраснели.

— Понимаешь, дорогая, я хотел пообедать. Нашел в холодильнике мясо. Смотрю — кастрюлька, думал, в ней макароны. Открыл крышку — не макароны. И даже не рис. Подогревать пока не стал. Что это за эксперименты Александра Флеминга, Олюшка?

Она потупилась.

— Я не помню, Лев Ильич...

— Не помнишь — что?

— Что это было не помню... Я забыла про кастрюльку.

— Оля, она стояла на средней полке. Как можно было про нее забыть?

— Прости, Лев Ильич, мне очень стыдно.

— Сты-ыдно? Ах, стыдно? А в микроволновку ты давно заглядывала? Ты ее мыть вообще пробовала?

— Я помою, Лев Ильич...

— Конечно, ты помоешь.

Он сунул Олюшке кастрюльку.

— И это тоже помоешь. Сейчас. Потом покормишь меня обедом, а вечером, Оля, я тебя накажу, потому что так нельзя. Совсем распустилась.

— Прости, Лев Ильич... — Держа кастрюльку в вытянутых руках, Оля прошла на кухню и крикнула оттуда: — Лев Ильич, ты не сердись, я сегодня ошейник забыла надеть. После извращений.

— Еще и ошейник? — он заглянул на кухню. — Смелая ты женщина, Олюшка. Бесстрашная, я посмотрю. Чего ты у нас вообще боишься? Однохвостки не боишься, ротанга не боишься, кошки — тоже не обо. Розг? А. Знаю. Электрошокера.

— Ой, Лев Ильич! — Олюшка вздрогнула. — Не надо, пожалуйста!

— Надо, Оля, надо. Во-первых, для твоего же блага. Во-вторых, я этого хочу.

Оля всхлипнула, развернулась к мойке, занялась посудой. Лев Ильич, склонив голову к плечу, любовался ею.

— Лев Ильич, так я рассказать хотела, — не обращаясь, перекрикивая шум воды, начала Оля, — меня без ошейника незнакомые люди за домину принимали, представляешь?

Он не ответил, только хмыкнул. Оля выключила воду, вытерла руки, села на табуретку чуть ли не посреди кухни. За спиной Шорохова стояла микроволновка с распахнутой дверцей, и Олюшка смотрела туда, а не на мужа.

— То есть, я от домины отличаюсь только ошейником.

— Не только.

— Лев Ильич, умоляю, дослушай меня, а?

Он встал, подошел к Оле и опустил перед ней на колени, обняв за ноги.

— Рассказывай.

— Ты чего, Хозяин?!

— Рассказывай. Я догадываюсь, что ты скажешь.

— Да ничего такого... Просто... Понимаешь, во мне не видят человека, видят только ошейник. А без него я — такая же, как домина, даже, может, лучше, смотря с кем сравнивать. А так получается, что я хуже той же Савченко. А я не хуже.

— Ты не хуже. Ты — лучше всех. Не бойся, говори. Я все пойму.

Оля отвернулась, снова шмыгнула носом, вцепилась в табуретку.

— Я не хочу носить ошейник, — тихо сказала она. — Я тоже человек. А не манекен для ошейника. Я хочу, чтобы во мне видели человека.

— Я вижу в тебе человека.

— Нет! Ты видишь во мне низку! Грязную кастрюлю вот видишь, а меня саму — нет.

Он поднялся, прошелся по кухне, встал у окна, опершись руками о подоконник. Было очень тихо, слышно, как дворник шваркает лопатой и как капает вода в ванной. Шорохов открыл форточку, сквозняк подхватил клочок пыли и покатиł его по полу.

— Я вижу в тебе человека. Решай сама, Оля. Если ты хочешь снять ошейник и уйти...

— Я не хочу уходить! — выкрикнула Оля.

Он не смотрел на жену.

— Хорошо. Если ты хочешь снять ошейник, если ты хочешь стать равной мне — я не буду препятствовать. Я люблю тебя. Это ты должна решить сама.

* * *

Оля не успела раздеться — Галя, санитарка, перехватила ее у входа, вцепилась в плечи:

— Оля! Беда!

— Что случилось?!

Но Галя повторяла только: беда, беда! — и слезы капились по бледным щекам, размывая пудру. Оля дышала часто, будто ей не хватало воздуха. Галя отбежала к конторке, трясущимися руками налила себе стакан воды, выпила залпом, икнула.

— Аня. Новая наша пациентка. В больнице. Суицид.

— Что?!?

— Таблетки стащила из врачебного кабинета и выпила все. Хорошо, ночью Данишкиной помощь с ребятами понадобилась, она по-соседски к Ане заглянула, а та без сознания. Вызвали «Скорую». Увезли. Сейчас там... Адрес вот. — Она протянула

Оле листочек с криво накорябанным номером больницы.

— Почему не позвонила?!

— Я звонила. Ты трубку не брала, Шорохов не брал, домашний выключен.

Оля вздрогнула.

— Прости. У нас тяжелая ночь была. Вызови такси, я к Ане поеду, нехорошо ее там одну оставлять.

Галя часто закивала.

Дверь распахнулась, и с мороза, раскрасневшийся, наполнив комнату ароматом перегара и пота, вошел Савченко. Он прохрипел:

— Олечка! Галечка! — и рухнул на колени у порога, протянув к женщинам руки.

Его кинулись поднимать, но Савченко пополз вперед, цепляясь за полы одежды и бормоча невнятно. В распахнутой куртке виднелась его впалая, безволосая грудь (под верхней одеждой у Савченко была только майка-алкашка). Савченко, запрокинув голову, дергал кадыком.

— Толя... А где твой ошейник? — всплеснула руками Галя.

— Выгнала! Прочь, говорит! Девочки! Родные! Помогите!

— Чем тебе помочь? — скрестила руки на груди Оля. — Двадцатку на пиво?

— Пить не буду! Ничего не буду! Вылечусь! Работу найду! Помогите, пропаду без нее, совсем пропаду! Не могу я без нее! Не знаю ничего, как жить — не знаю, куда идти — не знаю, а она меня прогнала! Не любит она меня!

Женщины переглянулись. Оля прикусила губу, Галя, охая, потянула Савченко с полу.

— Вставай, вставай, дурак, не плачь ты, что-нибудь придумаем, она же добрая у тебя, вот ты завяжешь,

работу найдешь, а там обратно попросишься, у вас же детки, да и она тебя любит.

— Мне ехать пора, Галь. Вы тут сами, а? Анатолий, ты не волнуйся, все наладится. Ты пока у нас поживи. Галя тебе комнату сейчас покажет.

Оставив их, Оля выскочила на улицу, добежала до проспекта, встала у обочины, подняла руку. Мимо проносились, слепя фарами, машины, было влажно и холодно, ветер трепал полы пальто и концы шарфа, рыжеватые волосы Оли развевались. Остановилось такси:

— Куда?

— В шестую горбольницу, — Оля села, пристегнулась, — пожалуйста, быстрее.

— Несчастье? — посочувствовал таксист.

— Да. Несчастье.

Она вынула из сумочки сотовый, включила его. Набрала Шорохова.

— Лев Ильич... Лева, у нас беда. У нас Анечка в больнице, новая девочка.

— Что случилось?

— Суицид. Я еду к ней. Ты приедешь?

— Нет, Оля, я не приеду. Это — твоя ответственность. Я буду дома.

— А если что-то, а если я не справлюсь?

— Ты попросишь — и я помогу. Равные поступают так.

Оля нажала отбой. Она смотрела перед собой на блестящий асфальт проспекта, кусала губу и хмурилась. Таксист тактично молчал. До шестой больницы доехали быстро, минут за пятнадцать, машина остановилась у проходной, Оля выскочила, сунулась в будочку охранников, но там никого не было, тогда Оля побежала к ближайшему корпусу по скользкой дорожке, петляющей между сосен. Больничный парк сейчас,

в зимней предрассветной темноте, казался густым нетронутым лесом. Лишь впереди оранжевым светились фонари.

В приемном покое Олю выслушали и объяснили, куда идти. Она взяла бахилы и халат, поблагодарила сбивчиво, прижимая сумочку к груди, поднялась на лифте.

Больница. Оживленные коридоры — снуют медсестры и врачи, больные бредут на анализы и процедуры, пахнет манной кашей и подгоревшим какао. Оля попыталась отыскать нужную палату, но выяснилось, что ей не сюда, а этажом выше, и она снова поспешила к лифту, втягивая голову в плечи.

На четвертом суеты не было. Пустой коридор, продавленные диванчики вдоль стен. На одном — пожилой мужчина. Спина прямая, взгляд остановившийся. Оля процокала, морщась при каждом звуке, вперед, остановилась рядом с посетителем. Он сидел прямо перед дверью нужной ей палаты. Оля пожала плечами, потянулась к ручке.

— Вы куда это?! — Медсестричка в белом халате и черном ошейнике кинулась на перехват. — Вы к кому? К Беленькой? Туда нельзя!

— Извините... Да, к Анне Беленькой, я из центра «Нижний космос»...

Мужчина на диванчике засмеялся, будто закричал, и поднялся.

— Ну, я вас оставляю, — пробормотала медсестра и вернулась на свой пост.

Оля протянула руку, представилась:

— Ольга Шорохова.

— А я — отец Ани.

Имени он не назвал. Обошел Олю вокруг, рассматривая и качая головой.

— Значит, вы из центра. Ну, вы не знали.

Оля коснулась голой шеи.

— Как — отец? Она говорила, нет родителей.

— А так — отец. Что же вы по базе не пробили? Больна моя Аня. Давно больна. Если бы не Игорь, не его настойчивость, она бы из больниц не выходила.

— Я не понимаю...

Дверь палаты распахнулась, из нее быстрым, энергичным шагом вышел верх лет сорока, подтянутый, седой, с жестоким, но печальным лицом. Оля ойкнула. Игорь Борисович Успенский часто появлялся на экране телевидения, не узнать его было невозможно.

— Я... Здравствуйте, Игорь Борисович, я...

— Дамочка из «Сабспейса», — усмехнулся отец Ани.

— Ага. — Медленно произнес политик. — Давайте присядем. Как вас зовут?

— Оля.

— Ольга?..

Она снова коснулась голой шеи.

— Ольга Александровна. Лучше без отчества.

— Шорохова?

— Да-а..

Успенский в упор посмотрел на нее и усмехнулся. Оля покраснела.

— Ладно. Ольга. У меня пока что к вам один вопрос, хотя, наверное, его стоило бы задать Льву Ильичу — имел честь быть знаком с вашим супругом, правда, шапочно, пересекались по делам. Так вот. Почему мне не сообщили, что Аня у вас?

— Она... Фамилии разные. Больше ничего не сообщила. Даже фамилию и имя поначалу не хотела. Просила никому. Она...

Оля зажмурилась, сделала несколько глубоких вдохов-выдохов.

— Позвольте быть с вами честной, Игорь Борисович. Аня обратилась к нам за помощью. Я работала с ней недолго, и, раз допустила попытку суицида, непрофессионально. Я готова ответить перед законом. Но Аня просила нас не сообщать вам о ее местонахождении. То есть она просила никому не говорить. Она опасалась за свою жизнь. И поэтому я здесь. И, раз вы здесь, давайте разбираться как цивилизованные люди...

Отец Ани снова рассмеялся и закрыл лицо руками. Игорь Успенский склонил голову к плечу.

— Что же она рассказала? Что я ее бил? Истязал? Держал на цепи? Пичкал лекарствами? Она больна, Оля. Аня — шизофреничка. Тяжелая форма заболевания, почти без улучшений. Вроде бы мы добились стойкого результата, но она сбежала, снова сбежала — не в первый раз. И каждый раз находят ее, кто ей помогает. Каждый раз она придумывает новые жизни, новую беду, каждый раз прячется от меня.

Оля отвела взгляд.

— Посмотрите на меня, Оля. Я похож на бытового садиста? На избивающего несчастного ребенка? Она отказывается от пищи, в период обострения почти не ест. Она обманывает меня, не принимает лекарства. Я ее люблю. Она портит мою репутацию, я не могу показываться на публике со своей молодой очаровательной женой. Я не могу приглашать гостей. Но я ее люблю. Я трачу целые состояния на ее лечение. Я надеюсь. Я несу за нее ответственность, однажды взяв.

Оля принялась ковырять заусенцы. На Успенского она не смотрела.

— Посмотрите на меня. Ну же?

Оля подняла лицо.

— Я. Похож. На психа. Избивающего жену?

— Н-нет, что вы, но...

— Она убедительна. Ей всегда верят. Она глубоко несчастна. Но не только я люблю ее и отвечаю за нее — она тоже любит меня. И когда лекарства подействуют, вспомнит об этом.

Оля дернулась, будто ее ударили.

— Хотите к ней зайти? — спросил Успенский.

— Да.

* * *

Шорохов курил в форточку. Оля остановилась в дверях, обеими руками держась за косяк.

— Лев Ильич?

Он обернулся.

— Мне нужен твой совет. Очень нужен. Ты мне можешь?

— Конечно, — он с удивлением посмотрел на сигарету в пальцах и щелчком отправил ее на улицу. — Может, разденешься?

Оля неловко освободилась из пальто, запуталась в шарфе. Шорохов стоял, скрестив руки на груди, и наблюдал за нею.

— Чай будешь, Оля?

— А у нас ничего нет, вина там, а?

Он покачал головой, открыл бар, вытащил бутылку вермута, из морозилки достал лед.

— Все, что прикажет моя госпожа.

Оля вспыхнула, потупилась. Присела на табуретку. Шорохов налил вермут, бросил лед, поставил стакан перед ней.

— Лев Ильич, у меня проблема. Аня Беленькая — это девичья фамилия. Она Успенская.

— Да. Мне только что звонил Игорь Успенский. Лично, заметь. Выразил сожаление по поводу моего

распавшегося брака. Посетовал на моральную деградацию низок как класса. Ты ему хамила?

— Просто я была без ошейника, прости, Лев Ильич.

— За что же ты извиняешься? Это — твое решение. Успенский мне все рассказал про свою Аню. Знаешь, мне его жаль.

— А мне... — Оля схватила стакан и залпом выпила половину, вытерла губы тыльной стороной ладони. — А мне жалко ее. И его тоже. И ее отца. И себя.

— А себя-то ты что жалеешь? И что же ты без тоста, как алкашка? — он пригубил напиток.

Оля вскочила, схватила с подоконника пачку сигарет, сунула одну в рот, нервно пощелкав зажигалкой, закурила, подавилась дымом. Шорохов наблюдал за ней с интересом.

— Лев Ильич, что мне делать? — не глядя на него, простонала Оля. — Я зашла к ней в палату. А она просит... Она просит меня быть ее верхом! Раз уж я сняла ошейник, она ко мне под ошейник просится теперь!

— Ну и? Вернешь себе дееспособность — это не сложно. И бери ее под ошейник.

— Но... Лев Ильич! — Оля рывком развернулась к мужу, он поднялся навстречу. — А мы с тобой? А как же? Лев Ильич, я не хочу брать ответственность за чужого больного человека!

— Не хочешь? — вкрадчиво переспросил Шорохов.

— Не могу!

— Оля, есть только два типа отношений: либо ты за кого-то отвечаешь, либо кто-то отвечает за тебя. Если ты достаточно сильная, чтобы отказаться от ошейника, если ты достаточно сильная, чтобы быть самостоятельной, если ты считаешь себя равной, а значит, верхом, тебе ответственности не избежать.

Оля кинулась к нему, обняла, но Шорохов отстранился.

— Я за тебя отвечал и, наверное, отвечаю. Я не прогоню тебя и всегда приду на помощь, если позовешь. Но это, любимая, ты должна решить сама. Решай сама.

Он отодвинул Олю и вышел из кухни. Она побрела следом, заметила тлеющую сигарету, вернулась, бросила ее в раковину, остановилась, покачиваясь, обхватив себя руками. Хлопнула дверь мужниного кабинета.

Оля слепо развернулась, пошатываясь, доковыляла до спальни, выдвинула правый верхний ящик трюмо. Там, на бижутерии, лежал ошейник. Оля взяла его обеими руками и посмотрела на себя в зеркало.

— Что мне делать? — спросила она у отражения. — Что?

Отражение не ответило.

ЮЛИАНА ЛЕБЕДИНСКАЯ

ОНИ ИСПОЛНЯЮТСЯ!

Дзын-н-н-ь!

— В вашем распределителе новый мужчина!

Алиска радостно бросилась к крохотному монитору. Та-а-ак, брюнет, 30 лет, холост, детей нет, ага, неплохо, что там еще? Работает дизайнером-оформителем, проблемы с... что-о-о? Зачем мне импотент???

— Железяка неразумная! Издеваться надумала? Ах ты ж!

— По всем вопросам обращайтесь к своему куратору! Адрес куратора можете посмотреть в моем

карманчике! — проскрипел распределитель, испуганно погасив мониторчик.

Из кармана — небольшой узкой щелки под монитором — выскользнула фотография деревянного домика с зеленой пальмой на подоконнике — типичный кураторский офис. И знакомый адрес на двери.

Алиска топнула ножкой. Пнула (правда, осторожно) уснувший распределитель. Затем села на пол и расплакалась. Ну что за елки прошлогодние? Сначала 60-летнего деда подсунуть пытались, при том, что ей, Алиске, всего 26, до этого двоих женатых сватали — интересно, у жен согласия спросили? А еще был местный бомж и два парнишки из сельской глубинки. А она, между прочим, очень даже не из глубинки и поговорить на культурные темы любит, а не только про то, как «всей ватагой самогонку пили».

Что мне теперь, в девках из-за них оставаться?!

Нет уж!

Девушка решительно смахнула слезинки с ресниц, впустила расческой светлые, цвета льна волосы и, сунув железяку неразумную под мышку, побежала из дома.

— Вот! Он поломался! — Алиска театральным жестом выложила распределитель на стол полусонному куратору.

— Верьте ей! — пробурчал распределитель, включая мониторчик и запуская поочередно все необходимые программы.

Куратор молча пожал плечами и вопросительно посмотрел на Алису.

— Вот! Смотрите! Он говорит, что мне надо замуж за это, — дамский пальчик возмущенно ткнулся в монитор, — за это, и вот за ЭТО!

— И что? — Куратор, молодой человек с аномально равнодушным лицом, демонстративно зевнул.

— Как это «что»? У меня два высших образования! А я должна за селюка замуж идти? Или со стариком уживаться? Или... или... — Девушка замолчала, готовясь снова расплакаться.

Покосилась на куратора, — тот и не думал ее утешать. Она демонстративно всхлипнула.

— Ну-у-у, вы ж понимаете, — все так же равнодушно протянул куратор, — мужчин мало, выбор невелик, радуйтесь, что хоть кого-то распределяют.

— Так, значит, да? — неожиданно для себя Алиска разозлилась еще сильнее, плакать почему-то перехотелось. — А почему тогда Лизка за олигарха замуж вышла? Алена тоже, вон, хорошо устроилась — живет в домике у моря с цветоводом-любителем, как всегда и мечтала. А я?

Куратор пожал плечами. Забубнил скучным голосом.

— Мужчины распределяются в зависимости от ваших привычек, вкусов, желаний, жизненных приоритетов, некоторых поступков... В общем, от вашей личности во всех ее проявлениях.

— Чушь! Лизка даже не помогала никому никогда! А ей... Несправедливо!

— О справедливости никто не говорит! Речь идет о соответствии.

Алиска задумалась.

— Значит, я соответствую вот *этим*?

Куратор снова пожал плечами.

— Говорите, помогать любите?

— Так... Что ж... Да ну вас всех! — И громко хлопнула дверью на прощанье. Распределитель, мигнув экранчиком, уныло поковылял следом.

Дзынь!

— Иди ты!

Дзынь! Дзынь! Дзынь!

— Замолкни!

Дзыыыынь!

— Погасни, чтоб тебя!

Мониторчик обиженно потух.

— Не хочу даже видеть, кто там! Опять бомж какой-нибудь. А мне одного хватило. Хм, а что? Возьму и выйду за бомжа. Отогрею, откормлю, отмою... На приличную работу устрою. Да он мне до конца жизни благодарен будет! На руках таскать станет! И за чем те олигархи нужны?

Алиска выбежала во двор, заглянула в подвал, сморщилась, чихнула, вдохнула поглубже и заглянула еще раз.

— Здравствуйте. — Э-э-э, как там жениха у нас величают? Юрий... ага. — Привет, Юра! У меня тут это...

Она протянула распределительную анкету.

— Че, еще одна невеста? Ладно, давай бегом рассказывай, что там у тебя, а то тут ко мне уже сватались вчера.

— Как «что у меня»? Кто сватался?

— А ты че думала, одна такая королевна? Замуж хочешь? За мужиками очередь нынче стоит! Та другая сегодня приходила... Она борщ варит. И любит песню ту же, что и я. — Бомж мечтательно посмотрел куда-то за пределы подвальной стены, резко встрепенулся. — А ты любишь? А? Вот послушай!

Из-под прогнившего тряпья вдруг материализовалась потерянная гитара. Бомж взял аккорд, затянул что-то смутно знакомое.

Алиске стало очень грустно.

Да, она любила эту песню. Наверняка любила.

Но... Не в песне дело. А в чем тогда? Размышляя, она не заметила, что уже вышла из подвала и бредет по улице. Бомж, увлеченный песней, даже не подумал ее задержать.

Вот тебе и откормлю, отогрею!

А ведь мечтала же о романтической натуре. Домечталась!

Если уж этот *так* себя ведет, чего тогда от других ждать?

— Заберите!

— Что? — Куратор, сегодня не сонный, но по-прежнему равнодушный, уставился на тихо тренькающий распределитель.

— Заберите это! Не хочу замуж! Не хочу даже читать, что он мне подсовывает!

— Не-е-е, так нельзя, — флегматично протянул куратор, — к каждой женщине с рождения прикрепляется распределитель мужчин. И он должен быть с ней всегда!

— Но я не хочу! Так не должно быть! Я хочу, чтобы встретились — р-р-раз! — и молния между нами! И... И голова кругом! А это... это просто железка!

— «Молнии между нами» бывают только в сказках бабушкиных. — В вечно скучающем голосе проскользнули нотки насмешки. — А современные люди знают, что нет никаких молний. Есть только распределители. Возьмите свой, пожалуйста...

— Ска-а-азки ба-а-абушкины! — передразнила Алиска. — Что ж ты сам до сих пор не женат? Неужели никуда не определили? При всем дефиците мужчин-то!

— Определяли. — Куратор грустно вздохнул, уставившись в пол, все равнодушие вдруг куда-то улетучилось. — Видела б ты *этих* невест! Я и сюда устроился по благу — кураторам жениться не обязательно.

— Да? Тогда я тоже хочу быть куратором!

— А у тебя благу есть?

— Нету, кажется...

— Значит, ничего не получится... Бери свой распределитель и... Эй, ты чего?

Алиска отвернулась, застыла у двери. Предательски подрагивали плечики. За окном в обнимку с красивой дамой шел всклокоченный мужчина с потертой гитарой в руках. Летнее Солнце трусливо пряталось за серо-пушистую тучу. Покинутый распределитель, тренькнув, потерял об Алискину ногу. Алиска не шевелилась.

— Эй! Ты... из-за бомжа, что ли? Так он... Один он, что ли, на гитаре... Вот, возьми лучше выпей!

— Не из-за бомжа вовсе. — Она робко взяла стакан, пригубила нечто пряно-пахнущее. — Я...

Помрачневшее вмиг небо взорвалось от яркого света озорницы молнии. Алиска, вкрикнув от неожиданности, вцепилась в пиджак куратора. От ароматного напитка закружилась голова. Молодой человек прижал испуганную девушку к себе. Алиска, уже совсем не испуганная, обняла его за шею. Радостно улыбнулась, потерлась лицом о его щетину.

«О чем я там мечтала? Чтоб молния и голова... и без распределителя...»

За спиной раздалось радостное: «Дзынь!!!»

ЮЛИЯ ЗОНИС
ИГОРЬ АВИЛЬЧЕНКО

ЦВЕТЫ ЗЛА, ТЕРНИИ ДОБРА

1. ТЫЛ

Ночами Талка сбегала к ручью и руками рвала джи-крапиву, чтобы сплести рубашки для братьев. Козлоногий смотрел на нее с той стороны ручья, спрятавшись за корявым древесным стволом. Растик смотрел на козлоногого и думал, что придет его время — он выточит острые стрелы и пойдет на охоту, и перестреляет всех козлоногих в округе. А мамка не будет сердиться за отлучку. И батя вернется с войны. И все у них будет тип-топ, как говорил Рыжий Коста.

Джи-крапива — сильная трава, поднимающая мертвых. Братья Талки все умерли и лежали в земле. Мать Талки рожала одного за другим мертвых мальчиков. Талку считали сумасшедшей, потому что она хотела оживить умерших во чреве младенцев, — а Растик думал, что не так уж это и глупо. Ведь сплести рубашку на младенца легче, чем на взрослого мужика.

В ручье плеснуло. Разбилась бликами лунная дорожка. Дерево, за которым прятался козлоногий, недовольно зафырчало, засопело и двинулось к воде — пить, полоскать корни. Козлоногий испуганно метнулся в лесную тень. Ему не хотелось, чтобы его застукали. В конце концов, перестрелять всех козлоногих в округе мечтал не только Растик.

Талка с полными руками крапивы покачивающейся утиной походкой двинулась по тропе. Девочка почти созрела, как говорил Рыжий Коста. Вон как сиськи под рубахой оттопырились, даже в темноте видать. Недаром козлоногий за ней следил. Хотел девчонку в лес затащить. У лесовиков баб нет, одни дупла. А много ли радости с дуплом? Так, по крайней мере, считал Коста — сам Растик еще не пробовал никак, ни с дуплами, ни с бабами. И тем более не с этой придурошной.

Нет, если подумать — глупа была Талка, глупа. Ну, оживила бы она братьев, и что? Все равно им не вырасти. Век с ними возись, век рубахи плети — одна сносилась, подавай другую. Правильно Талкина мамка ее хворостиной охаживала. А сама гуляла с Рыжим Костой. Приживала от него мертвых младеней. Живых от Косты не больно-то родишь. Он на войне побывал. Еще давно, еще до того, как стали всем бойцам плести рубахи. Одна нога у него была мертвая и скрюченная — дендронид зацепил ядовитой лианой-хлыстом. На щеке корежился зеленый лишайник, если присмотреться, можно увидеть отдельные веточки-мшинки. Но главное — страх. Рыжий Коста теперь за ограду села не выходил. Боялся леса. Хотя лес у них был мирный. Точней — замиранный. А что козлоногие и деревья ходили, так это пустышки. Можно было даже по бруснику пойти, и никто бы тебя не отравил, не сожрал, лишайником не заразил, в симбионта не превратил. Так, разве что веткой приласкал бы пониже спины. Играючи. Мать больнее хворостиной секла. Главное — не быть дураком, костров не разводить, не жечь лесного — и вернешься живым. Вот такой он, замиранный лес. А на войне совсем другой коленкор, как говорил Рыжий Коста.

2. ФРОНТ

Опорный пункт («замок») Дунсинейн, предполагаемый противник — лес Бирнамский, скорость сближения — ноль целых три десятых гендролуги в час. Гарнизон пятнадцать человек. Вооружение включает две батареи лава-пушек, тяжелые флеймеры, зажигательные гранаты, «стратегический запас» (контейнеры с пыльцеспорами), личное оружие солдат гарнизона. Запас нефти ограничен. Запас питьевой воды ограничен. Запас продовольствия на две недели. Предполагаемый срок подхода подкрепления — один месяц.

Старший лейтенант Януш Жаботинский вошел в караулку пригнувшись и все же стукнулся выбритой макушкой о низкую притолоку. Недовольно зашипев, потер ушиб. Сержант Горуш и два рядовых, Милко и Казанцев, вскочили, вскинув руки к фуражкам. Судя по жалким физиономиям Милко и Казанцева и рассыпанным по столу картам и мелким купюрам, унтер-офицерский состав проводил время не без пользы. Про Горуша давно было известно, что он шулер и обыгрывает рядовых в карты. Жаботинский, после смерти майора Фирса повышенный до коменданта замка, Горуша бы давно погнал в шею — но людей жестоко не хватало. Даже таких скверных, как Горуш.

— И как мы дошли до жизни такой? — вслух произнес лейтенант.

— То есть так точно! — гаркнул в ответ сержант, тараща пустые латунные зенки.

Кроме нечистой игры, Горуш славился такими вот нелепыми выкриками. Майор Фирс, мир его праху, считал это признаком усердия к службе. Жаботинский считал это признаком хитрости и глупости.

«Глупцы вообще часто бывают хитры, а хитрецы — глупы», — не к месту подумал он и тут же обругал себя. Не время сейчас впадать в философское умонастроение. Надо дело делать.

— Почему без рубах? — сердито спросил он.

Рядовые потупились, а взгляд Горуша вильнул куда-то вбок и под скамью, где валялись две форменные рубахи из джи-волокна.

— Та-ак, — тихо и зло протянул Жаботинский. — Вы, Горуш, окончательно совесть потеряли? Последнюю рубаху с рядовых снимаете?

Горуш молчал. Видимо, подходящего выкрика в его наборе не нашлось.

— Немедленно, слышите, немедленно верните Милко и Казанцеву то, что они проиграли, и марш на стену! И больше чтобы я этого не видел, если не хотите поработать живой бомбой.

Живой бомбой Горуш работать явно не хотел. Толкнул к рядовым денежную горку — так, что бумажки разлетелись, а мелочь со звоном раскатилась по полу — одернул собственную рубаху и ринулся к двери. Но даже на полном ходу не задел притолоку головой, хотя ростом был почти с Жаботинского. Верткий, гад. Скользкий, как масло. Такого дендронд проглотит, а он с другого конца выскочит, отряхнется и дальше пойдет. Только где настоящих людей взять? Нету их, настоящих. Вон майор Фирс был служака честный, а рубаху не хотел надевать. Его лишайник сожрал. Три недели в лазарете провалялся, позеленел весь, и ни в какую — не хочу живым покойником стать. И не стал. Живым. Стал мертвым. А Жаботинскому разгрести после него. Распустил гарнизон, скоро они за стенами без рубах шляться начнут.

Лейтенант качал головой и взглянул на Милко с Казанцевым. Те смотрели виновато.

— Голову на плечах иметь надо! Голову, а не тыкву пустую! — в сердцах бросил командир.

Милко неуверенно улыбнулся. Казанцев переступил с ноги на ногу. Горе-солдаты, аники-воины. С такими навоюешься. Лейтенант плюнул, развернулся и пошел вон из караулки. До вечернего построения еще надо было встретиться и переговорить с интендантом.

3. ТЫЛ

Если говорить о братьях, то у Растика тоже был брат, старший и вполне живой. Брат прятался в подполе. Прячась в подполе, он писал серьезный научный трактат «Как растения обрели разум». Брат пришел в село через три недели после того, как батю призвали на фронт, и сразу полез в подвал. Тогда Растик впервые услышал подлое словечко — «дезертир». Брат был дезертиром. Так кричала мать.

— Сын Януша Жаботинского — дезертир! Позор на всю семью! — кричала она и почему зря была посуду.

Мать отказывалась носить брату еду в подвал. Приходилось Растику. Брат, Семен, не был похож ни на непонятого дезертира, ни на того, кто позорил семью. Семью всегда Растик позорил — то с мальчишками из Одинцов подерется, то залезет в сад к Егоровне за замиренными яблоками, то подглядывает за девчонками, когда те голышом плещутся в ручье. Семен был не такой. Тощий, очкастый и серьезный, он с самого детства любил учиться. Мать им всегда гордилась и Растику в пример ставила, особенно когда Семен без всякого блата и «на лапу» поступил в университет. Гордилась тем, за что сейчас презирала! Ох уж эти бабы, как говорил Коста, не ум у них, а сплош-

ной раскисший лишайник. Интересно, что бы сказал батя. Тоже презирал бы Семена? Или понял бы и простил? Иногда Растику казалось, что простил бы, но потом Растик вспоминал, что батя на войне, и сам начинал злиться на Семена. Лучше бы батя остался дома, а Семена со всеми остальными студентами угнали бы на фронт. И послужил бы, ничего бы с ним не сделалось. Тоже фифа нашлась!

Но умом Растик, конечно, понимал, что на фронте Семен и дня бы не протянул. Непременно попался бы на сук какой-нибудь гельвеции чешуелистой или вообще мхом зарос. Глаза Семена за стеклами очков всегда смотрели как будто внутрь, не замечая того, что творилось вокруг. Брат рассеянно жевал картофляники из замиренной картошки — мать, хотя и злилась, не забывала положить на картофельные оладьи жирной сметанки — и продолжал строчить на своих листках при свете керосинки. Листками был усыпан в подвале весь пол, как в лесу осенью. И еще там валялись книги. Когда Семен пришел, у него рюкзак был под завязку набит книгами, на всех — лиловые библиотечные штампы. Книги были очень старые. Сейчас-то бумажных не делают, замиренные дендрониды эту статью договора не подписали. А в старину делали. Полный рюкзак старинных книг, наверное, очень дорогих!

— Ты их украл? — спросил Растик, осторожно трогая пальцем плотную шершавую обложку.

Семен дернул головой, словно его слепень укусил, и сердито, совсем как батя, ответил:

— Не украл. Одолжил. Или даже спас. Бирнамский лес идет на Дунсинейн, и замок не выдержит. А значит, и город плакал. Дендрониды приходят в бешенство, когда видят «прах предков, над которым надругались гуманоиды». Это они о книгах так. Они там все уничтожат. Получается, я — спас.

Вторую часть его речи Растик почти пропустил, потому что слова «замок не выдержит» грянули в голову, словно удар колокола. От щек отхлынула кровь.

— Как «не выдержит»? Ты что, вообще?!

В замке был батя. Оттуда мамке приходили письма на свернутых листках тубуса — таких же, на каких писал сейчас Семен. Батя был комендантом замка. Если Дунсинеин не выдержит, значит, дэндриды уничтожат и батю. А этого случиться никак не могло.

— Ты! Ты! Дезертир проклятый! Трус! Что ты тут панику разводишь!

Брат поднял голову и глянул так недоуменно, так отстраненно, что Растик сжал кулаки и кинулся на него. Листки полетели во все стороны. Из перевернутой чернильницы выплеснулись чернила. На вопли прибежала мамка и, вытащив Растика из подвала за ухо, здорово отделала хворостинной. Обидно было донельзя — получается, она защищала Семена, хотя он трус, дезертир и сказал, что батю убьют.

4. ФРОНТ

— Все-все-все зависит от направления ветра, — сказал интендант и почесал щеку со стрелчатым шрамом — следом вырезанного лишайника.

Странная форма заикания у него осталась от злоупотребления соком дикого мака. Когда-то интендант был полковым фельдшером и имел свободный доступ к медикаментам. Сок дикого мака добавляли к соку замиренного в случае самых сложных операций, чтобы сон пациента был глубже. А чистый сок дикого мака вызывал не менее дикие галлюцинации. Теперь

у бывшего фельдшера тряслись руки и дергался глаз, и он по несколько раз повторял слова.

— Все-все-все...

— Я понял, — нетерпеливо перебил Жаботинский.

Они стояли в подвале, где в ящиках, плотно набитых войлоком, лежали стеклянные контейнеры с пыльцеспорами. Стекло — единственная тара, которая могла удержать пыльцеспоры внутри.

— Ничего-ничего вы не поняли, — нахмурился интендант. — Вы штатский. Штафирка. Запасник. Вы никогда не видели-видели-видели, как ветер меняет направление, и пыльце-пыльце-пыльце...

— Споры!

— ...и пыльцеспоры несет на нас, — как ни в чем не бывало, продолжил бывший фельдшер, сворачивая самокрутку трясущимися пальцами.

Высунул длинный лиловый язык, облизнул кленовый листок, в который заворачивал сушеные полоски мшеца. Жаботинский смотрел на интенданта с отворачиванием. Ну и контингент ему достался! Шулер. Торчок. И двенадцать овец, готовых с бляением разбежаться во все стороны, как только на горизонте затемнеют верхушки Бирнамского леса.

— А вы, что ли, видели? — насмешливо поинтересовался комендант. — Если бы видели, вряд ли бы мы сейчас тут с вами разговаривали.

— Я видел кинохронику, — парировал интендант. — Нам на курсах показывали. Чтобы таких вот, как вы, рьяных штафировок-штафировок-штафировок не допускали до стратегического запаса-запаса.

Жаботинский прищурился. «Пыльцеспоры» еще называли «оружием возмездия» или «последнего удара». Сам он, сельский учитель, никогда не видел их в действии. И не хотел бы увидеть, но факт тот, что нефти для флеймеров и лава-пушек им хватит максимум на

два дня, а на гранатах и иглометах долго не продержишься.

— О чем вы думаете-думаете? — спросил интендант, устремив на командира подозрительный взгляд сквозь облачко синеватого дыма.

— О живой бомбе — живой бомбе, — передразнил Жаботинский.

Хотя, конечно, ничего смешного в этом не было.

— Нам нужны подкрепления, — тихо сказал интендант. — Пошлите-пошлите-пошлите за подкреплениями.

— Нам нужна вода для людей и нефть для орудий. И вода для орудий нам тоже нужна. И орудийные расчеты. Опытные артиллеристы. Вы думаете, в окрестных селах мы сможем набрать опытных артиллеристов?

Интендант пожал плечами и выдул из ноздрей две синих струи. Жаботинский, поперхнувшись от приторно-сладкой вони, закашлялся и замахал рукой перед лицом, отгоняя дым.

5. ТЫЛ

Талка, сидя на крыльце избы и подслеповато щурясь, плела рубаху из высушенной джи-крапивы. При этом она тихонько напевала что-то простое, монотонное, сонное, как плеск ночного ручья. Рыжий Коста стоял во дворе перед мангалом и выпрямлял над углями древки стрел.

— Говорю, надо кончать этого козложопого, — сердито ворчал он.

Растик пристроился на корточках в замиренном малиннике, так, чтобы слушать Косту и бросать в рот переспелые, раскисшие и полные сладости ягоды.

— В моей молодости как? — бубнил Коста, почесывая длинным желтым ногтем лишайник на щеке. — Брали сети и шли в лес облавой. Пускали загонщиков с другой стороны, чтоб двигались навстречь. Все четко, быстро, по-военному. Загонщики стучат палками по стволам, бьют кусты. Козложопы и прочая нечисть от них бегом, и прямо к нам в сети. А мы уж их в деревню волочим и там судим судом скорым, но правым. А неча девок воровать!

Растик, облизывая сладкие и липкие от малины пальцы, одновременно и верил, и не верил Рыжему Косте. Нет, с козлоногими, конечно, так и надо. Он сам пойдет с Костой на охоту и подстрелит того козлоногого, что по ночам пялится на Талку. Талка, получается, Косте как дочь — все-то детишки Косты с Талкиной матерью мертвые родились, не о ком ему заботиться, кроме Талки. Вот он и хочет ее защитить, это всякому понятно. Сомнения брали при мысли о загонщиках. По деревьям? Палками? И лес вот просто так возьмет да и позволит палками его лупцевать? Точно как мамка заголяет задницу Растика и хворостиной, хворостиной! Растик даже ухмыльнулся. Картина смешная получалась. Это какая же мать должна быть, чтобы так отходить лес — пусть и замиренный?

Растик вздохнул и сорвал еще одну темно-бордовую, почти черную ягодку. Напоролся на колючку, охнул, сунул палец с выступившей капелькой крови в рот. Мамка злая, потому что батя долго не возвращается. При бате была добрее. А батя его вообще не бил — так, шутки ради иногда за ремень возьмется, но никогда не ударит.

— А вот еще, — говорил Коста, прямя стрелы, — есть доброе дерево — анчар. То есть дерево злое, самое злое на свете. Но если сок собрать и стрелы

тем соком смазать, кого хочешь убьет такая стрела, симбионт он там, не симбионт. Иногда не только симбионта, но и целый лес, слышь, одной стрелой поразить можно. Деревья, они ж корнями связаны, сплетены, они там под землей шушукаются, соками обмениваются...

От околицы закричали. Растик подпрыгнул и зашипел — замиренная малина вцепилась шипами в рубашку, пропорол да еще и обрызгала соком. Мамка ругаться будет... Но в следующий миг он уже забыл и о ругани, и о царапинах.

Над селом кружила жар-птица, сразу видать — из отлученных симбионтов, в сбруе и в оперении цветов замка Дунсинейн. В седле сидел всадник. Даже снизу было видно, что всадник длинный и нескладный и что птице нести его тяжело. Заложив еще один корявый вираж, птица пошла вниз над деревенской площадью с колодцем. Растик ветром пронесся к калитке и побежал к площади, только пяточки засверкали. Срочный вестник из замка! От бати! Сзади закрихтели и заругались — колченогий Рыжий Коста, бросив свои древки, тоже поспешал изо всех сил. Его костыль громко ударял в сухую землю, выбивая пыльные облачка. На крыльце осталась одна Талка. Она все так же старательно плела рубаху, гундося себе под нос песенку без слов.

6. ФРОНТ

Комендант Януш Жаботинский стоял у стрельчатой бойницы донжона и смотрел, как работала интендантская команда. Коменданту было отчасти стыдно, что с бочками за стену он послал этого больного старика — но Горушу доверия не было, чуть что, и дернет

через мост, ищи его потом, свищи. А сам он, согласно уставу, ни на минуту не должен был покидать охраняемый объект.

Река Мертвая Вода тяжело катила под мостом мертвые воды. Мост, древний, построенный еще до появления дендронидов — сталь и бетон — медленно разрушался от старости. Из трещин тянулись стебельки замиреной и все же опасной травы. Эта переправа, единственная на сотни дендронидов вверх и вниз по течению, и была тем, ради чего воздвигли опорный пункт, а в просторечии замок Дунсинейн. Проще всего было мост взорвать. Но дендрониды все равно раньше или позже форсировали бы реку — перекинули бы споры, жертвуя братьями, соорудили бы плоты, крепко обметанные лишайником, стянутые тугими лианами. Лесу надо было дать бой здесь и сейчас. А для этого нужна была вода для систем охлаждения орудий. В замковом колодце воды оставалось на пол-локтя, едва-едва хватит на пару недель. Да и то если выделять каждому в гарнизоне только по две кружки на день, с утренним и вечерним рационом.

Пить воду из Мертвой Воды было нельзя, даже засыпав в нее хлорные таблетки. Дендрониды постоянно сбрасывали туда споры, и химзаводы города, борясь со спорами — синтетическую отраву. Но для охлаждения жидкость с грехом пополам годилась, главное, руки в ней не мочить. Солдаты в неприменных рубахах из джи-волокна ревно наполняли ведра и сливали в бочку, стараясь не обрызгать себя и товарищей. Интендант, прислонившись к бочке, смолил очередную самокрутку. Было видно, как ветер относит дымок. Нижние ворота стояли распахнутыми, у них дежурили Милко с Копыловым. Казанцева Жаботинский отослал за подкреплением. Но все это было бесполез-

но. Все: и бочка с водой, и заполненный едва ли на четверть резервуар с нефтью под замком, и обсидиановый склон замковой горы, блестящий на Солнце, как черное стекло. Лес всегда найдет способ пробраться внутрь.

Отправляя Казанцева в тыл, Жаботинский думал о жене и сыне. Ему очень хотелось передать им с Казанцевым предупреждение. Сказать, чтобы отходили в глубь замиренной территории, потому что замок падет через несколько дней — а с ним падет и город на той стороне реки, и все остальное... Но это было подло: предупредить только своих. А если не только своих, значит — нагнетать панику. Это противоречило уставу, здравому смыслу и всей жизни, прожитой Янушем Жаботинским в твердой уверенности, что под защитой замка ничего плохого не случится. Что мир продлится вечно, или хотя бы до тех пор, пока правнуки его правнуков не найдут способ раз и навсегда разобраться с дендроидами. А пока он, Януш Жаботинский, должен исполнять свой долг: читать детям в школе историю, подчиняться приказам майора Фирса, а теперь, после его смерти, самому отдавать приказы и до последнего защищать тех, кто остался в тылу.

От реки донеслись вскрики и смех: один солдат в шутку сделал вид, что окатывает товарища водой. Тот отскочил, поскользнулся и плюхнулся на задницу. Интендант говорил что-то, широко разевая черную дыру рта — видно, отчитывал провинившихся. Ветерок, пронесшийся над рекой, щекотнул щеку — и показалось, что в ветре брезжит кислый запах лесной клейковины. Неужели так близко? Жаботинский отвернулся от окна и в который раз задумался о живой бомбе.

7. ТЫЛ

Вестовой, несмотря на то что спустился с неба, был весь покрыт пылью. Пыль взметнули с сухой земли крылья жар-птицы. Сама жар-птица, ныряя к бадье головой с сине-красным хохолком, жадно глотала воду, словно обыкновенная курица.

— Артиллеристы, — хрипло говорил вестовой по фамилии Казанцев.

В руке он сжимал свиток тубуса с приказом.

— Кто-нибудь с артиллерийским опытом... с каким-нибудь военным опытом?

Голос вестового звучал жалко, просяще и был так же сух, как пропеченная Солнцем земля. Сердобольная мамка Талки протянула ему кувшинчик с молоком. Вестовойпил жадно, дергая кадыком. Вокруг него собрались все жители села, и только тут Растик понял, что мужчин среди них совсем нет. Только старики и убогие, вроде Рыжего Косты. А так — бабы, старухи, девки и малышня вроде него.

Допив, вестовой обтер рот широкой ладонью и снова спросил:

— Кто-нибудь... е?

Он говорил «е» вместо «есть», как горожанин. И все-таки он был свой, из замка. Растика так и жгло изнутри — хотелось спросить, как там батя. Но нельзя. Он понимал, что нельзя, вон мамка стоит, спрятав руки под передник, и тоже не спрашивает.

Растик почти не удивился, когда Рыжий Коста, скобочившись, шагнул вперед и выдохнул утрюмо:

— Ну, я воевал. Еще до замирения дело было. Батя твой тогда пешком под стол ходил. Но кое-что могу.

Вестовой уставился на лишайник на щеке Косты. Их в армии учат отличать злокачественный лишайник от остаточного, да что там, даже в школе на уроках граж-

данской обороны этому учат. Ясно же было, что зеленень на щеке Косты остаточная. Вестовой сглотнул:

— Еще кто-нибудь?

Он завертел головой, и тут завывла, запричитала Талкина мамка, схватилась и кинулась к Косте. Бухнулась прямо в пыль, вцепилась в подол его крапивной рубашки и запричитала:

— Не пущу! Ооооой, не пущу!

Коста слабо отбивался.

— Встань, дура-баба. Встань, перед людьми не позорь.

Талкина мамка ловила руками костыль. Растик отвернулся — до того стыдно было на это смотреть. Талкин батька вот так и ушел десять лет тому как. Ушел и не вернулся. И его, Растика, батя тоже ушел. Ушел и... Растик закусил губу. Даже думать об этом сметь нельзя! Не при мамке. И не при этом вестовом Казанцеве, которому еще две дюжины деревень надо облететь с батькиным приказом.

Рыжий Коста уходил на рассвете. С ним еще три старика. Они двигались на восток, к замку, туда, где медленно разгоралась в небе багровая полоска — то ли встающее Солнце, то ли дальний огонь. Их вышло проводить все село, но Растик попрощался еще раньше: во дворе Талкиного дома, в сырых предрассветных сумерках. Рыжий Коста взлохматил ему рукой волосы и протянул сверток с древками стрел.

— Вот, — сказал, — вернусь, постреляем еще с тобой козложопых.

И ушел, только калитка хлопнула, да простучал по пыли костыль. Из дома не доносилось ни звука. Потом тихо, гундосо запела Талка. Мать ее на крыльце так и не показалась.

8. ФРОНТ

Хуже всего был «тополиный пух» — мелкие белые семена с пушинками, висящие в воздухе и забивающие нос, горло, глаза ядовитым войлоком. Когда пух попадал под струю флеймера, он вспыхивал и сгорал с громким хлопком. Почти так же опасны были коробочки бешеной акации, взрывающиеся с треском и рассеивающие острые семена. Семена, попадая в живое тело, мгновенно начинали прорастать, и через минуту человек превращался в зеленую шевелящуюся массу, покрытую побегамии. Если бы не «бессмертные» рубахи, Жаботинский давно бы уже лишился половины состава.

И это была только артподготовка противника. Бирнамский лес колыхался, шумел, трещал и скрежетал изумрудным морем у подножия замковой горы. Земля, прожженная насквозь лава-пушками, запекаясь, подобно обсидиану, не давала дендроидам пустить корни. Однако полз уже от подножия кислый лишайник, полз, разъедавая и размягчая каменно-твердую почву. Вслед за лишайником тянулись лианы... а в воздухе сплошной стеной шли симбионты. Сотни и тысячи птиц, крылатых рептилий и совсем непонятных летучих тварей, сплетенных с лесом в одну нервную сеть тонкими невидимыми волокнами...

Замок мог противопоставить им всего две батареи лава-пушек и несколько десятков флеймеров. Черно-красная густая лава ползла по склону вниз, навстречу лишайнику, выжигая все на своем пути. Огненные струи флеймеров проедали в зеленом ковре черные дымящиеся дыры. От дыма почти невозможно было дышать, и защитникам приходилось прятать лица под повязками из влажной марли. Марля быстро высыхала, кожа шла пузырями от жара. Казалось, посреди леса разложили гигантский костер. Флеймеры полосовали небо, кром-

сая птичьи стаи, с риском задеть своих: двое дозорных на жар-птицах кружили над замком. Вести были неутешительные. Лес огромен, и даже с высоты их полета кажется бесконечным. Он запрудил берег вверх и вниз по течению, и отдельные отряды инженерных дендроидов уже сооружают плоты, пока их собратья пытаются прорвать оборону. Люди проиграли бой еще до его начала. Им оставалось лишь отступить — по подземному туннелю к нижним воротам, выводящим прямо к реке, оттуда на мост и в город, где поспешно организовывали эвакуацию гражданского населения.

Но комендант Януш Жаботинский не мог отступить. С севера шли подкрепления, а гражданские там, на другой стороне реки, были совершенно беззащитны. В отрядах милиции одни старики и юнцы. Значит, надо было выстоять. Продержаться. Еще день. Еще ночь. День и ночь спутались в клубах дыма, и вынырывающие из клубов черные лица стали совершенно неузнаваемы — лишь сверкали белым зубы и белки глаз. Горло сводил кашель. Жаботинскому, бегущему по стене, показалось на секунду, что он увидел Рыжего Косту, пришедшего с последним подкреплением. Старый солдат поливал водой раскаленный ствол лава-пушки. Но уже секунду спустя над стеной показалось новое облако «тополиного пуха», и все утонуло в криках и пляске огненных струй. Жаботинский сорвался с места и побежал дальше.

9. ТЫЛ

Ночью Талка разговаривала с козлоногим.

Ручей шел лунными бликами. Замиранный лес тихо потрескивал. Растик сидел с самострелом в камышовых зарослях. А Талка разговаривала с козлоногим.

Самым странным в этом было то, что Талка ни с кем не разговаривала. Никогда. Только плела рубашки и пела свои тихие протяжные песенки, в которых ни слова не разберешь. Растик и сейчас не мог разобрать ни слова, только «бе-бе-бе» — это девчоночий Талкин голос, и «бу-бу-бу» — низкий голос козлоногого.

В лунном свете их силуэты виднелись очень отчетливо, потому что козлоногий вышел наконец-то из леса и перебрался на их сторону ручья. И это тоже было странно, ведь уговор таков — замиренный лес и все его твари на том берегу, а люди на этом. Нет, люди иногда ходили в лес, по ягоды, по грибы. Но чтобы козлоногий пересек ручей... Очень ему, наверное, Талка нравилась.

Растик тихонько засопел и рычагом натянул тетиву. Самострел они делали вместе с Рыжим Костой. Это Коста выгладил ореховое ложе и приладил рычаг, и сплел тетиву из тройной рыбьей лески. Где-то теперь старик? «Там же, где и папа, — подумал Растик, недовольный сам собой за глупые мысли. — Защищает замок». А он, Растик, должен защитить неразумную Талку, пока Косты рядом нет. Вот сейчас, сейчас...

Он поднял самострел, целясь в широкую спину козлоногого. Девчонку бы не задеть... И тут лесовик обернулся и посмотрел прямо на заросли камыша, где прятался стрелок. Растик даже показалось, что прямо ему в глаза. Рука, уже занывшая от напряжения, не дрогнула — но Растик отчего-то вспомнил, как Семен с умным видом рассказывал, что козлоногие не симбионты никакие, а те же люди, только вступившие в союз с лесом. Что шерсть у них на ногах — это серый лишайник, а копыта — разросшаяся грибница... Это значит, убить козлоногого — все равно что убить человека?

У лесовика были огромные, очень темные глаза, в которых плавали лунные искорки, и широкое человеческое лицо. Грубое, дикое, но человеческое. Талка, снова что-то сказав, взяла козлоногого за лапу... руку...

«Стреляй! — холодно произнес в голове голос Рыжего Косты. — Убей лесного козлину!»

Но Растик не выстрелил. Он убрал стрелу, тихо спустил тетиву и отполз подальше в камыши — а потом, развернувшись, что было духу дернул к околице. Всю дорогу, пока мальчик бежал, ему казалось, что он подсмотрел что-то запретное, чего нельзя было видеть. И еще он подумал, что Талка, может, не такая уж и глупая.

Дома Растик, как обычно, влез в кухонное окно. Окно в бывшей их-с-Семеном, а теперь только его комнате было разбито и заклеено бумагой. Батя все обещал починить, да так и не успел. Лишний раз за шпингалет лучше было не дергать — рама старая, разбухшая от сырости, рванешь, так, глядишь, и оставшееся стекло вывалится. Мать прибежит на грохот и даже спрашивать не станет, сразу отхлещет хворостинной. Поэтому Растик полез через кухню и поэтому заметил, как под кухонными половицами мечется свет. Свет шел из подвала. Странно. Семен старался по ночам не жечь лампу, хотя все соседи знали, что он там прячется. Растик, схватив с тарелки замиренное яблоко, притаился в темном углу за столом.

Спустя несколько минут свет потух. Растик, подождав еще немного, уже совсем было собрался идти спать, но тут крышка люка в полу откинулась. Лунный свет отбрасывал на надраенные мамкой половицы бледные полосы. В этом свете показалась черная взлохмаченная голова Семена и его неширокие пле-

чи. Старший брат выбрался из подвала. В руке у него был какой-то сверток, а за плечами — тот студенческий ранец, с которым он пришел из города. Задвинув крышку на место, Семен крадучись пробрался к двери и вышел в сени. Сверток он прижимал к груди. Дождавшись, пока дверь за братом закроется и ступеньки крыльца отскрипят, Растик скользнул следом.

На садовой дорожке и у калитки Семена не было. Улица за калиткой лежала белым нетронутым полотном. Уйти так быстро он не успел бы, значит... Растик быстро и неслышно обежал дом, стараясь держаться в тени замиренных мальв и шиповника. Так и есть. Семен был в саду. Когда Растик выглянул из-за угла, брат как раз прикрывал дверь сарая. В руках он держал лопату. Отойдя на пять шагов и встав под сливой, которая уже давно не плодоносила, Семен принялся неумело, но быстро копать яму. Сверток и ранец лежали на земле неподалеку.

Растик неслышно подкрался сзади, переступая через грядки с огурцами и томатами, и негромко сказал:

— Ага!

Семен, подпрыгнув, развернулся и взмахнул лопатой — так, что если бы Растик не отскочил, не сносить бы ему головы.

— Ты что? — зашипел младший, потирая ушибленную о колышек лодыжку. — Совсем уже с глазду съехал? Ты чего дерешься? Чего по ночам шастаешь?

— А, это ты, — сказал Семен и протер стеклышки очков, будто ничего не случилось и он вовсе не пытался только что убить родного брата лопатой.

— Я. А ты думал?

Семен, пожав плечами, продолжил копать. Лопата вгрызалась в землю с тихим скрипом, сыпались сухие комья и мелкие камешки. Низ штанов и сандалии Растика, подсохшие было на бегу от ручья, снова

промочила ночная роса. Мальчик сунул руки в карманы и легонько пнул сверток ногой. Брат тут же окрысился:

— Эй, не трогай. Это ценные бумаги. Это моя работа.

— Если ценные, зачем их в землю зарывать?

— Чтобы люди потом нашли. Чтобы знали.

— Чтобы знали что? — спросил Растик.

Семен, не оборачиваясь, буркнул:

— Тише, мать разбудишь.

— Чтобы люди знали что? — упрямо, но уже потише повторил младший.

Семен выпрямился. Он встал, опираясь на черенок лопаты, подняв лицо к луне. Стекла его очков холодно блестели, как две слюдяные монетки.

— О том, откуда взялись дендрониды. Разумные леса. Симбионты. О тех опытах, что ставили наши предки. И о том, почему замирная джи-крапива оживляет, а семена дикой джи-крапивы — это пыльцеспоры, убивающие все живое. Я построил филогенетическое древо...

Семен опустил голову, впервые прямо взглянув на брата, — и Растик подумал, что выражение у него как будто растерянное и даже обиженное. Растик тоже растерялся. Что такое «древо», понятно — старинное слово для «дерева». Но «фи-логенетическое»? Какой-нибудь дикий дендронид? Симбионт?

Не замечая недоумения брата, Семен продолжал:

— И знаешь, что во всем этом самое странное?

Растик пожал плечами, хотя брат и не ждал ответа.

— То, что пыльцеспоры появились раньше. Теперь я точно знаю — их сделали люди. Сделали с помощью генетических модификаций, для того, чтобы воевать. Для того, чтобы убивать других людей.

Слова «генетических модификаций» Растик не понял, а остальному не поверил. Всякому известно, что пыльцеспоры породили дендройды, чтобы извести под корень род человеческий. Но вслух он этого не сказал — слишком отрешенный вид был у брата. Да Семен бы и не услышал.

— Ты понимаешь, почему это странно? — спросил старший. — Потому что замиренная джи-крапива не должна была появиться. Ведь дендройды ведут войну. Даже замиренный лес только хранит нейтралитет. Зачем же делать то, что помогает людям? Зачем делать нам добро?

Растик растерянно молчал. Семен вздохнул и взъерошил его волосы, совсем как Рыжий Коста перед уходом.

— Сейчас не понимаешь — потом поймешь.

Растик уже почувствовал непоправимое и все же спросил:

— А ты... ты куда? Ты разве уходишь?

Семен снова развернулся к яме и, присев на корточки, аккуратно положил в нее обернутый промасленной тряпкой сверток.

— Я должен. Понимаешь, я закончил свою работу. А отец там... и наши из университета в городской оброне... Я должен вернуться.

— Но ты же не хочешь воевать с лесом! — крикнул Растик и тут же прижал ладонь ко рту — мамка проснется!

Семен, не отвечая, быстро закапывал яму. Утрамбовав землю лопатой, он обернулся к младшему и протянул ему инструмент.

— Отнеси в сарай, Рагислав.

Брат назвал его «Рагиславом», так, как называли только учителя в школе, когда Растик вытворял очередную пакость. И в этом тоже чувствовалась неиз-

бежность. Мальчишка, взяв лопату, побежал к сараю. Один раз оглянулся через плечо — Семен все так же стоял у бесплодной сливы и смотрел ему вслед. Но когда мальчик, быстро прислонив лопату к стене, выскочил из сарая, брата в саду уже не было. Только лунный свет и темное пятно вскопанной и снова примятой земли у корней замиренного дерева.

10. ФРОНТ

Сверху замок напоминал очаг инфекции — язву, окруженную кольцом красной, опухшей и воспаленной плоти. Над стенами плясал огонь, а внутри ворочалось что-то желто-зеленое, гнойное — вероятно, хлынувшие во внутренний двор дендрониды первого звена. И надо всем этим, как смрад, поднимающийся от язвы, стоял плотный столб удушливого черного дыма. Ветер дул с запада, от реки, относя клубы дыма к карабкающемуся на замковый холм лесу. Там, в клубах, вихрились стаи крылатых симбионтов. Когда Жаботинский, оседлав последнюю уцелевшую жар-птицу, стартовал с верхней площадки донжона, симбионты ринулись следом. Некоторое время казалось, что ему не оторваться от черной гононящей тучи — он уже почти ощущал ветер от биения их крыльев на затылке, и тонкие волоски на шее вставали дыбом от страха. И все же симбионты отстали — когда комендант, покинувший замок, направил свою жар-птицу прямо в зенит, их орда с глухим карканьем и разочарованными криками провалилась вниз. Симбионтам мешала подняться выше их связь с лесом. Жаботинский усмехнулся, покрепче сжимая луку седла левой рукой. В правой он держал контейнер с пыльцеспорами.

Пыльцеспоры обычно сбрасывает авиация. На это есть махолеты и воздушные шары. Сбросить и убрать-ся подальше, верно рассчитав высоту и направление ветра. Но у Януша Жаботинского был другой план, хотя ветер тоже следовало учесть. Он дул от реки, следовательно, шанс, что споры понесет на город, был ничтожно мал. И все же он был. Значит, контейнер нельзя распечатывать на высоте — нет, только на земле, только в гуще Бирнамского леса, не ждущего такого подвоха.

Когда-то живыми бомбами назывались те, кто глотал споры в пластиковых капсулах. У бомбы был завод — толщина пластика. Спорам требовалось полчаса, час или больше, чтобы проесть стойкую пластмассу и приняться за живую плоть. За это время надо было как можно глубже проникнуть на территорию противника. Жаботинский, прикрыв слезящиеся от ветра и дыма глаза, представил, как такой человек шел, выкашливая из распадающихся легких облачка спор... да. Эта тактика была признана неэффективной еще во время войны с Арденским лесом, больше четверти века назад, но поговорка про «живые бомбы» осталась. Жар-птица, словно почувствовав мысли всадника, длинно и горестно крикнула. Отлученный симбионт нуждался в связи с кем-то, и за неимением породившего его леса пытался наладить связь с человеком. Наверное, жар-птица уловила смертную тоску и страх коменданта.

Комендант должен покидать замок последним. Жаботинский снова усмехнулся. С самого момента взлета, когда серая площадка башни рухнула вниз, а с ней ухнул вниз желудок и судорожно затрепыхалось сердце, Жаботинский продолжал считать. Он как раз дошел до ста, когда прогремели два взрыва: первый и, с небольшим опозданием — второй. Гноящаяся язва

на зеленой шкуре леса вспухла и вскрылась, выплеснув шар огня. Еще секунду спустя на воздух взлетели бетонные перекрытия и железные фермы моста. Заряд под мост был заложен давно. А вот нефту в замке Жаботинский приказал взорвать перед самым отлетом. Значит, интендант все же успел. Хорошо. Теперь лес занят пожаром и не заметит одинокого летуна, падающего в его бесформенную толщу.

Решив, что он пролетел достаточно, Жаботинский сжал пятками бока жар-птицы. Летун, сложив крылья, стрелой понесся вниз. Казанцев показал командиру этот маневр три недели назад. Казанцева с его птицей сбили еще днем. Только Казанцев умел выворачивать летуна над самой землей — а Жаботинский так и не научился, да и не собирался этого делать.

Он крепче стиснул скользкую стенку контейнера и вжался головой в шейное оперение жар-птицы. Вокруг свистел ветер. Земля приближалась размытым пятном. Летун закричал, напарываясь на ветки, и со страшным треском человек и птица обрушились на кинувшийся в стороны подлесок. Жаботинский успел сорвать печать за мгновение до того, как потемнело в глазах и в затылок ударила страшная боль.

...Комендант очнулся несколько секунд — или минут — спустя. Вокруг было темно, словно наступила глубокая ночь. Жаботинский не осознавал, что от удара лишился зрения. Он вытянул руки вперед, оперся о распластанную тушу жар-птицы и с трудом сумел подняться на ноги. В легких плясал адский огонь. Человек кашлянул. Кашлянул еще раз, и с воздухом изо рта полетели кровавые брызги. Он зашагал вперед, пошатываясь, нащупывая дорогу руками, с каждым выдохом выдувая маленькие облачка смертоносной пыли.

11. ТЫЛ

С той ночи, когда ушел Семен, мать все стояла-постоявала у восточной околицы. Уже два дня стояла и все глядела туда, где скрылся сначала Рыжий Коста в предутреннем сером свете, а затем и Семен — в свете полной луны. Сейчас луна шла на убыль. Потянуло на осень, и луна с Солнцем встречались в небе — жаркий круг, толстый белый ломоть.

Растик носил мамке еду и воду в кувшине, уговаривал вернуться в дом — бесполезно. Вот Талкина мамка в доме заперлась и вообще не выходила наружу. А Растикова не хотела зайти внутрь. Заговорила только один раз, когда Растик принялся неловко утешать. Он сказал что-то вроде: «Мамка, не надо, вернется Семен, и батя вернется, и Рыжий Коста». А мать, не глядя на него, а глядя сухими глазами на дорогу, ответила:

— Это я его прогнала.

С тех пор молчала.

Она-то первой и увидела спускавшийся с холмов Лес, и уж тогда зашлась криком.

Страшен был не сам Лес. Всякий в селе видел, как деревья спускаются попить к ручью, грузно вытягивая из земли корни. Страшно было то, что шло вместе с Лесом, в Лесу, вместо Леса. Вспухающие в зеленых кронах нарывы, разрастающиеся бурые язвы, опухоли, в одну секунду охватывающие полхолма, а уже в следующую распадающиеся серой трухой.

Собравшиеся у околицы бабы тоже кричали. Мамка Растика уже только сипела, впившись в горло руками, словно хотела задавить рвущийся наружу крик. А дед Ольмерт, старый, как жабий дуб у ручья, выдавил, указывая трясущимся пальцем:

— Пыльцеспоры... ржа... через час все мертвые будем.

Растик, тоже повисший на поперечине ограды, отчаянно огляделся. Не было никого, кто мог защитить. В селе ввек не водилось ни знаменитых лава-пушек, превращающих землю в стекло, ни флеймеров, ни иглометов с сывороткой — ничего. Не было даже злого дерева анчар, одна капля яда которого могла сразить целый лес. Никакого оружия. Разве что его самострел... Лук у Димки... Арбалет у братьев Оржанцев.

— Эй! — во всю глотку заорал он. — Пацаны! У кого есть из чего стрелять — тащите. Через пять минут встречаемся здесь.

Мать обернула к нему бледное лицо, открыла рот, желая что-то сказать. Он не стал слушать и рванул вверх по улице к дому.

Они выстроились за изгородью — редкая цепь мальчишек с луками, самострелами, арбалетами. У Кирки было даже духовое ружье, сейчас бесполезное — но все равно он притащил. Наконечники стрел Растик велел всем смазать горючей смолой. И запылал огонь в большой железной бочке, где дозорные держали воду — в те времена, когда у восточной околицы еще стояли дозорные.

Пораженный болезнью Лес приливной волной катился с холмов. Растик никогда не видел моря, но батя рассказывал, и так он себе и воображал прилив. Только морской прилив голубой, чистый, а этот мутно-зеленый, как те древние стеклышки, что они с пацанами находили иногда на дне ручья. Мутно-зеленый в бурных и серых пятнах лишая... «Хорошо, что ветер дует в спину», — подумал Растик и сам удивился своей неизвестно откуда взявшейся мудрости. Нежно-зеленое

облако спор, стоявшее над Лесом, сносило к востоку — иначе живых в селе бы уже не было.

Когда до первых деревьев осталось около сотни шагов, Растик крикнул:

— Поджигай!

И пацаны, один за другим, подожгли наконечники стрел. Медлить больше не имело смысла. Растик махнул рукой, а потом поспешно вскинул собственный самострел. В свете дня летящие стрелы казались бледно-рыжими точками в небе. Прочертив короткие дуги, они упали в Лес. Жалкая горсточка против невероятной громады. Растик так и не увидел, зажегся ли хоть один огонь, потому что сзади его окликнули. Он обернулся.

По улице шагала босая Талка под руку с козлоногим, а за ней — по палисадникам, по изгородям, по обочинам и по утоптанной ленте дороги — бежала встречная волна замиренной джи-крапивы. А следом стеной двигался лес. Их, замиренный лес.

12. НИЧЕЙНАЯ ЗЕМЛЯ

Лес шумел за околицей — и восточной, и западной. В село деревья старались не забредать, хотя и любили повозиться с Талкиными братьями. Братья, все двенадцать, маленькие, юркие и рыжие, в сплетенных сестрой рубашонках, хвостом таскались за козлоногим. Козлоногого звали Боб. Он паршиво играл на свирели, зато отлично приманивал свистом рыбу в ручье. Талка стояла рядом и била прутиком по воде, распутывая всю рыбу — но козлоногий Боб совсем не обижался. Он радовался тому, что Талке больше не надо было плести рубахи и ожоги от крапивы у нее на пальцах почти зажили. Двенадцать Талкиных братьев востор-

женно пищали и пихались маленькими кулачками, когда Бобу все же удавалось приманить рыбу и, насадив на острогу, швырнуть блестящую серебристую тушку на берег.

А Растик... А что Растик? Растик присматривал за ними из камышей, как и прежде, но близко не подходил. Зачем людям мешать?

ГЛЕБ СОКОЛОВ

КРАШ-ТЕСТ

Короткий триллер

Спичка, которую я подносил к конфорке, была необычно толстой. Огонь сразу объял ее до самой середины. Еще немного — и он пробежит дальше, обожжет пальцы. Вокруг конфорки опять появилось вялое синее пламя, но тут же погасло. Газ никак не хотел зажигаться. Да был ли он там, вообще, этот газ?!

Джезва — медная кастрюлька для варки кофе — стояла, залитая водой, на краю мойки, но синего пламени, на котором ее можно было вскипятить, не было. Без кофе я не мог, как следует ни думать, ни действовать. «Что же с этим чертовым газом?! Куда он подевался?»

Я попробовал поджечь газ в соседней конфорке — пошире, на нее было невозможно поставить кастрюльку для кофе, — но газ не шел и из нее. Посмотрел на часы, висевшие на стене над кухонными полками: времени оставалось совсем мало. Я встал сегодня на полчаса позже обычного. Если немедленно не ускорить процесс, точно опоздаю...

Я окинул кухню взглядом. На столике — пузырьки с успокоительными настойками, рядом — корочки обезболивающих. Накануне еще утром у меня начала болеть голова, весь день я промучился этой болью. К вечеру она только усилилась. А к тому моменту, как я добрался общественным транспортом через весь город домой, она стала невыносимой. Принял таблетку — не помогло. После этого еще несколько раз принимал другие таблетки, делал на голову теплый компресс. Скрученный из полотенца высохший жгут до сих пор лежал на кровати в комнате.

Все дело в этом новом офисе. Как только мы туда переехали, я начал плохо себя чувствовать.

Наконец газ зажегся. Синие язычки бодро заплясали над маленькой конфоркой. Я поставил на нее джезvu и медленно перешел в комнату. Происходило явно что-то не то... Голова болит, газ не зажигается. Я посмотрел на часы — время, которое оставалось на то, чтобы собраться, стремительно убывало. И все же я думал только о том, почему в последние несколько суток все так чудовищно не клеится. Я не мог найти ни одной вразумительной причины, кроме нового офиса.

Хотелось поговорить с кем-нибудь. Я устал от боли и одиночества.

Перешел в комнату, взял со стула, стоявшего в изголовье кровати, мобильный телефон. Вызвал из памяти номер Маши — своей близкой знакомой. «Что за черт?!» Телефон как будто подвисал, выполняя мои указания с задержкой. Я нажал «Позвонить». «Сеть недоступна» — выскочило на экране.

Я занервничал, набрал еще. На этот раз номер был занят. В течение примерно минуты я непрерывно набирал Машин номер, — каждый раз либо была недо-

ступна сеть, либо номер занят... Я перестал звонить. «Что за чертовщина!»

Нет, определенно все это мне не нравилось. Накануне вечером я тоже пытался звонить Маше. И точно так же, как и теперь, то была недоступна сеть, то абонент оказывался вне зоны ее действия, то номер непрерывно занят. В конце концов я так и заснул с мобильником, зажатым в кулаке.

Может, с ней что-нибудь случилось?! Вода в джезве вскипела. Но теперь мне было не до кофе. Я начал нервничать. Мало ли что могло произойти в городе, пока я мучился этой проклятой головной болью: теракт, техногенная катастрофа.

У меня на кухне стоял маленький радиоприемничек, работавший от батареек. Я подскочил к нему, повернул включатель. Раздалось какое-то ровное, негромкое гудение. Но сколько я ни крутил рукоятку настройки, ни одной станции найти мне так и не удалось.

В комнате стоял телевизор, я подбежал к нему, ткнул кнопку. Экран замерцал ровным серебряным светом. Ни одна программа не показывала.

Вот когда мне стало по-настоящему жутко!

Я подскочил к окну. Посмотрел на улицу. Ничего необычного не увидел. Никаких признаков случившейся катастрофы.

Вернулся на кухню, взял со столика мобильный телефон. Торопливо принялся искать в его памяти еще один номер, — на этот раз матери. Наконец, нашел. Послал вызов... Мать обычно долго не брала трубку. Но на этот раз ее номер оказался занят. «Что за чертовщина?!»

Опять повторилось все то же самое, что было, когда я звонил Маше: то занято, то недоступна сеть, то абонент вне зоны доступа.

Надо было торопиться. Времени на размышления и на звонки у меня уже не было. Обжигаясь, выпил чашку кофе. Едва не отрезав себе палец, сделал бутерброд с колбасой, запихал его в рот. Дожевывая, надел рубашку, брюки, повязал галстук, снял с вешалки в шкафу пиджак...

Захлопнув дверь, сунул длинный, с широкими лапками ключ в прорезь замка, два раза провернул. С глухим лязганием замок сработал. «Слава богу, хоть замок работает нормально!» — подумал я. Все остальные технические блага цивилизации этим утром сбились. Неловким движением вынул ключ из замка, и тут связка выскользнула из пальцев и упала на выложенный светло-синей кафельной плиткой пол. Я быстро нагнулся, чтобы поднять ее. Застучало в висках, закружилась голова... Я рухнул на пол.

Через несколько мгновений сознание вернулось ко мне. «Что это было?!» Я поднялся. В ушах звенело, но голова больше не кружилась. Следовало бы вернуться в квартиру и вызвать врача, но я почему-то повернулся, вызвал лифт, и, когда кабина поднялась на мой этаж и двери раскрылись, шагнул внутрь. Двери закрылись, свет тут же погас. Лифт никуда не ехал. Я не успел нажать кнопку первого этажа...

В первое мгновение я даже не понял, что произошло. Затем принялся нажимать все кнопки подряд. Лифт загудел. Кабина поползла вниз, — мне казалось, что она делает это медленнее обычного. Свет по-прежнему не горел.

Лифт остановился. Я догадался, что кабина спустилась на первый этаж. Но двери не открывались. Мои пальцы опять забегали по кнопкам. С меня градом катил ледяной пот. «Только бы не потерять сознание здесь, в лифте, в полной темноте... До сюда никакая «Скорая» не доберется!»

Вдруг створки дверей разъехались в разные стороны. Я выскочил из лифта. Это действительно был первый этаж. «Что за бредятина! Какой-то бунт механизмов!»

Вот я уже на улице. Торопливо иду в сторону станции метро. Достая из кармана брюк мобильный телефон. Руки не слушаются меня, я сбавляю шаг, осторожно держа телефон двумя руками. Боюсь уронить... Звоню Маше. Гудок, другой... Наконец-то! Связь, похоже, работает.

— Алло!.. — раздается в трубке Машин голос. Мне кажется, что тон у нее взволнованный. Похоже, в ее жизни тоже что-то происходит.

— Привет, слушай, у меня тут черт-те что!.. — говорю я. — Только что едва не застрял в лифте, радио не работает... Что происходит, ума не приложу. Наш новый офис...

— А ты что же, ничего не зна... — слышу я ответную реплику, и связь обрывается.

Мне понятно, что Маша хотела сказать «ничего не знаешь», я тут же принимаюсь заново вызывать ее номер... Опять «абонент выключен», либо занято, либо мобильник никак не мог поймать сеть.

Она тоже звонила мне, потому что два раза пришла эсэмэска, что «этот абонент звонил», но, как я уже успел обратить внимание, мой аппарат большую часть времени не мог установить контакта с сетью.

Так, уткнувшись в дисплей мобильного телефона, я дошагал до станции метро. Спустился вниз, сел в поезд. Уже когда состав находился в тоннеле, мне пришла эсэмэска о том, что мне звонила мама. Что-то явно происходило... Но что?.. Я принялся смотреть по сторонам, — у кого-нибудь из попутчиков должна быть газета. Какой-нибудь заголовок в самом верху первой страницы — выше логотипа самого изда-

ния — вот что поможет мне понять, что происходит! Но газеты, как назло, ни у кого в руках не было. Все выглядели сонными, измученными — словно больными, — лишь один мужик читал книжку. Но и он как раз в этот момент схлопнул ее и положил на колени. Поезд остановился...

«Началось! — с тоской подумал я. Странно, что я до сих пор не предугадал такого развития событий. — Метро, сто процентов, будет работать хуже, чем работал лифт!»

Мне очень хотелось поговорить с кем-нибудь из пассажиров, стоявших рядом. Разузнать, что происходит в городе. Ведь наверняка происходит что-то необычное! Но я вдруг опять почувствовал легкое головокружение. «Не грохнуться бы прямо здесь, в вагоне, пока состав стоит в тоннеле!» Все-таки я опрометчиво поступил, когда поехал на работу. Надо было вызвать врача...

Поезд тронулся, некоторое время медленно полз вперед, потом опять остановился. Так повторялось несколько раз. Мои ладони были мокрыми от пота. Головокружение все усиливалось. Теперь мне уже было все равно, что происходит в мире. Главное, не упасть! В какой-то момент я даже хотел попросить одного парня уступить мне место.

Пришла еще одна эсэмэска, но я не стал доставать телефон из кармана брюк. Мне было слишком плохо — кружилась голова, подташнивало. «Только бы скорее доехать до станции!»

До нового офиса мне нужно было ехать по прямой, — оставалось всего несколько остановок.

Поезд наконец-то пошел побыстрее, добрался до станции. Торопливо выгрузил пассажиров и тут же, видимо пытаясь наверстать отставание от графика, за-

хлопнул двери и поехал в тоннель. Больше между перегонами он не останавливался.

Выскочив в вестибюль из вагона, я резко вдохнул воздух полной грудью. Настроение у меня улучшилось. «Слава богу, что не грохнулся в обморок! Нет, черт возьми, обратно надо ехать на такси. И с застрашного дня брать больничный. Что-то со мной не так!»

Я был уже на эскалаторе. Что-то заставило меня обернуться. Шатаясь из стороны в сторону, на движущуюся лестницу вступил здоровенный мужик. Лицо его было багрово-красным. Мужик неловко ухватился за поручень, затем отпустил его и начал быстро подниматься вверх. Станция находилась глубоко под землей, лента эскалатора протянулась на многие десятки метров. Здесь редко кто поднимался пешком вверх, да еще и с такой энергией. Он приближался ко мне. Я отвернулся и принялся смотреть вверх.

Через какой-нибудь десяток секунд мужик, толкнув меня, прошел мимо — вверх по эскалатору. Я достал из кармана мобильный телефон. До конца движущейся лестницы оставалось не так много. Я предполагал, что здесь телефон должен ловить сигнал станции. Индикатор и в самом деле показывал уверенный прием. Я вызвал Машин номер. При этом я продолжал смотреть вверх. Между воротом рубашки и краем волос у мужика проглядывала багрово-красная шея... «У него, должно быть, давление зашкаливает!» — подумал я. Из динамика слышались длинные гудки.

— Алло, — ответила Маша. — Где ты находишься?..
Послушай, я...

Когда она произносила эти слова, мужик вдруг качнулся назад и кубарем покатился вниз. В последнее мгновение я успел сделать шаг в сторону. Падающий мужик не сбил меня с ног, но ботинок с размаху уда-

рил меня по руке, в которой я держал телефон. Аппарат взлетел вверх и затем упал на ступени. От удара крышка отлетела в сторону, из аппарата вывалился аккумулятор.

Мужик продолжал кувыркаться вниз и остановился лишь где-то на самой середине длиннющего эскалатора. Но я на него не смотрел. Я торопился поднять со ступеней развалившийся телефон...

Оказавшись на улице, я попытался вставить аккумулятор обратно на место, но из этого ничего не получилось. Мои движения были неловкими. Я видел часы на другой стороне улицы — на фонарном столбе, что рядом с остановкой общественного транспорта. Стрелки показывали, что я уже сильно опаздывал...

Офисное здание, в котором я работал, возвышалось над небольшой площадью. Чтобы попасть в подъезд, оставалось перейти дорогу. Сделать это можно было по подземному переходу — до сих пор я так и делал. Но чтобы спуститься в него, надо было пройти еще метров пятьдесят. Еще столько же придется пройти от выхода из перехода до подъезда здания. Я видел, что на перекрестке за площадью произошла какая-то авария. Легковая автомашина столкнулась с микроавтобусом. Вместе они перегородили перекресток. Обычно в этот час движение по нему было очень оживленным. Но теперь машины сгрудились в кучу и, мешая друг другу, медленно обтекали место аварии.

Улица передо мной на какое-то короткое время оказалась почти пустой. Лишь к тротуару подъехало желтое такси «Фольксваген» да по среднему ряду неторопливо приближался грузовичок, в кузове которого стоял выкрашенный коричневой краской металлический контейнер.

Я решил сэкономить время и перебежать пока еще пустую улицу. Шагнул на проезжую часть. В этот мо-

мент дверь желтого такси открылась. Из салона выбрался пассажир в черном костюме. В руке он держал портфель.

Я перевел взгляд на приближавшийся грузовик. Мне показалось, что тот ускорился. Я решил пропустить его. В следующее мгновение произошло нечто необъяснимое. Взревев мотором, грузовик ускорился еще сильнее и неожиданно свернул в сторону. За какие-то мгновения, преодолев расстояние, отделявшее его от такси, ударил в багажник желтой машины. «Фольксваген» бросило вперед, прямо на меня...

Сознание мое померкло.

* * *

Очнулся в больничной палате. Я лежал на кровати в брюках и рубашке, верхние пуговицы которой были расстегнуты. Рядом на тумбочке — чей-то портфель. А поверх него — мой пиджак, галстук, наручные часы и разломанный телефон...

Кроме меня в палате было еще четыре человека. Один из них лежал на спине, вытянув руки вдоль тела и глядя в потолок. Казалось, ничто в мире не сможет отвлечь его от этого занятия. Двое спали, причем у обоих одеяла были натянуты поверх голов, так что мне не было видно, что это за люди. Четвертый человек лежал поверх одеяла и, уткнувшись лицом в подушку, непрерывно бормотал что-то тихим голосом.

Прислушавшись, я расслышал:

— Все кончено! Больше невозможно выносить!.. Сволочи! Мерзавцы! Сегодня был последний день. Все... Конец! Личный апокалипсис.

Мне стало не по себе. Еще я обратил внимание: те двое, тела которых не были полностью укрыты

одеялами, были, очевидно, в том же, в чем их привезли в больницу — в одежде, в которой они каждый день ходили по городу. Они выглядели, словно их привезли сюда, подобрав прямо на улице после автоаварии.

«Все это странно... — подумал я. — Но, с другой стороны, может быть — это специальная палата, в которую помещают именно тех, кто пострадал в автоавариях...»

В палату вошла нянечка в белом халате и белой круглой шапочке на голове.

— Ну что, пришли в себя? — деловито осведомилась она у меня.

Я не нашелся, что ответить.

Нянечка подошла к стоявшей возле моей кровати тумбочке. Взяла портфель, подняла его в воздух вместе с лежавшим на нем пиджаком, рубашкой, галстуком и разломанным телефоном. Протянула мне.

— Вот, вещички ваши. Забирайте!.. Я провожу вас вниз, к выходу... Вы без сознания были, когда вас принесли. Дорогу не найдете!.. Ну, давайте, вставайте! — неожиданно прикрикнула она на меня.

Ничего не понимая, я вскочил с кровати. Голова закружилась, но я удержался на ногах. Портфель, пиджак, рубашка, галстук и телефон были теперь у меня в руках. Нянечка подскочила к кровати больного, лежавшего на животе. Принялась тормошить его.

— Вставайте! Пора домой идти!.. У нас сейчас новых привезут. Полгорода сейчас сюда привезут!..

В голове у меня шумело. Не досмотрев, как человек встает с кровати, я вышел из палаты в коридор. Здесь действительно было многолюдно: около десятка больничных каталок, на которых лежали люди, стояли перед дверями палат. Несколько человек сидели под окнами прямо на полу коридора. Мимо сновали врачи

и медсестры в белых халатах. Они заходили в палаты, некоторое время находились там, потом вновь появлялись в коридоре, чтобы взяться за какую-нибудь каталку с больным и закатить ее в палату. Я подошел к широкому подоконнику, положил на него портфель. Рассовал по карманам брюк части телефона. Надел пиджак. Сунул во внутренний карман галстук. Взял в руки портфель.

И все же, что происходит?..

Я посмотрел по сторонам. В городе явно произошла какая-то катастрофа с множеством жертв. Но странно... Никто из тех, кто лежал на носилках, не был ранен — я не видел ни бинтов, ни крови... «Газовая атака?!»

Я чувствовал, что голова начинает кружиться. «Почему меня выгнали из больницы?.. Я же попал под машину!»

Кто-то похлопал меня по плечу. Я обернулся — нянечка!

— Тебе еще повезло, — проговорила она. — Тот, второй, который выходил из машины, — грузовик задал его насмерть!.. Топай скорей домой и радуйся, что пережил этот день.

Она взялась за ручки стоявшей рядом с нами каталки и двинула ее в сторону палаты.

Я вспомнил, что точно такой портфель, как я держал сейчас в руках, был у человека, вышедшего из желтого такси. Я было хотел поставить портфель прямо на пол в коридоре и уйти, но подумал, что окружающим людям это покажется подозрительным. Что, если в городе был совершен теракт? В таком случае любой бесхозный предмет в общественном месте может вызвать панику.

У меня больше не было сил. Хотелось скорее домой.

Словно зомби я спустился по чисто вымытой больной лестнице на первый этаж, прошел мимо охранников, — они ни о чем меня не спросили, — вышел на улицу. Увидел впереди ворота. За ними был какой-то широкий проспект.

Меня поразило, что, несмотря на дневное время, проспект был почти пуст...

Выйдя за ворота, я поставил портфель на асфальт и осмотрелся. Куда идти?.. Я не узнавал места. Я опустил взгляд вниз, на портфель. Присел на корточки, открыл замок, заглянул внутрь.

Он был забит пачками с деньгами. Я достал одну пачку, сунул ее в карман пиджака, закрыл портфель. Распрямылся.

Посмотрел вдоль улицы, увидел одинокое желтое такси, подошел к боршке тротуара и вытянул руку.

* * *

Я сидел на диване, когда раздался звонок в дверь. Я ждал его, поэтому пошел в коридор и открыл замок. С другой стороны двери стоял разносчик пиццы. Я сунул ему несколько крупных купюр, сказал, что сдачу разносчик может оставить себе. Взял из его рук круглый пирог с колбасой и сыром, прикрыл дверь...

Стол в комнате был уставлен бутылками: коньяк, красное и белое вино, ликеры... Все это я купил вчера по дороге из больницы домой. Таксист помогал мне тащить сумки с припасами. В конце путешествия я щедро расплатился с ним...

Вчера вечером и весь сегодняшний день я пил, заказывая еду из японских ресторанов и фирм, занимающихся развозом пиццы по квартирам и офисам...

Через час должна была приехать Маша. Вчера ей было плохо. К тому же к концу дня ей пришлось отправиться на другой конец города к престарелой бабушке и провести у нее целую ночь, — вызывать «Скорую», дежурить у кровати старушки...

Прошлым утром магнитные полюса земли резко сдвинулись в сторону. Радио, телевидение и мобильная связь до сих пор работали со значительными помехами. Но в целом обстановка постепенно стабилизировалась. Ученые, которые еще пару дней назад, имея практически все те же данные и методики исследований, что и сейчас, не смогли ничего предсказать, теперь наперебой упражнялись в комментариях. Они предполагали, что положение нормализуется самое большее, через неделю.

Мне было все равно... Я мог ждать и гораздо больший срок. Теперь, после того как я нашел портфель, в котором было полмиллиона евро, мне вообще не нужно было работать.

В портфеле я нашел банковский документ — квитанцию об оплате банковской ячейки. Тот человек, который погиб, вылезая из такси, за час до смерти вынул из своей банковской ячейки полмиллиона евро... Кем он был, для чего предназначал эти деньги — меня не интересовало. В ближайшие дни я собирался выехать по туристической путевке за границу.

Даже если кто-то будет искать портфель покойника, ему будет очень трудно определить, на каком этапе он исчез. И даже если удастся выяснить, что по ошибке отлетевший в сторону портфель был принят за вещь случайной жертвы автокатастрофы, я всегда могу сказать, что мне стало плохо, и я так и не понял, куда делся не принадлежавший мне рыжий портфельчик.

ОЛЕГ БОНДАРЕВ

СУББОТНИМ ВЕЧЕРОМ
В ПРЯМОМ ЭФИРЕ

— Камеру включил?

Когда продавец супермаркета выстрелил в меня из обреза, я думал, мне крышка. Больно было совсем недолго. Помню, как, опрокинув стеллаж со жвачкой и конфетами, рухнул на пол, как щека коснулась кафеля, грязного и холодного, а еще помню огромные черные ботинки размера, наверное, сорок пятого, не меньше — их я увидел буквально за миг до того, как отрубился.

— Вы уже разупокоили его?

Тихое «угу».

Голоса мне незнакомы. Точнее, похожие интонации я уже где-то слышал, но где именно, понять не мог. Один — явно любитель гадеть без умолка, не заткнешь. Второй, судя по всему, молчун.

Я открываю глаза и смотрю вверх, на белоснежный потолок и лампы дневного света в зарешеченных отсеках. Возможно, я уже бывал здесь раньше. Точно не скажу.

— Думаете, он долго продержится?

— Вряд ли. Глина, два фарфора... На деревянном точно сломается.

Я начинаю вспоминать эти фразы. «Глина», «два фарфора», «деревянный»... Первое и последнее можно услышать то там, то тут, но вот именно «два фарфора»... Где-то я уже это слышал.

Я пытаюсь пошевелить руками и ногами, но безрезультатно. Меня как будто связали.

— Интересно, какие имена предложит креативный отдел?

— Без понятия. Но в голосовалке наверняка победит какой-нибудь «Мозгоед» или «Труполод». Публика любит давать им подобные клички.

Скосив глаза, я увидел говоривших. Один — высокий, худющий парень лет двадцати пяти, пиджак на нем болтается, как на вешалке, русые волосы обильно смазаны гелем, отчего блестят в свете достопамятных ламп. Второй — обрюзглый седовлас, с пышными усами и толстыми губами, похожими на спаривающихся червей. Позади них — чувак в кепке козырьком назад, держит на плече огромную камеру и щурит левый глаз.

— Глядите-ка, — говорит худющий, заметив мое шевеление. — Наш Белоснежка проснулся.

Седовлас поворачивает голову, оглядывает меня придиричливо.

— И взгляд какой осмысленный... — задумчиво бормочет он.

Я хочу спросить, как оказался здесь, открываю рот, но из глотки вырывается только рычание, слабое и хриплое, как будто старый раненый лев из последних сил пытается докричаться до родичей. В этот момент он не просит помощи — он хочет, чтобы его добились, позволили бессмертной душе оставить истерзанное временем тело и умчаться на небеса.

Но родичи льва не слышат. В помещении только Пиджак и Седовлас.

— Это, надо думать, боевой рык, — шутит Пиджак, и оба они начинают смеяться.

Парень с камерой поддерживает их неуверенной улыбкой.

Хватит ржать, пытаюсь выдавить я. Объясните, что происходит?!

И Пиджак невольно отвечает на мой вопрос. Отвернувшись к камере, он говорит:

— Итак, воскрешение состоялось. Некромант Мэтью Корбин. — Седовлас поднимает руку, приветствуя публику по ту сторону экрана. — Как обычно, поработал на славу. Поглядите сами — наш новый герой будто и не умирал!

Единственный глаз камеры сурово смотрит на меня. Я не знаю, как себя вести, и потому замираю, растерянный, и даже прекращаю рычать.

— А теперь давайте поможем выбрать имя для нашего новичка, — вновь отвлекая внимание на себя, восклицает Пиджак. — Сейчас вы видите на экране пять имен. Выберите понравившийся вам вариант и отправьте его сообщением на короткий номер восемь два два четыре. Поспешите: на все про все у вас, как обычно, пять минут и ни секундой больше. Напоминаю, для тех, кто забыл: вы смотрите «Арену мертвых», субботним вечером в прямом эфире, друзья. Мы начинаем!

Услышав знакомое название, я бессильно закрываю глаза.

Лучше бы я вообще никогда не очнулся.

* * *

Шоу «Арена мертвых» появилось на экранах около года назад. Идея наживаться на покойниках показала сильным мира сего крайне удачной, и они тут же взялись разрабатывать эту плодородную почву. Современные рукопашные бои пусть и изобиловали кровавыми сценами, крайне редко заканчивались смертельным исходом. Зрители хотели оторванных рук, ног, голов и прочей расчлененки.

И, конечно же, получили — ведь зритель давно уже решает все. Как он скажет, так и будет. Чавкая остывшей картошкой и запивая ее теплой кокой, он требует новых реалисти-шоу, самых разных, отвязных, пошлых, кровавых и умопомрачительно-идиотских.

И тогда рождается «Арена мертвых», где несчастных бродяг, убитых или умерших от болезней, холода или голода, оживляют и бросают на ринг сражаться с големами на радость многочисленной публики.

— Главное, не кормить его мозгами, иначе на арене он будет чересчур вялым, — рассказывал тренер по физподготовке, надменно глядя в камеру. Периодически он протирал лысину мятым носовым платком. — А вялого зомби порвет первый же глиняный голем, что для наших рейтингов, конечно же, не айс.

Он натужно усмехнулся и подмигнул зрителям.

Пока тренер распинался перед камерой, со мной возились стилисты. Собственно, менять на что-то более приличное потрепанную куртку и разодранную выстрелом рубашку они не собирались. Наряд остался прежним. Слащавые ассистенты под чутким руководством главного стилиста лишь доводили его до ума.

— Так... — окинув меня оценивающим взглядом, задумчиво протянул седовласый дядька в изящных очках-«хамелеонах», бирюзовой рубашке, сиреневых брюках и болотного цвета мокасынах. — А теперь надорвите его джинсы вот здесь, будто он ранен еще и в ногу! Билли, черт возьми, неужели емкости с искусственной кровью хранятся так далеко, что ты разыскивал их целый час?

— На складе стеллаж упал, — буркнул означенный Билли, обрызгивая меня из пульверизатора алой

жижей. — Половина баллонов побилось. Там теперь весь пол красно-коричневый — этакая битва крови с дерьмом получилась.

— Фу, Билли! — брезгливо поморщился главный стилист. — Зачем ты говоришь такие гадости?

— Но...

— Просто заткнись, ладно? И добавь еще крови на правую ладонь — как будто он зажимал ею рану...

— А сразу после рекламы, — вклинившись между тренером и камерой, с обольстительной улыбкой сказал Пиджак, — мы узнаем, какое имя вы, дорогие телезрители, выбрали для нашего нового участника. Не переключайтесь!

Оператор в кепке опустил камеру и, шумно выдохнув, сказал:

— Ну и тяжеленная же, зараза!

— Ты как в первый раз, — фыркнул Пиджак.

— С этой — в первый. Прикинь — тяжелее старой раза в полтора! Но Грин утверждает, что картинка будет в шесть раз лучше.

— Именно в шесть? — хохотнул ведущий.

— Эй, Адам! — дернул его за рукав тренер.

— В чем дело? — с неохотой оглянулся на него Пиджак.

— Сегодня в обед ты пообещал, что отдашь реплику про рекламу мне, — хмуро заявил лысый.

— Что? Ах да, точно. Ну, видимо, сработал на автомате. Бывает.

— На автомате? Черт возьми, Адам, это была моя реплика!

— Да что ты завелся? Какая в конце концов разница, кто скажет эту чертову фразу?

— Я пообещал своей новой подружке, что передам ей привет перед уходом на рекламу, — нехотя признался тренер. — А ты мне помешал!

— О, Боже... — закатив глаза, протянул Пиджак. — Да какая, к черту, подружка, Слейв? Это ведь шоу про бои зомби и големов! Кто здесь передает приветы своим пассиям?

— Я тебя вздую, Адам, так и знай, — серьезно предупредил лысый и, шумно сопя, устремился из раздевалки прочь.

Пиджак проводил его растерянным взглядом, а потом повернулся к оператору. Тот лишь пожал плечами и сказал:

— Очень похоже на мужской климакс.

— Угу, — покачав головой, согласился Адам. — Он и есть. Чертов престарелый ловелас! Ну да ладно. Работаем... Что там у нас победило? «Белоснежка»?.. М-да, не стоило мне его так называть...

Если бы я мог, непременно сгорел бы от стыда. Меня выпустят на арену под именем «Белоснежка»! С ума сойти! Остается надеяться, что никто из знакомых и друзей не включит сегодня ТВ. Впрочем, большинство моих нынешних приятелей смотрит только те «ящики», что стоят на витринах в магазинах цифровой техники. Купить собственный им не по карману. Бродяги тратятся только на еду и выпивку, остальное для них не так уж и важно. Так что, если хозяева магазинов больше любят шоу «Девичьи тайны» или «Оголодавшие», есть шанс, что мое перевоплощение в зомби пройдет для дружков незамечено.

Хотя о том ли мне сейчас нужно переживать?..

— И вот мы приближаемся к арене, — объявил Пиджак, когда трое бугаев вытолкали каталку со мной из раздевалки и поволокли ее по темному коридору. — Скоро начнется новый бой. Пока мы готовили нашего чемпиона к поединку, вы, дорогие зрители, могли видеть глиняного голема, который

станет первым противником Белоснежки. Крайне славный болванчик, согласны? Поглядим, надолго ли его хватит.

Арена встречала нас светом софитов, ревом толпы, собравшейся на трибунах в тот вечер, и объективами десятка камер. Взгляд мой скользил по рядам болельщиков до тех пор, пока внезапно не наткнулся на знакомое лицо. Это была Кейтлин, Кейтлин Джонс, моя бывшая жена, с которой у нас не сложилось. Она единственная не радовалась моему появлению. Парень, держащий Кейтлин за руку, что-то орал, широко разевая рот, а она хмуро смотрела в мое искореженное лицо.

Все, что я мог сделать — это подмигнуть ей. Так я и поступил, чем, судя по всему, окончательно шокировал бедняжку: лицо побледнело, нарисованные брови взлетели вверх, едва не врезавшись в укладку, а рот приоткрылся.

Интересно, она поймет, что я осознанно ей подмигнул? Что это не хаотичное сокращение мышц, а настоящее приветствие? Похоже, все кругом считают меня безмозглым зомби, каковых ужасные деревянные големы разрывают на части каждую субботу. Никому и в голову не может прийти, что я в сознании, что я по-прежнему соображаю, пусть и не способен больше озвучить свои мысли.

Мне страстно захотелось расспросить ее обо всем — о жизни после «нас», о новом парне, о работе, семье, детях и ее сварливой матушке. После разрыва с Кейтлин я невольно очутился на самом дне. Потерял место в конторе, друзья, ранее охотно подливавшие пива в мой бокал, презрительно фыркнув, отвернулись от меня, а уж про налоговую и говорить нечего... То, что казалось мне невозможным, свершилось: когда я думал, что падать ниже уже

некуда, меня сделали зомби и отправили на арену драться с големами, предварительно окрестив «Белоснежкой».

Суровый мир капитализма во всей красе.

— Дамы и господа! — разнесся над ареной голос комментатора — кажется, это был Джеффри Вульф, главный эксперт по зомбоголемским боям. — Поприветствуйте сегодняшнего соискателя Белоснежку!

Рев стал еще громче, и я невольно задумался, насколько же хрупкими кажутся окружающие ристалище защитные стеклянные экраны. Мне сразу вспомнился добрый десяток сценок, где различные части тела ударялись в эти экраны и сползали вниз, оставляя на стекле кровавые полосы. Подобные сцены приводят зрителей в восторг, и они готовы отдать любые деньги, лишь бы заполучить нарезку этих моментов в свою домашнюю коллекцию.

И отдают. И получают. И кайфуют, пересматривая их днями напролет.

— Пришла пора выпустить нашего Белоснежку в свободное плаванье, — объявил Вульф.

— Обслуживающий персонал — на выход, — заявил Пиджак, обращаясь к моим провожатым. — Удачи, паренек.

Он озорно подмигнул мне, ухмыльнулся, считая, что я ни черта из сказанного им не понял, и первым устремился к выходу. Бугаи проследовали за ним, на ходу переговариваясь о чем-то, а я остался лежать, уже примерно зная, что меня ждет. Едва автоматические двери за ними закрылись, защелки сдерживающих меня ремней надсадно скрипнули. Секунда — и я наконец смог пошевелить затекшими конечностями. Тело, что греха таить, слушалось плохо. Я и раньше-то не отличался выдающейся реакцией, но сейчас все было еще хуже. На то, что-

бы сесть, повернуться и свесить ноги, у меня ушла практически минута. Складывалось впечатление, что воздух вокруг загустел и превратился в кисель. Теперь понятно, почему зомби, как правило, не проходят дальше четвертого тура — даже медлительные стальные големы шустрой оживленных некромантом покойников.

К тому моменту, как я сполз с носилок, моего оппонента уже подвели к прозрачным дверям. Глаза голема были агрессивно-красными, а огромные глиняные ладони то и дело сжимались в кулаки. Представив, что со мной может сделать подобный верзила, я невольно попятился назад. Однако там были лишь стены и закрытые двери, за которыми вот буквально только что скрылись мои конвоиры и Пиджак. Либо борись, либо умри... во второй раз.

Интересно, когда зомби отрывают руку или ногу, он что-нибудь чувствует?

Судя по всему, очень скоро я узнаю ответ на этот вопрос.

— А вот и первый соперник нашего Белоснежки, — объявил комментатор. — Назовем его Глиняный Гном. Обратите внимание на то, как он смотрит на нашу Белоснежку. Мне кажется, он хочет разорвать ее на части. А вы как считаете?

— Да! — проорала толпа в ответ.

— Шевели костями, Белоснежка! — воскликнул Вульф. — Бой начинается!

Двери открылись, и глиняный голем устремился ко мне. Шел он довольно споро, поскольку был полным внутри и почти ничего не весил. Записка, лежащая в его пустом котелке, гласила «Разорви мертвяка на части», и он, как послушный болванчик, стремился этой цели достичь. Ну а мне надо было либо развалить его голову собственными кулаками, как это

делали тупоумные зомби из предыдущих выпусков, либо придумать иной способ записку оттуда достать. С глиняными или фарфоровыми можно было действовать и так, и этак, а вот чем расколоть черепушку деревянного и, тем более, стального голема, я не представлял.

Понимая, что единственный шанс на продолжение моей послежизни — это успешное выступление на арене, я решил действовать умно, насколько только мог. Не пытаться идти напролом, а, напротив, избежать лишнего контакта и получать желаемое. Это голему до фонаря, он осыплется крошкой и даже ничего не поймет, а вот чудом сохранивший сознание зомби совершенно точно не желает снова проваливаться в небытие.

— Глядите! — воскликнул комментатор. — Кажется, наша Белоснежка забеспокоилась! Удивительно, он будто бы действительно напуган...

Не придумав ничего лучше, я обеими руками ухватился за каталку и покатил ее к голему. Он же, как шел, так и продолжил, и в центре арены мы встретились, будто два поезда, очутившиеся на одной ветке по досадной ошибке стрелочников. От столкновения каталка погнулась, но не развалилась, а вот мой противник начал осыпаться крошкой. Он умудрился сделать два шага и буквально нанизал себя на мое импровизированное «оружие-на-колесиках», прежде чем его ноги попросту отпали. Брезгливо оттолкнув от себя каталку, я отправил его «бюст» на свидание с ближайшим участком стены и не без наслаждения смотрел, как он раскалывается на части, а достопамятная записка покидает треснувший череп и, порхая, падает на пол.

— Вот это да! — не скрывая восторга, закричал Вульф. — Вы когда-нибудь видели подобное? Черт

возьми, да он ведь только что разворотил нашего Глиняного Гнома проклятой каталкой, на которой его сюда привезли! Нет, если бы я не знал, что перед нами — зомби, то решил бы, что это живой человек, всего лишь замаскированный под него...

Я стоял и вертел головой из стороны в сторону, пытаюсь отыскать в толпе Кейтлин. Нашел. Она по-прежнему выглядела напуганной. Я попытался улыбнуться ей, но, судя по всему, получилось не слишком приветливо: девушка поспешно уткнулась взглядом в пол. Парень, держащий ее за руку, обеспокоенно что-то спросил, она мотнула головой и исподлобья посмотрела на меня еще раз. Тогда я сделал вид, что куда больше интересуюсь комментаторской будкой, из которой продолжал разоряться Вульф:

— Ох уж эти ожившие мертвецы, дамы и господа... Никогда не знаешь, чего от них ждать, верно? Когда ты думаешь, что об этих ребятах тебе известно уже все, они тут же выделывают новый фортель, который ставит тебя в тупик. Так и наш Белоснежка. Возможно, нам следует переименовать парня в Гадкого Утенка, а, Адам? Ладно. Время покажет. А пока нас ждет второй бой. На сей раз два Фарфоровых Гнома попытаются отомстить убийце своего брата. Держись, Белоснежка. Второй каталки у тебя все равно нет, да и первая уже никуда не годится...

Однако с «фарфорами» я тоже справился. Причем все получилось куда как легче, чем с первым «гномом». Уже примерно представляя, на что способно мое мертвое тело, я начал лавировать между ослепительно-белыми бугаями, а они, в попытках достать меня, колошматили друг друга, что есть мочи. Когда же один потерял драгоценную записку и рухнул на пол, я треснул второго по голове оторванной от

каталки стальной трубкой. Итог — триумф. Публика ликует, я иду дальше, а Вульф продолжает восторженно вопить:

— А вот это уже напоминает стратегию, черт бы меня побрал! Вы когда-нибудь видели, чтобы зомби применял стратегию?

Купаясь в лучах дешевой славы, я затылком чувствовал испытывающий взгляд Кейтлин. Я нарочно повернулся к ней спиной, чтобы лишний раз не доносить ее угловатой мимикой зомби.

Зомби...

Черт, а ведь я стал им раньше, чем мне разворотили грудь выстрелом из обреза. Много раньше. Бесцельно бродил по затрапезным улицам огромного города, от которого за десять миль воняет дешевым равнодушием и дорогими сигарами. Единственное, что занимало мой мозг — это «где бы раздобыть денег на еду и выпивку». Собственный облик, манеры, отношения — все утратило смысл. Выпить, закусить... Выпить, закусить...

Следующий голем меня прихлопнет, понял я, глядя, как бугаи ведут связанного цепями деревянного голема. Я просто не смогу идти напролом, терпеть его удары и наносить свои, а иначе с ним никак не совладать. Как правило, девяносто процентов зомби умирало уже на этой стадии. От той же ничтожной горстки везунчиков, которые чудом «доживали» до встречи с металлическим монстром, оставались разрозненные останки, слабо трепыхающиеся и беспомощные. Финал программы, ставший каноническим — стальной голем подходит к рычащей голове зомби, давно растерявшего иные части тела, и наступают бронированной ногой на черепушку. Хруст, брызги мозгов и бурой крови во все стороны и ревушие в экстазе зрители.

Наверное, если зомби продолжают выбывать из строя в бою с деревянным, сценаристам придется придумать что-нибудь новенькое... а до этого «новенькое» следует придумать мне, иначе я вновь покину этот мир.

Уже во второй раз за сутки.

Деревянный голем блестит в свете софитов: заботливые мастера покрыли его тело лаком. Лицо моего бездушного оппонента напоминает маску. Глаза — две большие черные точки, нос — громадная запятая, рот — восемь квадратов, в два ряда по четыре штуки. Никакой мимики; тело его движется, но выражение лица неизменно. Он сделан хорошо, но без особых изысков — сделан, чтобы умереть не сегодня, так завтра.

Все — для и ради публики. Все — ей, без остатка. Ломать, крушить... а теперь — *почти* убивать. Вскоре это «почти» наверняка исчезнет, и правительство дозволит боссам телеэфира выпускать на ринг не только мертвых, но и живых людей. Еще несколько веков назад человека, которого уличили в занятиях темной магией, сжигали на костре — теперь же некроманты получают баснословные гонорары, ездят на дорогих машинах и тискают дамочек из топовых сериалов.

Все это ранее не казалось мне очевидным, но стало таковым сейчас, уже после смерти. И я, стоя посреди аренды, на песке, усыпанном глиняными обломками и стальными трубками от каталки, отчаянно размышлял о том, как поделиться этим знанием с другими слепцами.

И тут меня осенило.

Песок. Раз я не могу сказать им, я напишу.

Вульф расхваливал нового деревянного голема ровно до тех пор, пока я не вывел на песке слова «Подожди» и «Джефри».

Наверное, тише на этой арене не бывает даже в ночь с воскресенья на понедельник, когда вся обитающая в телецентре кофла допивает остатки мартины и виски в своих двух- и трехэтажных домах. Зрители, раскрыв рты, смотрели на мою надпись и не верили своим глазам. Одна только Кейтлин неуверенно улыбалась самыми уголками рта, не зная, стоит ей ли радоваться подтверждению собственной догадки или нет.

— По-смо-три-те-ка на э-то, — по слогам произнес пораженный Вульф. — Он написал «Подожди, Джефри». Вы это тоже видите, дамы и господа?

Толпа ответила нестройным хором.

— Неужели наш Белоснежка и впрямь куда разумней зомби, виденных нами ранее? — озадачился комментатор. — Ну же, парень, может, ты напишешь нам что-нибудь еще?

Подумав, я снова взялся за трубку и, пыхтя, вывел на песке:

«Остановите шоу. Я в сознании!»

Краем глаза я видел, как люди на трибунах хмурятся, перешептываются. Это окрылило меня. Неужели я смог до них достучаться?! Не думал, что это будет так просто.

Воодушевленный, я снова занес свой «инструмент» над песком, дабы развить первоначальный успех, когда Вульф внезапно натужно рассмеялся и воскликнул:

— О, постойте-ка! Кажется, все наконец-то прояснилось! Поздравляю вас, дорогие зрители — вы, как и я, только что стали жертвой презабавного розыгрыша, который придумали горячо любимые нами Адам Фальк и Мэтью Корбин!

От неожиданности я едва не выронил трубку из синей руки. Какой, к черту, розыгрыш, Вульф? При чем тут Фальк и Корбин?!

— Задумал все это Адам, а воплощает в жизнь Мэтью, — объяснил комментатор. — Смотрите, вот сейчас он заставит нашего Белоснежку запустить в мою будку этой самой трубкой... Ага, я же говорил! Ха-ха!

Отскочив, трубка полетела вниз и воткнулась в песок в паре футов от моей ноги, однако я не придавал этому никакого значения. С ненавистью я смотрел вверх, надеясь, что Вульф чувствует мой взгляд и по спине его бегают огромные мурашки...

— Но время потех прошло — пусть начнется битва! — поспешно добавил комментатор. — Выпускайте нашего деревянного гнома Щепку!

Я обернулся и увидел, как бугаи снимают с деревянного воителя цепи, как он моментально подступает к стеклу дверей вплотную и смотрит на меня своими черными пустыми глазницами. Сейчас его выпустят, и мы схлестнемся в центре арены под ободряющие возгласы толпы, которая вновь жаждет крови.

Но... почему? Почему люди верят Джеффри Вульфу и совсем не верят мне?

Потому что Джеффри Вульф уже много лет работает на телевидении комментатором, а ты последние три года — ходячий труп. Он получает огромную зарплату и покупает дорогие особняки, а ты получаешь пособие по безработице и покупаешь самое дешевое пойло, потому что ты хочешь пить, но не хочешь тратить. Его слова звучат в ушах миллионов, а ты сейчас и слова не можешь сказать — только рычишь, как во время самых продолжительных запоев.

Ты — практически ничто, а Джеффри Вульф плюет на тебя сверху, и люди восхищаются, *насколько же эстетично он это проделал.*

И лишь один взгляд из миллионов полон скорби и боли.

Я поднимаю глаза, снова смотрю на нее и вдруг понимаю, что мне нужно отказаться от идеи зажигать сердца и вносить в пустые обывательские головы умные мысли — хотя бы ради Кейтлин.

Я не хочу, чтобы она видела, как ее бывшего мужа, по-прежнему пребывающего в здравом уме и трезвой памяти, рвет на части деревянный бугай. Я хочу, чтобы она смотрела на безмозглого зомби, куклу некроманта, которую тот заставил выписывать на песке слова, дабы повеселить зрителей. Она единственная все поняла, и, если я не смогу разубедить ее в том, что мой разум цел, Кейтлин будет плохо спать по ночам и вечно корить себя за *бездействие.*

А она уже достаточно не спала по ночам, когда мы были вместе. Не хочу, чтобы она страдала еще и после моей смерти.

Двери открываются. Деревянный голем на всех порах мчится к зомби, разом утратившему в грации и уме. Зомби неуклюже ковыляет к сопернику, хрипит, рычит и пустым взглядом сверлит блестящую от лака деревянную грудь.

— Дорогие телезрители и зрители в студии! — разносится под сводами арены усиленный аппаратурой голос Джеффри Вульфа. — Позвольте напомнить: вы смотрите «Арену мертвых», субботним вечером в прямом эфире!

Я все-таки не сдерживаю кривой улыбки.

Пока вы это хаваете, шоу будет продолжаться.

ЕЛЕНА ПЕРВУШИНА

КОНТАКТ НЕВОЗМОЖЕН?

**Мужская и женская логика в повести
Аркадия и Бориса Стругацких «Малыш»**

«Толстой говорил, что можно выдумать всё, кроме психологии. А я отказываюсь понимать мотивы женских поступков. Писать же о том, чего я не понимаю, я не умею. И вообще, женщины для меня как были, так и остаются самыми таинственными существами на Земле: они знают что-то, чего не знаем мы, люди...»

Аркадий Стругацкий

«Стругацкие никогда не понимали женщин...»

Борис Стругацкий

«Феминистически настроенный философ, желающий разгадать загадку власти и решить вопрос о ее значении, должен обратиться к языку».

Джин Бетке Элштайн

I. Вступление

Психологи и лингвисты, использующие феминистский подход, давно обратили внимание на различие паттернов мужчин и женщин при вербальной и невербальной коммуникации. Оно порождено неравенством их положения, неравенством функций, приписываемых патриархатным¹ обществом мужчи-

¹ Патриархатный происходит от термина патриархат, что в буквальном переводе означает «власть отца»; не путать с «патриархальным», под которым чаще понимают «устаревший».

нам и женщинам, неравенством в стратегиях «приличий». Женщина в соответствии с патриархатными взглядами должна уговаривать и манипулировать, избегая прямой декларации своих целей, убеждений и ценностей. Соответственно, она не может использовать тот же язык, тот же словарный запас и те же риторические приемы, которые доступны мужчинам.

В 1975 году лингвист Робин Лакофф выделила несколько характеристик «женского» языка», которые я для простоты восприятия и запоминания переформулировала следующим образом.

Женщины с великолепной легкостью пользуются такими замечательными прилагательными, как «дивный», «прекрасный», «восхитительный».

Монолог женщины прерывается постоянными вопросами, цель которых установить согласие собеседника. Не правда ли?

Мне кажется, женщины постоянно используют вводные слова, цель которых, возможно, состоит в том, чтобы подчеркнуть, что они, скорее всего, высказывают частное мнение, которое легко может быть изменено.

Не кажется ли вам, что женщины часто заменяют утверждения вопросами?

По всей видимости, женщины чаще используют конструкции с оттенком вероятности.

Кое-какие женщины часто используют какие-то неопределенные местоимения, чтобы подчеркнуть, что в их высказываниях есть что-то приблизительное и неточное.

Простите меня за прямоту, но женщины постоянно извиняются за высказанные мнения.

Также очень важным является исследование, проведенное психологом Кэрол Гиллиган в 1982 году. Проанализировав суждения женщин об абортах, она пришла к выводу, что мужчины в своих стратегиях чаще нацелены на личный выигрыш («этика справедливости»), а женщины на выживание сообщества («этика заботы»).

Попробуем применить указанные положения к анализу текста, авторы которого никогда не ставили себе целью отразить гендерные различия в психологии и поведении своих персонажей. Напротив, они рисовали утопическое общество будущего, где мнение о различии ролей мужчины и женщины в общественной жизни давно признано «предрассудком». Женщины в том обществе освобождены от тройной нагрузки в виде работы, материнства и домашнего хозяйства за счет создания интернатов и максимальной механизации быта. От женщин ждут той же самоотдачи на службе обществу, что и от мужчин. Женщины обладают властью, соразмерной своим способностям и квалификации, никоим образом не зависящей от гендера. Однако авторы, сочинившие такую блистательную утопию, жили при патриархате и не смогли избежать воспроизведения патриархатных стереотипов в своих текстах.

II. Анализ текста

Для анализа я выбрала повесть Аркадия и Бориса Стругацких «Малыш» (первая публикация состоялась в 1971 году). В ней всего четыре основных персонажа (ближе к финалу присоединяется пятый), производящих достаточно развернутые диалоги и монологи. Один из персонажей — женщина, трое — мужчины; причем один из мужчин стоит выше нее по официальному статусу, второй — ниже, а третий прибли-

зительно равен, но старше по возрасту. Женщина вступает в конфликт со всеми тремя, что позволяет ей продемонстрировать целый набор стратегий поведения в ситуации противостояния. Главного персонажа — самого Малыша — я не рассматривала, ведь его паттерны поведения заявлены авторами как «нечеловеческие». Добавлю, что для российских любителей фантастики повесть до сих пор остается «знаковой», поскольку в ней Стругацкими был поднята столь болезненная и актуальная для России проблема контакта с чуждой культурой.

Краткое содержание повести в пересказе Википедии.

После того как на планете Панта возникла угроза глобальной катастрофы, земляне решили переселить пантиан на другую планету. Для этой цели была выбрана планета Ковчег, которая считалась необитаемой. Операцией «Ковчег» руководил Михаил Сигоров (Атос), а одной из групп — его друг Геннадий Комов.

Высадившись на этой планете, группа Геннадия Комова, куда входили Стась Попов, Майя Глумова и Яков Вандерхузе, нашла там разбившийся звездолет Группы Свободного Поиска (ГСП). Выяснилось, что корабль членов ГСП, Александра и Мари Семеновых, был сбит искусственным спутником планеты (предположительно, установленным Странниками), но их ребенок Пьер остался жив. Он был воспитан аборигенами. С ним установили контакт — особенно отличился обычный кибертехник Стась. После этого в самой группе возникает непреодолимое разногласие: сторонник теории вертикального прогресса Комов хочет воспользоваться Малышом как мостом к цивилизации Ковчега, не заботясь о последствиях этого для самого Малы-

ша; Майя же считает любое вмешательство в судьбу Малыша недопустимым.

Все попытки обнаружить самих аборигенов оказались безуспешны — люди смогли лишь однажды увидеть какие-то колоссальные структуры, «похожие на усики таракана высотой до неба» — возможно, самих инопланетян или их сооружения, — которые быстро исчезли. Точку в разногласиях ставит Леонид Горбовский, решивший свернуть любую, в том числе прогрессорскую деятельность на Ковчеге. План переселения на Ковчег пантиан был отменен.

1

Интересное начинается с первой страницы, когда герои осваиваются на незнакомой планете.

— Знаешь, — сказала Майка, — предчувствие у меня какое-то дурацкое...

Мы стояли возле глайдера, она смотрела себе под ноги и долбила каблуком промерзший песок.

Я не нашелся, что ответить. Предчувствий у меня не было никаких, но мне, в общем, здесь тоже не нравилось.

Майя ведет себя как подросток в разговоре со взрослым — не смотрит в глаза, успокаивает себя стереотипным движением, словно подавляя внутреннее волнение. Восприятию ее как несовершеннолетней способствует и уменьшительный суффикс в имени. На вопрос «Кто из них выше статусом?» ответ очевиден. Между тем, по условиям задачи, выбранным Стругацкими, именно Стась (Станислав Попов, от лица которого ведется повествование) — стажер, а Майя — специалист.

★ Майя разговаривает абсолютно неавторитетно, более того — осуждает сама себя практически сразу за высказанной мыслью: *«предчувствие у меня какое-то гурацкое...»*

2

Появляется новый персонаж, корабельный врач Вандерхузе, и с ходу оказывает давление на Майю.

— Да, — сочувственно произнес он. — Это очень похоже на Землю, но это не Земля. В этом вся беда с землеподобными мирами. Все время чувствуешь себя обманутым. Обворованным чувствуешь себя. Однако и к этому можно привыкнуть, как ты полагаешь, Майка?

Он прибегает к прямому внушению: *«И к этому можно привыкнуть»*. Проверяет: *«Как ты полагаешь, Майка?»* Ответить «нет» — признаться в некомпетентности, поставив себя в уязвимое положение. Еще один важный аспект мужских разговоров — построение социальной иерархии в референтной группе. Кажется, что Вандерхузе в данной ситуации говорит скорее «по-женски», переспрашивая. Однако ниже выясняется, что «неправильный ответ» чреват «репрессиями», и Майя это прекрасно осознает.

— Вот видишь, — сказала она, — даже ты не понимаешь. Ну ладно, хватит об этом. — Она села на стол напротив меня и вдруг, ткнув меня пальцем в щеку, засмеялась. — Выговорилась, и как-то легче стало. С Комовым, сам понимаешь, не разговоришься, а к Вандеру лучше с этим не соваться — сгноит в медотсеке...

То есть за Вандерхузе водится доброжелательно ловить человека на выражении эмоций и представлять эмоциональность как некомпетентность. Поэтому Майя не возражает, но и не соглашается.

Майка не ответила. Совсем она что-то загрустила сегодня. Или наоборот — злилась. Но с Майкой это, вообще-то, бывает, она это любит.

Майя не пытается поддержать разговор, хотя он для нее важен, поскольку не рассчитывает на понимание. Она заявлена в качестве эмоционально неустойчивого подростка. Характерна и оценка Стасем женской эмоциональности: «*Она это любит*». Получается, Майя «сама выбрала» испытывать тревогу, грусть или гнев. А могла бы этого не делать!

3

В другом эпизоде, пока экипаж осуществляет разведку планеты, Стась разговаривает с коллегой-мужчиной из другой группы.

— Пусто, — сказал Вадик. — Вроде кошмарно большой ванны... Ты этого не поймешь. Нормальный человек такую невероятную ванну представить себе не может. Я здесь заплыл километров на пять, сначала все было хорошо, а потом вдруг как представил себе, что это же не бассейн — океан! И, кроме меня, нет в нем ни единой живой твари... Нет, старик, ты этого не поймешь. Я чуть не потонул.

Перед нами совсем иная речь. Четкий образный язык, эмоции описаны через действия: «*как представил себе... чуть не потонул*».

Рефлексия главного героя тоже выглядит предельно рационально: *«Некоторое время я сидел просто так — глядел на рабочие экраны и гумал о том, что дело, которое мы делаем, это вдвойне хорошее дело: мы не только спасаем пантиан от неминуемой и поголовной гибели, мы еще и эту планету спасаем — от пустоты, от мертвой тишины, от бессмысленности».*

Проблема: планета безжизненна, то есть «бессмысленна». Решение: спасти планету от пустоты. Оценка: вдвойне хорошее дело.

4

Тем временем разведчики вернулись. Оказывается, они обнаружили брошенный космический корабль.

Майка со стаканчиком в руке бродила по кают-компании. Да, она была значительно спокойнее, чем утром, но все равно чувствовалась в ней какая-то напряженность, натянутость какая-то, и, чтобы помочь ей разрядиться, я спросил:

— Ну, что там с кораблем?

Проявление «эмоционального покровительства», как и в случае Вандерхузе — построение социальной иерархии в референтной группе. Но при этом Стась выбирает «язык избегания». Он не спрашивает: «Что тебя беспокоит?» Он задает эмоционально-нейтральный вопрос, перенося акцент с собеседника на объект.

Майка сделала хороший глоток, облизала губы и, глядя куда-то мимо меня, произнесла:

— Знаешь, Стась, все это неспроста.

Я подождал продолжения, но она молчала.

— Что — неспроста? — спросил я.

— Все! — Она неопределенно повела рукой со стаканом. — Кастрированный мир. Бледная немочь. Помяни мое слово: и корабль этот здесь разбился не случайно, и нашли мы его не случайно, и вообще вся эта наша затея, весь проект — все провалится на этой планетке! — Она допила вино и поставила стакан на стол. — Элементарные правила безопасности не соблюдаются, большинство работников здесь — мальки вроде тебя, да и меня тоже... и все только потому, что планета биологически пассивна. Да разве в этом дело! Ведь любой человек с элементарным чутьем в первый же час чует здесь неладное. Была здесь жизнь когда-то, а потом вспыхнула звезда — и в один миг всё кончилось... Биологически пассивная? Да! Но зато активная некротически. Вот и Панта будет такой через сколько-то там лет. Корявые деревца, чахлая травка, и все вокруг пропитано гревними смертями. Запах смерти, пони-маешь? Даже хуже того — запах бывшей жизни! Нет, Стась, помяни мое слово, не приживутся здесь пантiane, не узнают они здесь никакой радости. Новый дом для целого человечества? Нет, не новый дом, а старый замок с привидениями...

Майя говорит, по сути, то же самое, что говорили до того Яков Вандерхузе, Вадим из соседствующей группы и сам Стась Попов, и даже формулирует мысль более четко: странно и подозрительно, что при таких отличных условиях для жизни, она здесь не возникла снова после вспышки светила; если экологические ниши не заполняются естественным путем — следовательно, существует какое-то искусственное препятствие для их заполнения. Однако из-за того, что она постоянно пересыпает свою речь словами «ощущения, предчувствия, ты не поймешь», Майя не позволяет собеседнику услышать конструктивное содержание высказываемой гипотезы.

Она опять прошлась по кают-компани, остановилась передо мной и продолжала:

— Конечно, с другой стороны, параметры у планеты прекрасные, редкостные. Биологическая активность почти нулевая, атмосфера, гидросфера, климат, термический баланс — все как по заказу для проекта «Ковчег». Но даю тебе голову на отсечение, никто из организаторов этой затеи здесь не был, а если и был кто-нибудь, то чутья у него, нюха на жизнь, что ли, ни на грош не оказалось... Ну понятно, это все старые волки, все в шрамах, все прошли через разнообразные ады... чутье на материальную опасность у них великолепное! Но вот на э т о... — Она пощелкала пальцами и гаже, бедняжка, сморщилась от бессилия выразить. — А впрочем, откуда я знаю, может быть, кто-нибудь из них и почуял неладное, а как это объяснишь тем, кто здесь не был? Но ты-то меня хоть немножко понимаешь?

Кажется, что женщина действует интуитивно, но на самом деле ее логику легко восстановить. Проблема в том, что авторы, проговаривая обоснования поступков для мужчин, не могут сделать то же самое для женщины. Над ними довлеет миф об интуитивности мышления женщин, о так называемой «женской логике». Поэтому, задавая свой вопрос «Ты меня понимаешь?», Майя и не надеется получить удовлетворительный ответ.

Чуть выше Майя по тексту повести уже сделала реверанс, заранее извинившись за свою «интуитивность»:

Я вздрогнул. Она заметила, но поняла неправильно.

— Ты не беспокойся, — сказала она, печально улыбаясь. — Я в полном порядке. Просто пытаюсь выразить свои ощущения и свои предчувствия. Ты меня,

я вижу, понять не можешь, но сам посуди, что это за предчувствия, если мне на язык лезут все эти словечки: некротический, привидения...

Тем не менее, «контакт» состоялся, хотя сама Майя об этом так и не узнает.

«...А я лично вторым планом все время прикидывал, не заняться ли мне прямо сейчас профилактикой всех систем обеспечения безопасности. Правда, системы эти были рассчитаны на опасность биологическую, и невозможно было сказать, годятся ли они против опасности некротической, но при всём при том береженого бог бережет, под лежащий камень вода не течет, и вообще: тише едешь — дальше будешь».

5

Другой эпизод. На корабле находят тела погибших людей.

Все эти мысли разом вылетели у меня из головы, едва я увидел лица Майки и Вандерхузе... Майка была бледна прямо-таки до синевы, как будто ей было гурно... Уже Вандерхузе неторопливо вылез из глайдера и подходил ко мне, почему-то грустно кивая, более чем когда-либо похожий на занемогшего пожилого верблюда. А Майка все неподвижно сидела на своем месте, нахохлившись, спрятав подбородок в меховой воротник, и глаза у нее были какие-то стеклянные, а рыжие веснушки казались черными.

Вместо того чтобы сказать: «Вандерхузе был грустным», «Майка была в шоке» — Стась описывает, как они выглядели, словно он — инопланетянин и не до-

гадывается, что могут испытывать люди в похожей ситуации.

— *Что случилось?* — испуганно спросил я.

Вандерхузе остановился передо мной. Голова его задралась, нижняя челюсть выдвинулась. Он взял меня за плечо и легонько потряс. Сердце у меня ушло в пятки, я не знал, что и погумать. Он снова тряхнул меня за плечо и сказал:

— *Очень грустная находка, Стась. Мы нашли погибший корабль.*

Я судорожно глотнул и спросил:

— *Наш?*

— *Да. Наш.*

Майка выползла из глайдера, вяло махнула мне рукой и направилась к кораблю.

Мужчина рассказывает о находке, пользуясь языком избегания — устанавливает минимальный эмоциональный контакт так, чтобы его при желании можно было счесть проявлением агрессии: не обнял и даже не прикоснулся, а «взял за плечо и легонько потряс». Однако такой контакт дает ему возможность разделить эмоции и получить поддержку как бы невзначай, не проговаривая своих чувств. Женщина в то же самое время молчит и замыкается в себе.

Я не стал его дожидаться и пошел к Майке. Майка лежала на койке, подбрав ноги, повернувшись лицом к стене. Эта поза мне сразу кое-что напомнила, и я сказал себе: а ну-ка, поспокойнее, без всяких этих соплей и сопереживаний. Я сел за стол, побарабанил пальцами и осведомился самым деловым тоном:

— *Слушай, корабль действительно старый? Вандер говорит, что он разбился несколько лет назад. Это так?*

— Так, — не сразу ответила Майка в стену.

Я покосился на нее. Острые кошачьи когти пробороздили по моей душе, но я продолжал все так же деловито:

— Сколько это — много лет? Десять? Двадцать? Чепуха какая-то получается. Планета-то открыта всего два года назад...

Майка не ответила. Я снова побарабанил пальцами и сказал тоном ниже, но все еще по-деловому:

— Хотя, конечно, это могли быть первопроходцы... Какие-нибудь вольные исследователи... Двое их там, как я понял?

Мужчина использует «язык избегания». Женщина протестует, пытается говорить об истинных чувствах, которые испытывают оба.

Тут она вдруг взметнулась над койкой и села лицом ко мне, упершись ладонями в покрывало.

— Двое! — крикнула она. — Да! Двое! Коряга ты бесчувственная! Дубина!

— Подожди, — сказал я ошеломленно. — Что ты...

— Ты зачем сюда пришел? — продолжала она почти шепотом. — Ты к роботам своим иди, с ними вот обсуждай, сколько там лет прошло, какая чепуха получается, почему их там двое, а не трое, не семеро...

— Да подожди, Майка! — сказал я с отчаянием. — Я же совсем не то хотел...

Она закрыла лицо руками и невнятно проговорила:

— У них все кости переломаны... но они еще жили... пытались что-то сделать... Слушай, — попросила она, отняв руки от лица, — уйди, пожалуйста. Я скоро выйду. Скоро.

Майка не получает отклика и вновь замыкается.

Я осторожно поднялся и вышел. Мне хотелось ее обнять, сказать что-то ласковое, утешительное, но утешать я не умел. В коридоре меня вдруг затрясло. Я остановился и подождал, пока это пройдет. Ну и генек выдался! И ведь никому не расскажешь. Да и не надо, наверное.

Получается, что мужчина на самом деле испытывает те же чувства, но ему кажется невысказанным признаться в этом.

6

Сюжет идет своим чередом. Исследователи узнают, что ребенок, находившийся на корабле, выжил. Он воспитан негуманоидными инопланетянами. Через него можно начать переговоры с местной цивилизацией. На этот раз инициатором разговора является Майя — следовательно, он для нее очень важен.

— Тебе его жалко? — спросила вдруг Майка.

— Н-не знаю, — сказал я. — Почему жалко? Я бы сказал — жутко. А жалеть... Почему, собственно, я должен его жалеть? Он бодрый, живой... совсем не жалкий.

— Я не об этом. Не знаю, как это сформулировать... Вот я слушала, и мне тошно делалось, как Комов себя с ним держит. Ведь ему абсолютно наплевать на мальчишку...

Она опять извиняется. Стась извинений не принимает. Логичный и бесстрастный Геннадий Комов внушает ему большую уверенность, поэтому Стась предпочитает держаться его.

— Что значит — наплевать? Комову надо установить контакт. Он проводит определенную стратегию... Ты ведь понимаешь, что без Малыша в контакт нам не вступить...

— Понимаю. От этого меня, наверное, и тошнит. Малыш-то ничего не знает об аборигенах... Слепое орудие!

— Ну, не знаю, — сказал я. — По-моему, ты здесь впадаешь в сентиментальность. Он ведь все-таки не человек. Он абориген. Мы налаживаем с ним контакт. Для этого надо преодолеть какие-то препятствия, разгадать какие-то загадки... Трезво надо к этому относиться, по-деловому. Чувства здесь ни при чем. Он ведь к нам тоже, прямо скажем, любви не испытывает. И испытывать не может. В конце концов, что такое контакт? Столкновение двух стратегий.

Отказ от разговора о чувствах. Рационализация.

Майя грубо обрывает Стася в его же стиле: «Скучно ты говоришь. Суконно. Тебе только программы составлять. Кибертехник». Однако Стась пока не слишком напуган: «Я не обиделся. Я видел, что Майке нечего возразить по существу». Поэтому он допускает реальность по крайней мере ее чувств: «и я чувствовал, что ее действительно что-то мучает». Он начинает сеанс дружеского внушения в стиле Ван-дерхузе:

— Опять у тебя предчувствия, — сказал я. — Но ведь на самом-то деле ты и сама прекрасно понимаешь, что Малыш — это единственная ниточка, которая связывает нас с этими невидимками. Если мы Малышу не понравимся, если мы его не завоюем...

«Завоюем». Замечательный выбор слова!

— Вот-вот, — прервала меня Майка. — В том-то и дело. Что бы Комов ни говорил, как бы он ни поступал, сразу чувствуется: его интересует только одно — контакт. Все для великой идеи вертикального прогресса!

Наконец-то Стась задает прямой вопрос:

— А как надо? — спросил я.

Но Майя, получившая болезненный опыт, отвечает в стиле «избегания».

Она дернула плечом.

— Не знаю. Может быть, как Яков... Во всяком случае, он — единственный из вас — говорил с Малышом по-человечески.

Стась настаивает.

— Нет, — сказал я. — Здесь дело не в этом. Я догадываюсь, что с тобой происходит. Ты думаешь, что он — человек...

Наконец-то он говорит если не о том, что Майя чувствует, то, по крайней мере, о том, что она думает. Но тут же снова срывается на внушение. Несмотря на то что он стажер, а Майя — специалист. Он — мужчина, а она — женщина, поэтому он говорит, а она слушает.

— Ты уже говорил это, — сказала Майка.

— Нет, ты послушай. Тебе все время бросается в глаза человеческое. А ты погойди к этому с другой стороны. Не будем говорить про фантомы, про мимирию — что у него вообще наше? В какой-то степени общий облик, прямохождение. Ну, голосовые связки... Что еще? У него даже мускулатура не наша, а уж

это, казалось бы, прямо из ген... Тебя просто сбивает с толку, что он умеет говорить. Действительно, он великолепно говорит... Но и это ведь в конце концов не наше! Никакой человек не способен научиться бегло говорить за четыре часа. И тут дело даже не в запасе слов — надо освоить интонации, фразеологию... Оборотень это, если хочешь знать! А не человек. Мастерская подделка. Подумай только: помнить, что было с тобой в грудном возрасте, а может быть — как знать! — и в утробе матери... Разве это человеческое?... Вот ты видела когда-нибудь роботомандроидов? Не видела, конечно, а я видела.

Майя уходит в глухую оборону.

— Ты, кажется, хочешь сказать, что аборигены превратили его в робота? — проговорила Майка, криво улыбаясь.

— Да нет же, — сказал я с досадой. — Я только хочу убедить тебя, что всё человеческое в нем случайно, это просто свойство исходного материала... И что не нужно разводить вокруг него сантименты. Считаю, что ты ведешь переговоры с этими цветными усами...

Стась проговаривается. Он хочет не выслушать и понять Майю, он хочет ее убедить в своей исключительной правоте.

Снова мужчина отбрасывает мысль о том, что перед ним человек, что с ним можно установить связи на эмоциональном уровне. Женщина протестует. Она пытается ответить, что, кем бы ни был Малыш, они-то остаются людьми и могут вступать в контакт только в этом качестве. Чуть раньше она уже высказывала схожую мысль:

— Не в этом дело. Понимаешь ли ты, в чем состоит главная задача всякого контакта? — спросила она. — Понимаешь ли ты, почему человечество вот уже двести лет стремится к контактам, радуется, когда контакты удаются, горюет, когда ничего не получается?

Я, конечно, понимал.

— Изучение разума, — сказал я. — Исследование высшего продукта развития природы.

— Это, в общем, верно, — сказала Майка, — но это только слова, потому что на самом-то деле нас интересует не проблема разума вообще, а проблема нашего, человеческого разума, иначе говоря, нас прежде всего интересуем мы сами. Мы уже пятьдесят тысяч лет пытаемся понять, что мы такое, но, глядя изнутри, эту задачу не решить, как невозможно поднять себя самого за волосы. Надо посмотреть на себя извне, чужими глазами, совсем чужими...

При этом негуманоидные обитатели планеты устанавливали с Малышом контакт посредством эмоций: «Мне было холодно. Я хотел есть. Я так сильно хотел есть и чтобы было тепло, что случилось так». (Практически так же устанавливают родители контакт с «нормальными» младенцами.)

7

В конце концов Майя сознательно срывает контакт, не желая, чтобы Малыша воспринимали как объект. После этого Стась разговаривает в ней с позиций силы, как полицейский с преступником: «Я спросил, стараясь говорить вежливо, но строго». И Майя легко принимает такой формат беседы.

— Прежде всего я хотел бы узнать, случайно или нарочно?

— Нарочно. Что дальше?

— Дальше я хотел бы узнать: для чего ты это сделала?

— Я сделала это для того чтобы раз и навсегда прекратить безобразие. Дальше?

Женщина не верит, что с ее мнением будут считаться, и уходит в глухую оборону, хотя сам Стась признает позже: «из нас четверых именно Майка первая поняла, как тяжело Малышу и как он нуждается в помощи».

— Какое безобразие? О чем ты говоришь?

— Потому что это отвратительно! — сказала Майка с силой. — Потому что это было бесчеловечно. Потому что я не могла сидеть сложа руки и наблюдать, как гнусная комедия превращается в трагедию. — Она отшвырнула книжку. — И нечего сверкать на меня глазами! И нечего за меня заступаться!.. Всё равно я уйду. Уйду в школу и буду учить ребят, чтобы они вовремя хватали за руку всех этих фанатиков абстрактных идей и дураков, которые им подпевают!

Майя срывает контакт без предупреждения — она прекрасно, знает что если бы попыталась рассказать о своем видении ситуации, ее перестали бы слушать на второй секунде. Спор мужчины с женщиной — спор глухого с немым.

На связь с планетой выходит суперавторитет Леонид Андреевич Горбовский — значимый персонаж для братьев Стругацких, появляющийся в других произ-

ведениях и руководствующийся максимой «Из всех возможных решений выбирай самое доброе». Он выстраивает ситуацию заново. Сначала высказывается начальник группы Геннадий Комов.

— Леонид Андреевич, — произнес Комов жестко. — Давайте говорить прямо. Давайте выскажем вслух то, о чем мы с вами сейчас думаем, и то, чего мы опасаемся больше всего. Я стремлюсь превратить Малыша в орудие Земли. Для этого я всеми доступными мне средствами и совершенно беспощадно, если так можно выразиться, стремлюсь восстановить в нем человека... Я уверен: мы сумеем убедить Малыша, что наши цивилизации — это равные партнеры со своими достоинствами и недостатками, и тогда он, как посредник между нами, сможет всю жизнь черпать и с той, и с другой стороны, не опасаясь ни за тех, ни за других. Он будет горд своим исключительным положением, жизнь его будет радостна и полна... — Комов помолчал. — Вот моя точка зрения, Леонид Андреевич.

Он не пытается заставить Горбовского принять свою точку зрения, он вызывает собеседника на поединок — как равный равного.

— Понимаю, — сказал Горбовский. — Знаю ваши идеи, ценю их. Знаю, во имя чего вы предлагаете рискнуть. Но согласитесь, риск не должен превышать какого-то предела. Поймите, с самого начала я был на вашей стороне. Я знал, что мы рискуем, мне было страшно, но я все думал: а вдруг обойдется? Какие перспективы, какие возможности!.. И еще я все думал, что мы всегда успеем отступить. Мне и в голову не приходило, что мальчик окажется таким коммуника-

бельным, что дело зайдет так далеко уже через двое суток. — Горбовский сделал паузу. — Геннадий, контакта ведь не будет. Пора бить отбой.

Понимая, что апелляция к авторитету и иерархии нанесет Комову моральную травму, Горбовский разговаривает с ним с уважительных позиций, стараясь обосновать свое решение объективными обстоятельствами.

— Странники считали эту планету запрещенной, много объяснения я придумать не могу. Вопрос: почему? В свете того, что мы знаем, ответ может быть только один: они на своем опыте поняли, что местная цивилизация некоммуникабельна, более того — она замкнута, более того — контакт грозит серьезными потрясениями для этой цивилизации... Насколько я помню, вы всегда с большим уважением отзывались о Странниках, Геннадий.

И тут оказывается, что его волнует не только душевное состояние Комова:

«Но дело в том, что между нашими двумя цивилизациями, как между молотом и наковальней, оказалась сейчас третья, и за эту третью, Геннадий, за единственного ее представителя, Малыша, мы вот уже несколько суток несем всю полноту ответственности».

Леонид Горбовский — андрогин. Он не закрывается от эмоций, но может объяснить их логически. Он понимает «этику справедливости», но руководствуется «этикой заботы», описанной вышеупомянутой Кэрол Гиллиган так: «Моральный императив, постоянно всплывающий в интервью с женщина-

ми, — это обязанность заботиться, обязанность распознавать и смягчать реальные и осознаваемые проблемы нашего мира. Для мужчин же нравственный императив проявляется скорее в качестве обязанности уважать права других людей и таким образом оберегать от нарушений право на жизнь и самореализацию».

Возможно, попытка прописать женскую «логику-интуицию» в «Малыше» помогла братьям Стругацким набросать оригинальные черты образа Горбовского, который в последующих текстах по воле авторов прощается с утопическим миром, построенным на мужской этике справедливости.

III. Вывод

Интересно, что в первоначальной редакции текста Майя была мужчиной. В своих воспоминаниях Борис Натанович Стругацкий ничего не пишет о том, что заставило братьев поменять персонажу пол. Их об этом уже не спросишь, но мы можем спросить себя: кажется ли нам такая замена обоснованной и логичной?

Работая над повестью «Малыш», Стругацкие вовсе не ставили себе целью (даже побочной) обрисовать различие гендерных стратегий и их успешности в патриархатном мире нового типа, проповедующем миф о равенстве полов, но бесконечно далеком от настоящего равенства. Однако Стругацкие, сами того не желая, убедительно доказали следующий тезис: эффективное взаимодействие людей в будущем (включая освоение космоса и постижение тайн мироздания) НЕВОЗМОЖНО без разрушения гендерных ролей. Потому что нельзя вечно надеяться на вмешательство Горбовского.

НА РАНДЕВУ С ФАНТАСТИКОЙ — ТРИ ЗНАМЕНИТЫХ ПОЭТА

1

Сорок лет назад всемирно известный французский литературовед-структуралист и теоретик фантастики Цветан Тодоров написал в своём труде «Введение в фантастическую литературу»: «Взаимно друг друга исключают фантастическое и поэтическое. Поэтическое прочтение представляет собой препятствие для фантастического... Для возникновения фантастического требуется наличие реакции на события, происходящие в изображаемом мире. Поэтому фантастическое может существовать только в вымысле... Не существует «фантастической поэзии»! (Тем более — «научно-фантастической».)

А ведь ещё задолго до нашего Перельмана и американца Гернсбека английский поэт и эссеист Уильям Уилсон (William Wilson), автор «A House for Shakspeare», в своей «Маленькой важной книжке на большую старинную тему» (A Little Earnest Book upon a Great Old Subject), вышедшей в Лондоне в 1851 году, даже в подзаголовок X главы ввёл ставшее через сто лет чрезвычайно популярным словосочетание «Science-Fiction»! Признавая важность обращения поэтов к философии и науке, он писал: «Science-Fiction, в которой открытия современной науки сплетены с захватывающей историей, может быть не только поэтической, но и верной фактам». Такие дела...

★ Почти тридцать пять лет спорят с утверждением Тодорова и поэты из Американской Ассоциации НФ-поэзии, ежегодно присуждающие за «фантастическую поэзию» премию Райслинга (да ещё в двух номинациях). Россия не Америка, вот у нас «фантпоэзии» как явления действительно нет. Но нескромному очарованию фантастики в разное время поддались немало даже известных русских поэтов.

В начале шестидесятых годов прошлого столетия поэтические выступления собирали тысячные аудитории. Это и вечера в Политехническом музее, и ночная площадь Маяковского с взволнованными слушателями... 30 ноября 1962 года стихи впервые в истории вышли на стадион — в «Лужниках» родилась «стадионная поэзия»! Кто был тогда «на коне»? Ахмадулина, Светлов, Окуджава, но прежде всего тройка тридцатилетних, но таких разных поэтов — Вознесенский, Евушенко, Рождественский. Со временем сказалась разновекторность их талантов, но вот в памяти старшего поколения эти имена связаны навсегда. Что интересно — прирождённый «эстрадник» Евушенко, «формалист» Вознесенский, Роберт Рождественский («наш советский Евушенко») — все трое оказались равнодушны к фантастике! Хотя выразилось это в их творчестве совсем по-разному.

Роберт Иванович Рождественский (1932—1994) славен был прежде всего ярко выраженной гражданской ответственностью и высокой патетикой. Не только затрагивал важные морально-этические вопросы, но и писал тексты очень популярных в Союзе песен. И в то же время первым из «троицы» обратился к фантастиче-

ским темам. В совсем новом, но уже набирающем популярность «оттепельном» журнале «Юность» (№ 10 за 1956 год) на всю одиннадцатую страницу опубликовали его «Стихи о противостоянии» — и как же они начинались?

«Марсианский профессор/ читает доклад./ Зал/ пленён/ остроумием новых идей/ и цитатами/ из марсианских вождей./ Мудрый спор идёт/ уже много лет:/ есть ли жизнь на планете Земля/ или нет?»

Куда уж фантастичнее...

«Марс,/ обитель таинственных Аэлит.../ Ты плывёшь,/ красным светом облит.../ Слышишь, Марс!/ Всё равно я к тебе приду».

В том же журнале ровно через семь лет (№ 10 за 1963 год) уже на двенадцати страницах и с рисунками Анатолия Брусиловского разместилось «Письмо в тридцатый век». Поэма эта, конечно, больше о веке двадцатом, но начинается она следующем пассажем:

«Эй,/ родившиеся в трёхтысячном,/ удивительные умы!»

И штрихи той удивительной (естественно — коммунистической) жизни поэт всё же рисует:

«В трёхтысячном/ в дебрях большого музейного здания/ вы детям/ о нашем столетье/ рассказывать станете.../ Ну как живётся вам/ в тридцатом веке?/ Кто из людей планеты/ мир/ потряс?/ Какие Сириусы/ какие Веги/ в орбитах/ ваших беспокойных трасс?»

Но только штрихи, для советского поэта главное — современность: «Да!/ Мы — камни / в фундаментах/ ваших плотин.../ Завидуйте нам!»

Элементы «космической фантастики» встречаются также в поэме «Пятнадцать минут до старта» (1959), стихотворениях «НЛО» (1982) и «Мир мечется без сна...» (последнее включено в сборник «Байконур —

Вселенная», 1987). Но всё это лишь малая толика из творчества секретаря Правления СП СССР, лауреата Госпремии, награждённого пятью орденами...

3

Андрей Андреевич Вознесенский (1933—2010) к научно-космическим темам особо склонен не был, но «фантастическое» в его стихах с начала шестидесятых годов также появляется. Это совсем другая фантастика.

«Да здравствуют Антимиры!/
Фантасты — посреди
муры./

Без глупых не было бы умных,/ оазисов — без Каракумов».

«Кто ты? бред кибернетический?/
полуробот? полудух?/

Помесь королевы блюза/
и летающего блюдца?»

В «Антимирах» (1961) и «Нью-йоркской птице» (1961) — только подступы, но вот «Оза (Тетрадь, найденная в тумбочке дубненской гостиницы)» (1964) — нет в поэме и впомине восхищения наукой, нет никакой патетики.

«Экспериментщик, чертова перечница,/ изобрёл агрегат ядрёный./

Не выдерживаю соперничества./ Будьте прокляты, циклотроны!»

Наука, конечно, великая сила, но она такое может сотворить:

«Связи остались, но направление их изменилось.../
Деревья лежали навзничь, как ветвистые озёра,/ зато тени их стояли вертикально.../

Глубина колодца росла вверх, как чёрный сноп проектора...» Изображая «оборотный мир», поэт использует средства условности, фантастики, сатиры, выступая против облованивания/роботизации человека. Именно с фантазмагорийной задачей Вознесенский ввёл в поэму прозаические куски, и протокольная проза стала «чудовищнее» фантазии...

В 1975 году увидел свет «Монолог читателя на Дне поэзии 1999»:

«Четырнадцать тысяч пиитов/ страдают во тьме Лужников./

Я выйду в эстрадных софитах —/ последний читатель стихов...

Мне грянут аплодисменты/ за то, что выслушал их».

А ведь похоже на нынешнее положение вещей, но не в поэзии — в фэндоме «просто читателя» не так-то просто найти, днём с огнём не найти его на фант-конвентах!..

Ещё в семидесятые заметили «феномен Вознесенского» — двойственность его поэзии, а именно — то-ску по подлинности/серьёзности и невозможность отказа от иронии и вышучивания этой самой серьёзности... К примеру, фантастическое и шутейное граничат с серьёзным в истории мамонтёнка, найденного в вечной мерзлоте — поэме «Вечное мясо» (1977).

«Посапывал мамонтёнок, от времени невредимый,/ отгаивал, точно тоник, на рыжих шерстинках иней./ Водители пятитонок его окрестили Димой./

Зачем разбудили Диму?/ На что ты обиделся, Дима?../ Мамонт пролетел над Петрозаводском,/ Трубя о своём сиротстве...»

Но сквозь всё шутейное проходит «красной нитью»:

«Чем больше от сердца отрываешь,/ Тем больше на сердце остаётся...»

Есть у Вознесенского стихотворение с чётко определённой волей автора принадлежностью. «Изумрудный юмор» имеет подзаголовок «научно-фантастические стихи». Но представления поэта об «НФ» — специфические, очень поэтические и, в то же время, в чём-то пародийно-обывательские. С одной стороны, он пишет:

«Я разрабатываю метафору/ что стало духовным каналом связи...»

А тут же: «НЛОжницы — / отличные наложницы,/ принимают форму Венеры и Вирджинии Вульф,/ а если сможете, то двух».

И начинается стихотворение с одной из любимейших тем обывателей тех лет:

«Я вас предупреждал о неопознанной/ летающей О»./ Нынче всех повело:/ ноль становится НЛО./ Изумрудный юмор летает в мире,/ принимая форму Ту-104...» Что тут скажешь... Сам поэт в конце напишет: «...Сейчас перечитываю с интересом,/ что записал я, не понимая...»

Что касается «летающей О» — то это намёк на опубликованную в «Новом мире» (№ 11 за 1982 год) без всяких подзаголовков прозу. В «О» все главки начинаются на эту самую букву: «Однажды в душный предгрозовой полдень я забыл закрыть форточку и ко мне залетела чёрная дыра...» Вот так!

Маяковский мог «пить чай с Солнцем», почему Вознесенскому не пообедать с чёрной дырой? Хотя вначале поэт «в ужасе забился в угол»...

Чёрная дыра явилась в облике «0»... А это одновременно звук «О» и математический знак «нуля». Похоже выглядит (так пишут) в одной из математических моделей на стыке пространств эта самая «ЧД»... Тут поэт выступил чуть ли не «популяризатором»: «Она была

шарообразна...» В остальном же — поэтическое прежде всего. Одинокая, с возможностью полной гибели, наша цивилизация (она же ЧД) осталась жить у поэта... «Она передавала мысли... Но иногда издавала странный вздох, напоминающий наше «О»... Я звал её именем О».

Фантастичен только посыл, в остальном тексте фантастика определяющей роли не играет. Вознесенский пишет о скульпторе Муре, о Театре на Таганке, Шостаковиче, Бретоне и Арагоне, о собственном деде и его ульях, о первой своей книжке... Так что называть текст «фантастической повестью», как иногда делают, не правомерно, это — «проза поэта»!

Вознесенский — поэт! То, что он лауреат советской Госпремии, почётный (иностраный) член десятка академий, как-то: Американской Академии искусств, Баварской Академии искусств, Гонкуровской академии, Французской Академии имени Малларме и прочих — это только внешние проявления. А вот то, что на стихи Вознесенского написано множество популярных песен (только «Миллион алых роз» чего стоит) — вот это кое-что значит...

4

Евгений Александрович Евтушенко, недавно встретивший своё восьмидесятилетие, за шестьдесят с лишним лет творческой деятельности, как бы подтверждая тезисы Тодорова, написал лишь пару-другую стихов «с элементами фантастики». Вот «Прелестный» сон», увидевший свет в «Юности» летом 1988 года:

«Здесь на прилавках/ груды убеждений./ Их продают из лучших побуждений.../ Здесь продают друзей, отцов и братьев,/ Страх наказания божьего утратив.../ А по ночам/ сгребают самосвалы,/ как выкидышей, наши иде-

алы...» «Сон», что ни говори, фантастический «жанр»... Но этот «сон» в руку оказался, хотя четверть века назад подобные ситуации казались только возможными...

Многое из того, что волновало поэта в те давние уже восьмидесятые, поэт сумел выразить в своей фантастической повести «Ардабиола», опубликованной всё в той же «Юности» в марте 1981 года. Начинается всё в битком набитом трамвае — кто ж в таком не думает о бессмысленности жизни?.. Но не герой повести, только что защитивший кандидатскую генетик Ардабьев. «Пытаясь стать гениальным», он скрестил ген мухи цеце с геном сибирского фэдюнника и получил «дитя насекомого и растения» ардабиолу, плоды которой обладают антиканцерогенными свойствами! Настоящая «научная фантастика». Да только гораздо важнее для автора просто жизнь — смерть Ардабьева-старшего, ссора с женой, пресловутый «дефицит»... Из-за джинсов (даже не «фирменных») тройка пацанов избивает учёного до потери памяти, он забывает о своём открытии... И заканчивается повесть чуть ли не «мистически»: поражённый «предательством отца», куст ардабиолы выбрасывается из окна на новую «Волгу» — тут и настаёт момент «вспомнить всё»!

Повесть родилась из совершенно реальной истории, но чтобы усилить разоблачительный посыл тогдашнего, почти всеобъемлющего «вещизма», Евтушенко прибегает к смешению реальности с фантастикой, создавая «метафорическое» произведение. А в многоплановом романе «Ягодные места» (1981), над которым он работал семь лет, писатель попытался совместить уже несколько идейно-стилевых пластов: реалистическое живописание, лирическую прозу, сатиру, фантастику. Фантастики немного, лишь в конце романа, действие в основном происходит в те самые дни в сибирской тайге. Но роман «мозаичен», пишет

автор о Гагарине и других космонавтах, о Циолковском тоже пишет.

«Пролог» Евтушенко помещает в окончание романа, именно тут вся «фантастика» (восемь страниц) и сосредоточена. КЭЦ (К. Э. Циолковский) и не подозревает, что за ним наблюдают «два незримых существа»! Ы-Ы и Й-Й, два лучистых атома из Галактики Бессмертия, где давно уж решён вопрос о переходе жителей в лучевое состояние. И даже их наш КЭЦ удивляет, ведь он «уже и сейчас бессмертен...». Сам же Циолковский в тяжких раздумьях, он сильно сомневается, что изменение психики произойдёт в близком будущем, а без этого... Правильно сомневались Циолковский/Евтушенко — психика человека мало изменилась за тысячелетия...

Проза лауреата Госпремии СССР, орденоносца, почётного члена Испанской и Американской академий только подчёркивает, что он всегда (по возможности первым) стремился высказаться по самым животрепещущим вопросам современности, истории, морали, политики, литературы!

5

Две повести, эпизод романа, три поэмы, два десятка стихотворений за полсотни лет — фантастическую литературу три знаменитых поэта не очень обогатили. Но для собственного творчества обращение к фантастическим темам и сюжетам оказалось достаточно плодотворным и оправданным. Читателей эти произведения находили как во времена публикаций («Ардабиола», к примеру, издана в Австрии, Греции, Индии, Швеции), так и в нашем компьютерно/интернетовском веке.

СОДЕРЖАНИЕ

Василий Головачёв. СОЛНЦЕ МЁРТВЫХ. Рассказ	5
Александр Золотько. ЯСНАЯ ПОЛЯНА. МЕСТЬ АННЫ. Рассказ	37
Антон Фабр. РИМ. Повесть	52
Владимир Аренев. СВЕТОЧИ. Рассказ-предупреждение	113
Эдуард Байков. ЭПИФЕНОМЕН. Рассказ	138
Александр Бачило. ПРИПРАВА. Рассказ	149
Людмила и Александр Белаш. МУХА. Колониальный романс	167
Игорь Вереснев. ГОСТИНЦЫ К РОЖДЕСТВУ. Рассказ	235
Евгений Гаркушев. СЧЕТЧИК В СТАКАНЕ. Рассказ	260
Майк Гелприн. КРУГОСЧЁТ. Рассказ	280
Андрей Дашков. ОПТИМИЗАЦИЯ ОСТАНКОВ. Рассказ	299

Дарья Зарубина, Игорь Минаков. ИДУЩИЕ ЗА ТОБОЙ. Рассказ	312
Николай Калиниченко. ВЯХРА. Рассказ	353
Владимир Аренев. ЗАЛОГ СТАБИЛЬНОСТИ. Рассказ	399
Кристина Каримова. ЛИЧНЫЕ ЖЕЛАНИЯ. Рассказ	402
Наталья Трубчанинова. РОЗОВЫЙ И ПУШИСТЫЙ. Рассказ	428
К.А. Терина. ОЛОВЯННЫЙ ЛЁТЧИК. Рассказ	430
Антон Первушин. ВЫБОР ТВОРЦА. Рассказ	454
Владимир Марышев. СУД. Рассказ	476
Игорь Минаков, Максим Хорсун. СТОЛПОТВОРЕНИЕ. Рассказ	481
Геннадий Тищенко. ТОРЖЕСТВО ЖИЗНИ. Рассказ	527
Дарья Зарубина. ЗОЛОТАЯ И АЛАЯ. Рассказ	545
Сергей Волков. ПИКАПЕР. Рассказ	570
Юрий Иванович. СОКРАЩЁННАЯ ОЛИМПИАДА. Рассказ	580
Дмитрий Казаков. КРОВЬ НА СНЕГУ. Рассказ	594
Милослав Князев. ПЯТАЯ МЕДАЛЬ. Рассказ	609

Алексей Корепанов. ЧАСЫ ДЭВИСА. Рассказ	619
Джордж Локхард. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ЗЕМЛЮ. Рассказ.....	624
Тимур Алиев. КАК ВСЕ. Рассказ	639
Андрей Фролов. АВТОРСКАЯ КОРРЕКТУРА 45-ГО КАЛИБРА. Рассказ	663
Нина Цюрупа. ОШЕЙНИК. Рассказ.....	697
Юлиана Лебединская. ОНИ ИСПОЛНЯЮТСЯ. Рассказ	734
Юлия Зонис, Игорь Авильченко. ЦВЕТЫ ЗЛА, ТЕРНИИ ДОБРА. Рассказ	740
Глеб Соколов. КРАШ-ТЕСТ. Короткий триллер	768
Олег Бондарев. СУББОТНИМ ВЕЧЕРОМ В ПРЯМОМ ЭФИРЕ. Рассказ	781
Елена Первушина. КОНТАКТ НЕВОЗМОЖЕН? Эссе	797
Валерий Окулов. НА РАՇДЕВУ С ФАНТАСТИКОЙ – ТРИ ЗНАМЕНИТЫХ ПОЭТА. Очерк.....	819

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА – 2014

Ответственный редактор *И. Минаков*
Редактор *Е. Михайленко*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *М. Лазуткина*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша

арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 2 51 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФо техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 12.11.2013. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «Балтика». Печать офсетная. Усл. печ. л. 43,68.
Тираж 3000 экз. Заказ 5457/13

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь, www.pareto-print.ru

ISBN 978-5-699-69279-8

9 785699 692798 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: International@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*

International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.**

E-mail: vpzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА 2014

В пределы Солнечной системы вторгаются артефакты инопланетного происхождения. Самым мощным и загадочным стали Рога – гигантское сооружение, дрейфующее внутри орбиты Меркурия, исследовать которое до конца так и не удалось. Полковник Российских Войск Космического Назначения Денис Молодцов должен сделать все, чтобы предотвратить гибель Земли...

На опытной биостанции «Заря-Рокша» российским ученым впервые удалось воссоздать живого мамонтенка.

Но успех праздновать пока рано. Отечественные чиновники и западные бизнесмены не останавливаются ни перед чем, чтобы погубить уникальный проект...

Аборигены далекого мира воздвигают огромную башню, перед загадкой которой пасуют представители земной цивилизации... Вернее, сразу нескольких земных цивилизаций...

Василий Головачев, Антон Первушин, Александр и Людмила Белаш и многие другие в традиционном ежегоднике «Русская фантастика»!

